

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

К. М А Р К С

И

Ф. Э Н Г Е Л Ъ С

СО Ч И Н Е Н И Я

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ
ПУБЛИЦИСТИКА-ФИЛОСОФИЯ-ИСТОРИЯ

ОТДЕЛ ВТОРОЙ
КАПИТАЛ
ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ
ПЕРЕПИСКА

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ
УКАЗАТЕЛИ ПРЕДМЕТНЫЙ И ИМЕННОЙ

**ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!**

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

К. МАРКС

И

Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. АДОРАТСКОГО

Т О М

XVI

Ч А С Т Ь II

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП(б) 1936

Ф. ЭНГЕЛЬС

СТАТЬИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

1890—1895

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Во второй части XVI тома собраны работы Энгельса 90-х годов, кончая последними его статьями — введением к брошюре Маркса «Классовая борьба во Франции», опубликованным еще при жизни его, а также опубликованной уже после его смерти работой «Закон стоимости и норма прибыли» и заметкой «О бирже».

В связи с введением Энгельса к брошюре Маркса «Классовая борьба во Франции» необходимо здесь вкратце остановиться на искажении этого введения оппортунистами. Именно эту работу Энгельса оппортунисты выставляли как его политическое завещание, в котором он якобы порывал со своим революционным прошлым и будто бы рекомендовал рабочим добиваться своих целей *только* мирным путем, — с помощью избирательных бюллетеней, — путем парламентаризма, ни в коем случае не сходя с почвы легальности. Энгельс сам решительно протестовал против такого извращения его мыслей.

Обстоятельства публикации «Введения» Энгельса были таковы: руководители германской социал-демократии решили подвергнуть статью Энгельса цензуре, вычеркнуть ряд мест, в которых Энгельс, на взгляд этих лиц, чересчур откровенно говорил о революционном характере рабочего движения и о неизбежности перехода от парламентских методов к высшим, революционным формам борьбы — вооруженному восстанию и гражданской войне.

Фишер, в качестве заведующего издательством «Vorwärts», обратился к Энгельсу с письмом, в котором просил Энгельса согласиться на вычеркивания и изменения некоторых формулировок. Он ссылаясь на то, что чересчур резкие формулировки Энгельса могли бы быть использованы к выгоде противников социал-демократии в то время, когда в Германии в середине 90-х годов опять подготавливался новый исключительный закон против революционной рабочей партии (Umsturzvorlage).

«Враждебно настроенному противнику, — писал Фишер Энгельсу 6/III 1895 г., — не трудно будет сделать вывод из твоего изложения: 1) признание, что мы в настоящее время не делаем революции только

потому, что мы недостаточно сильны, потому, что армия недостаточно заражена (*infiziert*), — что для законопроекта против революционной партии (*Umsturzvorlage*) и требовалось доказать, и 2) что в случае войны или иных каких-либо затруднительных осложнений перед лицом врага отечества мы, подобно Коммуне, поднимем знамя восстания. Подобный «материал» — это же прямо-таки «лакомый кусок» (*Leckerbissen*), а все объяснения с нашей стороны рассматривались бы только как попытки оправдаться или как отпирательство».

Ответ Энгельса на это письмо социал-демократы спрятали. Только по ответному письму Фишера от 14/III 1895 г. можно судить, что Энгельс, давший согласие вычеркнуть некоторые места, отнюдь не разрешил, однако, что-либо менять в его формулировках и высказывал, очевидно, не мало горьких истин в ответ на это послание одного из руководителей рабочей партии.

«В своих замечаниях, — писал Фишер, — ты исходишь из совершенно неправильных предположений. Никому из нас не приходило и в голову «душой и телом оставаться в рамках законности» («*uns mit Leib und Seele der Gesetzlichkeit zu verschreiben*» — фраза из письма Энгельса, которую Фишер привел в кавычках)... Не прав ты по отношению к нам и в том, что предполагаешь, будто мы поддались противнику и признали законность в качестве *морального* обязательства».

Насколько прав был Энгельс, показала дальнейшая позорная эволюция вождей германской социал-демократии, завершившаяся их изменой делу пролетариата в 1914 г.

Но мало того, что «Введение» было подвергнуто цензуре. Напечатанное в целом, оно даже после этой цензуры все же не могло быть истолковано оппортунистически без прямых натяжек и извращения мысли Энгельса. Социал-демократические вожди не удовлетворились ролью цензоров Энгельса, они сделали далее попытку фальсифицировать его взгляды. В центральном органе германской социал-демократии Либкнехт опубликовал из «Введения» отрывок, подав его таким образом, что Энгельс выглядел законопослушным сторонником легальности. С негодованием Энгельс писал об этом 1/IV 1895 г. (письмо Каутскому): «К своему удивлению, я нашел сегодня в «*Vorwärts*» напечатанный, без всякого разрешения с моей стороны, отрывок из моего «Введения», преподнесенный так, что я выгляжу мирным поклонником законности во что бы то ни стало. Тем более я хочу, чтобы все «Введение» в целом появилось в «*Neue Zeit*» и таким образом было бы изглажено позорное впечатление.

Либкнехту, а также и тем, кто бы они ни были, кто предоставил ему возможность так извратить мои мысли, я выскажу по этому поводу свое мнение совершенно определенно».

3 апреля 1895 г. Энгельс написал письмо Лафаргу, которое тот опубликовал в 1900 г. в «Le socialiste».

«Либкнехт (в опубликованном тексте фамилия не была названа), — писал Энгельс, — сыграл со мной недурную штуку. Он выбрал из моего введения к статьям Маркса о Франции 1848—50 гг. все, что могло ему пригодиться для того, чтобы поддержать мирную во что бы то ни стало тактику, тактику, отрицающую насилие, ту тактику, которую ему угодно проповедывать с некоторых пор, особенно теперь, когда в Берлине готовят исключительные законы. Но я высказываюсь в пользу этой тактики только для *современной Германии*, да и то *со значительной оговоркой*. Для Франции, Бельгии, Италии, Австрии целиком придерживаться этой тактики было бы нельзя, а для Германии она может стать неприемимой завтра».

Во «Введении» Энгельса достаточно ясно очерчена обстановка, сложившаяся в Германии в 90-х годах и определившая необходимость того, чтобы рабочая партия при этих условиях воздерживалась от нарушения легальности, предоставив это делать самим представителям власти. В эпоху «мирного» конституционного развития в Германии создались условия для широчайшей пропаганды революционного учения Маркса. Эти условия надо было всемерно использовать. Комментируя позицию, которую Энгельс занимал в 90-х годах после отмены исключительного закона, Ленин писал в декабре 1914 г.: ««Стреляйте первыми, гг. буржуа!»», писал в 1891 г. Энгельс, защищая (и вполне справедливо) использование нами, революционерами, буржуазной легальности в эпоху так называемого мирного конституционного развития. Мысль Энгельса была яснее ясного: мы, сознательные рабочие, будем стрелять вторыми, нам выгоднее теперь использовать для перехода от избирательного бюллетеня к «стрельбе» (т.-е. к гражданской войне) момент нарушения самой буржуазией того легального базиса, который ею создан» (Ленин. «Мертвый шовинизм и живой социализм», Соч., т. XVIII, стр. 77).

Использование легальности для широчайшей пропаганды революционного учения, для подготовки масс к будущим боям — такова была установка Энгельса. Не ясно ли, что эта установка не имела ничего общего с позицией Фишера и Ауэра, о которой Бернштейн писал в некрологе по поводу смерти Фишера в 1926 г.: «Трезвая оценка политических сил сделала их противниками всяких чрезмер-

ных иллюзий относительно близости осуществления социализма (Sozialistische Monatshefte, 1926. 63). Энгельс рекомендовал использовать легальность для подготовки организации и развертывания массовой борьбы за социализм. Он считал, как и Маркс, что условия для борьбы и победы пролетариата непрерывно зреют в силу самого развития капитализма. Победоносная пролетарская революция в 1917 г. в России целиком оправдала предвидение Маркса и Энгельса.

Социал-демократы, в чьих руках был архив Маркса и Энгельса, так никогда и не опубликовали всей статьи Энгельса полностью. Впервые «Введение» Энгельса напечатано было полностью, без купюр, в стране пролетарской диктатуры — в СССР.

* * *

Статьи, помещенные в настоящем томе, расположены в хронологическом порядке, за исключением тех случаев, когда, в интересах единства, позднейшие дополнения к ранее написанным предисловиям напечатаны вместе с первоначальным текстом.

В. Адоратский.

Ф. ЭНГЕЛЬС
СТАТЬИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ
1890 — 1895

Фридрих Энгельс
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
РУССКОГО ЦАРИЗМА

*Напечатана на немецком языке
в журнале «Die Neue Zeit», Jg. VIII,
1890, Н. 4. и 5., и на английском
языке в журнале «Time», June 1890.*

Подпись: Фридрих Энгельс.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РУССКОГО ЦАРИЗМА.

I.

Мы, западно-европейская рабочая партия, вдвойне ¹ заинтересованы в победе русской революционной партии.

Во-первых, потому, что Российская царская империя составляет главную твердыню, резервную позицию и вместе с тем резервную армию европейской реакции; потому, что одно уж ее пассивное существование является для нас постоянной угрозой и опасностью.

А во-вторых, потому, — и этому пункту мы, со своей стороны, все еще недостаточно придавали значения, — что своим беспрестанным вмешательством в западно-европейские дела Россия задерживает и нарушает нормальный ход нашего развития и делает это с целью завоевать себе такие географические пункты, которые обеспечили бы ей господство над Европой и тем самым сделали бы невозможной победу европейского пролетариата ².

¹ В «Time» статья начинается так: «Не только социалисты, но и всякая прогрессивная партия в любой стране Западной Европы вдвойне...» и т. д. *Ред.*

² В «Time»: «... и тем самым сокрушили бы под железной пятою царя всякую возможность прогресса».

Вместо следующего в тексте абзаца о К. Марксе в «Time» далее следует: «В Англии нельзя писать о внешней политике России, не упомянув имени Давида Уркарта. В течение пятидесяти лет он неутомимо работал над тем, чтобы ознакомить своих соотечественников с целями и методами русской дипломатии, которые он понимал в совершенстве; и единственной наградой за все его труды было то, что он прослыл чудачком и скучнейшим педантом. Правда, рядовой филистер называет так всякого, кто настойчиво говорит о вещах неприятных, как бы важны эти вещи ни были. Тем не менее, Уркарт, ненавидевший филистеров, но не понимавший ни их природы, ни исторической неизбежности их существования в наше время, был обречен на провал. Сам—тори старого закала, видевший, что до сих пор в Англии одни только тори оказывали успешное сопротивление России и что деятельность английских и заграничных либералов, а также и все революционное движение на континенте обыкновенно шли лишь на пользу этой державе, — он считал, что для действительного отпора наскокам

Карлу Марксу принадлежит та заслуга, что он первый указал в 1848 г. и с тех пор неоднократно подчеркивал, что именно по этой причине западно-европейская рабочая партия вынуждена воевать не на жизнь, а на смерть с русским царизмом. Выступая в том же направлении, я и тут лишь продолжаю дело моего покойного друга, довершая то, что ему не суждено было выполнить.

Даже русские революционеры подчас обнаруживают сравнительно очень слабое знакомство с этой стороной русской истории. Это объясняется, во-первых, тем, что в самой России на этот счет допускается только официальная легенда, а во-вторых, многие слишком презирают царское правительство, считая его по его ограниченности и продажности неспособным ни на какие разумные действия. В области внутренней политики это, впрочем, и верно; тут бессилие царизма совершенно очевидно. Однако нужно знать не только слабые, но и сильные стороны противника. А внешняя политика — это безусловно та область, в которой царизм силен, очень силен. Русская дипломатия образует своего рода современный иезуитский орден, достаточно мощный, чтобы превозмочь в случае надобности даже царские прихоти и, широко распространяя коррупцию вокруг себя, пресекать ее в своей собственной среде. Вначале этот орден вербовался по преимуществу из иностранцев: корсиканцев, как например Поццо-ди-Борго, немцев, как Нессельроде,

России надобно быть тори (или же турком) и что каждый либерал или революционер является, сознательно или бессознательно, русским агентом. Постоянные занятия русской дипломатией привели Уркорта к убеждению, что она — всемогуща, что она в самом деле единственный активный фактор современной истории, все же другие правительства — лишь пассивные орудия в ее руках, так что, если бы не его столь же преувеличенная оценка силы Турции, нельзя было бы понять, почему эта всемогущая русская дипломатия давно уже не захватила Константинополь. Стремясь, таким образом, свести всю новейшую историю, начиная с Французской революции, к дипломатической шахматной игре между Россией и Турцией, к игре, в которой другие европейские государства выступают в качестве пешек России, Уркорт должен был стать в позу некоего восточного пророка, возвещающего вместо простых исторических фактов тайную, мистическую доктрину на таинственном, сверхдипломатическом языке, доктрину, исполненную намеков на малоизвестные и едва ли даже установленные факты; а в качестве безошибочного целебного средства против превосходства русской дипломатии над английской он предлагал снова ввести привлечение министров к судебной ответственности и заменить кабинет тайным советом. Уркорт был человек с большими заслугами и вдобавок настоящий английский джентльмен старого образца; но русские дипломаты вполне могли бы сказать: «Si Mr. Urquhart n'existait pas, il faudrait l'inventer» [Если бы г. Уркорт не существовал, его следовало бы выдумать]». *Ред.*

остзейских немцев, как Ливен; иностранкою была и его основательница, Екатерина II.

У старо-русского высшего дворянства было еще слишком много частных и семейных мирских интересов, оно не отличалось той безусловной надежностью, какая требовалась для службы в этом новом ордене. И так как дворянство нельзя было принудить к отказу от личной собственности и к безбрачию католических священников-иезуитов, то ограничились тем, что стали доверять ему сначала лишь второстепенные посты, посты для представительства; послов и т. д., постепенно образуя таким образом школу отечественных дипломатов. До сих пор только *один* чистокровный русский, Горчаков, занимал высший пост в этом ордене; его преемник, фон-Гирс, опять уже носит иностранную фамилию.

Это тайное общество, вербовавшееся первоначально из иностранных авантюристов, и подняло русское государство до уровня его нынешнего могущества. С железной настойчивостью, неуклонно преследуя намеченную цель, не останавливаясь ни перед вероломством, ни перед предательством, ни перед убийством из-за угла, ни перед низкопоклонством, не скупясь на подкупы, не опьяняясь победами, не падая духом при поражениях, шагая через миллионы солдатских трупов и по меньшей мере через один царский труп, — эта шайка, настолько же бессовестная, насколько и талантливая, сделала больше, чем все русские армии, для того, чтобы расширить границы России от Днепра и Двины за Вислу, к Пруту, Дунаю, к Черному морю, от Дона и Волги за Кавказ, к истокам Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи; это она сделала Россию великой, могущественной, внушающей страх и открыла ей путь к мировому господству. Но тем самым она укрепила царскую власть и внутри страны. В глазах вульгарно-патриотической публики слава побед, длинный ряд завоеваний, могущество и блеек царизма с избытком перевешивают все его грехи, весь деспотизм, все несправедливости и произвол; шовинистическое бахвальство с лихвою вознаграждает за все пинки. И это тем более, чем меньше известны в России действительные причины и подробности этих успехов, чем больше заменяют их официальной легендой, как делается это повсюду, например во Франции и в Пруссии, доброжелательными правительствами для блага подданных и для возбуждения их патриотизма. И поэтому всякий русский, если только он шовинист, рано или поздно падет на колени перед царизмом, как мы это видели на примере Тихомирова.

Но как могла подобная шайка авантюристов приобрести такое огромное влияние на ход европейской истории? Очень просто. Они

вовсе не создали нечто новое из ничего, они только правильно использовали существующее положение вещей. Все успехи русской дипломатии имеют под собою весьма осязательную материальную основу.

Представим себе Россию в середине прошлого столетия. Уже тогда это — огромная страна, заселенная племенем, исключительным по своей однородности. Население редкое, но быстро растущее, так что одно уж течение времени обеспечивает рост могущества страны. Это население заостенело в умственном застое, лишено всякой инициативы, но в рамках своего унаследованного от предков быта может быть использовано решительно на что угодно; выносливое, храброе, покорное, способное преодолевать всяческие тяготы, оно представляло собою превосходнейший солдатский материал для войн того времени, когда сомкнутые массы решали исход боя. Сама страна, обращенная к Европе лишь одной своей западной границей и поэтому уязвимая лишь с этой стороны; лишенная такого центра, захват которого мог бы принудить ее к заключению мира; страна, почти абсолютно недоступная для завоевания вследствие бездорожья, огромных размеров территории и скудости источников снабжения, — сама страна являлась неуязвимой позицией для всякого, кто умел ею пользоваться, чтобы безнаказанно проделывать в Европе такие вещи, которые вовлекли бы всякое другое правительство ¹ в нескончаемые войны.

Сильная, почти неприступная в обороне, Россия была соответственно слаба в наступлении. Сбор, организация, вооружение и передвижение армий внутри страны наталкивались на серьезные препятствия, и ко всем материальным затруднениям присоединялось еще безграничное взяточничество чиновников и офицеров. Все попытки сделать Россию способной к широким наступательным действиям до сих пор терпели неудачу; вероятно, и последняя, предпринятая ныне попытка, введение всеобщей воинской повинности, тем более потерпит неудачу. Можно сказать, что препятствия возрастают здесь почти пропорционально квадратам тех масс, которые требуется организовать, не говоря уже о том, что при столь незначительном городском населении невозможно найти необходимое теперь огромное количество офицеров. Эта слабость никогда не была тайной для русской дипломатии; поэтому последняя всегда старалась по возможности избегать войн и допускала их только как самое крайнее средство, да и то лишь при исключительно благоприят-

¹ В английском тексте: «всякое другое европейское правительство». *Ред.*

ных условиях. Для нее могут быть приемлемы только такие войны, в которых союзники России несут главную тяжесть, подвергают свою территорию опустошительному действию театра военных операций и выставляют наибольшую массу бойцов, русские же войска выполняют роль резервов, которые падают в большинстве битв, но на долю которых во всех генеральных сражениях выпадает связанная со сравнительно небольшими жертвами честь решать окончательный исход дела, как было это в войне 1813—1815 гг. Но не всегда же бывает война в таких выгодных условиях, и русская дипломатия предпочитает поэтому использовать в своих целях противоречивые интересы и вождедения других держав, натравливая их друг на друга и извлекая из их столкновений выгоды для русской завоевательной политики. Самостоятельные военные действия царизм ведет только против таких заведомо слабых противников, как шведы, турки или персы, зато тут уж ему ни с кем не приходится делить свою добычу.

Но вернемся к России 1760 г. Соседями этой однородной, неприступной страны были сплошь страны, пришедшие — повидимому или же и на самом деле — в упадок, приближавшиеся к разложению и представлявшие поэтому подлинно *matière à conquête* [объект для завоевания]. На севере — Швеция, сила и престиж которой пали именно вследствие того, что Карл XII сделал попытку проникнуть внутрь России; этим он погубил Швецию и показал всем неуязвимость России. На юге — турки и их данники, крымские татары, представлявшие собою лишь обломки прежнего величия; наступательная сила турок была сломлена уже 100 лет тому назад, оборонительная же их сила, пока еще значительная, тоже стала убывать; лучшим признаком этой возрастающей слабости были волнения и бунты, начавшиеся среди покоренных христиан, славян, румын и греков, которые составляли большинство населения Балканского полуострова. Эти христиане, почти сплошь греческого вероисповедания, были, стало быть, единоверцами русских, а среди них славяне — сербы и болгары — были вдобавок и их соплеменниками. Поэтому России стоило лишь объявить о своем призвании защищать угнетенное православие и поработненное славянство, — и под маской освобождения здесь была уже готова почва для завоеваний. К югу от Кавказского хребта под турецким владычеством находились также мелкие христианские государства и исповедующие христианство армяне, и здесь царизм мог принять позу «освободителя». К тому же здесь, на юге, алчного завоевателя прельщала такой трофей, которому не было равного в Европе: древняя

столица Восточной римской империи, метрополия всего православного мира, город, одно уж русское название которого говорит о господстве над Востоком и об ореоле, которым окружен его властитель в глазах восточных христиан: Константинополь-Царьград.

Царьград в качестве третьей российской столицы, наряду с Москвой и Петербургом, — это означало бы, однако, не только моральное господство над восточно-христианским миром, это было бы также решительным шагом к господству над Европой. Это было бы единодержавным господством над Черным морем, Малой Азией, Балканским полуостровом. Это означало бы, что Черное море, лишь только пожелает царь, может быть заперто для всех торговых и военных флотов, кроме русского, что это море превращено в русскую военную гавань и место маневров русского флота, который в любой момент мог бы из этого безопасного убежища делать вылазки через укрепленный Босфор и скрываться обратно. Тогда России оставалось бы только прямо или косвенно достичь такого же господства над Зундом и Бельтами, — и она была бы неприступна также и с моря.

Господство над Балканским полуостровом привело бы Россию к Адриатическому морю. Удержать же эту границу на юго-западе было бы невысказано без соответствующего передвижения всей западной границы России, без значительного расширения сферы ее могущества на Западе. А обстоятельства были тут, пожалуй, еще более благоприятны.

Прежде всего — бывшая в состоянии полного развала Польша, дворянская республика, основанная на эксплуатации и угнетении крестьян, неспособная по своей конституции ни к какому общенациональному действию и обреченная тем самым стать легкой добычей своих соседей. С начала восемнадцатого столетия, по словам самих поляков, Польша держалась непорядком (*Polska nierządem stoi*); иностранные войска непрестанно оккупировали всю страну или проходили через нее; она служила им постоянным двором и харчевней (*karczma zajezdna*, как говорили поляки), причем, однако, платить они обыкновенно забывали. Уже Петр Великий систематически разорял Польшу, — его преемникам оставалось только протянуть руку к добыче. И к тому же у них был еще для этого такой предлог, как «национальный принцип». Польша не была однородной страной. В то время, когда Великороссия попала под монгольское иго, Белоруссия и Малоруссия нашли себе защиту от азиатского нашествия, присоединившись к так называемому Государству Литовскому. Это государство впоследствии добровольно соединилось с Польшей. С тех

пор, вследствие более высокой цивилизации Польши, дворянство Белоруссии и Малороссии сильно ополячилось, а в XVI веке, когда в Польше господствовали иезуиты, православных русских подданных Польши принуждали переходить в римскую церковь. Это дало великорусским царям желанный повод предъявить свои права на территорию бывшего Государства Литовского, как на национальную русскую область, угнетенную Польшей, хотя, по мнению величайшего современного слависта Миклошича, по крайней мере малороссы говорят не просто на одном из русских наречий, а на вполне самостоятельном языке; другой повод для вмешательства состоял в том, чтобы в качестве защитников православия вступить за униатов, хотя последние давно уже примирились со своим положением по отношению к римской церкви.

За Польшей лежала другая страна, которая, казалось, пришла тогда в состояние безнадежного развала, — Германия. Со времени Тридцатилетней войны Римско-германская империя являлась государством лишь по имени. Власть имперских князей все больше приближалась к полному суверенитету; их право не повиноваться воле императора, заменявшее в Германии польское *liberum veto*, было по условиям Вестфальского мира твердо гарантировано Францией и Швецией, так что усиление центральной власти в Германии было поставлено в зависимость от согласия иностранцев, всячески заинтересованных в том, чтобы не допустить этого усиления. Швеция, благодаря своим завоеваниям в Германии, имела к тому же место и голос на имперском сейме как его полноправный член. В каждой войне отдельные немецкие имперские князья выступали союзниками чужеземных врагов императора, так что каждая война была в то же время междоусобной войной. Почти все крупные и средние имперские князья были на откуп у Людовика XIV, и экономически страна была так разорена, что без этого ежегодного притока французского золота, шедшего на подкуп, не было бы вообще никакой возможности сохранять в стране деньги как средство обращения*. Поэтому император давно уже искал опору для своей власти не в своей империи, лишь стоившей ему денег и не приносившей ничего, кроме забот и тревог, а в своих австрийских, германских и внешнегерманских наследственных владениях. И в качестве соперницы австрийской династии уже начинала наряду с нею постепенно выдвигаться прусская.

* См. Gülich. *Geschichtliche Darstellung des Handels etc.* Jena, 1830, 2. Band, S. 201—206.

Таково было положение дел в Германии ко времени Петра Великого. Этот действительно великий человек, — великий совсем не так, как Фридрих «Великий», послушный слуга преемницы Петра, Екатерины II, — первый вполне оценил изумительно благоприятную для России ситуацию в Европе. Он ясно увидел, наметил и начал осуществлять основные линии русской политики как по отношению к Швеции, Турции, Персии, Польше (гораздо яснее, чем это сделано в его так называемом завещании, составленном, повидимому, каким-то эпигоном), так и по отношению к Германии. Германия занимала Петра больше, чем какая бы то ни было другая страна, за исключением Швеции. Швецию он должен был сломить; Польшу он мог захватить, стоило ему только протянуть руку; до Турции было еще слишком далеко; но стать твердой ногой в Германии, занять там то положение, которое так хорошо использовала Франция и для использования которого Швеция была слишком слаба, — это было для него главной задачей. Он делал все, чтобы приобрести какую-либо немецкую область и таким путем войти в число немецких имперских князей, но безуспешно; ему удалось лишь ввести систему бракосочетаний с членами немецких владетельных домов и дипломатического использования внутригерманских распрей.

После Петра произошел еще дальнейший существенный сдвиг в пользу России благодаря возвышению Пруссии. В ее лице у германского императора вырос внутри самой империи почти равный ему по силе противник, который увековечивал и доводил до крайности раздробление Германии. Но в то же время этот противник был еще слишком слаб, чтобы обходиться без помощи Франции или России, — особенно России, — так что чем больше он освобождался от вассального отношения к Германской империи, тем вернее он попадал в вассальное отношение к России.

Таким образом, в Европе оставались лишь три державы, с которыми приходилось считаться: Австрия, Франция, Англия. И было вовсе не трудно натравливать их друг на друга или подкупать их приманкою территориальных расширений. Англия и Франция были еще попрежнему соперниками на море; Францию можно было привлечь перспективой захватов в Бельгии и Германии; для Австрии могли служить приманкой посулы всеяческих выгод за счет Франции, Пруссии, а со времени Иосифа II также и за счет Баварии. При удачном использовании сталкивающихся интересов можно было, таким образом, обеспечить для каждого дипломатического выступления России сильных, даже подавляюще сильных союзников. И вот, лицом к лицу с этими распадающимися погранич-

ными странами, с этими тремя великими державами, разделенными традицией, экономическими условиями их жизни, политическими или династическими интересами или завоевательными вождениями, запутавшимися в бесконечных распрях, постоянно старающимися перехитрить друг друга, — лицом к лицу с ними стояла единая, однородная, молодая, быстро растущая Россия, почти неуязвимая и совершенно недоступная завоеванию, представлявшая собою вдобавок нетронутый, крайне податливый пластический материал, — какая находка для талантливых и честолюбивых людей, для людей, стремившихся к власти, все равно, где и как, лишь бы это была настоящая власть, настоящая арена для их талантов и их честолюбия! А таких людей «просвещенный» восемнадцатый век производил в изобилии; состоя на службе «человечества», эти люди разъезжали по всей Европе, посещали дворы всех просвещенных государей, — а какой же государь не желал в то время быть просвещенным! — и устраивались везде, где только находили выгодное местечко, образуя «не имеющий отечества» дворянско-буржуазный интернационал просвещения. Этот интернационал пал к ногам Семирамиды севера, точно так же не имевшей отечества Софии-Августы Ангальт-Цербстской, известной под именем Екатерины II, императрицы всероссийской, и из его-то рядов набрала себе эта самая Екатерина элементы для иезуитского ордена русской дипломатии.

В своей работе о Томасе Море Карл Каутский показал, как «гуманизм» XV и XVI веков, первая форма буржуазного просвещения, в своем дальнейшем развитии перешел в католическое иезуитство. Совершенно так же вторая, вполне зрелая его форма в XVIII веке переходит в иезуитство современное, в русскую дипломатию. Этот переход в свою противоположность, это достижение в конце концов такого пункта, который полярно противоположен исходному пункту, составляет неизбежную судьбу всех исторических движений, участники которых не отдают себе ясного отчета в их причинах и условиях существования и которые направлены поэтому к чисто иллюзорным целям. «Ирония истории» вносит в них свои неумолимые поправки¹.

Посмотрим же, как работает этот иезуитский орден, как он использует непрестанно меняющиеся цели соперничающих друг с другом великих держав для достижения своей единой, неизменной, никогда не упускаемой из виду цели: мирового господства России.

¹ Последнего абзаца в английском тексте нет. В архиве ИМЭЛІ есть рукопись этого абзаца на немецком языке. *Ред.*

II.

Никогда мировое положение не было более благоприятно для завоевательных планов царизма, чем в 1762 г., когда после убийства своего мужа на престол вступила великая блудница Екатерина II. Семилетняя война расколола всю Европу на два лагеря. Англия сломила мощь французов на море, в Америке, в Индии, а затем покинула на произвол судьбы своего континентального союзника, прусского короля Фридриха II. Этот последний стоял на краю гибели в 1762 г., когда вступивший на российский престол Петр III отказался от войны против Пруссии; Фридриху, покинутому своею последней и единственной союзницей, Англией, надолго рассорившемуся с Австрией и Францией, истощенному семилетней борьбой за существование, не было другого выбора, как броситься к ногам новой русской царицы. Таким путем он приобретал не только могущественное покровительство, но и виды на присоединение того куса Польши, который отделял Восточную Пруссию от остальной его монархии и завоевание которого стало теперь главной целью его жизни. 31 марта (11 апреля) 1764 г. Екатерина и Фридрих заключили в Петербурге договор, по тайной статье которого оба взяли на себя обязательство охранять силою оружия польскую конституцию, это лучшее средство для разрушения Польши, от всяких попыток реформы. Этим был предрешен будущий раздел Польши. Кусок Польши был той костью, которую царица бросила Пруссии, чтобы заставить ее смиренно просидеть целое столетие на русской цепи.

Я не буду подробно останавливаться на первом разделе Польши. Но характерно, что он был произведен — против воли старомодной Марии-Терезии — тремя великими столпами европейского «просвещения»: Екатериной, Фридрихом и Иосифом. Двое последних, гордясь той просвещенной государственной мудростью, с какою они попирали ногами предрассудок насчет древнего народного права, были при этом достаточно глупы, чтобы не заметить, что своим участием в грабеже Польши они целиком отдавали себя во власть русского царизма.

Для Екатерины были как нельзя более выгодны эти просвещенные венценосные соседи. «Просвещение»¹ — это был в восемнадцатом веке лозунг царизма в Европе, так же, как в девятнадцатом — «освобождение народов». Всякий территориальный грабеж, всякое насилие, всякое угнетение царизм производил не иначе,

¹ В английском тексте: «Прогресс» и «просвещение». *Ред.*

как под предлогом «просвещения»¹, «либерализма», «освобождения народов». А ребячливые западно-европейские либералы, вплоть до Гладстона, верили этому², между тем как не более умные консерваторы так же непоколебимо верят другим фразам, одновременно пускаемым в ход официальной Россией, фразам о защите законности, о сохранении порядка, религии, европейского равновесия и о святости договоров. Русская дипломатия ухитрялась втирать очки обоим большим буржуазным партиям Европы. Русской дипломатии, и только ей, разрешается быть в одно и то же время легитимистской и революционной, консервативной и либеральной, православной и просвещенной. Понятно то презрение, с каким этакий русский дипломат смотрит на «образованный» Запад.

Вслед за Польшей настала очередь Германии. В 1778 г. Австрия и Пруссия сцепились друг с другом из-за баварского наследства, и опять-таки к выгоде одной лишь Екатерины. Россия стала уже слишком могущественна, чтобы все еще, подобно Петру, доискиваться места в составе Германской империи³; она стремилась теперь занять там положение, которое она уже заняла в Польше и которое в Германской империи занимала Франция, — положение охранительницы германского беспорядка против всяких попыток реформы. И она добилась этого положения. По Тешенскому мирному договору 1779 г. Россия вместе с Францией взяла на себя гарантию как этого договора, так и всех подтвержденных им прежних мирных договоров, в частности Вестфальского 1648 г. Этим было закреплено бессилие Германии, и Германия была объявлена объектом будущего раздела между Францией и Россией.

Не была забыта и Турция. Войны России против турок приходятся всегда на такие перисды, когда на западной русской границе царит мир, а Европа занята какими-нибудь другими делами. Екатерина вела две таких войны. Первая принесла завоевания у Азовского моря и независимость Крыма, превращенного спустя четыре года в русскую провинцию. Вторая передвинула границу России с Буга к Днестру. Во время обеих этих войн русские агенты подстрекали греков к восстанию против турок. Разумеется, повстанцы были в конце концов брошены русским правительством на произвол судьбы.

¹ В английском тексте: «прогресса», «просвещения». *Ред.*

² В английском тексте: «по сей день верят этому». *Ред.*

³ В английском тексте добавлено: «путем приобретения какого-нибудь небольшого немецкого княжества». *Ред.*

Во время американской войны за независимость Екатерина в первый раз сформулировала для себя и для своих союзников по «вооруженному нейтралитету»¹ (1780 г.) требования об ограничении прав, на которые претендовала Англия для своих военных судов в открытом море, требования, которые с тех пор оставались постоянной целью русской политики и которые были в основном признаны Европой и самой Англией по условиям Парижского мира 1856 г. Только Соединенные Штаты Америки до сих пор не желают с ними считаться.

Французская революция была новой удачей для Екатерины. Ни малю не опасаясь проникновения революционных идей в Россию, она увидела в этом событии лишь новый удобный случай перессорить европейские государства, чтобы развязать руки России. После смерти обоих ее просвещенных друзей и соседей Фридрих-Вильгельм II в Пруссии, Леопольд в Австрии попытались вести независимую политику. Революция дала Екатерине прекрасный случай под предлогом борьбы с республиканской Францией вновь приковать их обоих к России и в то же время, пока они были заняты на французской границе, сделать новые приобретения в Польше. И Пруссия, и Австрия попались в сети. И хотя Пруссия, — разгрызавшая с 1787 по 1791 г. роль союзницы Польши против Екатерины, — во-время спохватилась и потребовала на этот раз более крупной доли в грабеже Польши, хотя Австрии тоже пришлось отдать кусок Польши, но все же львиная доля добычи опять досталась Екатерине. Почти вся Белоруссия и Малороссия были теперь присоединены к Великодержавии.

Но на этот раз медаль имела и обратную сторону. Грабеж в Польше отвлек силы коалиции 1792 — 1794 гг. и ослабил силу ее напора против Франции, дав последней время окрепнуть настолько, что она совершенно самостоятельно одержала победу. Польша пала, но ее сопротивление спасло французскую революцию, а вместе с французской революцией началось движение, против которого бессилны и царизм. Этой роли поляков мы, люди Запада, никогда не забудем. Впрочем, Польша, как мы увидим, спасала европейскую революцию не один только этот раз.

В политике Екатерины уже отчетливо намечены все существенные черты современной политики России: присоединение Польши, при котором, однако, часть добычи приходилось еще уступать со-

¹ В английском тексте: «по так называемому северному «вооруженному нейтралитету»... *Ред.*

седам; превращение Германии в очередной объект раздела; Константинополь как великая главная цель, о которой ни на минуту не забывают, к которой приближаются шаг за шагом; завоевание Финляндии как прикрытия для Петербурга и компенсация Швеции путем отдачи ей Норвегии, которую Екатерина во Фридрихсгаме предложила королю Густаву III; ослабление морского превосходства Англии посредством ограничительных международных правил; возбуждение восстаний среди христиан-«райя»¹ в Турции; наконец, удачное сочетание либеральной и легитимистской фразеологии, которую, по мере надобности, Россия дурачит падких до фраз «образованных» филистеров Западной Европы, их так называемое общественное мнение.

К моменту смерти Екатерины владения России превосходили уже все, чего мог требовать самый необузданный национальный шовинизм. Все, что носило русское имя, — за исключением немногих австрийских малороссов, — находилось под скипетром ее преемника, который мог теперь с полным правом называть себя самодержцем всероссийским. Россия не только завоевала себе доступ к морю, но владела как на Балтийском, так и на Черном морях обширным побережьем и многочисленными гаванями. Под русским владычеством находились не только финны, татары и монголы, но также и литовцы, шведы, поляки и немцы. — Чего еще желать? Для всякой другой нации это было бы наивысшим достижением. Для царской дипломатии — нацию не спрашивали — это было только фундаментом, на котором теперь-то именно она и собиралась возводить свое здание.

Отшумела французская революция, сама себе породив своего владыку, своего Наполеона. Это, казалось, оправдывало высокую мудрость русской дипломатии, которая не испугалась гигантского народного восстания. Возвышение Наполеона открывало теперь перед нею возможность новых успехов: Германия была обречена разделить судьбу Польши. Но преемник Екатерины, Павел, был упрям, капризен, сумасброден; он ежеминутно расстраивал планы дипломатов; он становился невыносим, его надо было устранить. Среди гвардейских офицеров для этого легко было найти исполнителей; наследник престола, Александр, участвовал в заговоре и прикрывал его. Павла задушили, и тотчас началась новая кампания во славу нового царя, который вследствие самого способа его восшествия на престол стал пожизненным рабом иезуитской шайки дипломатов.

¹ «Райя» — стадо — название турецких подданных не-мусульман. См. об этом Сочинения, т. X, стр. 6—7. *Ред.*

Эта шайка предоставила Наполеону окончательно разрушить Германскую империю и довести до крайнего предела царивший в ней беспорядок. Но когда дело подошло к окончательному расчету, Россия вновь оказалась тут как тут. По Люневильскому мирному договору (1801 г.) Франция приобретала весь немецкий левый берег Рейна, причем было решено, что немецкие князья, которые в связи с этим теряют свои владения, должны получить компенсации на правом берегу Рейна из земель имперского духовенства: епископов, аббатов и пр. Тут-то и выдвинула Россия свою Тешенскую гарантию 1779 г.: при разделе компенсаций — заявила она — ей и Франции, обоим державам, гарантировавшим разложение Германии, должно принадлежать веское слово. А разъединенность и корыстолюбие немецких князей, привычное для них предательство интересов империи обеспечивали то, что это слово России и Франции играло решающую роль. Таким образом, получилось, что Россия и Франция составили план раздела церковных земель между лишеными владений князьями и что все основные элементы этого плана, составленного чужеземцами в интересах чужеземцев, были возведены в государственный закон Германии (Reichsdeputationshauptschluss, 1803 г.).

Германский имперский союз был фактически разрушен; Австрия и Пруссия стали действовать как самостоятельные европейские державы и, подобно России и Франции, рассматривали мелкие немецкие государства лишь как объект завоевания. Что же ожидало эти мелкие государства? Пруссия была еще слишком мала и слишком молода, чтобы притязать на верховное господство над ними, а Австрия только что утратила последние следы такого господства. Но на наследие Германской империи претендовали Россия и Франция. Франция разрушила старую империю силою оружия; своим непосредственным соседством она производила давление на мелкие государства вдоль всего Рейна; слава побед Наполеона и французских армий довершила остальное, — мелкие немецкие князья были у его ног. А Россия? Теперь, когда цель ее вековых стремлений была почти достигнута, когда пришедшая в состояние полного разложения, смертельно утомленная, бессильная и беспомощная Германия была повержена во прах, — могла ли Россия как раз теперь допустить, чтобы корсиканский выскочка утащил добычу у нее из-под носа?

Русская дипломатия тотчас же начала поход для завоевания верховенства над мелкими германскими государствами. Что без победы над Наполеоном это недостижимо, было ясно само собою.

Итак, надо было привлечь на свою сторону немецких князей и так называемое общественное мнение Германии, поскольку тогда могла идти о нем речь. Князей принялись обрабатывать дипломатическим путем, филистеров — литературным. При дворах расточались в избытке русская лесть, угрозы, ложь и подкуп, а публику в то же время засыпали таинственными памфлетами, в которых Россия превозносилась как единственная держава, способная спасти Германию и действительно взять ее под защиту, что в силу Тешенского договора 1779 г. составляет ее право и ее долг. И когда разразилась война 1805 г., всякий, у кого хоть сколько-нибудь были открыты глаза, должен был видеть, что речь шла только о том, образуют ли мелкие государства французский Рейнский союз или же — русский.

Судьба хранила Германию. Русские и австрийцы были побиты при Аустерлице, и новый Рейнский союз так и не стал форпостом царяма. Французское же иго было, по крайней мере, игом современным, заставившим немецких князей покончить с наиболее позорными анахронизмами их прежних порядков.

За Аустерлицем последовали прусско-русский союз, Иена, Эйлау, Фридланд и Тильзитский мир 1807 г. Здесь снова обнаружилось, какое громадное преимущество давало России ее стратегически безопасное положение. Побитая в двух кампаниях, она приобрела новые области за счет своих вчерашних союзников и заключила союз с Наполеоном для раздела мира: Наполеону — запад, Александру — восток!

Первым плодом этого союза было завоевание Финляндии. Без всякого объявления войны, но с согласия Наполеона русские начали наступление; неспособность, взаимная вражда и продажность шведских генералов обеспечили русским легкую победу; смелый переход русских войск через замерзшее Балтийское море вызвал в Стокгольме насильственную смену короля, и Финляндию уступили России. А через три года, готовясь к разрыву с Наполеоном, Александр вызвал в Або маршала Бернадотта, избранного наследником шведского престола, и обещал ему Норвегию, если он присоединится к союзу Англии и России против Наполеона. Так осуществился в 1814 г. план Екатерины: Финляндия — мне, Норвегия — тебе.

Но Финляндия была только прелюдией. Целью Александра, как всегда, оставался все тот же Царьград. В Тильзите и Эрфурте Наполеон твердо обещал ему Молдавию и Валахию и подал надежду на раздел Турции, за исключением, однако, Константинополя. С 1806 г. Россия вела войну с Турцией; на этот раз восстали не только

греки, но также и сербы. Однако то, что о Польше говорилось лишь иронически, о Турции можно было сказать всерьез: она держалась непорядком. Несокрушимый рядовой солдат, сын несокрушимого турецкого крестьянина, именно вследствие этого непорядка мог снова исправлять все то, что портили подкупленные паши. Турок можно было побить, но невозможно было разгромить их, и русская армия продвигалась по пути к Царьграду очень медленно.

Но ценою этой «свободы рук» на Востоке было присоединение к континентальной системе Наполеона, разрыв всяких торговых сношений с Англией. А это для тогдашней России означало полнейшее торговое разорение. Это было то время, когда пушкинский Евгений Онегин узнал из Адама Смита,

Как государство богатеет
... и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет, —

между тем как, с другой стороны,

Отец понять его не мог
И земли отдавал в валог.

Россия могла приобретать деньги лишь посредством морской торговли и путем вывоза своих сырых продуктов на тогдашний главный рынок, в Англию; а Россия была уже слишком европейской страной, чтобы обходиться без денег. Торговая блокада становилась невыносимой. Экономика была сильнее дипломатии и царя, вместе взятых; торговые сношения с Англией были втихомолку возобновлены; тильзитские условия были нарушены, и разразилась война 1812 г.

Во главе соединенных армий всей Западной Европы Наполеон перешел русскую границу. Поляки, в этом деле судьи компетентные, советовали ему остановиться на Двине и Днепре, реорганизовать Польшу и там ждать наступления русских. Такой полководец, как Наполеон, должен был понять, что этот план правилен. Но при той головокружительной высоте и том непрочном основании, на которых он стоял, Наполеон уже не мог выдерживать медленных походов. Ему необходимы были быстрые успехи, блистательные победы, завоеванные с бою мирные трактаты; он пренебрег советом поляков, пошел на Москву и этим самым привел русских в Париж.

Уничтожение великой наполеоновской армии при отступлении из Москвы послужило сигналом ко всеобщему восстанию против французского владычества на Западе. В Пруссии поднялся весь

народ, принудив трусливого Фридриха-Вильгельма III к войне против Наполеона. Австрия присоединилась к России и Пруссии, как только закончила свои вооружения. После битвы при Лейпциге от Наполеона отделился Рейнский союз, а через каких-нибудь восемнадцать месяцев после занятия французами Москвы Александр вступил в Париж как господин и повелитель Европы.

Турция, преданная Францией, заключила в 1812 г. мир в Бухаресте, пожертвовав русским Бессарабию. Венский конгресс принес России Царство Польское, так что теперь к ней было присоединено почти девять десятых прежней польской территории. Но важнее всего было то положение, которое царь занял теперь в Европе. На европейском континенте соперников у него больше не было. Австрия и Пруссия шли у него на буксире. Французские Бурбоны были им восстановлены на престоле и поэтому также были ему покорны. Швеция в залог руссофильской политики получила по его настоянию Норвегию. Даже испанская династия обязана была своим восстановлением гораздо больше победам русских, пруссаков и австрийцев, чем победам Веллингтона, которые никогда все же не были в состоянии ниспровергнуть Французскую империю.

Никогда еще не достигала Россия такого могущественного положения. А вместе с тем она сделала еще один шаг за пределы своих естественных границ. Если для завоеваний Екатерины у русского шовинизма было все же не скажу оправдание, но некоторое извинение, то по отношению к завоеваниям Александра об этом не может быть и речи. Финляндия — страна финнов и шведов, Бессарабия — румын, конгрессовая Польша — страна поляков. Тут уж нельзя и говорить о воссоединении рассеянных родственных племен, носящих русское имя, тут мы имеем дело с неприкрытым насильственным завоеванием чужих областей, с простым грабежом.

III.

Победа над Наполеоном была победой европейских монархий над французской революцией, последним фазисом которой была наполеоновская империя; победа эта была отпразднована восстановлением «легитимности». Но если Талейран посредством этого придуманного им словечка думал поймать на удочку царя Александра, то русская дипломатия при помощи того же словечка сумела, наоборот, водить за нос всю Европу. Под предлогом защиты легитимности она учредила «Священный союз», это расширение русско-австро-прусского союза до степени заговора всех европейских

государей против их народов под председательством русского царя. Другие государи верили в Священный союз; но как относились к нему царь и его дипломатия, мы сейчас увидим.

Для русской дипломатии все дело заключалось лишь в том, чтобы использовать достигнутую в Европе гегемонию для дальнейшего продвижения к Царьграду. Для этого она могла пустить в ход три рычага: румын, сербов, греков. Наиболее подходящим элементом были греки. Это был торговый народ, а купцы больше всего страдали от притеснений турецких пашей. Крестьянин-христианин под турецким владычеством находился материально в лучших условиях, чем где бы то ни было. Он сохранял свои учреждения, существовавшие еще до турок, и полнейшее самоуправление; пока он вносил свои подати, турок по большей части не обращал на него ни малейшего внимания; лишь изредка подвергался он насилиям вроде тех, какие в средние века приходилось терпеть западноевропейскому крестьянину от дворянства. Это было недостойное, только терпимое существование, но в материальном отношении — не слишком плохое и не так уж противоречившее тогдашнему культурному уровню этих народов; так что прошло не мало времени, прежде чем славянский райя открыл, что подобное существование невыносимо. Между тем греческая торговля, в свое время избавленная турецким владычеством от подавляющей конкуренции венецианцев и генуэзцев, с тех пор быстро расцвела и достигла уже таких размеров, что не могла больше выносить и турецкого владычества. В самом деле, турецкое, как и всякое другое восточное владычество несовместимо с капиталистическим строем; извлеченная прибавочная стоимость ничем не обеспечена от хищных рук сатрапов и пашей; нет налицо первого основного условия буржуазного приобретения — обеспеченности личности купца и его собственности. Неудивительно поэтому, что греки, с 1774 г. уже сделавшие две попытки восстания, поднялись теперь еще раз.

Таким образом, восстание греков давало в руки удобный рычаг; но для того, чтобы царская дипломатия могла крепко нажать на него, надо было предотвратить вмешательство со стороны Запада, а стало быть, надо было сделать так, чтобы Запад был занят своими внутренними делами. Почва для этого была блестяще подготовлена словечком о легитимности. Легитимные государи повсюду вызвали против себя глубочайшую ненависть. Попытки восстановить дореволюционные порядки привели в возбуждение буржуазию во всех западных странах; во Франции и Германии началось брожение, в Испании и Италии вспыхнуло открытое восстание. Во

всех этих заговорах и восстаниях была замешана рука царской дипломатии. Не то, чтобы она их устраивала или хотя бы всерьез способствовала их внезапным успехам; но через своих официозных агентов она делала все, что могла, чтобы сеять внутренние раздоры у своих легитимных союзников. И уже совсем открыто покровительствовала она тем мятежным элементам Запада, которые выступали под маской сочувствия грекам, а кто же были эти эллинофилы, собиравшие деньги, посылавшие в Грецию добровольцев и целые вооруженные вспомогательные отряды, как не карбонарии и прочие либералы Запада?

Все это нисколько не мешало просвещенному царю Александру на конгрессах в Аахене, Тропшау, Лайбахе, Вероне призывать своих легитимных коллег к самым энергичным действиям против их мятежных подданных и для подавления революции посылать австрийцев в 1821 г. в Италию, а французов в 1823 г. — в Испанию; для виду он осуждал даже восстание греков, разжигая в то же время это восстание и подстрекая западно-европейских эллинофилов к удвоенной энергии. Глупая Европа снова была одурачена невероятнейшим образом; монархам и реакционерам царизм проповедывал легитимность¹, либеральным филистерам — освобождение народов и просвещение²; и те и другие верили ему.

В Вероне французский министр, романтик Шатобриан, был совершенно очарован царем, который подал французам надежду на приобретение левого берега Рейна, если только они будут послушно идти за Россией. Этой надеждой, подкрепленной позднее, при Карле X, положительными обещаниями, русская дипломатия водила Францию на помочах и до самого 1830 г. с небольшими перерывами направляла ее восточную политику.

Несмотря на все это, человеколюбивая политика царя, который³ под предлогом освобождения греческих христиан от магометанского ига стремился сам занять место магометан, не достигала желанных успехов. Потому что, как писал князь Ливен, русский посол в Лондоне (депеша от 18 (30) октября 1825 г.), «вся Европа с ужасом смотрит на этого русского колосса, гигантские силы которого ждут только знака, чтобы двинуться на нее. В ее интересах поэтому поддерживать Турцию, этого естественного врага нашей

¹ В английском тексте прибавлено: «и сохранение status quo». *Ред.*

² В английском тексте: «освобождение угнетенных народов». *Ред.*

³ В английском тексте: «Несмотря на все это, мир взирал с недоверием или в лучшем случае с равнодушием на человеколюбивую политику царя, который» и т. д. *Ред.*

империи». Война в Греции продолжалась с переменным счастьем, а между тем все усилия России получить высокое согласие ¹ Европы на то, чтобы вторгнуться в Дунайские княжества и тем принудить Турцию к капитуляции, оставались безрезультатными. Тем временем Турция получила в 1825 г. помощь из Египта; греки были повсюду разбиты, восстание почти подавлено. Русская политика стояла перед угрозой поражения, или же — надо было действовать смело.

Канцлер Нессельроде обратился за советом к своим послам. Поццо-ди-Борго в Париже (депеша от 4 (16) октября 1825 г.) и Ливен в Лондоне (депеша от 18 (30) октября 1825 г.) высказались безоговорочно за смелые действия: нужно сейчас же и не обращая внимания на Европу занять Дунайские княжества, хотя бы это грозило европейской войной. Это было, очевидно, мнение всей русской дипломатии. Но Александр был вял, капризен, разочарован, настроен на мистически-романтический лад; он напоминал «Grec du Bas-Empire» [«византийского грека»] (как называл его Наполеон) не только своей хитростью и двуличностью, но также нерешительностью и отсутствием энергии. Легитимизм он стал принимать всерьез, и ему было уже не до греческих повстанцев. Бездеятельный и в то время, при отсутствии железных дорог, почти неуловимый, он путешествовал на юге, возле Таганрога. Вдруг пришло известие о его смерти. Ходили слухи о яде. Не устранила ли дипломатия сына так же, как некогда отца? Во всяком случае, умер он как нельзя более кстати.

В лице Николая вступил на престол такой царь, лучше которого дипломатия и желать не могла. Это был по натуре посредственный ротный командир, выше всего ценивший ² *внешнюю видимость* власти и готовый ради этой видимости пойти на все. Теперь стали действовать более решительно, и война с Турцией была предпринята, не вызвав никакого вмешательства со стороны Европы. Англию — либеральными фразами, а Францию — упомянутыми выше обещаниями склонили к тому, что и та и другая, присоединив свой флот к русскому, 20 октября 1827 г., без всякого объявления войны, напали при Наварине на турецко-египетский флот и уничтожили его. Англия, правда, скоро отошла в сторону, но Франция Бурбонов осталась верна России. В то время как царь объявил войну

¹ В английском тексте: «молчаливое согласие». *Ред.*

² В английском тексте: «Это была самодовольная посредственность, с разговором ротного командира, человек, принимавший жестокость за энергию и капризное упрямство за силу воли, выше всего ценивший» и т. д. *Ред.*

туркам, и его войска 6 мая 1828 г. перешли Прут, 15 000 французских солдат готовились к отплытию в Грецию, где они и высадились в августе и сентябре того же года. Для Австрии это было достаточным предостережением, чтобы не нападать на русских с фланга во время их похода на Константинополь: результатом была бы война с Францией, и тогда вошел бы в силу русско-французский союз, предусматривавший завоевание Константинополя для одного из союзников и левого берега Рейна — для другого.

Дибич¹ дошел, таким образом, до Адрианополя, но там попал в такое положение, что ему пришлось бы поспешно отступать обратно за Балканы, если бы турки продержались еще хотя бы две недели. У него было только 20 000 человек, и из них четвертая часть была больна чумой. Тогда в качестве посредника выступило прусское посольство в Константинополе и склонило турок к миру при помощи лживого известия о грозящем наступлении русских, на самом деле совершенно невозможном; это, по словам Мольтке, спасло русского полководца «из такого положения, которому, может быть, достаточно было продлиться еще несколько дней, чтобы с высот победы сбросить его в пучину гибели» (Moltke. «Der Russisch-Türkische Feldzug», p. 390 [Мольтке. «Русско-турецкий поход», стр. 390]). Тем не менее, этот мир дал России устья Дуная, кусок земли в Азии и новый повод для постоянного вмешательства в дела Дунайских княжеств. Последние с той поры превратились в «karczma zajezdna» для русских войск и за весь этот период, до самой Крымской войны, лишь очень редко бывали свободны от их постоя.

Прежде чем удалось использовать все эти выгоды, разразилась июльская революция. Теперь русским агентам пришлось на некоторое время припрятать в карман свои либеральные фразы; пришлось ограничиться только защитой «легитимности». Был уже подготовлен поход Священного союза против Франции, как вдруг вспыхнуло польское восстание, на целый год связавшее руки России; так Польша ценою самопожертвования вторично спасла европейскую революцию.

Я не буду подробно говорить о русско-турецких отношениях в период 1830 — 1848 гг. В них было важно то, что в первый раз Россия могла выступить в качестве защитницы Турции от ее возмущившегося египетского вассала Мехмета-Али, послать

¹ В английском тексте: «Дибич, главнокомандующий русской армией, дошел» и т. д. *Ред.*

тридцатитысячное войско на Босфор для защиты Константинополя и поставить Турцию договором в Ункиар-Искелесси на целый ряд лет под фактическое господство России; то, что ей далее, в 1840 г., удалось вследствие измены Пальмерстона во мгновение ока превратить надвигающуюся европейскую коалицию против России в коалицию против Франции, а также то, что она подготовила аннексию Дунайских княжеств непрерывной оккупацией, эксплуатацией¹ крестьян и приманиванием бояр с помощью «Réglement Organique»² (см. Маркс, «Капитал», т. I, гл. VIII). Но главной задачей этого периода были завоевание и руссификация Кавказа, что после двадцатилетней борьбы удалось, наконец, выполнить.

Тем временем царскую дипломатию постигла тяжкая неудача: когда великий князь Константин 29 ноября 1830 г. был вынужден бежать из Варшавы от польских инсургентов, в руки последних попал весь его дипломатический архив, подлинные депеши министра иностранных дел и официальные копии всех важных депеш посланников. Был разоблачен весь механизм русской дипломатии³ 1825—1830 гг. Польское правительство через графа Замойского переслало эти депеши в Англию и Францию, а по предложению английского короля Вильгельма IV они были в 1834 г. опубликованы Давидом Уркартом в «Portfolio». Этот «Portfolio» и до сих пор остается одним из главных и во всяком случае самым достоверным источником для истории тех интриг, посредством которых царизм стремится перессорить между собою западные нации, чтобы в результате этих раздоров получить над ними господство.

Русская дипломатия не только без вреда, но и с прямой пользой для себя выдержала уже так много западно-европейских революций, что взрыв февральской революции 1848 г. она могла приветствовать как чрезвычайно благоприятное для нее событие. Если революция, перекинувшись в Вену, не только устранила главного противника России, Меттерниха, но и пробудила от спячки австрийских славян, этих вероятных союзников царизма; если она проникла в Берлин и тем самым исцелила на все готового, но ни на что не способного

¹ В английском тексте: «размещением своих солдат на постой среди крестьян». *Ред.*

² В английском тексте здесь дано подстрочное примечание: «Положение о крестьянах, отдававшее в распоряжение бояр (местной землевладельческой аристократии) большую часть рабочего времени крестьянина, да к тому же совершенно безвозмездно. Подробнее см. Карл Маркс, «Капитал», т. I, гл. VIII». *Ред.*

³ В английском тексте добавлено: «и все интриги, которые она плела в 1825—1830 гг.». *Ред.*

Фридриха-Вильгельма IV¹ от его жажды независимости от России, — то можно ли было желать большего? Россия была обеспечена от всякой заразы, а Польша оккупирована так крепко, что не могла и шевельнуться. А как только революция распространилась и на Дунайские княжества, русская дипломатия получила то, чего хотела, — предлог для нового вторжения в Молдавию и Валахию, чтобы восстановить порядок и еще более укрепить там русское владычество.

Но этого мало. Австрия, самая упорная, самая настойчивая противница России на границах Балканского полуострова, была приведена венгерским и венским восстаниями на край гибели. Но победа венгерцев означала бы новый взрыв европейской революции, а многочисленность поляков в венгерских войсках была ручательством того, что на этот раз революция не остановилась бы на польской границе. Поэтому Николай стал великодушен. Он приказал своим армиям вторгнуться в Венгрию, подавил превосходными силами венгерские войска и тем закрепил поражение европейской революции. А когда Пруссия все еще пыталась воспользоваться революцией для расторжения Германского союза и подчинения, по крайней мере, северо-германских мелких государств прусской гегемонии, Николай пригласил ее и Австрию на свой суд в Варшаву и решил тяжбу в пользу Австрии. В благодарность за свою многолетнюю покорность России Пруссия была позорно унижена за то, что она позволила себе на мгновение слабую попытку сопротивления. Шлезвиг-голлштинский вопрос Николай решил также не в пользу Германии, а наследником датского престола назначил Христиана Глюксбургского, убедившись предварительно в его пригодности для целей царизма. Не только Венгрия, но вся Европа лежала у ног царя, и это было прямым последствием революции. Не в праве ли была русская дипломатия втайне приходить в восторг от революций на Западе?

Но февральская революция была, тем не менее, для русского царизма первым ударом похоронного колокола. Мелкая душонка ограниченного Николая не могла вынести незаслуженного счастья; он чересчур поспешил с выступлением против Константинополя; разразилась Крымская война; Англия и Франция пришли на помощь Турции, а Австрия горела желанием *d'étonner le monde par la grandeur de son ingratitude* [удивить мир величием своей

¹ В английском тексте: «бессильного импотента Фридриха-Вильгельма IV». *Ред.*

неблагодарности]. Ибо Австрия знала, что в благодарность за военную помощь в Венгрии и за варшавский приговор от нее ждут нейтралитета или даже поддержки русских завоеваний на Дунае, а это было равносильно окружению австрийских границ Россией от Кракова до Орсовы и Землина. И на этот раз Австрия, — чего с нею почти никогда не бывало, — посмела иметь собственное суждение.

Крымская война была сплошь колоссальной комедией ошибок, в которой то и дело спрашиваешь себя: кто же тут обманут? Но эта комедия стоила бесчисленных средств и более миллиона человеческих жизней. Едва лишь первые отряды союзников высадились в Болгарии, как австрийцы вступили в Дунайские княжества, а русские отступили за Прут. Таким образом, Австрия встала на Дунае между обеими воюющими сторонами; продолжение военных действий в этой области было возможно только с ее согласия. Но в войне на западной границе России Австрия сама была непрочь принять участие. Австрия знала, что Россия никогда не простит ей этой черной неблагодарности; поэтому Австрия была готова присоединиться к союзникам только для войны серьезной, которая восстановила бы Польшу и значительно отодвинула бы назад западную границу России. Такая война должна была вовлечь и Пруссию, через территорию которой шел весь русский ввоз; европейская коалиция блокировала бы Россию с суши и с моря и обрушилась бы на нее с такими превосходными силами, что победа была бы несомненной.

Но это вовсе не входило в намерения Англии и Франции. Наоборот, обе они были рады тому, что выступление Австрии избавляет их от опасности серьезной войны. То самое, чего желала Россия, — чтобы союзники направились в Крым и застряли там, — было предложено Пальмерстоном и с жаром подхвачено Луи-Наполеоном. Двинуться из Крыма внутрь России было бы стратегическим безумием. Таким образом, война была благополучно превращена в войну мнимую, к великому удовлетворению всех главных ее участников. Однако царь Николай не мог долго мириться с тем, что неприятельские войска на окраине его империи водворились на русской земле; для него мнимая война стала вскоре опять войной серьезной. Но то место его территории, которое для мнимой войны было наиболее благоприятным, для войны серьезной было наиболее опасным. То, что было силой России при обороне, — огромное протяжение ее редко населенной, бездорожной, бедной источниками снабжения территории, — обернулось против самой же России, как только Николай сосредоточил все свои военные силы в одной точке

периферии — в Севастополе. Южно-русские степи, которые должны были стать могилой для неприятеля, стали могилой для русских армий, которые Николай, со свойственной ему свирепой и глупой беспощадностью, одну за другой гнал в Крым, под конец даже в разгар зимы. И когда последняя армия, сколоченная наспех, кое-как вооруженная и плохо снабженная припасами, потеряла в походе до двух третей своего состава (от мятежей погибали целые батальоны), а остатки ее оказались неспособными к сколько-нибудь серьезному наступлению, тогда чванный пустышка Николай пришел в жалкое отчаяние и, приняв яд, бежал от последствий своего цезаристского безумия.

Его преемник поспешно заключил мир на очень сносных условиях. Но тем значительнее были последствия войны внутри страны. Чтобы самодержавно властвовать внутри страны, царизм во внешних сношениях должен был не только быть непобедимым, но и непрерывно одерживать победы, он должен был уметь вознаграждать безусловную покорность своих подданных шовинистическим угаром побед, все новыми и новыми завоеваниями. А тут царизм потерпел жалкое крушение, и притом в лице своего внешне наиболее импозантного представителя; он скомпрометировал Россию перед всем миром и вместе с тем самого себя — перед Россией. Наступило небывалое отрезвление. Колоссальные жертвы войны слишком сильно встряхнули русский народ, царю пришлось слишком много взывать к его преданности, чтобы можно было сразу же вернуть его к пассивному, тупому повиновению. К тому же Россия постепенно развивалась и в экономическом и в умственном отношении; рядом с дворянством появились уже зачатки второго просвещенного класса, буржуазии. Словом, новый царь был вынужден разыгрывать из себя либерала, но на этот раз *внутри* страны. А тем самым было положено начало внутренней истории России, движению умов в самой нации и его отражению, общественному мнению, пусть еще очень слабому, но приобретающему все больший и больший вес, все меньше позволяющему себя игнорировать. И, таким образом, у царской дипломатии появился враг, который должен погубить ее; ибо дипломатия такого рода возможна лишь до тех пор, пока народ остается совершенно пассивным, не имеет другой воли, кроме воли правительства, не знает другого призвания, кроме солдатской службы и уплаты податей для выполнения задач, поставленных дипломатами. Но раз в России началось внутреннее развитие, а вместе с тем и внутренняя борьба партий, завоевание конституционной формы, в которой эта борьба партий могла бы происходить без насильственных

потрясений, является лишь вопросом времени. Но тогда достоянием прошлого станет и прежняя русская завоевательная политика; в борьбе партий за господство исчезнет неизменное постоянство дипломатических целей; ничем не ограниченное распоряжение силами нации станет невозможным, — Россия останется сильной в защите и относительно столь же слабой в нападении, но в других отношениях она станет такой же европейской страной, как и все другие, и специфическая сила прежней ее дипломатии будет разрушена навсегда.

La Russie ne boude pas, elle se recueille [Россия не злится, она собирается с силами], — сказал после войны канцлер Горчаков. Он и сам не знал, как справедливы его слова. Он говорил только о дипломатической России. Но неофициальная Россия тоже собиралась с силами. И в этом собирании сил (recueillement) ей помогало само правительство. Война доказала, что хотя бы из чисто военных соображений Россия нуждается в железных дорогах и в крупной промышленности. И с этой целью правительство принялось растить класс русских капиталистов. Но этот класс не может существовать без пролетариата, а для создания элементов этого последнего пришлось провести так называемое освобождение крестьян; за свою личную свободу крестьянин заплатил дворянству лучшей частью своих земельных владений. Того, что у него осталось, было слишком много, чтобы умереть с голоду, и слишком мало, чтобы существовать. Русская крестьянская община¹ была, таким образом, подорвана в корне, но в то же время в тепличной обстановке железнодорожных привилегий, покровительственных пошлин и других преимуществ выращивалась новая крупная буржуазия, и тем самым в городе и в деревне началась подлинная социальная революция, которая уже не давала успокоиться раз пробудившимся умам. Молодая буржуазия нашла свое отражение в либерально-конституционном движении, а зарождающийся пролетариат — в движении, которое обычно называют нигилизмом. Таковы были истинные последствия «recueillement» России.

Между тем дипломатия, повидимому, еще не замечала, какой противник возник у нее внутри страны. Наоборот, во-вне она как будто одерживала победу за победой. На Парижском конгрессе 1856 г. Орлов играл главную роль, чего добивались многие²; вместо

¹ Слово «община» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

² В английском тексте: «Орлов был центральной фигурой и играл руководящую роль». *Ред.*

того, чтобы приносить жертвы, он достиг новых успехов; военные права на море, которых требовала Англия и которые со времен Екатерины оспаривались Россией, были окончательно устранены, и основан русско-французский союз против Австрии. Этот союз показал свое действие в 1859 г., когда Луи-Наполеон взялся отомстить Австрии за Россию. От последствий русско-французской сделки, которая была тогда разоблачена Мадзини и согласно которой, в случае продолжительного сопротивления Австрии, один из русских великих князей должен был стать кандидатом на трон независимой Венгрии, — от этих последствий Австрия спаслась быстрым заключением мира. Но со времени 1848 г. народы стали портить игру дипломатов. Италия стала независимой и единой вопреки воле и царя и Луи-Наполеона.

Война 1859 г. всполошила также и Пруссию. Пруссия почти удвоила свою армию и поставила у кормила правления человека, который мог потягаться с русской дипломатией по крайней мере в одном отношении: в полной неразборчивости при выборе средств. Этим человеком был Бисмарк. Во время польского восстания 1863 г. он в театральном поведении стал на сторону России против Австрии, Франции и Англии и сделал все, чтобы обеспечить победу России. За это царь отступил от своей обычной политики в шлезвиг-голлштинском вопросе; с царского дозволения герцогства были в 1864 г. отторгнуты от Дании. Затем грянула австро-прусская война 1866 г.; тут царь опять был обрадован новым унижением Австрии, а также ростом могущества Пруссии — этого единственного верного вассала, все еще верного даже после пинков 1849 — 1850 гг. Война 1866 г. повлекла за собой франко-прусскую войну 1870 г., и царь снова стал на сторону своего прусского «молодца-дяди»¹; он парализовал силы Австрии и таким образом лишил Францию единственного союзника, который мог бы спасти ее от полного разгрома. Но так же, как Луи Бонапарт в 1866 г., Александр в 1870 г. остался в дураках из-за быстрых успехов немецкого оружия. Вместо затяжной войны, до смерти изнуряющей обе стороны, последовали быстрые удары: в пять недель бонапартистская империя была разбита вдребезги, а ее армии уведены в германский плен.

В то время в Европе было одно только место, где правильно было понято создавшееся положение: это был Генеральный совет Международного товарищества рабочих. 9 сентября 1870 г. он выпустил воззвание, в котором проводилась параллель между 1866 и

¹ Написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

1870 г. Война 1866 г., говорилось в воззвании, велась с согласия Луи-Наполеона, но достаточно было побед Пруссии и усиления ее мощи, чтобы Франция тотчас же заняла враждебную позицию по отношению к Пруссии. Точно так же новые успехи 1870 г. и связанное с ними новое усиление прусско-германской мощи принудят русского царя стать врагом Германии, хотя во время войны он и оказывал Германии дипломатическую поддержку. Необходимой предпосылкой преобладающего влияния России в Европе является ее традиционная власть над Германией, которая теперь была сломлена. В такой момент, когда революционное движение начинает принимать грозные размеры в самой России, царь не может перенести такого урона своего престижа за границей. Если же Германия аннексией Эльзас-Лотарингии толкнет вдобавок Францию в объятия России, то она должна будет либо стать прямым орудием русских завоевательных планов, либо же после короткой передышки быть готовой к войне против России и Франции одновременно, — к войне, которая легко может перейти в расовую войну против объединенных славянских и романских народов¹.

Новая Германская империя оказала России услугу, оторвав Эльзас-Лотарингию от Франции и тем самым действительно бросив Францию в объятия России. Царская дипломатия получила теперь завидную возможность держать в зависимости от себя обе страны, и Францию и Германию, которые стали из-за этой аннексии смертельными врагами. И этим благоприятным положением она воспользовалась для нового наступления на Царьград, для турецкой войны 1877 г. После долгой борьбы русские войска подошли в январе 1878 г. к самым воротам турецкой столицы, как вдруг в Босфоре появились четыре английских броненосца и принудили русских, уже видевших купола Софийского собора, остановиться и отдать свой проект Сан-Стефанского договора на рассмотрение европейского конгресса.

Все же Россия, казалось, достигла громадного успеха. Румыния, Сербия, Черногория, увеличившие свою территорию и получившие независимость благодаря России, были у нее в долгу; четырехугольник крепостей между Дунаем и Балканами, этот мощный оплот Турции, был уничтожен; Балканы, последнее прикрытие Константинополя, отняты у турок и обезоружены; Болгария и

¹ В английском тексте вместо этого абзаца приведено соответствующее место из «Второго воззвания Генерального совета от 9 сентября 1870 г.», от слов: «Точно так же, как в 1865 г. ...» до слов: «к войне расовой, войне против объединенных славянских и романских народов». *Ред.*

Восточная Румелия, формально вассалы Турции, стали в действительности вассалами России; возвращена потерянная в 1856 г. часть Бессарабии; завоеваны новые важные пункты в Армении; Австрия, заняв Боснию, стала сообщицей в разделе Турции и неизбежной противницей всех сербских стремлений к независимости и к объединению; наконец, Турция территориальными потерями, истощением и непомерной контрибуцией была поставлена в полную зависимость от России, оказалась в таком положении, при котором она, как совершенно правильно понимали это русские, была лишь временной хранительницей Босфора и Дарданелл для России. Таким образом, России, повидимому, оставалось лишь выбрать подходящий момент, чтобы овладеть великой целью своих стремлений, Константинополем, этим «*la clef de notre maison*» [ключом от нашего дома].

Однако в действительности дело обстояло совсем не так. Если эльзас-лотарингский вопрос толкнул Францию в объятия России, то поход на Константинополь и Берлинский договор толкнули Австрию в объятия Бисмарка. А тем самым все положение опять изменилось. Крупные военные державы континента разделились на два больших, угрожающих друг другу лагеря: Россия и Франция — с одной стороны, Германия и Австрия — с другой. Вокруг тех и других вынуждены группироваться меньшие государства. Но это значит, что русский царизм не может сделать последнего решающего шага, не может действительно овладеть Константинополем без мировой войны с приблизительно равными шансами, войны, исход которой будет, вероятно, зависеть не от той или другой вступившей в борьбу стороны, а от Англии. Ибо война Австрии и Германии против России и Франции отрезала бы весь Запад от подвоза русского хлеба по суше. Но все страны Запада живут только заграничным, привозным хлебом. А хлеб тогда можно было бы получать только с моря, превосходство же Англии на море дало бы ей возможность оставить без хлеба либо Францию, либо Германию и обречь таким образом на голод ту или другую страну, смотря по тому, на чью сторону она бы встала¹. Но бороться за Константинополь

¹ В английском тексте к этому месту следует примечание: «Без тех морских прав, на которые Англия так долго притязала и от которых она в конце концов отказалась Парижской декларацией 1856 г., Англия могла бы обойтись в обыкновенной войне с одной или двумя континентальными державами. Эти последние, даже будучи блокированы с моря, всегда могли бы в наш век железных дорог получить любое количество ввозных товаров по суше от своих нейтральных соседей; именно в этом состояла главная услуга, оказанная Пруссией России

путем мировой войны, в которой решающее слово принадлежит Англии, — ведь это и есть именно то положение, избежать которого русская дипломатия стремилась в течение полутора столетий. Это само по себе было ее поражением¹.

Да и союз с республиканской Францией, где состав правительства постоянно меняется, в сущности отнюдь не надежен для царизма и уж никак не соответствует его заветным желаниям. Только реставрированная французская монархия могла бы быть по-настоящему надежной союзницей в той ужасной войне, которая теперь един-

во время Крымской войны. Но в той европейской войне, которая угрожает нам теперь, весь континент раскололся бы на две враждебные группы; соблюдение нейтралитета стало бы в конце концов невозможным; сухопутные сношения между странами были бы почти, если не вовсе, приостановлены. При таких обстоятельствах Англия могла бы пожалеть об отказе от своих морских прав. Но, с другой стороны, в такой войне проявилась бы вся сила морского превосходства Англии, а больше ничего и не требуется». *Ред.*

¹ В английском тексте добавлен здесь следующий абзац: «От внимания петербургских дипломатов не ускользнуло то обстоятельство, что крайне важно парализовать возможное сопротивление Англии окончательному утверждению России на Босфоре. После Крымской войны, а в особенности после мятежа 1857 г. в Индии, завоевание Туркестана, предпринятое еще в 1840 г., стало неотложной задачей. В 1865 г. русские заняли Ташкент, создав себе таким образом опорный пункт на Сыр-Дарье; в 1868 г. был присоединен Самарканд, в 1875 г. — Коканд, а ханства Бухарское и Хивинское поставлены в вассальную зависимость от России. Затем началось утомительное наступление на Мерв с юго-восточного угла Каспийского моря; в 1881 г. был взят Геок-Тепе, первый важный форпост в пустыне; в 1884 г. сдался Мерв, и теперь Закаспийская железная дорога восполняет пробел в русской линии между Михайловском на Каспийском море и Чарджуем на Аму-Дарье. Нынешняя позиция русских в Туркестане далеко еще не дает им надежной и достаточной базы для нападения на Индию. Но она во всяком случае представляет собою очень серьезную угрозу вторжения в будущем и вызывает постоянные волнения среди туземцев. Пока английское господство в Индии не могло встретить соперников, до тех пор даже мятеж 1857 г. и его свирепое подавление можно было рассматривать как события, в конце концов укрепляющие владычество англичан. Но когда в Туркестане утверждается первоклассная европейская военная держава, стремящаяся силой или задабриванием сделать своими вассалами Персию и Афганистан и продвигающаяся медленно, но неуклонно к Гиндукушу и Солимановым хребтам, — тут уж дело совсем иное. Английское господство перестает быть для Индии каким-то непреодолимым роком; перед туземным населением открывается другая перспектива; что было силой создано, силой же может быть и разрушено; и если Англия теперь попытается преградить России путь к Черному морю, Россия попробует натворить Англии бед в Индии. Но, несмотря на все это, морское могущество Англии так велико, что в той всеобщей войне, которая, повидимому, надвигается, Англия может принести России гораздо больше вреда, чем Россия Англии». *Ред.*

ственно возможна. Вот почему за последние пять лет царизм взял под свое особое покровительство Орлеанов; они должны были даже породниться с ним через брак с членом датского королевского дома, этого русского форпоста на Зунде. А для того, чтобы подготовить во Франции реставрацию Орлеанов, ставших теперь тоже русским форпостом, был использован генерал Буланже, приверженцы которого во Франции хвастаются тем, что таинственным источником денег, так щедро ими разбрасываемых, является не кто иной, как русское правительство, предоставившее им *пятнадцать миллионов франков* на проведение их кампании. Таким образом, Россия снова вмешивается во внутренние дела западных государств, на этот раз в качестве открытой защитницы реакции, ставя ставку на нетерпеливый шовинизм французской буржуазии в противовес революционному духу французских рабочих.

Вообще именно после 1878 г. обнаруживается, как сильно ухудшилось положение русской дипломатии с тех пор, как народы все чаще стали позволять себе тоже вмешиваться в дело, и притом вмешиваться с успехом. Даже на Балканском полуострове, где Россия *ex professo* [специально] выступает как освободительница народов, уже ничего не выходит. Румыны в благодарность за то, что именно они доставили русским победу под Плевною, вынуждены снова отдать свой кусок Бессарабии и теперь вряд ли позволят прельститься себя обещаниями насчет Семиградья и Баната. Болгары, испытавши всю прелесть присланных к ним царских агентов, сыты по горло царским методом освобождения; не стали пока еще строптивы только сербы и, пожалуй, греки — те и другие потому, что они не находятся на прямом пути к Константинополю. Австрийские славяне, освободить которых от немецкого гнета царь считал своим призванием, с тех пор приобрели уже власть сами, по крайней мере в цислейтанской части империи. Фраза об освобождении народов всемогущим царем отжила свой век, она применима разве еще только к Криту или к Армении, а это не производит уже никакого впечатления в Европе даже на христиански-благочестивых английских либералов; из-за Крита или Армении даже такой поклонник царя, как Гладстон, уже не рискнет европейской войной, с тех пор как американец Кенан разоблачил перед всем миром всю ту низость, с какой царизм в собственной империи подавляет всякую попытку к сопротивлению¹.

¹ В английском тексте добавлено: «с тех пор как преданы гласности избивание на смерть г-жи Сигиды и прочие русские «зверства»». *Ред.*

И тут мы подошли к основному вопросу. Со времени 1856 г. внутреннее развитие России, поддержку которому оказала политика правительства, проявило свое действие; социальная революция гигантски шагнула вперед; Россия с каждым днем становится все более европейской страной; крупная промышленность, железные дороги, превращение всех натуральных повинностей в денежные платежи и вызванное этим разложение старых основ общества, — все это развивается в России со все возрастающей быстротой. Но в той же мере развивается и несовместимость царского абсолютизма с нарождающимся новым обществом. Образуются оппозиционные партии, конституционные и революционные, с которыми правительство может управиться лишь при помощи все более свирепых мер. И русская дипломатия с ужасом видит приближение того дня, когда скажет свое слово русский народ и когда устройство своих собственных внутренних дел не будет оставлять ему ни времени, ни охоты заниматься таким ребячеством, как завоевание Константинополя, Индии и мирового владычества. В 1848 г. революция остановилась на польской границе, теперь же она стучится в двери России, и внутри страны у нее уже достаточно союзников, которые ждут только случая открыть ей эти двери.

Правда, когда читаешь русские газеты, можно подумать, что вся Россия только и мечтает, что о царской завоевательной политике; кругом — сплошной шовинизм, панславизм, призыв к освобождению христиан от турецкого ига, а славян — от немецко-мадьярского. Но, во-первых, всякий знает, какие оковы наложены на русскую прессу; во-вторых, правительство годами взращивало этот шовинизм и панславизм во всех школах; и в-третьих, эта пресса, поскольку она вообще выражает независимые взгляды, выражает лишь настроение городского населения, т. е. вновь народившейся буржуазии, которая заинтересована, конечно, в новых завоеваниях как в средстве расширения русского рынка. Но это городское население составляет ничтожное меньшинство во всей стране. Как только Национальное собрание даст возможность поднять свой голос подавляющему большинству русского народа, населению русской деревни, — мы услышим совсем другие речи. Опыт, который правительство проделало с земствами, опыт, принудивший его вновь свести эти земства к нулю, служит речательством того, что русское Национальное собрание, чтобы преодолеть хотя бы самые главные внутренние затруднения, должно будет решительно положить конец всяким стремлениям к новым завоеваниям.

* * *

Современное положение Европы определяется тремя фактами: 1) аннексией Эльзас-Лотарингии Германией, 2) стремлением царской России к Константинополю; 3) борьбой между пролетариатом и буржуазией, все жарче разгорающейся во всех странах, борьбой, термометром которой служит повсеместный подъем социалистического движения.

Двумя первыми фактами обуславливается современное разделение Европы на два больших военных лагеря. Аннексия Эльзас-Лотарингии превратила Францию в союзницу России против Германии, царская угроза Константинополю превращает Австрию и даже Италию в союзницу Германии. Оба лагеря готовятся к решительному бою, — к войне, какой еще не видывал мир, к войне, в которой будут стоять друг против друга от десяти до пятнадцати миллионов вооруженных бойцов. Только два обстоятельства препятствовали до сих пор взрыву этой ужасной войны: во-первых, неслыханно быстрое развитие военной техники, при котором каждый новоизобретенный образец оружия, прежде чем его успеют ввести хотя бы только в *одной* армии, обгоняется новыми изобретениями, и, во-вторых, абсолютная невозможность взвесить шансы, полная неизвестность, кто же в конце концов выйдет победителем из этой гигантской борьбы.

Вся эта опасность мировой войны исчезнет в тот день, когда дела в России примут такой оборот, что русский народ сможет поставить крест над традиционной завоевательной политикой своих царей и вместо фантазий о мировом господстве заняться своими собственными жизненными интересами внутри страны, интересами, которым угрожает крайняя опасность.

В этот день Бисмарк ¹ потеряет всех своих союзников против Франции, которых толкнула в его объятия русская угроза. Ни для Австрии, ни для Италии не будет тогда ни малейшего интереса таскать для Бисмарка ² каштаны из огня грандиозной европейской войны. Германская империя вернется к тому изолированному положению, когда, по словам Мольтке, все ее боятся и никто не любит, что является неизбежным результатом ее политики. И взаимное сближение борющейся за свою свободу России и республиканской Франции будет тогда настолько же естественным для положения обеих стран, насколько и безопасным для общего положения Европы, а тогда и Бисмарк или его преемник трижды подумает, прежде чем

¹ В английском тексте: «Германская империя». *Ред.*

² В английском тексте: «для германского императора». *Ред.*

решится затеять против Франции такую войну, в которой ни Россия против Австрии, ни Австрия против России не станут прикрывать его с фланга, а обе будут радоваться всякому постигнутому его поражению, так что весьма сомнительно, справится ли он даже с одними французами. Все симпатии были бы тогда на стороне Франции, и она на худший случай была бы гарантирована от дальнейших территориальных потерь. Поэтому, вместо того, чтобы держать курс на войну, Германская империя вскоре нашла бы, вероятно, свое изолированное положение настолько невыносимым, что стала бы искренно искать соглашения с Францией; тем самым страшная опасность войны была бы устранена, *Европа могла бы разоружиться*, и больше всех выиграла бы от этого сама Германия.

В тот же день Австрия потеряет свое единственное историческое право на существование, — право, принадлежащее ей как барьеру против русского наступления на Константинополь. Как только Россия перестанет угрожать Босфору, Европа совершенно не будет заинтересована в существовании этого пестрого клубка народов. Совершенно безразличным станет тогда и весь так называемый восточный вопрос, — вопрос о сохранении турецкого владычества в славянских, греческих и албанских областях, а также и спор об обладании входом в Черное море, который никто уже не сможет тогда монополизировать против Европы. Магьяры, румыны, сербы, болгары, арнауты, греки и турки ¹ получают, наконец, возможность без вмешательства посторонней силы разрешить свои взаимные споры, размежевать свои национальные территории, устроить свои внутренние дела по собственному усмотрению. Тогда сразу станет ясно, что главным препятствием к автономии и свободному объединению народов и осколков различных народов на пространстве между Карпатами и Эгейским морем был все тот же царизм, который под маской мнимого освобождения этих народов скрывал свои планы мирового господства.

Франция будет освобождена от вынужденного неестественного положения, в которое она попала из-за союза с царем. Если царю противен союз с республикой, то революционному французскому народу еще противнее союз с деспотом, с палачом Польши и России. В войне в одном лагере с царем Франция в случае поражения не могла бы прибегнуть к своему великому, единственно действительному средству спасения, к целебному средству 1793 г.: к революции, к напряжению всех народных сил посредством террора, к революционной пропаганде во

¹ В английском тексте добавлено: «армяне». *Ред.*

вражеской стране; в этом случае царь тотчас перешел бы на сторону врагов Франции, так как с 1848 г. времена сильно изменились, и царь имел с тех пор возможность в самой России познакомиться с террором на собственном опыте. Таким образом, союз с царем вовсе не усиливает Францию, а наоборот — в момент наибольшей опасности он мешает ей обнажить свой меч. Но если бы в России место могущественного царя заняло русское Национальное собрание, тогда союз новой освобожденной России с республиканской Францией был бы как нельзя более понятен и естественен, тогда он стал бы способствовать революционному движению во Франции, а не мешать ему, тогда он был бы выгоден и для борющегося за свое освобождение европейского пролетариата. Таким образом, и Франция только выиграла бы от падения царского всемогущества.

Вместе с тем исчезли бы все предлоги для бешеных вооружений, превращающих всю Европу в военный лагерь и заставляющих смотреть на войну чуть ли не как на избавление. Даже германский рейхстаг был бы тогда вскоре вынужден положить предел непрестанно возрастающим требованиям денег на военные цели.

И тем самым Запад получил бы возможность без всяких помех, не отвлекаясь в сторону, приняться за свою современную историческую задачу: разрешить конфликт между пролетариатом и буржуазией и превратить капиталистическое общество в социалистическое.

Но падение царского самодержавия в России ускорило бы этот процесс и непосредственно. В тот день, когда падет царская власть, эта последняя твердыня общеевропейской реакции, — в этот день совсем другой ветер подует в Европе. Ведь реакционные правительства Европы¹ отлично знают, что, несмотря на все их препирательства с царем из-за Константинополя и т. д., может наступить такой момент, когда они швырнут ему Константинополь, Босфор, Дарданеллы и все, чего он только потребует, лишь бы он защитил их от революции. Поэтому в тот день, когда эта главная крепость реакции сама перейдет в руки революции, реакционные правительства Европы потеряют последние следы самоуверенности и спокойствия; они будут тогда предоставлены самим себе и скоро почувствуют, каково это будет². Может быть, они решатся даже на то, чтобы

¹ В английском тексте: «Ибо господа из Берлина и Вены...». *Ред.*

² Вместо следующей фразы в английском тексте следует: «Германский император поддался бы, может быть, искушению послать свои войска для восстановления царской власти, но это было бы с его стороны самым верным шагом к уничтожению своей собственной власти.

«В самом деле, не может быть сомнения, что Германия — совершенно

послать свои войска для восстановления царской власти, — какая ирония мировой истории!

Таковы те пункты, в силу которых Западная Европа вообще, а западно-европейская рабочая партия в особенности, так глубоко заинтересованы в победе русской революционной партии и в падении царского абсолютизма. С возрастающей быстротой, как по наклонной плоскости, катится Европа в пропасть мировой войны неслыханного размаха и силы. Одно только может остановить ее: перемена строя в России. Что это должно произойти в ближайшие годы, — не подлежит никакому сомнению. Пусть же эта перемена произойдет во-время, прежде чем свершится то, что без нее неизбежно.

Лондон, конец февраля 1890 г.

независимо от возможности каких-либо действий России или Франции — быстро приближается к революции. Последние выборы в рейхстаг показывают, что силы немецких социалистов каждые три года увеличиваются вдвое; что в настоящий момент из всех германских партий социалисты представляют собою самую сильную, насчитывающую 1 437 000 голосов из общего числа семи миллионов и что все обычные и исключительные законы были совершенно бессильны приостановить их рост. Но немецкие социалисты, готовые принять любые экономические уступки, какие молодой император захочет сделать рабочему классу, в то же время твердо решили, — и это решение стало еще тверже после десятилетних гонений, — добиться возвращения политической свободы, завоеванной в 1848 г. на берлинских баррикадах, но потерянной в значительной части при Мантейфеле и Бисмарке. Они знают, что только эта политическая свобода даст им в руки средства достичь экономического освобождения рабочего класса. Вопреки некоторым признакам, свидетельствующим как будто об обратном, мы стоим накануне борьбы между немецкими социалистами и императором, представителем личной и патриархальной власти. В этой борьбе император в конце концов должен потерпеть поражение. Итоги выборов доказывают, что социалисты быстро достигают успехов даже в сельских округах, крупные же города уже почти полностью завоеваны ими; а в такой стране, где каждый здоровый молодой человек является солдатом, это означает постепенный переход армии к социализму. Пусть только в России произойдет внезапное изменение общественного строя, — и впечатление от этого события в Германии будет колоссально; а это должно ускорить кризис и удвоить шансы социалистов». *Ред.*

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

20 февраля 1890 г. — начало конца эры Бисмарка. Союз юнкеров и денежных тузов для эксплуатации немецких народных масс, — ибо таков и только таков был этот картель, — приносит свои плоды. Налог на водку, премия на вывоз сахара, пошлины на хлеб и мясо, перекачивающие миллионы из народного кармана в карман юнкеров; охранительные пошлины на продукты промышленности, пошлины, введенные как раз в тот момент, когда немецкая промышленность собственными силами и в условиях свободной торговли завоевала себе положение на мировом рынке, пошлины, введенные единственно лишь для того, чтобы фабрикант мог продавать свой товар внутри страны по монопольным ценам, а за границей — за бесценок; вся система косвенных налогов, падающая всей своей тяжестью на беднейшие слои народа и почти не затрагивающая богатых; гигантски растущие налоги для покрытия расходов на беспредельно увеличивающиеся вооружения; нарастающая вместе с вооружениями опасность мировой войны, грозящей «уложить» от четырех до пяти миллионов немцев, опасность, надвигающаяся все ближе, ибо захват Эльзас-Лотарингии бросил Францию в объятия России и тем самым сделал Россию третейским судьей Европы; неслыханная коррупция печати, коррупция, посредством которой правительство при каждом перевыборах рейхстага систематически забрасывало публику лживыми сенсациями, сеявшими панику; развращенная полиция, применяющая подкуп или насилие, чтобы заставлять жену предавать своего мужа, детей — своего отца; почти неизвестная прежде в Германии система провокации; полицейский произвол, далеко оставивший позади себя времена до 1848 г.; бесстыдное издевательство немецких судов, в особенности благородного имперского суда, над всяким правом; объявление всего рабочего класса вне закона посредством закона о социалистах, — все это происходило в свое время, и время это, благодаря трусости немецкого филистера, продолжалось достаточно долго; но теперь этому наступает конец. Большинство, стоявшее за картелем, разгромлено, разгромлено

бесповоротно, и есть только один способ вновь сколотить его, хотя бы на одно мгновение: государственный переворот.

Что же дальше? Сколотить новое большинство для поддержки старой системы? Ну, конечно, охотники на это нашлись бы, и не только в правительственных кругах. Среди свободомыслящих есть не мало трусов, которые готовы и сами войти в картель, лишь бы не дать ходу злодеям социал-демократам; мечты о возможности управлять государством, похороненные с Фридрихом III, уже опять стучатся в крышку гроба. Но правительство не может использовать свободомыслящих, — они *пока еще* не созрели для союза с восточно-прусскими юнкерами, а ведь это самый важный класс в империи!

А центр? В центре тоже много юнкеров, вестфальских, баварских и т. д., горящих желанием пасть в объятия своих восточно-прусских братьев и восторженно голосовавших за выгодные юнкерам налоги. В центре тоже достаточно буржуазных реакционеров, которые хотят вернуться вспять еще дальше, чем это нужно правительству, которые, будь это в их силах, снова взвалили бы на нас все прелести средневековой цеховщины. Ведь специфически католическая партия, как и всякая специфически христианская, не может не быть реакционной. Почему же не заключить новый картель с центром?

Да просто потому, что в действительности центр держится не на католицизме, а на *ненависти к пруссакам*. Центр состоит сплошь из пруссофобских элементов, которые, разумеется, в католических местностях наиболее сильны: рейнских крестьян, мелких буржуа и рабочих, южных немцев, ганноверских и вестфальских католиков. Вокруг центра группируются остальные буржуазные и крестьянские антипрусские элементы: вельфы и другие партикуляристы, поляки, эльзасцы. В тот день, когда центр станет правительственной партией, он распадется на юнкерско-цехово-реакционную часть и крестьянско-демократическую часть; и господа, принадлежащие к первой части, знают, что тогда уж им нельзя будет больше и показываться перед своими избирателями. Тем не менее, попытка будет сделана, и большинство центра пойдет ей навстречу. Для нас же это только к лучшему. Специфически антипруская, католическая партия сама была продуктом эры Бисмарка, продуктом господства специфического пруссачества. С падением последнего падет, конечно, и первая.

Итак, мы должны быть готовы к внезапному союзу центра с правительством. Но центр состоит не из национал-либералов, —

наоборот, это первая партия, победоносно вышедшая из борьбы с Бисмарком, приведшая его в Каноссу. Картелю, значит, здесь ни в коем случае не бывать, а только новый картель и нужен Бисмарку.

Что же будет дальше? Роспуск, новые выборы, расчет на страх перед социал-демократическим потоком? Для этого тоже уже упущено время. Если бы Бисмарк хотел этого, он ни на одно мгновение не должен был бы ссориться со своим новым императором, а тем более трезвонить повсюду об этом разладе.

Пока был жив старый Вильгельм, в глазах немецкого филистера непобедимость триумvirата Бисмарка, Мольтке, Вильгельма была совершенно непоколебима. Но теперь Вильгельм ушел, Мольтке ушли, а Бисмарк колеблется, ждать ли ему, чтобы его ушли, или уйти самому. Молодой же Вильгельм, занявший место старого, всем своим кратковременным правлением, а в особенности своими знаменитыми указами, показал, что солидному буржуазному филистерству никак нельзя на него положиться и что он не жалеет, чтобы им командовали. Человек, в которого филистер верит, уже не имеет власти, а в того человека, который обладает властью, филистер не может верить. Старая вера в вечное существование созданного в 1871 г. внутригосударственного порядка умерла, и никакая сила в мире уже не может возродить ее. Последний устой прежней политики, филистер, заколебался. Может ли тут помочь роспуск рейхстага?

Государственный переворот? Но это развяжет руки не только народу, а освободит и имперских князей от повиновения нарушенной этим имперской конституции; это будет означать крушение империи.

Война? Начать ее — нет ничего проще. Но что выйдет из такого начинания, не поддается никакому расчету. Если Крез перейдет Галис или Вильгельм — Рейн, он разрушит великое государство... Но какое? Свое собственное или неприятельское? Ведь мир еще сохраняется лишь благодаря непрерывной революции в технике вооружений, — революции, которая никому не дает возможности быть готовым к войне, а также благодаря всеобщему страху перед совершенно неподдающимися учету шансами мировой войны, — единственной, какая теперь возможна.

Помочь может только одно: восстание, спровоцированное жестокими мерами правительства и подавленное с удвоенной и утроенной жестокостью, повсеместное осадное положение и новые выборы в условиях правительственного террора. Но и это может лишь оттянуть на несколько лет гибель. Все же это — единственное средство,

а мы знаем, что Бисмарк принадлежит к тем людям, для которых все средства хороши. Не заявлял ли также и Вильгельм: при малейшем сопротивлении я прикажу все разгромить? Так что средством этим наверняка воспользуются.

Немецкие рабочие-социал-демократы только что торжествовали победу, которую вполне заслужили своей упорной настойчивостью, своей железной дисциплиной, своим бодрым юмором в борьбе, своей неутомимостью; но эта победа была неожиданна, наверное, для них самих и привела в изумление весь мир. С неотвратимостью процесса природы возрастало число социал-демократических голосов при каждом новых выборах; насилия, полицейский произвол, подлости судей, — все было безуспешно; все быстрее и быстрее двигалась вперед непрерывно возрастающая боевая колонна, — и вот она стоит перед нами, эта вторая по силе партия в государстве. Так неужели немецкие рабочие сами себе испортят дело, соблазнившись безнадежным путем, единственно лишь для того, чтобы спасти Бисмарка от смертельной опасности? В тот самый момент, когда свойственная им храбрость, стоящая выше всяких похвал, находит себе поддержку во взаимодействии всех внешних обстоятельств, когда вся общественная и политическая ситуация, даже все враги вынуждены действовать на пользу социал-демократии, словно бы им за это платили, — неужели в этот самый момент дисциплина и самообладание нам изменят, и мы сами бросимся на подставленный меч? Нет, этому не бывать: закон о социалистах слишком хорошо вышколил наших рабочих, в наших рядах слишком много старых солдат, а среди них слишком много таких, которые с винтовкой у ноги, под градом пуль научились выжидать, пока момент для наступления не созреет.

Напечатана в газете «Der Sozialdemokrat»,

London, № 10 от 8 марта 1890 г.

Подпись: Фридрих Энгельс.

ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ.

[ИЗ ПИСЬМА К ЭРЕНФРЕЙНДУ.]

Лондон, 19 апреля 1890 г.

... Но не натворите ли вы с антисемитизмом больше бед, чем добра, — вот о чем прошу я вас поразмыслить.

Антисемитизм — это признак отсталой культуры, и поэтому он встречается только в Пруссии и Австрии, да еще в России. Если бы здесь, в Англии, или в Америке кто-нибудь вздумал заниматься антисемитизмом, его бы просто высмеяли, да и в Париже г. Дрюмон своими сочинениями, — а они бесконечно умнее писаний немецких антисемитов, — производит лишь самую незначительную, однодневную сенсацию. К тому же теперь, когда он выступает кандидатом в городскую думу, ему самому приходится заявлять, что он такой же противник христианского капитала, как и еврейского! А ведь г. Дрюмона стали бы читать и в том случае, если бы он держался даже противоположного мнения.

В Пруссии подвизается в антисемитизме мелкое дворянство, юнкерство, получающее дохода 10 000 марок, а расходующее 20 000 марок и попадающее поэтому в лапы ростовщиков; и в Пруссии и в Австрии антисемитам хором подпевают разоряемые крупнокапиталистической конкуренцией мелкие буржуа, цеховые мастера и мелкие торговцы. Капитал же, уничтожая *эти* насквозь реакционные классы общества, делает то, что ему делать надлежит, и делает хорошее дело — все равно, семитский он или арийский, обрезанный или крещеный; он помогает отсталым пруссакам и австрийцам двигаться вперед, способствует тому, чтобы они дошли, наконец, до современного состояния, при котором все старые общественные различия растворяются в одной великой противоположности между капиталистами и наемными рабочими. Только там, где этого еще нет, где еще не существует сильного класса капиталистов, а стало быть и сильного класса наемных рабочих; где капитал еще слишком слаб, чтобы овладеть всем национальным производством, и

оттого главной ареной его действий является фондовая биржа; где производство, следовательно, находится еще в руках крестьян, помещиков, ремесленников и тому подобных классов, сохранившихся от средневековья, — только там капитал является по преимуществу еврейским, и только там существует антисемитизм.

Во всей Северной Америке, где есть миллионеры, богатство которых лишь с трудом можно выразить в наших жалких марках, гульденах или франках, — среди этих миллионеров *нет ни одного еврея*, а Ротшильды по сравнению с этими американцами — просто нищие. Да и здесь, в Англии, Ротшильд — это человек со скромными средствами по сравнению, например, с герцогом Вестминстерским. Даже у нас на Рейне, откуда мы 95 лет тому назад с помощью французов выгнали вон дворянство и создали там современную промышленность, — где там евреи?

Антисемитизм есть, таким образом, не что иное, как реакция средневековых, гибнущих общественных слоев против современного общества, которое состоит в основном из капиталистов и наемных рабочих; поэтому антисемитизм под мнимо-социалистическим покровом служит лишь реакционным целям; это — разновидность феодального социализма, и нам с ним совсем не по пути. Если он оказывается возможным в какой-нибудь стране, то это лишь доказывает, что там еще недостаточно вырос капитал. В настоящее время капитал и наемный труд нераздельны. Чем сильнее капитал, тем сильнее и класс наемных рабочих, тем ближе, стало быть, конец господства капиталистов. Нашим немцам, а сюда я причисляю и венцев, я желаю поэтому бойкого развития капиталистического хозяйства, а отнюдь не превращения его в какое-то стоячее болото.

К тому же антисемитизм извращает все положение вещей. Он даже не знает как следует евреев, против которых он вопит. Иначе он знал бы, что здесь, в Англии, и в Америке — благодаря восточно-европейским антисемитам, а в Турции — благодаря испанской инквизиции, существует много и много тысяч *еврейских пролетариев*, и именно эти еврейские рабочие подвергаются злейшей эксплуатации и влачат самое нищенское существование. У нас здесь, в Англии, за последний год были *три* стачки еврейских рабочих, — как же тут заниматься антисемитизмом для борьбы против капитала?

Кроме того, мы евреям слишком многим обязаны. Не говоря уже о Гейне и Берне, Маркс был чистокровным евреем; евреем был Лассаль. Многие из наших лучших товарищей — евреи. Мой друг Виктор Адлер, расплачивающийся теперь в венской тюрьме за *свою*

преданность делу пролетариата; Эдуард Бернштейн, редактор лондонского «Sozialdemokrat»; Пауль Зингер, один из лучших наших депутатов рейхстага, — все это люди, дружбой которых я горжусь, и все они — евреи! «Gartenlaube» даже и меня сделала евреем, и во всяком случае, если бы мне надо было выбирать, так лучше еврей, чем «господин фон»!..

*Напечатано в газете «Arbeiter-Zeitung», Wien, № 19 от 9 мая 1890 г.,
на немецком языке.*

Подпись: Фридрих Энгельс.

ПРЕДИСЛОВИЕ К 4-МУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ «КОММУНИСТИЧЕСКОГО МАНИФЕСТА».

С тех пор как были написаны вышеприведенные строки, опять понадобилось новое немецкое издание Манифеста, да и в истории самого Манифеста произошли факты, о которых здесь стоит упомянуть.

В 1882 г. в Женеве появился второй русский перевод, сделанный Верой Засулич¹; предисловие к нему было написано Марксом и мною. К сожалению, у меня затерялась рукопись немецкого подлинника, и мне приходится переводить обратно с русского; работа от этого, конечно, мало выигрывает. Вот это предисловие².

«Первое русское издание «Манифеста коммунистической партии» в переводе Бакунина появилось в начале шестидесятых годов, в типографии «Колокола». В то время русское издание Манифеста могло казаться на Западе не более как литературным курьезом. В настоящее время такой взгляд был бы уже невозможен. До какой степени ограниченную область распространения в период первого появления Манифеста (январь 1848 г.) имело движение пролетариата, лучше всего показывает последняя его глава: «Отношение коммунистов к различным оппозиционным партиям в различных странах». В ней недостает именно России и Соединенных Штатов. Это было время, когда Россия являлась последним большим резервом всей европейской реакции. Эмиграция в Соединенные Штаты поглощала излишек сил европейского пролетариата. Обе эти страны снабжали Европу сырьем и служили в то же время рынком для сбыта ее промышленных произведений. Обе они являлись, следовательно, так или иначе оплотом общественного строя Европы.

«До какой степени изменилось это теперь! Именно европейская эмиграция способствовала колоссальному развитию земледелия в Северной Америке, которое своей конкуренцией колеблет крупное и мелкое европейское землевладение в самых его основаниях. Она дала,

¹ В русском издании «Коммунистического манифеста» 1900 г. Плеханов утверждает, что перевод сделан им, Плехановым. См. также указание Энгельса на стр. 394 настоящего тома. *Ред.*

² См. Сочинения, т. XV, стр. 600—601. *Ред.*

кроме того, Соединенным Штатам возможность взяться за эксплуатацию их богатых источников промышленного развития в таких размерах и с такой энергией, которые в короткое время должны положить конец промышленной монополии Западной Европы. Оба эти обстоятельства воздействуют в революционном смысле и на Америку. Мелкая и средняя поземельная собственность фермеров, основа всего ее политического строя, побеждается мало-по-малу конкуренцией громадных ферм; в то же время в промышленных округах впервые развивается многочисленный пролетариат и баснословная концентрация капиталов.

«Перейдем к России. В период революции 1848 — 1849 гг. не только европейские монархи, но и европейские буржуа находили в русском вмешательстве единственное спасение против только что собравшегося с силами пролетариата. Царя провозгласили главою европейской реакции. Теперь он — содержащийся в Гатчине военнопленный революции, а Россия представляет собою передовой отряд революционного движения в Европе.

«Задачей Коммунистического манифеста было провозгласить неизбежно предстоящее разложение современной буржуазной собственности. Но рядом с быстро развивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующейся буржуазной поземельной собственностью мы находим в России большую половину земли в общинном владении крестьян.

«Спрашивается теперь: может ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного коллективного владения землею — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму землевладения? Или, напротив, она должна пройти сначала тот же процесс разложения, который определил собою историческое развитие Запада?

«Единственный возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом рабочей революции на Западе, так что обе они пополнят друг друга, то современное русское землевладение может явиться исходным пунктом коммунистического развития.

«Лондон. 21 января 1882 г.»

Около того же времени появился в Женеве новый польский перевод: «Manifest Komunistyczny».

Затем появился новый датский перевод в «Socialdemokratisk Bibliothek, Kjöbenhavn, 1885». К сожалению, он не совсем полон; некоторые существенные места, представлявшие, повидимому, трудность для переводчика, выпущены, и вообще заметны местами

следы небрежности, тем более досадной, что, судя по работе, переводчик при несколько большей старательности мог бы достигнуть превосходных результатов.

В 1886 г. вышел новый французский перевод в парижском «Le Socialiste»; это — лучший из появившихся до сих пор.

После него был издан в том же году испанский перевод, сначала в мадридском «El Socialista», а потом отдельной брошюрой: «Manifiesto del Partido Comunista por Carlos Marx y F. Engels, Madrid, Administracion de El Socialista, Hernan Cortes 8».

Ради курьеза упомяну еще, что в 1887 г. одному константинопольскому издателю была предложена рукопись армянского перевода; однако этот человек не имел мужества напечатать вещь, на которой стояло имя Маркса, и считал более удобным, чтобы переводчик сам назвался автором, на что, однако, тот не согласился.

После того как в Англии многократно переиздавались то один, то другой из более или менее неточных американских переводов, в 1888 г. появился, наконец, вполне точный перевод. Он сделан моим другом Семюэлем Муром и перед печатанием был еще раз просмотрен нами совместно. Заглавие его: «Manifiesto of the Communist Party, by Karl Marx and Frederick Engels. Authorized English Translation, edited and annotated by Frederick Engels. 1888. London, William Reeves, 185 Fleet st. E. C.». Некоторые из примечаний, сделанных мною к этому изданию, я перенес и в настоящее издание.

Манифест имел свою собственную судьбу. Восторженно встреченный в момент своего появления (как это доказывают переводы, отмеченные в первом предисловии) тогда еще малочисленным авангардом научного социализма, он вскоре был отеснен на задний план реакцией, начавшейся после поражения парижских рабочих в июне 1848 г., и, наконец, «на законном основании» был торжественно предан проклятию после осуждения кельнских коммунистов в ноябре 1852 г. Когда исчезло с общественной арены рабочее движение, начавшееся с февральской революции, отступил на задний план и Манифест.

Когда европейский рабочий класс опять достаточно окреп для нового натиска на власть господствующих классов, возникло «Международное товарищество рабочих». Его целью было объединить в одно большое войско все боеспособные силы рабочего класса Европы и Америки. Поэтому оно не могло *исходить* из принципов, изложенных в Манифесте. Оно должно было иметь такую программу, которая не закрывала бы дверей английским тред-юнионам, французским, бельгийским, итальянским и испанским прудонистам и

немецким лассальянцам *. Эта программа — теоретическое обоснование к уставу Интернационала — была составлена Марксом с мастерством, которое должны были признать даже Бакунин и анархисты. Для Маркса единственной гарантией окончательной победы выставленных в Манифесте положений являлось интеллектуальное развитие рабочего класса, которое неизбежно должно было явиться плодом совместной деятельности и совместного обсуждения. События и перипетии борьбы против капитала, — успехи, а еще более поражения, — не могли не уяснить борющимся всю недостаточность тех всеисцеляющих знахарских средств, которыми они до тех пор пользовались, не могли не сделать их головы более восприимчивыми к основательному пониманию действительных условий освобождения рабочих. И Маркс был прав. Рабочий класс в 1874 г., в момент распада Интернационала, был совсем не тот, каким он был в 1864 г., при основании Интернационала. Прудонизм в романских странах, специфическое лассальянство в Германии дышали на ладан, и даже тогдашние архиконсервативные английские тред-юнионы постепенно приближались к тому моменту, когда президент их конгресса в Суонси (Swansea) в 1887 г. мог сказать от их имени: «Континентальный социализм перестал внушать нам страх». Но в 1887 г. континентальным социализмом была почти исключительно теория, изложенная в Манифесте. Так история Манифеста отражает до известной степени историю современного рабочего движения после 1848 г. В настоящее время он несомненно является самым распространенным, самым интернациональным произведением всей социалистической литературы, общей программой многих миллионов рабочих всех стран от Сибири до Калифорнии.

И все-таки в момент его появления мы не могли назвать его *социалистическим* манифестом. В 1847 г. социалистами назывались два разряда людей. С одной стороны, — приверженцы различных утопических систем, в особенности оуэнисты в Англии и фурьеристы во Франции; уже в то время оба эти течения выродились просто в секты, постепенно вымиравшие. С другой стороны, к социалистам причисляли всевозможных социальных знахарей, которые своими различными всеисцеляющими средствами и всякого рода заплатами

* В личных сношениях с нами Лассаль всегда признавал себя «учеником» Маркса и в качестве такового стоял, разумеется, на почве Манифеста. Иначе обстоит дело с теми из его последователей, которые не шли дальше его требования производительных товариществ с государственным кредитом и которые подразделяли весь рабочий класс на сторонников государственной помощи и сторонников самопомощи.

стремились устранить общественные бедствия, не причинив ни малейшего вреда капиталу и прибыли. В обоих случаях это были люди, стоявшие вне рабочего движения и искавшие поддержки скорее у «образованных» классов. Напротив, та часть рабочих, которая, убедившись в недостаточности переворотов чисто политических, требовала коренного переустройства общества, называла себя тогда *коммунистической*. Это был еще только вчерне обработанный, лишь инстинктивный, подчас грубоватый коммунизм; в нем было достаточно сил для того, чтобы создать две системы утопического коммунизма: «икарийский» коммунизм Каба во Франции и коммунизм Вейтлинга в Германии. Социализм означал в 1847 г. буржуазное движение, коммунизм — рабочее. Социализм, по крайней мере на континенте, допускался в салоны, коммунизм — как раз наоборот. А так как мы уже в то время решительно держались мнения, что «освобождение рабочих должно быть делом самого рабочего класса», то мы ни минуты не могли сомневаться, какое из двух названий выбрать. Да и впоследствии нам никогда не приходило в голову отказываться от него.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Очень немногие откликнулись, когда мы сорок два года тому назад кинули в мир этот призыв накануне первой парижской революции, в которой пролетариат выступил с собственными требованиями. Но 28 сентября 1864 г. пролетарии большинства западно-европейских стран объединились в славной памяти Международное товарищество рабочих. Правда, сам Интернационал прожил всего только девять лет. Но основанный им вечный союз пролетариев всех стран еще живет и стал сильнее, чем когда бы то ни было; лучшим доказательством этого является как раз сегодняшний день. Ибо сегодня, когда я пишу эти строки, европейский и американский пролетариат производит смотр своим боевым силам, впервые мобилизованным в единую армию под единым знаменем и с единой ближайшей целью — с целью законодательного установления восьмичасового нормального рабочего дня, провозглашенного еще Женевским конгрессом Интернационала в 1866 г. и потом вторично — Парижским рабочим конгрессом в 1889 г. И зрелище сегодняшнего дня воочию покажет капиталистам и землевладельцам всех стран, что пролетарии всех стран теперь действительно соединились.

О, если бы Маркс был теперь рядом со мною, чтобы видеть это собственными глазами!

Лондон, 1 мая 1890 г.

*Напечатано в качестве предисловия
к 4-му немецкому изданию «Коммунистического манифеста».*

Подпись: Ф. Энгельс.

ЧЕШКИМ ТОВАРИЩАМ К 1 МАЯ 1890 Г.

ВОСПОМИНАНИЕ ИЗ ВРЕМЕН 1848 Г.

В то время Карл Маркс встретился в Вене с пражским книго-торговцем Борошем, вождем немецко-богемской фракции в австрийском Национальном собрании. Борош горько жаловался на национальные раздоры в Богемии и на якобы существовавшую фанатическую вражду чехов к богемским немцам. Маркс спросил его, как же в этом отношении обстоит дело с богемскими рабочими. «Ну, — ответил Борош, — это совсем другое дело; как только рабочие вступают в движение, этому приходит конец, тут уж нет речи о чехах или немцах, тут уж все — заодно».

То, что богемские рабочие обеих национальностей только *чувствовали*, то они теперь *знают*: они знают, что все эти национальные раздоры возможны только при господстве крупных феодалов-землевладельцев и капиталистов; что они служат только для того, чтобы увековечить это господство; что у чешских и немецких рабочих одни и те же общие интересы и что, как только рабочий класс добьется политического господства, будет устранен всякий повод к национальной вражде. Ибо рабочий класс по самой своей природе интернационален, и он снова докажет это в наступающий день первого мая.

*Перевод с рукописи, на немецком языке,
хранящейся в архиве ИМЭЛ.*

4 МАЯ В ЛОНДОНЕ.

Майский праздник пролетариата ознаменовал собою целую эпоху не только благодаря своей всеобщности, которая сделала его первым международным *действием* борющегося рабочего класса. Он дал также возможность констатировать чрезвычайно отрядные успехи движения в отдельных странах. И враги, и друзья согласны в том, что *из всех континентальных стран пролетарский праздник прошел самым блестящим и достойным образом именно в Австрии, а из австрийских городов — в Вене*, что австрийские, и в первую голову венские рабочие завоевали себе этим совершенно особое место в движении. Еще несколько лет тому назад австрийское движение дошло почти до точки замерзания, рабочие немецких и славянских коронных земель были расколоты на враждующие партии и расточали свои силы во взаимной борьбе; если бы кто-нибудь всего лишь три года тому назад стал утверждать, что Вена и вся Австрия 1 мая 1890 г. покажут всем пример того, как надо справлять пролетарский классовый праздник, — его подняли бы насмех. Не следует забывать об этом факте, когда нам приходится высказывать свое суждение о тех внутренних распрях, которые все еще поглощают силы рабочих других стран, как это происходит, например, во Франции. Кто же станет утверждать, что Париж не сможет сделать того, что сделала Вена?

Но 4 мая Вена затмил Лондон. Самым важным и самым великолепным во всем майском празднике я считаю то обстоятельство, что 4 мая 1890 г. *английский пролетариат*, проснувшись от сорокалетней зимней спячки, *снова включился в движение своего класса*. Чтобы понять это, необходимо ознакомиться с предисторией 4 мая.

В начале прошлого года самый обширный и самый бедный рабочий квартал в мире — Ист-Энд¹ Лондона — стал постепенно приходить в движение. 1 апреля 1889 г. был учрежден союз рабочих газовых заводов и вообще работников физического труда (Gas Workers and General Labourers Union); в настоящее время в нем насчи-

¹ Ист-Энд — восточная часть Лондона, заселенная рабочими и бедной. *Ред.*

тывается до 100 000 членов. При содействии главным образом этого заинтересованного союза (много рабочих работает зимой на газовых заводах, а летом в доках) происходила великая стачка докеров, которая вывела из состояния спячки даже низший слой рабочих восточной части Лондона. Теперь среди этих по большей части необученных рабочих стали один за другим возникать все новые союзы, а союзы, которые там имелись уже и раньше, но влачили жалкое существование, теперь быстро расцветали. Но между этими новыми тред-юнионами и старыми была очень большая разница. Старые союзы, охватывающие только «обученных» рабочих, проникнуты духом исключительности; они совершенно не принимают рабочих, не прошедших цеховой выучки, и этим сами создают себе конкуренцию со стороны нецеховых рабочих; они богаты, но чем богаче они становятся, тем больше вырождаются они в простые больничные и похоронные кассы; они консервативны и отрешиваются от социализма, насколько и пока это только возможно. Наоборот, новые союзы «необученных» принимают *каждого* товарища по профессии; все они в значительной степени, а союзы газовых рабочих — даже исключительно, являются стачечными союзами и стачечными кассами; и если в их рядах не все еще поголовно социалисты, то во всяком случае вождями своими они желают видеть только социалистов и никого другого. А социалистическая пропаганда ведется в Ист-Энде уже много лет; особенно много поработали здесь Элеонора Маркс-Эвелинг и ее муж Эдуард Эвелинг, которые за последние четыре года нашли в «радикальных клубах», состоящих почти исключительно из рабочих, благодарнейшую почву для пропаганды, которую они проводили с большой выдержкой и, как это обнаружилось в настоящее время, с огромным успехом. Во время стачки докеров г-жа Эвелинг была одной из трех женщин, занимавшихся распределением пособий, в благодарность за что г. Гайндман — беглец с Трафальгарского сквера — оклеветал их, заявив, будто они брали себе за это из стачечной кассы по три фунта стерлингов еженедельно. Стачкой в Сильвертауне; тоже в Ист-Энде, г-жа Эвелинг руководила прошлой зимой почти совсем одна; в комитете же рабочих газовых заводов она является представительницей организованной ею женской секции.

Прошлой осенью рабочие газовых заводов завоевали себе в Лондоне восьмичасовой рабочий день, но в южной части города, в результате неудачной стачки, они его затем снова потеряли, получив при этом достаточно доказательств того, что это завоевание и в северной части Лондона обеспечено далеко не навсегда. Что же удивительного в том, что они с готовностью пошли на предложение г-жи

Эвелинг провести в Лондоне принятый Парижским конгрессом майский праздник в пользу законодательного установления восьмичасового рабочего дня? Совместно с некоторыми социалистическими группами, с радикальными клубами и с другими тред-юнионами Ист-Энда они образовали Центральный комитет, который должен был организовать для этой цели большую демонстрацию в Гайд-парке. После того как выяснилось, что всякая попытка устроить эту демонстрацию в четверг 1 мая обречена в этом году на неизбежную неудачу, решили перенести ее на воскресенье 4 мая.

Для того, чтобы по возможности *все* лондонские рабочие приняли участие в демонстрации, Центральный комитет с наивным простодушием пригласил также и лондонский Совет тред-юнионов [Trade Council]. Эта организация состоит из делегатов лондонских тред-юнионов, главным образом от старых союзов «обученных» рабочих, и в нем, как и следует ожидать, большинство принадлежит пока антисоциалистическим элементам. Совет тред-юнионов увидел, что движение в пользу восьмичасового рабочего дня грозит перерасти через его голову. Старые тред-юнионы тоже за восьмичасовой рабочий день, но не за его законодательное установление. Восьмичасовой рабочий день они понимают так, чтобы за 8 часов работы выплачивали нормальную поденную плату, — столько-то за час, — но чтобы каждому было дозволено работать сверхурочно сколько угодно часов в день при условии повышенной оплаты каждого сверхурочного часа в размере, скажем, полутора или двух часов обычной работы. Для них, стало быть, задача состояла в том, чтобы направить демонстрацию по линии борьбы за такой рабочий день, который надо завоевать на основе «свободного» соглашения, но который не следует делать обязательным посредством парламентского акта. Для того, чтобы достичь этого, Совет тред-юнионов объединился с Социал-демократической федерацией вышеупомянутого г. Гайндмана, с обществом, которое корчит из себя единospасающую церковь английского социализма, которое вполне последовательно заключило союз на жизнь и на смерть с французскими поссибилитами, послав делегацию на их конгресс, и которое поэтому заранее считало майский праздник, установленный марксистским конгрессом, прегрешением против духа святого. Движение переросло через голову также и этого общества; однако примкнуть к Центральному комитету — это означало подчиниться руководству «марксистов», а вот если бы дело взял в свои руки Совет тред-юнионов и если бы празднование состоялось не 1, а 4 мая, тогда это был бы уже не тот скверный «марксистский» майский праздник, и принять в нем

участие было бы возможно. И хотя пункт о законодательном установлении восьмичасового рабочего дня входит в программу Социал-демократической федерации, она с радостью приняла руку, протянутую ей Советом тред-юнионов.

Новые союзники, вступившие в это странное сожительство, устроили тут против Центрального комитета такую проделку, которая в политической практике английской буржуазии была бы признана, пожалуй, не только вполне допустимой, но и чрезвычайно ловкой, но европейские и американские рабочие, по всей вероятности, сочтут ее чрезвычайно низкой. Дело в том, что при устройстве народных собраний в Гайд-парке их организаторы должны заранее заявить о своем намерении министерству общественных работ (Board of Works) и договориться там о подробностях, а именно получить разрешение на проезд по траве повозок, которые должны служить трибунами. При этом существует такое правило, что если одно собрание заявлено, то второго в этот день в парке устраивать нельзя. Центральный комитет, со своей стороны, подобной заявки еще не сделал; и как только объединившиеся против него организации проводили об этом, они тотчас же сделали заявку о собрании в парке на 4 мая и испросили разрешение на семь трибун, проделав все это за спиной Центрального комитета.

Совет тред-юнионов и федерация полагали, что парк на 4 мая тем самым заарендован и что победа у них в кармане. Совет созвал собрание делегатов тред-юнионов, на которое были приглашены также два делегата от Центрального комитета; последний послал на собрание троих, в том числе г-жу Эвелинг. Совет тред-юнионов держался с ними как хозяин положения. Он заявил, что принять участие в демонстрации и нести свои знамена могут *только* профессиональные союзы, стало быть, ни социалистические союзы, ни политические клубы не допускаются; каким же образом могла в таком случае принять участие в демонстрации Социал-демократическая федерация, — оставалось загадкой. Совет предложил собранию заранее заготовленный проект резолюции, из которого требование *законодательного* установления восьмичасового рабочего дня было *вычеркнуто*; предложение снова включить это требование не допустили ни к обсуждению, ни к голосованию. Наконец, Совет отказался допустить г-жу Эвелинг как делегатку, потому что она, мол, не является работницей физического труда (что неверно), хотя его собственный председатель, г. Шиптон, вот уж добрых 15 лет и не думал заниматься физическим трудом.

Рабочие из Центрального комитета были возмущены этой

проделкой. Демонстрация, казалось, окончательно попала в руки двух организаций, представлявших лишь незначительное меньшинство лондонских рабочих. Казалось, остается только одно средство борьбы: взять штурмом трибуны Совета тред-юнионов, что и угрожали сделать рабочие газовых заводов. — Тогда Эдуард Эвелинг отправился в министерство и добился того, что вопреки существующим правилам Центральному комитету тоже было предоставлено право везти в парк семь трибун. Попытка перехватить демонстрацию в интересах меньшинства сорвалась; Совет тред-юнионов присмирел и был рад вести с Центральным комитетом переговоры об устройстве демонстрации на равной ноге.

Надо знать всю эту предисторию, чтобы вполне оценить характер и значение демонстрации. Устроенная по инициативе рабочих Ист-Энда, недавно вступивших в движение, она встретила такой повсеместный отклик, что две организации, относившиеся друг к другу не менее враждебно, чем обе они вместе относились к основной идее демонстрации, были вынуждены заключить союз, чтобы захватить в свои руки руководство и использовать собрание в своих интересах. С одной стороны консервативный Совет тред-юнионов, проповедующий равноправие капитала и труда, с другой стороны радикалическая Социал-демократическая федерация, болтающая везде, где только не опасно, о социальной революции, — оба соединились для низкой проделки, чтобы нажить себе капитал на ненавистной им обоим демонстрации. Благодаря этим событиям собрание 4 мая раскололось на две части. На одной стороне — консервативные рабочие, кругозор которых не выходит за пределы системы наемного труда, и рядом с ними узколобая, но властолюбивая социалистическая секта; на другой стороне — широкие массы недавно вступивших в движение рабочих, которые и слышать больше не желают о манчестерстве старых тред-юнионов, а стремятся самостоятельно завоевать себе полное освобождение, и завоевать его с теми союзниками, которых они сами избирали, а не с теми, которых навязывала им маленькая социалистическая клика. На одной стороне — застой, представленный тред-юнионами, которые сами еще не вполне освободились от цеховщины, и узколобой сектой, опирающейся на самых поганых союзников; на другой стороне — живое свободное движение вновь пробуждающегося английского пролетариата. И один уже внешний вид показывал воочию даже слепому, где на этом двойственном собрании была живая жизнь, а где — застой. Вокруг семи трибун Центрального комитета — густые, необозримые толпы, проходящие с музыкой и знаменами, свыше ста тысяч человек в колоннах,

и в подкрепление к ним почти столько же пришедших в одиночку; повсюду единодушие, воодушевление и в то же время полный порядок и организованность. У трибун же объединенных реакционеров все выглядело тускло; их процессия — гораздо слабее, плохо организована, шла в беспорядке и большей частью запаздывала, так что они в некоторых местах только начинали, когда у Центрального комитета все уже было закончено. И между тем как либеральные вожди кой-каких радикальных клубов и должностные лица некоторых тред-юнионов примкнули к Совету тред-юнионов, члены тех же самых союзов и даже четыре полных отделения Социал-демократической федерации маршировали в колоннах Центрального комитета. Несмотря на все это, и Совет тред-юнионов достиг все же некоторого успеха, однако решающий успех был на стороне Центрального комитета.

Буржуазные политики, большое количество которых наблюдало за демонстрацией, разошлись по домам с твердым убеждением, что английский пролетариат, который вот уже целых 40 лет был охвостьем великой либеральной партии и служил ей голосующей скотиной, пробудился, наконец, к новой самостоятельной жизни и деятельности. Нет уже никакого сомнения: 4 мая 1890 г. английский рабочий класс вступил в великую международную армию. А это — факт, знаменующий собою целую эпоху. Английский пролетариат опирается на самое передовое промышленное развитие и к тому же располагает наибольшей свободой политического движения. Его продолжительная зимняя спячка, — следствие с одной стороны краха чартистского движения 1836—1850 гг., с другой стороны колоссального промышленного подъема 1848—1880 гг., — наконец, нарушена. Внуки старых чартистов вступают в боевые ряды. Вот уже 8 лет, как в широких массах то там, то здесь происходит брожение. Возникли социалистические группы, но ни одна из них не поднялась выше уровня секты; агитаторы и мнимые партийные вожди, среди которых были и простые спекулянты и карьеристы, оставались офицерами без солдат. Почти каждый раз это бывало чем-то вроде знаменитой колонны Роберта Блюма в баденском походе 1849 г.: один полковник, 11 офицеров, один горнист и один рядовой. И склока между этими различными колоннами Роберта Блюма из-за права командования будущей пролетарской армией представляла собою мало утешительное зрелище. Теперь все это скоро прекратится, как прекратилось уже в Германии и в Австрии. Могучее движение масс положит конец всем этим сектам и группировочкам, вобрав в себя солдат и отведя надлежащие места офицерам. Кому это не

нравится, может потихоньку убраться. Без трений дело не обойдется, но все пойдет своим чередом, и через некоторое время — скорее, чем многие ожидают, — английская пролетарская армия станет так же едина, так же хорошо организована, так же решительна, как любая другая, и все ее товарищи, и на континенте и в Америке, будут восторженно ее приветствовать.

Напечатана в газете «Arbeiter-Zeitung»,

Wien, № 21 от 23 мая 1890 г.

Подпись: Фридрих Энгельс.

ОТВЕТ
РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ
«SÄCHSISCHE ARBEITER-ZEITUNG».

Бывшая редакция газеты «Sächsische Arbeiter-Zeitung» в своем прощальном слове (№ 105 от 31 августа 1890 г.) заявляет, что мелкобуржуазно-парламентский социализм имеет за собою в Германии большинство, но большинство зачастую очень быстро превращается в меньшинство: «и поэтому мы, бывшая редакция газеты «Sächsische Arbeiter-Zeitung», надеемся *вместе с Фридрихом Энгельсом*, что, подобно тому, как был в свое время преодолен наивный государственный социализм Лассаля, точно так же здравый смысл немецких рабочих быстро преодолеет падкое до дешевых успехов парламентское направление в современной социал-демократии».

Это заявление бывшей редакции было для меня большим сюрпризом. А может быть, также и для нее самой. Что мелкобуржуазно-парламентский социализм имеет за собою в немецкой партии большинство, об этом мне до сей поры ничего не было известно. Пусть поэтому редакция и дальше «надеется» на что ей угодно и сколько ей угодно, только я не собираюсь надеяться «вместе» с нею.

Если бы я мог еще питать сомнения насчет характера последнего литераторско-студенческого бунта в нашей немецкой партии, то перед колоссальным бесстыдством этой попытки объявить меня солидарным с выходками этих господ такие сомнения должны были бы исчезнуть.

Вся моя связь с бывшей редакцией состояла в том, что в течение нескольких недель без всякого с моей стороны требования редакция посылала мне свою газету, я же не считал нужным сообщать ей, что я там находил. Теперь я должен ей это сказать, и сказать публично.

С теоретической точки зрения я находил в ней — и это относится в общем и целом также ко всей остальной печати «оппозиции» — безобразно искаженный «марксизм», отличительной чертой которого

является, во-первых, глубокое непонимание того мировоззрения, от имени которого выступают; во-вторых, грубое незнание решающих в каждом данном случае исторических фактов; в-третьих, сознание собственного безграничного превосходства, которым так выгодно отличается немецкий литератор. Маркс предвидел и подобных учеников, когда заявил по поводу «марксизма», который к концу семидесятых годов был в ходу среди некоторых французов: *tout ce que je sais, c'est que moi, je ne suis pas marxiste* — я знаю только то, что я сам не «марксист».

С практической точки зрения я находил в ней полнейшее пренебрежение всеми фактическими условиями партийной борьбы, безрассудное «взятие с бою всех препятствий» — в воображении; это, пожалуй, делает честь юношескому пылу авторов, но если из области воображения перенести это в область действительности, это могло бы похоронить даже самую сильную, насчитывающую миллионы партию под вполне заслуженный хохот всего враждебного ей мира. А что такую ребяческую политику даже маленькая секта позволить себе безнаказанно не может, — на сей счет эти господа приобрели с тех пор собственный опыт.

Все жалобы на фракцию или на партийное руководство, накопленные ими за последние месяцы, сводятся в лучшем случае к чистым пустякам. Но если этим господам угодно отцеживать комаров, то отсюда ведь вовсе не следует, что немецкие рабочие в благодарность за это должны проглатывать верблюдов.

Ну, что ж, они пожалели то, что посеяли. Не говоря уже о содержании поднятых вопросов, вся кампания затеяна ими так по-детски, с таким наивным самообольщением насчет собственного значения и насчет положения дел и взглядов внутри партии, что исход был ясен с самого начала. Пусть же эти господа твердо запомнят урок. Некоторые из них написали вещи, которые служили основанием для всякого рода надежд. Большинство из них могли бы кое-что создать, если бы они были поменьше убеждены в предельной высоте достигнутой ими в данный момент ступени развития. Пусть же они поймут, что их «академическое образование», требующее к тому же основательной критической самопроверки, вовсе не дает им офицерского чина с правом на соответствующий пост в партии; что в нашей партии каждый должен начинать службу с рядового; что для занятия ответственных постов в партии недостаточно только литературного таланта и теоретических знаний, даже когда и то и другое бесспорно налицо, но что для этого требуется также хорошее знакомство с условиями партийной борьбы и полное усвоение ее форм, испытанная

личная верность и сила характера и, наконец, добровольное включение себя в ряды борцов; одним словом, что им, этим «академически образованным» людям, в общем и целом гораздо больше надо учиться у рабочих, чем рабочим у них.

Лондон, 7 сентября 1890 г.

Напечатан в газете «Der Sozialdemokrat», London, № 37 от 13 сентября 1890 г.

Подпись: Фридрих Энгельс.

ЧЕРНОВИК ОТВЕТА РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «SÄCHSISCHE ARBEITER-ZEITUNG».

Бывшая редакция газеты «Sächsische Arbeiter-Zeitung» в своем прощальном слове (№ 105 от 31 августа 1890 г.) заявляет, что мелко-буржуазно-парламентский социализм имеет теперь за собою в Германии большинство, но большинство зачастую очень быстро превращается в меньшинство, «и поэтому мы, бывшая редакция газеты «Sächsische Arbeiter-Zeitung», надеемся *вместе с Фридрихом Энгельсом*, что, подобно тому, как был в свое время преодолен наивный государственный социализм Лассалья, точно так же здравый смысл немецких рабочих быстро преодолеет падкое до дешевых успехов парламентское направление в современной социал-демократии».

Если б я и мог еще питать малейшее сомнение относительно характера последнего студенческого бунта в нашей немецкой партии, то это колоссальное бесстыдство бывшей редакции одного из главных органов этой оппозиции должно было открыть мне глаза. Бывшая редакция «надеется вместе» со мною, — значит, и я, мол, надеюсь вместе с нею, — что направление, представленное такими людьми, как Ауэр, Бебель, Либкнехт, Зингер, скоро будет иметь за собой меньшинство немецких рабочих, а «принципиальная линия», представленная бывшей редакцией, будет иметь большинство. Это значит прямо-таки *обмызно приписывать* мне надежды бывшей редакции, и я привлекаю ее за это к личной ответственности.

Я не испытывал никакого влечения вмешиваться в склоку, затеянную господами студентами и литераторами. Однако я откровенно высказывал свой взгляд всякому, кому хотелось его узнать. И если господа склочники хотят публично его услышать, то — быть по сему.

Когда эти господа начали бить в набат против Правления партии и против фракции, я с удивлением задал себе вопрос: чего, собственно, они хотят, к чему бы все это? Насколько я мог понять, не было решительно никакого основания для всей этой колоссальной шумихи. В спорном вопросе о майском праздновании Правление партии, может быть, несколько долго мешкало со своим заявлением. Но Правление состояло из пяти лиц, живших в четырех отдаленных

одно от другого местах, и нужно было затратить некоторое время, чтобы сговориться. Однако, когда Правление свое мнение высказало, это мнение было правильным, единственно соответствовавшим положению дел. События в Гамбурге вполне доказали его правоту.

Отдельные члены фракции или же Правления партии, наверное, допустили в спорах отдельные промахи. Это случается всегда и везде, и вина падает на отдельных лиц, но не на всех в целом. Фракция в своем проекте устава позволила поставить себе в вину отдельные погрешности против демократических правил приличия. Но ведь это — всего лишь проект, который партийный съезд волен принять, отклонить или внести в него поправки. Лондонская конференция Интернационала в 1871 г. тоже допустила подобные формальные погрешности, и господа бакунисты тотчас воспользовались ими, чтобы создать из них формальную основу для своих нападков на Генеральный совет. Несмотря на это, теперь всем известно, что действительная демократия была в Генеральном совете, а не в Совете бакунистов, которые образовали целый тайный заговорщический аппарат с целью подчинить себе Интернационал.

Когда во времена паровой субсидии тогдашняя фракция одно время сама не знала, чего хотела, и попыталась сделать редакцию «Sozialdemokrat» козлом отпущения за собственную свою беспомощность, — тогда я со всей решительностью встал на сторону редакции против фракции. То же самое я сделал бы и сейчас, если бы фракция или Правление партии совершили действительно что-нибудь такое, что грозило бы серьезной опасностью для партии. Но о чем-либо подобном нет сейчас и речи ¹...

*Перевод с рукописи Энгельса,
на немецком языке, хранящейся
в архиве ИМЭЛ.*

¹ Здесь рукопись обрывается. *Ред.*

ПРОЩАЛЬНОЕ ПИСЬМО ЧИТАТЕЛЯМ ГАЗЕТЫ «SOZIALDEMOKRAT».

Разрешите также и мне проститься с читателем.

«Sozialdemokrat» должен сойти со сцены. Не только потому, что об этом так часто заявляли пред лицом других партий. В гораздо большей степени еще и потому, что при изменившихся обстоятельствах «Sozialdemokrat» сам непременно стал бы иным, с иной задачей, иными сотрудниками, иным кругом читателей. А газета, которая сыграла такую определенную историческую роль, газета, особенность которой состояла в том, что на ее страницах, и только там, нашли свое отражение двенадцать наиболее решающих лет жизни германской рабочей партии, — такая газета не может и не должна менять своего лица. Она должна оставаться тем, чем была, или же должна прекратить свое существование. В этом мы все согласны.

Все мы согласны также и в том, что эта газета своим исчезновением должна оставить за собою зияющую пустоту. Ни один из выходящих в Германии органов, официальных или неофициальных, не может заменить эту газету. Для партии это лишь относительный ущерб: она вступает в новые условия борьбы, и поэтому ей нужны другое оружие, другая стратегия и тактика. Но абсолютным ущербом это является для ее сотрудников, и в частности для меня.

Два раза имел я в своей жизни честь и счастье сотрудничать в газете, где полностью были налицо оба самых благоприятных условия, какие только возможны вообще при работе в печати: во-первых, безусловная свобода печати и, во-вторых, уверенность, что тебя слушает именно та аудитория, к которой ты хочешь обратиться.

Первый раз это было в 1848—1849 гг. в «Neue Rheinische Zeitung». Это было революционное время, а в такое время работать в ежедневной печати — наслаждение. Воочию видишь действие каждого слова: видишь, как статьи буквально бьют, словно гранаты, и как взрывается выпущенный снаряд.

Второй раз это было в «Sozialdemokrat». И это тоже было своего рода революционное время, начиная с того момента, как на Виденском

конгрессе партия была восстановлена и вновь начала борьбу «всеми средствами», как законными, так и незаконными. «Sozialdemokrat» был воплощением этой незаконности. Для него не существовало ни обязательной имперской конституции, ни имперского уголовного уложения, ни прусского местного права. Противозаконно, на зло всем имперским и местным законам, проникал он каждую неделю через границы священной Германской империи; сыщики, шпионы, провокаторы, таможенные чиновники, удвоенная и утроенная пограничная стража — все было напрасно; «Sozialdemokrat» доставлялся подписчикам в срок, чуть ли не с точностью векселя; никакой Стефан не мог помешать тому, чтобы имперская почта рассылала и доставляла его по назначению. И это — при десяти с лишним тысячах подписчиков в Германии; и если буржуазный читатель накануне 1848 г. оплачивал свою запрещенную литературу лишь в самых редких случаях, то рабочие платили за свой «Sozialdemokrat» в течение 12 лет с величайшей аккуратностью. Как часто у меня, старого революционера, сердце прыгало от радости при виде того, как из недели в неделю, из года в год уверенно разворачивалось это превосходно налаженное бесшумное взаимодействие между редакцией, экспедицией и подписчиками, эта революционная работа, организованная businesslike, по-деловому.

И газета стоила того труда и тех опасностей, с которыми связано было ее распространение. Это была безусловно лучшая из всех газет, которыми когда-либо располагала партия. И не только потому, что она одна пользовалась полной свободой печати. Основные принципы партии излагались и отстаивались в ней с редкой ясностью и точностью, и тактика редакции была правильной почти без исключений. И ко всему тому, в то время как в нашей буржуазной печати царит смертельная скука, в «Sozialdemokrat» широко отражался тот бодрый юмор, с каким наши рабочие ведут обычно борьбу против полицейских козней.

При этом «Sozialdemokrat» был чем угодно, только не простым рупором фракции. Когда большинство фракции в 1885 г. склонялось к голосованию за субсидии парходным обществам, газета решительно встала на противоположную точку зрения и отстаивала свое право на это даже после того, как большинство фракции запретило ей эту линию приказом, который теперь, наверное, ему самому кажется непостижимым. Четыре недели продолжалась борьба, и все это время редакция получала энергичную поддержку со стороны партийных товарищей и в Германии и за границей. 2 апреля было опубликовано запрещение, а 30-го числа «Sozialdemokrat» напечатал совместное

заявление фракции и редакции, из которого вытекало, что фракция берет свой приказ обратно.

Спустя некоторое время «Sozialdemokrat» довелось испытать хваленое швейцарское право убежища. Тут обнаружилось, как и во всех подобных случаях с 1830 г., что это право убежища дает осечку всякий раз, когда оно действительно должно вступить в силу. В этом нет ничего нового. Со времени демократизации Швейцарии, произведенной в 1830 г., соседние великие державы позволяют этой маленькой республике проделывать демократические эксперименты внутри страны лишь при том условии, что право убежища для эмигрантов будет ею осуществляться только под контролем заинтересованной в каждом данном случае великой державы. Швейцария слишком слаба, чтобы не идти на уступки. Винить ее за это нельзя. Именно по поводу Голландии, Швейцарии и Дании Маркс говаривал, что в наше время нет хуже положення маленькой страны, имеющей за собою великую историю. Но пора же, наконец, прекратить болтовню о незапятнанном праве убежища в «свободной Швейцарии».

«Sozialdemokrat» был знаменем немецкой партии; после двенадцати лет борьбы партия теперь одержала победу. Исключительный закон пал, Бисмарк низвергнут. Могучая Германская империя пустила в ход против нас все средства своей власти; партия только смеялась над ними, пока, наконец, Германской империи не пришлось опустить свое знамя перед нашим знаменем. Имперское правительство пока хочет попытаться действовать против нас опять на основе общего права, а потому и мы попытаемся пока что опять обходиться законными средствами, которые мы себе отвоевали путем энергичного употребления незаконных. Будет ли при этом пункт о «законных» средствах снова включен в программу или не будет, это не так важно. Нужно попытаться обойтись пока законными средствами борьбы. Так поступаем не только мы, так поступают все рабочие партии во всех тех странах, где рабочее движение в известной мере легализовано, и это по той простой причине, что таким способом достигаются наилучшие результаты. Но для этого необходимо, чтобы и противная сторона действовала также в рамках закона. Если же посредством новых исключительных законов, или посредством противозаконных приговоров и практики имперского суда, или же посредством полицейского произвола, или каких-нибудь иных незаконных превышений исполнительной власти сделают попытку снова поставить нашу партию фактически вне закона, то это заставит германскую социал-демократию снова перейти на нелегальный путь, как на единственный, который у нее

останется. Даже у англичан, у нации, наиболее уважающей закон, первым условием соблюдения законности со стороны народа является то, что другие факторы власти тоже остаются в рамках закона; в противном случае, по английским правовым понятиям, восстание становится первой обязанностью граждан.

Ну, а если наступит именно этот случай, что будет тогда? Станет ли партия строить баррикады, будет ли она апеллировать к силе оружия? Этого удовольствия она своим врагам, наверное, не доставит. Ее предохранит от этого подсчет своих собственных сил, который приносят ей каждые новые общие выборы в рейхстаг. 20 процентов всех поданных голосов — весьма почтенная цифра, но это все же значит, что за объединенными противниками остается еще целых 80 процентов. И если наша партия при этом видит, что за последние три года она удвоила число своих голосов и что к новым выборам она должна рассчитывать на еще более сильный рост, то ей надо сойти с ума, чтобы теперь пойти на путч с 20 процентами против 80, и вдобавок против армии, на путч, верным результатом которого была бы... потеря всех господствующих позиций, завоеванных в течение 25 лет.

У партии есть гораздо лучшее, хорошо испытанное средство. В тот день, когда по отношению к нам станут оспаривать применение общего права, снова начнет выходить «Sozialdemokrat». Старый аппарат, сохраняющийся про запас на этот случай, снова вступит в действие — усовершенствованный, усиленный, налаженный заново. И одно несомненно: во второй раз Германская империя 12 лет не выдержит.

Напечатано в газете «Der Sozialdemokrat», London, № 39 от 27 сентября 1890 г.

Подпись: Фридрих Энгельс.

ОТВЕТ Г. ПАУЛИУ ЭРНСТУ.

Один приятель прислал мне газету «Magdeburger Volksstimme» от 16 сентября. Там в статье, подписанной именем Пауля Эрнста, я нашел следующее место:

«И если Энгельс характеризует теперь нашу оппозицию как «студенческий бунт», то пусть он все-таки укажет, где же мы отстаивали иные взгляды, а не взгляды его и самого Маркса; и если я изобразил нашу парламентскую социал-демократию частично весьма мелкобуржуазной по ее характеру, то пусть Энгельс посмотрит, что он сам писал в 1887 г. в предисловии к своему «Жилищному вопросу»».

Общение с немецкими писателями уж много лет обогащает меня весьма диковинным опытом. Но, повидимому, общению этому суждено стать еще более приятным. Я обязан, видите ли, сказать г. Паулю Эрнсту, где «мы» отстаивали иные взгляды и т. д. — Ну, что же, насчет «нас», т. е. так шумно недавно выступившей и так малодушно отступившей «оппозиции», которую я назвал литераторско-студенческим бунтом, можно ответить коротко: да чуть ли не в каждой статье, которую она выпускала в свет.

Что же касается самого г. Эрнста, то мне больше нечего говорить ему об этом. Я сказал ему это четыре месяца тому назад, а теперь волей-неволей должен опять надоедать публике этой моей «эрнст»'овской ¹ перепиской.

Г-н Эрнст писал мне 31 мая с. г. из Герберсдорфа, что г. Герман Бар упрекает его в «Freie Bühne» в неправильном применении марксова взгляда на историю к скандинавскому женскому движению; так вот, не буду ли я так любезен «сообщить в нескольких словах, соответствует ли мой [Эрнста] взгляд взгляду Маркса или нет, и кроме того разрешить мне использовать Ваше письмо против Бара».

На это я ответил 5 июня, что не могу вмешиваться в его спор с г. Баром: «скандинавское женское движение» мне совершенно незнакомо. Затем я продолжаю ²:

¹ Игра слов: «ernst» — по-немецки «серьезный». *Ред.*

² Письмо Энгельса к Паулю Эрнсту от 5 июня 1890 г. см. полностью в Соч., т. XXVIII. *Ред.*

«Что касается Вашей попытки подойти к вопросу материалистически, то прежде всего я должен сказать, что материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроют и перекраивают исторические факты. И если г. Бар полагает, что поймал Вас на этой ошибке, то мне думается, что тут он до известной степени прав.

«Всю Норвегию и все, что там происходит, Вы подводите под одну категорию — мещанство, а затем это норвежское мещанство преспокойно подменяете своим представлением о немецком мещанстве. Но тут поперек дороги встают два факта.

«Во-первых, когда победа над Наполеоном во всей Европе оказалась победой реакции над революцией и когда революция только на своей родине, во Франции, еще внушала такой страх, что вернувшаяся легитимная монархия была вынуждена дать буржуазно-либеральную конституцию, — в это время Норвегия сумела завоевать себе конституцию гораздо более демократическую, чем все, существовавшие тогда в Европе.

«И во-вторых, за последние двадцать лет Норвегия переживала такой подъем в области литературы, каким не может похвалиться за этот период ни одна страна, кроме России. Мещане они или не мещане, но эти люди творят гораздо больше, чем другие, и налагают свою печать также и на литературу других народов, не в последнюю очередь и на немецкую.

«На мой взгляд, эти факты обязывают нас точнее исследовать особенности норвежского «мещанства».

«И тут Вы, вероятно, обнаружите сами весьма существенное различие. В Германии мещанство есть плод неудавшейся революции, плод прерванного и задержанного развития; благодаря Тридцатилетней войне и последовавшему за ней периоду оно приобрело свойственный ему крайне резко выраженный характер трусости, ограниченности, беспомощности и неспособности к какой бы то ни было инициативе, между тем как почти все другие крупные народы как раз в это время переживали быстрый подъем. Этот характер немецкое мещанство сохранило и впоследствии, когда Германия была снова подхвачена потоком исторического развития; этот характер был достаточно устойчив, чтобы в большей или меньшей мере наложить отпечаток и на все остальные общественные классы Германии в качестве общенемецкого типа, пока наш рабочий класс не прорвал, наконец, эти узкие рамки. Немецкие рабочие потому-то главным

образом и «не имеют отечества», что они целиком стряхнули с себя немецкую мещанскую ограниченность.

«Таким образом, немецкое мещанство — вовсе не нормальный исторический этап, а доведенная до крайности карикатура, своего рода вырождение, совершенно так же, как польский еврей есть карикатура на еврея. Английский, французский и т. д. мелкий буржуа отнюдь не стоит на одном уровне с немецким.

«Напротив, в Норвегии мелкое крестьянство и мелкая буржуазия с небольшой примесью средней буржуазии, — примерно так же, как было в Англии и во Франции в XVII веке, — есть нормальное состояние общества в течение многих столетий. Здесь и речи нет о насильственном отбрасывании назад в условия отжившего прошлого из-за неудавшегося крупного движения или из-за какой-нибудь Тридцатилетней войны. Вследствие своей изолированности, а также вследствие природных условий страна отстала, но общее ее состояние вполне соответствует ее производственным условиям и поэтому является нормальным. Лишь в самое последнее время в стране периодически появляются кое-какие начатки крупной промышленности, но для сильнейшего рычага концентрации капиталов, для биржи, там нет места; к тому же огромный размах морской торговли оказывает как раз консервирующее влияние. Ибо если во всех других странах пароход вытесняет парусные суда, то Норвегия в огромной степени увеличивает свое парусное судоходство и обладает если не самым большим в мире, то, наверное, вторым по величине парусным флотом, составляющим по большей части собственность мелких и средних судовладельцев, как это было, скажем, в Англии около 1720 г. Но все же старое застойное существование пришло тем самым в движение, и это движение выражается также и в подъеме литературы.

«Норвежский крестьянин никогда не был крепостным, и это дает всему развитию, — подобно тому, как в Кастилии, — совсем другой фон. Норвежский мелкий буржуа — сын свободного крестьянина, и вследствие этого он — *настоящий человек* по сравнению с опустившимся немецким мещанином. И каковы бы ни были недостатки, например, ибсеновских драм, они отображают перед нами: хотя маленький и среднебуржуазный, но совершенно несоизмеримый с немецким мир, — мир, в котором люди еще обладают характером и инициативой и действуют, хотя зачастую, с точки зрения иноземных понятий, довольно странно, но самостоятельно. Подобные вещи я предпочитаю основательно изучить, прежде чем высказывать о них свое суждение».

Здесь я, таким образом, хотя и в вежливой форме, но, тем не менее, достаточно ясно и определенно сказал г. Эрнсту — «где»: именно, в присланной мне им самим статье из «Freie Bühne». Если я разъясняю ему, что он употребляет точку зрения Маркса просто как шаблон, по которому кроит и перекраивает исторические факты, то это и есть как раз пример того «глубокого непонимания» образа мыслей Маркса, в котором я упрекнул господ литераторов. И, показывая ему далее на предложенном им самим примере, на Норвегии, что применяемый им к Норвегии шаблон мещанства по немецкому образцу идет вразрез с историческими фактами, я тем самым ставлю ему на вид заранее и на примере его собственной особы то самое «грубое незнание решающих в каждом данном случае исторических фактов», в котором я упрекнул этих господ.

А теперь посмотрите, с каким жеманным благонаравием г. Эрнст разыгрывает из себя невинную поселянку, которую задел в Берлине на улице первый встречный сиятельный прохвост, как будто она «из таковских». С видом оскорбленной добродетели выступает он предо мною четыре месяца спустя после вышеприведенного письма: я обязан сказать ему — «где?» Повидимому, г. Эрнст переживает только две фазы литературных настроений. Сначала он наскакивает с такой дерзостью и самоуверенностью, точно за этим в самом деле кроется что-нибудь, кроме чепухи; а когда люди начинают защищаться, тогда он спешит заявить, что он ничего не сказал, и жалуется на гнусное, оскорбительное отношение к его лучшим чувствам. Задетая добродетель — в его письме ко мне, в котором он плачется, что г. Бар «обошелся с ним невероятно бесстыдно!» Оскорбленная невинность — в его ответе мне, в котором он наивно спрашивает: где? — хотя он должен знать это уже целых четыре месяца. Непонятая благородная душа — в «Magdeburger Volksstimme», где у старины Бремера, заслуженно давшего ему по рукам, он тоже спрашивает: где?

Со вздохом вопрошаю: где?

Все вопрошаю: где?

Г-н Эрнст все еще хочет знать, где? — Да хотя бы в статье его в «Volkstribüne» об «опасностях марксизма», где он без обвиняков воспринимает несуразное утверждение метафизика Дюринга, будто у Маркса история идет совершенно автоматически, без всякого участия людей (которые, однако, творят ее), и будто экономические отношения (которые, однако, сами создаются людьми) играют этими людьми, как простыми шахматными фигурами. Человеку, способному смешивать искажение теории Маркса таким противником, как Дюринг,

с самой этой теорией, пусть поможет кто-нибудь другой, — я от этого отказываюсь.

Да будет разрешено мне не отвечать уж больше на дальнейшие вопросы — «где?». Г-н Эрнст отличается такой плодовитостью, статьи выходят из-под его пера с таким проворством, что на них натыкаешься повсюду. А когда думаешь, что наконец-то пришел конец, он объявляет себя автором еще и той или иной анонимной статьи. Тут уж нашему брату становится невмоготу, и начинаешь испытывать желание, чтобы г. Эрнст хоть ненадолго прекратил писание.

Далее г. Эрнст пишет: «Если я и изобразил нашу парламентскую социал-демократию частично весьма мелкобуржуазной по ее характеру, то пусть Энгельс» и т. д.

Частично весьма мелкобуржуазной? В статье в «Sächsische Arbeiter-Zeitung», вынудившей меня выступить с возражением, сказано, что мелкобуржуазный парламентский социализм составляет сейчас в Германии *большинство*. А об этом, говорил я, мне ничего не известно. Теперь г. Эрнст хочет выступить только с утверждением, что фракция «частично» весьма мелкобуржуазна. Снова — непонятая благородная душа, которой злой свет приписывает всякие бесчинства. Но кто же когда-нибудь оспаривал, что не только во фракции, но и во всей партии представлено также и мелкобуржуазное направление? Правое и левое крыло имеется в каждой партии, а что правое крыло социал-демократии — мелкобуржуазного порядка, это вполне естественно. Если все дело только в этом, то к чему же весь шум? С этой старой историей нам приходится считаться уже долгие годы, но отсюда еще очень далеко до мелкобуржуазного большинства во фракции или даже в партии. Когда эта опасность станет действительно грозной, тогда никто не станет дожидаться предостерегающих призывов со стороны этих своеобразных верных Эккартов¹. Но до сих пор бодрая и смелая борьба пролетариата против исключительного закона и быстрое экономическое развитие все более и более вырывали у этого мелкобуржуазного элемента всякую почву из-под ног, между тем как пролетарский элемент развивался все с большей и большей силой.

А в заключение я могу поведать г. Эрнсту только вот что. Гораздо опаснее, чем мелкобуржуазная фракция, которую ведь можно при следующих выборах выбросить вон, как негодный хлам, гораздо опаснее для партии клика заносчивых литераторов и студентов, осо-

¹ *Эккарт* — герой древне-германского сказания, сидевший у входа в пещеру горы Венеры и предостерегавший всех тех, кто хотел войти внутрь. *Ред.*

бенно когда они не в состоянии разглядеть самых простых вещей и не умеют при обсуждении экономического или политического положения беспристрастно учесть ни относительного веса объективных фактов, ни соотношения борющихся сил и хотят поэтому навязать партии ту сумасшедшую тактику, которую прямо обнаружили господа Бруно Вилле и Тейстлер, а в меньшей мере также и г. Эрнст. И клика эта становится еще опаснее, когда она объединяется в некое общество взаимного страхования и пускает в ход все средства организованной рекламы, чтобы протащить своих членов в кабинеты редакций партийных газет и посредством партийной печати управлять партией. Двенадцать лет тому назад закон против социалистов избавил нас от этой надвигавшейся уже тогда опасности. Теперь, когда этот закон пал, она появляется снова. Пусть это также послужит г. Паулю Эрнсту объяснением того обстоятельства, что я отбиваюсь руками и ногами, когда меня отождествляют с элементами подобной клики.

Лондон, 1 октября 1890 г.

Напечатан в газете «Berliner Volksblatt», № 232 от 5 октября 1890 г.

Подпись: Фридрих Энгельс.

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «BERLINER VOLKSBLATT».

(В ОТВЕТ НА ПОЗДРАВЛЕНИЯ К СЕМЬДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ).

К семидесятилетию со дня моего рождения на мою долю выпало столько проявлений самого сердечного участия, столько неожиданных почестей, что я, к сожалению, не в состоянии ответить лично на каждое из этих приветствий в отдельности. Это был настоящий дождь телеграмм, писем, подарков, статей в партийной прессе, специально мне посвященных, — все это из самых различных стран, а в особенности со всех концов Германии. Позвольте мне поэтому принести здесь самую искреннюю мою благодарность старым и новым друзьям, которые 28 ноября с такой благожелательностью обо мне вспомнили.

Никто лучше меня не знает, что этими почестями я обязан главным образом не себе и не своим заслугам. Такова уж моя судьба, что я пожинаю ту славу и ту честь, семена которых посеял человек, более великий, чем я, — Карл Маркс. Я же могу только дать обещание, что остаток своей жизни проведу в активном служении пролетариату, чтобы хоть в будущем стать по возможности достойным оказанных мне почестей.

Лондон, 2 декабря 1890 г.

Напечатано в газете «Berliner Volksblatt», № 284 от 5 декабря 1890 г.

Подпись: Фридрих Энгельс.

НАЦИОНАЛЬНОМУ СОВЕТУ ФРАНЦУЗСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

(В ОТВЕТ НА ПОЗДРАВЛЕНИЯ К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ).

Граждане!

Приношу вам сердечную благодарность за поздравления, которыми вы почтили меня к семидесятилетию со дня моего рождения.

Будьте уверены, что остаток моей жизни и моих сил будет отдан борьбе за пролетарское дело. В тот момент, когда я окажусь не в состоянии бороться, пусть дано мне будет умереть.

Но сражения, выигранные вами, нашими братьями в Германии, в Англии, в Австро-Венгрии, в России, — словом, повсюду, составляют ряд таких блистательных побед, которые могли бы омолодить и более дряхлого и изнуренного человека, чем я. Больше же всего другого радует меня эта искренняя братская связь, которая наперекор шовинистическим воплям наших развращенных буржуа установилась, надеюсь навеки, между французскими и немецкими пролетариями.

Ваш великий соотечественник Симон был первым, кто предвидел, что союз трех великих западных наций — Франции, Англии, Германии — есть первое международное условие для политического и социального освобождения всей Европы. Я надеюсь еще увидеть, как этот союз, основной стержень европейского союза, который раз навсегда покончит с кабинетскими и расовыми войнами, будет осуществлен пролетариями этих трех наций.

Да здравствует международная социальная революция!

Лондон, 2 декабря 1890 г.

Напечатано в газете «Le Socialiste»,

№ 14 от 25 декабря 1890 г.

Подпись: Фридрих Энгельс.

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ARBEITER-WOCHEN-CHRONIK», БУДАПЕШТ.

(ПО СЛУЧАЮ ВЕНГЕРСКОГО ПАРТИЙНОГО СЪЕЗДА).

Лондон, 3 декабря 1890 г.

Позвольте выразить вам свою искреннюю благодарность за принесенные мне в вашем письме от 26 ноября поздравления к семидесятилетию со дня моего рождения.

Я слишком хорошо сознаю, что те почести, которые вы и многие другие оказали мне в этот день, в значительнейшей доле относятся ко мне только как к представителю *Маркса*, пережившему его, и я прошу разрешения возложить их как почетный венок на его могилу. Но все, что я могу сделать, чтобы в будущем показать себя достойным его, будет с моей стороны сделано, в этом вы можете быть уверены.

Сердечно благодарю за ваше любезное приглашение на венгерский партийный съезд. У меня не будет возможности воспользоваться этим приглашением лично, но мысленно я буду 7 и 8 декабря с вами.

Существование венгерской социал-демократической рабочей партии лишний раз доказывает, что современная крупная промышленность не может укорениться ни в одной стране, не революционизировав прежнее докапиталистическое общество и не создавая наряду с классом капиталистов также и пролетариат, а значит и классовую борьбу между тем и другим, а также и рабочую партию, стремящуюся к свержению буржуазно-капиталистического строя. Вот и в Венгрии, как я вижу из вашей газеты «*Arbeiter-Wochen-Chronik*», любезно мне присылаемой, эта рабочая партия развивается и становится все сильнее, имея здесь то преимущество, что она с самого же начала интернациональна, включая в свой состав мадьяр, немцев, румын, сербов и словаков; прошу вас передать этой молодой партии лучшие мои пожелания ко дню ее съезда.

Да здравствует международная социал-демократия!

Да здравствует венгерский партийный съезд!

Напечатано на венгерском языке в газете «Népszava» 14 декабря 1890 г.; а также на немецком языке в «Protokoll des Parteitagcs der Sozialdemokratie Ungarns im Budapest, 1890», S. 6.

Подпись: Фридрих Энгельс.

ПРЕДИСЛОВИЕ К «КРИТИКЕ ГОТСКОЙ ПРОГРАММЫ».

Печатающаяся ниже рукопись — критика проекта Готской программы вместе с сопроводительным письмом к Бракке — была в 1875 г., незадолго до Готского объединительного съезда, отправлена Бракке с просьбой показать ее Гейбу, Ауэру, Бебелю и Либкнехту и вернуть затем обратно Марксу. Так как партийный съезд в Галле поставил в порядок дня дискуссию о Готской программе, то я полагаю, что с моей стороны было бы преступлением, если бы я не опубликовал этот важный документ, пожалуй самый важный из всех, относящихся к данной дискуссии.

Но рукопись эта имеет еще и другое, более широкое значение. В ней впервые ясно и четко высказано отношение Маркса к линии, взятой Лассалем с начала его агитационной деятельности, и притом как к экономическим принципам Лассаля, так и к его тактике.

Беспощадная резкость, с какою Маркс анализирует здесь проект программы, неумолимость, с какою он формулирует вытекающие результаты, вскрывая слабости проекта, — все это теперь, через пятнадцать лет, никого уже обидеть не может. Специфические лассальянцы существуют еще только за границей в виде уцелевших одиночек, а Готская программа даже ее составителями признана в Галле совершенно неудовлетворительной.

Тем не менее, там, где это было возможно без ущерба для дела, я опустил некоторые резкие выражения и оценки, относящиеся к отдельным лицам, заменив их точками. Маркс сам поступил бы так же, если бы опубликовал теперь эту рукопись. Ее местами резкий тон был вызван двумя обстоятельствами. Во-первых, Маркс и я срослись с германским движением теснее, чем с каким-либо другим, так что решительный шаг назад, обнаружившийся в этом проекте программы, должен был взволновать нас особенно сильно. Во-вторых, мы находились тогда (не прошло и двух лет после Гаагского конгресса Интернационала) в ожесточеннейшей борьбе с Бакуниным и его анархистами, которые возлагали на нас ответственность за все, что происходило в германском рабочем движении, так что мы должны были быть готовы к тому, что нас объявят

тайными отцами этой программы. Эти соображения теперь отпадают, а вместе с ними отпадает и необходимость в упомянутых местах.

Некоторые фразы заменены точками и по цензурным соображениям. Там, где мне приходилось избирать более мягкое выражение, я заключал его в прямые скобки. В остальном рукопись перепечатана дословно.

Лондон, 6 января 1891 г.

*Напечатано в журнале «Die Neue
Zeit», Jg. IX., B.I., N. 18.*

Подпись: Фр. Энгельс.

ВВЕДЕНИЕ К БРОШЮРЕ МАРКСА «ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ВО ФРАНЦИИ».

Предложение переиздать воззвание Генерального совета Международного товарищества рабочих о «Гражданской войне во Франции» и снабдить его введением было для меня неожиданным. Я могу здесь повтому лишь вкратце затронуть важнейшие пункты.

Вышеупомянутой сравнительно большой по размерам работе я предпосылаю оба более кратких обращения Генерального совета по поводу франко-прусской войны. Во-первых, потому, что в «Гражданской войне» есть ссылки на второе обращение, которое, само по себе без первого, не везде понятно. А также и потому, что оба эти обращения, тоже написанные Марксом, являются не менее, чем «Гражданская война», выдающимися образцами удивительного, впервые проявившегося в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» дара автора верно схватывать характер, значение и необходимые последствия крупных исторических событий в то время, когда эти события еще только разыгрываются перед нашими глазами или только что свершились. И, наконец, потому, что нам в Германии еще и ныне приходится страдать от предсказанных Марксом последствий этих событий.

Разве не оправдалось предсказание первого обращения, что если оборонительная война Германии против Луи Бонапарта выродится в завоевательную войну против французского народа, то Германии придется вновь, и в еще большей мере, пережить все несчастья, которые постигли ее после так называемых освободительных войн? Не имели ли мы еще целых двадцать лет господства Бисмарка, а вместо преследований демагогов — исключительный закон и травлю социалистов, с тем же полицейским произволом, с буквально тем же возмутительнейшим толкованием закона?

И разве не буквально оправдалось предсказание, что аннексия Эльзас-Лотарингии «бросит Францию в объятия России» и что после этой аннексии Германия должна будет либо открыто стать лакеем России, либо после короткой передышки начать готовиться к новой войне, а именно «к расовой войне с объединенными славянской и

романской расами»? Разве аннексия французских провинций не бросила Францию в объятия России? Разве Бисмарк не домогался напрасно целых двадцать лет благоволения царя, прислуживая ему и припадая к стопам «святой Руси» еще более раболепно, чем привыкла это делать маленькая Пруссия до того, как она стала «первой великой европейской державой»? И разве не висит постоянно над нашими головами дамоклов меч войны, которая в первый же день превратит в прах все бумажные союзы государей, войны, относительно которой ничего не известно, кроме абсолютной неизвестности ее исхода, войны расовой, которая отдаст всю Европу на поток и разграбление пятнадцати или двадцати миллионам вооруженных солдат и которая еще не разразилась до сих пор только потому, что абсолютная невозможность предвидеть ее конечные результаты внушает страх даже самому сильному из крупных военных государств?

Тем более необходимо поэтому сделать вновь доступными для немецких рабочих эти полузабытые документы, блестяще свидетельствующие о дальновидности интернациональной рабочей политики в 1870 г.

То, что я сказал об обоих этих обращениях, относится также к «Гражданской войне во Франции». 28 мая последние защитники Коммуны пали на склонах Бельвиля в борьбе с превосходными неприятельскими силами, а уже через два дня, 30 мая, Маркс прочел Генеральному совету свое произведение, в котором историческое значение Парижской коммуны было изображено краткими, сильными чертами, но с такой меткостью и — главное — верностью, каких не достигала вся последующая обширная литература по этому вопросу.

В силу экономического и политического развития Франции с 1789 г., в Париже в последние 50 лет сложилось такое положение, что каждая разражавшаяся в нем революция не могла не принимать характера пролетарской; оплатив победу своею кровью, пролетариат выступал после победы с собственными требованиями. Эти требования были более или менее неясны и даже сбивчивы, в зависимости каждый раз от степени развития парижских рабочих; но все они в конце концов сводились к уничтожению классовой противоположности между капиталистами и рабочими. Как должно оно произойти, — этого, правда, не знали. Но уже самое требование, при всей его неопределенности, представляло опасность для существующего общественного строя; рабочие, предъявлявшие это требование, бывали еще вооружены; поэтому для буржуа, находившихся у государственного кормила, первой заповедью было разоружение рабочих. Отсюда после каждой

завоеванной рабочими революции — новая борьба, которая заканчивается поражением рабочих.

В первый раз это произошло в 1848 г. Либеральные буржуа, принадлежавшие к парламентской оппозиции, устраивали банкеты с целью провести избирательную реформу, которая обеспечила бы господство их партии. Борьба с правительством все больше и больше заставляла их апеллировать к народу, и они были вынуждены предоставить возможность постепенно выдвинуться на первый план радикальным и республиканским слоям буржуазии и мелкой буржуазии. Но за последними стояли революционные рабочие, а эти последние с 1830 г. приобрели гораздо больше политической самостоятельности, чем предполагали буржуа и даже республиканцы. Когда в отношениях между правительством и оппозицией наступил кризис, рабочие начали уличную борьбу; Луи-Филипп исчез, вместе с ним исчезла и избирательная реформа, а взамен нее возникла республика, и такая республика, которую победившие рабочие объявили даже «социальной». Что надо было разуметь под этой социальной республикой, — никому не было ясно, даже и самим рабочим. Но они были теперь вооружены и стали силой в государстве. Поэтому первым делом стоявших у кормила правления буржуазных республиканцев, как только они почувствовали несколько более твердую почву под ногами, было разоружение рабочих. Это и было сделано при июньском восстании 1848 г., к которому рабочих вынудили прямым нарушением данного им слова, явным издевательством и попыткой выслать всех безработных в отдаленную провинцию. Правительство заранее обеспечило себе подавляющее превосходство сил. После пятидневного героического сопротивления рабочие были побеждены. И тут над беззащитными пленными началась кровавая расправа, невиданная со времен гражданских войн, которые привели к падению Римской республики. Буржуазия впервые показала, с какой безумной жестокостью мстит она пролетариату, когда он осмеливается выступить против нее как особый класс с собственными интересами и требованиями. Но все же 1848 г. был еще детской игрой в сравнении с неистовствами буржуазии в 1871 г.

Везде следовало по пятам. Если пролетариат еще не мог, то буржуазия уже не могла править Францией. Не могла, по крайней мере, в то время, когда она в большинстве своем была еще монархической и была расколота на три династические партии и четвертую республиканскую. Ее внутренние раздоры позволили авантюристу Луи Бонапарту захватить весь аппарат власти — армию, полицию,

административную машину — и 2 декабря 1851 г. взорвать последнюю твердыню буржуазии, Национальное собрание. Началась вторая империя — эксплуатация Франции шайкой политических и финансовых авантюристов, но вместе с тем и такое промышленное развитие, какое было совершенно невозможно при мелочной и трусливой системе Луи-Филиппа, при исключительном господстве лишь небольшой части крупной буржуазии. Луи Бонапарт взял у капиталистов их политическую власть под предлогом защиты буржуазии против рабочих и рабочих против буржуазии; но в то же время его господство благоприятствовало спекуляции и промышленной деятельности, короче говоря — невиданному до тех пор экономическому подъему и обогащению всей буржуазии в целом. Но еще в гораздо больших размерах развивались продажность и массовое хищничество лиц, группировавшихся вокруг императорского двора и извлекавших для себя крупный процент этого обогащения.

Но вторая империя — это был призыв к французскому шовинизму; это было требование возврата потерянных в 1814 г. границ первой империи, по меньшей мере — границ первой республики. Французская империя в границах старой монархии и даже в еще более урезанных границах 1815 г. не могла быть долговечной. Отсюда необходимость время от времени вести войну и расширять границы. Но никакое расширение границ не увлекало так сильно фантазию французских шовинистов, как расширение за счет немецкого левого берега Рейна. Одна квадратная миля на Рейне имела в их глазах больше цены, чем десять миль в Альпах или где-нибудь в другом месте. Пока существовала вторая империя, требование возврата левого берега Рейна, — сразу или по частям, — было лишь вопросом времени. Это время наступило вместе с австро-прусской войной 1866 г. Обманутый Бисмарком, а также своей собственной сверх-хитроумной нерешительной политикой, в своих ожиданиях «территориального вознаграждения», Бонапарт не имел другого выхода, кроме войны, вспыхнувшей в 1870 г. и приведшей его к Седану, а затем и к плену в Вильгельмсгеэ.

Неизбежным следствием была революция 4 сентября 1870 г. в Париже. Империя рассыпалась, как карточный домик; снова была провозглашена республика. Но неприятель стоял у ворот; императорские войска частью были, без надежды на освобождение, осаждены в Меце, частью находились в плену в Германии. Пред лицом такого бедствия народ позволил парижским депутатам бывшего Законодательного корпуса образовать из своей среды «правительство национальной обороны». Пошли на это тем скорее, что теперь

все парижане, способные носить оружие, были, в целях обороны, зачислены в Национальную гвардию и вооружены, так что рабочие составляли в ней теперь огромное большинство. Но уже вскоре проявилось противоречие между правительством, состоявшим почти поголовно из буржуа, и вооруженным пролетариатом. 31 октября рабочие батальоны взяли штурмом ратушу и арестовали нескольких членов правительства. Измена, прямое нарушение правительством данного им слова и вмешательство нескольких мелкобуржуазных батальонов привели к освобождению арестованных; но, чтобы не дать разгореться гражданской войне в осажденном вражеской силой городе, прежнее правительство было оставлено у власти.

Наконец, измученный голодом Париж 28 января 1871 г. капитулировал. Но капитулировал на небывалых в военной истории почетных условиях. Форты были сданы, с крепостного вала были сняты орудия, линейные полки и мобили сдали оружие, сами они были объявлены военнопленными. Но Национальная гвардия сохранила свое оружие и пушки и заключила с победителями только перемирие. И последние не решились с триумфом войти в Париж; они заняли только небольшой уголок Парижа, часть которого вдобавок состояла из общественных парков, но и то заняли всего лишь на несколько дней. И в течение этого времени победители, державшие Париж в осаде в течение 131 дня, были сами осаждены вооруженными парижскими рабочими, неусыпно следившими за тем, чтобы ни один «пруссак» не перешагнул узких границ предоставленного чужеземному завоевателю уголка. Вот какое уважение к себе внушили парижские рабочие тому войску, перед которым сложили оружие все армии империи. Прусские юнкера, пришедшие сюда, чтобы отомстить очагу революции, были вынуждены почтительно остановиться перед этой вооруженной революцией и салютовать ей!

Во время войны парижские рабочие ограничивались требованием энергичного продолжения борьбы. Но теперь, когда после капитуляции Парижа был заключен мир, глава нового правительства, Тьер, должен был убедиться, что господство имущих классов — крупных землевладельцев и капиталистов — будет в постоянной опасности, пока парижские рабочие будут вооружены. Первым его делом была попытка их разоружить. 18 марта он послал линейные войска с приказом захватить артиллерию Национальной гвардии, изготовленную во время осады Парижа на общественный счет, по подписке. Эта попытка сорвалась; весь Париж поголовно взялся за оружие для самообороны, и война между Парижем и находившимся в Версале французским правительством была объявлена,

— 26 марта была избрана и 28-го провозглашена Парижская коммуна. Центральный комитет Национальной гвардии, державший до тех пор власть в своих руках и успевший уже издать декрет об упразднении скандальной парижской «полиции нравов», передал свои полномочия Коммуне. — 30 марта Коммуна упразднила рекрутский набор и постоянную армию и объявила единственной вооруженной силой Национальную гвардию, составленную из всех граждан, способных носить оружие. Коммуна аннулировала все счета по квартирной плате за время с октября 1870 г. по апрель 1871 г., с зачислением уже выплаченных сумм в счет квартирной платы за будущее время, и приостановила продажу вещей, заложенных в городском ломбарде. В тот же день были утверждены выбранные в Коммуну иностранцы, так как «знамя Коммуны есть знамя всемирной республики». — 1 апреля было установлено, что жалованье служащих Коммуны, а стало быть и ее членов, не должно превышать 6 000 фр. (4 800 марок). На следующий день был издан декрет об отделении церкви от государства и об отмене всех государственных расходов на религиозные цели, а также о национализации всех церковных имуществ; 8 апреля было в соответствии с этим отдано распоряжение, которое и стало постепенно проводиться в жизнь, — об изъятии из школ всех религиозных символов, образов, догматов, молитв, — словом, «всего того, что касается совести каждого отдельного лица». — 5 апреля, ввиду ежедневно повторявшихся расстрелов версальскими войсками взятых в плен защитников Коммуны, был издан декрет об аресте заложников, который, однако, так и не был приведен в исполнение. — 6 апреля 137-м батальоном Национальной гвардии была извлечена гильотина и при всенародном ликовании публично сожжена. — 12 апреля Коммуна постановила разрушить на Вандомской площади колонну Победы, которая была отлита Наполеоном после войны 1809 г. из отбитых у неприятеля пушек и являлась символом шовинизма и национальной вражды. 16 мая это постановление было приведено в исполнение. — 16 апреля Коммуна распорядилась произвести учет остановленных фабрикантами фабрик и разработать план их эксплуатации кооперативными товариществами рабочих этих фабрик, а также план объединения этих товариществ в один большой союз. — 20 апреля была отменена ночная работа булочников и уничтожены конторы для приискания работы, составлявшие со времени второй империи монополию назначавшихся полицией субъектов, — перворазрядных эксплуататоров рабочих; эти конторы были переданы в ведение мерий двадцати районов Парижа. — 30 апреля были уничтожены ссудные кассы, служившие средством

частной эксплуатации рабочих и противоречившие праву последних на их орудия труда и на кредит. — 5 мая было постановлено снести часовню, построенную во искупление казни Людовика XVI.

Так, начиная с 18 марта, стал резко проявляться чисто классовый характер парижского движения, затемненный до тех пор борьбой со вторгшимся неприятелем. В Коммуне заседали почти исключительно рабочие или признанные представители рабочего класса, в соответствии с этим и ее постановления отличались решительно пролетарским характером. Коммуна либо декретировала такие реформы, от которых республиканская буржуазия отказалась только из подлой трусости, но которые составляли необходимую основу для свободной деятельности рабочего класса: таково проведение в жизнь принципа, что *по отношению к государству* религия есть только частное дело; либо же Коммуна издавала постановления, прямо лежавшие в интересах рабочего класса, — постановления, которые отчасти глубоко врезывались в старый общественный порядок. Но в осажденном городе для осуществления всех этих постановлений можно было сделать только первые шаги. Уже с начала мая все силы уходили на борьбу со все более возрастающими численно войсками версальского правительства.

7 апреля версальцы захватили переправу через Сену у Нейи, на западном фронте Парижа; но 11 апреля их нападение на южный фронт было отбито генералом Эдом [Eudes] с большими потерями с их стороны. Те же люди, которые клеймили бомбардировку Парижа пруссаками как святотатство, теперь сами непрерывно бомбардировали его. Эти же люди умоляли теперь прусское правительство поскорее прислать обратно взятых в плен при Седане и Меце французских солдат, которые должны были завоевать для них Париж. Постепенное прибытие этих войск дало версальцам с начала мая решительный перевес. Это стало ясно уже 23 апреля, когда Тьер прервал начатые по предложению Коммуны переговоры об обмене архиепископа парижского и целого ряда других попов, задержанных в Париже в качестве заложников, на одного Бланки, дважды выбранного в Коммуну, но заключенного в Клерво. Еще яснее обнаружилось это в изменившемся тоне речей Тьера; до тех пор сдержанные и двусмысленные, они теперь стали вдруг наглыми, грубыми, угрожающими. 3 мая версальцы заняли на южном фронте редут Мулен-Саке, 9-го — разрушенный бомбардировкой форт Исси, 14-го — форт Ванв. На западном фронте, занимая многочисленные деревни и строения, раскинувшиеся вплоть до городской стены, они постепенно продвинулись до главной линии укреплений. 21 мая, вследствие

измены и вследствие беспечности стоявшей здесь Национальной гвардии, им удалось проникнуть в город. Пруссаки, занимавшие северные и восточные форты, позволили версальцам пройти в северной части города через район, который по условиям перемирия был для них закрыт, и произвести, таким образом, атаку по длинному фронту, который парижане по условиям перемирия должны были считать обеспеченным от нападения и поэтому сравнительно слабо защитили. Отсюда и то сравнительно слабое сопротивление, которое было оказано в западной половине Парижа, в самых богатых кварталах города; это сопротивление становилось тем сильнее и упорнее, чем ближе подходили вторгающиеся войска к восточной половине столицы, к собственно рабочему району города. Только после восьмидневной борьбы пали последние защитники Коммуны на высотах Бельвиля и Менильмонтана, и тогда убийства безоружных мужчин, женщин и детей, происходившие все с большей свирепостью в течение целой недели, достигли своего апогея. Усовершенствованное ружье действовало недостаточно быстро, и побежденных расстреливали сотнями из митральез. «Стена коммунаров» на кладбище Père Lachaise, где произошло последнее массовое избиение, стоит еще и теперь, как немой, но выразительный свидетель того бешенства, на какое способен господствующий класс, когда пролетариат осмеливается выступить на защиту своих прав. Затем, когда всех отправить на закланье оказалось невозможным, начались массовые аресты и расстрелы жертв, произвольно взятых из рядов пленных; остальных уводили в большой лагерь, где они должны были ожидать военного суда. Прусским войскам, окружавшим Париж с северо-востока, было приказано не пропускать ни одного беглеца, но офицеры нередко смотрели сквозь пальцы, когда солдаты повиновались больше чувству гуманности, чем приказу начальства. Особенно прославился своим гуманным поведением саксонский армейский корпус, пропустивший многих заведомых борцов Коммуны.

* * *

Если мы теперь, спустя 20 лет, взглянем на деятельность и историческое значение Парижской коммуны 1871 г., то увидим, что изложение «Гражданской войны во Франции» нуждается еще в некоторых дополнениях.

Члены Коммуны разделялись на большинство, состоявшее из бланкистов, которые господствовали и в Центральном комитете Национальной гвардии, и меньшинство, состоявшее из членов Международного товарищества рабочих, преимущественно последо-

вателей социалистической школы Прудона. Бланкисты были тогда социалистами большей частью лишь по революционному пролетарскому инстинкту; только немногие из них поднялись до более ясного понимания принципиальных положений благодаря Вайяну, который был знаком с немецким научным социализмом. Отсюда становится понятным, почему Коммуна в экономической области упустила кое-что такое, что, по нашим нынешним представлениям, сделать ей было необходимо. Труднее всего, конечно, понять то благоговение, с каким она почтительно остановилась перед дверьми Французского банка. Это было также крупной политической ошибкой. Банк в руках Коммуны, — ведь это имело больше значения, чем 10 000 заложников. Это заставило бы всю французскую буржуазию оказать давление на версальское правительство, чтобы заключить мир с Коммуной. Но гораздо более поразительно, как часто Коммуна поступала совершенно правильно, несмотря на то, что она состояла из бланкистов и прудонистов. За экономические декреты Коммуны, — и за их достоинства, и за их недостатки, — само собою разумеется, прежде всего несут ответственность прудонисты, а за ее политические действия и промахи — бланкисты. Как обычно бывает, когда власть попадает в руки доктринеров, и те, и другие делали, по иронии истории, как раз противоположное тому, что предписывала им их школьная доктрина.

Прудон, этот социалист мелких крестьян и ремесленников, прямо-таки ненавидел ассоциацию. Он говорил, что в ней больше дурного, чем хорошего, что она по природе своей бесплодна, даже вредна, что она — цепь, сковывающая свободу рабочего, пустая догма, бесполезная и обременительная, противоречащая не только свободе рабочего, но и экономии труда; что ее недостатки возрастают быстрее, чем ее преимущества, и что в противоположность ей конкуренция, разделение труда, частная собственность являются экономическими силами. Только в исключительных случаях, как называет их Прудон, — в крупной промышленности и на крупных предприятиях, например на железных дорогах, — рабочая ассоциация уместна (см. *Idée générale de la Révolution*, 3 étude [«Общая идея революции», 3-й очерк]).

А в 1871 г. крупная промышленность уже перестала быть исключением даже в Париже, этом центре художественного ремесла, и самый важный декрет Коммуны требовал организации крупной промышленности, и даже мануфактуры, не только на основе ассоциации рабочих каждой отдельной фабрики, но и на основе объединения всех этих товариществ в один большой союз. Такая организация,

как справедливо заметил Маркс в «Гражданской войне», в последнем счете должна была вести к коммунизму, т. е. к прямой противоположности учению Прудона. Вот почему Коммуна была могилой прудоновской социалистической школы. Эта школа теперь исчезла в среде французских рабочих; здесь полновластно царит теперь теория Маркса как среди «марксистов», так и среди POSSИБИЛИСТОВ. Только среди «радикальных» буржуа еще встречаются прудонисты.

Не лучшая участь постигла и бланкистов. Воспитанные в школе заговорщичества, спаянные соответственной строгой дисциплиной, они полагали, что сравнительно небольшое число решительных, хорошо организованных людей может в благоприятный момент не только захватить власть, но, действуя с чрезвычайной энергией, удержать ее в своих руках, пока не удастся вовлечь народ в революцию и сгруппировать его вокруг небольшой кучки руководителей. Для этого прежде всего необходима была строжайшая диктаторская централизация всей власти в руках нового революционного правительства. Что же сделала Коммуна, большинство которой состояло именно из этих бланкистов? Во всех своих прокламациях к французам провинции она призывала их объединить все коммуны Франции с Парижем в одну свободную федерацию, в одну национальную организацию, впервые созданную действительно самой нацией. Именно та угнетающая власть прежнего централизованного правительства, армия, политическая полиция, бюрократия, которую Наполеон создал в 1798 г. и которую с тех пор каждое новое правительство перенимало как удобное орудие, используя его против своих противников, — именно эта власть должна была пасть повсюду во Франции, как она уже пала в Париже.

Коммуна должна была с самого начала признать, что рабочий класс, придя к господству, не может дальше хозяйничать, пользуясь старой государственной машиной; что для того, чтобы не потерять опять своего только что завоеванного господства, рабочий класс должен, с одной стороны, устранить всю старую, до сих пор употреблявшуюся против него самого машину угнетения, а с другой стороны, должен обеспечить себя против своих собственных депутатов и чиновников, объявляя их всех, без всякого исключения, сменяемыми в любое время. В чем до сих пор состояла характерная особенность государства? Первоначально путем простого разделения труда общество создало себе особые органы для защиты своих общих интересов. Но со временем эти органы, и главный из них — государственная власть, служа своим особым интересам, из слуг общества превратились в его повелителей. Такое явление происходит

не только в наследственных монархиях, но также и в демократических республиках. Нигде «политики» не составляют такой обособленной и влиятельной части нации, как именно в Северной Америке. Там каждая из двух больших партий, сменяющих одна другую у кормила правления, управляется, в свою очередь, людьми, которые из политики делают себе выгодное дело, спекулируют на депутатских местах в законодательных собраниях Союза и отдельных штатов или же живут агитацией за свою партию и после ее победы вознаграждаются должностями. Известно, сколько усилий затратили в течение последних тридцати лет американцы, чтобы стряхнуть это ставшее невыносимым иго, и как они, несмотря на это, все более погружаются в болото продажности. Именно в Америке лучше всего видно, как растет это обособление государственной власти от общества, для которого она первоначально должна была служить только орудием. Там нет ни династии, ни дворянства, ни постоянной армии, исключая нескольких солдат, следящих за индейцами, нет бюрократии с постоянными штатами и правами на пенсию. И все же мы видим там две больших шайки политических спекулянтов, которые попеременно забирают в свои руки государственную власть и эксплуатируют ее самым грязным образом и для самых грязных целей, а нация бессильна перед этими двумя большими союзами политиков, которые будто бы служат ей, в действительности же господствуют над ней и грабят ее.

Против этого неизбежного во всех существовавших до сих пор государствах превращения государства и органов государства из слуг общества в господ над обществом Коммуна применила два безошибочных средства. Во-первых, она назначила на все должности, по управлению, по суду, по народному просвещению, лиц, выбранных всеобщим избирательным правом, и притом ввела право в любое время отзывать этих выборных лиц по решению их избирателей. А во-вторых, она платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, какую получали другие рабочие. Самое высокое жалованье, которое вообще платила Коммуна, составляло 6 000 фр. Таким образом было создано надежное препятствие погоне за местечками и карьеризму, даже и независимо от императивных мандатов депутатам в представительные учреждения, введенных Коммуной сверх того.

Этот взрыв [Sprengung] старой государственной власти и ее замена новой, поистине демократической, подробно описаны в третьем отделе «Гражданской войны». Еще раз вкратце остановиться на некоторых чертах этой замены было здесь необходимо, потому

что как раз в Германии суеверная вера в государство перешла из философии в общее сознание буржуазии и даже многих рабочих. По учению философов, государство есть «осуществление идеи» или переведенное на философский язык царство божие на земле, — та область, в которой осуществляются или должны осуществляться вечная истина и справедливость. А отсюда вытекает суеверное почтение к государству и ко всему тому, что имеет отношение к государству, — почтение, которое тем легче укореняется, что люди с детства привыкают думать, будто дела и интересы, общие всему обществу, не могут выполняться и соблюдаться иначе, как прежним способом, т. е. через посредство государства и его награждаемых доходными местечками чиновников. Люди воображают, что совершают необыкновенно смелый шаг вперед, если они отделяются от веры в наследственную монархию и становятся сторонниками демократической республики. В действительности же государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, — и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии; в лучшем случае государство есть зло, которое по наследству передается пролетариату, одержавшему победу в борьбе за классовое господство; победивший пролетариат по примеру Коммуны вынужден будет немедленно отсечь худшие стороны этого зла, пока поколение, выросшее в новых, свободных общественных условиях, не окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности.

В последнее время социал-демократический филистер¹ опять начинает испытывать спасительный страх при словах: *диктатура пролетариата*. Хотите ли знать, милостивые государи, как эта диктатура выглядит? Посмотрите на Парижскую коммуны. Это была диктатура пролетариата.

Лондон, в день двадцатой годовщины
Парижской коммуны, 18 марта 1891 г.

Напечатано в качестве введения к брошюре К. Маркса «*Der Bürgerkrieg in Frankreich*», Berlin, 1891.

Подпись: Ф. Энгельс.

¹ В изданном немецкой социал-демократией тексте напечатано: «немецкий филистер». Как видно из имеющегося в архиве ИМЭЛ письма Рихарда Фишера к Энгельсу от 17 марта 1891 г., в рукописи Энгельса было первоначально написано: «социал-демократический филистер». *Ред.*

К 20-й ГОДОВЩИНЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «LE SOCIALISTE»).

Лондон, 17 марта.

Гражданки и граждане!

Ровно двадцать лет назад рабочий Париж поднялся, как один человек, против преступного посягательства буржуа и деревенщины [des ruraux], руководимых Тьером. Эти враги пролетариата дрожали от страха, видя парижских рабочих, вооружившихся и организовавшихся для защиты своих прав. Тьер попытался похитить у них оружие, которое они с такой славой использовали против чужеземного вторжения и которое они впоследствии с еще большей славой обратили против натиска версальских наемников. Чтобы сломить восставший Париж, деревенщина и буржуазия молили о помощи пруссаков и эту помощь получили. После героической борьбы Париж был раздавлен превосходными силами противника и обезоружен.

У парижских рабочих вот уж двадцать лет нет оружия. Так обстоит дело повсюду; во всех крупных цивилизованных странах пролетариат лишен средств материальной защиты. Всей массой вооруженной силы располагают повсюду враги и эксплуататоры рабочего класса.

Но к чему это привело?

К тому, что теперь, когда каждый здоровый мужчина проходит через ряды армии, эта армия начинает все больше отражать настроения и мысли народа; эта армия, великое орудие угнетения, становится с каждым днем все менее надежной. Руководители всех великих держав уже предвидят со страхом тот день, когда находящиеся под ружьем солдаты откажутся убивать своих братьев и отцов. Мы видели это в Париже, когда тонкинец осмелился притязать на пост президента Французской республики; мы видим это сейчас в Берлине, где преемник Бисмарка требует у рейхстага средств, чтобы укрепить повиновение в армии при помощи унтер-офицеров, купленных за деньги, потому что среди унтер-офицеров появилось слишком много социалистов!

Если происходит нечто подобное, если уже и в армии занимается заря, значит конец старого мира уже не за горами.

Пусть же свершится неизбежное! Пусть буржуазия, пришедшая в упадок, откажется от власти или умрет, и — да здравствует пролетариат! Да здравствует международная социальная революция!

*Напечатано на французском языке
в газете «Le Socialiste», № 27 от
25 марта 1891 г.*

Подпись: Ф. Энгельс.

ПИСЬМО К ХОЗЕ МЕСА ПО ПОВОДУ ИСПАНСКОГО ИЗДАНИЯ КНИГИ МАРКСА «НИЩЕТА ФИЛОСОФИИ».

Лондон, 24 марта 1891 г.

Дорогой друг Меса!

С большим удовольствием узнали мы из Вашего письма от 2-го числа с. м. о предстоящем издании на испанском языке Вашего перевода «Нищеты философии» Маркса. Незачем и говорить, что мы готовы приветствовать это издание, которое безусловно окажет самое благоприятное влияние на развитие социализма в Испании.

Прудонистская теория, в корне подорванная книгой Маркса, бесспорно исчезла с горизонта с тех пор, как пала Парижская коммуна. Но она все еще служит огромным арсеналом, из которого радикальные буржуа и псевдосоциалисты Западной Европы черпают фразы для усыпления рабочих. А так как рабочие этих стран унаследовали от своих предшественников подобные же прудонистские фразы, то у многих из них фразеология радикалов все еще находит отклик. Таково положение во Франции, где единственные еще оставшиеся прудонисты — это радикальные буржуа, называющие себя социалистами. И, если я не ошибаюсь, у вас, в ваших кортесах и в вашей печати, тоже есть еще такие республиканцы, называющие себя социалистами потому, что они в прудонистских идеях видят вполне подходящее средство противопоставить действительному социализму — верному и сжато выраженному стремлению пролетариата — низкопробный буржуазный социализм.

Братский привет!

Ф. Энгельс.

*Напечатано в испанском издании
Carlos Marx. «Miseria de la Filo-
sofia». Рукопись Энгельса, на француз-
ском языке, хранится в архиве ИМЭЛ.*

ИТАЛЬЯНСКИМ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАМ

[В ОТВЕТ НА ПРИГЛАШЕНИЕ НА МЕЖДУНАРОДНЫЙ РАБОЧИЙ МИТИНГ В МИЛАНЕ
12 АПР. 1891 Г.]

Лондон, 9 апреля 1891 г.

Дорогие граждане!

Бесконечно сожалею, что не могу воспользоваться вашим сердечным и столь почетным для меня приглашением присутствовать на вашем собрании 12 апреля. Я тем более об этом сожалею, что чувствую себя особенно близко связанным с вашей страной, ибо двадцать лет тому назад я занимал пост секретаря для Италии в Генеральном совете Международного товарищества рабочих. Этот Интернационал перестал с тех пор существовать в своей официальной форме; но в духе солидарности рабочего класса всех стран он продолжал жить всегда; сейчас он еще более жизненен и более мощен, чем когда бы то ни было, настолько мощен, что в своей старой официальной форме 1864 — 1875 гг. он не мог бы уже охватить миллионы европейских и американских рабочих, объединившихся под красным знаменем воинствующего пролетариата. Я надеюсь вместе с вами, что ваше собрание 12 апреля приведет новые колонны борцов в великую армию мирового пролетариата; что оно даст могучий толчок к укреплению уз солидарности, объединяющих итальянских рабочих с их братьями по другую сторону Альп, — с французами, немцами, славянами; и, наконец, что оно будет означать новый этап в освободительном движении итальянского пролетариата.

Мы достигли за двадцать лет огромных успехов; но много предстоит еще сделать, прежде чем мы сможем рассчитывать на немедленную и верную победу. *Dunque, avanti, sempre avanti!* [Итак, вперед, всегда вперед!]

Перевод с рукописи, на французском языке, хранящейся в архиве ИМЭЛ.

ПРЕДИСЛОВИЕ К 4-МУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ БРОШЮРЫ «РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА ОТ УТОПИИ К НАУКЕ».

Мое предположение, что содержание этой брошюры представит для наших немецких рабочих мало трудностей, подтвердилось. По крайней мере, с марта 1883 г., когда появилось первое издание, было распродано три издания, общим тиражом в 10 000 экземпляров, и это при господстве блаженной памяти закона против социалистов. Вместе с тем это — новый пример того, как бессильны полицейские запреты против такого движения, как движение современного пролетариата.

Со времени первого издания появилось еще несколько переводов на иностранные языки: итальянский перевод Пасквала Мартиньетти: «Il Socialismo Utopico ed il Socialismo scientifico», Benevento, 1883; русский: «Развитие научного социализма», Женева, 1884; датский: «Socialismens Udvikling fra Utopi til Videnskab», в «Socialisk Bibliotek», I Bind, Kjöbenhavn, 1885; испанский: «Socialismo utopico y Socialismo científico», Madrid, 1886; и голландский: «De Ontwikkeling van het Socialisme van Utopie tot Wetenschap», Haag, 1886.

Настоящее издание подверглось некоторым мелким изменениям; более важные дополнения сделаны только в двух местах: в первой главе, о Сен-Симоне, которому было отведено слишком мало места по сравнению с Фурье и Оуэном, и в конце третьей главы, о «трестах», новой форме производства, которая за это время приобрела важное значение.

Лондон, 12 мая 1891 г.

Напечатано в 4-м издании «Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft», Berlin, 1891.

Подпись: Фридрих Энгельс.

Ф. Энгельс
К КРИТИКЕ ПРОЕКТА СОЦИАЛ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ
1891 г.

*Напечатана в «Die Neue Zeit»,
Jg. XX, 1901, В. II, Н. 1. Перевод
с рукописи Энгельса, хранящейся
в архиве ИМЭЛ.*

К КРИТИКЕ ПРОЕКТА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ 1891 г.¹

Настоящий проект очень выгодно отличается от прежней программы. Сильные остатки отжившей традиции — как специфически-лассальянской, так и вульгарно-социалистической — в основном устранены, со стороны теоретической проект в целом стоит на почве современной науки, и на этой почве его можно обсуждать.

Он распадается на три раздела: I. Мотивировочная часть. II. Политические требования. III. Требования по линии охраны труда.

I. МОТИВИРОВОЧНАЯ ЧАСТЬ В 10 АБЗАЦАХ.

В общем она страдает тем недостатком, что пытается соединить несоединимое: быть и программой, и *комментарием* к программе. Люди опасаются, что когда пишешь кратко и убедительно, то это недостаточно понятно, и поэтому вставляют в текст разъяснения, которые делают изложение многословным и тягучим. По-моему, программа должна быть как можно более краткой и точной. Не беда, если даже попадется кое-где иностранное слово или не сразу во всем своем значении понятная фраза. Устные доклады на собраниях, письменное разъяснение в печати дадут все, что необходимо, и тогда краткая, выразительная фраза, раз понятая, запечатлеется в памяти, станет лозунгом, чего никогда не бывает с многословными рассуждениями. Нельзя жертвовать слишком многим ради популярности, нельзя недооценивать умственную одаренность и уровень развития наших рабочих. Они поняли гораздо более трудные вещи, чем то, что может им дать самая краткая, самая сжатая программа; и если эпоха исключительных законов затруднила, а местами сделала невозможным полное идейное развитие примкнувших к нам новых масс, то теперь, когда нашу пропагандистскую литературу можно снова беспрепятственно сохранять и читать, это будет быстро наверстано под руководством старых [кадров].

¹ Проекты Эрфуртской программы см. в «Protokoll über die Verhandlungen des sozialdemokratischen Parteitag, abgehalten zu Erfurt, 1891». *Ред.*

Я попытаюсь изложить весь этот раздел несколько короче и, если мне это удастся, приложу его или дошлю потом, а сейчас перейду к отдельным абзацам, от 1 до 10.

Абзац 1. — «Отделение» и т. д. «Горнозаводские предприятия, рудники, копи», — три слова для обозначения одного и того же предмета; два надо выбросить. Я оставил бы *горнозаводские предприятия*, которые ведь так у нас называются и на самой плоской равнине, и обозначил бы всё этим наиболее употребительным выражением. Зато я прибавил бы: «железные дороги и другие средства сообщения».

Абзац 2. — Здесь я вставил бы: «В руках *их присвоителей* (или *их владельцев*) общественные средства труда», а также ниже: «зависимость... от *владельцев* (или присвоителей) средств труда» и т. д.

Что эти господа присвоили все эти средства в свою «единоличную собственность», уже сказано в пункте 1 и здесь повторяется снова только потому, что хотят во что бы то ни стало ввести слово «монополисты». Но ни то, ни другое слово решительно ничего не прибавляет к смыслу. А в программе то, что излишне, только ослабляет ее.

«Необходимые для существования общества средства труда» — это всегда как раз те, которые имеются налицо. До появления паровой машины обходились и без нее, а теперь это уже невозможно. Так как в наше время все средства труда либо по своей конструкции, либо вследствие общественного разделения труда являются прямо или косвенно *общественными средствами труда*, то эти три слова в достаточной степени выражают то, что в каждый данный момент есть налицо, выражают правильно и без ложного побочного значения.

Если конец этого пункта заимствован из мотивировочной части устава Интернационала, то я предпочел бы, чтобы это было сделано *точно*: «социальной нищеты (это № 1), умственного вырождения и политической зависимости». Физическое вырождение входит в понятие социальной нищеты, а политическая *зависимость* есть факт, между тем как политическое *бесправие* — это пустая фраза, лишь *относительно* допустимая, каковой не место в программе.

Абзац 3. — Первую фразу, по-моему, надо изменить. «Под господством *единоличных собственников*»... Во-первых, то, о чем говорится дальше, есть экономический факт, который и объяснять надо экономически. Выражение же «*господство* *единоличных собственников*» создает ложное впечатление, будто это создано *политическим* господством этой разбойничьей банды. Во-вторых, к числу

этих единоличных собственников принадлежат не только «капиталисты и крупные землевладельцы» (к чему вслед за ними названы «буржуа»? Что же, это третий класс единоличных собственников? Крупные землевладельцы — тоже «буржуа»? Можно ли, раз уж речь зашла о крупных землевладельцах, игнорировать те колоссальные остатки феодализма, которые накладывают на все наше немецкое политическое свинство свою специфически реакционную печать?). *Крестьяне и мелкие буржуа* — тоже «единоличные собственники», по крайней мере еще до сих пор; но во всей программе о них нет и упоминания, и поэтому приходится выражаться так, чтобы вообще не включать их в категорию тех единоличных собственников, о которых идет речь.

«Накопление средств труда и создаваемого эксплуатируемыми богатства». «Богатство» состоит из: 1) средств труда и 2) средств существования. Поэтому говорить сперва об одной *части* богатства, а потом не о другой его части, а о всем богатстве в целом, и соединять то и другое союзом *и* — идет вразрез и с грамматикой и с логикой.

«...увеличивается... в руках капиталистов с возрастающей быстротой». А куда же девались «крупные землевладельцы» и «буржуа»? Если здесь достаточно одних капиталистов, значит их было достаточно и прежде. Если же входить в подробности, то одних капиталистов вообще недостаточно.

«Все больше становится численность и нищета пролетариев». В такой абсолютной форме это неверно. Организация рабочих, их все растущее сопротивление, возможно, воздвигнет некоторую плотину против *роста нищеты*. Но что наверное возрастает, это *необеспеченность существования*. Это я вставил бы.

Абзац 4. — «Коренящееся в существе частного капиталистического производства отсутствие планомерности» нуждается в значительном исправлении. Мне известно капиталистическое производство как общественная форма, как экономическая фаза, и *частное* капиталистическое производство как *явление*, встречающееся в том или ином виде внутри этой фазы. Но что такое собственно *частное* капиталистическое производство? — Производство, которое ведется *отдельным* предпринимателем; но ведь это все больше и больше становится уже исключением. Капиталистическое производство, ведущееся *акционерными обществами*, это уже вовсе не *частное* производство, а производство в интересах многих объединившихся лиц. Если же мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только *частное производство*,

но и *отсутствие планомерности*. Зачеркните слово «частного», и разбираемая фраза, пожалуй, сойдет.

«Разорение широких слоев народа» — вместо этой пустой фразы, которая выглядит так, как будто мы не перестаем скорбеть по поводу этого разорения буржуа и мелких буржуа, я просто констатировал бы самый факт: «которые вследствие разорения средних слоев городского и сельского населения, мелких буржуа и мелких крестьян, расширяют (или углубляют) пропасть между имущими и неимущими».

Обе заключительных фразы дважды высказывают одно и то же. Я даю в приложении I проект исправления ¹.

Абзац 5. — Вместо «причин» должно быть «его причин» — вероятно, это просто описка ².

Абзац 6. — «Горнозаводские предприятия, копи, рудники»: см. выше по поводу абзаца 1. «Частное производство»: см. выше. Я сказал бы: «Превращение современного капиталистического производства в интересах отдельных лиц или акционерных обществ в социалистическое производство в интересах всего общества и по заранее установленному плану, превращение, для которого и т. д... и которое одно только осуществит освобождение рабочего класса, а вместе с тем и всех членов общества без исключения».

Абзац 7. — Я сказал бы как в приложении I.

Абзац 8. — Вместо «классово-сознательными» ³ — хотя, правда, в наших кругах этот сокращенный оборот вполне понятен, — я сказал бы в интересах общедоступности и для облегчения перевода на иностранные языки: «с рабочими, пришедшими к осознанию своего классового положения», или что-нибудь в этом роде.

Абзац 9. — Заключительная фраза: «... и тем самым объединяет в одних руках силу экономической эксплуатации и политического угнетения».

Абзац 10. — После слов «классового господства» не хватает: «и самих классов». Уничтожение классов — наше основное требование, без него уничтожение классового господства эконо-

¹ См. ниже, стр. 115. *Ред.*

² Приводим полностью пятый абзац проекта: «Положить конец этому состоянию, которое со дня на день становится все более невыносимым, посредством устранения причин и добиться освобождения рабочего класса, — такова цель и задача социал-демократии». *Ред.*

³ Энгельс имеет в виду следующее место проекта программы: «...социал-демократическая партия Германии чувствует себя единой с классово-сознательными рабочими всех других стран и заявляет об этом». *Ред.*

мически бессмыслица. Вместо «за равное право всех» я предлагаю: «за равные права и *равные обязанности всех*» и т. д. *Равные обязанности* — для нас это особенно важное дополнение к буржуазно-демократическим *равным правам*, дополнение, отнимающее у последних их специфически-буржуазный смысл.

Заключительную фразу: «В своей борьбе и т. д.» я лучше бы зачеркнул. При своей неопределенности, — «которые способны улучшить... положение *народа* вообще» (кто же это?), — эта фраза может охватить все: покровительственные пошлины и свободу торговли, цехи и свободу промышленного труда, земельный кредит, меновые банки, обязательное оспопрививание и запрещение оспопрививания, алкоголизм и борьбу против водки, и т. д. и т. п. То, что *должно* быть сказано в этой фразе, уже сказано в предыдущих, а особо оговаривать, что, требуя целого, мы имеем в виду и каждую отдельную его часть, нет никакой надобности; мне думается, что это ослабляет впечатление. Если же эта фраза желательна как переход к отдельным требованиям, то можно было бы сказать, примерно, так: «социал-демократия борется за все требования, *которые приближают ее к этой цели*» («мероприятия и установления», как повторение, вычеркнуть). Или же, что еще лучше, скажем прямо, в чем дело, а именно, что надо наверстать то, что опоздала выполнить буржуазия; в таком духе я и сформулировал заключительную фразу в приложении. Я считаю ее важной в связи с моими замечаниями в следующем разделе и в качестве мотивировки сделанных мною там предложений.

II. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ.

Политические требования проекта страдают большим недостатком. *В нем нет того*, что собственно следовало сказать. Если бы все эти 10 требований были удовлетворены, то в наших руках оказались бы различные средства для достижения нашей главной политической цели, но отнюдь еще не самая цель. С точки зрения прав, предоставляемых народу и его представительству, конституция Германской империи есть простой слепок с прусской конституции 1850 г., — конституции, в которой сформулирована в параграфах самая крайняя реакция и по которой правительство обладает всей полнотой власти, а палаты не имеют даже права отклонять налоги; с этой конституцией, как показала эпоха конфликта, правительство могло делать все, что ему угодно. Права рейхстага совершенно те же, что и права прусской палаты, и поэтому Либкнехт назвал этот рейхстаг фиговым листком абсолютизма. На основе этой конституции и

санкционированного ею дробления на мелкие государства, на основе «союза» Пруссии с Рейсс-Грейц-Шлейц-Лобенштейном, когда один из союзников имеет столько же квадратных миль, сколько другой квадратных дюймов, — на подобной основе пытаться осуществить «превращение всех средств труда в общую собственность» — явная бессмыслица.

Но касаться этой темы опасно. А дело, тем не менее, так или иначе надо двинуть. До какой степени это необходимо, показывает именно теперь распространяющийся в большей части социал-демократической печати оппортунизм. Из боязни возобновления закона против социалистов или вспоминая некоторые сделанные при господстве этого закона преждевременные заявления, хотят теперь, чтобы партия признала теперешний законный порядок в Германии достаточным для мирного осуществления всех ее требований. Убеждают самих себя и партию в том, что «современное общество врастает в социализм», не задавая себе вопроса о том, не вырастает ли оно тем самым с такой же необходимостью из своего старого общественного устройства; не должно ли оно разорвать эту старую оболочку так же насильственно, как рак разрывает свою, не предстоит ли ему в Германии, кроме того, разбить окопы наполовину еще абсолютистского и вдобавок неопишимо запутанного политического строя. Можно себе представить, что старое общество могло бы мирно вращиваться в новое в таких странах, где народное представительство сосредоточивает в своих руках всю власть, где конституционным путем можно сделать все, что угодно, если только имеешь за собою большинство народа: в демократических республиках, как Франция и Америка, в таких монархиях, как Англия, где в печати изо дня в день обсуждается вопрос о том, чтобы в ближайшем будущем откупиться от династии, и где эта династия бессильна против воли народа. Но в Германии, где правительство почти всеильно, а рейхстаг и все другие представительные учреждения не имеют действительной власти, — в Германии провозглашать нечто подобное, и притом без всякой надобности, значит снимать фиговый листок с абсолютизма и самому становиться для прикрытия наготы.

Подобная политика может лишь привести в конце концов свою же партию на ложный путь. На первый план выдвигают общие, абстрактные политические вопросы и таким образом прикрывают ближайшие конкретные вопросы, — вопросы, которые при первых же крупных событиях, при первом же политическом кризисе сами собой становятся в порядок дня. Что может из этого выйти, кроме того, что партия внезапно в решающий момент окажется беспомощной,

что по решающим вопросам в ней господствует неясность и отсутствие единства, потому что вопросы эти никогда не обсуждались? Не повторится ли снова то, что было в свое время с покровительственными пошлинами, которые тогда считали вопросом, касающимся только буржуазии и ни в малейшей степени не затрагивающим рабочих, так что в этом деле всякий может голосовать, как ему угодно, между тем как теперь многие впадают в противоположную крайность и, в противовес ударившимся в протекционизм буржуа, снова преподносят экономические бредни Кобдена и Брайта, проповедуя под видом чистейшего социализма... чистейшее манчестерство? Это забвение великих, коренных соображений из-за минутных интересов дня, эта погоня за минутными успехами и борьба из-за них без учета дальнейших последствий, это принесение будущего движения в жертву настоящему, — все это, может быть, происходит и из «честных» мотивов, но это есть оппортунизм и остается оппортунизмом, а «честный» оппортунизм, пожалуй, опаснее всех других.

Каковы же эти щекотливые, но весьма существенные пункты?

Во-первых. Если что не подлежит никакому сомнению, так это то, что наша партия и рабочий класс могут прийти к господству только при такой политической форме, как демократическая республика. Эта последняя является даже специфической формой для диктатуры пролетариата, как показала уже Великая французская революция. Ведь совершенно немыслимо, чтобы нашим лучшим людям пришлось стать министрами при императоре, как Микелю. Правда, с точки зрения германских законов как будто невозможно прямо включить в программу требование республики, хотя во Франции это было допустимо даже при Луи-Филиппе, а в Италии допустимо и сейчас. Но самый факт, что в Германии нельзя и выступить с открыто республиканской партийной программой, доказывает, как колоссально велика иллюзия, будто в этой стране можно идилично-мирным путем установить республику, и не только республику, но и коммунистическое общество.

Однако вопрос о республике можно, допустим, кое-как обойти. Но что на мой взгляд должно и можно включить в программу, это — требование *сосредоточения всей политической власти в руках народного представительства*. И этого пока было бы достаточно, если уж нельзя идти дальше.

Во-вторых. Реорганизация Германии. С одной стороны, необходимо покончить с дроблением на мелкие государства: попробуйте революционизировать общество, пока еще существуют особые

баварско-вюртембергские права, а карта Тюрингии, например, сохраняет свой нынешний жалкий вид! С другой стороны, Пруссия должна прекратить свое существование, должна быть разбита на отдельные самоуправляющиеся области, чтобы специфическое пруссачество перестало тяготеть над Германией. Дробление на мелкие государства и специфическое пруссачество — вот две стороны противоположности, в плену которых находится теперь Германия, причем одна из этих сторон всегда должна служить извинением и оправданием существования другой.

Что же должно прийти на смену? По-моему, для пролетариата пригодна лишь форма единой и неделимой республики. Федеративная республика является еще и теперь в общем и целом необходимостью на гигантской территории Соединенных Штатов, хотя на востоке их она уже становится помехой. Она была бы шагом вперед в Англии, где на двух островах живет четыре нации и где, несмотря на единство парламента, и сейчас существуют друг подле друга три разных системы законодательства. Она давно уже сделалась помехой в маленькой Швейцарии, и если там можно еще терпеть федеративную республику, то только потому, что Швейцария довольствуется ролью чисто пассивного члена европейской государственной системы. Для Германии федералистическое ошвейцарение ее было бы огромным шагом назад. Два пункта отличают союзное государство от вполне единого государства, именно — что каждое отдельное государство, входящее в союз, каждый кантон, имеет свое особое гражданское и уголовное законодательство, свое особое судоустройство, а затем то, что рядом с народной палатой существует палата представителей от государств, и в ней каждый кантон голосует как таковой, независимо от того, велик он или мал. Первый пункт мы благополучно преодолели и не будем такими детьми, чтобы вводить его снова; второй же имеется у нас в виде Союзного совета, без которого мы можем прекрасно обойтись, да и вообще наше «союзное государство» — это есть уже переход к единому государству. И наша задача состоит не в том, чтобы революцию сверху, произведенную в 1866 и 1870 гг., поворачивать вспять, а в том, чтобы внести в нее все необходимые дополнения и исправления движением снизу.

Итак — единая республика. Но не такая республика, как нынешняя французская, которая представляет собою не более, как основанную в 1798 г. империю без императора. С 1792 по 1798 г. каждый французский департамент, каждая община пользовались полным самоуправлением по американскому образцу; это именно

должны иметь и мы. Как следует организовать самоуправление и как можно обойтись без бюрократии, это показали и доказали нам Америка и первая французская республика, это показывают еще и теперь Австралия, Канада и другие английские колонии. И такое провинциальное (областное) и общинное самоуправление гораздо более свободные учреждения, чем, например, швейцарский федерализм, где, правда, кантон очень независим по отношению к «Бунду» [федеративному государству в целом], но независим также и по отношению к округу и к общине. Кантональные правительства назначают окружных исправников [штатгальтеров] и префектов, чего в странах английского языка совершенно нет и что мы у себя в будущем должны решительно устранить, так же как и прусских ландратов и регирунгсратов.

Из всего этого в программу придется включить только немного. А упоминаю я об этом главным образом для того, чтобы охарактеризовать порядки в Германии, где ничего подобного нельзя сказать вслух, и чтобы тем самым заодно отметить и тот самообман, который выражается в желании легальным путем преобразовать подобные порядки в коммунистическое общество. Я хочу, далее, напомнить Правлению партии, что помимо прямого народного законодательства и бесплатного правосудия, без которых мы в конце концов тоже как-нибудь проживем, существуют еще и другие важные политические вопросы. При всеобщей неустойчивости эти вопросы не сегодня-завтра могут стать жгучими, и что же будет, если мы их предварительно не обсудим и не столкнемся о них между собою?

Но что можно включить в программу и что хотя бы косвенно может служить намеком на то, о чем нельзя говорить прямо, — так это следующее требование:

«Полное самоуправление в области, округе и общине через посредство должностных лиц, избираемых всеобщим голосованием. Отмена всех местных и областных органов власти, назначаемых государством».

Возможно ли выставить еще какие-нибудь программные требования относительно разобранных выше пунктов, это вам на месте виднее, чем мне здесь. Но было бы желательно, чтобы эти вопросы были поставлены на обсуждение внутри партии, пока еще не поздно.

1) Различие между «избирательным правом и правом голоса», а также между «выборами и голосованием» для меня не ясно. Если надо делать такое различие, то во всяком случае следовало бы это выразить отчетливее или же разъяснить это в комментарии, приложенном к проекту.

2) «Право народа вносить и отвергать предложения» — *по отношению к чему?* По отношению ко всем законам или по отношению к постановлениям народных представителей? Это надо бы прибавить.

5) Полное отделение церкви от государства. Все религиозные общества без исключения рассматриваются государством как частные товарищества. Они лишаются всякой поддержки из публичных средств и всякого влияния на публичные школы.

(Ведь нельзя же им запретить основывать *собственные* школы на *собственные* средства и преподавать там свои глупости.)

6) Пункт о «светской школе» в таком случае отпадает, он относится к предыдущему параграфу.

8) и 9) Тут я хотел бы обратить внимание на следующее: эти пункты требуют огосударствления 1) *адвокатуры*, 2) *врачей*, 3) *аптек, дантистов, акушерок, больничного дела* и т. д. и т. д. Кроме того, дальше требуется еще полное огосударствление рабочего страхования. Можно ли доверить все это г. фон-Каприви? И согласуется ли это с предшествующим отрешением от всякого государственного социализма?

10) Тут я сказал бы: «Прогрессивные... налоги для покрытия всех государственных, окружных и общинных расходов, поскольку для этого требуются налоги. Отмена всех косвенных государственных и местных налогов, пошлин и т. д.». Остальное — излишний и ослабляющий комментарий или мотивировка.

III. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ.

К пункту 2. В Германии больше, чем где-либо, право союзов должно быть обеспечено также и против *государства*.

Заключительную фразу «для урегулирования» и т. д. следовало бы добавить *в виде пункта 4*, придав ей соответствующую форму. В связи с этим следовало бы заметить, что с трудовыми камерами, состоящими наполовину из рабочих и наполовину из предпринимателей, мы попались бы в ловушку. В них еще многие годы большинство всегда было бы на стороне предпринимателей, для чего достаточно, чтобы среди рабочих нашлась одна паршивая овца. Если не будет оговорено, что в спорных случаях *обе половины* дают свои заключения *в отдельности*, то было бы гораздо лучше, чтобы была предпринимательская камера и *наряду с нею независимая рабочая камера*.

Заканчивая, я попросил бы заглянуть еще раз во французскую программу, где как раз по разделу III кое-что формулировано как

1. (Güter, Meere, etc.) - offentlichem Verkauf zu bringen
2. Jeder Staat hat das Recht, seine Angelegenheiten selbst zu regeln
3. Die Freiheit der Meinungen ist das höchste Recht der Menschheit
4. Die Freiheit der Meinungen ist das höchste Recht der Menschheit
5. Die Freiheit der Meinungen ist das höchste Recht der Menschheit

6. Die Freiheit der Meinungen ist das höchste Recht der Menschheit
7. Die Freiheit der Meinungen ist das höchste Recht der Menschheit
8. Die Freiheit der Meinungen ist das höchste Recht der Menschheit
9. Die Freiheit der Meinungen ist das höchste Recht der Menschheit
10. Die Freiheit der Meinungen ist das höchste Recht der Menschheit

11. Die Freiheit der Meinungen ist das höchste Recht der Menschheit
12. Die Freiheit der Meinungen ist das höchste Recht der Menschheit
13. Die Freiheit der Meinungen ist das höchste Recht der Menschheit
14. Die Freiheit der Meinungen ist das höchste Recht der Menschheit
15. Die Freiheit der Meinungen ist das höchste Recht der Menschheit

16. Die Freiheit der Meinungen ist das höchste Recht der Menschheit
17. Die Freiheit der Meinungen ist das höchste Recht der Menschheit
18. Die Freiheit der Meinungen ist das höchste Recht der Menschheit
19. Die Freiheit der Meinungen ist das höchste Recht der Menschheit
20. Die Freiheit der Meinungen ist das höchste Recht der Menschheit

22817

21. Die Freiheit der Meinungen ist das höchste Recht der Menschheit
22. Die Freiheit der Meinungen ist das höchste Recht der Menschheit
23. Die Freiheit der Meinungen ist das höchste Recht der Menschheit
24. Die Freiheit der Meinungen ist das höchste Recht der Menschheit
25. Die Freiheit der Meinungen ist das höchste Recht der Menschheit

26. Die Freiheit der Meinungen ist das höchste Recht der Menschheit
27. Die Freiheit der Meinungen ist das höchste Recht der Menschheit
28. Die Freiheit der Meinungen ist das höchste Recht der Menschheit
29. Die Freiheit der Meinungen ist das höchste Recht der Menschheit
30. Die Freiheit der Meinungen ist das höchste Recht der Menschheit

Первая страница рукописи «Приложения I» к «Критике проекта социал-демократической программы 1891 г.», на немецком языке.

будто лучше. Испанскую программу за недостатком времени я не могу, к сожалению, разыскать, она тоже во многих отношениях очень хороша.

Приложение I¹.

1) Горнозаводские предприятия, рудники, «железные дороги и другие средства сообщения».

2) В руках их присвоителей (или владельцев) общественные средства труда превратились в средства эксплуатации. Обусловленная этим подчиненность рабочего присвоителям средств труда, т. е. источников существования, есть основа рабства во всех видах: социальной нищеты, умственного вырождения, политической зависимости.

3) При господстве этой эксплуатации накопление в руках эксплуататоров — капиталистов, крупных землевладельцев — богатства, создаваемого эксплуатируемыми, увеличивается с возрастающей быстротой; распределение продукта труда между эксплуататорами и эксплуатируемыми становится все более неравным; численность пролетариата и необеспеченность его существования — все больше и т. д.

4) *Частное* (производство) вычеркнуть... вследствие разорения средних слоев городского и сельского населения, мелких буржуа и мелких крестьян, расширяют (или углубляют) пропасть между имущими и неимущими, возводят всеобщую неустойчивость в нормальное состояние общества и доказывают, что класс присвоителей общественных средств труда утратил призвание и способность к хозяйственному и политическому руководству.

5) «его» причин.

6) ... и превращение капиталистического производства в интересах отдельных лиц или акционерных обществ в социалистическое производство в интересах всего общества и по заранее установленному плану — превращение, материальные и духовные условия которого создаются самим капиталистическим обществом и которое одно только осуществит освобождение рабочего класса и вместе с тем освобождение всех членов общества без исключения.

7) Освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса. Само собою разумеется, что он не может доверить свое освобождение ни капиталистам и крупным землевладельцам, своим противникам и эксплуататорам, ни мелким буржуа и

¹ Текст приложения печатается здесь впервые с рукописи Энгельса. *Ред.*

мелким крестьянам, которые под давлением конкуренции крупных эксплуататоров либо вынуждены цепляться за этих последних, либо должны сами опускаться в ряды пролетариев, т. е. становиться либо противниками рабочего класса, либо — придатком к нему.

8) ... с рабочими, пришедшими к осознанию своего классового положения и т. д.

9) ... и тем самым объединяет в одних руках силу экономической эксплуатации и политического угнетения рабочего.

10) ... классового господства и за равные права и равные обязанности всех, без и т. д.... происхождения (конец вычеркнуть). Но в ее борьбе за... человечества ей мешают отсталые политические порядки Германии. Прежде всего она должна завоевать себе свободу движения, уничтожить многочисленные остатки феодализма и абсолютизма, — словом, проделать ту работу, для которой буржуазные немецкие партии были и остаются до сих пор слишком трусливыми. Она должна поэтому, по крайней мере теперь, включить в свою программу и такие требования, которые в других культурных странах уже осуществлены самой буржуазией.

К ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОЙ СЕМЬИ

(Бахофен, Мак-Леннан, Морган).

[ПРЕДИСЛОВИЕ К 4-МУ ИЗДАНИЮ КНИГИ: «ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМЬИ, ЧАСТНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВА».]

Предыдущие издания этой книги, выходявшие большими тиражами, целиком разошлись почти полгода тому назад, и издатель давно уже просил меня подготовить новое издание. Более неотложные работы до сих пор мешали мне это сделать. Со времени появления первого издания прошло семь лет, и за эти годы изучение первобытных форм семьи достигло больших успехов. Поэтому необходимо было сделать здесь тщательные исправления и дополнения, тем более¹, что предположенное печатание настоящего текста по стереотипу лишило меня на некоторое время возможности вносить новые изменения.

Итак, я внимательно пересмотрел весь текст и сделал ряд добавлений, в которых, надеюсь, в достаточной мере учтено современное состояние науки. Кроме того я даю ниже в этом предисловии краткий обзор развития истории семьи от Бахофена до Моргана; я делаю это главным образом потому, что шовинистически настроенная английская школа первобытной истории попрежнему делает все возможное, чтобы замолчать переворот во взглядах на первобытную историю, произведенный открытиями Моргана, нисколько не стесняясь, однако, присваивать себе полученные Морганом результаты. Да и в других странах кое-где слишком усердно следуют этому английскому примеру.

Моя работа была переведена на разные языки. Прежде всего на итальянский: «*L'origine della famiglia, della proprietà privata e dello stato, versione riveduta dall' autore, di Pasquale Martignetti*», Benevento, 1885. Затем на румынский: «*Origina familiei, proprietatei private si a statului, traducere de Joan Nadejde*», в ясском журнале «*Contemporanul*», с сентября 1885 г. по май 1886 г. Далее — на датский:

¹ В «*Neue Zeit*» конец этой фразы сформулирован иначе: «... тем более, что новое издание должно выйти в таком тираже, который теперь становится обычным в немецкой социалистической литературе, но который в других областях немецкого книгоиздательства является большой редкостью». *Ред.*

«Familjens, Privatejendommens og Statens Oprindelse, Dansk, af Forfatteren gennemgaaet Udgave, besörget af Gerson Trier», Kjöbenhavn, 1888. Печатается французский перевод Анри Рава, сделанный с настоящего немецкого издания.

* * *

До начала шестидесятых годов говорить об истории семьи не приходится. Историческая наука в этой области целиком еще была под влиянием пятикнижия Моисея. Патриархальную форму семьи, изображенную там подробнее, чем где бы то ни было, не только считали безоговорочно самой древней формой, но и отождествляли — за вычетом многоженства — с современной буржуазной семьей, так что с этой точки зрения семья, собственно говоря, вообще не переживала никакого исторического развития; самое большее допускалось, что в первобытные времена мог существовать период неупорядоченных половых отношений. Правда, кроме единобрачия было известно еще восточное многоженство и индийско-тибетское многомужество; но эти три формы нельзя было расположить в исторической последовательности, и они фигурировали рядом друг с другом без всякой взаимной связи. Что у отдельных народов древнего мира, как и у некоторых еще существующих дикарей, происхождение определяется не по отцу, а по матери, так что женская линия одна только и принимается во внимание; что у многих современных народов воспрещаются браки внутри определенных более или менее крупных групп, тогда еще ближе не исследованных, и что этот обычай встречается во всех частях света, — эти факты были, правда, известны, и такого рода примеров накапливалось все больше, но как к ним подойти, никто не знал, и даже еще в «Researches into the Early History of Mankind» etc. [«Исследования первобытной истории человечества» и т. д.] Э.-Б. Тайлора (1865) они упоминаются просто как «странные обычаи», наряду с действующим у некоторых дикарей запрещением прикасаться к горящим дровам железным орудием и тому подобной религиозной чепухой.

Изучение истории семьи начинается с 1861 г., когда вышло в свет «Материнское право» Бахофена. Автор выставляет там следующие положения: 1) люди сначала жили в беспорядочном половом общении, которое он обозначает неудачным словом «гетеризм»; 2) такие отношения исключают всякую возможность достоверно установить отца, и поэтому происхождение можно было определять лишь по женской линии, по материнскому праву, — так это вначале и бывало у всех народов древности; 3) вследствие этого женщины, как матери, как

единственные достоверно известные родители молодого поколения, пользовались высокой степенью уважения и почета, доходившей, по мнению Бахофена, до полного господства женщин (гинекократия); 4) переход к единобрачию, при котором женщина принадлежала исключительно одному мужчине, заключал в себе нарушение древнейшего религиозного завета (т. е. фактически нарушение исконного права остальных мужчин на эту женщину), нарушение, которое требовало искупления или же должно было быть возмещено тем, что женщина в течение некоторого времени отдавалась другим.

Доказательства этих положений Бахофен находит в многочисленных, с исключительным усердием собранных цитатах из древне-классической литературы. Развитие от «гетеризма» к моногамии и от материнского права к отцовскому происходит, по его мнению, — в частности у греков, — вследствие дальнейшего развития религиозных идей, вследствие внедрения новых божеств, представителей новых воззрений, в традиционную группу богов, представлявших старые взгляды, так что последние все более и более оттесняются на задний план первыми. Таким образом, по Бахофену, не развитие действительных условий жизни людей, а религиозное отражение этих условий жизни в головах тех же людей вызывало исторические изменения во взаимном общественном положении мужчины и женщины. Согласно этому Бахофен толкует «Орестейю» Эсхила как драматическое изображение борьбы между гибнущим материнским правом и возникающим в героическую эпоху и одерживающим победу отцовским правом. Ради своего любовника, Эгиста, Клитемнестра убила своего супруга Агамемнона, вернувшегося с троянской войны; но Орест, сын ее и Агамемнона, мстит за убийство отца, убивая свою мать. За это его преследуют эриннии, демонические охранительницы материнского права, по которому убийство матери — тягчайшее, ничем не искупимое преступление. Но Аполлон, который через своего оракула побудил Ореста совершить это дело, и Афина, которую призывают в качестве судьи, — оба божества, представляющие здесь новый отцовско-правовой строй, — защищают Ореста; Афина выслушивает обе стороны. Весь предмет спора сжато формулируется в прениях, происходящих между Орестом и эринниями. Орест ссылается на то, что Клитемнестра совершила двойное злодеяние, убив *своего* супруга и вместе с тем *его* отца. Почему же эриннии преследуют его, а не ее, гораздо более виновную? Ответ поразителен:

«С мужем, ею убитым, она в кровном родстве не была».

Убийство человека, не состоящего в кровном родстве, даже когда он — муж убитой его женщины, может быть искуплено, оно

эринний нисколько не касается; их дело — преследовать убийства лишь среди родственников по крови, и тут, по материнскому праву, тягчайшим и ничем не искупимым является убийство матери. Но вот защитником Ореста выступает Аполлон; Афина ставит вопрос на голосование членов ареопага — афинских присяжных; голоса делятся поровну — за оправдание и за осуждение; тогда Афина, как председательница, подает свой голос за Ореста и объявляет его оправданным. Отцовское право одержало победу над материнским, «боги младшего поколения», как называют их сами эриннии, побеждают эринний, и в конце концов последние тоже соглашаются занять новый пост на службе новому порядку вещей.

Это новое, но совершенно правильное толкование «Орестей» представляет собою одно из прекраснейших и лучших мест во всей книге Бахофена, но оно в то же время доказывает, что он сам во всяком случае не меньше верит в эринний, Аполлона и Афины, чем в свое время верил Эсхил; а именно — он верит, что они в греческую героическую эпоху совершили чудо: ниспровергли материнское право, заменив его отцовским. Ясно, что подобное представление, по которому религия оказывается решающим рычагом мировой истории, сводится в конечном счете к чистейшему мистицизму. Поэтскому проштудировать толстый том Бахофена — работа трудная и далеко не всегда благодарная. Но все это не умаляет его заслуги как исследователя, проложившего новый путь; он первый отбросил фразу о неведомом первобытном состоянии с беспорядочными половыми отношениями, доказав вместо этого, что в древне-классической литературе есть множество следов того, что у греков и у азиатских народов действительно существовало до единобрачия такое положение, когда, вовсе не нарушая обычая, не только мужчина вступал в половое общение с несколькими женщинами, но и женщина — с несколькими мужчинами; что при своем исчезновении обычай этот оставил после себя тот след, что женщины должны были покупать свое право на единобрачие ценою временной отдачи себя другим мужчинам; что поэтому происхождение могло прежде определяться только по женской линии, от матери к матери; что это исключительное значение женской линии долго сохранялось еще и в период единобрачия при установленном или во всяком случае признанном отцовстве; и что это первоначальное положение матерей, как единственных достоверных родителей своих детей, обеспечивало им, а вместе с тем и женщинам вообще, такое высокое общественное положение, какого они потом уже никогда не занимали. Бахофен, правда, не сформулировал этих положений с такой ясностью, — этому помешало его мистическое мировоз-

зрение. Но он их доказал, и это в 1861 г. означало настоящую революцию.

Толстый том Бахофена был написан по-немецки, т. е. на языке нации, которая в то время менее всего интересовалась первобытной историей современной семьи. Поэтому книга осталась незамеченной. Ближайший преемник Бахофена на том же поприще, выступивший в 1865 г., ничего не слышал о нем.

Этим преемником был Дж. Ф. Мак-Леннан, прямой антипод своего предшественника. Вместо гениального мистика тут перед нами сухой юрист; вместо буйной поэтической фантазии — рассудочные комбинации выступающего в суде адвоката. Мак-Леннан находит у многих диких, варварских и даже цивилизованных народов древнего и нового времени такую форму заключения брака, при которой жених, один или со своими друзьями, должен будто бы насильственно похитить невесту у ее родных. Этот обычай является, повидимому, пережитком более раннего обычая, когда мужчины одного племени действительно насильно похищали себе жен на стороне, у других племен. Как же возник этот «брак посредством умыкания»? Пока мужчины могли находить достаточно жен в своем собственном племени, для такого брака не было никакого повода. Но очень часто мы находим, что у неразвитых народов существуют известные группы (к 1865 г. их еще часто отождествляли с самими племенами), внутри которых брак запрещен, так что мужчины вынуждены брать себе жен, а женщины мужей — вне этой группы; между тем у других существует обычай, требующий, чтобы мужчины известной группы брали себе жен только внутри своей собственной группы. Мак-Леннан называет первые группы экзогамными, вторые — эндогамными и устанавливает без дальнейших околичностей резкую противоположность между экзогамными и эндогамными «племенами». И хотя его же собственное исследование экзогамии наталкивает его прямо носом на тот факт, что эта противоположность во многих случаях, если не большей частью или даже всегда, существует лишь в его воображении, он все же кладет ее в основу своей теории. Экзогамные племена могут, согласно этому, брать себе жен только из других племен, а это при непрерывной войне между племенами, обычной в период дикости, можно сделать лишь путем похищения.

Мак-Леннан спрашивает далее: откуда этот обычай экзогамии? Представления о кровном родстве и кровосмешительстве не имеют сюда никакого отношения: это — явления, которые развиваются лишь значительно позже. Другое дело — широко распространенный среди дикарей обычай убивать детей женского пола тотчас же после

рождения. Это создает в каждом отдельном племени избыток мужчин, а как прямое следствие неизбежно получается, что несколько мужчин сообща обладают одной женой: многомужество. Отсюда, в свою очередь, следует, что знали мать ребенка, но не знали его отца, и поэтому счет родства велся лишь по женской линии и вовсе не велся по мужской: «материнское право». А вторым следствием недостатка женщин внутри племени, — недостатка, смягчаемого, но не устраняемого многомужеством, — именно и был систематический насильственный вывод женщин чужих племен. «Так как экзогамия и многомужество вытекают из одной и той же причины, — из численного неравенства обоих полов, — то мы должны считать, что *все экзогамные расы практиковали сначала многомужество...* И поэтому мы должны считать бесспорным, что среди экзогамных рас первой системой родства была та, которая знает кровные узы лишь с материнской стороны» (Mac-Lennan. «Studies in Ancient History». 1886. Primitive Marriage, p. 124. [Мак-Леннан. «Очерки древней истории». 1886. Первобытный брак, стр. 124.]).

Заслуга Мак-Леннана состоит в том, что он указал на повсеместное распространение и большое значение того факта, который он называет экзогамией. Он вовсе не *открыл* факт существования экзогамных групп, да и не понимал его. Не говоря уж о более ранних отдельных замечаниях многих наблюдателей, — они-то и были источниками Мак-Леннана, — Латам («Descriptive Ethnology» [«Описательная этнология»], 1859) точно и верно описал этот порядок у индийских магаров и указал, что он повсеместно распространен и встречается во всех частях света, — это место цитирует сам Мак-Леннан. Да и наш Морган еще в 1847 г. в своих письмах об ирокезах (в «American Review») и в 1851 г. в «The League of the Iroquois» обнаружил у этого племени и верно описал тот же порядок, между тем как адвокатский ум Мак-Леннана, как мы видим, внес сюда гораздо больше путаницы, чем мистическая фантазия Бахофена в область материнского права. Дальнейшая заслуга Мак-Леннана состоит в том, что он признал порядок происхождения по материнскому праву первоначальным, хотя в этом отношении, как он сам позднее признал, Бахофен опередил его. Но и тут у него неясности; он постоянно говорит о «родстве только по женской линии» (kinship through females only), постоянно применяя это выражение, правильное для более ранней ступени, также и к позднейшим ступеням развития, когда происхождение и право наследования, правда, считаются еще исключительно по женской линии, но родство признается и определяется и с мужской стороны. Это — ограниченность юриста, который, создав себе твердую

правовую формулу, продолжает применять ее в неизменном виде и к таким условиям, в которых она уже успела стать неприменимой.

Однако при всей своей правдоподобности теория Мак-Леннана представлялась самому ее автору, повидимому, не очень-то обоснованной. Во всяком случае он сам обращает внимание на «тот поразительный факт, что форма (мнимого) похищения жен наиболее отчетливо и определенно выражена как раз у тех народов, у которых господствует *мужское* родство (т. е. происхождение по мужской линии)» (стр. 140). И далее: «Удивительно, что детоубийство, насколько нам известно, никогда не практикуется систематически там, где экзогамия и старейшая форма родства существуют рядом» (стр. 146). Оба эти факта прямо противоречат его способу объяснения, и он может противопоставить им лишь новые, еще более запутанные гипотезы.

Тем не менее, его теория встретила в Англии большое одобрение и сочувствие; Мак-Леннана все считали здесь основоположником истории семьи и высшим авторитетом в этой области. Его противоположение экзогамных и эндогамных «племен», несмотря на то, что был установлен ряд исключений и видоизменений, оставалось все же общепризнанной основой господствовавших воззрений и превратилось в шоры, лишившие возможности свободно рассматривать исследуемую область, а тем самым и сделать какой-нибудь решительный шаг вперед. В противовес переоценке Мак-Леннана, вошедшей в обычай в Англии, а по английскому примеру и в других странах, следует подчеркнуть, что своим противопоставлением экзогамных и эндогамных «племен», основанным на чистом недоразумении, он причинил больше вреда, чем принес пользы своими открытиями.

Между тем вскоре начало всплывать все больше и больше фактов, не уместившихся в стройные рамки его теории. Мак-Леннан знал лишь три формы брака: многоженство, многомужество и единобрачие. Но уж раз на этот пункт было направлено внимание, стало появляться все больше доказательств, что у неразвитых народов существовали такие формы брака, когда несколько мужчин обладали сообща несколькими женщинами; и *Леббок* («The Origin of Civilization» [«Происхождение цивилизации»], 1870) признал этот групповой брак (communal marriage) историческим фактом.

Вслед затем, в 1871 г., выступил Морган с новым и во многих отношениях решающим материалом. Он убедился, что действующая у ирокезов своеобразная система родства встречается у всех туземцев Соединенных Штатов и, следовательно, распространена на целом континенте, хотя она прямо противоречит степеням родства, фактически вытекающим из принятой там системы брака. Он убедил

американское союзное правительство собрать, на основе им самим составленного вопросника и таблиц, сведения о системах родства у других народов и из ответов увидел: 1) что американско-индейская система родства действует также у многочисленных племен в Азии, а в несколько видоизмененной форме — в Африке и в Австралии; 2) что система эта находит свое полное объяснение в форме группового брака, находящегося как раз в стадии отмирания на Гавайях и на других австралийских островах; и 3) что наряду с этой формой брака на тех же островах действует, однако, и такая система родства, которая может быть объяснена только еще более примитивной, ныне вымершей формой группового брака. Собранные сведения вместе со своими выводами из них он опубликовал в своей работе «Systems of Consanguinity and Affinity» [«Системы кровного родства и свойства»], 1871, и тем самым перенес спор в несравненно более широкую область. Исходя из систем родства и восстанавливая соответствующие им формы семьи, он открыл новый путь исследования и возможность дальше заглянуть в предисторию человечества. Восторжествовав этот метод, и изящные построения Мак-Леннана разлетелись бы в прах.

Мак-Леннан встал на защиту своей теории в новом издании *Primitive Marriage* («*Studies in Ancient History*», 1875). Сам комбинируя историю семьи чрезвычайно искусственно, исключительно при помощи гипотез, он требует от Леббока и Моргана не только доказательств для каждого их утверждения, но к тому же таких неопровержимых доказательств, какие обязательны в шотландском суде. И это делает человек, который из тесной связи между дядей по матери и сыном сестры у германцев (*Tacitus, Germania*, с. 20), из рассказа Цезаря о том, что у бриттов по десять или двенадцать мужчин имеют общих жен, и из всех других рассказов древних писателей общности жен у варваров, не колеблясь, делает вывод, что у всех этих народов господствовало многомужество! Можно подумать, что слушаешь прокурора, который сам позволяет себе полную свободу при обработке материала для обвинения, но зато от защитника требует формальнейших юридически обоснованных доказательств каждого слова.

Групповой брак — чистейшая выдумка, утверждает он, оказываясь тем самым далеко позади Бахофена. Моргановы системы родства — по его мнению — простые правила общественной вежливости, что доказывается тем фактом, что и к чужим, к белым, индейцы обращаются со словом брат или отец. Это все равно, как если бы кто-нибудь вздумал утверждать, что обозначения отец, мать, брат, сестра — просто ничего не значащие формы обращения, потому что ка-

толических духовных лиц и настоятелей также называют отцами и матерями, а монахи и монахини и даже масоны и члены английских цеховых союзов на торжественных заседаниях обращаются друг к другу со словами брат и сестра. Словом, защита Мак-Леннана была очень слаба.

Но оставался еще один пункт, в котором он был неуязвим. Противоположность между экзогамными и эндогамными «племенами», на которой покоилась вся его система, не только не была поколеблена, но пользовалась даже всеобщим признанием, как краеугольный камень всей истории семьи. Допускали, что попытка Мак-Леннана объяснить эту противоположность недостаточна и противоречит фактам, перечисленным им самим. Но самая эта противоположность, существование двух взаимно исключаящих видов самостоятельных и независимых племен, из которых одни брали себе жен внутри собственного племени, тогда как другим это было абсолютно воспрещено, считалось неоспоримой истиной. Сравни, например, Giraud-Teulon. «Origines de la famille» [Жиро-Телон. «Происхождение семьи»] (1874) и даже Lubbock. «Origin of Civilization» [Леббок. «Происхождение цивилизации»] (4-е издание, 1882).

Этому вопросу посвящено главное сочинение Моргана: «Ancient Society» [«Древнее общество»] (1877), — сочинение, которое положено в основу предлагаемой работы. То, что в 1871 г. Морган лишь смутно предчувствовал, тут развито с полной отчетливостью. Эндогамия и экзогамия вовсе не составляют противоположности; существование экзогамных «племен» до сих пор нигде не доказано. Но в ту эпоху, когда господствовал еще групповой брак, — а он, по всей вероятности, в свое время господствовал повсеместно, — племя расчленялось на ряд родственных по материнской линии групп, родов, внутри которых господствовало строгое запрещение браков, так что мужчины одного рода могли, правда, брать себе жен внутри племени и как правило, так и делали, но не могли брать себе жен внутри своего рода. Таким образом, если род был строго экзогамным, то племя, охватывающее совокупность родов, было в такой же мере эндогамным. Этим был окончательно ниспровергнут последний остаток искусственных построений Мак-Леннана.

Но Морган этим не удовольствовался. Род американских индейцев послужил ему, далее, к тому, чтобы сделать второй решительный шаг вперед в исследуемой им области. В этом роде, организованном по материнскому праву, он открыл первичную форму, из которой развился позднейший род, организованный по отцовскому праву, — тот род, какой мы находим у античных культурных народов.

Греческий и римский роды, бывшие до того загадкой для всех историков, были объяснены из индейского рода, и тем самым была найдена новая основа для всей первобытной истории.

Это открытие первичного материнско-правового рода, как стадия, предшествовавшей отцовско-правовому роду культурных народов, имеет для первобытной истории такое же значение, как теория развития Дарвина для биологии и как теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии. Оно дало Моргану возможность впервые сделать набросок истории семьи, в котором, поскольку позволял известный до сих пор материал, были в общих чертах предварительно установлены по крайней мере классические ступени развития. Всякому ясно, что тем самым открывается новая эпоха в разработке первобытной истории. Материнско-правовой род стал той точкой опоры, вокруг которой вращается вся эта наука; со времени его открытия стало известно, в каком направлении и что изучать и как нужно группировать полученные результаты. А в соответствии с этим теперь в этой области достигают куда более быстрых успехов, чем до появления книги Морган.

Открытия Морган признаны или, вернее, присвоены теперь всеми исследователями первобытной истории также и в Англии. Но почти ни у кого из них мы не найдем открытого признания, что именно Моргану мы обязаны этой революцией во взглядах. В Англии его книгу по возможности замалчивают, а от него самого отделяются лишь снисходительной похвалой за его *прежние* работы; к отдельным частностям его изложения яро придираются, а о его действительно великих открытиях упорно молчат. Первое издание *Ancient Society* разошлось; в Америке для подобных вещей нет надлежащего сбыта; в Англии эту книгу повидимому систематически затирали, и единственное издание этого создавшего эпоху труда, еще имеющееся в книжной торговле, — немецкий перевод.

В чем причина этой холодности, в которой трудно не видеть заговора молчания, особенно если иметь в виду многочисленные цитаты, приводимые просто из вежливости, и другие доказательства солидарности, которыми пестрят писания наших признанных исследователей первобытной истории? Уж не в том ли, что Морган — американец, и для английских исследователей первобытной истории очень неприятно, что при всем их усердии в собирании материала, заслуживающем всяческого признания, они по части общих точек зрения, необходимых для сводки и группировки этого материала, словом, по части идей, вынуждены опираться на двух гениальных иностранцев, на Бахофена и Морган? С немцем можно было бы еще

примириться, но с американцем! По отношению к американцу каждый англичанин становится патриотом, чему в Соединенных Штатах я видел забавные примеры. А вдобавок к этому Мак-Леннан был, так сказать, официально признанным основателем и вождем английской школы первобытной истории; о его искусственных исторических построениях, ведущих от детоубийства через многомужество и через брак посредством умыкания к материнско-правовой семье, об этих построениях уже стало в области первобытной истории хорошим тоном говорить не иначе, как с величайшим почтением; малейшее сомнение в существовании абсолютно исключаящих друг друга экзогамных и эндогамных «племен» считалось дерзкой ересью; таким образом, Морган, рассеявший все эти священные догмы, как дым, совершил в некотором роде святотатство. К тому же он рассеял их такими доводами, которые достаточно было высказать, чтобы они тотчас стали очевидными для всех; так что почитатели Мак-Леннана, беспомощно шатавшиеся до сих пор между экзогамией и эндогамией, должны были в сущности ударить себя по лбу и воскликнуть: как же мы могли быть так глупы, что сами этого давно не заметили!

И если бы даже этих преступлений было недостаточно, чтобы официальная школа холодно отвернулась от Морганов, то он переполнил чашу тем, что не только подверг цивилизацию, общество товарного производства, основную форму нашего современного общества, критике, заставляющей вспомнить о Фурье, но и говорил о будущем преобразовании этого общества такими словами, которые мог бы сказать Карл Маркс. Морган вполне заслужил поэтому, чтобы Мак-Леннан с возмущением бросил ему упрек в том, что «исторический метод ему совершенно антипатичен», и чтобы женевский профессор господин Жиро-Талон повторил этот упрек и в 1884 г. Ведь этот самый господин Жиро-Талон еще в 1874 г. («*Origines de la famille*») беспомощно бродил в лабиринте мак-леннановой экзогамии, откуда его вывел только Морган.

Дальнейших успехов, которыми обязана Моргану первобытная история, я не могу здесь касаться; все необходимое на этот счет отмечено в моей работе. Четырнадцать лет, истекших со времени появления главного труда Морганов, очень обогатили наш материал по истории первобытных человеческих обществ; к антропологам, путешественникам и профессиональным исследователям первобытной истории присоединились представители сравнительной юриспруденции, которые внесли отчасти новый материал, отчасти новые точки зрения. Некоторые отдельные гипотезы Морганов были при этом поколеблены или даже опровергнуты. Но вновь собранный.

материал нигде не привел к вытеснению его главных основных взглядов другими. Порядок, внесенный им в первобытную историю, в основных чертах сохраняет силу до сих пор. Можно даже сказать, что Морган завоевывает себе все более общее признание в такой же мере, в какой стараются утаить, что именно он сделал этот великий шаг вперед *.

Лондон, 16 июня 1891 г.

*Напечатана в «Die Neue Zeit»,
Jg. IX, 1891, Bd. II., N. 41, а так-
же в предисловии к 4-му немецкому
изданию книги «Происхождение семьи,
частной собственности и государ-
ства».*

* На обратном пути из Нью-Йорка, в сентябре 1888 г., я встретился с бывшим депутатом конгресса от Рочестерского избирательного округа, знавшим Льюиса Моргана. К сожалению, он мог рассказать о нем не много. Морган жил в Рочестере в качестве частного лица, занятого лишь своей научной работой. Брат его, полковник, служил в Вашингтоне в военном министерстве; при помощи этого брата ему удалось заинтересовать правительство своими исследованиями и издать несколько своих работ на государственные средства; мой собеседник во время своего пребывания депутатом конгресса тоже, по его словам, неоднократно хлопотал об этом.

ВВЕДЕНИЕ К БРОШЮРЕ МАРКСА «НАЕМНЫЙ ТРУД И КАПИТАЛ».

Печатаемая ниже работа впервые появилась в виде ряда передовых статей в «*Neue Rheinische Zeitung*», начиная с 4 апреля 1849 г. В основе ее лежат лекции, читанные Марксом в 1847 г. в Брюссельском немецком рабочем союзе. В печати работа осталась незаконченной; обещание: «продолжение следует», помещенное в конце статьи в № 269, осталось неисполненным вследствие разразившихся тогда событий, — вступления русских в Венгрию, восстаний в Дрездене, Изерлоне, Эльберфельде, в Пфальце и Бадене, — событий, повлекших за собою запрещение самой газеты (19 мая 1849 г.). Рукопись этого продолжения в наследстве Маркса найдена не была.

«Наемный труд и капитал» издавался неоднократно в виде отдельного оттиска, в форме брошюры, последний раз — в 1884 г., в Готтинген-Цюрихе, в швейцарской кооперативной типографии. Во всех вышедших до сих пор изданиях сохранялся точный текст оригинала. Но настоящее новое издание должно разойтись в количестве по крайней мере 10 000 экземпляров, в виде пропагандистской брошюры, и поэтому передо мной встал вопрос, одобрил ли бы сам Маркс при таких условиях простую перепечатку текста без всяких изменений.

В 1840-х годах Маркс еще не закончил своей критики политической экономии. Это произошло лишь к концу 1850-х годов. Поэтому его сочинения, появившиеся до выхода первого выпуска книги «К критике политической экономии» (1859 г.), содержат в отдельных пунктах отклонения от сочинений, написанных после 1859 г.; в них есть выражения и целые фразы, которые с точки зрения позднейших работ оказываются неудачными и даже неверными. Само собою разумеется, что в обыкновенных, предназначенных для широкой публики изданиях может найти себе место также и эта более ранняя точка зрения автора, составляющая одну из ступеней его умственного развития: как автор, так и публика имеют бесспорное право на переиздание в неизменном виде этих более ранних сочинений. В таком случае мне и в голову не пришло бы изменить в них хоть одно слово.

Другое дело, когда новое издание предназначено, можно сказать,

исключительно для пропаганды среди рабочих. Тут уж Маркс безусловно привел бы в соответствие это старое, относящееся к 1849 г. изложение со своей новой точкой зрения. И я уверен, что поступаю в его духе, когда я *для этого издания* делаю те немногие изменения и дополнения, которые необходимы для достижения этой цели во всех существенных пунктах. Я, таким образом, заранее говорю читателю: эта брошюра выходит здесь не в таком виде, как Маркс ее написал в 1849 г., а приблизительно в таком, как он написал бы ее в 1891 г. К тому же подлинный текст разошелся в таком количестве экземпляров, что этого вполне достаточно до тех пор, пока я буду иметь возможность вновь переиздать его в неизменном виде в позднейшем полном собрании сочинений.

Все мои изменения связаны с одним пунктом. Согласно оригиналу рабочий за заработную плату продает капиталисту свой *труд*, согласно теперешнему тексту — свою рабочую *силу*. И по этому пункту я обязан дать объяснение. Я обязан дать его рабочим, чтобы они видели, что это не простое буквоедство, а, наоборот, речь идет об одном из важнейших пунктов всей политической экономии. Я должен дать объяснение буржуа, чтобы они могли убедиться в том, насколько необразованные рабочие, которым самые трудные экономические вопросы можно растолковать легко, стоят выше наших заносчивых «образованных людей», для которых такие запутанные вопросы остаются на всю жизнь неразрешимыми.

Классическая политическая экономия восприняла из промышленной практики ходячее представление фабриканта, будто он покупает и оплачивает *труд* своих рабочих. Это представление оказалось вполне пригодным для делового обихода фабриканта, для его счетоводства и калькуляции цен. Но наивным образом перенесенное в политическую экономию, оно создало там поразительнейшие заблуждения и путаницу.

Политическая экономия сталкивается с тем фактом, что цены всех товаров, в том числе и цена того товара, который она называет «трудом», постоянно изменяются; что они повышаются и падают вследствие весьма разнообразных обстоятельств, которые часто не находятся ни в какой связи с производством самого товара, так что кажется, будто цены, как правило, определяются чистой случайностью. Но как только политическая экономия выступила как наука, одной из первых ее задач было найти закон, который скрывается за этой случайностью, как будто господствующей над товарными ценами, закон, который в действительности сам господствует над этой случайностью. В непрерывных колебаниях и отклонениях товарных цен вверх

и вниз наука отыскивала неподвижную центральную точку, вокруг которой совершаются эти колебания и отклонения. Одним словом, она исходила из товарных *цен*, чтобы отыскать в качестве регулирующего их закона *стоимость* товаров, которою можно было бы объяснить все колебания цен, к которой все они могли бы быть в конечном счете сведены.

Классическая экономия нашла, что стоимость товара определяется заключающимся в нем необходимым для его производства трудом. Этим объяснением она удовлетворялась. Мы также можем пока на этом остановиться. И только во избежание недоразумений я считаю нужным напомнить, что это объяснение в настоящее время стало совершенно недостаточным. Маркс впервые основательно исследовал свойство труда создавать стоимость и нашел при этом, что не всякий труд, по видимому или даже действительно необходимый для производства товара, непременно придает этому товару стоимость такой величины, которая соответствует затраченному количеству труда. Следовательно, если мы в настоящее время вместе с такими экономистами, как Рикардо, говорим просто, что стоимость товара определяется необходимым для его производства трудом, то мы при этом всегда подразумеваем сделанные Марксом оговорки. Этого указания здесь достаточно; остальное можно найти у Маркса в «К критике политической экономии», 1859 г., а также в первом томе «Капитала».

Но как только это определение стоимости посредством труда экономисты применили к товару «труд», они стали впадать из одного противоречия в другое. Чем определяется стоимость «труда»? Заключающимся в нем необходимым трудом. Но сколько труда заключается в труде одного рабочего в продолжение одного дня, одной недели, одного месяца, одного года? Труд одного дня, одной недели, одного месяца, одного года. Если труд есть мерило всех стоимостей, то «стоимость труда» мы можем выразить только в труде. Но мы абсолютно ничего не знаем о стоимости одного часа труда, если мы знаем лишь то, что она равна одному часу труда. Этим мы ни на волос не приблизились к цели; мы вертимся в заколдованном кругу.

Классическая экономия попыталась поэтому придать делу другой оборот; она заявила: стоимость товара равна издержкам его производства. Но каковы издержки производства труда? Чтобы ответить на этот вопрос, экономисты должны произвести некоторое насилие над логикой. Вместо издержек производства самого труда, которых, к сожалению, определить нельзя, они исследуют, каковы издержки производства *рабочего*. А эти издержки поддаются определению. Они изменяются соответственно времени и обстоятельствам,

но при данном состоянии общества, в данной местности, в данной отрасли производства они точно так же являются данными, по крайней мере в довольно узких пределах. Мы в настоящее время живем при господстве капиталистического производства, при котором многочисленный все возрастающий класс населения может жить лишь в том случае, если он за заработную плату работает для владельцев средств производства — орудий, машин, сырья и средств существования. На основе данного способа производства издержки производства рабочего заключаются в той сумме средств существования, — или их денежной цены, — которая в среднем необходима для того, чтобы сделать его трудоспособным, сохранять его трудоспособность и при выходе его из строя вследствие старости, болезни или смерти заменить его новым рабочим, т. е. чтобы дать возможность рабочему классу размножаться в необходимых размерах. Предположим, что денежная цена этих средств существования составляет в среднем 3 марки в день.

Наш рабочий получает, таким образом, от капиталиста, на которого он работает, заработную плату в 3 марки в день. За это капиталист заставляет его работать, скажем, 12 часов в день. При этом капиталист делает, примерно, следующий расчет.

Предположим, что наш рабочий-механик должен изготовить часть машины, которую он может закончить в один день. Сырой материал — железо и медь в необходимой, предварительно обработанной форме — стоит 20 марок. Уголь, потребляемый паровой машиной, изнашивание этой паровой машины, токарного станка и всех остальных орудий, которыми работает наш рабочий, составляют за один день и при расчете на его долю стоимость в 1 марку. Заработная плата за один день составляет, по нашему предположению, 3 марки. Все это вместе составляет для нашей части машины 24 марки. Но капиталист высчитывает, что он в среднем получит за нее от своих покупателей цену в 27 марок, следовательно на 3 марки больше затраченных им издержек.

Откуда берутся эти 3 марки, которые капиталист кладет себе в карман? Согласно утверждению классической экономии товары в среднем продаются по их стоимостям, т. е. по ценам, которые соответствуют содержащимся в этих товарах необходимым количествам труда. Средняя цена нашей части машины — 27 марок — должна, следовательно, быть равна ее стоимости, равна заключающемуся в ней труду. Но из этих 27 марок 21 марка составляет стоимость, которая была налицо уже раньше, чем наш механик начал работать. 20 марок заключались в сырье, а 1 марка в угле, сожженном во время работы, или в употреблявшихся при этом машинах и орудиях, пригодность которых к производству соответственно уменьшилась. Оста-

ются 6 марок, которые были прибавлены к стоимости сырья. Но эти 6 марок, по предположению самих наших экономистов, могут возникнуть только из труда, добавленного нашим рабочим к сырью. Его 12-часовой труд создал, стало быть, новую стоимость в 6 марок. Таким образом, стоимость его 12-часового труда должна быть равна 6 маркам. И тем самым мы, наконец, открыли, чему равна «стоимость труда».

«Стой!» — кричит наш механик. — «Шесть марок? Но ведь я получил только три марки! Мой капиталист клянется всеми святыми, что стоимость моего 12-часового труда равняется только трем маркам, и если я потребую шесть, он поднимет меня насмех. Тут что-то не ладно».

Если раньше мы с нашей стоимостью труда попали в заколдованный круг, то теперь мы уже совсем запутались в неразрешимом противоречии. Мы искали стоимость труда и нашли больше, чем нам нужно. Для рабочего стоимость 12-часового труда составляет 3 марки, для капиталиста же 6 марок, из которых он 3 платит рабочему в виде заработной платы, а 3 кладет себе в карман. Труд имеет, таким образом, не одну, а две стоимости, и к тому же еще совершенно различные!

Противоречие станет еще более нелепым, если мы сведем стоимости, выраженные в деньгах, к рабочему времени. В течение 12 часов труда создается новая стоимость в 6 марок; следовательно, в 6 часов — 3 марки, т. е. та сумма, которую рабочий получает за 12-часовой труд. За 12-часовой труд рабочий получает взамен в качестве равной стоимости продукт 6 часов труда. Стало быть, либо труд имеет две стоимости, из которых одна в два раза больше другой, либо 12 равно 6! В обоих случаях получается полнейшая нелепость.

Сколько бы мы ни бились, мы не выпутаемся из этого противоречия до тех пор, пока мы будем говорить о покупке и продаже труда и о стоимости труда. Именно так и случилось с экономистами. Школа Рикардо, последний отпрыск классической экономии, потерпела крах в значительной степени вследствие неразрешимости этого противоречия. Классическая экономия попала здесь в тупик. Выход из этого тупика нашел Карл Маркс.

То, что экономисты рассматривали как издержки производства «труда», это издержки производства не труда, а самого живого рабочего. И не труд свой продает рабочий капиталисту. «Как только его труд действительно начался, — говорит Маркс, — он уже не принадлежит ему и, следовательно, не может быть продан им». Самое большое, что он может продать, это — свой *будущий* труд, т. е. он может принять на себя обязательство выполнить определенную работу в определенное время. Но при этом он продает не труд (который еще только должен быть выполнен), а предоставляет в распоряжение

капиталиста на определенное время (при поденной заработной плате) или для определенной работы (при сдельной заработной плате) свою рабочую силу за определенное вознаграждение: он отдает в наем или продает свою *рабочую силу*. Но эта рабочая сила срослась с личностью рабочего и неотделима от нее. Поэтому издержки производства рабочей силы совпадают с издержками производства рабочего; то, что экономисты называли издержками производства труда, это именно и есть издержки производства рабочего, а следовательно и рабочей силы. И, таким образом, мы можем от издержек производства рабочей силы перейти и к *стоимости* рабочей силы и определить количество общественно-необходимого труда, которое необходимо для производства рабочей силы определенного качества, как это сделал Маркс в отделе о покупке и продаже рабочей силы («Капитал», т. I, гл. 4, раздел 3).

Что же происходит после того, как рабочий продал капиталисту свою рабочую силу, т. е. предоставил ее за ранее условленную заработную плату — поденную или сдельную — в его распоряжение? Капиталист ведет рабочего в свою мастерскую или фабрику, где уже имеются наготове все необходимые для работы предметы: сырье, вспомогательные материалы (уголь, красящие вещества и т. д.), орудия, машины. Здесь рабочий начинает работать. Пусть его ежедневная плата, как и выше, равняется 3 маркам, причем совершенно безразлично, получает ли он их поденно или сдельно. Мы и здесь по-прежнему предполагаем, что рабочий в продолжение 12 часов прибавляет своим трудом к израсходованному сырью новую стоимость в 6 марок, которую капиталист реализует при продаже готового продукта. Из них он платит рабочему его 3 марки, остальные же 3 марки он оставляет себе. Но если рабочий в продолжение 12 часов создает стоимость в 6 марок, то в 6 часов он создает стоимость в 3 марки. Следовательно, он сполна уже возмещает капиталисту стоимость заключающихся в заработной плате 3 марок, проработав для него 6 часов. После 6 часов труда оба квиты, ни один из них не должен другому ни гроша.

«Стой!» — кричит теперь капиталист. — «Я нанял рабочего на целый день, на двенадцать часов. А шесть часов — это только половина дня. Живей же, опять за работу, пока не пройдут и остальные шесть часов, — только тогда мы будем квиты!» И рабочий на деле должен подчиниться своему «добровольно» заключенному договору, по которому он обязался за продукт труда, стоящий 6 рабочих часов, работать полных 12 часов.

То же самое происходит при поштучной плате. Предположим,

что наш рабочий в 12 часов изготавливает 12 штук товара. Для каждой штуки тратится на сырье и изнашивание машин две марки, а продается она за $2\frac{1}{2}$ марки. Тогда капиталист при таких же, как и прежде, предпосылках будет давать рабочему за штуку 25 пфеннигов. За 12 штук это составит 3 марки; чтобы заработать их, рабочий должен проработать 12 часов. Но капиталист получает за 12 штук 30 марок; за вычетом стоимости сырья и изнашивания, составляющей 24 марки, остается 6 марок, из которых он платит 3 марки заработной платы, а 3 марки кладет себе в карман. Точно так же, как и выше. И здесь рабочий работает 6 часов для себя, т. е. для возмещения своей платы (в каждый из 12 часов по получасу), и 6 часов для капиталиста.

Трудность, о которую разбивались усилия лучших экономистов, пока они исходили из стоимости «труда», исчезает, как только мы вместо этого исходим из стоимости «рабочей силы». В нашем теперешнем капиталистическом обществе рабочая сила есть товар, такой же товар, как и всякий другой, но все же совершенно особый товар. А именно — она обладает особым свойством быть силой, создающей стоимость, быть источником стоимости, и притом — при надлежащем употреблении — источником большей стоимости, чем та, которую она сама обладает. При современном состоянии производства человеческая рабочая сила в течение одного дня производит не только стоимость, превышающую ту, которую она сама обладает и которой стоит; с каждым новым научным открытием, с каждым новым техническим изобретением возрастает излишек ежедневного продукта рабочей силы над тем, чего она стоит в течение дня, а значит сокращается та часть рабочего дня, во время которой рабочий вырабатывает возмещение своей дневной платы, и, стало быть, удлиняется, с другой стороны, та часть рабочего дня, во время которой рабочий должен *дарить* капиталисту свой труд, не получая за него платы.

И таков уж хозяйственный строй всего нашего современного общества: один только рабочий класс производит все стоимости. Ибо стоимость есть только другое выражение для труда, — такое выражение, которым в нашем современном капиталистическом обществе обозначается количество заключающегося в определенном товаре общественно-необходимого труда. Но эти произведенные рабочими стоимости принадлежат не рабочим. Они принадлежат собственникам сырья, машин и орудий, а также тех авансированных средств, которые дают возможность этим собственникам покупать рабочую силу рабочего класса. Из всей массы произведенных им продуктов рабочий класс получает, следовательно, на свою долю только часть. Другая же часть, которую класс капиталистов удерживает в своих руках

и которую ему приходится делиться разве еще только с классом землевладельцев, эта часть, как мы только что видели, с каждым новым изобретением и открытием становится все больше, между тем как часть, выпадающая на долю рабочего класса (по расчету на душу), либо увеличивается лишь весьма медленно и незначительно, либо вовсе не увеличивается, а при известных условиях даже падает.

Но эти все быстрее вытесняющие друг друга изобретения и открытия, эта с каждым днем в неслыханных размерах возрастающая производительность человеческого труда, порождают в конечном счете конфликт, в котором должно погибнуть современное капиталистическое хозяйство. На одной стороне — неизмеримые богатства и излишек продуктов, далеко превышающий спрос покупателей. На другой стороне — огромная масса общества, пролетаризированная, превращенная в наемных рабочих и именно поэтому лишенная возможности взять себе этот излишек продуктов. Расщепление общества на маленькую невероятно богатую кучку и на огромный неимущий класс наемных рабочих ведет к тому, что это общество задыхается в своем собственном изобилии, между тем как огромное большинство его членов едва защищено или даже вовсе не защищено от самой крайней нужды. Это состояние с каждым днем становится все более нелепым и все более ненужным. Оно *должно* быть устранено, оно *может* быть устранено. Возможен новый общественный строй, при котором исчезнут современные классовые различия и при котором, — вероятно, после короткого переходного периода, несколько трудного, но во всяком случае морально очень полезного, — благодаря планомерному использованию и дальнейшему развитию уже существующих огромных производительных сил всех членов общества, при одинаковой для всех обязанности трудиться, — средства к существованию, к наслаждению, к развитию и применению всех телесных и духовных способностей станут равным достоянием всех и во все большей полноте. А что рабочие все более и более полны решимости путем борьбы добиться этого нового общественного строя, об этом по обеим сторонам океана будет свидетельствовать наступающее завтра первое мая и воскресенье третьего мая.

Лондон, 30 апреля 1891 г.

Напечатано на немецком языке как введение к брошюре Маркса «Lohnarbeit und Kapital», 1891, и на французском языке в «Almanach de la Question Sociale», Paris, 1892.

АВСТРИЙСКОМУ ПАРТИЙНОМУ СЪЕЗДУ В ВЕНЕ 1891 г.

Лондон, 26 июня 1891 г.

Уважаемые товарищи!

Примите мою искреннейшую благодарность за любезное приглашение на второй партийный съезд австрийской социал-демократии, а также мое сожаление о том, что я не могу явиться лично; шлю вам мои лучшие пожелания успешного хода заседаний съезда.

Со времени Гайнфельда, когда австрийская рабочая партия снова встала на собственные ноги, вы достигли огромных успехов. Это — вернейший залог того, что ваш новый партийный съезд явится исходным пунктом новых, еще более значительных триумфов.

Какой непобедимой внутренней силой обладает наша партия, она доказывает не только своими успехами, быстро следующими один за другим, не только тем, что в Австрии в этом году, как в прошлом году в Германии, она преодолела исключительное положение. Еще гораздо более доказывает она эту силу тем, что во всех странах она одолевает препятствия и вершит дела, перед которыми прочие партии, рекрутируемые из имущих классов, бессильно пасуют. В то время как имущие классы Франции и имущие классы Германии разделены непримиримой враждой, французские и немецкие пролетарии работают рука об руку. И в то время как у вас в Австрии имущие классы различных коронных земель в слепой национальной вражде теряют последние остатки своей способности властвовать, ваш второй партийный съезд покажет им лицо той Австрии, которой неведома национальная вражда, Австрии рабочих.

Напечатано в «Verhandlungen des zweiten Oesterreichischen Parteitag», abgehalten zu Wien am 28., 29. u. 30.

VI. 1891. S. 175.

Подпись: Фридрих Энгельс.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РАБОЧИЙ КОНГРЕСС 1891 г. (Брюссель).

Во время съезда английских тред-юнионов в Ливерпуле (сентябрь 1890 г.) национальный совет Бельгийской рабочей партии пригласил тред-юнионы на международный конгресс, который должен был состояться в следующем году в Бельгии.

Бельгийцы получили мандат на созыв международного конгресса в Бельгии от POSSIBИЛИСТСКОГО конгресса. Марксистский конгресс (я пользуюсь таким названием для краткости) дал им, да и то не одним, а *вместе со швейцарцами*, только мандат на созыв конгресса; место конгресса определено не было.

Значит, если не предполагать намеренной двусмысленности, бельгийцы пригласили англичан на POSSIBИЛИСТСКИЙ конгресс — единственный, на который они имели мандат приглашать самостоятельно. А англичане приняли приглашение с энтузиазмом.

Невозможно будет объяснить молодым тред-юнионам простых необученных рабочих, что их доверие было обмануто; что в 1891 г. будет два конгресса, один хороший и один плохой, и что они дали обещание поехать именно на плохой. Это не только мое личное мнение, это также и мнение лиц, которые больше всех потрудились для вовлечения тред-юнионов в международное движение. Ту кампанию, которую в 1889 г. «Sozialdemokrat» провел против друзей POSSIBИЛИСТОВ в Англии, на этот раз нельзя было бы повторить с прежним успехом. — Если собираются два конгресса, то почему же не явились пригласить нас также и на другой, чтобы мы имели возможность выбирать? Теперь уж поздно. Вот что скажут эти практичные люди. Они приняли приглашение бельгийцев и поедут на конгресс, который состоится в Бельгии. Это совершенно несомненно, если только бельгийцы и POSSIBИЛИСТЫ не оттолкнут их от себя какими-нибудь невероятными глупостями; но таких глупостей они не сделают.

Создавшееся положение — неизбежное следствие ошибок, совершенных марксистским конгрессом. Самый важный вопрос, вопрос о будущем конгрессе, оставили неразрешенным. Хуже того, всякое разрешение сделали почти невозможным, поручив созыв конгресса *двум* национальным комитетам, бельгийскому и швейцарскому, без

предварительного соглашения которых нельзя было предпринять ни малейшего шага, — самое верное средство, чтобы не сделать ничего. К тому же бельгийцы, как и после Гаагской конференции, вместо того, чтобы держаться в рамках полученного мандата, стали действовать в собственных интересах. Они хотели обеспечить себе созыв конгресса в Бельгии, и они его созывают, не считаясь со своими товарищами по мандату, с швейцарцами. У меня вовсе нет желания подвергнуть сомнению искренность и добрые намерения бельгийского национального совета; но практически взятой им линией поведения он играет на-руку POSSIBИЛИСТАМ против нас. Вместо того, чтобы осуждать других, признаем, что это лишь последствия наших собственных ошибок. (Не надо слишком осуждать их; мандат, который мы им дали, почти заставлял их не принимать его буквально.)

Мы сами завели себя в какой-то тупик, поставили себя в положение, в котором мы не можем пошевелиться, между тем как наши соперники действуют. Как найти выход?

Прежде всего несомненно, что не только с нашей стороны будут сделаны попытки предотвратить «скандал» двух соперничающих между собою рабочих конгрессов. А мы не сможем отклонять эти попытки, — наоборот, для нас чрезвычайно важно, чтобы ответственность за «скандал», если он повторится, пала на POSSИБИЛИСТОВ и их союзников. Всякий, у кого есть хоть какой-нибудь опыт в международном движении, знает, что в случае раскола тот, кто этот раскол вызвал или кого считают вызвавшим его, всегда виновен в глазах рабочих. Поэтому, если в 1891 г. будет два конгресса, сделаем так, чтобы на нас не могли возложить вину за это.

Если несомненно, что такие попытки объединения будут сделаны, должны ли мы пассивно их ожидать? Мы рисковали бы тогда тем, что в последнюю минуту POSSИБИЛИСТЫ и их союзники предъявят нам ультиматум, исполненный известных ловушек (мы их знаем), ловушек, скрытых под слащавой болтовней, так что широкая публика ничего дурного в этом не усмотрит, между тем как для нас это будет неприемлемо, и тогда — миленькое для нас положение: либо принять предложение и с открытыми глазами итти в капкан, либо же отказаться от него и взять на себя перед рабочими ответственность за то, что по необъяснимому упрямству мы сорвали социалистическое единство!

Словом, положение для нас нестерпимо. Надо найти выход. Но как? Действием. Не будем больше полагаться на мандат, данный бельгийцам и швейцарцам; возьмем дело в собственные руки ¹.

¹ Следующие далее абзацы, поставленные в угловые скобки, в рукописи зачеркнуты. *Ред.*

⟨Было ли бы объединение обоих конгрессов таким делом, о котором нам пришлось бы сожалеть? Разберем этот вопрос.

Мы можем рассчитывать наверняка: 1) на французских коллективистов и бланкистов (число которых еще убавилось вследствие массовых перебежек в лагерь буланжистов), 2) немцев, 3) австрийцев, 4) испанских социалистов, 5) датских «революционеров», составляющих $\frac{1}{5}$ датских социалистов, 6) шведов и, может быть, нескольких норвежцев, 7) швейцарцев, 8) русских и польских эмигрантов.

Соперничающий с нами конгресс состоял бы: 1) из французских POSSИБИЛИСТОВ; 2) английских тред-юнионов, которые были бы представлены в основной массе, и английской Социал-демократической Федерации, которая была бы в выигрыше от общего подъема движения в Англии; 3) бельгийцев, 4) голландцев, 5) испанских синдикатов в Барселоне и т. д., 6) возможно, португальских синдикатов, 7) итальянцев, 8) датских реформистов, составляющих $\frac{4}{5}$ всех социалистов Дании, которые привлекли бы, может быть, еще несколько норвежцев.

В зависимости от обстоятельств бельгийцы и голландцы могут прислать своих представителей и к нам; зато швейцарцы способны послать нескольких представителей на POSSИБИЛИСТСКИЙ конгресс.

Отсюда следует, что на этот раз у POSSИБИЛИСТОВ будет гораздо более внушительная армия, чем в 1889 г. Если на нашей стороне будут немцы, то POSSИБИЛИСТЫ компенсируют это англичанами, которые для нас потеряны из-за нашего бездействия и нашей неловкости; во всем же прочем у них столько же национальностей, сколько и у нас, если не больше. А с их способностью фабриковать фиктивные мандаты и фиктивных представителей они оставят нас далеко позади себя. Прибавьте к этому, что если мы будем продолжать ту систему бездействия, которой следовали до сих пор, вина за раскол непременно падет на нас, что повлечет за собою новые потери в численном составе нашего конгресса.

Предположим теперь, что произошло слияние. Тогда наши силы возрастут за счет всех тех, кого «скандал» раскола заставлял до сих пор держаться нейтрально, — за счет бельгийцев, голландцев, итальянцев; к нам неизбежно примкнут новые английские тред-юнионы с их прекрасным человеческим материалом, еще не вполне устойчивым, но честным и разумным. Мы уже пустили среди них корни; достаточно будет контакта с французскими коллективистами и с немцами, чтобы решительно приблизить их к нам, тем более, что Социал-демократическая федерация, отгалкивающая их своими диктаторскими замашками, является завязанной союзницей POSSИБИЛИСТОВ. Бельгийцам нужны всего лишь такие конгрессы, на которых они

могут играть видную роль, что им и доставили POSSИБИЛИСТЫ, а главное — им нужен большой конгресс в Брюсселе. Если мы поможем им добиться, чтобы слияние совершилось *у них*, то фламандцы, представляющие лучший элемент в их рядах, будут на нашей стороне и уравновесят POSSИБИЛИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ БРЮССЕЛЬЦЕВ. ГОЛЛАНДЦЫ — ФАНАТИЧЕСКИЕ СТОРОННИКИ СЛИЯНИЯ, но они далеки от того, чтобы быть POSSИБИЛИСТАМИ. >

Каковы необходимые для нас условия?

1) Общий конгресс созывается теми, кто имеет мандат от обоих конгрессов 1889 г. Бельгийцы созывают его в силу мандата, полученного от POSSИБИЛИСТОВ; бельгийцы действуют совместно с швейцарцами в силу нашего мандата; форму нужно выработать.

2) Конгресс сам себе хозяин. Регламенты, повестки дня, резолюции предшествующих конгрессов для него не существуют. Он сам устанавливает свой регламент, способ проверки мандатов и свою повестку дня, не будучи связан какими бы то ни было прецедентами. Никакой комитет, ни назначенный одним из предыдущих конгрессов, ни созданный во время переговоров о слиянии, не имеет права связывать конгресс в чем бы то ни было.

3) Условия и пропорциональность представительства различных рабочих объединений устанавливаются заранее (желательны определенные предложения, но не мое дело вносить их).

4) Комитету, состав которого должен быть установлен, поручается разработать и представить конгрессу на утверждение проекты регламента, способа проверки мандатов и повестки дня.

*Переведено с рукописи Энгельса,
на французском языке,
хранящейся в архиве ИМЭЛ.*

О БРЮССЕЛЬСКОМ КОНГРЕССЕ И О ПОЛОЖЕНИИ В ЕВРОПЕ.

(ИЗ ПИСЬМА К ЛАФАРГУ).

Лондон, 2 сентября 1891 г.

БРЮССЕЛЬСКИЙ КОНГРЕСС.

У нас есть все основания быть довольными Брюссельским конгрессом.

Конгресс хорошо сделал, что голосовал за исключение анархистов: старый Интернационал этим закончил, новый — с этого начинается. Тем самым спустя 19 лет дано ясное и простое подтверждение резолюциям Гаагского конгресса.

Не менее важно то обстоятельство, что широко открыты двери для английских тред-юнионов. Этот шаг свидетельствует о том, как хорошо была понята ситуация. А те решения, которые связали тред-юнионы «классовой борьбой и отменой наемного труда», показывают, что с нашей стороны не было сделано никаких уступок.

Инцидент с Домела-Нивенгейсом доказал, что европейские рабочие окончательно вышли из периода господства звонкой фразы и что они отдают себе отчет в той ответственности, которая на них падает: они являются классом, сложившимся в партию «борьбы», в партию, которая считается с «фактами». А факты принимают все более и более революционный оборот.

ПОЛОЖЕНИЕ В ЕВРОПЕ.

В России уже наступил голод; в Германии он наступит через несколько месяцев; другие страны пострадают в меньшей степени, и вот почему: недобор урожая 1891 г. оценивается в 11½ миллионов гектолитров пшеницы и в 87 или 100 миллионов гектолитров ржи, а этот последний недобор затрагивает главным образом две страны, потребляющие рожь, — Россию и Германию.

Это обеспечивает нам мир до весны 1892 г. Россия до того времени не тронется с места; стало быть, если только в Париже или Берлине не натворят невероятных глупостей, войны не будет.

Но, с другой стороны, переживет ли царизм этот кризис? Я в этом сомневаюсь. В больших городах, и особенно в Петербурге, слишком много мятежных элементов, чтобы этот благоприятный случай не попытались использовать для низложения пьяницы Александра III или, по меньшей мере, для того, чтобы поставить его под контроль Национального собрания; возможно, что он сам будет вынужден взять на себя инициативу созыва этого собрания. Россия — т. е. правительство и молодая буржуазия — очень много потрудились над созданием крупной национальной промышленности (см. в «*Neue Zeit*» статью Плеханова). Эта промышленность сразу остановится в своем росте, так как голод закроет перед ней ее единственный рынок сбыта — внутренний рынок. Царь поймет, что значило сделать Россию самодовлеющей страной, независимой от заграницы: на него обрушится сельскохозяйственный кризис, усугубленный кризисом промышленным.

В Германии правительство, как всегда, слишком поздно решится на окончательную или временную отмену хлебных пошлин. Это разобьет протекционистское большинство в рейхстаге. Крупные землевладельцы, «деревенщина» [*ruraux*], не захотят больше поддерживать пошлины на промышленные изделия, они захотят покупать их как можно дешевле. Так что, вероятно, повторится то, что произошло во время голосования закона против социалистов: само протекционистское большинство, вследствие противоположности интересов, созданных новым положением, расколется и не сможет прийти к соглашению насчет отдельных пунктов протекционистской системы. Все мыслимые предложения, каковы бы они ни были, будут собирать лишь меньшинство голосов; произойдет либо возврат к системе свободы торговли, что, однако, немислимо, либо же роспуск рейхстага с перемещением прежних партий и прежнего большинства и с образованием нового большинства, стоящего за свободу торговли в оппозиции к нынешнему правительству. Это будет означать полный и безусловный конец эры Бисмарка и одновременно конец политического застоя внутри страны — я говорю здесь не о нашей партии, а о возможных правительственных партиях; начнется борьба между землевладельческой аристократией и буржуазией, а также между промышленной буржуазией, настроенной протекционистски, и торговцами и той частью промышленной буржуазии, которая стоит за свободу торговли; устойчивость кабинета и внутренней политики будет нарушена, начнется, наконец, движение, борьба, жизнь, и все плоды соберет наша партия; если события примут такое направление, то к 1898 г. наша партия сможет прийти к власти.

Вот оно как! Я не говорю о других странах, потому что сельскохозяйственный кризис затрагивает их не так сильно. Но если бы этот сельскохозяйственный кризис вызвал промышленный кризис в Англии, которого мы ждем вот уже 25 лет... тогда!

Напечатано в газете «Le Socialiste»,

№ 51 от 12 сентября 1891 г.

Подпись: Ф. Энгельс.

**РЕДАКЦИИ ЧЕШСКОЙ ГАЗЕТЫ «VOLKSFREUND» В БРЮННЕ,
К ДЕСЯТИЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ГАЗЕТЫ.**

Лондон, 13 ноября 1891 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогие товарищи!

Примите мою искреннейшую благодарность за ваше любезное приглашение на десятилетний юбилей «Volksfreund». К сожалению, я не могу на нем присутствовать лично, так как меня задерживает здесь работа над третьим томом марксова «Капитала», который должен, наконец, появиться в свет. Так что пусть заменят меня эти строки.

Но в этот торжественный для вас день я могу от всего сердца вас поздравить. Я знаю, чего это стоит в течение десяти лет поддерживать существование такого боевого социал-демократического органа, как «Volksfreund», в условиях австрийских законов о печати и полицейских законов, и мне известны также, по крайней мере в общем, те жертвы, которые за эти десять лет пришлось для этого принести. То, что вы, несмотря ни на что, осуществили это, делает вам тем больше чести потому, что австрийское законодательство о печати, понимая, что органы *имущих* классов в общем и целом не опасны, поставило себе, видимо, целью посредством давления именно на *денежные средства* рабочих газет либо уничтожить их, либо приручить. И если брюннские рабочие, несмотря на это финансовое давление, сумели все же поддерживать свою газету целых десять лет, ни в какой мере не отрекаясь при этом от своего знамени, то это — еще одно доказательство той выдержки и того духа самопожертвования, которые можно теперь встретить только среди рабочих.

Я не могу закончить, не выразив еще раз своей великой радости по поводу того, что в то время как повсюду младочешские и старонемецкие буржуа вцепились друг другу в волосы, чешские и немецкие рабочие единодушно, плечом к плечу ведут борьбу за освобождение всего пролетариата.

Еще раз сердечно благодарю и поздравляю вас, всегда ваш

Ф. Э.

*Перевод с рукописи, на немецком языке,
хранящейся в архиве ИМЭЛ.*

О ПОКОЙНОЙ г-же МАРКС

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «DAILY CHRONICLE»).

Милостивый государь! Сегодня в утреннем выпуске Вашей газеты Ваш парижский корреспондент, наряду с другими неточностями относительно семьи моего покойного друга Карла Маркса, заявляет, что после Коммуны французский министр юстиции отдал приказ арестовать г. Поля Лафарга, недавно избранного депутатом в Лилле. Далее корреспондент продолжает: «Г-жа Маркс, говорят, в это время показала властям приблизительное месторасположение одного склада оружия под тем условием, что не будут мучить ее зятя. После этого г. Лафарг перешел испанскую границу».

Так как г-жи Эвелинг, дочери г-жи Маркс, в данный момент нет в Лондоне, то обязанность опровергнуть вышеуказанное клеветническое обвинение против ее матери ложится на меня. Факты таковы. — Когда г. Лафарг со своей женой и двумя свояченицами остановился в Баньер-де-Люшон [Bagnères-de-Luchon], один дружелюбно настроенный служащий республиканской полиции предупредил его о грозящем ему аресте. В тот же день Лафарг бежал в Испанию, перебравшись верхом через Пиренеи. Г-жа Маркс, бывшая тогда в Лондоне, не могла, стало быть, если бы даже она и готова была это сделать, вмешаться в дело в пользу Лафарга, выдав что бы то ни было французскому правительству. Вся эта история о мнимом складе оружия — просто басня, придуманная для того, чтобы очернить память женщины, которая по благородству и самоотверженности своей природы была совершенно не способна на низкий поступок.

Остаюсь, милостивый государь, Вашим покорным слугой.

Фридрих Энгельс.

122, Regent's Park Road, N. W.

17 ноября 1891 г.

Напечатано в газете «Daily Chronicle»

от 26 ноября 1891 г.

Фридрих Энгельс
БРЕНТАНО КОНТРА МАРКС
ПО ПОВОДУ МНИМОЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ
ЦИТАТЫ, ИСТОРИЯ ВОПРОСА И ДОКУМЕНТЫ

Напечатана отдельным изданием на немецком языке: «In Sachen Brentano contra Marx wegen angeblicher Citatsfälschung. Geschichtserzählung und Dokumente. Von Friedrich Engels». Hamburg. Verlag von Otto Meissner. 1891.

В предисловии к 4-му изданию первого тома «Капитала» Маркса я вынужден был вернуться к полемике против Маркса, начатой анонимным автором в берлинской «Concordia» в 1872 г. и возобновленной в 1883 г. г-ном Седлей Тейлором из Кембриджа в газете «Times». Анонимный автор, который был раскрыт г. Тейлором и оказался г. Луио Brentano, обвинял Маркса в фальсификации цитаты. Сделанное мною в этом предисловии краткое сообщение по этому вопросу (оно напечатано среди приложенных документов под № 12) ни в коем случае не ставило себе целью быть приятным для г. Brentano; совершенно естественно, что он должен был мне ответить. И он сделал это в брошюре «*Meine Polemik mit Karl Marx. Zugleich ein Beitrag zur Frage des Fortschritts der Arbeiterklasse und seiner Ursachen*». Von *Lujo Brentano*. Berlin, Walther & Apolant. 1890 [«*Моя полемика с Карлом Марксом*. Вместе с тем очерк к вопросу о прогрессе рабочего класса и его причинах». Соч. *Луио Brentano*. Берлин, 1890 г.]

Эта брошюра дает и слишком много и слишком мало. Слишком много потому, что она «вместе с тем» подробно говорит о взглядах г. Brentano на «прогресс рабочего класса и его причины». Это не имеет абсолютно никакого отношения к предмету спора. Я должен заметить только одно: постоянно повторяемое заявление г. Brentano, что законодательство об охране труда рабочих, а также организации профессиональных союзов содействуют улучшению положения рабочего класса, ни в коем случае не является его собственным открытием. Маркс и я неоднократно повторяли это, правда с очень большими ограничениями, начиная с «Положения рабочего класса в Англии» и «Нищеты философии» и кончая «Капиталом» и моими последними статьями. Во-первых, благоприятное влияние сопротивления профессиональных союзов ограничивается периодами средней и высокой конъюнктуры; в периоды застоя и кризиса они сплошь да рядом дают осечку; утверждение г. Brentano, что «они в состоянии парализовать роковое действие резервной армии», является смехотворным хвастовством. И, во-вторых, — не говоря уже о других менее важных ограничениях, — ни законодательство об охране труда, ни сопротивление профессиональных союзов не устраняют того

самого существенного, что должно быть устранено: капиталистических отношений, которые постоянно вновь воспроизводят противоположность между классом капиталистов и классом наемных рабочих. Масса наемных рабочих на всю жизнь обречена на наемный труд, пропасть между ними и капиталистами становится все глубже и шире по мере того, как современная крупная промышленность овладевает всеми отраслями производства. Но так как г. Brentano хочет сделать наемного раба *довольным* наемным рабом, то ему приходится колоссально преувеличивать благоприятное влияние охраны труда, борьбы профессиональных союзов, крохоборческого социального законодательства и т. д.; а так как мы имеем возможность противопоставить этим преувеличениям простые факты, то этим объясняется его гнев.

Брошюра эта дает слишком мало, так как из документов этой полемики она дает только те, которые исходили непосредственно от г. Brentano и Маркса, и совершенно ничего не говорит о тех документах, которые появились с тех пор по этому вопросу. Чтобы дать возможность читателю составить себе обо всем этом общее суждение, я даю в приложении: 1) инкриминируемые места из Учредительного манифеста Генерального совета Интернационала и из «Капитала»; 2) полемику между г. Brentano и Марксом; 3) полемику между Седлей Тейлором и Элеонорой Маркс; 4) мое предисловие к 4-му изданию «Капитала» и возражение на него г. Brentano; 5) то, что касается писем Гладстона к г. Brentano. Само собой разумеется, что я при этом выпускаю те места из рассуждений Brentano, которые не касаются вопроса о фальсификации цитаты, а представляют лишь его «очерк к вопросу о прогрессе» и т. д.

I.

В № 10 берлинской «Concordia» от 7 марта 1872 г. появилось резкое анонимное нападение на Маркса как автора Учредительного манифеста Генерального совета Интернационала, от 1864 г. В этом манифесте Маркс будто бы сфальсифицировал цитату из бюджетной речи тогдашнего канцлера английского казначейства Гладстона от 16 апреля 1863 г.

Соответствующее место из Учредительного манифеста напечатано в приложении, документ № 1. Статья «Concordia» напечатана там же, документ № 3. В этом последнем документе обвинение формулировано следующим образом.

«Каково же отношение между содержанием этой речи и цитатой Маркса? Гладстон сперва констатирует, что несомненно имеется

налицо колоссальное увеличение доходов страны. Это, по его мнению, доказывается подоходным налогом. Но подоходный налог взимается только начиная с доходов в 150 ф. ст. и выше. Лица, имеющие меньший доход, не платят в Англии подоходного налога. Пользуясь тем фактом, что Гладстон приводит это попросту для правильной оценки своего масштаба, Маркс приписывает ему следующие слова: *«Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами»*. Но этой фразы нет нигде в речи Гладстона. В ней сказано прямо противоположное. *Маркс формально и по существу присочинил эту фразу!*

Таково это обвинение, и, заметим кстати, единственное обвинение, выдвигаемое против Маркса анонимным автором, который, как теперь известно, носит имя Луйо Brentano.

№ 10 «Concordia» был в мае 1872 г. прислан Марксу из Германии. На имеющемся еще у меня экземпляре сделана отметка: «Орган немецкого союза фабрикантов». Маркс, никогда ничего не слышавший об этом листке, принял, таким образом, автора за литераторствующего фабриканта и соответственным образом отнесся к нему.

Маркс указал в своем ответе в «Volksstaat» (документ № 4), что соответствующая фраза цитируется не только профессором Бизли в 1870 г. в «Fortnightly Review», но цитирована, еще до появления Учредительного манифеста, в «Theory of the Exchanges», London, 1864¹, и, наконец, что отчет «Times» от 17 апреля 1863 г. формально и по существу также содержит эту фразу в таком виде, в каком он ее цитирует: *«Увеличение, которое я только что описал»* (именно как *«это ошеломляющее увеличение богатства и мощи»*), *«всецело ограничивается имущими классами»*. Если в сборнике «Hansard» нет этого места, которое в устах канцлера английского казначейства является несомненно компрометирующим, то это объясняется тем, что г. Гладстон оказался достаточно благоразумен, чтобы по традиционному английскому парламентскому обычаю подчистить это место.

Здесь, во всяком случае, было дано доказательство, что эта фраза, якобы присочиненная, *имеется буквально в «Times»*, в отчете от 17 апреля 1863 г. о речи Гладстона, произнесенной им накануне вечером. А «Times» в то время был органом г. Гладстона.

Что же отвечает скрывающийся, подобно фиалке, в тени г. Brentano? («Concordia», 4 июля 1872 г., документ № 5).

¹ Речь идет об анонимной брошюре «The Theory of the Exchanges. The bank charter act of 1844. The abuse of the metallic principle to depreciation». London, 1864. [«Теория размена. Банковский акт 1844 г. Злоупотребления металлическим принципом и обесценение». Лондон, 1864 г.]. *Ред.*

С наглостью, которой он никогда не позволил бы себе, если бы выступал под своим собственным именем, он повторяет обвинение, что Маркс присочинил эту фразу; это обвинение — прибавляет он — «тяжелое, а в связи с дополнительным веским материалом — прямо уничтожающее». Материалом доказательства является не что иное, как соответствующее место из «Hansard», где этой фразы нет. Это, следовательно, могло быть «уничтожающим» в лучшем случае лишь для самой этой злополучной фразы, помещенной в «Times» и не помещенной в «Hansard».

Но этот победный петушиный крик должен был только прикрыть тот пренеприятный факт, что «присочиненная» фраза, как выяснилось из отчета «Times», соответствует действительности. Ис с уверенностью, что эти документальные доказательства, на которых основано обвинение, «неопровержимы» и с течением времени могут стать «прямо уничтожающими», наш анонимный будущий профессор с ожесточением набрасывается на цитату, приводимую у Бизли и в «The Theory of the Exchanges», всячески затуманивает вопрос, утверждает, будто Бизли цитировал по Учредительному манифесту, а Маркс по «The Theory of the Exchanges» и т. д. Но все это второстепенные вещи. Если бы даже они были верны, — они ничего не доказывали бы по вопросу о том, произнес ли Гладстон эту фразу или же она выдумана Марксом. А по своему характеру эти вещи не могли быть окончательно решены ни г. Brentano тогда, ни мною теперь. Они, наоборот, служат для того, чтобы отвлечь внимание от главного, а именно от злополучного отчета «Times».

Прежде чем приступить к этому отчету, анонимный автор подкрепляет себя употреблением крепких словечек вроде: «граничащее с преступлением легкомыслие», «эта лживая цитата» и т. д., а затем раздражается следующей решительной тирадой:

«Но тут мы переходим к третьему средству защиты Маркса, *и по наглой лживости* оно далеко превосходит все, до сих пор приведенное. Так, Маркс не стесняется сослаться на «Times» от 17 апреля 1863 г. для доказательства правильности своей цитаты. Но «Times» от 17 апреля 1863 г., стр. 7, стр. (должно быть — столбец) 5, строка 17 и сл., передает эту речь следующим образом». И затем следует отчет «Times», в котором сказано: «Увеличение, которое я описал (именно как «это ошеломляющее увеличение богатства и мощи») и которое, как я полагаю, основано на точных обследованиях, — *всецело ограничивается классами, обладающими собственностью*».

Вот и удивляйтесь теперь «наглой лживости» Маркса, который

еще осмеливается утверждать, что в отчете «Times» содержится фраза: это ошеломляющее увеличение и т. д. всецело ограничивается имущими классами!

В Учредительном манифесте сказано: «*This intoxicating augmentation of wealth and power is entirely confined to classes of property* [Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи *всецело ограничивается имущими классами*]

В «Times» говорится: «*The augmentation there described [увеличение, которое я описывал] (относительно которого даже г. Брентано, анонимно или нет, до сих пор не оспаривал, что здесь речь идет об указанном прежде intoxicating augmentation of wealth and power [ошеломляющем увеличении богатства и мощи]) and which is founded, I think, upon accurate returns, is an augmentation entirely confined to classes of property* [и которое, как я полагаю, основано на точных обследованиях, *есть увеличение, всецело ограничивающееся имущими классами*]

И вот после того, как г. Брентано сам указывает пальцем в отчете «Times» фразу, которую будто бы присочинил Маркс, потому что ее нет в «Hansard», и таким образом сам проявляет наглую лживость, приписываемую им Марксу, — он с торжеством заявляет, что оба отчета («Times» и «Hansard») по существу совершенно совпадают. Отчет «Times» дает лишь в более сжатой форме то, что стенографический отчет «Hansard» дает буквально. Но, несмотря на то, что и в отчете «Times» содержится нечто прямо противоположное *этому пресловутому месту* из Учредительного манифеста, несмотря на то, что и по отчету «Times» Гладстон сказал, что, по его мнению, это ошеломляющее увеличение богатства и мощи *не* ограничивается состоятельными классами, Маркс имеет наглость писать в «Volksstaat» от 1 июня: «Формально и по существу г. Гладстон заявил, таким образом, 16 апреля 1863 г. в Нижней палате, по отчету его собственного органа «Times» от 17 апреля 1863 г., что это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами».

Si duo faciunt idem, non est idem. Когда двое делают одно и то же, это не одно и то же.

Когда Маркс приводит слова Гладстона: это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами, то это «присочинено», это — «пресловутое место», «целиком сфальсифицированное». Когда же отчет «Times» приводит слова Гладстона: «Это только что описанное мною ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами», то это только «формально более сжато», чем отчет «Hansard», в котором

эта фраза отсутствует, и «прямо противоположно этому» (а именно — тому же самому) «пресловутому месту из Учредительного манифеста». А когда Маркс для подтверждения ссылается на это место из отчета «Times», г. Brentano говорит: «и, наконец, у него еще хватает *наглости* сослаться на газетные отчеты, которые *прямо противоречат ему*». Для этого надо действительно обладать совершенно особенной «наглостью». Во всяком случае, у Маркса лоб находился на лице, а не в другом месте ¹.

С «наглостью», действительно весьма отличающейся от марксовой, анонимный автор, сиречь Луийо Brentano, заставляет Gladstone сказать, что, «по его *мнению*, это ошеломляющее увеличение богатства и мощи *не* ограничивается состоятельными классами». На деле же и по «Times» и по «Hansard» Gladstone говорит, что он с болью и беспокойством смотрел бы на это «ошеломляющее увеличение богатства и мощи, если бы думал, что оно ограничивается только состоятельными классами», а далее он говорит, по отчету «Times», что оно в самом деле «ограничивается только имущими классами».

«В самом деле», замечает, наконец, с негодованием добродетельный анонимный автор, «для характеристики подобных приемов можно употребить только одно слово, очень хорошо известное самому Марксу (смотри «Капитал», стр. 257): они просто «бесчестны».

Чьи приемы, г. Луийо Brentano?

II.

Маркс в своем ответе («Volksstaat», 7 августа 1872 г., документ № 6) довольно добродушно разбирает по существу все пустяки, нагроможденные г. Brentano по поводу профессора Бизли, «Theory of Exchanges» и т. д.; мы оставляем это в стороне как второстепенный вопрос. Но в заключение Маркс приводит еще два факта, имеющие решающее значение для главного вопроса. Кроме отчета «Times», «присочиненное» место имеется также в отчетах двух других лондонских утренних газет от 17 апреля 1863 г. Согласно «Morning Star» Gladstone сказал: «Это увеличение, — которое только что было описано как ошеломляющее увеличение богатства и мощи, — всецело ограничено классами, владеющими собственностью». Согласно «Morning Advertiser»: «Упомянутое» только что, как ошеломляющее увеличение богатства и мощи, «увеличение есть увеличение, всецело ограничивающееся классами, владеющими собственностью».

Для всякого другого противника это доказательство было бы

¹ Игра слов: «Stirne» в прямом смысле — лоб, а в переносном — наглость, Ред.

«прямо уничтожающим». Но не для анонимного Brentano. Ответ Brentano («Concordia» от 22 августа 1872 г., документ № 7), свидетельствующего о неумняющей наглости, Маркс никогда не видел, так как после 11 июля ему больше не посылали номеров «Concordia». Я сам прочел этот ответ только в перепечатке Brentano (Meine Polemik etc., 1890) и должен здесь поэтому волей-неволей остановиться на нем.

«Упорная лживость, с которой он» (Маркс) «держится за искаженную цитату..., удивительна даже для человека, не брезгающего никакими средствами для своих разрушительных планов». Цитата продолжает быть «ложной», и отчет «Times» «говорит нечто прямо противоположное, причем отчеты «Times» и «Hansard» вполне тождественны». Но тот апломб, с которым г. Brentano это утверждает, еще чистые пустяки в сравнении с той «наглостью», с которой он вдруг делает нам следующее сообщение:

«Второе средство затемнить отчет «Times» состояло в том, что Маркс в своем немецком переводе просто выбросил то придаточное предложение, из которого вытекало, что Gladstone только сказал, что увеличение богатства, о котором можно судить по данным подоходного налога, *ограничивается имущими классами*, так как трудящиеся классы не подлежат обложению подоходным налогом, и что поэтому из данных подоходного налога ничего нельзя извлечь относительно роста благосостояния рабочих классов; но он не говорил, что трудящиеся классы на самом деле исключены из необычайного увеличения национального богатства».

Если в «Times», таким образом, говорится, что пресловутое увеличение ограничивается имущими классами, то говорится там противоположное «присочиненной» фразе, в которой сказано то же самое. Что же касается «просто скрытого придаточного предложения», то оно ни в коем случае не пройдет г. Brentano даром, если только он соизволит проявить немного терпения. После того, как первый смелый прыжок сошел у него благополучно, ему уже легче утверждать, что черное бело и белое черно. После того, как он расправился с «Times», его уже мало беспокоят «Morning Star» и «Morning Advertiser». «Ибо эти газеты даже в его (Маркса) передаче говорят в нашу пользу. Сказав, согласно обеим газетам, что он *не думает*» (это, как известно, утверждает Brentano), «что *это* ошеломляющее увеличение богатства и мощи ограничивается состоятельными классами», Gladstone продолжает: «*Этот огромный прирост богатства совершенно не принимает во внимание положения рабочего населения. Упомянутое увеличение есть увеличение, всецело ограничивающееся*

классами, обладающими собственностью». Значение и употребление слов «принимать во внимание» ясно указывают, что под этим приростом и под упомянутым увеличением подразумевается тот прирост и то упоминание (sic!), о котором можно судить на основании данных о подоходном налоге».

Иезуит, придумавший правило *si duo faciunt idem non est idem*, — школьник в сравнении с анонимным Brentano. Когда «Times», «Morning Star» и «Morning Advertiser» единогласно заявляют, что «присочиненная», согласно Brentano, Марксом фраза действительно была сказана Gladstone, то эти три газеты единогласно говорят «в пользу» г. Brentano, а когда затем Маркс дословно приводит ту же самую фразу, то она является «ложной цитатой», «наглой лживостью», «целиком фальсифицированной», «ложью» и т. д. Когда же Маркс не может с этим согласиться, наш анонимный автор, имя которому Луий Brentano, не может этого понять и считает это «просто бесчестным».

Но покончим, однако, раз навсегда с «присочинением», приведя отчеты всех лондонских утренних газет от 17 апреля 1863 г. по поводу этого места.

«Times», «Morning Star», «Morning Advertiser» мы уже приводили.

«Daily Telegraph»: «Что касается меня, то могу сказать, что я почти с беспокойством и со страхом смотрел бы на *это ошеломляющее увеличение богатства и мощи*, если б думал, что оно ограничивается состоятельными классами. Эта сторона проблемы богатства совершенно не принимает во внимание положения рабочего населения. Указанное увеличение есть увеличение, всецело ограниченное имущими классами».

«Morning Herald»: «Что касается меня, то я могу сказать, что я со страхом и беспокойством смотрел бы на *это ошеломляющее увеличение богатства*, если б думал, что оно ограничивается состоятельными классами. *Это огромное увеличение богатства*, которое я описал и которое основано на точных данных, *ограничивается всецело увеличением капитала* и вовсе не принимает в расчет беднейших классов».

«Morning Post»: «Я могу сказать, что я, со своей стороны, смотрел бы со страхом и беспокойством на это огромное увеличение богатства, если б думал, что его блага ограничиваются состоятельными классами. *Это увеличение богатства*, которое я описал и которое основано на точных данных, *всецело ограничивается увеличением капитала* и совершенно не принимает в расчет увеличения богатства беднейших классов».

«Daily News»: «Что касается меня, то могу сказать, что я смотрел бы со страхом и беспокойством на *это огромное увеличение богат-*

ства, если б думал, что блага его ограничиваются состоятельными классами. *Это увеличение богатства*, которое я описал и которое основано на точных данных, *всецело ограничивается увеличением капитала* и не принимает в расчет увеличения богатства беднейших классов».

«Standard»: «Я могу сказать, что я, со своей стороны, со страхом и беспокойством смотрел бы на *это ошеломляющее увеличение богатства*, если б думал, что оно ограничивается состоятельными классами. *Это огромное увеличение богатства*, которое я описал и которое основано на точных данных, *всецело ограничивается увеличением капитала* и не принимает в расчет беднейших классов».

Приведенные здесь восемь газет, насколько мне известно, единственные утренние газеты, в то время выходившие в Лондоне. Их показания очень «убедительны». Четыре из них — «Times», «Morning Star», «Morning Advertiser», «Daily Telegraph» — передают эту фразу буквально в том же контексте, в каком «присочинил» ее Маркс. Это увеличение, которое только что было описано как ошеломляющее увеличение богатства и мощи, *«всецело ограничивается имущими классами»*. Четыре другие, «Morning Herald», «Morning Post», «Daily News», «Standard», передают эту фразу «формально только в более сжатом» выражении, что еще более усиливает ее; а именно указанное увеличение *«всецело ограничивается увеличением капитала»*.

Все названные восемь газет имеют каждая свой особый полный штаб парламентских репортеров. Они, таким образом, представляют столько же совершенно независимых друг от друга свидетелей. Далее, взятые все вместе, они непартийны, так как принадлежат к самым различным партийным направлениям. И за обе редакции фразы, которую никак нельзя утаить, ручаются как тори, так и виги и радикалы. Согласно четырем газетам Гладстон сказал: *всецело ограничивается имущими классами*. Согласно четырем другим он сказал: *всецело ограничивается увеличением капитала*. Восемь неоспоримых свидетелей показывают, таким образом, что Гладстон действительно произнес эту фразу. Вопрос сводится только к тому, сказал ли он ее в смягченном Марксом выражении или же в усиленном выражении, данном четырьмя отчетами.

Против них всех в одиноком своем величии стоит «Hansard». Но «Hansard» не неопровержим, как утренние газеты. Отчеты «Hansard» подвергаются цензуре, цензуре самих ораторов. Именно поэтому «принято» цитировать по «Hansard».

Восемь внушающих доверие свидетелей против одного внушающего подозрение! Но какое до этого дело нашему уверенному в победе анонимному автору? Именно *потому*, что отчеты всех восьми

утренних газет приписывают «это пресловутое место» Гладстону, именно *поэтому* они говорят в «пользу» анонимного автора, именно *этим* они как раз доказывают, что Маркс «присочинил» это место!

Ничто, в самом деле, не может превзойти «наглости» анонимного Брентано.

III.

На деле, однако, бросающаяся в глаза дерзость, которой поразила нас г. Брентано, представляет собою только тактический маневр. Он обнаружил, что нападение на «присочиненную» фразу потерпело неудачу и что ему приходится искать себе оборонительную позицию. Он ее нашел; теперь нужно только произвести отступление на эту новую позицию.

Уже в своем первом ответе Марксу (документ № 5) г. Брентано, хоть и стыдливо, намекает на это свое намерение. К этому вынуждает его роковой отчет «Times». Хотя отчет этот содержит «пресловутое», «присочиненное» место, но это в сущности дело второстепенное. Ибо вследствие того, что этот отчет «по существу вполне совпадает» с «Hansard», в нем содержится «прямо противоположное этому пресловутому месту», хотя последнее содержится в нем буквально. Таким образом, важен уже не точный текст «пресловутого места», а его смысл. Теперь уже дело идет не об отрицании этого места, а об утверждении, что его смысл прямо противоположен тому, что в нем сказано.

И после того, как Маркс в своем втором ответе заявляет, что недостаток времени принуждает его раз навсегда прекратить приятные сношения со своим анонимным противником, этот последний с тем большим апломбом принимается за эту не вполне чисто-плотную тему. И это он делает во втором своем возражении, переданном здесь в документе № 7.

Здесь он утверждает, что Маркс старается *затемнить* отчет «Times», по существу вполне совпадающий с «Hansard», тремя способами. *Во-первых*, неправильным переводом выражения *classes who are in easy circumstances* [состоятельные классы]. Этот пункт, как абсолютно второстепенный, я оставляю в стороне. Всем хорошо известно, что Маркс совершенно иначе владел английским языком, чем г. Брентано, но что именно думал г. Гладстон в то время, употребляя это выражение, — и думал ли он вообще что-нибудь, — этого теперь, через 27 лет, не сможет сказать даже он сам.

Второй пункт заключается в том, что Маркс «просто скрыл» из отчета «Times» известное «придаточное предложение». Соответствующее место подробно приведено в предыдущей II главе, стр. 157. Скрыв придаточное предложение, Маркс хотел будто бы скрыть от

своих читателей тот факт, что увеличение богатства, которое видно из данных подоходного налога, ограничивается имущими классами, потому что трудящиеся классы не подлежат подоходному налогу, и что из этих данных ничего нельзя извлечь относительно роста благосостояния рабочих; но отсюда не следует, что трудящиеся классы на самом деле исключены из необычайного увеличения национального богатства.

Фраза из отчета «Times» в собственном переводе г. Brentano гласит: «Увеличение, которое я описал и которое, как я полагаю, основано на точных обследованиях, всецело ограничивается классами, обладающими собственностью». Столь злонамеренно «скрытое» Марксом придаточное предложение состоит из слов: «и которое, как я полагаю, основано на точных обследованиях». Двукратным и, следовательно, упорным сокрытием этих чрезвычайно важных слов Маркс хотел скрыть от своих читателей, что указанное увеличение является увеличением *лишь доходов, подлежащих обложению подоходным налогом*, — другими словами, доходов «классов, обладающих собственностью».

Уж не ослеп ли г. Brentano от нравственного негодования по поводу того, что он зарепортовался со своим упреком в «лживости»? Или же он думает, что может бесцеремонно утверждать что угодно, так как Маркс ведь больше не ответит? Факт тот, что инкриминируемая цитата у Маркса как в Учредительном манифесте, так и в «Капитале» начинается следующими словами: «С 1842 по 1852 г. *подлежащий обложению доход* (the taxable income) этой страны увеличился на 6%..., за восемь лет, с 1853 по 1861 г., он увеличился, если мы» и т. д.

Известен ли г. Brentano какой-нибудь «подлежащий обложению доход» в Англии, кроме дохода, подлежащего обложению подоходным налогом? И прибавляло ли в высокой степени важное «придаточное предложение» хоть что-нибудь к этому отчетливому объяснению, что здесь речь идет исключительно о доходах, подлежащих обложению подоходным налогом? Или же, как можно подумать, он придерживается того взгляда, что бюджетные речи Гладстона «фальсифицируются», что к ним «присочиняют» или из них «скрывают» что-нибудь, если тот, кто их цитирует, не читает при этом à la Brentano целой лекции об английском подоходном налоге, к тому же «фальсифицируя» и подоходный налог, как показал Маркс (документ № 6) и как вынужден признать сам г. Brentano? (документ № 7). И если в «присочиненной» фразе просто сказано, что это увеличение, о котором только что говорил Гладстон, ограничивается

имущими классами, то разве по существу там не сказано то же самое, так как ведь только имущие классы платят подходящий налог? Но, конечно, поднимая спереди, с фасада, страшный шум по поводу этой фразы, как марксовой фальсификации и наглой лжи, г. Brentano сам в то же время тайком пропускает ее через заднюю дверь.

Brentano хорошо знал, что Маркс приводит слова Gladstone о «подлежащих обложению доходах», а не о каких-либо других. Ибо в своем первом обвинении (документ № 3) он цитирует это место из Учредительного манифеста и даже переводит слово taxable как «подлежащий обложению». Если Brentano теперь в своем втором возражении «скрывает» это и если он, начиная с этого дня вплоть до своей брошюры 1890 г., продолжает вновь и вновь утверждать, что Маркс намеренно и злобно скрывает тот факт, что Gladstone говорил здесь только о доходах, подлежащих обложению подходящим налогом, то не должны ли мы бросить ему в лицо его собственные выражения: «лживый», «подделка», «наглая лживость», «просто бесчестно» и т.д.?

Но вернемся к тексту.

«В-третьих, наконец, Маркс старался скрыть совпадение отчета «Times» с отчетом «Hansard», не приводя тех фраз, в которых Gladstone даже по отчету «Times» прямо и определенно доказывает улучшение положения британского рабочего класса.»

В своем втором ответе анонимному Brentano Марксу пришлось доказывать, что он не «присочинял» «пресловутой» фразы, а затем опровергать наглое утверждение анонима, что в вопросе о данном пункте, который один только служит предметом спора, отчет «Times» и отчет «Hansard» «по существу вполне совпадают», хотя первый дословно содержит спорную фразу, второй же полностью выпускает ее. Для этого единственного спорного пункта было абсолютно безразлично, что еще говорил Gladstone по поводу улучшения положения британского рабочего класса.

Напротив, в Учредительном манифесте, — а ведь это и есть тот документ, на основании которого Brentano обвиняет в фальсификации цитат, — на стр. 4, всего за несколько строк до «пресловутой» фразы, прямо сказано, что канцлер казначейства (Gladstone) в период тысячелетнего царства свободной торговли сказал в Нижней палате: «Положение британского рабочего в среднем улучшилось в такой степени, которая, как нам известно, необыкновенна и беспримерна в истории всех стран и времен». А ведь это именно те слова, которые, согласно Brentano, злонамеренно были скрыты Марксом.

Во всей полемике, начиная с первого своего ответа Марксу в

1872 г. (документ № 5) до введения и приложения к «Meine Polemik etc., 1890», г. Brentano — с ловкостью рук, которую, конечно, мы ни в коем случае не смеем называть «наглой лживостью», — умалчивает о том факте, что Маркс в Учредительном манифесте определенно приводит утверждения Гладстона об этом беспримерном улучшении положения рабочих. И в этом своем втором возражении, — которое, как было указано, Марксу оставалось неизвестным до самой его смерти, а мне до появления в 1890 г. брошюры «Meine Polemik etc.», — возражении, в котором обвинение в присочинении фразы оставлено только для видимости, а на деле отброшено, в котором не только робко допускается, что присочиненная фраза подлинно принадлежит Гладстону, но и утверждается, что она «говорит в нашу пользу», т. е. в пользу Brentano, — в этом втором возражении Brentano отступает на новую оборонительную линию. Маркс-де обкарнал и запутал речь Гладстона; Маркс-де заставляет Гладстона говорить, что богатства богатых колоссально выросли, бедное же рабочее население в лучшем случае стало менее бедно. А между тем Гладстон без обиняков сказал, что положение рабочих беспримерно улучшилось.

Эта вторая оборонительная линия уничтожается тем неопровержимым фактом, что именно в инкриминируемом документе, в Учредительном манифесте, эти слова Гладстона приведены буквально. И это было известно Brentano. «Но что за беда? Ведь читатели («Concordia») не могут его контролировать!»

Впрочем, что касается того, что в самом деле говорил Гладстон, об этом мы еще скажем несколько слов ниже.

В заключение Brentano, чувствуя себя в безопасности, во-первых, ввиду своей анонимности и, во-вторых, ввиду заявления Маркса, что он больше не желает им заниматься, доставляет себе следующее маленькое удовольствие: «Если г. Маркс, наконец, раздражается еще бранью, то мы можем его уверить, что его противнику ничто не может быть более желательно, чем заключающееся в этом признании своей слабости. Брань есть оружие того, у кого исчерпаны другие средства защиты».

Пусть читатель сам судит о том, насколько Маркс во втором своем ответе «разразился бранью». Что же касается г. Brentano, то мы уже показали букет его вежливых словечек. Щедро бросаемые в лицо Марксу словечки вроде «ложь», «наглая лживость», «лживые цитаты», «просто бесчестно» и т. д. представляют во всяком случае назидательное «признание слабости» и безошибочный признак того, что у г. Brentano «исчерпаны другие средства защиты».

IV.

Этим заканчивается первый акт нашего главного и официального действия. Таинственный, если еще не тайный советник Brentano достиг того, на что он едва ли мог надеяться. Правда, ему не повезло с якобы «присочиненной» фразой; это первоначальное обвинение он фактически отбросил. Но он изыскал себе новую оборонительную позицию, и на этой позиции он *сохранил за собой последнее слово*, а в таком случае в немецком профессорском мире можно заявить, что поле брани осталось за ним. Он мог бы, таким образом, похвастаться, — по крайней мере перед равными себе, — что он победоносно отразил нападки Маркса, а самого его литературно убил. Но несчастный Маркс не узнал ни словечка о том, что его прикончили в «Concordia»; напротив, он имел «наглость» прожить еще одиннадцать лет, одиннадцать лет все возрастающих успехов, одиннадцать лет непрерывного роста числа его последователей во всех странах, одиннадцать лет все более всеобщего признания его заслуг.

Бrentano и компания мудро остерегались раскрыть глаза заблуждавшемуся Марксу на этот самообман или разъяснить ему, что он давно уже мертв. Но когда он в 1883 г. в самом деле скончался, тогда они не могли уж больше вытерпеть, у них слишком сильно чесались руки. И тогда на сцену выступил Седлей Тейлор с письмом в «Times» (документ № 8).

Тейлор выступает ни с того, ни с сего, если только он или его друг Brentano не сговорились, по всей видимости, заранее с Эмилем де-Лавеле. Высокопарным слогом, свидетельствующим о явном сознании безнадежности своего дела, он говорит, что ему кажется «крайне странным, что на долю профессора Brentano выпало спустя восемь лет разоблачить mala fides [недобросовестность] (Маркса)». И тут начинается хвастовство по поводу атаки, мастерски проведенной богоподобным Brentano, по поводу вскоре последовавших за этим предсмертных судорог бесчестного Маркса и т. д. Как обстояло дело в действительности, наши читатели уже видели. В предсмертных судорогах обретались только утверждения Brentano о присочиненной фразе.

Наконец, приведем еще в заключение следующие слова: «Когда Brentano доказал путем тщательного сличения текстов, что отчеты «Times» и «Hansard» совпадают, абсолютно исключая тот смысл, который был придан словам г. Гладстона ловко выхваченными отдельными цитатами, тогда Маркс отказался от дальнейшей полемики под предлогом недостатка времени!»

«Подробное сличение текстов» уже совсем забавно. Анонимный Brentano цитирует *только* «Hansard». Маркс доставляет ему отчет «Times», дословно содержащий отсутствующую в «Hansard» оспариваемую фразу. После этого г. Brentano цитирует уже и отчет «Times», притом на три строчки дальше, чем цитировал его Маркс. Эти три строчки должны доказать, что «Times» и «Hansard» вполне совпадают, что якобы «присочиненная» Марксом фраза *не* помещена в отчете «Times», хотя она там дословно помещена, или, по крайней мере, что если она и помещена там, то ее смысл прямо противоположен тому, что в ней прямо сказано. Эту головоломную операцию г. Тейлор называет «тщательным сличением текстов».

Далее. Совершенно неверно, будто после этого Маркс уклонился от дальнейшего спора под предлогом якобы недостатка времени. И г. Седлей Тейлор знал это или обязан был знать. Мы видели, что Маркс представил еще анонимному богоподобному Brentano доказательство того, что отчеты «Morning Star» и «Morning Advertiser» точно так же содержат «присочиненную» фразу. И только после этого он заявил, что не может более тратить свое время на анонимного автора.

Дальнейшая полемика между г. Тейлором и Элеонорой Маркс (документы № № 9, 10 и 11) показала прежде всего, что г. Седлей Тейлор ни минуты не пытался сохранить в силе первоначальное обвинение в присочинении фразы. Он позволяет себе сказать, что это «имело совершенно второстепенное значение». Опять прямое отрицание факта, который был или должен был быть ему известен.

Во всяком случае, мы принимаем к сведению его признание, что этого обвинения нельзя больше поддерживать, и поздравляем с этим его друга Brentano.

В чем же в таком случае состоит обвинение? Оно сводится ко второй оборонительной позиции г. Brentano, утверждавшего, что Маркс хотел извратить смысл речи Гладстона, — новое обвинение, о котором, как мы уже указывали, Марксу никогда ничего не было известно. Во всяком случае, оно приводит нас в совершенно другую область. Сперва речь шла об определенном факте: присочинил ли Маркс эту фразу или нет? Что это обвинение победоносно было опровергнуто Марксом, теперь никто не отрицает. Но новое обвинение в извращающем смысл цитировании приводит нас в область субъективных мнений, которые неизбежно должны быть различны. De gustibus non est disputandum [о вкусах не спорят]. То, что один считает неважным, — само по себе или для цели цитирования, — то другой может считать важным и решающим. Консерватор никогда не угодит своим

цитированием либералу, а либерал — консерватору, социалист же никогда не угодит ни кому-либо одному из них, ни обоим вместе. Член какой-нибудь партии, против которого противники цитируют слова его собственных товарищей, обыкновенно находит, что в цитате выпущено самое существенное место, определяющее истинный смысл. Это так обычно и допускает столько индивидуальных взглядов, что никто обыкновенно не придает ни малейшего значения подобным обвинениям. Если бы г. Brentano воспользовался своей анонимностью для того, чтобы выставлять против Маркса всего лишь это обвинение, то последний едва ли счел бы нужным ответить хоть единым словом.

Чтобы со свойственной ему грацией придать делу этот новый оборот, г. Седлей Тейлор вынужден трижды отречься от своего друга и товарища Brentano. Он отрекается от него, во-первых, отбрасывая его первоначальное единственное обвинение в «присочинении», и даже отрицает существование этого обвинения как первоначального и единственного. Затем он отрекается от него, без всякой церемонии отстраняя непогрешимый «Hansard», цитирование которого в качестве исключительного источника составляет «обычай» высоко нравственного Brentano, и пользуется, выражаясь словами того же Brentano, «неизбежно скверным отчетом» «Times». Он отрекается от него третий раз, — а в придачу также и от своего собственного письма в «Times», — выискивая «соответствующую цитату» не в Учредительном манифесте, а в «Капитале». И это просто потому, что он никогда не видел в глаза Учредительного манифеста, на который он имел «дерзость» ссылаться в своем письме в «Times»! Вскоре после своего спора с Элеонорой Маркс он тщетно искал этот манифест в Британском музее и был там представлен своей противнице, у которой он спросил, не может ли она доставить ему экземпляр? Тогда я достал из своих бумаг экземпляр, который Элеонора послала ему. Ставшее для него благодаря этому возможным «подробное сличение текстов», повидимому, убедило его, что молчание — самый лучший ответ.

И, в самом деле, было бы совершенно излишне прибавлять хотя бы одно слово ко второму ответу Элеоноры Маркс (документ № 11).

V.

Третье действие. Напечатанное в документе № 12 необходимое извлечение из моего предисловия к 4-му изданию первого тома «Капитала» Маркса объясняет, почему я там должен был вернуться к давнишней полемике г. Brentano и Седлей Тейлора. Это предисловие заставило Brentano ответить. Ответ появился в брошюре: «Meine Polemik mit Karl Marx usw.», von Lujo Brentano, Berlin, 1890. Здесь

он перепечатывает анонимные статьи из «Concordia», открыто назвав их, наконец, своими, и ответы Маркса в «Volksstaat», сопровождая все это предисловием и двумя приложениями, на которых мы волей-неволей принуждены остановиться.

Прежде всего мы должны констатировать, что и здесь нет больше речи о «присочиненной» фразе. На первой же странице цитируется фраза из Учредительного манифеста, а затем идет утверждение, что Гладстон, «в прямую противоположность указанию Карла Маркса, сказал», что эти цифры относятся только к плательщикам подоходного налога (эти слова Гладстона отмечены и Марксом, так как он определенно ограничивает эти цифры *подлежащим обложению* доходом), но что положение рабочего класса в то же самое время беспримерно улучшилось (эти слова Гладстона Маркс также приводит девятью строками выше инкриминируемой цитаты). Я предлагаю читателю самому сравнить Учредительный манифест (документ № 1) с утверждением г. Брентано (документ № 13), чтобы увидеть, как г. Брентано или «присочиняет» противоречие, или каким-нибудь другим способом фабрикует его там, где абсолютно никакого противоречия нет. Но так как обвинение в присочиненной фразе потерпело поворную неудачу, г. Брентано принужден, хотя он и убежден в противоположном, стараться внушить своим читателям, что Маркс хотел утаить тот факт, что Гладстон говорит здесь только о «подлежащем обложению доходе» или о доходах тех классов, которые владеют собственностью. При этом г. Брентано даже не замечает, что этим его первое обвинение превращается в свою противоположность, поскольку это второе обвинение прямо опровергает первое.

После того как он благополучно управился с этой «фальсификацией», он находит нужным обратить внимание «Concordia» на якобы сделанную Марксом «фальсификацию»; тогда «Concordia» предлагает ему написать статью против Маркса. Дальнейшее так восхитительно, что должно быть передано дословно.

«Статья не была мною подписана; с одной стороны, это было сделано по желанию редакции *в интересах престижа ее газеты*, с другой стороны, я тем менее мог против этого возражать, что после той литературной полемики, которую Маркс вел прежде, можно было ожидать, что он будет осыпать своего противника личными оскорблениями и что поэтому было бы *лишь забавно* оставить его в неведении относительно личности его противника».

Итак, редакция «Concordia» желала, чтобы «в интересах престижа ее газеты» г. Брентано скрыл бы свое имя! Какой же репутацией пользуется г. Брентано у своих собственных партийных друзей!

Мы охотно верим ему, что нечто подобное с ним произошло, но что он сам повсюду об этом трубит, это просто бесподобно со стороны этого господина. Впрочем, это его дело и дело редакции «Concordia».

Так как «можно было ожидать, что Маркс будет осыпать своего противника личными оскорблениями», то было бы, конечно, «лишь забавно оставить его в неведении относительно личности его противника». Как можно осыпать *личными* оскорблениями человека, которого *не* знаешь, до сих пор остается тайной. Личные выпады возможны лишь в том случае, если что-нибудь знаешь о данном лице. Но ставший в интересах престижа газеты анонимным, г. Brentano избавил своего противника от этого труда. Он сам вдруг развязно «разразился бранью»: сперва напечатанным жирным шрифтом обвинением в «присочинении», затем — в «наглой лживости», в «простой бесчестности» и т. д. Г-н Brentano, — не аноним, — сделал здесь, стало быть, явную опisku. Не для того, чтобы известный Маркс мог «осыпать личными оскорблениями» неизвестного Brentano, а для того, чтобы скрывшийся Brentano мог осыпать «личными оскорблениями» известного Маркса, — именно для этого г. Brentano «с другой стороны тем менее мог возражать» против предписанной ему анонимности.

И это должно было быть «забавно»! В самом деле, так и случилось, но не по желанию г. Brentano. Как Маркс, так позднее и его дочь, а теперь я, — все мы старались придать этой полемике веселый характер. Но тот успех, которого мы в этом достигли, — велик он или мал, — был достигнут за счет г. Brentano. Его статьи представляют собою все что угодно, но только не нечто «забавное». Если здесь и есть что-либо забавное, то это может быть приписано исключительно тем ударам, которые Маркс направляет на теневую сторону его «оставшейся неведомою личности» и которые потерпевший хотел бы теперь задним числом обойти, как «грубости его непристойной полемики». Острую полемику Вольтера, Бомарше, Поля-Луи Курье называли «грубостями непристойной полемики» их противники — юнкера, попы, юристы и иные противники по цеху, — что не помешало этим «грубостям» быть признанными ныне выдающимися и образцовыми произведениями литературы. И мы получили так много удовольствия от этих и других подобных же образчиков «непристойной полемики», что и целой сотне Brentano не удастся увлечь нас в область немецкой университетской полемики, где царит только бессильная злоба немощной зависти и самая отчаянная скука.

Между тем г. Brentano полагает, что он настолько обработал своих

читателей, что может теперь с развязной миной преподнести им изрядную понюшку табаку:

«А когда было доказано, что и «Times»... воспроизвел эту (гладстонову) речь в смысле, совпадающем со стенографическим отчетом, он (Маркс) поступил, как писала редакция «Concordia», подобно каракатице, выпускающей в воду черную жидкость, чтобы сделать воду мутной и затруднить своему противнику преследование, т. е. он изо всех сил старался затемнить предмет спора, придираясь к совершенно безразличным пустякам».

Если отчет «Times», который дословно содержит «присочиненную» фразу, по смыслу совпадает со «стенографическим», т. е. с «Hansard», который прямо опускает ее, и если г. Brentano опять хвастается, что он это доказал, то что же это может означать, как не то, что обвинение в «присочинении» фразы полностью — хотя стыдливо и втихомолку — отбрасывается и что г. Brentano, принужденный от нападения перейти к обороне, отступает на свою вторую оборонительную позицию? Мы только констатируем это: мы думаем, что в III и IV разделах мы и эту вторую позицию разбили в центре и атаковали с обоих флангов.

Но тут выступает подлинный университетский полемист. Когда гордый своей победой Brentano прижал таким образом своего противника к стене, тогда последний поступил как каракатица, замутил воду и затемнил предмет спора, выдвинув на первый план совершенно безразличные пустяки.

Иезуиты говорят: *si fecisti, nega*. Если ты нечто совершил, отрицай это. Немецкий университетский полемист идет дальше и говорит: если ты выкинул какую-нибудь гнусную адвокатскую каверзу, то свали ее на твоего противника. Как только Маркс процитировал «Theory of the Exchanges» и профессора Бизли — и только потому, что они цитируют спорное место так же, как и он, — каракатица Brentano всеми присосками своих десяти ног «впился» в них и выпустил такое количество «черной жидкости», что нужно пристально присмотреться и принять энергичные меры, чтобы не потерять из виду действительный «предмет спора», а именно якобы присочиненную фразу. Во втором своем ответе он придерживается того же самого метода. Сперва затевается новый мелочный спор с Марксом по поводу значения выражения «classes in easy circumstances», спор, который в лучшем случае не мог кончиться ничем иным, кроме столь желательного для г. Brentano «затемнения». Затем он опять выпускает черную жидкость по поводу знаменитого придаточного предложения, которое якобы Маркс умышленно скрыл и которое, как мы показали,

отлично могло быть выпущено, так как факт, на который оно косвенно указывало, был уже ранее ясно и определенно приведен Марксом в процитированной им ранее фразе из речи Гладстона. А в-третьих, у нашей каракатицы имеется еще в запасе довольно много черной жидкости, чтобы еще раз затемнить предмет спора утверждением, будто Маркс опять выпустил несколько предложений в цитате из «Times», — предложений, которые не имеют решительно ничего общего с единственным пунктом, который *в то время* являлся предметом спора, с якобы присочиненной фразой.

Такое же извержение потока черной краски мы видим и в представленном нам самовосхвалении. Сперва, конечно, опять фигурирует «Theory of the Exchanges». Затем вдруг нам преподносится лассалевский «железный закон заработной платы», хотя, как известно, Маркс имеет к нему такое же отношение, какое г. Brentano к изобретению пороха, и хотя г. Brentano должно быть известно, что Маркс в I томе «Капитала» решительно отказался от какой бы то ни было ответственности за какие бы то ни было выводы Лассалья и что закон заработной платы в том же томе представлен Марксом как функция различных переменных величин, как закон чрезвычайно эластичный и поэтому далеко не железный. А раз пошли в ход такие чернильные излияния, то тут уж нет удержу, тут за волосы притягивается все что угодно: конгресс в Галле, Либкнехт и Бебель, бюджетная речь Гладстона в 1843 г., английские профессиональные союзы, — все это, чтобы защититься против перешедшего в наступление противника посредством самовосхваления г. Brentano и его благородных, гуманных принципов, к которым с такой иронией относятся злодеи-социалисты. Можно было бы подумать, что в стремлении «затемнить» вопрос участвует целая дюжина каракатиц.

И все это потому, что г. Brentano сам знает, что он безнадежно запарпоровался со своим утверждением о «присочиненной» фразе, и у него нехватает мужества честно и открыто отказаться от него. «Если бы теперь» Brentano, — употребляя его собственные слова, — «просто признал, что он был введен в заблуждение... этой книгой», а именно «Hansard», «то, правда, можно было бы удивляться тому, что он полагался на подобные источники», как на безусловно достоверные, «но ошибка была бы, по крайней мере, исправлена. Но об этом у него не было и речи». Вместо этого извергается для затемнения масса чернил, и если здесь мне приходится быть столь многословным, то это объясняется тем, что мне приходится сперва устранить все эти притянутые за волосы пустяки и рассеять все чернильное затемнение, чтобы выявить действительный предмет спора.

Между тем г. Brentano имеет для нас еще *in petto* [в запасе] сообщение, которое действительно может быть «лишь забавным». В самом деле, с ним сыграли такую печальную шутку, что он и теперь не может успокоиться, пока не облегчит свое сердце от всех своих горестей. Сперва «*Concordia*» сняла его имя в интересах престижа своей газеты. Г-н Brentano достаточно благороден, чтобы в интересах дела пойти на такую жертву. Затем Маркс обрушивается на него грубостями своей непристойной полемики. И это он принимает. На все это он хотел бы только «ответить дословной перепечаткой всей полемики». Но увы! «Редакции часто имеют свое собственное суждение; специальный журнал, который я считал для этого наиболее подходящим по сравнению с другими, отказался от перепечатки, заявив, что спор этот лишен общего интереса». Такова уже участь благородных людей в этом греховном мире: их лучшие намерения терпят неудачу вследствие испорченности и равнодушия людей. И чтобы вознаградить непризнанного простака за его незаслуженные неудачи, мы здесь преподносим ему «дословную перепечатку всей полемики», так как потребовалось бы еще довольно много времени, пока ему удалось бы найти редакцию, которая бы «не имела собственного суждения».

VI.

Брошюрка г. Brentano, кроме самовосхваления, служащего введением, содержит еще два приложения. В первом содержатся выписки из «*Theory of the Exchanges*», которые должны доказать, что эта книга была одним из главных источников, из которых Маркс составил свой «Капитал». Я не буду останавливаться на этом новом извержении чернил. Я имею дело только со старым обвинением, помещенным в «*Concordia*». В течение всей своей жизни Маркс не мог угодить г. Brentano, да и не желал ему угождать. Поэтому у г. Brentano есть, наверное, неиссякаемый запас жалоб против Маркса, и я был бы глупцом, если б стал на них останавливаться. Это значило бы ему в угоду переливать из пустого в порожнее.

Наивно только, что здесь, в конце цитаты, от Маркса требуется «воспроизведение действительной бюджетной речи». Именно это г. Brentano понимает под правильным цитированием. Конечно, если всегда необходимо воспроизводить всю действительную речь, то никогда еще ни одна речь не цитировалась без «искажения».

Во втором приложении г. Brentano наступает на меня. Я-де в 4-м издании I тома «Капитала» к якобы неправильной цитате присоединил ссылку на «*Morning Star*». И этим г. Brentano пользуется, чтобы опять извержением потока черной краски совершенно затемнить

первоначальный предмет спора, фразу в Учредительном манифесте; вместо нее он метит в приведенное уже г. С. Тейлором место из «Капитала». Чтобы доказать, что я указываю источники неправильно и что Маркс мог заимствовать «неправильную цитату» только из «Theory of the Exchanges», г. Brentano печатает рядом, в параллельных столбцах, отчеты «Times», «Morning Star» и цитату по «Капиталу». Это второе приложение перепечатано здесь в документе № 14b.

Г-н Brentano начинает отчет «Morning Star» словами: «Что касается меня» и т. д. (I must say for one etc.). Этим он, таким образом, утверждает, что предшествующие фразы о росте подлежащих обложению доходов от 1842 до 1852 г. и от 1853 по 1861 г. отсутствуют в «Morning Star», откуда, конечно, следует, что Маркс пользовался не «Morning Star», а «Theory of the Exchanges».

«Читатели» его брошюры, «в которых он заинтересован, не могут ведь его контролировать!» Но другие люди могут это сделать, и тогда они увидят, что это место все же имеется в «Morning Star». Мы перепечатаваем его здесь, а рядом с ним место из «Капитала» по-немецки и по-английски для поучения Brentano и его читателей:

«Morning Star» от 17 апреля
1863 г.

«Капитал», т. I, изд. 1-е,
стр. 639; изд. 2-е, стр. 678;
изд. 3-е, стр. 671; изд. 4-е,
стр. 617, примечание 103¹.

In ten years, from 1842 to 1852 the taxable income of the country increased by 6 per cent, as nearly as I can make out — a very considerable increase in ten years. But in eight years from 1853 to 1861 the income of the country again increased from the basis taken in 1853 by 20 per cent. The fact is so astonishing as to be almost incredible.

From 1842 to 1852 the taxable income of the country increased by 6 per cent...

in the 8 years from 1853 to 1861...

...it had increased from the basis taken in 1853, 20 per cent! The fact is so astonishing as to be almost incredible.

В переводе это означает:

За десять лет, с 1842 до 1852 г., подлежащий обложению доход страны повысился на 6%, поскольку я могу это установить, —

С 1842 по 1852 г. подлежащий обложению доход страны повысился на 6%...,

¹ См. «Капитал», т. I, русское издание 1938—1932 гг., стр. 520. *Ред.*

очень значительный рост для десяти лет. Но за восемь лет, с 1853 до 1861 г., доход страны опять повысился, если мы примем за основание 1853 г., на 20%. Этот факт настолько поразителен, что он представляется почти невероятным.

...за 8 лет, с 1853 по 1861 г..., он повысился, если мы примем за основание 1853 г., на 20%. Этот факт настолько поразителен, что он представляется почти невероятным.

Отсутствие этой фразы в его цитате из «Morning Star» является главным козырем г. Brentano для его утверждения, что Маркс цитировал из «Theory of the Exchanges», а не из «Morning Star». Указанию, что цитата приведена по «Morning Star», он противопоставляет этот изобличающий пробел в стоящих рядом столбцах. А между тем фраза эта имеется в «Morning Star», и именно в той же редакции, как у Маркса, и уличающий пробел является собственной фабрикацией г. Brentano. Если это не является «утаиванием», и к тому же еще «искажением», то в таком случае эти слова вообще не имеют никакого смысла.

Но если в *начале* цитаты г. Brentano «искажает» и если теперь он очень остерегается утверждать, что в *середине* этой самой цитаты Маркс «присочинил» фразу, то это нисколько не мешает ему постоянно утверждать, что в *конце* цитаты Маркс утаил часть ее.

В «Капитале» Маркс обрывает цитату на следующем месте: «Я не решусь утверждать, что пределы бедности изменились». Но этим не заканчивается фраза в отчете «Times» и «Morning Star», после запятой там следуют слова: «но положение британского рабочего в среднем — мы имеем счастье знать это — является необычайным (в «Times» сказано: за последние 20 лет положение британского рабочего улучшилось в такой степени, которая, как мы знаем, необычайна), так что мы можем считать его почти беспримерным в истории всех стран и времен».

Таким образом, Маркс обрывает здесь фразу посередине, «заставляет Гладстона закончить в середине фразы», «вследствие чего фраза эта теряет всякий смысл». И уже во втором ответе (документ № 7) г. Brentano называет это «абсолютно бессмысленным изложением».

Фраза Гладстона: «Я не решусь утверждать, что пределы бедности изменились», есть совершенно определенное законченное выражение. Если она имеет смысл, то она имеет его взятая сама по себе, в отдельности. Если же она не имеет смысла, то какое бы длинное окончание мы ни прибавили к ней посредством всяких «но», оно

не придаст ей смысла. Если фраза эта не имеет «никакого смысла» в цитате Маркса, то в этом вина не Маркса, который ее цитирует, а Гладстона, который ее произнес.

Обратимся теперь для более глубокого расследования этого важного случая к единственному источнику, который, согласно «нравам» г. Brentano, принято цитировать, — к непогрешимому «Hansard». Там, согласно собственному переводу г. Brentano, сказано:

«Я не беру на себя смелости определить, увеличилась ли или уменьшилась по сравнению с прежними временами огромная пропасть, разделяющая полюсы богатства и бедности». *Точка*. И только после этой точки начинается новая фраза: «Но если мы будем рассматривать в среднем положение британского рабочего» и т. д. Если Маркс здесь, таким образом, точно так же ставит точку, то он делает то же самое, что и непорочный «Hansard», и если г. Brentano создает из этой точки новое преступление Маркса и утверждает, будто Маркс обрывает Гладстона в середине фразы, то как раз он доверяет «неизбежно скверным газетным отчетам» и должен сам отвечать за последствия. Этим разбивается также утверждение, будто Маркс этой точкой сделал фразу совершенно бессмысленной; точка принадлежит не ему, а Гладстону, и о смысле или бессмысленности этой фразы г. Brentano следует говорить с Гладстоном, нас это больше не касается.

Г-н Brentano ведь и без того состоит в переписке с г. Гладстоном. Мы, конечно, не знаем, что он писал последнему, и очень немного знаем и о том, что писал ему г. Гладстон. Во всяком случае, г. Brentano напечатал из гладстоновых писем только две тощеньких фразы (документ № 16), относительно которых я в своем ответе (документ № 17) указал, что «эта произвольная мозаика вырванных из общей связи предложений» ничего не говорит в пользу г. Brentano, между тем как тот факт, что он прибегает к такому способу отрывочного опубликования вместо печатания всей корреспонденции, говорит весьма многое *против* него.

Но предположим на минуту, что обе эти тощенькие фразы допускают только самое благоприятное для г. Brentano толкование. Что же из этого следует?

«Вы совершенно правы, а Маркс абсолютно неправ». «Я не сделал никаких изменений». Таковы будто бы — ибо, насколько мне известно, г. Гладстон по-немецки не пишет — слова экс-министра.

Значит ли это: я не произнес «пресловутой» фразы и Маркс ее «присочинил»? Конечно, нет. Восемь лондонских утренних газет от 17 апреля 1863 г. единогласно назвали бы подобное утверждение лживым. Что фраза эта была произнесена, они без всякого сомнения

доказывают. Если, таким образом, г. Гладстон и не внес никаких изменений в отчет «Hansard», — а хотя я на двенадцать лет моложе его, я не доверял бы так уверенно своей памяти относительно таких мелочей, имевших место 27 лет тому назад, — то отсутствие фразы в «Hansard» ничего не говорит в пользу г. Brentano и говорит очень многое против «Hansard».

Если оставить в стороне этот единственный пункт о «присочиненной» фразе, то мнение г. Гладстона здесь совершенно ничего не доказывает. Ибо, как только мы оставим в стороне этот пункт, мы попадаем в область ничего не говорящих мнений, где каждый после многолетнего спора полагается только на свою память. Что г. Гладстон, поскольку ему приходится быть цитированным, предпочитает метод цитирования г. Brentano, его восторженного сторонника, методу цитирования Маркса, его резко критикующего противника, — это вполне понятно, и это его бесспорное право. Для нас же и для вопроса, цитировал ли Маркс без злого умысла или со злым умыслом, взгляд г. Гладстона по этому вопросу не имеет даже и такого значения, как взгляд первого встречного незаинтересованного третьего лица, так как в этом вопросе г. Гладстон уже является не свидетелем, а стороной.

VII.

В заключение остановимся еще коротко на том, что сказал г. Гладстон в том действительно ставшем «пресловутым» благодаря г. Brentano месте своей бюджетной речи в 1863 г. и что из сказанного им Маркс цитировал, «присочинил» или «скрыл». Чтобы по возможности пойти навстречу г. Brentano, мы возьмем за основу неопороченный «Hansard», и к тому же в его собственном переводе.

«За десятилетие, с 1842 по 1852 г. включительно, подлежащий обложению доход страны, насколько мы могли это точно установить, увеличился на 6%; но за восемь лет, с 1853 до 1861 г., доход страны опять-таки увеличился на 20% по сравнению с исходной величиной. Это настолько необычайный и поразительный факт, что он представляется почти невероятным».

Против этой цитируемой Марксом фразы г. Brentano сам ничего не возражает, кроме только того, что она якобы взята из «Theory of the Exchanges». Но по поводу цитаты г. Brentano здесь нужно заметить, что и он далек от цитирования «действительной бюджетной речи». Он устраняет следующий затем экскурс г. Гладстона по вопросу о причинах этого поразительного увеличения, не отмечая даже много-точием пропущенные места. Далее следует:

«Так, господин председатель, обстоит дело, поскольку речь идет о всеобщем увеличении накопления. Что же касается меня, то я должен сказать, что я смотрел бы с болью и большой тревогой на этот необычайный и почти ошеломляющий рост, если б думал, что этот рост ограничивается тем классом людей, который можно характеризовать как находящийся в благоприятных условиях. Цифры, которые я привел, совершенно не отражают — или отражают в очень слабой степени — положение тех, которые не платят подходящего налога, или, другими словами: хотя для выяснения истинного положения дел эти цифры в общем вполне достаточны, они совершенно не отражают собственности рабочего населения и увеличения его доходов».

Здесь далее следует, согласно г. Brentano, фраза, «присочиненная» Марксом, но безусловно сказанная г. Gladstoneм по свидетельству всех восьми утренних газет от 17 апреля:

«Увеличение, которое я описал и которое, как я полагаю, основано на точных данных, есть увеличение, всецело ограничивающееся классами, обладающими собственностью» («Times», «Morning Star», «Morning Advertiser», «Daily Telegraph»). «Оно всецело ограничивается увеличением капитала» («Morning Herald», «Standard», «Daily News», «Morning Post»).

«Hansard» после слова «доходов» тотчас же продолжает: «Косвенно, впрочем, даже *простое увеличение капитала* крайне выгодно для рабочего класса, так как это увеличение удешевляет тот товар, который во всем процессе производства непосредственно вступает в конкуренцию с трудом».

Несмотря на то, что «Hansard» выпускает «пресловутую» фразу, он в этом вопросе говорит совершенно то же самое, что говорят остальные газеты: было бы очень неприятно для оратора, если бы это ошеломляющее увеличение ограничивалось *classes in easy circumstances* [состоятельными классами]. Но хотя он очень об этом сожалеет, тем не менее описанное им увеличение ограничивается людьми, которые не принадлежат к рабочему классу и которые достаточно богаты, чтобы платить подходящий налог, и это в самом деле «лишь увеличение капитала»!

И здесь, наконец, раскрывается секрет гнева г. Brentano. Он прочитывает эту фразу в Учредительном манифесте, находит там роковое признание, берет версию «Hansard», не находит там злополучной фразы и спешит объявить всему миру, что Маркс формально и по существу присочинил эту фразу! — Маркс показывает ему эту фразу в «Times», «Morning Star», «Morning Advertiser». Теперь, наконец,

г. Брентано должен хотя бы для видимости заняться «тщательным сличением текстов». И что же он находит? Что «Times», «Morning Star», «Morning Advertiser» «по существу вполне совпадают» с «Hansard». К сожалению, он упускает из виду, что в таком случае и «присочиненная» фраза должна по существу полностью совпадать с «Hansard» и что отсюда должно, наконец, вытекать совпадение по существу «Hansard» с Учредительным манифестом.

И весь этот шум был поднят только потому, что г. Брентано упустил произвести тщательное сличение текстов, что приписывал ему Седлей Тейлор, и в сущности не понял даже, что сказал г. Гладстон согласно «Hansard». Правда, это было не совсем легко, ибо, несмотря на утверждение г. Брентано, что эта речь «вызвала внимание и удивление всего образованного мира... в особенности вследствие... ее ясности», читатели могли убедиться, что, по «Hansard», она произнесена крайне напыщенно, запутанным языком, сопровождается многими оговорками и запутывается в своих собственных повторениях. В особенности чистейшим вздором является фраза о том, что увеличение капитала представляет чрезвычайное преимущество для рабочих, потому что оно удешевляет тот товар, который в процессе производства *непосредственно вступает в конкуренцию с трудом*. Если какой-нибудь товар вступает в конкуренцию с трудом и этот товар (например, машины) становится дешевле, то первым и ближайшим результатом этого является падение заработной платы. И это, по г. Гладстону, было бы «крайне выгодно для рабочего класса»! Как гуманно поступили некоторые лондонские утренние газеты, например «Morning Star», приписав в своих «неизбежно скверных» отчетах к вышеупомянутой непонятной фразе то, что г. Гладстон, вероятно, *хотел* сказать, а именно, что увеличение капитала полезно для рабочих благодаря удешевлению главных предметов потребления!

Мы не можем знать, имел ли г. Гладстон в виду, когда он говорил, что смотрел бы на этот ошеломляющий рост с болью и с большим беспокойством, если бы должен был думать, что этот рост ограничен состоятельными классами, — *имел* ли он в виду другой рост богатства, кроме того, о котором он только что *говорил*, а именно значительно улучшившееся, по его мнению, положение всей нации; не *забыл* ли он немедленно о том, что он говорил об увеличении доходов классов, платящих подоходный налог, а не о каком-либо другом увеличении, — об этом мы ничего не можем знать. Маркс был обвинен в фальсификации, и, стало быть, речь идет о тексте и о его грамматическом смысле, о том, что *сказал* г. Гладстон, а не о том, что он, может быть, *хотел* сказать. Этому последнего г. Брентано также не знает,

да и сам г. Гладстон через 27 лет в этом отношении тоже не компетентен. Нас же это, во всяком случае, нисколько не касается.

Итак, совершенно ясный смысл этих слов состоит в следующем. Подлежащий обложению доход вырос ошеломляющим образом. Мне было бы очень жаль, если бы это только что описанное увеличение ограничилось только состоятельными классами, но оно ограничивается только ими, так как рабочие не имеют подлежащих обложению доходов; это, следовательно, — простое увеличение капитала! Но и оно выгодно для рабочих, потому что оно и т. д.

Приведем теперь Маркса: «Ошеломляющее увеличение богатства и мощи... всецело ограничивается имущими классами». Так передана фраза в Учредительном манифесте, который дал повод ко всему этому ожесточенному спору. Но с тех пор, как г. Brentano не осмеливается больше утверждать, что Маркс ее присочинил, уже нет речи об Учредительном манифесте, и все нападки направлены против цитирования этого места в «Капитале». Там Маркс прибавляет еще следующую фразу: «но... это увеличение капитала может представлять косвенным образом выгоду для рабочего населения, потому что оно удешевляет предметы всеобщего потребления».

«Произвольно составленная мозаика фраз, вырванных из общей связи», у Маркса передает, таким образом, «по существу», «только в более сжатой форме», как раз именно то, что, по словам незапятнанного «Hansard», говорил г. Гладстон. Единственный упрек, который можно сделать Марксу, состоит в том, что он, пользуясь «Morning Star», а не «Hansard», придает смысл заключительной фразе г. Гладстона, которая у последнего представляла бессмыслицу.

Далее следует в «Hansard»: «Но, кроме того, можно с уверенностью утверждать, что на долю массы народа выпали более непосредственные и более крупные выгоды. Глубокое и неоценимое утешение доставляет сознание, что в то время, как богатые стали богаче, бедные стали менее бедны. Я не беру на себя смелости определить, увеличилась ли или уменьшилась по сравнению с прежними временами огромная пропасть, разделяющая крайние полюсы богатства и бедности».

У Маркса сказано: «В то время, как богатые стали богаче, бедные во всяком случае стали менее бедны. Я не решаюсь сказать, изменились ли пределы бедности».

Маркс передает только кратко оба тощих положительных утверждения, которые у «Hansard» разбавлены целой массой ничего не говорящих елейных фраз. Можно с уверенностью сказать, что они от этого ничего не теряют, а, наоборот, выигрывают.

Наконец, в заключение в «Hansard» сказано: «Но если мы будем рассматривать в среднем положение британского рабочего, будь то крестьянин или горнорабочий, необученный или обученный рабочий, то мы увидим из многочисленных и несомненных показаний, что за последние двадцать лет произошло такое огромное увеличение его средств к жизни, которое мы имеем основание считать почти беспримерным в истории любой страны и любого исторического периода».

Эта фраза приведена в Учредительном манифесте несколькими строками раньше вышеприведенной «пресловутой» фразы. Там сказано: «Таковы официальные данные, опубликованные по распоряжению парламента в 1864 г., в период тысячелетнего царства свободной торговли, в то время, когда канцлер казначейства говорил в Нижней палате: «Положение британского рабочего в среднем улучшилось до такой степени, которая, как нам известно, необыкновенна и беспримерна в истории всех стран и времен». Таким образом, все существенное приведено. Но г. Brentano упорно скрывает от своих читателей, которые, конечно, не могут его контролировать, что это сказано в Учредительном манифесте. Не можем же мы преподнести каждому из его читателей по экземпляру, как Седлей Тейлору.

Nota bene: в своем втором ответе (документ № 6) Марксу пришлось защищать только Учредительный манифест, так как до тех пор г. Brentano еще не втянул в круг своих придилок указанное место из «Капитала». И в последовавшем после этого втором возражении (документ № 7) нападки г. Brentano все еще направлены против Учредительного манифеста и защиты его Марксом.

Только после смерти Маркса делу придали новый оборот, притом это сделал не г. Brentano, а его кембриджский оруженосец. Только теперь было открыто, что Маркс в «Капитале» скрыл убедительные утверждения г. Gladstone о беспримерном улучшении положения британских рабочих и этим придал противоположный смысл словам г. Gladstone.

Здесь мы должны констатировать, что Маркс упустил случай воспользоваться блестящим риторическим оборотом. Весь отдел, во введении к которому была цитирована речь Gladstone, имеет целью привести доказательства того, что огромное большинство британского рабочего класса именно во время этого ошеломляющего увеличения богатства находилось в подавленном и унижительном положении. Какой поразительный контраст с этими извлеченными из официальных парламентских отчетов данными о нищете масс представляли бы эти напыщенные слова Gladstone о беспримерном в истории всех стран и времен счастливом положении британского рабочего класса!

Но если Маркс не желал воспользоваться этим риторическим эффектом, то у него не было никакого основания цитировать эти слова Гладстона; во-первых, они не представляют ничего, кроме общепринятой фразы, повторение которой каждый британский канцлер казначейства считает долгом приличия в хорошие или даже сносные времена; эти слова поэтому не имеют никакого значения. Во-вторых, Гладстон через год отказался от этих слов, когда он в своей следующей бюджетной речи от 7 апреля 1864 г., в период еще большего промышленного расцвета, говорил о массах, находящихся «на краю пауперизма», и об отраслях промышленности, «в которых заработная плата не поднялась», и когда он заявил — согласно «Hansard»: «И опять-таки, что же в общем представляет в большинстве случаев человеческая жизнь, как не борьбу за существование?» * Но эту бюджетную речь г. Гладстона Маркс цитирует непосредственно после речи 1863 г., и если сам г. Гладстон 7 апреля 1864 г. объявлял не существующим то беспримерное благосостояние, о наличии которого у него 16 апреля 1863 г. имелись «многочисленные и несомненные показания», то для Маркса отпадал и последний повод цитировать эти бойкие, но, к сожалению, даже для г. Гладстона только эфемерные утверждения. Он мог удовлетвориться заявлением оратора, что в то время как доходы в 150 ф. ст. и выше возросли ошеломляющим образом, бедные будто бы стали, во всяком случае, менее бедны, а пропасть между крайним богатством и крайней бедностью едва ли стала меньше.

Мы не станем говорить о манере официальных немецких экономистов цитировать Маркса отдельными фразами, вырванными из общей связи. Если бы он после каждой такой цитаты поднимал шум на манер г. Brentano, он никогда не мог бы с этим покончить.

* Приводим здесь продолжение этой речи по «Hansard». — Число пауперов упало до 840 000. «Сюда не включены те, которые получают вспомоществование от благотворительных учреждений или получают поддержку от частной благотворительности. Кроме всего этого подумайте о тех, которые находятся на границе этой области, а также о том, сколько рабочих мужественно, но с большим трудом борются за то, чтобы удержаться на уровне, который был бы выше положения пауперов». В приходе одного священника в восточной части Лондона из 13 000 душ 12 000 всегда находятся на краю буквальной нищеты; один хорошо известный филантроп заявил, что в восточной части Лондона имеются целые кварталы, где никогда нельзя увидеть ни омнибуса, ни пролетки, никогда нельзя услышать уличной музыки или даже встретить нищего... Конечно, средства для того, чтобы вести борьбу за существование, *несколько лучше, чем прежде(!)*... Во многих местах заработная плата поднялась, но во многих других она не поднялась и т. д. — И эта иеремиада печатается через год после напыщенных заявлений о «беспримерном» подъеме!

Рассмотрим, однако, немного подробнее беспримерный рост средств существования, которыми пользовался тогда британский рабочий, крестьянин или горнорабочий, квалифицированный или неквалифицированный рабочий.

Крестьянин в Англии и в большей части Шотландии является только сельскохозяйственным наемным рабочим. В 1861 г. имелось всего 1 098 261 крестьян, из них живущих на хуторах 204 962*. С 1849 до 1859 г. их денежная заработная плата повысилась на 1, а в некоторых случаях на 2 шиллинга в неделю, однако в последнем счете это повышение оставалось по большей части только номинальным. Каково было их положение в 1863 г., в каких поистине собачьих жилищных условиях они жили, описывает доктор Хантер (Public Health, VII. Report [Народное здравие, VII отчет], 1864). «На содержание сельского рабочего тратится самая низкая сумма, на какую только можно жить». Согласно тому же отчету снабжение средствами пропитания части семейств рабочих (в особенности в восьми поименованных графствах) стоит ниже минимума, абсолютно необходимого для предотвращения вызываемых голодом болезней. А профессор Торольд Роджерс, политический сторонник г. Гладстона, заявляет в 1866 г. (History of Agriculture and Prices [История сельского хозяйства и цен]), что сельские рабочие опять стали крепостными и — как он доказывает исчерпывающим образом — крепостными, пользующимися плохим питанием и плохим жилищем, живущими гораздо хуже, чем их предки во времена Артура Юнга (1770 — 1780 гг.), и несравненно хуже поденных рабочих в XIV — XV столетиях. — С «крестьянами», следовательно, Гладстону решительно не везет.

Как же обстоит дело с «горнорабочими»? По этому вопросу у нас имеется парламентский отчет за 1866 г. В 1861 г. в Соединенном королевстве работало 565 875 горнорабочих, из них в угольных копях 246 613. В последних заработная плата мужчин немного повысилась, к тому же у них по большей части восьмичасовая смена, между тем как подростки должны работать от 14 до 15 часов. Горная инспекция — чистейший фарс: на 3 217 копеек имеется всего 12 инспекторов. В результате этого горнорабочие массами гибнут от взрывов, которых большей частью можно было бы избежать. Владельцы копеек обыкновенно вознаграждают себя за небольшое повышение заработной платы вычетами из заработной платы посредством обмеривания и обвешивания. В железных рудниках, согласно отчету

* Цифры взяты частью из переписи за 1861 г., частью же из отчетов Children's Employment Commission [Комиссии по обследованию детского наемного труда], 1863—1867.

Royal Commission [Королевской комиссии] за 1864 г., положение еще хуже.

А как же обстоит дело с «обученными» рабочими? Возьмем металлистов, их всего 396 998. В том числе от 70 000 до 80 000 слесарей-механиков, которые находились в самом деле в хорошем положении благодаря силе сопротивления их старого, сильного и богатого профессионального союза. Также и у других рабочих-металлистов, поскольку они должны были обладать физической силой и ловкостью, наблюдался известный подъем, который был естественен в период снова улучшившегося с 1859 и 1860 гг. положения дел. Наоборот, положение занятых в этом же производстве женщин и детей (в одном только Бирмингеме и окрестностях было 10 000 женщин и 30 000 подростков моложе 18 лет) было достаточно бедственным, положение же кузнецов, производящих гвозди и цепи (26 130), было крайне бедственным.

В текстильной промышленности 456 646 прядильщиков хлопка и ткачей, к которым надо прибавить еще 12 556 набойщиков ситца, составляют большинство рабочих. И, вероятно, они были бы очень удивлены, услышав, что они были беспримерно счастливы... в апреле 1863 г., во время сильнейшего недостатка хлопка и в период американской гражданской войны, в то время (в октябре 1862 г.), когда 60% веретен и 58% ткацких станков не работали, остальные же работали только 2—3 дня в неделю; когда больше 50 000 рабочих хлопчатобумажной промышленности, одиночки и семейные, получали помощь от общественной благотворительности или от комитета помощи, а (в марте 1863 г.) 125 625 получали от того же комитета за голодную плату занятие на общественных работах или в школах шитья! (Watts. «The Facts of the Cotton Famine», 1866, p. 211. [Уатс. «Факты о хлопковом голоде», 1866 г., стр. 211]). — Остальным текстильным рабочим, особенно в шерстяной и льняной отраслях, было сравнительно неплохо, — вследствие недостатка хлопка у них стало больше работы.

Отчеты Children's Employment Commission дают нам наилучшие сведения о положении дел в ряде менее крупных отраслей хозяйства. Чулочное производство — 120 000 рабочих, из них только 4 000 пользуются защитой фабричного закона, у остальных же, в числе которых много малолетних детей, — труд сверх всякой меры; плетение кружев и аппретура, по преимуществу кустарное производство, — из 150 000 рабочих только 10 000 пользуются защитой фабричного закона, колоссальный чрезмерный труд детей и девушек; плетение соломы и выделка соломенных шляп — 40 000, почти исключительно дети, которых постыдно изводят работой; наконец, произ-

водство одежды и обуви, в котором занято 370 218 мастериц верхнего платья и модисток, 380 716 белошвеек и — только в английском Уэльсе — 573 380 мужчин-рабочих, из них 273 223 сапожника и 146 042 портных, из которых $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{4}$ моложе 20 лет. Из этих $1\frac{1}{4}$ миллиона самое большее 30% мужчин, работавших на частных заказчиков, находились в более или менее сносных условиях. Остальные, — как и во всех других приведенных здесь отраслях производства, — подвергались эксплуатации посредников, агентов, предпринимателей, этих sweaters [выжимателей пота], как их называют в Англии, и это одно уже характеризует положение рабочих: труд сверх всякой меры при нищенской заработной плате.

Не лучше обстояло дело с «беспримерным» счастьем рабочих в бумажной промышленности (100 000 рабочих, из которых половину составляют женщины), в гончарном деле (29 000), в шляпном деле (15 000 в одной только Англии), в стекольной промышленности (15 000), в печатном деле (35 000), в производстве искусственных цветов (11 000) и т. д. и т. д.

Одним словом, Children's Employment Commission требовала, чтобы не меньше 1 400 000 занятых в промышленности женщин, подростков и детей были поставлены под защиту фабричного закона, чтобы оградить их от разрушающего действия чрезмерного труда.

Наконец, число пауперов, живущих за счет благотворительности, составляло в 1863 г. 1 079 382.

На основании этого мы можем сделать приблизительный подсчет тех рабочих, которым в 1863 г., без сомнения, очень плохо жилось: сельских рабочих в круглых цифрах 1 100 000, рабочих хлопчатобумажной промышленности 469 000, швей и модисток 751 000, портных и сапожников — за вычетом 30% — 401 000, рабочих кружевной промышленности 150 000, производства бумаги 100 000, чулочного производства 120 000, мелких отраслей промышленности, обследованных Ch. Empl. Comm.,—189 000, наконец пауперов 1 079 000. Всего 4 549 000 рабочих, к которым в ряде случаев надо еще прибавить членов их семейств.

А ведь 1863 г. был *благоприятным* промышленным годом. От кризиса 1857 г. промышленность уже целиком оправилась, спрос быстро возрастал, почти все отрасли промышленности, за исключением хлопчатобумажной, работали полным ходом. Где же здесь «беспримерное» повышение?

Фабричное законодательство сороковых годов значительно улучшило положение охваченных им рабочих. Но это касалось в 1863 г. только рабочих, занятых в шерстяной, полотняной и шелковой

промышленности, всего круглым счетом 270 000, рабочие же хлопчатобумажной промышленности умирали с голоду. В отбелочном и краильном производстве законодательная охрана существовала только на бумаге. Далее, в тех отраслях промышленности, в которых необходима полная мужская сила, а иногда и ловкость, сопротивление организованных в профессиональные союзы рабочих привело к тому, что последние получили свою долю в выгодах благоприятного для промышленности сезона в форме более высокой заработной платы, и можно сказать, что в среднем в *этих* отраслях промышленности, требующих приложения тяжелого мужского труда, уровень жизни рабочих определенно повысился, хотя все же смешно изображать это повышение как «беспримерное». Но в то время как огромная масса производительного труда переложена на машины, которые обслуживаются слабыми мужчинами, женщинами и незрелыми работниками, политики все еще изволят рассматривать как рабочих только сильных, занятых тяжелым трудом мужчин и по их положению судят о положении всего рабочего класса.

Этим вышеупомянутым $4\frac{1}{2}$ миллионам находящимся в тяжелом положении рабочих и пауперов мы можем противопоставить 270 000 текстильных рабочих в шерстяной, льняной и шелковой промышленности. Мы можем далее принять, что из 376 000 рабочих-металлистов одна треть живет хорошо, вторая треть — сносно и лишь последняя треть, к которой принадлежат рабочие моложе 18 лет, гвоздари, кузнецы, изготавливающие цепи, и женщины — плохо. Положение 566 000 горнорабочих мы можем считать в среднем сносным. Хорошим можно считать положение строительных рабочих, за исключением хлопчатобумажных районов. Из столяров в мебельном производстве самое большое $\frac{1}{3}$ находилась в хороших условиях, остальная масса работала на хозяйчиков-эксплоататоров (sweaters [выжимателей пота]). У железнодорожных служащих уже тогда господствовал труд сверх всякой меры, который лишь в последние 20 лет вызвал организованное сопротивление. Одним словом, мы едва ли насчитаем всего-навсего один миллион рабочих, относительно которых мы можем сказать, что их положение улучшилось соответственно росту промышленности и прибылей капиталистов; остальные находятся в среднем положении, извлекают в целом ничтожную пользу из общего улучшения состояния промышленности или же состав их настолько разнообразен по полу и возрасту, что улучшение положения мужского труда компенсируется чрезмерным трудом женщин и подростков.

А если этого еще недостаточно, то можно сравнить отчеты о на-

родном здравии (Public Health), которые понадобились именно потому, что «беспримерное» улучшение положения рабочего класса за последнее двадцатилетие до 1863 г. выразилось в распространении тифа, холеры и других столь же милых эпидемий, которые в конце концов проникли из рабочих кварталов и в аристократические кварталы городов. В этих отчетах было произведено расследование беспримерного «роста средств к жизни» британских рабочих в отношении жилищ и питания и было найдено, что в многочисленных случаях жилища их являются прямо очагами эпидемий, а пища скудна и находится на уровне или даже ниже уровня, при котором неизбежно развиваются болезни, вызываемые голодом.

Таково было, следовательно, действительное положение британского рабочего класса в начале 1863 г. Так выглядело «беспримерное» улучшение положения рабочего класса, которым кичится г. Гладстон. И если Маркса можно в чем-нибудь упрекнуть, то в том, что, опустив указанное хвастливое высказывание г. Гладстона, он оказал ему незаслуженную услугу.

Выводы. Во-первых, Маркс ничего не «присочинил».

Во-вторых, он не «утаил» ничего, на что г. Гладстон имел бы право жаловаться.

И, в-третьих, то обстоятельство, что Brentano и К^о из многих тысяч цитат в произведениях Маркса присосались наподобие пиявок только к этой единственной цитате, доказывает, что они прекрасно знают, «как цитирует Карл Маркс», — а именно, что он цитирует правильно.

ДОКУМЕНТЫ.

I. ИНКРИМИНИРУЕМЫЕ ЦИТАТЫ.

№ 1. Учредительный манифест.

Первое издание озаглавлено: Address and Provisional Rules of Working Men's International Association established September 28, 1864 at a Public Meeting held at St. Martin's Hall, Long Acre, London. Price one penny. Printed at the «Bee-Hive» Newspaper Office, 10, Bolt Court, Fleet street, 1864. [Манифест и Временный устав Международного товарищества рабочих, учрежденного 28 сентября 1864 г. на публичном митинге в Лондоне, в зале св. Мартина]. Манифест начинается следующими словами: «Несомненный факт, что нищета рабочих масс с 1848 до 1864 г. не уменьшилась, несмотря на то, что по развитию промышленности и по росту торговли этот период не имеет себе равных». В виде доказательства приведены факты из отчетов «Public Health» о недостаточном питании различных групп городских и сельских рабочих. Затем манифест продолжает:

«Such are the official statements published by order of Parliament in 1864, during the millennium of free trade, at a time when the Chancellor of the Exchequer told the House of Commons that «the average condition of the British labourer has improved in a degree we know to be extraordinary and unexampled in the history of any country or any age». Upon these official congratulations jars the dry remark of the official Public Health Report: «The public health of a country means the health of its masses and the masses will scarcely be healthy unless, to their very base, they be at least moderately prosperous».

«Dazzled by the «Progress of the Nation» statistics dancing before his eyes, the Chancellor of the Exchequer exclaims in wild ecstasy: «From 1842 to 1852 the taxable income of the country increased by 6 per cent, in the eight years from 1853 to 1861, it has increased from the basis taken in 1853 20 per cent! The fact is so astonishing as to be almost incredible!.. This intoxicating augmentation of wealth and power, adds Mr. Gladstone, is entirely confined to classes of property».

В переводе это означает:

«Таковы официальные данные, опубликованные по распоряжению парламента в 1864 г., в золотой век свободной торговли, в то самое время, когда канцлер казначейства говорил в Палате общин, что, «насколько нам известно, в положении британского рабочего в среднем наступило совершенно исключительное и беспримерное улучшение, какого никогда не знала ни одна страна». Этому официальному хвастовству резко противоречит сухое замечание официального санитарного отчета: «Народное здравие страны означает здоровье масс ее населения, а эти массы вряд ли будут здоровы, если они до самых низов не будут в более или менее благоприятных условиях».

«Ослепленный пляской статистических цифр, свидетельствующих о «прогессе нации», канцлер казначейства восклицает в диком восторге: «С 1842 по 1852 г. подлежащий обложению доход страны увеличился на 60%; за восемь лет, с 1853 по 1861 г., он увеличился, по сравнению с 1853 г., на 20%! Этот факт настолько изумителен, что кажется почти невероятным!.. Этот опьяняющий рост богатства и могущества, — прибавляет г. Гладстон, — ограничивается исключительно имущими классами».

№ 2. «Капитал».

Маркс. «Капитал», т. I, 3-е изд., стр. 673—672 [Пзд. ЦК ВКП(б), 1934, стр. 745—746].

«После этих немногих данных будет понятен торжествующий крик генерального регистратора британского народа: «Как ни быстро возрастало население, оно не поспевало за прогрессом промышленности и богатства»¹⁰¹. Обратимся теперь к непосредственным деятелям этой промышленности или к производителям этого богатства, к рабочему классу. «Одна из самых печальных черт социального положения страны, — говорит Гладстон, — заключается в том, что наряду с уменьшением потребительной силы народа и с возрастанием лишений и нищеты трудящегося класса происходит постоянное накопление богатства в высших классах и постоянное приращение капитала»¹⁰². Так говорил этот елейный министр в Палате общин 14 февраля 1843 г. Двадцать лет спустя, 16 апреля 1863 г., внося свой бюджет, он говорил: «С 1842 г. по 1852 г. подлежащий обложению доход

¹⁰¹ Census etc. I. c., p. 41. [Перенись и т. д., гл. I, стр. 11].

¹⁰² Гладстон в Палате общин 14 февраля 1843 г.: «It is one of the most melancholy features in the social state of the country, that while there was a decrease in the consuming power of the people, and an increase in the privations and distress of the labouring class and operatives, there was at the same time a constant accumulation of wealth in the upper classes and a constant increase of capital».

этой страны повысился на 6%... За 8 лет, с 1853 по 1861 г., он повысился, если принять за основание доход 1853 г., на 20%. Факт настолько поразителен, что он представляется почти невероятным... Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи... всецело ограничивается имущими классами, но... но оно должно принести косвенную выгоду и рабочему населению, потому что оно удешевляет предметы всеобщего потребления — в то время, как богатые стали богаче, бедные во всяком случае стали менее бедны. Я не решаюсь сказать, изменились ли пределы бедности¹⁰³. Что за жалкая риторика! Если рабочий класс остался «беден», но только относительно «менее беден», в той мере, как он создавал «ошеломляющее увеличение богатства и мощи» для класса собственников, то это значит, что относительно он остался попрежнему беден. Если пределы бедности не уменьшились, то они увеличились, потому что увеличились пределы богатства. Что же касается удешевления средств существования, то официальная статистика, например данные лондонского Orphan Asylum [сиротского приюта], обнаруживает за трехлетие 1860 — 1862 гг. вздорожание их в среднем на 20% по сравнению с трехлетием 1851 — 1853 гг. В следующие три года — 1863 — 1865 — прогрессивное вздорожание мяса, масла, молока, сахара, соли, угля и целой массы других необходимых средств существования¹⁰⁴. Следующая бюджетная речь Гладстона, 7 апреля 1864 г., представляет пиндаровский дифирамб прогрессу обогащения и счастью народа, умеряемому «бедностью». Он говорит о массах, стоящих «на краю пауперизма», об отраслях производства, «в которых заработная плата не повысилась», и в заключение резюмирует счастье рабочего класса в следующих словах: «Челове-

¹⁰³ «From 1842 to 1852 the taxable income of the country increased by 6 per cent... in the 8 years from 1853 to 1861, it had increased from the basis taken in 1853, 20 per cent! The fact is so astonishing as to be almost incredible... this intoxicating augmentation of wealth and power... entirely confined to classes of property... must be of indirect benefit to the labouring population, because it cheapens the commodities of general consumption — while the rich have been growing richer, the poor have been growing less poor! at any rate, whether the extremes of poverty are less, I do not presume to say». Речь Гладстона в Палате общин 16 апреля 1863 г.

¹⁰⁴ См. официальные данные в Синей книге: «Miscellaneous Statistics of the Un. Kingdom», Part. VI, London, 1866, p. 260—273, passim [«Разные статистические данные Соединенного королевства», Лондон, 1866 г., ч. VI, стр. 260—273, повсюду].

Добавление ко 2-му изданию. В качестве доказательств вместо статистики сиротских приютов и т. д. могли бы послужить также декларации министерских газет, когда они выступают на защиту выдачи приданого детям королевского дома. При этом они никогда не забывают о дороговизне средств существования.

ческая жизнь в девяти случаях из десяти есть просто борьба за существование»¹⁰⁵.

Профессор Фоусетт, не связанный, как Гладстон, официальными соображениями, без всяких околичностей заявляет: «Разумеется, я не отрицаю, что денежная плата повысилась с этим увеличением капитала (за последние десятилетия), но этот кажущийся выигрыш в значительной степени уничтожается тем, что многие необходимые средства существования все дорожают (по его мнению, вследствие падения стоимости благородных металлов)... Богатые быстро становятся все богаче («the rich grow rapidly richer»), между тем как в жизни трудящихся классов незаметно никакого улучшения... Рабочие превращаются почти в рабов лавочников, которым они задолжали»¹⁰⁶.

П. БРЕНТАНО И МАРКС.

№ 3. Обвинение.

«Concordia» № 10, 7 марта 1872 г.

Как цитирует Карл Маркс.

В составленном Карлом Марксом Учредительном манифесте * Международного товарищества рабочих имеется следующее место:

«Ослепленный «прогрессом нации», сбитый с толку статистическими цифрами, канцлер казначейства восклицает в диком экстазе: «С 1842 до 1852 г. подлежащий обложению доход страны увеличился

¹⁰⁵ «Think of those, who are on the border of that region (pauperism)», «wages... in others not increased... human life is but, in nine cases out of ten, a struggle for existence» (Gladstone H. o. C. 7. April 1864). Один английский писатель характеризует постоянные вопиющие противоречия в бюджетных речах Гладстона в 1863 и 1864 гг. следующей цитатой из Мольера:

Voilà l'homme en effet. Il va du blanc au noir.

Il condamne au matin ses sentiments du soir.

Importun à tout autre, à soi-même incommode,

Il change à tous moments d'esprit comme de mode.

[Вот в самом деле человек. Он шатается между белым и черным. Утром он осуждает то, что одобрял вечером. Несносный для всех других, в тягость себе самому, он каждую минуту меняет свои мнения, как моду]. (The Theory of the Exchanges etc. London, 1864, p. 135).

¹⁰⁶ Н. Fawcett, l. c., p. 67, 82. Что касается возрастающей зависимости рабочих от лавочников, то она является следствием учащающихся колебаний и перерывов их работы.

* Перепечатан в «Volksstaat» № 5 от 17 января 1872 г.

на 6%; за восемь лет, с 1853 по 1861 г., он повысился, если принять за основание доход 1853 г., на 20%. Этот факт настолько поразителен, что он представляется почти невероятным... *Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи», прибавляет к этому г. Г л а д с т о н, «всецело ограничивается имущими классами».*

Эта цитата Маркса получила громкую известность. Мы встречали ее в целом ряде статей. Но, конечно, авторы редко указывали на Учредительный манифест Международного товарищества рабочих как на источник, из которого они ее извлекли. Они заставляли предполагать, будто они сами читали бюджетную речь Гладстона. Насколько это верно в данном случае, можно судить из следующего сопоставления речи Гладстона (ср. Hansard, Parliamentary Debates, 3 Series. Vol. 170, стр. 243 и сл.):

«Подходящий налог в 7 пенсов с фунта в 1842—1843 гг., имевший силу только для Великобритании и взимавшийся в ней только с доходов в 150 ф. ст. и более, в названной мною росписи намечен с общей суммы доходов, достигавшей 156 000 000 ф. ст. Исчисленные на такой же самой основе и с теми же самыми ограничениями доходы в 1860—1861 гг. составляли 221 000 000 ф. ст. И мне не известно, чтобы произошло какое-нибудь изменение в налоговом деле или какое-нибудь улучшение в способе взимания налогов, которым как-нибудь можно было бы объяснить разницу. Наоборот, время от времени законодательство делало уступки или облегчения, которые, поскольку они имели влияние, скорее оказали бы противоположное действие. Разница составляет, однако, не меньше 65 000 000 ф. ст. годового дохода, или двух седьмых общего дохода страны, облагаемого налогом на указанном основании. Это — в высшей степени замечательный результат; притом одна особенность этого результата при серьезном рассмотрении еще более заслуживает внимания, а именно ускоренный рост в последнюю часть этого периода. Я еще раз прошу комитет уделить несколько минут внимания этому вопросу. Я сравниваю два периода — один до 1853 г. и второй начиная с 1853 г., когда изменено было основание. За десятилетие, с 1842 по 1852 г. включительно, подлежащий обложению доход страны, насколько мы могли это точно установить, увеличился на 6%; но за восемь лет, с 1853 по 1861 г., доход страны опять-таки увеличился на 20% по сравнению с исходной величиной. Это настолько необычайный и поразительный факт, что он представляется почти невероятным».

«Так, господин председатель, обстоит дело, поскольку речь идет о всеобщем увеличении накопления. Что же касается меня, *то я*

должен сказать, что я смотрел бы с болью и большой тревогой на этот необычайный и почти ошеломляющий рост, если б думал, что он ограничивается тем классом людей, который можно характеризовать как находящийся в благоприятных условиях. Цифры, которые я привел, совершенно не отражают — или отражают в очень слабой степени — положение тех, которые не платят подоходного налога; или, другими словами: хотя для выяснения истинного положения дел эти цифры в общем вполне достаточны, они совершенно не отражают собственности рабочего населения и увеличения доходов последнего. Косвенно, впрочем, даже простое увеличение капитала крайне выгодно для рабочего класса, так как это увеличение удешевляет тот товар, который во всем процессе производства непосредственно вступает в конкуренцию с трудом. Но, кроме того, можно с уверенностью утверждать, что на долю массы народа выпали более непосредственные и более крупные выгоды. Глубокое и неоценимое утешение доставляет сознание, что в то время как богатые стали богаче, бедные стали менее бедны. Я не беру на себя смелости определить, увеличилась ли или уменьшилась по сравнению с прежними временами огромная пропасть, разделяющая крайние полюсы богатства и бедности. Но если мы будем рассматривать в среднем положение британского рабочего, будь то крестьянин или горнорабочий, необученный или обученный рабочий, то мы увидим из многочисленных и несомненных показаний, что за последние двадцать лет произошло такое огромное увеличение его средств к жизни, которое мы имеем основание считать почти беспримерным в истории любой страны и любого исторического периода.

Каково же отношение между содержанием этой речи и цитатой Маркса? Гладстон сперва констатирует, что несомненно имеется налицо колоссальное увеличение доходов страны. Это, по его мнению, доказывается подоходным налогом. Но подоходный налог взимается только начиная с доходов в 150 ф. ст. и выше. Лица, имеющие меньший доход, не платят в Англии подоходного налога. Пользуясь тем фактом, что Гладстон приводит это попросту для правильной оценки своего масштаба, Маркс приписывает ему следующие слова: «Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами». Но этой фразы нет нигде в речи Гладстона. В ней сказано прямо противоположное. Маркс формально и по существу присочинил эту фразу!

№ 4. Ответ Маркса.

«Volksstaat», № 44, суббота 1 июня 1872 г.

Один из друзей прислал мне из Германии № 10 «Concordia», журнал по рабочему вопросу», от 7 марта, в котором этот «орган немецкого союза фабрикантов» напечатал передовую статью под заглавием «*Как цитирует Карл Маркс*».

В Учредительном манифесте Международного товарищества рабочих я, между прочим, привожу одно место из бюджетной речи Гладстона от 16 апреля 1863 г., которого нет в полуофициальном издании парламентских дебатов «Hansard». Отсюда простодушная фабрикантская логика «Concordia» прямо заключает: «Этой фразы нет нигде в речи Гладстона», и газета злорадно выражает свое ликование, печатая жирным шрифтом на фабрикантском немецком языке: *«Марке формально и по существу присочинил эту фразу»*.

Было бы в самом деле очень странно, если бы напечатанный первоначально на английском языке в Лондоне на глазах у Гладстона Учредительный манифест приписал ему вставленную мною фразу, которая без протестов с чьей-либо стороны в течение семи с половиной лет обошла всю лондонскую прессу, пока — наконец, наконец-то — она не была разоблачена «учеными» из немецкого союза фабрикантов в Берлине.

Фраза из Учредительного манифеста, о которой идет речь, гласит:

«This intoxicating augmentation of wealth and power is entirely confined to classes of property» (p. 6, Inaugural Address etc.). (В переводе это буквально значит: «*Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами*».)

В статье в «Fortnightly Review» (ноябрь 1870 г.), которая обратила на себя большое внимание и обсуждалась во всей лондонской прессе, г. Бизли, профессор истории в здепнем университете, цитирует на стр. 518: «An intoxicating augmentation of wealth and power, as Mr. Gladstone observed, entirely confined to classes of property». (В переводе: «*ошеломляющее увеличение богатства и мощи, как заметил г. Гладстон, всецело ограничивается имущими классами*».)

Но статья профессора Бизли появилась через шесть лет после Учредительного манифеста! Прекрасно! Обратимся затем к специальному произведению, исключительно предназначенному для лондонского Сити, появившемуся не только раньше Учредительного манифеста, но еще до основания Международного товарищества

рабочих. Оно называется «The Theory of Exchanges. The Bank Charter Act of 1844», London, 1864, издание T. Cautley Newby, 30 Welbeck Street. Бюджетная речь Гладстона подвергается в ней основательной критике, и на стр. 134 из нее приведено следующее место:

«This intoxicating augmentation of wealth and power is entirely confined to classes of property» (в переводе: «это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами»), т. е. буквально так, как цитирую я.

Этим было уже неопровержимо доказано, что немецкий союз фабрикантов «*формально и по существу солгал*», оставив эту «фразу» как «мой» фабрикат!

Заметим между прочим: простодушная «Concordia» перепечатывает жирным шрифтом другое место, в котором Гладстон мелет что-то о «необыкновенном и беспрецедентном для всех стран и времен» улучшении положения английского рабочего класса за последние 20 лет. Жирный шрифт должен доказывать, что я скрыл это место. Наоборот! В Учредительном манифесте я как раз особенно подчеркиваю вопиющий контраст этой циничной фразы с «ужасающей статистикой» («appalling statistics»), как ее правильно характеризует профессор Бизли, приводимой в английских официальных отчетах относительно этой эпохи *.

Автор «Theory of Exchanges», подобно мне, цитировал не по «Hansard», а по лондонской газете, которая напечатала бюджетную речь от 16 апреля в номере от 17 апреля. В своем собрании выписок за 1863 г. я тщетно искал данную выписку, а также и название газеты, из которой она была сделана. Но это не относится к делу. Хотя парламентские отчеты лондонских газет всегда отличаются друг от друга, я все же был уверен, что ни одна из них не могла совершенно пропустить это столь поразительное заявление Гладстона. И вот я раскрываю «Times» от 17 апреля 1863 г. — она и тогда, как теперь, была органом Гладстона — и нахожу там, на стр. 7, 5-й столбец, отчет о бюджетной речи:

«That is the state of the case as regards the *wealth of this country*. I must say for one, I should look almost with apprehension and with pain upon *this intoxicating augmentation of wealth and power*, if it were my belief that it was confined to *classes who are in easy circumstances*. This takes no cognizance at all of the condition of the labouring population. *The augmentation I have described*, and which is

* С прочим апологетическим вздором из той же речи я уже разделался в своей работе «*Капитал*» (стр. 638, 639).

founded, I think, upon accurate returns, *is an augmentation entirely confined to classes of property*».

В переводе: «Так обстоит дело с богатством этой страны. Я, со своей стороны, смотрел бы с тревогой и беспокойством на это ошеломляющее увеличение богатства и мощи, если б думал, что оно ограничивается только состоятельными классами *. Здесь совершенно не принято во внимание трудящееся население. Увеличение, которое я описал (которое он только что охарактеризовал как «это ошеломляющее увеличение богатства и мощи»), всецело ограничивается имущими классами».

«Формально и по существу» г. Гладстон заявил, таким образом, 16 апреля 1863 г. в Нижней палате, согласно отчету его собственного органа «Times» от 17 апреля 1863 г., что «это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами» и что до известной степени ему становится жутко уже при одной мысли, что этим увеличением богатства воспользовалась только часть этих классов, та часть, которая пользуется действительным благосостоянием.

Itaiam, Itaiam! Наконец, мы добрались и до «Hansard». В этом наспех выправленном задним числом издании г. Гладстон был так благоразумен, что выбросил это место, которое в устах лорда-канцлера казначейства является несомненно компрометирующим. Это, впрочем, традиционный английский парламентский прием, а отнюдь не изобретение Ласкера, который применил его против Бебеля. Точное сличение действительно произнесенной Гладстоном речи, как она фигурирует в «Times», с позднее искаженной Гладстоном формой ее представляло бы веселый образчик для характеристики этого елейно-многословного, педантичного, строго-ортодоксального буржуазного героя, робко выставяющего напоказ свои благочестивые и свои либеральные «attitudes of mind» [настроения].

Самыми досадными вещами в моем «Kantmale» являются многочисленные официальные данные для характеристики хозяйничанья фабрикантов, в которых ни один ученый до сих пор не мог найти ошибки. Это обстоятельство дошло даже до слуха господ из немецкого союза фабрикантов. Но они думали:

«Was kein Verstand der Verständigen sieht,
Das übt in Einfalt ein kindlich Gemüth».

[«Чего не видит разум разумного,
то заметит простодушие ребенка.»]

* Слова «easy classes», «classes in easy circumstances» были впервые введены Уэкфильдом для обозначения богатой части имущего класса.

Сказано — сделано. За сведениями о кажущейся им подозрительной цитате в Учредительном манифесте они обратились к деловому другу в Лондоне, к первому встречному, Мунделла, который, будучи сам фабрикантом, поспешил послать на континент черным по белому извлечение из парламентских дебатов «Hansard». Таким образом, они узнали мой производственный секрет. Я фабрикую не только текст, но сверх того — также и цитату к нему. И, опьяненные победой, они прокричали на весь мир: *«Как цитирует Карл Маркс!»* Таким образом, мой товар раз навсегда был лишен кредита, и лишен, как это подобает фабрикантам, обычным деловым путем, без всяких издержек на изучение вопроса.

Досадный эпилог покажет, может быть, членам союза фабрикантов, что, как бы хорошо они ни разбирались в фальсификации товаров, они так же способны судить о товаре литературном, как осел — играть на гитаре.

Карл Маркс,

Лондон, 23 мая 1872 г.

№ 5. Возражение анонимного автора

«Concordia», № 27, 4 июля 1872 г.

Как защищается Карл Маркс.

I.

Наши читатели, вероятно, помнят статью «Как цитирует Карл Маркс» в № 10 этого журнала от 7 марта с. г. Мы рассматриваем там одно место из написанного Марксом Учредительного манифеста Интернационала, которое приобрело известную славу и часто приводится, в особенности социал-демократией, как яркое доказательство безнадежного ухудшения положения рабочего класса, если современный государственный и общественный строй будет продолжать существовать. В этом месте Маркс цитирует бюджетную речь Гладстона от 16 апреля 1863 г. В этой речи Гладстон прежде всего констатирует, что произошел «необычный и почти ошеломляющий рост» дохода страны, и он доказывает это увеличением подоходного налога. Но цифры, которые он для этого приводит, «очень мало или совершенно не отражают положения тех, которые не платят подоходного налога»; они «не отражают собственности рабочего населения и увеличения доходов последнего». В Англии люди, имеющие меньше 150 ф. ст., не платят подоходного налога. Маркс воспользовался тем фактом, что Гладстон об этом упомянул для правильной оценки своего масштаба, чтобы приписать Гладстону фразу:

«Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами». Этой фразы нет, однако, нигде в гладстоновой речи. Гладстон сказал как раз наоборот, что он *не* думает, чтобы «это увеличение ограничивалось классом людей, которых можно считать находящимися в благоприятных условиях». И возмущенные начальством, с которым Маркс так искаженно цитировал, мы заявили: «Маркс эту фразу формально и по существу присочинил».

Обвинение это было тяжелое, а в связи с дополнительным веским материалом — прямо уничтожающее для господствующей среди нашей социал-демократии веры в никем не превзойденную основательную ученость, правдивость и непогрешимость лондонского оракула. Поэтому оно не могло быть оставлено без опровержения или, по крайней мере, чего-либо похожего на опровержение. В № 44 «Volksstaat» от 1 июня * Маркс пытался дать опровержение. Однако нашему противнику решительно не удалось оправдаться от упрека в mala fides [недобросовестности] в цитировании. Способ его оправдания может скорее доказать эту mala fides, если вообще может что-нибудь доказать. Дерзость, с которой он опять злоупотребляет невозможностью для читателей «Volksstaat» проверить точность его данных, превосходит непристойность его способа цитирования.

Само собой разумеется, что Маркс не заходит так далеко, чтобы оспаривать точность нашей цитаты из стенографического отчета парламента. Прежде всего для него важно доказать свою bona fides [добросовестность] при цитировании, и для этой цели он ссылается на то, что другие цитировали так же, как и он. Он пишет:

«В статье в «Forthnightly Review» (ноябрьский номер 1870 г.), которая обратила на себя большое внимание и обсуждалась во всей лондонской прессе, г. Визли, профессор истории в здешнем университете, цитирует на стр. 518: «Ошеломляющее увеличение богатства

* То-есть, таким образом, почти через четверть года после появления статьи в «Concordia». Тем не менее «Volksstaat» имел бесстыдство уже через две недели после того, как он напечатал опровержение Маркса, упрекать нас в том, что мы «геройски умолчали» об этом опровержении. Мы думаем, что «Volksstaat» не имеет никакого основания так горячо желать второго и более острого опровержения его господина и учителя. Причина задержки нашего ответа заключалась, впрочем, отчасти в том, что одного из цитируемых Марксом источников нельзя было здесь достать и пришлось выписать его из Англии, отчасти же в том, что для освещения именно этих цитат требовались более длинные выписки из указанных источников, вследствие чего данная статья оказалась очень длинной, и из-за недостатка места мы были вынуждены несколько раз ее откладывать. — Редакция «Concordia».

и мощи, как заметил г. Гладстон, всецело ограничивается имущими классами». — Но статья профессора Бизли появилась через шесть лет после Учредительного манифеста!»

Совершенно верно. Но здесь забыли прибавить еще одно «но». Эта статья профессора Бизли трактует собственно вопрос об истории Интернационала и написана, как говорит сам автор, на основании материала, доставленного ему самим Марксом. Более того! В том месте Бизли отнюдь не цитирует Гладстона, а лишь указывает, что в Учредительном манифесте Интернационала содержится эта цитата. «От этой ужасающей статистики», пишет Бизли, «Манифест переходит к официальным данным о подоходном налоге, из которых видно, что подлежащие обложению доходы страны за восемь лет увеличились на 20%, — «ошеломляющее увеличение богатства и мощи», как заметил г. Гладстон, которое всецело ограничивается» и т. д.— В самом деле, великолепный способ доказательства! Подсовывают человеку, который не знает нашей нечестности, лживые указания, последний доверчиво сообщает их дальше, а затем ссылаются на это сообщение, а также на честность того, кто его передает, чтобы таким образом доказать точность этих указаний и свою собственную честность! — В своей защите Маркс продолжает:

«Обратимся затем к специальному произведению, исключительно предназначенному для лондонского Сити, появившемуся не только раньше Учредительного манифеста, но еще до основания Международного товарищества рабочих. Оно называется «The Theory of Exchanges. The Bank Charter Act of 1844», London, 1864, издание T. Cautley Newby, 30 Welbeck Street. Бюджетная речь Гладстона подвергается в ней основательной критике, и на стр. 134 из нее приведено следующее место: «Это ошеломляющее» и т. д., т. е. буквально так, как цитирую я. — Этим было уже неопровержимо доказано, что немецкий союз фабрикантов «формально солгал», ославив эту «фразу» как «мой» фабрикат!.. Автор «Theory of Exchanges», — продолжает затем Маркс, — подобно мне, цитировал не по «Hansard», а по лондонской газете, которая напечатала бюджетную речь от 16 апреля в номере от 17 апреля».

На самом деле автор этой книги, которая, между прочим, представляет собою обыкновенный пасквиль, так же не цитировал по «Hansard», как и Маркс. Но Маркс, как мы это сейчас покажем, не цитировал даже по лондонской газете. Прежде всего мы должны, однако, здесь заметить, что, говоря о том, что Маркс присочинил указанную фразу к речи Гладстона, мы «ни формально, ни по существу» не утверждали, что он сам и сфабриковал ее. Это было бы так

лишь в том случае, если бы Маркс был сам автором этой до сих пор весьма таинственной книги, как можно было бы, пожалуй, подумать, судя по тому ужасному слогу, каким она написана. Источником, из которого Маркс цитирует эту фразу, является именно эта книга, и в этом-то и состоит причина, почему он, как он сам указывает, «тщетно искал данную выписку, а также и название газеты, из которой она была сделана, в своем собрании выписок за 1863 г.»! Это происхождение марксовской цитаты ясно обнаруживается из сравнения того места из его книги «Капитал», в котором Маркс упоминает о речи Гладстона, с «The Theory of the Exchanges». В «Капитале» на стр. 639, и в особенности в примечании 103, цитируется эта речь в том абсолютно бессмысленном изложении, которое в этой книге [«The Theory of the Exchanges»] приведено дословно на стр. 134. И комментарии, которые Маркс дает по поводу содержащегося в этом изложении противоречия, уже имеются в этой книге, а также и приведенная в примечании 105 на стр. 640 «Капитала» цитата из Мольера; точно так же на стр. 135 этой книги мы находим цитируемые Марксом данные лондонского «Orphan Asylum» о вздорожании средств к жизни, точность которых Маркс, однако, подкрепляет ссылкой не на эту книгу, а на ее источники (см. «Капитал», стр. 640, примечание 104).

Теперь мы спрашиваем: лжет ли человек лишь в том случае, когда он сам выдумывает неправду, или же и тогда, когда он повторяет ее, в то время как он знает или должен был бы знать правду? Мы думаем, что ответ не подлежит никакому сомнению. И, во-вторых, разве Маркс, повторяя содержащуюся в «Theory of the Exchanges» неправду, не делал этого заведомо, или разве он не должен был бы, по крайней мере, знать это? Ответ на этот вопрос также очень прост. Первое, несомненно хорошо известное г. Марксу правило всякого истолкования состоит в том, чтобы места, которые на первый взгляд содержат противоречия и поэтому лишены смысла, толковать так, чтобы отпало противоречие, или, если это оказывается невозможным для данного текста, лучше перейти к критике текста, чем верить в наличие противоречия. Тем более было это необходимо по отношению к речи, которая вызвала внимание и удивление всего образованного мира, в особенности вследствие ее ясности и владения материалом. И, наконец, отказ от такой точности был легкомыслием, граничащим с преступлением, если автор имел в виду вырвать из контекста место, составляющее одну половину заключающегося в этом изложении противоречия, и в виде доноса на имущих швырнуть его неимущим всего земного шара.

Итак, если Карл Маркс уже в силу требований культурности, научности и добросовестности должен был бы воздержаться от вышеуказанного варианта, то преступное легкомыслие, с которым он позволил себе привести эту подложную цитату, особенно непростительно с его стороны, потому что текст речи Гладстона был вполне доступен для него. Во-первых, английские газеты привели эту речь на следующий день после того, как она была произнесена, привели если не буквально, то во всяком случае верно по смыслу. Затем речь тотчас же после ее произнесения была дословно опубликована Гладстоном в его обратившей на себя большое внимание книге: «Financial Statements», London, 1863 [«Речи по финансовым вопросам», Лондон, 1863], и на стр. 403 этой книги речь передана именно так, как мы ее цитируем. Наконец, Маркс мог найти стенографический отчет этой речи в «Hansard's Parliamentary Debates». К тому же обычай таков, что следует цитировать парламентские речи по стенографическим отчетам, если даже они в неизбежно скверных газетных отчетах и не содержат противоречий.

Но тут мы переходим к третьему средству защиты Маркса, и по наглости лживости оно далеко превосходит все, до сих пор приведенное. Так, Маркс не стесняется сослаться на «Times» от 17 апреля 1863 г. для доказательства правильности своей цитаты. Но «Times» от 17 апреля 1863 г., стр. 7, стр. 5, строка 17 и сл., передает эту речь следующим образом:

*«Так обстоит дело с богатством этой страны. Я, со своей стороны, смотрел бы с тревогой и беспокойством на это ошеломляющее увеличение богатства и мощи, если б думал, что оно ограничивается классами, находящимися в благоприятных условиях. Здесь совершенно не принято во внимание положение трудящегося населения. Увеличение, которое я описал и которое, как я полагаю, основано на точных обследованиях *», всецело ограничивается классами,*

* Маркс в своей немецкой цитате в «Volksstaat» выпускает последнее придаточное предложение и зато вставляет следующее: «которое он (Гладстон) только что характеризовал как «это ошеломляющее увеличение богатства и мощи». Этот пропуск и вставка также продиктованы намерением ввести в заблуждение читателя относительно смысла слов Гладстона. Как доказывает выпущенное придаточное предложение и, кроме того, общий контекст, смысл речи следующий: вытекающий из данных о подходящем налоге рост богатства ограничивается только имущими классами (так как этому налогу подлежат только те лица, которые имеют 150 ф. ст. и больше дохода), что же касается трудящихся классов, то мы знаем и т. д.

обладающими собственностью». (Маркс цитирует «Times» до сих пор, мы цитируем его дальше.) «Конечно, увеличение капитала имеет косвенную выгоду для рабочих, так как оно удешевляет тот товар, который вступает непосредственно в конкуренцию с трудом в процессе производства. (Слушайте! Слушайте!) Но мы чувствуем глубокое и, я должен сказать, бесценное утешение, что в то время, как богатые стали богаче, бедные стали менее бедны. Я не решаюсь сказать, что положение крайней бедности улучшилось, но мы счастливы при мысли, что положение британских рабочих в среднем за последние 20 лет улучшилось до такой необычайной степени, которую мы имеем основание объявить почти беспримечной в истории всех стран и времен (Одобрение)».

Сравнение этого отчета «Times» с отчетом по «Hansard» в «Concordia» от 7 марта показывает, что оба отчета по существу совершенно совпадают. Отчет «Times» дает только в более сжатой форме то, что стенографический отчет «Hansard» дает буквально. Но, несмотря на то, что и в отчете «Times» содержится нечто прямо противоположное этому пресловутому месту из Учредительного манифеста, несмотря на то, что и по отчету «Times» Гладстон сказал, что, по его мнению, это ошеломляющее увеличение богатства и мощи не ограничивается состоятельными классами, Маркс имеет наглость писать в «Volksstaat» от 1 июня:

«Формально и по существу» г. Гладстон заявил, таким образом, 16 апреля 1863 г., что «это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами».

Даже более того! Так как мы сообщили уже публике точный текст речи по «Hansard», а этот текст абсолютно исключает всякую возможность какого бы то ни было искажения, то это весьма роковое обстоятельство стараются устранить фразой, что «в этом наспех выправленном задним числом издании г. Гладстон был так благоразумен, что выбросил это место, которое в устах лорда-канцлера казначейства является несомненно компрометирующим». Нехватало еще указания на то, что Гладстон, вероятно, сделал это, принимая во внимание появившийся только в 1864 г. пасквиль: «The Theory of the Exchanges».

Что же можно сказать о подобных приемах! Сперва нам преподносят на основании темного пасквиля цитату, целиком сфальсифицированную, противоречивое содержание которой доказывает эту фальсификацию даже без сопоставления с оригиналом. Притянутый затем к отчету, Маркс заявляет, что другие так же цитировали, как и он, и в подтверждение ссылаются на людей, которым он сам

раньше навязал ложь. Более того — из того обстоятельства, что его мутный источник с ним согласен, он хочет сделать аргумент для своего оправдания и для доказательства точности своей цитаты, как будто оба черпали из одного общего правильного третьего источника, между тем как один только списывал у другого. И, наконец, у него еще хватает наглости ссылаться на газетные отчеты, которые прямо противоречат ему. В самом деле, для характеристики подобных «приемов» можно употребить только одно слово, очень хорошо известное самому Марксу (см. «Капитал», стр. 257): они просто «бесчестны».

«Досадный эпилог покажет, может быть, членам союза фабрикантов», — говорит в заключение своей защиты Маркс, — «что как бы хорошо они ни разбирались в фальсификации товаров, они так же способны судить о товаре литературном, как осел — играть на гитаре».

Мы предоставляем читателю спокойно решить, на чьей стороне фальсификация, а также досада по поводу эпилога. В следующей статье мы объясним г. Марксу, какое значение мы придаем содержанию слов Гладстона.

Вторая статья, «Concordia» № 28, 11 июля 1872 г., не дает абсолютно ничего относящегося к делу и поэтому здесь не приводится.

№ 6. Второй ответ Маркса.

«Volksstaat» № 63, 7 августа 1872 г.

В «Concordia» от 4 июля немецкий союз фабрикантов старается мне доказать, что его «ученые» не менее хорошо разбираются в оценке литературных товаров, чем он сам в фальсификации товаров.

По поводу приведенного в Учредительном манифесте Интернационала места из бюджетной речи Гладстона от 16 апреля 1863 г. орган фабрикантов (№ 10) заявил: *«Маркс формально и по существу присочинил эту фразу»*.

Он объявил, таким образом, эту фразу по форме и по содержанию целиком моим фабрикатом. Более того. Он совершенно точно знал, как я ее сфабриковал. «Маркс пользуется тем фактом», говорит этот орган, «что Гладстон утверждает то или другое, чтобы приписать Гладстону и т. д.». Я процитировал ту же фразу из сочинения «Theory of Exchanges», появившегося раньше Учредительного манифеста, и выявил грубую ложь органа фабрикантов. Он выписал после этого из Лондона, как сам рассказывает, неизвестную ему книгу и убедился в этом факте. Как же теперь выпутаться? Послушаем:

«Говоря о том, что Маркс присочинил указанную фразу к гладстоновой речи, мы ни формально, ни по существу не утверждали, что он сам и сфабриковал ее».

Здесь, очевидно, произошло свойственное сознанию фабрикантов смешение понятий. Если, например, обманщик-фабрикант, в согласии со своими деловыми друзьями, распространяет катушки лент, содержащие якобы три дюжины локтей, на самом же деле — только две дюжины, то он действительно *присочинил* одну дюжину именно потому, что он *«не произвел ее»*. Почему же не должно произойти то же самое с присочиненными фразами, как с присочиненными локтями лент? «Ум огромного большинства людей», говорит Адам Смит, «неизбежно развивается на их повседневных делах и исходя из них», следовательно — также и ум фабрикантов.

При посредстве «Volksstaat» я расширил научный материал органа фабрикантов не только при помощи цитаты из «Theory of Exchanges», но и при помощи страниц моего «Капитала», которые касаются бюджетной речи Гладстона. И теперь этот орган старается доказать посредством доставленного ему мною же материала, что спорное место я цитировал не из «лондонской газеты», а из «Theory of Exchanges». Способ доказательства представляет собою еще один образец фабрикантской логики.

Я рассказал фабрикантскому журналу, что «Theory of Exchanges» на стр. 134 цитирует точно так же, как цитирую я, а журнал открывает, что я цитирую точно так же, как цитирует «Theory of Exchanges» на стр. 134.

Далее! «И комментарии, которые Маркс дает по поводу содержащегося в этом изложении противоречия, уже имеются в этой книге». Это просто ложь. Я связываю на стр. 639 «Капитала» мои комментарии со словами речи Гладстона: «В то время как богатые стали богаче, бедные во всяком случае стали менее бедны. Я не решаюсь сказать, изменились ли пределы бедности». По этому поводу я замечаю: «Что за жалкая риторика! Если рабочий класс остался «беден», но только «менее беден» в той мере, как он создавал «ошеломляющее увеличение богатства и мощи» для класса собственников, то это значит, что относительно он остался попрежнему беден. Если пределы бедности не уменьшились, то они увеличились, потому что увеличились пределы богатства...» Этих «комментариев» нет нигде в «Theory of Exchanges».

«И комментарии... уже имеются в этой книге, а также и приведенная в примечании 105 на стр. 640 «Капитала» цитата из Мольера».

Таким образом, я цитирую «также и» Мольера и предоставляю

«ученым» из «Concordia» расследовать и сообщить публике, что эта цитата взята из «Theory of Exchanges»! На самом же деле в примечании 105, стр. 640 «Капитала» я определенно говорю, что автор «Theory of Exchanges» *следующей цитатой из Мольера характеризует* «постоянные вопиющие противоречия в бюджетных речах Гладстона».

Наконец: «точно так же на стр. 135 этой книги мы находим цитируемые Марксом данные «London Orphan Asylum» о вздорожании средств к жизни, точность которых Маркс, однако, подкрепляет ссылкой не на эту книгу, а на ее источники (см. «Капитал», стр. 640, примечание 104)».

«Concordia» благоразумно забывает сказать своим читателям, что «эта книга» не указывает *никаких источников*. Что хотела она доказать? Что я заимствовал из «этой книги» место из речи Гладстона, не будучи знаком с ее источником; а чем же она это доказывает? Тем, что я действительную цитату из этой книги проверяю независимо от нее по оригинальным источникам!

По поводу моей цитаты из статьи профессора Бизли в «*Fortnightly Review*» (ноябрь 1870 г.) «Concordia» замечает:

«Эта статья профессора Бизли трактует собственно вопрос об истории Интернационала и написана, как говорит сам автор, на основании материала, доставленного ему самим *Марксом*».

Профессор Бизли говорит:

«Товарищество своим успехом никому столько не обязано, как дру Карлу Марксу, который, по моему мнению, не имеет себе равного по знанию истории и статистики промышленного движения во всех странах Европы. Я в значительной степени (*largely*) обязан ему содержащимися в этой статье сведениями».

Весь материал, доставленный мною профессору Бизли, относился исключительно к истории Интернационала, и там не было ни одного слова по поводу содержания Учредительного манифеста, который был ему известен со времени его издания. Его вышеприведенное замечание так мало вызывает в этом отношении сомнений, что «*Saturday Review*» в критике его статьи больше чем намекает, что *он сам* является автором Учредительного манифеста *.

«Concordia» утверждает, что профессор Бизли не цитирует указанного места из речи Гладстона, а только указывает, «*что Учредительный манифест содержит эту цитату*». Разберем дело.

* Проф. Бизли письменно обратил мое внимание на это *quid pro quo* [смешение].

Профессор Бизли говорит: «Манифест представляет, вероятно, самую сильную и блестящую защиту интересов рабочих против буржуазии, которая когда-либо была изложена на каких-нибудь двенадцати небольших страницах. Я хотел бы иметь место для многочисленных выписок из него». Упомянув об «ужасающей статистике Синих книг», на которые ссылается Манифест, он продолжает:

«От этой ужасающей статистики Манифест переходит к официальным данным о подоходном налоге, из которых видно, что подлежащий обложению доход страны за восемь лет увеличился на 20%; «ошеломляющее увеличение богатства и мощи», как заметил г. Гладстон, «всецело ограничивается имущими классами». Профессор Бизли приводит слова «как заметил г. Гладстон» без кавычек, приводит их от своего имени и этим самым доказывает «Concordia» точнейшим образом, что бюджетную речь Гладстона он знает... только из цитаты Учредительного манифеста! Лондонский деловой друг немецкого союза фабрикантов один только знает бюджетные речи Гладстона, точно так же, как только он один знает, что «лица, имеющие меньше 150 ф. ст. дохода, в Англии не платят подоходного налога» (смотри № 10 и 27 «Concordia»). Английских сборщиков податей, наоборот, преследует навязчивая идея, что налог не взимается только с доходов ниже 100 ф. ст.

По поводу спорного места в Учредительном манифесте газета фабрикантов писала:

«Но этой фразы нет нигде в речи Гладстона». Я доказал обратное приведением цитаты из отчета «Times» от 17 апреля 1863 г. Я привел эту цитату в «Volksstaat» по-английски и по-немецки, потому что утверждение Гладстона, что он «смотрел бы с тревогой и беспокойством на это ошеломляющее увеличение богатства и мощи, если бы думал, что оно ограничивается «classes who are in easy circumstances», — нуждается в комментарии. Ссылаясь на Уэкфильда, я заметил, что «classes who are in easy circumstances» — выражение, которому в немецком языке нет точно соответствующего слова, — означает «собственно богатых», «действительно состоятельную часть» имущих классов. Уэкфильд даже прямо называет собственно средний класс — «the uneasy class», что приближается к немецкому выражению die ungemächliche Klasse [не вполне состоятельный класс]*.

Простодушный орган фабрикантов не только замалчивает мое объяснение. Снабжая цитируемое мною место своими словами:

* «The middle or uneasy class» (England and America, London, 1833, v. 1, p. 185). [«Средний или не вполне состоятельный класс» (Англия и Америка, Лондон, 1833, т. I, стр. 185)].

«Маркс цитирует «Times» до сих пор», он дает понять своим читателям, что он цитирует по моему переводу, на самом же деле он переводит «classes who are in easy circumstances», в отличие от меня, не словами «состоятельные классы», а словами «классы, находящиеся в благоприятных условиях». Он предполагает еще наличие достаточного понимания в своих читателях, чтобы видеть, что не все составные части имущего класса являются «состоятельными», хотя обладание собственностью всегда считается у них «благоприятным условием». Но и в том переводе моей цитаты, который дает «Concordia», г. Гладстон характеризует описанный им прогресс капиталистического богатства как *«это ошеломляющее увеличение богатства и мощи»* и замечает, что он при этом *«совершенно не принял во внимание трудящегося населения»*, в заключение же он говорит, что это *«увеличение ограничивается всецело теми классами, которые обладают собственностью»*. Приписав г. Гладстону в отчете «Times» от 17 апреля 1863 г. «формально и по существу» то же самое, что я ему приписал в Учредительном манифесте, «ученый муж» из немецкого союза фабрикантов надменно бьет себя в широкую грудь и вопит: *«Но, несмотря на это, Маркс имеет еще наглость писать в «Volksstaat» от 1 июня: «формально и по существу» г. Гладстон заявляет, таким образом, 16 апреля 1863 г. в Нижней палате, согласно отчету его собственного органа «Times» от 17 апреля 1863 г., что это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами»*. «Ученый муж» немецкого союза фабрикантов, очевидно, хорошо знает, что он должен преподносить своим читателям!

Я заметил в «Volksstaat» от 1 июня, что «Concordia» старается убедить своих читателей, что я в Учредительном манифесте не привел фразы Гладстона о повышении жизненного уровня британского рабочего класса между тем как я там, как раз наоборот, обращал величайшее внимание на вопиющее противоречие этой декламации с официально установленными фактами. В своем ответе от 4 июля орган фабрикантов повторяет тот же самый маневр. «Маркс», говорит он, «цитирует «Times» до сих пор, мы цитируем его дальше». Я в ответе должен был цитировать в сущности только спорное место. Остановимся, однако, на минуту на «дальнейшем».

Пропев свой гимн увеличению капиталистического богатства, Гладстон обращается к рабочему классу. Он отнюдь не говорит, что рабочий класс участвовал в *«ошеломляющем увеличении богатства и мощи»*. По отчету «Times», он, напротив, продолжает следующими словами: *«Но увеличение капитала имеет косвенную*

выгоду для рабочего и т. д.». Он далее *утешает* себя тем, «что в то время как богатые стали *богаче*, бедные стали *менее бедны*». Наконец, он уверяет, что он и его разбогатевшие парламентские друзья «так *счастливы* знать» то, о чем парламентские расследования и статистические показания знают противоположное, а именно, «что положение британского рабочего в среднем за последние 20 лет улучшилось в такой необычайной степени, которую мы можем объявить почти беспримёрной в истории всех стран и времен».

До г. Гладстона все его предшественники по должности в своих бюджетных речах бывали «так *счастливы*» дополнять описание роста капиталистического богатства самодовольными речами об улучшении положения рабочего класса. Несмотря на это, он всех их обвиняет во лжи, так как тысячелетнее царство наступило только со времени введения законов о свободе торговли. Здесь, однако, дело не в правильности или неправильности имеющих у Гладстона оснований утешать себя или поздравлять себя. Здесь речь идет просто о том, что будто бы «необычайное» улучшение положения рабочего класса решительно не противоречит с его точки зрения «ошеломляющему увеличению богатства и мощи, которое всецело ограничивается имущими классами». Наоборот, ортодоксальное учение апологетов капитала, — а одним из наилучше оплачиваемых апологетов его является г. Гладстон, — и заключается в том, что самое испытанное средство для рабочих *улучшить свое положение* состоит в *обогащении* своих эксплуататоров.

Беззастенчивая пошлость или пошлая беззастенчивость органа фабрикантов доходит до своего апогея в утверждении, что «отчет «Times» дает только в более сжатой форме то, что стенографический отчет «Hansard» *дает буквально*» *. Сопоставим оба эти отчета:

I.

Из речи Гладстона, 16 апреля 1863 г., напечатанной в «Times» 17 апреля 1863 г.

«В таком положении находится богатство страны. Я, со своей стороны, должен сказать, что я смотрел бы почти с тревогой и беспокойством на *это ошеломляющее увеличение богатства и мощи*, если б думал, что оно

II.

Из речи Гладстона 16 апреля 1863 г., напечатанной в «Hansard», т. 170-й, парламентские дебаты с 27 марта по 28 мая 1863 г.

«В таком положении находится всеобщий прогресс накопления, но я, со своей стороны, должен сказать, что я *смотрел бы с некоторой болью* и со значительной тревогой на *этот необычайный и почти ошеломляющий*

* Газета фабрикантов, кажется, в самом деле думает, что большие лондонские газеты не пользуются стенографами для своих парламентских отчетов.

ограничивается одними состоятельными классами (classes who are in easy circumstances). Но здесь совершенно не принято во внимание положение трудящегося населения. *Увеличение, которое я описал... есть увеличение, всецело ограничивающееся имущими классами.* Но увеличение капитала представляет косвенную выгоду для рабочих и т. д.».

рост, если бы думал, что он ограничивается той категорией лиц, которых можно считать состоятельными (the class of persons who may be described as in easy circumstances). Цифры, которые я приводил, мало или совершенно не принимают во внимание положения тех, которые не платят подоходного налога, или, другими словами они достаточно точны для установления истины вообще (1), но совершенно не принимают во внимание имущественность (1) рабочего населения или (1) рост его дохода. Косвенно же простой рост капитала на деле чрезвычайной выгоден для рабочего класса и т. д.».

Я предоставляю самому читателю сравнить напыщенный, запутанный, сопровождающийся массой оговорок, казенный, бюрократический стиль в издании «Hansard» с отчетом «Times».

Здесь достаточно установить тот факт, что слова отчета «Times»: «... это ошеломляющее увеличение богатства и мощи..., увеличение, которое я описал..., представляет увеличение, всецело ограничивающееся имущими классами», — в «Hansard» отчасти искажены, а отчасти выпущены. Их напыщенный «буквальный смысл» не ускользнул ни от одного свидетеля. Например:

«Morning Star», 17 апреля 1863 г. (Бюджетная речь Гладстона от 16 апреля 1863 г.).

«Я, со своей стороны, должен сказать, что смотрел бы со страхом и беспокойством на это ошеломляющее увеличение богатства и мощи, если б думал, что оно ограничивается действительно состоятельными классами (classes who are in easy circumstances). Это огромное увеличение богатства (this great increase of wealth) совершенно не принимает в расчет положения рабочего населения. Это увеличение есть увеличение (the augmentation is an augmentation), всецело ограничивающееся классами, владеющими собственностью (entirely confined to the classes possessed of property). Но это увеличение (but that augmentation) должно косвенным образом быть выгодно для рабочего населения и т. д.».

«Morning Advertiser», 17 апреля 1863 г. (Бюджетная речь Гладстона от 16 апреля 1863 г.).

«Я, со своей стороны, должен сказать, что смотрел бы почти с тревогой и страхом (alarm) на это ошеломляющее увеличение»

богатства и мощи, если б думал, что оно ограничивается действительно состоятельными классами (classes who are in easy circumstances). Этот огромный прирост богатства совершенно не принимает во внимание положения рабочего населения. Упомянутое увеличение (the augmentation stated) представляет увеличение, всецело ограничивающееся классами, которые обладают собственностью (classes possessed of property). Это увеличение (this augmentation) должно быть косвенным образом выгодно для рабочего класса и т. д.».

Таким образом, Гладстон задним числом утаил в полуофициальном издании его речи в «Hansard» сказанные им в Нижней палате 17 апреля 1863 г. слова: «Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи... есть увеличение, всецело ограничивающееся имущими классами». «Concordia» не нашла их поэтому в извлечении, присланном лондонским деловым другом, и подняла шум: «Но этой фразы нет нигде в речи Гладстона. Маркс формально и по существу причинил эту фразу». Нет ничего удивительного в том, что она теперь поучает меня, что «обычай» критики таков, что цитировать парламентские речи следует так, как они были официально фальсифицированы, а не так, как они были действительно произнесены. Такой «обычай» в самом деле соответствует «всеобщему» берлинскому «образованию» и ограниченному прусскому верноподданическому рассудку немецкого союза фабрикантов. Недостаток времени заставляет меня раз навсегда прекратить мои приятные сношения с ним, но на прощание я должен, однако, предложить его «ученым мужам» раскусить такой орешек. В какой статье и кто именно сказал по адресу противника, — по меньшей мере равного «Concordia» по положению, — следующие веские слова: «Asinus manebis in secula seculorum [Ты останешься ослом во веки веков]»?

Лондон, 28 июля 1872 г.

Карл Маркс.

№ 7. Второе возражение анонимного автора

«Concordia» № 34, 22 августа 1872 г.

Еще в характеристике Карла Маркса.

Г-н Маркс в «Volksstaat» от 7 августа ответил на статью «Как защищается Карл Маркс», помещенную в № 27 «Concordia». Упорная лживость, с которой он держится за искаженную цитату из бюджетной речи Гладстона от 16 апреля 1863 г., удивительна даже для человека, не брезгающего никакими средствами для своих

разрушительных планов. В сущности ее можно объяснить только боязнью автора, что признание неверности этой цитаты, самого выигрышного места Учредительного манифеста, при большом распространении последнего будет иметь для его автора неприятные последствия.

В своей первой защите Маркс, как известно, согласился, что стенографический отчет речи Гладстона, помещенный в «Hansard», не содержит этой цитаты. И причина заключалась в том, что г. Гладстон намеренно выбросил компрометирующее его место! Первое доказательство: профессор Бизли цитировал эту речь в статье в «Fortnightly Review» в таком же виде, как Учредительный манифест.

Это могло бы вызвать у читателя мысль, что профессор Бизли цитировал эту речь г. Гладстона в статье на какую-то другую историческую тему помимо Интернационала. Мы поэтому заметили, во-первых, что эта статья говорит об истории Интернационала и основана на материале, который Маркс сам доставил автору. И Маркс этого даже не оспаривает. Но он уверяет, что доставленный им материал ни единым словом не имел отношения к содержанию Учредительного манифеста, известного профессору Бизли со времени его издания. Но мы этого не говорили и даже не намекали на это. И мы верим утверждению г. Маркса на слово. Если бы он привел профессору Бизли «The Theory of the Exchanges» в виде доказательства своей цитаты, то тот, наверное, не решился бы ее перепечатать. Во-вторых, мы возразили, и это самое главное возражение: Бизли не цитировал указанного места из речи Гладстона, а дал его только в анализе Учредительного манифеста. Мы привели дословно указанную фразу из статьи Бизли, как можно видеть из № 27 «Concordia». Тем обстоятельством, что Бизли в своем анализе приводит слова «как заметил г. Гладстон» без кавычек *, Маркс теперь пользуется, чтобы внушить читателям, что Бизли, неожиданно прерывая свой анализ, говорит эти слова от своего собственного имени!!

Второе доказательство того, что Гладстон позднее выбросил из своей речи указанные слова, Маркс хотел найти в том, что появившаяся еще ранее Учредительного манифеста книга «The Theory of the Exchanges» цитирует речь Гладстона буквально так, как Манифест. Мы просмотрели книгу и нашли, что это верно и что по всей видимости Маркс сам первоначально заимствовал свою цитату из

* Добавочное примечание при повторном издании: «Профессор Бизли написал цитируемое им из Учредительного манифеста место буквально так, как оно помещено в нем. Но в последнем вводное предложение, само собою разумеется, помещено без кавычек».

этой книги. Главным признаком этого было то, что «Капитал» Маркса на стр. 639, в особенности в примечании № 103, приводит эту речь в таком же *абсолютно бессмысленном* изложении, в каком ее буквально приводит «Theory of the Exchanges» на стр. 134. Это указание на «Theory of the Exchanges», как на источник марксовской цитаты, подтвердилось еще тем, что г. Маркс в том месте своей книги «Капитал», где он приводит речь Гладстона в такой же редакции, как «Theory of the Exchanges» на стр. 134, приводит еще другие цитаты, находящиеся в том же месте этой книги, и прибавляет такие же комментарии. Что же возражает на это г. Маркс? Во-первых, что он прибавил еще комментарии, которых нет в «Theory of the Exchanges». Но этого не исключает также и наше замечание. Затем, что автором цитаты из Мольера он определенно назвал автора «Theory of the Exchanges». Но мы не говорим противоположного. Наконец, что касается данных лондонского «Orphan Asylum», которые Маркс цитирует на стр. 640 своей книги, как и «Theory of the Exchanges» на стр. 135, то Маркс сам признает, что он буквально привел их из этой книги, а затем проверил их точность по подлинным источникам. Маркс таким образом сам доказывает, что часть комментариев, которыми он сопровождает цитаты из речи Гладстона, взяты из «Theory of the Exchanges». Он сам доказывает этим точность пунктов, которыми мы поддерживаем наш главный аргумент относительно того, что и цитату из речи Гладстона он заимствовал из этой книги. Но против этого главного аргумента, а именно против замечания, что он цитирует речь Гладстона *в таком же абсолютно бессмысленном изложении*, как и «Theory of the Exchanges», он ничего не приводит.

Наконец, в-третьих, Маркс старался доказать свое утверждение, что Гладстон задним числом сфальсифицировал свою собственную бюджетную речь в стенографическом отчете «Hansard», ссылкой на отчет об этой речи, помещенный в «Times» от 17 апреля 1863 г. Но этот отчет доказывает прямо противоположное, поскольку «Times» и «Hansard» по существу вполне согласны. Чтобы затемнить это перед своими читателями, Маркс стал применять различные средства. *Первым средством*, которое вместе с тем должно было привести читателей «Volksstaat» в новое восхищение ученостью их оракула, явился филологический экскурс. И по отчету «Times», поскольку Маркс цитировал его, Гладстон определенно сказал, что он полагает, что ошеломляющее увеличение богатства и мощи, о котором он говорил, *не ограничивается* «to the classes who are in easy circumstances», т. е. классами, находящимися в благоприятных усло-

виях. Ссылаясь на Уэкфильда, написавшего книгу «The middle of uneasy class» [«Средний или не вполне состоятельный класс»], Маркс стал утверждать, что, по словам Гладстона, это увеличение ограничивается не только «собственно богатой», «действительно состоятельной» частью имущих классов, а так как мы не приняли во внимание всех этих рассуждений, то он теперь обвиняет нас в утайке. Но если мы молчали по поводу этой новой попытки фальсификации, то это произошло только потому, что она в самом деле была слишком очевидна. Ибо что бы Уэкфильд ни имел в виду, называя средний класс the uneasy class, все же общий смысл речи Гладстона, даже в том виде, как ее дает отчет «Times», показывает, что Гладстон в этом месте под «classes who are in easy circumstances» подразумевал те классы, которые не принадлежат к рабочему населению, так как он противопоставляет их последнему.

Второе средство затемнить отчет «Times» состояло в том, что Маркс в своем немецком переводе этого отчета просто выбросил то придаточное предложение, из которого вытекало, что Гладстон только сказал, что увеличение богатства, о котором можно судить по данным подоходного налога, ограничивается имущими классами, так как трудящиеся классы не подлежат обложению подоходным налогом, и поэтому из данных подоходного налога ничего нельзя извлечь относительно роста благосостояния рабочих классов; но он не говорил, что трудящиеся классы на самом деле исключены из необычайного увеличения национального богатства. Маркс, который, как мы только что видели, совершенно без всякой нужды обвинил в утайке «Concordia», спокойно вновь утаивает упомянутое придаточное предложение, хотя мы указали ему на его искажение. Но мало этого. Так как мы, согласно с истиной, сказали, что отчет «Times» дает только в более сжатом виде то же самое, что стенографический отчет «Hansard» дает буквально, он отрицает это и осмеливается перепечатать рядом отчет по «Times» и отчет по «Hansard», причем он, конечно, опять выбрасывает это придаточное предложение. Но что за беда? Читатели «Volksstaat», с которыми он имеет дело, не могут ведь контролировать его!

В-третьих, наконец, Маркс старался скрыть совпадение отчета «Times» с отчетом «Hansard», не приводя тех фраз, в которых Гладстон даже по отчету «Times» прямо и определенно доказывает улучшение положения британского рабочего класса. Мы сделали по поводу этого замечание и цитировали спорное место отчета «Times» целиком. Несмотря на это, Маркс лжет своим читателям, говоря, что мы хотели дать понять, что мы цитировали «Times» по его

*

переводу!! Напротив, он, само собою разумеется, утаивает наше указание (в № 28), что то вопиющее противоречие, в котором должны находиться, по Марксу, утверждения Гладстона об улучшении положения британского рабочего класса с официально установленными фактами, на деле вовсе не имеет места; он, напротив, опять повторяет это обвинение.

Кроме того, Маркс в своем ответе в «*Volksstaat*» от 7 августа приводит еще двух новых свидетелей правильности своего понимания бюджетной речи Гладстона — «*Morning Star*» и «*Morning Advertiser*» от 17 апреля 1863 г. Но нам вовсе нет надобности проверять, цитировал ли Маркс эти обе газеты без новых искажений *. Ибо эти газеты даже в его передаче говорят в нашу пользу. Сказав, согласно обеим газетам, что он *не* думает, что *это* ошеломляющее увеличение богатства и мощи ограничивается состоятельными классами, Гладстон продолжает: «*Этот огромный прирост богатства совершенно не принимает во внимание положения рабочего населения. Упомянутое увеличение есть увеличение, всецело ограничивающееся классами, обладающими собственностью*». Значение и употребление слов «*принимать во внимание*» ясно указывают, что под *этим* приростом и упомянутым увеличением подразумевается тот прирост и то упоминание, о котором можно судить на основании данных о подоходном налоге.

Но ссылка на этих двух мнимых свидетелей есть только проявление хвастливой основательности, с помощью которой должна поддерживаться вера читателей «*Volksstaat*» в своего оракула. Статья Маркса в «*Volksstaat*» от 7 августа является образчиком такого хвастовства и заслуживает того, чтобы наши читатели сами познакомились с ней. Мы должны привести еще только один пример этого хвастовства, чтобы отнять у г. Маркса возможность упрекать нас в том, что мы хотим скрыть от наших читателей, что он в одном второстепенном пункте исправил нас. Мы сказали, что лица, имеющие меньше 150 ф. ст. годового дохода, в Англии не платят подоходного налога. Г-н Маркс высмеивает нас за наше незнание того, что этот налог прекращается только при доходе меньше 100 ф. ст. Но закон 1842 г. не подвергал налогу все доходы ниже 150 ф. ст., а в 1853 г., наоборот, налогу были подвержены все доходы выше 100 ф. ст., причем, однако, вновь подверженные обложению доходы облагались меньшим процентом, чем налоги в 150 ф. ст. и выше. А в 1863 г.

* Добавочное примечание при повторном издании: «И здесь также Маркс утаивает те же самые фразы, которые он утаил в своей передаче отчета «*Times*». Смотри начало обоих отчетов».

пользующийся привилегией класс был затем расширен до дохода в 200 ф. ст., и уменьшение налога сохранено в таком виде, что при всяком доходе ниже этой цифры и до 100 ф. ст. включительно всегда следует вычитать 60 ф. ст. как не подлежащие обложению.

Г-н Маркс заканчивает свою статью словами, что недостаток времени заставляет его раз навсегда прекратить свои приятные сношения с нами. Мы понимаем, что г. Маркс не может не приветствовать возможность избегать людей, которые могут указать ему на его фальсификации. Если, наконец, г. Маркс раздражается еще бранью, то мы можем его уверить, что его противнику ничто не может быть более желательно, чем заключающееся в этом признание того, что он изобличен. Брань есть оружие того, у кого исчерпаны другие средства защиты.

III. СЕДЛЕЙ ТЕЙЛОР И ЭЛЕОНОРА МАРКС.

№ 8. Нападки С. Тейлора.

«Times», 29 ноября 1883 г.

Главному редактору «Times».

Разрешите мне указать в «Times», что ошибочная цитата из бюджетной речи г. Гладстона от 16 апреля 1863 г., которую повторил, полагаясь на немецкие источники, столь выдающийся публицист, как профессор Эмиль де-Лавеле, и по поводу которой им послано разъяснение в сегодняшний номер «Times», относится еще к 1864 г. и была помещена в Манифесте, опубликованном Советом пресловутого Международного товарищества рабочих.

Что является крайне странным, это то, что на долю профессора Брентано (в то время в Бреславле, теперь в Страсбурге) выпало спустя восемь лет разоблачить в немецком журнале ту mala fides [недобросовестность], которая очевидно продиктовала в Манифесте цитату из речи Гладстона.

Г-н Карл Маркс, который, как признанный автор Манифеста, пытался защищать цитату, имел дерзость в предсмертных судорогах, к которым его быстро привели мастерские нападки Брентано, утверждать, что г. Гладстон состряпал отчет для «Hansard» после того, как его речь в подлинном виде появилась в «Times» от 17 апреля 1863 г., и выбросил оттуда одно место, которое могло, конечно, компрометировать английского канцлера казначейства. Когда Брентано доказал путем тщательного сличения текстов, что отчеты «Times» и «Hansard» совпадают, абсолютно исключая тот смысл, который был придан словам г. Гладстона ловко выхваченными отдельными

цитатами, Маркс отказался от дальнейшей полемики под предлогом «недостатка времени»!

Вся переписка Brentano — Маркс в высокой степени достойна быть извлеченной из газетных коллекций и переизданной на английском языке, так как она проливает яркий свет на степень литературной порядочности Маркса; это особенно необходимо в такое время, когда его главное произведение преподносится нам в качестве не более и не менее, как нового евангелия социального возрождения.

Остаюсь, милостивый государь, Вашим покорным слугой.

Седлей Тейлор.

Trinity College, Кембридж, 26 ноября (1883 г.).

Эта статья появилась в «Times» 29 ноября 1883 г. 30 ноября младшая дочь Маркса, Элеонора, послала свой ответ в «Times». Ответ не был напечатан. Такая же участь постигла второе письмо — главному редактору. Тогда Э. Маркс обратилась в «Daily News», опять-таки напрасно. Тогда она опубликовала как обвинение Седлей Тейлора, так и свой ответ в февральской книжке за 1884 г. социалистического журнала «То-Дау». Мы приводим здесь ее ответ.

№ 9. Ответ Элеоноры Маркс.

«То-Дау», февраль 1884 г.

Главному редактору «Times».

В «Times» от 29 ноября Седлей Тейлор упоминает известную цитату из речи Gladstone, которая «относится еще к 1864 г. и была помещена в Манифесте, опубликованном Советом пресловутого Международного товарищества рабочих». Далее он продолжает (здесь цитируется письмо Тейлора со слов «Что является крайне странным» до слов «недостатка времени»).

Фактическая сторона дела вкратце заключается в следующем. Упомянутая цитата состоит из нескольких фраз из бюджетной речи г. Gladstone от 16 апреля 1863 г. После описания г. Gladstoneм необычайного роста богатства, происходившего в этой стране между 1853 и 1861 гг., ему приписываются такие слова: «Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами». Анонимный писатель, который теперь оказался профессором Brentano, напечатал в немецком журнале «Concordia» от 7 марта 1872 г. ответ, в котором было сказано: «Этой фразы нет нигде в речи Gladstone. Маркс формально и по существу присочинил эту фразу».

В этом состоял единственный пункт спора между моим отцом и анонимным противником.

В своих ответах в лейпцигской газете «*Volksstaat*» от 1 июня и 7 августа 1872 г. Маркс цитирует следующие отчеты о речи Гладстона.—«*Times*», 17 апреля: «Описанное мною выше увеличение, основывающееся, как я полагаю, на точных данных, есть увеличение, всецело ограничивающееся имущими классами».—«*Morning Star*», 17 апреля: «Это увеличение есть увеличение, всецело ограничивающееся имущими классами».—«*Morning Advertiser*», 17 апреля: «Указанное увеличение ограничивается исключительно имущими классами».

Анонимный Brentano «в предсмертных судорогах, к которым быстро привели» его «мастерские нападки», старался найти защиту в обычном при подобных обстоятельствах утверждении, что, если даже цитата не фальсифицирована, она все же «вводит в заблуждение», «заключает в себе *mala fides*», «недобросовестно вырвана из контекста» и т. д. Я боюсь, что Вы не предоставите мне места для ответа на обвинение г. Brentano, повторенное теперь, через 11 лет, г. Тейлором. Это, может быть, и не понадобится, так как г. Тейлор говорит: «Вся переписка Brentano — Маркс в высокой степени достойна быть извлеченной из газетных коллекций и переизданной на английском языке». Я вполне приветствую это. Память о моем отце только выиграет от этого. Что же касается отклонения газетных отчетов о данной речи от отчета «*Hansard*», то решение этого вопроса я предоставляю тем, кто более всего в этом заинтересован.

Из многих и миогих тысяч цитат в произведениях моего отца это единственная, точность которой когда-либо оспаривалась. Довольно характерен тот факт, что патентованные экономисты постоянно возвращаются к этому изолированному и не совсем удачному примеру. Выражаясь словами г. Тейлора, «он проливает яркий свет на степень литературной порядочности Маркса, столь необходимый в такое время, когда его главное произведение преподносится нам в качестве не более и не менее, как нового евангелия социального возрождения».

Остаюсь, милостивый государь, преданная Вам

Элеонора Маркс.

Лондон, 30 ноября 1883 г.

№ 10. Возражение С. Тейлора.

«*To-Day*», март 1884 г.

В редакцию «*To-Day*».

Милостивые государи! Никто не может больше меня сожалеть о том, что г-же Маркс было отказано в помещении ее письма, на которое она имела такое очевидное право. Я, однако, очеь далек от

ее мнения, что «единственный спорный пункт» между доктором Марксом и профессором Brentano заключался в том, имелась ли известная фраза в речи г. Gladstone или нет. На мой взгляд этот вопрос играл совершенно второстепенную роль по сравнению с вопросом, была ли упомянутая цитата приведена с намерением передать мысль г. Gladstone или исказить ее.

Само собою разумеется, совершенно невозможно в этом письме обсудить содержание обширного спора между Brentano и Марксом, не заняв у Вас недопустимо много места. Но так как г-жа Маркс в Вашей газете назвала официально высказанный мною взгляд «оскорблением» и «пасквилем» *, то я принужден просить Вас напечатать параллельными столбцами обе следующие цитаты, на основании которых Ваши читатели сами будут иметь возможность судить, честно или нечестно цитировал доктор Маркс в своем большом произведении «Капитал» бюджетную речь 1863 г. Читателям писем Маркса из его переписки с г. Brentano будет понятно, почему я пользуюсь отчетом «Times» вместо отчета «Hansard».

«Times», 17 апреля 1863 г.

«За десять лет, с 1842 г. до 1852 г. включительно, подлежащий обложению доход страны, поскольку мы можем это точно установить, повысился на 6%; но за восемь лет, с 1853 г. до 1861 г., доход страны опять-таки повысился, если принять за основание доход 1853 г., на 20 %. Это факт настолько поразительный, что он представляется почти невероятным...

«...Я, со своей стороны, должен сказать, что я почти с тревогой и беспокойством смотрел бы на это ошеломляющее увеличение богатства и мощи, если б думал, что оно ограничивается классами, находящимися в благоприятных условиях. При этом совершенно не принято во внимание положение трудящегося населения. Описанное мною увеличение, основанное, как я полагаю, на точных данных, есть увеличение, всецело

«Капитал», 2-е изд., стр. 678.

Примечание 103.

«С 1842 до 1852 г. подлежащий обложению доход этой страны повысился на 6%...

...за восемь лет, с 1853 до 1861 г., он повысился, если мы примем за основание доход 1853 г., на 20%. Этот факт настолько поразителен, что он представляется почти невероятным...

...это ошеломляющее увеличение богатства и мощи...

* В ненапечатанном здесь сопроводительном письме в редакцию «To-Day». [Приметание Энгельса.]

ограниченное имущими классами. Но увеличение капитала имеет косвенную выгоду для рабочего, так как оно удешевляет тот товар, который в производстве вступает в прямую конкуренцию с трудом. У нас имеется, однако, то глубокое и, я должен сказать, бесценное утешение, что в то время, как богатые стали богаче, бедные стали менее бедны. Я не решаюсь утверждать, что пределы бедности уменьшились, но в среднем положение британского рабочего, — мы имеем счастье знать это, — за последние 20 лет улучшилось в такой степени, которая, как мы знаем, необычайна и о которой мы можем сказать, что она почти беспремерна в истории какой бы то ни было страны и каких бы то ни было времен».

...всецело ограничивается имущими классами, но... но оно должно иметь косвенную выгоду для рабочего населения, так как оно удешевляет предметы всеобщего потребления...

...в то время, как богатые стали богаче, бедные во всяком случае стали менее бедны. Я не решаюсь сказать, изменились ли пределы бедности». — «Гладстон в Палате общин 16 апреля 1863 г.».

Я прошу обратить особенное внимание на смысл подчеркнутых мною мест в отчете «Times». Фраза: «Я, со своей стороны... находящимися в благоприятных условиях» передает нам взгляд оратора, что только что описанное ошеломляющее увеличение богатства и мощи не ограничивается лицами, находящимися в благоприятных условиях. Здесь, правда, есть словесное противоречие в сравнении со следующей фразой: «Описанное... имущими классами», но стоящие между ними слова «при этом совершенно не принято... населения» показывают, что не может оставаться никакого сомнения относительно того, что имел в виду г. Гладстон, а именно, что приведенные им цифры, основанные на данных подоходного налога, включают в себя только доходы, не свободные от подоходного налога *. Поэтому они ни в коем случае не показывали, насколько за исследуемый период увеличилась общая сумма доходов трудящегося населения. Заключительная фраза от «но положение» до конца самым определенным образом объясняет, что г. Гладстон признавал на основании доказательств, не зависящих от данных подоходного налога, не подлежащим сомнению необычайное, почти беспремерное улучшение среднего положения британских рабочих.

С какой целью эти существенные места были почти целиком

* Свободны от подоходного налога в 1842—1853 гг. были доходы до 150 ф. ст., а с 1853 г. до 100 ф. ст.

вычеркнуты, вследствие чего газетный отчет был низведен до той замечательной формы, в которой он помещен в книге д-ра Маркса? По моему мнению, очевидно с той целью, чтобы произвольно сконструированная мозаика, составленная из оставшихся еще слов г. Гладстона, могла быть понята таким образом, будто тот утверждает, что заработки рабочего населения лишь незначительно увеличились, между тем как доходы имущих классов сильно увеличились, — взгляд, который определенно опровергается выпущенными местами в пользу совершенно другого утверждения.

Я не могу также оставить без внимания тот факт, что за немецким переводом этой изуродованной цитаты в тексте «Капитала» непосредственно следует выражение презрительного удивления Маркса по поводу «слабого утешения», которое представляют слова, фигурирующие здесь в конце фразы Гладстона, в сравнении с его прежним описанием роста богатства имущих классов.

Остаюсь, милостивые государи, искренно Ваш

Седлей Тейлор.

Trinity College, Кембридж, 8 февраля 1884 г.

№ 11. Второй ответ Элеоноры Маркс.

«То-Дау», март 1884 г.

В редакцию «То-Дау».

Милостивые государи! Г-н Седлей Тейлор оспаривает мое указание, что в то время, когда анонимный клеветник обрушился на д-ра Маркса, единственный спорный пункт заключался в том, употребил ли г. Гладстон известные слова или нет. По его мнению, вопрос на самом деле заключался в том, «была ли упомянутая цитата приведена с намерением передать мысль г. Гладстона или же исказить ее».

Передо мной статья из «Concordia» (№ 10, 7 марта 1872 г.): «Как цитирует Карл Маркс». Здесь анонимный автор сперва цитирует Учредительный манифест Интернационала, затем место из речи г. Гладстона, полный текст ее по «Hansard»; затем он резюмирует это место по-своему и к своему собственному удовлетворению; наконец, он в заключение говорит: «Маркс пользуется фактом, что г. Гладстон приводит это попросту для точной оценки своего масштаба, чтобы приписать ему следующие слова: *«Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами»*. Но этой фразы нет нигде в речи Гладстона. В ней сказано

прямо противоположное. *Маркс формально и по существу присочинил эту фразу.*

В этом состоит обвинение, и единственное обвинение, выставленное против Маркса. В сущности его обвиняют в том, что он искажил смысл слов г. Гладстона «присочинением» целой фразы. В обвинении нет ни слова о «вводящих в заблуждение» или «недобросовестно вырванных из контекста» цитатах. Вопрос просто состоит в том, «имелась ли известная фраза в речи г. Гладстона или нет».

Одно из двух. Или г. Тейлор читал нападки г. Brentano и ответы моего отца, и в таком случае его утверждение прямо противоречит истине, которой он не может не знать. Или же он не читал их. А что же в таком случае? В таком случае этот человек, датирующий свои письма из Trinity College, Кембридж, без всякого повода дает себе своеобразный труд задеть литературную добропорядочность моего покойного отца таким способом, который неизбежно сводится к «клевете», раз он не может этого доказать; он выдвигает это обвинение на основании литературного спора 1872 г. между анским писателем (который, согласно Тейлору, был профессором Brentano) и моим отцом; он в пламенных выражениях описывает «мастерские удары» Георгия Победоносца — Brentano и «предсмертные судороги», в которые он быстро привел дракона Маркса; со всеми подробностями он может сообщить нам об уничтожающих успехах, которых достиг упомянутый Георгий Победоносец «тщательным сличением текстов», — и всем этим ставит меня в такое деликатное положение, что мне из человеколюбия приходится заранее предположить, что он никогда не читал ни строчки из того, о чем он говорит.

Если бы г. Тейлор читал «мастерские» статьи своего анонимного друга, он нашел бы в них следующее место: «Теперь мы спрашиваем: лжет ли человек лишь в том случае, когда он сам выдумывает неправду, или же и тогда, когда он повторяет ее, в то время как он знает или должен был бы знать правду». Так говорит «мастерский» и столь же строго добродетельный, сколь и анонимный, Brentano в своем возражении на первый ответ моего отца («Concordia» № 27, 4 июля 1872 г., стр. 210). И на этой же странице он перед лицом всего мира утверждает, что «и по отчету «Times» Гладстон сказал, что он думает, что это ошеломляющее увеличение богатств и мощи не ограничивается имущими классами».

Если, таким образом, и Brentano, как будто, не знает, в чем состоял действительный предмет спора, то разве г. Седлей Тейлор лучше об этом осведомлен? В его письме в «Times» речь шла

об одной цитате из Учредительного манифеста Интернационала. В его письме в «То-Дау» речь идет о цитате из «Капитала». Тут вопрос переносится в другую плоскость, но я на это не жалею. Г-н Тейлор приводит теперь место из речи Гладстона так, как оно цитировано на стр. 678 и 679 «Капитала», параллельно с этим же самым местом по отчету не «Hansard», а «Times». «Читателям писем Маркса в его переписке с Brentano будет понятно, почему я пользуюсь отчетом «Times» вместо отчета «Hansard». Но мы уже видели, что г. Тейлор не принадлежит к этим «читателям». Почему он так действует, может быть понятно другим, но ему самому едва ли, если верить его собственной аргументации.

Во всяком случае, мы теперь перешли от непогрешимого «Hansard» к тому же самому отчету, по поводу использования которого анонимный Brentano («Concordia», стр. 210) упрекает моего отца, что он пользуется «только неизбежно скверными газетными отчетами». Одно несомненно: «почему» г. Тейлора должно быть «понятно» для его друга Brentano.

Для меня это «почему» в самом деле очень понятно. Слова, в присочинении которых был обвинен мой отец («увеличение, всецело ограниченное имущими классами»), — эти слова находятся в отчете как «Times», так и других ежедневных газет, между тем как в «Hansard» они не только «наспех исправлены», но вовсе «опущены». Этот факт был установлен Марксом. Г-н Тейлор, который в своем письме в «Times» ужасно еще возмущался такой непростительной «дерзостью», теперь сам принужден отказаться от непорочного «Hansard» и искать защиты в «неизбежно скверном», по словам Brentano, отчете «Times».

Перейдем теперь к самой цитате. Г-н Тейлор обращает наше особое внимание на два подчеркнутые им места. В первом он соглашается: *«здесь, правда, есть словесное противоречие в сравнении со следующей фразой: «Описанное мною увеличение... имущими классами, но стоящие между ними слова «при этом совершенно не принято... населения» показывают, что не может оставаться никакого сомнения относительно того, что имел в виду г. Гладстон» и т. д.* Здесь мы, очевидно, попадаем в область теологии. Это хорошо известный стиль ортодоксального толкования библии. Это место в сущности противоречит себе, но если его толковать согласно с истинной верой христианина, то можно найти, что его смысл не противоречит истинной вере. Если г. Тейлор толкует г. Гладстона таким же образом, как Гладстон толкует библию, то он не может рассчитывать ни на каких сторонников, кроме ортодоксов.

Но г. Гладстон в этом специальном случае или говорил по-анг-

лийски или нет. Если нет, то нам не поможет никакое цитирование и никакое толкование. Если да, в таком случае он сказал, что ему было бы очень жаль, если бы это ошеломляющее увеличение мощи и богатства ограничивалось состоятельными классами, но оно всецело ограничено имущими классами. Это именно и цитировал Маркс. Второе место представляет одно из тех обычных мест, которые с незначительными изменениями повторяются в каждой британской бюджетной речи, за исключением только плохих времен. Что Маркс думал об этом и обо всей речи, показывает следующее извлечение из его второго ответа анонимному клеветнику: «Пропев свой гимн увеличению капиталистического богатства, Гладстон обращается к рабочему классу. Он отнюдь не говорит, что рабочий класс участвовал в ошеломляющем увеличении богатства и мощи. По отчету «Times», он, напротив, продолжает следующими словами: «Но увеличение капитала имеет косвенную выгоду для рабочего и т. д.». Он далее утешает себя тем, «что в то время, как богатые стали богаче, бедные стали менее бедны». Наконец, он уверяет, что он и его разбогатевшие парламентские друзья «так счастливы знать» то, о чем парламентские расследования и статистические показания знают противоположное, а именно, «что положение британского рабочего в среднем за последние двадцать лет улучшилось в такой необычайной степени, которую мы можем объявить почти беспримерной в истории всех стран и всех времен». До г. Гладстона все его предшественники по должности в своих бюджетных речах бывали «так счастливы» дополнять описание роста капиталистического богатства самодовольными речами об улучшении положения рабочего класса. Несмотря на это, он всех их обвиняет во лжи, так как тысячелетнее царство наступило только со времени введения законов о свободе торговли. Здесь, однако, дело не в правильности или неправильности имеющихся у Гладстона оснований утешать себя или поздравлять себя. Здесь речь идет просто о том, что будто бы «необычайное» улучшение положения рабочего класса решительно не противоречит с его точки зрения ошеломляющему увеличению богатства и мощи, которое всецело ограничивается имущими классами. Наоборот, ортодоксальное учение апологетов капитала, — а одним из наилучше оплачиваемых апологетов его является г. Гладстон, — и заключается в том, что самое испытанное средство для рабочих улучшить свое положение состоит в обогащении своих эксплуататоров» («Volksstaat» № 63, 7 августа 1872 г.).

Кроме того, чтобы доставить удовольствие г. Тейлору, упомянутое место из речи Гладстона целиком приведено в Учредительном манифесте на стр. 5, непосредственно перед спорной цитатой.

А что же другое, кроме этого Манифеста, ставил первоначально в вину г. Тейлор? Разве от него так же невозможно добиться указания на подлинные источники, как невозможно получить какое-нибудь разумное основание от Догберри¹?

«Постоянные вопиющие противоречия в бюджетных речах Гладстона» являются предметом примечания 105 на той же странице (679) «Капитала», к которой отсылает нас г. Тейлор. Действительно, очень похоже, что Маркс специально старался по своей «*ma la fides*» [«недобросовестности»] устранить одно из этих противоречий! Совершенно напротив, Маркс не устранил ничего заслуживающего внимания и ничего не «присочинил». Но он восстановил и извлек из забвения известную фразу из речи Гладстона, которая несомненно была сказана, но которая каким-то образом сумела улетучиться из отчета «Hansard».

Элеонора Маркс.

IV. ЭНГЕЛЬС И БРЕНТАНО.

№ 12. Из предисловия Энгельса

к четвертому изданию I т. «Капитала» Маркса.

Полная проверка всех многочисленных цитат оказалась необходимой для вышедшего за это время английского издания. Для этого издания младшая дочь Маркса Элеонора взяла на себя труд сравнить все цитированные места с оригиналами так, что английские цитаты, которые составляют подавляющее большинство, появились в английском издании не в виде обратного перевода с немецкого, а в подлинном английском тексте. Я должен был, таким образом, в четвертом издании принять во внимание этот восстановленный текст. Притом кое-где оказались маленькие неточности: ошибочные ссылки на страницы, объясняемые частью описками при копировании из тетрадей, частью опечатками, накопившимися в течение трех изданий; неправильно поставленные кавычки или знаки пропуска, — погрешность, совершенно неизбежная при массовом цитировании из тетрадей с выписками; в некоторых случаях при переводе цитаты подобрано не совсем удачное слово. Некоторые места цитированы из старых тетрадей, составленных в Париже в 1843—1845 гг., когда Маркс еще не знал английского языка и читал английских экономистов во французском переводе; там, где вследствие двойного перевода

¹ Догберри — известный своими нелепыми изречениями герой комедии Шекспира «Много шума из ничего». Одно из его изречений Маркс цитирует в конце 1-й главы I тома «Капитала». *Ред.*

смысл цитаты приобрел несколько иной оттенок, например в цитатах из Стюарта, Юра и др., я воспользовался английским текстом. Таковы же и другие мелкие неточности и погрешности. Сравнив четвертое издание с предыдущим, читатель убедится, что весь этот кропотливый процесс проверки не изменил в книге ничего заслуживающего упоминания. Только одной цитаты не удалось найти вовсе, а именно из Ричарда Джонса (стр. 562 четвертого издания, примечание 47); Маркс, по всей вероятности, ошибся в заглавии книги. Доказательная сила всех остальных цитат сохранилась вполне или даже усилилась в их теперешнем более точном виде.

Но здесь я вынужден вернуться к одной старой истории.

Мне лично известен лишь один случай, когда была подвергнута сомнению правильность приведенной Марксом цитаты. Но так как историю с этой цитатой выдвигали и после смерти Маркса, я не могу обойти ее молчанием.

В берлинской «Concordia», органе союза немецких фабрикантов, появилась 7 марта 1872 г. анонимная статья под заглавием: «Как цитирует Карл Маркс». Автор этой статьи, излив необычайно обильный запас морального негодования и непарламентских выражений, заявляет, будто Маркс искажил цитату из бюджетной речи Гладстона, произнесенной 16 апреля 1863 г. (цитата помещена в Учредительном манифесте Международного товарищества рабочих в 1864 г. и повторена в «Капитале», т. I, стр. 617 четвертого издания, стр. 671 третьего издания). В стенографическом (квази-официальном) отчете «Hansard» нет, мол, и намек на цитируемую Марксом фразу: «это ошеломляющее увеличение богатства и мощи... всецело ограничивается имущими классами». «Этой фразы вовсе нет в речи Гладстона. В ней сказано как раз обратное. (Далее — жирным шрифтом:) *Маркс формально и по существу присочинил эту фразу*».

Маркс, получив этот номер «Concordia» в мае, ответил анониму в «Volksstaat» в номере от 1 июня. Так как он не мог припомнить, из какого именно газетного отчета он взял свою цитату, он ограничился тем, что привел совершенно аналогичные по смыслу цитаты из двух английских сочинений и сослался кроме того на отчет «Times», согласно которому Гладстон сказал: «That is the state of the case as regards the wealth of this country. I must say for one, I should look almost with apprehension and with pain upon this intoxicating augmentation of wealth and power, if it were my belief that it was confined to classes who are in easy circumstances. This takes no cognizance at all of the condition of the labouring population. The augmentation I have described, and which is founded, I think, upon

accurate returns, is an augmentation entirely confined to classes of property»¹.

Итак, Гладстон говорит здесь, что ему было бы очень жаль, если бы это так было, но в действительности это именно так: это ошеломляющее увеличение богатства и силы всецело ограничивается имущими классами; что же касается квази-официального «Hansard», то Маркс говорит далее: «В этом наспех выправленном задним числом издании г. Гладстон был так благогазумын, что выбросил это место, которое в устах лорда-канцлера казначейства является несомненно компрометирующим. Это, впрочем, традиционный английский парламентский прием, а вовсе не изобретение Ласкера, который применил его против Бебеля».

Аноним раздражается все сильнее и сильнее. В своем ответе («Concordia», 4 июля) он отводит все источники из вторых рук, стыдливо намекает на «обычай» цитировать парламентские речи по стенографическим отчетам; но [уверяет он дальше] отчет «Times» (в котором имеется «присочиненная» фраза) и отчет «Hansard» (где этой фразы нет) «по существу совершенно совпадают», отчет же «Times» заключает в себе «прямую противоположность пресловутому месту из Учредительного манифеста»; причем этот господин старательно замалчивает тот факт, что в Манифесте рядом с этой будто бы прямой «противоположностью» стоит как раз «пресловутое место». Несмотря на все это, аноним чувствует, что он попался и что его может спасти только какая-нибудь новая уловка. Свою статью, которая, как только что было доказано, вся пропитана «наглой лживостью», он начиняет самой назидательной бранью: «mala fides», «бесчестность», «лживые ссылки», «эта лживая цитата», «наглая ложь», «совершенно сфальсифицированная цитата», «эта фальсификация», «просто бесчестно» и т. д. Но в то же время он считает нужным перенести спорный вопрос в новую плоскость и обещает разъяснить «в другой статье, какое значение придаем мы (т. е. «нелживый» г. аноним) содержанию слов г. Гладстона». Как будто бы его мнение, для всех совершенно безразличное, имеет какое-нибудь отношение к делу! Эта вторая статья появилась в «Concordia» 11 июля.

¹ «Так обстоит дело с богатством этой страны. Я, со своей стороны, должен прежде всего сказать, что смотрел бы с тревогой и беспокойством на это ошеломляющее увеличение богатства и мощи, если б думал, что оно ограничивается лишь состоятельными классами. Здесь совершенно не принято во внимание положение трудящегося населения. Увеличение, которое я описал и которое, как я полагаю, основано на точных обследованиях, всецело ограничивается имущими классами». *Ред.*

Маркс еще раз ответил в «*Volksstaat*» (номер от 7 августа), процитировав соответственное место из «*Morning Star*» и «*Morning Advertiser*» от 17 апреля 1863 г. Согласно обоим источникам Гладстон сказал, что он смотрел бы с тревогой и т. д. на ошеломляющее увеличение богатства и мощи, если бы думал, что оно ограничивается действительно состоятельными классами (*classes in easy circumstances*), но что увеличение это всецело ограничивается имущими классами (*entirely confined to classes possessed of property*); таким образом, и в этих отчетах буквально повторяется фраза, будто бы «присочиненная» Марксом. Далее Маркс путем сличения текстов «*Times*» и «*Hansard*» устанавливает еще раз, что фраза, подлинность которой с полной очевидностью доказывается буквальным совпадением в данном пункте отчетов трех вышедших на следующее утро независимых друг от друга газет, — что в отчете «*Hansard*», просмотренном согласно известному «обычаю», эта фраза отсутствует, что Гладстон, употребляя выражение Маркса, «задним числом утаила ее»; наконец, Маркс заявляет, что у него нет времени для дальнейшей полемики с анонимом. Но последний был, повидимому, сыт по горло и тем, что уже получил, по крайней мере больше Марксу не присылали номеров «*Concordia*».

Инцидент казался окончательно исчерпанным и забытым. Правда, раз или два лицами, имевшими связи с Кембриджским университетом, распространялись таинственные слухи о чудовищном литературном преступлении, совершенном Марксом в «*Капитале*», однако, несмотря на всю тщательность изысканий в этом направлении, не удалось установить решительно ничего определенного. Но вот 29 ноября 1883 г., через 8 месяцев после смерти Маркса, в «*Times*» появляется письмо, датированное Кембридж, Trinity College, и подписанное Седлей Тейлором, в котором этот человек, занимающийся самыми смиренными кооперативными делами, вдруг ни с того, ни с сего просвещает нас, наконец, не только относительно кембриджских сплетен, но и относительно лица, скрывающегося за анонимом «*Concordia*».

«Что является крайне странным, — пишет человек из Trinity College, — это то, что на долю профессора Brentano (в то время в Бреславле, теперь в Страсбурге) выпало... разоблачить ту *malafides* [недобросовестность], которая очевидно продиктовала в (Учредительном) манифесте цитату из речи Гладстона. Г-н Карл Маркс..., который пытался защищать цитату, имел дерзость в предсмертных судорогах (*deadly shifts*), к которым его быстро привели мастерские нападки Brentano, утверждать, что г. Гладстон состряпал отчет для «*Hansard*» после того, как его речь в подлинном виде появилась в

«Times» от 17 апреля 1863 г., и выбросил оттуда одно место, которое могло, конечно, компрометировать английского канцлера казначейства. Когда Brentano доказал путем тщательного сличения текстов, что отчеты «Times» и «Hansard» совпадают, абсолютно исключая тот смысл, который был придан словам Gladstone ловко выхваченными отдельными цитатами, Маркс отказался от дальнейшей полемики под предлогом «недостатка времени».

Так вот где зарыта собака! И какой великолепный вид приняла в производительной-кооперативной фантазии Кембриджа анонимная кампания г. Brentano в «Concordia»! Вот наносит он свои «мастерские удары», этот Георгий Победоносец союза немецких фабрикантов, а у ног его, «быстро поверженный в прах», извивается «в предсмертных судорогах» адский дракон Маркс!

И тем не менее все это описание битвы в стиле Ариосто служит лишь для того, чтобы замаскировать уловки нашего Георгия Победоносца. Здесь уже нет речи о «присочиненной лжи», о «фальсификации», но говорится лишь о «ловком выдергивании цитат» (*craftily isolated quotation*). Весь вопрос переносится в совершенно иную плоскость, и Георгий Победоносец со своим кембриджским оруженосцем очень хорошо понимают, почему это делается.

Элеонора Маркс ответила [Тейлору] в ежемесячнике «To-Day» (февраль 1884 г.), так как «Times» отказался принять ее статью; она возвратила полемику к тому единственному пункту, о котором шла речь: «присочинил» ли Маркс инкриминируемую фразу или нет? — Г-н Седлей Тейлор ответил на это, что, по его мнению, «вопрос о том, имелась ли известная фраза в речи г. Gladstone, играл совершенно второстепенную роль» в споре между Марксом и Brentano «по сравнению с вопросом, была ли упомянутая цитата приведена с намерением передать мысль Gladstone или исказить ее». Он соглашается далее, что отчет «Times» «действительно заключает в себе словесное противоречие», но остальное содержание, истолкованное правильно, т. е. в либерально-гладстоновом смысле, показывает, что Gladstone *хотел* сказать («To-Day», март 1884 г.). Самое комичное здесь то, что наш человек из Кембриджа упорно цитирует речь *не* из «Hansard», как это повелевает «обычай», установленный анонимом Brentano, а из «Times», отчет которого, согласно тому же Brentano, «неизбежно скверен». Да и как же иначе? Ведь роковой фразы *нет* в «Hansard»!

Элеоноре Маркс не стоило большого труда уничтожить эту аргументацию на страницах того же самого номера «To-Day». Одно из двух. Или г. Тейлор читал полемику 1872 г. Тогда он теперь «лжет»,

причем ложь его заключается не только в «присочинении» того, чего не было, но и в «отрицании» того, что было. Или он вовсе не читал этой полемики. Тогда он не имел права раскрывать рот. Как бы то ни было, он уже больше ни минуты не осмеливался поддерживать обвинения своего друга Brentano, будто Маркс «присочинил». Наоборот, Маркс, оказывается, не присочинил, а выкинул одау важную фразу. Но в действительности эта фраза цитирована на стр. 5 Учредительного манифеста несколькими строками раньше той, которая будто бы «присочинена». Что же касается «противоречия», заключающегося в бюджетной речи Gladstone, то кто же иной, если не Маркс, говорит (стр. 618 «Капитала», примечание 105; стр. 672 третьего издания) о «многочисленных вопиющих противоречиях в бюджетных речах Gladstone 1863 и 1864 гг.»! Он только не пытается à la Sedley Taylor растворять эти противоречия в либеральном прекраснодушии. Заключительное резюме ответа Э. Маркс гласит: «Напротив, Маркс не устранил ничего заслуживающего внимания и ничего не «присочинил». Но он восстановил и извлек из забвения известную фразу из речи Gladstone, которая несомненно была сказана, но каким-то образом сумела улетучиться из отчета «Hansard».

После этого угомонился и г. Sedley Taylor. Результатом всего этого профессорского похода, растянувшегося на два десятилетия и захватившего две великих страны, было то, что никто уже более не осмеливался затронуть литературную добросовестность Маркса. Надо думать, что на будущее время г. Sedley Taylor станет относиться с таким же недоверием к литературным отчетам г. Brentano о своих победах, как г. Brentano — к папской непогрешимости «Hansard».

Лондон, 25 июня 1890 г.

Ф. Энгельс.

№ 13. Ответ Brentano.

«Моя полемика с Карлом Марксом», Берлин, 1890 г., стр. 3—5.

28 сентября 1864 г. в зале св. Мартина в Лондоне происходило публичное собрание, в котором были представлены англичане, немцы, французы, поляки и итальянцы. Карл Маркс предложил этому собранию временный устав Международной рабочей организации, которую предстояло основать, а также составленный им Учредительный манифест этой организации. И то и другое было принято единогласно, и Учредительный манифест обошел весь мир. В Манифесте находилась цитата из бюджетной речи Gladstone от

16 апреля 1863 г., которая вызвала больше внимания, чем все прочие содержавшиеся в нем данные: «Ослепленный «прогрессом нации», введенный в заблуждение статистическими цифрами, канцлер казначейства в диком восторге восклицает: «С 1842 по 1852 г. подлежащий обложению доход страны увеличился на 6%, за восемь лет с 1853 по 1861 г. он в сравнении с доходом 1853 г. увеличился на 20%. Этот факт так изумителен, что он представляется почти невероятным»... «Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи», прибавляет г. Гладстон, «всецело ограничивается имущими классами».

Зимой 1871/72 г., занятый подготовкой второго тома моих «*Arbeitergilden der Gegenwart*» [«Современные рабочие гильдии»], я должен был исследовать (ср. там же, т. II, стр. 241), насколько соответствует фактам столь часто повторяемый аргумент, что повышение заработной платы уменьшает в дальнейшем спрос на труд. В предшествующие десятилетия этот аргумент постоянно выставлялся против английских профессиональных союзов, когда они требовали повышения заработной платы. Тогда я вспомнил о цитате из бюджетной речи Гладстона. Но я находил невозможным, подобно многим другим, сослаться на Манифест Интернационала и на соответствующее место из «Капитала» Маркса, т. I, 1867 г., стр. 639. Я взял стенографический отчет о бюджетной речи Гладстона и нашел, что, хотя он и показывает, что повышение заработной платы за период 1842—1861 гг. нисколько не задержало роста доходов имущих классов и ни в малейшей степени не уменьшило их спроса на труд, однако же Гладстон, в прямую противоположность указанию Карла Маркса, напротив, сказал: «Цифры, которые я привел, мало или совсем не принимают во внимание положения тех, которые не платят подоходного налога... имущества рабочего населения и увеличения доходов последнего... Но если мы будем рассматривать среднее положение британского рабочего, будь то крестьянин или горнорабочий, обученный или необученный рабочий, то мы увидим из различных и бесспорных данных, что за последние двадцать лет произошло такое увеличение его средств существования, что мы можем почти признать его беспрецедентным в истории всех стран и времен».

Ввиду большого значения, какое имела цитата из речи Гладстона для утверждения социал-демократов, что в пределах существующего государственного и общественного строя богатые неизбежно становятся все богаче, а бедные неизбежно становятся все беднее, я обратил внимание редакции выходившей в Берлине «*Concordia, Zeitschrift für die Arbeiterfrage*» на произведенную здесь фальсификацию. Последняя предложила мне написать об этом статью, которая

появилась в «Concordia» 7 марта 1872 г. Статья не была мною подписана; с одной стороны, это было сделано по желанию редакции в интересах престижа ее газеты, с другой стороны, я тем менее мог против этого возражать, что после той литературной полемики, которую Маркс вел прежде, можно было ожидать, что он будет осыпать своего противника личными оскорблениями и что поэтому было бы лишь забавно оставить его в неведении относительно личности его противника.

По прошествии четверти года Маркс ответил в «Volksstaat». Из развившейся по этому поводу полемики вытекало, что Маркс не сам совершил фальсификацию, а заимствовал фальсифицированную цитату из пасквиля, появившегося анонимно в 1864 г. и озаглавленного «The Theory of the Exchanges. The Bank Charter Act of 1844. The abuse of the metallic principle to depreciation. Parliament mirrored in Debate, supplemental to «The Stock Exchange and the Repeal of Sir J. Barnard's Act», London, T. Cautley Newby, 30 Welbeck Street, 1864. [«Теория размена. Банковский акт 1844 г. Злоупотребления металлическим принципом и обесценение. Парламент, отраженный в дебатах, приложение к «Акту о биржах и отмене акта сэра Дж. Барнарда», Лондон, Т. Каутлей Ньюби, 1864 г.]. Это произведение упрямого Терсита¹ состоит в значительной части из искаженных цитат из политико-экономических произведений и речей со втиснутыми между ними латинскими, английскими и французскими стихами и другими комментариями, которые должны служить для издательства. При таком характере книга, понятно, осталась совершенно неизвестной.

Если бы теперь Маркс просто признал, что он был введен в заблуждение этой книгой, и дал бы затем правильную цитату, то, правда, можно было бы удивляться тому, что он полагался на подобные источники, но ошибка была бы, по крайней мере, исправлена. Но об этом у него не было и речи. К тому же при том широком распространении, которое получил Учредительный манифест, отпадение этого блестящего пункта вследствие исправления цитаты было бы очень неудобно для агитации. Ведь одним из главных агитационных средств социал-демократии является то, что ее представители считают себя единственными обладателями истинной науки, и, как показал партийтаг в Галле, скорее готовы обвинить себя в том, что сознательно недобросовестно пользовались железным законом заработной платы исключительно как агитационным средством,

¹ Один из персонажей «Илиады» Гомера. *Ред.*

нежели признать свою ошибку. Вместо того, чтобы взять обратно свою цитату, Маркс поэтому старался доказать, что Гладстон задним числом подправил стенографический отчет своей бюджетной речи; грубости своей шутовской полемики он направил теперь против предполагаемого фабриканта, который при содействии английского делового друга хотел его немного поддеть, а когда было доказано, что и «Times» в своем номере, вышедшем на следующее утро после того вечера, когда Гладстон произнес свою речь, воспроизвел эту речь в смысле, совпадающем со стенографическим отчетом, он [Маркс] поступил, как писала редакция «Concordia», подобно каракатице, выпускающей в воду черную жидкость, чтобы сделать воду мутной и затруднить своему противнику преследование, т. е. он изо всех сил старался затемнить предмет спора, придираясь к совершенно безразличным пустякам; и, наконец, он ретировался, заявив, что из-за «недостатка времени» он не может продолжать этой полемики». И он не ответил в свое время на помещенную мною в «Concordia» от 22 августа 1872 г. критику его второго ответа.

Тот факт, что я был автором статей в «Concordia» от 7 марта, 4 и 11 июля и 22 августа 1872 г., был многим известен, и во втором издании истории социал-демократии Меринга, вышедшем еще при жизни Маркса, я был официально назван их автором. Седлей Тейлор из Trinity College, Кембридж, обративший внимание на этот вопрос, изучил эту полемику и написал по этому поводу письмо в «Times». Это заставило выступить дочь умершего к тому времени Маркса, Элеонору Маркс, которая в ежемесячном социалистическом журнале «To-Day» за март 1884 г. не только защищала лояльность своего отца, но закончила еще замечанием, что ее отец «извлек из забвения и восстановил одну фразу из речи Гладстона, — фразу, которая несомненно была сказана, но каким-то образом сумела улетучиться из стенографического отчета «Hansard»».

Уже в то время я имел в виду ответить на это упорное отстаивание неправильной цитаты дословной перепечаткой всей полемики. Но редакции часто имеют свое собственное суждение; специальный журнал, который я считал для этого наиболее подходящим по сравнению с другими, отказался от перепечатки, заявив, что спор этот лишен общего интереса. Энгельс был, очевидно, другого мнения. В предисловии к подготовленному им 4-му изданию первого тома «Капитала» он возвращается к этой полемике, но сообщает о ней в такой форме, при которой, понятное дело, не обнаруживается недобросовестность Маркса. Кроме того, он сохранил в неизменном виде то место в «Капитале» (т. I, 4-е изд., стр. 617), где Маркс приписывает

Гладстону противоположное тому, что он действительно сказал; более того, между тем как Маркс в первом издании для своей цитаты ссылается просто: «Гладстон в Палате общин 16 апреля 1863 г.», четвертое издание прибавило к этой ссылке еще ««Morning Star», 17 апреля 1863 г.», как будто отчет этой газеты содержит эту цитату в такой формулировке, в какой передал ее Маркс! Но и отчет «Morning Star» содержит все те пропущенные брошюрой «Theory of the Exchanges», а за нею и Марксом, фразы, которые показывают, что там, где Гладстон говорит в своей бюджетной речи о данных подоходного налога, он говорит только о доходе тех, которые платят налог, противопоставляя их тем, которые, получая меньший доход, освобождены от этого налога; что на основании данных подоходного налога он констатирует ошеломляющее увеличение богатства и мощи и вместе с тем замечает, что констатированный на основании этих списков прирост доходов относится только к лицам состоятельным, что совершенно естественно, так как доход остальных не внесен в эти списки; но что он, однако, *не* думает, что этот прирост ограничивается этими классами, так как из других источников известно, что одновременно положение британского рабочего улучшилось в такой степени, какой оно не достигало ни в какой стране и ни в какие времена...

(Остальное не имеет ничего общего с обвинениями и является простым «приложением к этому вопросу» и т. д. — Ф. Энгельс.)

№ 14. Из приложений к ответу Брентано.

а) Из «The Theory of the Exchanges», Лондон, 1864, стр. 134.

«С 1842 по 1852 г. подлежащий обложению доход страны увеличился на 6 процентов...; а за восемь лет, с 1853 по 1861 г., он увеличился в сравнении с 1853 г. на 20 процентов! Мой уважаемый друг говорит, что это произошло благодаря австралийскому золоту. Мне очень жаль, что он впал в глубокую ересь по вопросу о золоте. Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами, но должно иметь косвенную выгоду для рабочего населения, потому что оно удешевляет товары широкого потребления — в то время как богатые стали богаче, бедные стали менее бедны. Но во всяком случае я не решаюсь сказать, уменьшились ли пределы бедности».

«Voilà l'homme en effet. Il va du blanc au noir.

Il condamne au matin ses sentiments du soir.

Importun à tout autre, à lui même incommode,

Il change à tous moments d'esprit comme de mode».

[«Вот в самом деле человек. Он шатается между белым и черным. Утром он осуждает то, что одобрял вечером. Несносный для всех, в тягость себе самому, Он каждую минуту меняет свои мнения, как моду».]

«Среднее положение британского рабочего за последние двадцать лет улучшилось в такой необычайной степени, которая, как нам известно, беспримерна в истории какой бы то ни было страны и какого бы то ни было времени, это предмет величайшего удовлетворения, потому что и т. д... едва ли заработки доставляли достаточное количество предметов первой необходимости»...

Для наличия связи между «The Theory of the Exchanges» и рассмотренными выводами в «Капитале» Маркса (т. I, изд. 1-е, стр. 639) заслуживает внимания следующее. Приведенные в этом месте из «The Theory of the Exchanges» данные лондонского «Orphan Asylum» Маркс противопоставляет фразе Гладстона: «Я не решаюсь сказать, уменьшились ли пределы бедности»; после этого Маркс выступает против бюджетной речи Гладстона от 7 апреля 1864 г.: «The Theory of the Exchanges» содержит приложение, в котором в виде добавления к только что перепечатанным страницам точно так же комментируется бюджет 1864 г. Там тот же стиль, который уже достаточно хорошо известен из предыдущего. В этом экскурсе мы находим следующее место (стр. 234):

«Но канцлер красноречив насчет «бедности»... Подумайте о тех, которые находятся на грани этой области... Заработная плата... в других случаях определенно не увеличилась... Человеческая жизнь в девяти случаях из десяти представляет борьбу за существование».

Теперь сравним с этим Маркса (т. I, изд. 1-е, стр. 640; изд. 4-е, стр. 618). Здесь опять вместо передачи самой бюджетной речи буквально та же самая мозаика вырванных из общей связи фраз, как в «The Theory of the Exchanges». И здесь он опять-таки ссылается в качестве источника не на нее, а прямо на речь Гладстона в Палате общин 7 апреля 1864 г. А затем далее говорится: «Постоянные вопиющие противоречия в бюджетных речах Гладстона от 1863 и 1864 гг. один английский писатель характеризует следующей цитатой из Мольера» (следует вышеприведенное четверостишие Мольера).

Ясно, что Маркс заимствовал из этой книги не только цитату из Мольера, но также и придуманные автором «The Theory of the Exchanges» «постоянные вопиющие противоречия в бюджетных речах Гладстона».

б) Энгельс, как было уже сказано во введении к этой перепечатке, прибавил в четвертом издании первого тома «Капитала» Маркса на

стр. 617 к приведенным неправильным цитатам из бюджетной речи Гладстона ссылку на «Morning Star» от 17 апреля 1863 г. Спорное место этой речи было уже передано выше на стр. 8—9 по стенографическому отчету «Hansard». Хотя это было уже сделано на стр. 3 по отношению к совпадающему по смыслу и лишь более сжато для газеты отчету «Times», мы все же сопоставляем здесь еще раз этот отчет и отчет в упоминаемом Энгельсом «Morning Star» с буквальным текстом цитаты у Маркса:

The Times,
April 17, 1863

«In ten years, from 1842 to 1852 inclusive, the taxable income of the country, as nearly as we can make out, increased by 6 per cent; but in eight years, from 1853 to 1861, the income of the country again increased from the basis taken by 20 per cent. That is a fact so strange as to be almost incredible...
I must say for one, I should look almost with apprehension and with pain upon this intoxicating augmentation of wealth and power, if it were my belief that it was confined to the classes who are in easy circumstances. This takes no cognizance at all of the condition of the labouring population. The augmentation I have described, and which is founded, I think upon accurate returns, is an augmentation entirely confined to classes of property. Now, the augmentation of capital is of indirect benefit to the labourer, because it cheapens the commodity which in the business of

The Morning Star,
April 17, 1863.

«I must say for one, I should look with apprehension and with pain upon this intoxicating augmentation of wealth and power, if it were my belief that it was confined to the classes who are in easy circumstances. This great increase of wealth takes no cognizance at all of the condition of the labouring population. The augmentation is an augmentation entirely confined to classes of property. But that augmentation must be of indirect benefit to the labouring population, because it cheapens the commodities which go to the general consumption. So that we have this pro-

Das Kapital,

1. Aufl., S. 639, Note 103.

«From 1842 to 1852 the taxable income of the country

increased by 6 per cent. In the eight years from 1853 to 1861, it had increased from the basis taken in 1853, 20 per cent! The fact is so astonishing as to be almost incredible...

«...This intoxicating augmentation of wealth and power

is entirely confined to classes of property, but must be of indirect benefit to the labouring population, because it cheapens the commodities of general consumption —

production comes into direct competition with labour. (Hear, hear). But we have this profound, and, I must say, inestimable consolation, that while the rich have been growing richer the poor have been growing less poor. Whether the extremes of poverty are less extreme than they were I do not presume to say, *but the average condition of the British labourer, we have the happiness to know, has improved during the last twenty years in a degree which we know to be extraordinary, and which we may almost pronounce to be unexampled in the history of any country and of any age* (Cheers).

found, and I almost say, inestimable consolation—while the rich have been growing richer, the poor have been growing less poor (Hear, hear). At any rate, whether the extremes are less than they were I do not presume to say, *but the average condition of the British labourer, we have the happiness to know to be extraordinary, and that we may almost pronounce it to be unexampled in the history of any country or any age* (Cheers).

while the rich have been growing richer, the poor have been growing less poor! At any rate, whether the extremes of poverty are less, I do not presume to say».

Здесь, в середине фразы, как показывает вышеприведенная перепечатка, «The Theory of the Exchanges» обрывает фразу, чтобы вставить цитату из Мольера; Маркс, который, как показывает сопоставление, ни в каком случае не мог взять цитату из «Morning Star», а, обозначив точками пропущенное *и* место, заимствовал его дословно из «The Theory of the Exchanges», заставляет Гладстона закончить в середине фразы...

Из настоящего сопоставления ясно, что произвольно составленная мозаика вырванных из общей связи фраз, которую Маркс дает как бюджетную речь Гладстона, так же мало находится в «Morning Star», как и в «Times» или в «Hansard»; но ее можно найти исключительно в «The Theory of the Exchanges». Приведенные выше фразы с пробелами — это именно те, которые Генри Рой и — сравни последнюю фразу — еще более Карл Маркс пропустили, чтобы приписать Гладстону противоположное тому, что он сказал.

№ 15. Из парламентских отчетов лондонской прессы

от 17 апреля 1863 г.

«Morning Herald». Что касается меня, то я могу сказать, что я со страхом и беспокойством смотрел бы на это ошеломляющее увеличение богатства, если б думал, что оно ограничивается состоятельными классами. Это огромное увеличение богатства, которое я описал и которое основано на точных данных, ограничивается всецело увеличением капитала и вовсе не принимает в расчет беднейших классов.

«Morning Post». Я могу сказать, что я, со своей стороны, смот-

рел бы со страхом и беспокойством на это огромное увеличение богатства, если б думал, что его блага ограничиваются состоятельными классами. Это увеличение богатства, которое я описал и которое основано на точных данных, всецело ограничивается увеличением капитала и совершенно не принимает в расчет увеличения богатства беднейших классов.

«Daily Telegraph». Что касается меня, то могу сказать, что я почти с беспокойством и со страхом смотрел бы на это ошеломляющее увеличение богатства и мощи, если б думал, что оно ограничивается состоятельными классами. Эта сторона проблемы богатства совершенно не принимает во внимание положения рабочего населения. Указанное увеличение есть увеличение, всецело ограниченное имущими классами.

«Daily News». Что касается меня, то могу сказать, что я смотрел бы со страхом и беспокойством на это огромное увеличение богатства, если б думал, что блага его ограничиваются состоятельными классами. Это увеличение богатства, которое я описал и которое основано на точных данных, всецело ограничивается увеличением капитала и не принимает в расчет увеличения богатства беднейших классов.

«Standard». Я могу сказать, что я, со своей стороны, со страхом и беспокойством смотрел бы на это ошеломляющее увеличение богатства, если б думал, что оно ограничивается состоятельными классами. Это огромное увеличение богатства, которое я описал и которое основано на точных данных, всецело ограничивается увеличением капитала и не принимает в расчет беднейших классов.

№ 16. Гладстон — Brentano.

«Deutsches Wochenblatt», № 49, 4 декабря 1890 г.

Сообщение.

В № 45 «Deutsches Wochenblatt» профессор Луио Brentano опубликовал статью «Моя полемика с Карлом Марксом», которая служила в то же самое время введением для перепечатки этой полемики в виде отдельной брошюры. В этой полемике главным образом идет речь об одной парламентской речи, произнесенной в 1863 г. Гладстоном и переданной в искаженной форме Марксом в его Учредительном манифесте при основании Международной рабочей организации.

Очевидно, никто не компетентен более самого Гладстона решить этот спор о тексте его речи. Поэтому имеет особенный интерес, что

Гладстон в связи с перепечаткой полемики Брентано с Марксом послал два письма Брентано. 22 ноября Гладстон пишет Брентано: «Вы совершенно правы, а Маркс совершенно неправ», а 28 ноября он пишет: «Я не сделал никаких изменений». Этим должен быть окончательно исчерпан инцидент, который проливает характерный свет на социал-демократический способ доказательства, решительно не в пользу социал-демократической точки зрения.

В раскрытии обмана состоит огромная заслуга Брентано, и весьма своевременно было именно теперь напомнить об этом споре.

О. А.

№ 17. Ответ Энгельса на № 16.

«Neue Zeit», № 13, 1891, стр. 425.

По вопросу Брентано contra Маркс.

В моем предисловии к четвертому изданию I тома «Капитала» Маркса я был принужден сообщить об анонимной кампании, которую в свое время вел г. Луио Брентано против Маркса в связи с обвинением, будто Маркс сфальсифицировал цитату из одной речи Гладстона.

На это Брентано ответил в брошюре «Meine Polemik mit Karl Marx». Von Lujo Brentano, Berlin, Walter und Apolant, 1890. Я не замедлю дать ему ответ на это.

Между тем в № 49 от 4 декабря 1890 г. «Deutsches Wochenblatt» напечатана еще одна заметка по этому поводу, в которой сказано:

«Очевидно, никто не компетентен более самого Гладстона решить этот спор о тексте его речи. Поэтому имеет особенный интерес, что Гладстон в связи с перепечаткой полемики Брентано с Марксом послал два письма Брентано. 22 ноября Гладстон пишет Брентано: «Вы совершенно правы, а Маркс совершенно неправ», а 28 ноября он пишет: «Я не сделал никаких изменений».

Что это должно означать? В чем «Вы совершенно правы» и в чем «Маркс совершенно неправ»? В чем «я не сделал никаких изменений»? Так, как это здесь написано, это может означать все, что угодно, или же ничего не означать. Почему сообщение г. Брентано ограничивается этими двумя короткими фразами?

Либо г. Гладстон не позволил ему напечатать письма целиком. В таком случае это достаточное доказательство того, что они ничего не доказывают.

Либо же г. Гладстон с самого начала написал эти письма для

их опубликования и разрешил г. Brentano воспользоваться ими, как ему будет угодно. В таком случае опубликование *только* этих ничего не говорящих извлечений именно и указывает, что показание Gladstone в целом для г. Brentano бесполезно и именно потому «кое-как выправлено».

Чтобы знать, какое значение имеют две вышеприведенные фразы, мы должны были бы видеть не только оба письма г. Gladstone, но и соответствующие письма г. Brentano. А до тех пор, пока не опубликована подлинная переписка по этому вопросу, вышеприведенные отрывки не имеют абсолютно никакого значения для этого спорного вопроса и не стоят той бумаги, на которой они напечатаны.

Ф. Энгельс.

Фридрих Энгельс
СОЦИАЛИЗМ В ГЕРМАНИИ

*Напечатана на французском языке
в «Almanach du Parti Ouvrier pour
1892», и на немецком языке в «Die
Neue Zeit», Jg. X, Bd. I., 1891, Н. 19.*

Подпись: Фридрих Энгельс.

СОЦИАЛИЗМ В ГЕРМАНИИ.

Нижеследующее представляет собою перевод статьи, опубликованной мною по просьбе наших парижских друзей на французском языке в «Almanach du Parti Ouvrier» за 1892 г. Я обязан напечатать ее также и по-немецки как ради французских, так и ради немецких социалистов. Ради французских — потому, что в Германии должно стать известно, как откровенно можно обсуждать с ними тот случай, когда немецким социалистам безусловно пришлось бы принять участие в войне, даже и против Франции, и как свободны *эти* французы от шовинизма и жажды реванша, которыми так щеголяют все буржуазные партии, от монархистов до радикалов. Ради немецких — потому, что они имеют право узнать непосредственно от меня самого, что я рассказал о них французам.

Само собою разумеется, — об этом я заявляю прямо, — что в этой статье я говорю только от своего собственного имени, а вовсе не от имени германской партии. Такое право принадлежит только выборным органам этой партии, ее представителям и доверенным лицам. К тому же то положение, которое я занимаю в международном движении в итоге пятидесятилетней работы, не позволяет мне выступать представителем той или иной национальной социалистической партии в противоположность другим партиям, хотя оно и не мешает мне помнить, что я немец, и чувствовать, что я горжусь той передовой позицией, которую завоевали себе наши немецкие рабочие¹.

I.

Немецкий социализм возник задолго до 1848 г. На первых порах в нем существовало два независимых течения. С одной стороны — чисто рабочее движение, ответвление французского пролетарского коммунизма; из него вышел, как один из этапов его развития, утопический коммунизм Вейтлинга. Затем — теоретическое движение, возникшее из распада гегелевской философии; в этом течении

¹ Оба вводных абзаца добавлены Энгельсом для немецкого перевода, помещенного в «Die Neue Zeit». *Ред.*

с самого же начала господствует имя Маркса. «Коммунистический манифест», появившийся в январе 1848 г., обозначает слияние обоих этих течений, слияние, завершенное и закрепленное в горниле революции, где все они, и рабочие, и экс-философы, с честью за себя постояли.

После того, как в 1849 г. европейская революция потерпела поражение, в Германии социализм должен был ограничиться существованием в подпольи. Только в 1862 г. Лассаль, ученик Маркса¹, снова поднял социалистическое знамя. Но это был уже не смелый социализм Манифеста; все, чего требовал Лассаль в интересах рабочего класса, сводилось к учреждению кооперативно-производственных товариществ с помощью государственного кредита, — новое издание программы той части парижских рабочих, которая до 1848 г. примыкала к чисто республиканской «National» Марра, т. е. к программе, выдвинутой чистыми республиканцами против «организации труда» Луи Блана. Лассальянский социализм был, как мы видим, очень скромен. И тем не менее он является исходным пунктом второй стадии развития социализма в Германии. Ибо Лассалю, благодаря его таланту, пламенному рвению, неукротимой энергии, удалось вызвать к жизни рабочее движение, с которым положительными или отрицательными, дружественными или враждебными узами связано все то, что немецкий пролетариат самостоятельно сделал за десять лет².

В самом деле, могло ли чистое лассальянство, как таковое, удовлетворить социалистические требования нации, создавшей Манифест? Это было невозможно. И поэтому, главным образом благодаря усилиям Либкнехта и Бебеля, возникла вскоре рабочая партия, открыто провозгласившая принципы Манифеста 1848 г.³ Затем в 1867 г., спустя три года после смерти Лассаля, появился «Капитал» Маркса, и с этого момента начинается упадок специфического лассальянства. Взгляды, высказанные в «Капитале», все больше становились общим достоянием всех немецких социалистов, — лассальянцев не в меньшей степени, чем прочих. Не раз целые группы лассальянцев с развернутыми знаменами и с барабанным боем переходили к новой, «эйзенахской» партии⁴. Последняя непрерывно усиливалась,

¹ Во французском тексте: «соученик Маркса». *Ред.*

² Во французском тексте: «все, что волновало немецкий пролетариат в течение десяти лет». *Ред.*

³ Во французском тексте: «принципы 1848 г.». *Ред.*

⁴ Во французском тексте: «к новой партии Бебеля и Либкнехта, к так называемой эйзенахской партии». *Ред.*

так что скоро дело дошло до открытой вражды между нею и лассальянцами; и наиболее ожесточенной была борьба, — дело доходило до драк, — как раз в тот момент, когда между враждующими уже не было ни одного действительного разногласия, когда принципы, аргументы и даже средства борьбы во всем существенном у тех и у других уже совпадали.

А это был как раз тот момент, когда депутаты обоих направлений сидели рядом в рейхстаге и необходимость совместных действий ощущалась вдвойне. Пред лицом партий порядка ¹ взаимная вражда социалистов была просто смешна. Положение становилось невыносимым. Но вот в 1875 г. произошло слияние. И с тех пор враждовавшие прежде братья уже непрерывно составляли единую, тесно сплоченную семью. А если и была еще хоть малейшая надежда на их разъединение, то Бисмарк предупредительно ее устранил, издав в 1878 г. свой пресловутый исключительный закон, отнявший все права у немецкого социализма. Удары преследований, как удары молота, падали одинаково на тех и на других, окончательно выковав из лассальянцев и эйзенахцев единое, однородное целое. И в настоящее время социал-демократическая партия, выпуская одной рукой официальное издание сочинений Лассаля, в то же время другой рукой вытраивает из своей программы — при содействии старых лассальянцев — последние следы специфического лассальянства.

Нужно ли подробно перечислять все превратности судьбы, битвы, поражения и победы, которые пережила наша партия на своем пути? Когда всеобщее избирательное право открыло перед нею двери рейхстага, она была представлена двумя депутатами и сотней тысяч избирателей; теперь она насчитывает 35 депутатов и полтора миллиона избирателей, т. е. больше избирателей, чем было их у любой партии на выборах 1890 г. Одиннадцать лет гонений и осадного положения учетверили ее силы и превратили ее в сильнейшую партию Германии. В 1867 г. депутаты партии порядка ² могли еще смотреть на своих социалистических коллег как на чужеродные существа, упавшие с другой планеты; сейчас они волей-неволей вынуждены видеть в них представителей силы, которой принадлежит будущее. Социал-демократическая партия, свергнувшая Бисмарка и сломившая после одиннадцатилетней борьбы закон о социалистах; партия, которая, подобно нарастающему наводнению, сносит все плотины и заливаает города и села, вплоть до самых реакционных

¹ Во французском тексте: «пред лицом буржуазных депутатов». *Ред.*

² Во французском тексте: «буржуазные депутаты». *Ред.*

земледельческих округов, — эта партия достигла теперь такого положения, что может почти с математической точностью определить время, когда она придет к господству.

Число голосов, поданных за социалистов, составляло:

1871 г.	101 927	1884 г.	549 990
1874 г.	351 670	1887 г.	763 128
1877 г.	493 447	1890 г.	1 427 298

Со времени последних выборов правительство делало все, от него зависящее, чтобы толкнуть народные массы к социализму: оно преследовало профессиональные союзы и стачки, оно даже при современной дороговизне сохраняло пошлины, из-за которых к выгоде крупных земледельцев дорожает хлеб и мясо для бедняков. На выборах 1895 г. мы можем поэтому рассчитывать по меньшей мере на $2\frac{1}{2}$ миллиона голосов; к 1900 г. они могут подняться до $3\frac{1}{2}$ — 4 миллионов. Приятный «итог столетия» для наших буржуа!

В противовес этой компактной и все нарастающей массе социал-демократов мы видим лишь разьединенные буржуазные партии. В 1890 г. консерваторы (обе фракции вместе) насчитывали 1 377 417 голосов; национал-либералы — 1 177 807; немецкие свободомыслящие ¹ — 1 159 915; центр ² — 1 342 113. Это такое положение, при котором сплоченная партия, располагающая более чем $2\frac{1}{2}$ миллионами голосов, может принудить к капитуляции любое правительство.

Но главная сила германской социал-демократии — вовсе не в числе избирателей. Избирателем у нас становятся только в 25 лет, а солдатом — уже в 20. А так как наибольшее число приверженцев составляет нашей партии именно молодое поколение, то отсюда следует, что немецкая армия все более и более заражается социализмом. Теперь за нас один солдат из пяти, через несколько лет за нас будет один из трех, а к 1900 г. армия, составлявшая прежде наиболее прусский элемент страны, будет в большинстве своем социалистической. Это надвигается неотвратимо, как веление рока. Берлинское правительство видит это не хуже нашего, но оно бессильно. Армия ускользает из его рук.

Сколько раз требовала от нас буржуазия, чтобы мы навсегда отказались от применения революционных средств и оставались в легальных рамках, особенно теперь, когда пал исключительный закон и восстановлено равноправие для всех, даже для социалистов!

¹ Во французском тексте: «прогрессисты (радикалы)». *Ред.*

² Во французском тексте: «католики». *Ред.*

К сожалению, мы не имеем возможности доставить господам буржуа это удовольствие, хотя и верно, что в данный момент не мы находимся в положении тех, кого «губит законность». Напротив, она так превосходно работает в нашу пользу, что мы были бы дураками, если бы нарушили ее, пока дело идет таким образом. Гораздо естественнее поставить вопрос, не нарушит ли именно буржуазия и ее правительство закон и право, чтобы раздавить нас силой? Подождем — увидим. А пока: «стреляйте, пожалуйста, первыми, господа буржуа!»

Без сомнения, они *будут* стрелять первыми. В один прекрасный день немецким буржуа и их правительству надоест смотреть, сложа руки, на затопляющий все и вся прилив социализма; они прибегнут к беззаконию, к насильственным действиям. Что толку от этого? Насилием можно задушить маленькую секту на ограниченном пространстве, но нет еще такой силы, которая была бы в состоянии истребить партию в два-три миллиона человек, разбросанную по целому обширному государству. Мимолетный перевес контрреволюционных сил в состоянии, быть может, замедлить на несколько лет торжество социализма, но лишь для того, чтобы затем оно стало еще полнее и решительнее.

И.

Все сказанное выше верно лишь с той оговоркой, что Германии доведется продолжать свое экономическое и политическое развитие в условиях мира. Война изменила бы все положение. А война может вспыхнуть не сегодня-завтра.

Что в наши дни значит «война», знает каждый. Это значит: Франция и Россия—с одной стороны, против Германии, Австрии и, может быть, Италии — с другой. Социалисты всех этих стран, призванные против воли под ружье, должны были бы драться друг против друга; что стала бы делать в таком случае Германская социал-демократическая партия, что случилось бы с нею?

Германская империя — это монархия с полуфеодальными формами, в которой, однако, в конечном счете решающую роль играют экономические интересы буржуазии. Эта монархия, благодаря Бисмарку, совершила огромные ошибки. Ее полицейская, мелочная, доходящая до жалких придирок, недостойная великой нации внутренняя политика навлекла на нее презрение всех буржуазно-либеральных стран; ее внешняя политика внушает соседним народам недоверие, даже ненависть. Насильственной аннексией Эльзас-Лотарингии германское правительство сделало на долгие годы невозможным примирение с Францией, а Россию, без всякой действительной

выгоды для самого себя, оно сделало третейским судьей Европы. Это так очевидно, что на другой же день после Седана Генеральный совет Интернационала мог предсказать нынешнюю европейскую ситуацию. В его воззвании от 9 сентября 1870 г. говорится: «Неужели тевтонские патриоты в самом деле воображают, что они обеспечат мир и свободу, если они принудят Францию броситься в объятия России? Если военное счастье, упоение победой, династические интриги толкнут Германию на путь грабительского присвоения французских областей, — тогда одно из двух: либо она должна стать явным орудием русской завоевательной политики, либо же ей предстоит новая ¹ «оборонительная война» — не одна из так называемых «локализованных» войн, а война расовая, война против объединенных славянской и романской рас».

Несомненно, перед лицом *этой* Германской империи даже и нынешняя Французская республика представляет революцию, — правда, только буржуазную революцию, но все же революцию. Но как только эта республика становится под команду русского царя, — дело меняется. Русский царизм — враг всех западных народов, даже буржуазии этих народов. Если бы царские орды ворвались в Германию, они принесли бы не свободу, а рабство, не развитие, а опустошение, не прогресс, а одичание. Рука об руку с царем Франция не может принести немцам ни малейшей освободительной идеи; французский генерал, который заговорил бы о германской республике, был бы осмеян всей Европой и Америкой. Франции пришлось бы отречься от всей своей революционной роли в истории ² и позволить бисмарковой империи разыгрывать роль защитницы западного прогресса против восточного варварства.

Но теперь за официальной Германией стоит социалистическая Германия ³, стоит партия, которой принадлежит будущее, близкое будущее страны. Когда эта партия придет к власти, она не сможет ни использовать ее, ни удержать в своих руках, не исправив тех несправедливостей по отношению к другим нациям, которые были совершены ее предшественниками. Она подготовит восстановление Польши, которую в настоящее время так подло предала французская буржуазия; она должна будет дать северному Шлезвигу и Эльзас-Лотарингии возможность самим свободно определить свое политическое будущее. Все эти вопросы будут таким образом легко разрешены,

¹ Во французском тексте: «ей предстоит, после короткого перемирия, новая» и т. д. *Ред.*

² Во французском тексте: «от своей революционной роли». *Ред.*

³ Во французском тексте: «Германская социал-демократическая партия». *Ред.*

и это произойдет в близком будущем, если только Германия будет предоставлена самой себе. Между социалистической Францией и социалистической Германией не может быть никакого вопроса об Эльзас-Лотарингии, вопрос этот будет исчерпан во мгновение ока. Речь идет лишь о том, чтобы подождать еще лет десять. Во Франции, Англии, Германии весь пролетариат ждет еще своего освобождения; не могут ли немного подождать и эльзас-лотарингские патриоты? Неужели из-за их нетерпения целый континент должен быть опустошен и в конце концов отдан во власть царского кнута? Не слишком ли много ставится на карту?

Если дело дойдет до войны, то прежде всего Германия, а затем и Франция станут главной ареной военных действий; обе эти страны прежде всех других почувствуют на себе тяжесть военных издержек и опустошений. К тому же эта война с самого начала ознаменуется рядом таких взаимных предательств среди союзников, каких не знала до сих пор даже дипломатия, эта архипредательница; и главными жертвами этих предательств будут опять-таки Франция или Германия или же обе вместе. При такой перспективе ни одна из этих стран ¹ не станет провоцировать открытое столкновение. Напротив, Россия, защищенная своим географическим и экономическим положением от наиболее разрушительных последствий ряда поражений, одна лишь Россия, официальная Россия, может извлечь выгоду из этой страшной войны и прямо постарается ее вызвать. Но во всяком случае при нынешнем политическом положении можно биться об заклад, что при первом пушечном выстреле на Висле французские войска двинутся к Рейну.

А тогда Германия будет бороться уже просто за свое существование. Если она победит, она нигде не найдет объекта для аннексий; и на западе и на востоке она встретит лишь области с иноязычным населением, а таких у нее и так уже более чем достаточно. Если же она будет побеждена, раздавлена между французским молотом и русской наковальней, то Россия отнимет у нее старую Пруссию и польские провинции, Дания — весь Шлезвиг, Франция — все левое побережье Рейна. Если бы Франция даже и отклонила это завоевание, его навязала бы ей Россия. Потому что России нужно прежде всего вечное яблоко раздора, источник постоянной вражды между Францией и Германией ². Примирите эти две больших страны,—и конец русскому преобладанию в Европе. Но раздробленная таким образом

¹ Во французском тексте: «можно сказать почти наверное, что ни та, ни другая страна, ввиду грозящей опасности» и т. д. *Ред.*

² Во французском тексте эта фраза набрана курсивом. *Ред.*

Германия не в состоянии была бы выполнить в историческом развитии Европы ¹ подобающую ей роль. Низведенная до такого же состояния, какое было ей навязано Наполеоном после Тильзита, она могла бы сохранить себе жизнь лишь тем, что подготовила бы новую войну для восстановления условий своей национальной жизни. Но до тех пор она оставалась бы послушным орудием царя, который не преминул бы его использовать... против Франции.

Что случилось бы при таких обстоятельствах с Германской социал-демократической партией? Одно несомненно: ни царь, ни французские буржуазные республиканцы, ни само-германское правительство не упустили бы такого прекрасного случая покончить с единственной партией, которая для всех троек является общим «врагом». Мы видали, как Тьер и Бисмарк протянули друг другу руки над развалинами Парижа дней Коммуны, и нам довелось бы еще увидеть, как царь, Констан и Каприви — или какие-нибудь их преемники — заключают друг друга в объятия над трупом немецкого социализма.

А ведь Германская социал-демократическая партия тридцатью годами непрерывных боев и жертв завоевала себе такое положение, какого нет ни у одной другой социалистической партии в мире: положение, которое обеспечивает в близком будущем переход политической власти в ее руки. Социалистическая Германия занимает в международном рабочем движении самый передовой, самый почетный, самый ответственный пост; ее долг — до последней капли крови ² защищать этот пост против всякого нападения.

Но если победа русских над Германией означает подавление немецкого социализма, то—при такой перспективе—в чем же будет заключаться долг немецких социалистов? Следует ли им пассивно подчиниться событиям, которые грозят их уничтожить, следует ли им без сопротивления оставить свой пост, за который они несут ответственность перед пролетариатом всего мира?

Никоим образом. В интересах европейской революции они обязаны отстаивать все завоеванные позиции и не капитулировать перед внешним врагом, так же, как и перед внутренним. А это они смогут выполнить лишь в борьбе до последней крайности с Россией и со всеми ее союзниками, кто бы они ни были. Если бы Французская республика встала на службу его величеству царю и самодержцу всея Руси, то немецкие социалисты стали бы сражаться против нее — с болью, но все-таки стали бы сражаться. Пред лицом

¹ Во французском тексте: «в цивилизаторской миссии Европы». *Ред.*

² Во французском тексте слова «до последней капли крови» отсутствуют. *Ред.*

Германской империи Французская республика *может*, пожалуй, представлять буржуазную революцию. Но пред лицом республики какого-нибудь Констанана, Рувье и даже Клемансо, а в особенности пред лицом республики, вставшей на службу русскому царю, немецкий социализм безусловно¹ представляет пролетарскую революцию.

Война, в ходе которой русские и французы вторглись бы в Германию, была бы для Германии борьбой не на жизнь, а на смерть, борьбой, в которой она могла бы обеспечить свое национальное существование лишь применяя самые крайние революционные мероприятия. Нынешнее правительство, если только оно не будет к этому вынуждено, конечно не развяжет силы революции. Но в Германии есть мощная партия, которая может его принудить к этому или в крайнем случае занять его место: социал-демократическая партия.

Мы не забыли того грандиозного примера, который дала нам Франция в 1793 г. Столетний юбилей 1793 г. приближается. Если завоевательные вождедения царя и шовинистическое нетерпение французской буржуазии задержат победоносное, но мирное поступательное движение немецких социалистов, то последние — будьте в этом уверены — готовы показать всему миру, что нынешние немецкие пролетарии не уступят французским санкюлотам прошлого столетия и что 1893 г. может стать на уровень 1793 г. И если солдаты г. Констанана вступят на немецкую почву, они будут встречены словами марсельезы:

Quoi, ces cohortes étrangères
Feraient la loi dans nos foyers!

Как, эти рати чужеземцев
Будут хозяйничать в наших домах!

Короче говоря: мир обеспечит победу Германской социал-демократической партии лет приблизительно через десять. Война же принесет ей или победу через два-три года или же полный разгром по крайней мере лет на пятнадцать-двадцать. При таких обстоятельствах немецкие социалисты должны бы были сойти с ума, чтобы желать войны, в которой все будет поставлено на карту, вместо того, чтобы дожидаться верной победы при сохранении мира. Более того. Ни один социалист, к какой бы национальности он ни принадлежал, не может желать ни военного торжества нынешнего германского правительства, ни торжества французской буржуазной республики и уж меньше всего — торжества царя, которое было бы равносильно

¹ Во французском тексте слово «безусловно» отсутствует. *Ред.*

порабощению Европы. И поэтому социалисты всех стран стоят за мир. Но если бы война все-таки разразилась, тогда несомненно одно: эта война, в которой будет воевать от пятнадцати до двадцати миллионов вооруженных людей и которая опустошит всю Европу, как никакая другая, — эта война должна либо привести к немедленной победе социализма, либо же настолько перевернуть вверх дном старый порядок вещей и оставить после себя такую груду развалин, что существование старого капиталистического общества стало бы еще более невозможным, чем когда-либо прежде, и социальная революция, хотя и отодвинутая лет на десять или на пятнадцать, должна была бы зато победить потом тем быстрее и решительнее.

* * *

На этом заканчивается моя статья во французском рабочем календаре ¹. Статья эта была написана поздним летом, когда хмель от выпитого в Кронштадте шампанского еще кружил головы французской буржуазии, а большие маневры между Сеной и Марной на полях битв 1814 г. довели патриотический энтузиазм до апогея. Франция — та Франция, которая находит свое отражение в большой прессе и в парламентском большинстве — была тогда в самом деле готова на отчаянные глупости в угоду России, и возможность войны стала в высшей степени реальной. И для того, чтобы между французскими и немецкими социалистами в случае, если эта возможность перейдет в действительность, не возникло в последнюю минуту никаких недоразумений, я счел необходимым разъяснить первым, какую позицию должны бы были, на мой взгляд, занять последние по отношению к подобной войне.

Но с тех пор воинственный пыл России был значительно охлажден. Сперва стало известно о неурожае в России, в связи с которым надо было ждать голода. Затем ее постигла неудача с парижским займом, неудача, означающая окончательный крах русского государственного кредита. Сумма в четыреста миллионов марок была, как говорили, покрыта подпиской с превышением в несколько раз; но когда парижские банкиры попытались вучить публике облигации займа, из этого ничего не вышло; господам подписчикам пришлось распродавать свои хорошие бумаги, чтобы оплатить эти скверные русские, распродавать в таком количестве, что из-за этих массовых продаж понизилось настроение и на других крупных биржах Европы;

¹ Итальянский перевод последующего текста был опубликован в «Critica Sociale» 1 апреля 1892 г., № 7, стр. 101—102, под заглавием «Голод в России, его истинные причины и его значение». *Ред.*

новые «русские» бумаги упали на несколько процентов ниже нарицательной цены, — словом, наступил такой кризис, что русское правительство было вынуждено взять обратно часть долговых облигаций на сумму в 160 миллионов, и заем оказался покрытым только на двести сорок миллионов вместо 400. Тем самым новый русский заем, о котором радостно прокричали уже на весь мир, — заем в целых восемьсот миллионов марок, — плачевно канул в воду. Тут же обнаружилось и то, что у французского капитала нет абсолютно никакого «патриотизма», но зато есть, — несмотря на газетную трескотню, — спасительный страх перед войной.

Тем временем неурожай в самом деле привел к голоду, да еще к такому, какого мы в Западной Европе давно уже не знаем, к такому, какой не часто случается даже в Индии, классической стране такого рода бедствий; едва ли достигал он подобных размеров и на святой Руси в прежние времена, когда еще не было железных дорог. Отчего же это? Как это объяснить?

Очень просто. Русский голод — не только результат неурожая, он является составной частью огромной социальной революции, переживаемой Россией со времени Крымской войны; он представляет собою лишь вызванное этим неурожаем превращение хронического недуга, связанного с этой революцией, — в недуг острый.

Старая Россия безвозвратно сошла в могилу в тот день, когда царь Николай, отчаявшись в себе и в ней, принял яд. На ее развалинах строится Россия буржуазная.

Зачатки буржуазии существовали уже тогда. Это были частью — банкиры и купцы-импортеры, преимущественно немцы, заграничные и русские, или их потомки, а частью — русские, нажившиеся на внутренней торговле, главным же образом водочные откупщики и поставщики на армию, разбогатевшие за счет государства и народа; были уже и кое-какие фабриканты. В дальнейшем эту буржуазию, особенно промышленную, стали буквально взращивать посредством обильной государственной поддержки, субсидий, премий и покровительственных пошлин, дошедших мало-по-малу до крайних пределов. Необъятная русская империя должна была превратиться в самодовлеющее производственное целое, способное совсем или почти совсем обойтись без иностранного ввоза. И вот для того, чтобы не только все время расширялся внутренний рынок, но чтобы внутри страны производились также продукты более жарких поясов, — возникает постоянное стремление к завоеваниям на Балканском полуострове и в Азии, причем конечной целью становится здесь — Константинополь, а там — британская Индия. В этом секрет, в этом

экономическая подоплека тяги к экспансии, так сильно захватившей русскую буржуазию, — той тяги, которую, когда она устремляется на юго-запад, называют панславизмом.

Но с подобными промышленными планами крепостная зависимость крестьян была абсолютно несовместима. Она пала в 1861 г. Но как! За образец взяли отмену крепостной зависимости и барщины в Пруссии, проводившуюся там медленно, от 1810 до 1851 г.; однако здесь все должно было быть закончено в несколько лет. В результате, для того, чтобы сломить сопротивление крупных землевладельцев и владельцев «душ», им надо было сделать еще больше уступок, чем сделали в свое время господам помещикам прусское государство и его продажные чиновники. А уж что касается продажности, то прусский бюрократ был невинным младенцем перед русским чиновником¹. Таким образом, при разделе земли дворянство получило львиную долю, и притом, как правило, ему досталась земля, возделанная трудом многих поколений крестьян; крестьянам же были отведены самые что ни на есть скудные наделы, да и те по большей части на плохой земле пустырей. Общинный лес и выгон отошли к помещику; если крестьянин хотел пользоваться ими, — а без них он не мог существовать, — он должен был за это платить помещику.

А для того, чтобы и те и другие, и помещики и крестьяне, как можно скорее разорились, дворяне сразу получили от правительства всю капитализированную выкупную сумму в государственных облигациях, а крестьяне обязаны были долгие годы выплачивать ее по частям. Как и следовало ожидать, дворянство немедленно промотало большую часть полученных денег, а крестьянин, вследствие непосильных при его положении денежных платежей, был сразу переброшен из условий натурального хозяйства в условия денежного.

Русский крестьянин, которому прежде почти не приходилось производить денежных платежей, кроме сравнительно небольших налогов, должен теперь не только кормиться с отведенного ему уменьшенного и ухудшенного земельного надела, не только всю зиму кормить, после отмены свободного пользования лесом и выгоном, свой рабочий скот, не только улучшать свой земельный участок — но он должен еще платить повышенные налоги да вдобавок ежегодные выкупные взносы, и все это наличными деньгами. Этим он был поставлен в такое положение, в котором он не может ни жить, ни умереть. Сюда присоединилась еще конкуренция недавно возникшей крупной промышленности, отнявшей у него рынок для его

¹ Слово «чиновником» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

кустарных промыслов, — а кустарные промыслы были главным источником денежных доходов для большинства русских крестьян, — или же, там, где дело не зашло еще так далеко, эти кустарные промыслы зависели от милости купца, т. е. посредника (саксонского *Verleger* или английского *sweater*), так что крестьяне-кустари превращались в прямых рабов капитала. Словом, кто хочет узнать, что претерпел русский крестьянин за последние тридцать лет, тому достаточно прочесть в первом томе «Капитала» Маркса главу о «создании внутреннего рынка» (гл. 24, отд. 5).

Разорение, вызываемое среди крестьян переходом от натурального хозяйства к денежному, этим главным средством создания внутреннего рынка для промышленного капитала, классически изображено Буагильбером и Вобаном на примере Франции времен Людовика XIV. Но то, что тогда происходило, — детская игра по сравнению с тем, что ныне совершается в России. Во-первых, самый масштаб раза в три или четыре больше, а во-вторых, несравненно более радикален тот переворот в условиях производства, ради которого был навязан крестьянам этот переход. Французский крестьянин медленно втягивался в сферу мануфактурного производства, русский же крестьянин сразу попадает в бурный водоворот крупной промышленности. Мануфактурное производство било по крестьянам из кремневого ружья, крупная промышленность бьет по ним из скорострельной винтовки.

Вот каково было положение, когда неурожай 1891 г. мгновенно обнаружил весь переворот со всеми его последствиями, бесшумно происходивший уже давно, но остававшийся невидимым для европейского филистера. Это положение было именно таково, что первый же неурожай должен был стать национальным кризисом. И кризис наступил — такой, которого не изжить в течение многих лет. Перед таким голодом бессильно любое правительство, а в особенности русское, которое само приучает своих чиновников к воровству. Старые общинные обычаи и порядки русского крестьянства отчасти разрушались после 1861 г. ходом экономического развития, отчасти же систематически уничтожались правительством. Старая коммунистическая община распалась или во всяком случае распадается, но в тот самый момент, когда отдельный крестьянин становится на собственные ноги, у него из-под ног вырывают почву. Удивительно ли после этого, что прошлой осенью озимые были засеяны лишь в очень немногих уездах? А где они и были засеяны, их большей частью погубила засуха. Удивительно ли, что рабочий скот, главное орудие крестьян, сначала сам голодал без корма, а затем, по той же

непреодолимой причине, был съеден самим крестьянином? Удивительно ли, что крестьянин бросает и дом, и землю и бежит в города, где он тщетно ищет работу, но куда он тем вернее заносит голодный тиф?

Словом, мы имеем здесь дело не просто с очередным голодом, а с громадным кризисом, который был подготовлен годами происходившей в тиши экономической революции и который вследствие неурожая перешел лишь в острую форму. Но этот острый кризис переходит в свою очередь в хроническую форму и грозит затянуться на долгие годы. Экономически он ускоряет разложение старо-коммунистической крестьянской общины, обогащение деревенских ростовщиков (кулаков)¹, их превращение в крупных земельных собственников и вообще переход земельной собственности из рук дворянства и крестьян в руки новой буржуазии.

Для Европы русский кризис пока означает мир. Русский воинственный задор парализован на много лет. Вместо того, чтобы миллионы солдат умирали на полях сражений, миллионы русских крестьян умирают с голоду. Чем все это кончится для русского деспотизма? Поживем — увидим.

¹ Слово «кулаков» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

МАРКС, ГЕНРИХ-КАРЛ

родился в Трире 5 мая 1818 г., в семье присяжного поверенного, впоследствии юстицрата Генриха Маркса, который, как явствует из метрического свидетельства его сына, в 1824 г. перешел вместе с семьей из иудейства в протестантизм. Окончив Трирскую гимназию, Карл Маркс с 1835 г. изучал в Боннском, а потом в Берлинском университете сначала юридические науки, а затем философию; в 1841 г. он получил степень доктора философии, представив диссертацию о философии Эпикура. В том же году он переселился в Бонн, где хотел занять должность доцента; однако затруднения, которые правительство чинило его другу, доценту теологии *Бруно Бауэру*, преподававшему там же, затруднения, которые окончились увольнением Бауэра из университета, вскоре ясно показали Марксу, что в прусской высшей школе для него места нет. — Около того же времени некоторые младегегельянствующие представители молодого поколения рейнской радикальной буржуазии, столкнувшись с вождями либералов *Кампаузен* и *Ганзманом*, решили издавать в Кельне большую оппозиционную газету; в качестве главных постоянных сотрудников были привлечены также Маркс и Бауэр. Необходимое в то время разрешение было получено втихомолку окольными путями, и 1 января 1842 г. вышел первый номер «*Rheinische Zeitung*». Маркс отправил из Бонна в новую газету ряд больших статей; главными из них были: критика заседаний рейнского провинциального ландтага, исследование о положении крестьян-виноградарей на Мозеле и второе исследование о хищении леса и об относящемся к этому законодательстве. В октябре 1842 г. Маркс принял на себя руководство газетой и переселился в Кельн. С тех пор газета приобрела резко оппозиционный характер. Руководство же ею было так искусно, что, несмотря на то, что газету подвергли сперва двойной, а затем и тройной цензуре (сначала обыкновенный цензор, затем регирунгс-президент, наконец специально присланный из Берлина г. фон-Сен-Поль), правительству было трудно справиться с такого рода изданием, и оно решило поэтому с 1 января 1843 г. запретить дальнейший выпуск газеты. Ценою последовавшего в тот же день выхода

Маркса из состава редакции добились отсрочки на три месяца, но потом газета все-таки была запрещена.

Тогда Маркс решил уехать в Париж, куда хотел направиться также и *Арнольд Руге*, журнал которого, «*Deutsche Jahrbücher*», был запрещен приблизительно в это же время. Но сначала Маркс вступил в Крейцнахе в брак с Женни фон-Вестфален, своей подругой детства, с которой он был помолвлен еще с того времени, как начал заниматься в университете. Осенью 1843 г. молодая чета прибыла в Париж, где Маркс и Руге стали издавать «*Deutsch-Französische Jahrbücher*», но успели выпустить только первую книжку этого журнала; издание пришлось прекратить отчасти из-за чрезмерных трудностей, с которыми было связано тайное распространение журнала в Германии, а отчасти из-за очень скоро обнаружившихся принципиальных разногласий между обоими редакторами. *Руге* оставался в фарватере гегелевской философии и политического радикализма, Маркс с жаром принялся за изучение политической экономии, французских социалистов и истории Франции. Результатом был его переход к социализму. В сентябре 1844 г. в Париж к Марксу приехал на несколько дней Фр. Энгельс; они вступили в переписку со времени их совместной работы в «*Deutsch-Französische Jahrbücher*», и с этих пор начинается их сотрудничество, окончившееся только со смертью Маркса. Первым плодом этого сотрудничества было полемическое сочинение против *Бруно Бауэра*, с которым у них в процессе разложения гегелевской школы тоже произошел принципиальный разрыв, а именно: «Святое семейство. Против Бруно Бауэра и К^о». Франкфурт-на-Майне, 1845 г.

Маркс участвовал в редактировании небольшого немецкого еженедельника, выходившего в Париже под названием «*Vorwärts*» и преследовавшего язвительными насмешками убожество тогдашнего немецкого абсолютизма и лжеконституционализма. Воспользовавшись этим поводом, прусское правительство потребовало от министерства Гизо высылки Маркса из Франции. Требование было удовлетворено; в начале 1845 г. Маркс переселился в Брюссель, куда вслед за тем последовал и Энгельс. Здесь Маркс выпустил в свет: «*Misère de la Philosophie, réponse à la Philosophie de la Misère de M. Proudhon*», Bruxelles et Paris, 1847. [«Нищета философии, ответ на философию нищеты г. Прудона»], а также «*Discours sur la question du Libre Echange*», Bruxelles, 1848. [«Речь по вопросу о свободе торговли»]. Кроме того, Маркс писал время от времени статьи для газеты «*Deutsche Brüsseler Zeitung*». В январе 1848 г. он составил вместе с Энгельсом «Манифест коммунистической партии», по пору-

чению Центрального комитета Союза коммунистов, тайного пропагандистского общества, в которое Маркс и Энгельс вступили весной 1847 г. С тех пор Манифест выходил в бесчисленных авторизованных и неавторизованных немецких изданиях и был переведен почти на все европейские языки.

Когда вспыхнула февральская революция 1848 г., вызвавшая народные волнения также и в Брюсселе, Маркс был арестован и выслан из Бельгии; между тем Временное правительство Французской республики пригласило его вернуться в Париж, куда он вновь и переселился.

В Париже он вместе со своими друзьями прежде всего выступил против ребяческой затеи организации легионов, затеи, дававшей большинству нового правительства удобное средство отделаться от «ставших обузой» иностранных рабочих. Было ясно, что бельгийский, немецкий и прочие легионы, так открыто на виду организованные, могли перейти границу лишь для того, чтобы попасть в подстроенную ловушку, что и произошло на деле. Маркс и остальные руководители Союза коммунистов добились для четырехсот безработных немцев такого же путевого пособия, как и для легионеров, так что и те тоже смогли возвратиться в Германию.

В апреле Маркс переехал в Кельн, и 1 июня здесь под его руководством стала выходить «*Neue Rheinische Zeitung*», последний номер которой вышел 19 мая следующего года; редакторам угрожал либо арест по суду, либо, если они не были прусскими подданными, высылка. Этой последней участи и подвергся Маркс, который во время своего жительства в Брюсселе вышел из прусского подданства. За время существования газеты ему дважды пришлось предстать перед судом присяжных: 7 февраля 1849 г. — по обвинению в нарушении законов о печати и 8-го — по обвинению в призыве к вооруженному восстанию против правительства (во время отказа от уплаты налогов, в ноябре 1848 г.); оба раза он был оправдан.

После закрытия газеты Маркс опять переселился в Париж, но после демонстрации 13 июня он был поставлен перед выбором: либо дать интернировать себя в Бретани, либо вновь покинуть Францию. Разумеется, он предпочел последнее и отправился в Лондон, где и жил с тех пор постоянно.

В Лондоне он стал издавать «*Neue Rheinische Zeitung, politisch-ökonomische Revue*», Hamburg, 1850 [«Новая Рейнская Газета, политико-экономическое обозрение»]; всего вышло шесть выпусков. Его главная работа в этом органе, озаглавленная «От 1848 до 1849 г.», посвящена изложению причин и внутренней связи событий этих

лет, главным образом во Франции; кроме того, им был написан (совместно с Энгельсом) ряд рецензий и политических обзоров. За первой из упомянутых работ вскоре последовало, как ее продолжение, «18 Брюмера Луи Бонапарта», Нью-Йорк, 1852 г.; новые издания — Гамбург, 1869 г. и 1885 г. Большой процесс коммунистов в Кельне дал повод к изданию брошюры: «Разоблачения о Кельнском процессе коммунистов», Бостон, 1853 г., новейшее издание — Цюрих, 1885 г. С 1852 г. Маркс состоял лондонским корреспондентом и долгое время в некотором роде редактором европейского отдела газеты «New-York Tribune». Его статьи частью подписывались его именем, частью печатались в виде передовых; это не обычные корреспонденции, а основанные на тщательном изучении и часто состоящие из целого ряда статей характеристики политического и экономического положения отдельных европейских стран. Военные статьи в этих обзорах — о Крымской войне, индийском восстании и т. д. — написаны Энгельсом. Некоторые из статей Маркса о лорде Пальмерстоне были переизданы в Лондоне отдельными брошюрами. Это сотрудничество в «Tribune» прекратилось только с американской гражданской войной.

1859 г. вовлек Маркса, с одной стороны, в полемику с Карлом Фогтом, поводом для которой послужила итальянская война и которая была завершена книгой «Господин Фогт», соч. Карла Маркса, Лондон, 1860 г. С другой же стороны, этот год ознаменовался первым плодом его многолетних занятий политической экономией в Британском музее в виде первого выпуска сочинения «К критике политической экономии», Берлин, 1859 г. Но едва лишь вышел в свет этот первый выпуск, как Маркс обнаружил, что он еще не вполне выяснил все детали развития основных мыслей следующих выпусков; сохранившаяся до сих пор рукопись является наилучшим доказательством этого. Тогда он немедленно начал работу сызнова, и таким образом, вместо этого продолжения, лишь в 1867 г. вышел в свет: «Капитал». Первая книга. Процесс накопления капитала. Гамбург, 1867 г.

Разрабатывая все три тома «Капитала», — второй и третий по крайней мере вчерне, — Маркс в то же время нашел, наконец, снова возможность практической деятельности среди рабочих. В 1864 г. было основано Международное товарищество рабочих. На честь быть основателями этого Товарищества притязали многие, в особенности французы. Само собою разумеется, что нечто подобное не может быть основано одним человеком. Но одно несомненно: среди всех участников был только один человек, который ясно понимал, что проис-

ходит и что следует основать: это был тот человек, который еще в 1848 г. бросил в мир призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Джузеппе Мадзини тоже пытался при основании Интернационала привлечь на свою сторону объединившиеся в нем элементы и использовать их для своей мистической конспиративной демократии «Dio e popolo» [«Бог и народ»]. Но предложенный от его имени проект Устава и Учредительного манифеста был отвергнут, а принят проект, составленный Марксом; с тех пор руководство Интернационалом было за Марксом обеспечено. Им написаны все обращения Генерального совета, в частности и вышедшая после падения Парижской Коммуны и переведенная на большинство европейских языков «Гражданская война во Франции».

Здесь не место излагать историю Интернационала. Достаточно отметить, что Марксу удалось набросать устав, а также принципиальную мотивировку, в рамках которых могли дружно сотрудничать французские прудонисты, немецкие коммунисты и английские тредюнионисты, и что в этом объединении ни разу не было нарушено согласие, пока не выступили на сцену люди, которые с тех пор старались расстроить всякое рабочее движение: анархисты, под руководством Бакунина. Понятно, что вся сила Товарищества заключалась единственно в его дотоле неслыханной попытке объединить европейский и американский пролетариат; никаких других средств, кроме моральных, у Генерального совета не было, у него не было даже и денежных средств: вместо пресловутых «миллионов Интернационала» у Совета большей частью были только долги. Наверное, никогда не бывало так много сделано с таким небольшим количеством денег.

После Коммуны существование Интернационала в Европе стало невозможным. В прежней форме продолжать борьбу против правительств и против буржуазии, повсюду одинаково возбужденной, стоило бы колоссальных жертв. К этому присоединялась борьба внутри самого Товарищества против анархистов и склонявшихся к ним прудонистских элементов. *Le jeu ne valait pas la chandelle* [игра не стоила свеч]. Поэтому, после того как на Гаагском конгрессе над анархистами была одержана формальная победа, Маркс предложил перенести Генеральный совет в Нью-Йорк. Этим обеспечивалось дальнейшее существование Товарищества на тот случай, если бы изменившиеся обстоятельства сделали необходимым его возобновление в Европе. Но когда такие обстоятельства наступили, прежняя форма уже устарела; движение значительно переросло старый Интернационал.

С того времени Маркс стоял в стороне от публичной агитации,

однако его деятельное участие в европейском и американском рабочем движении от этого не уменьшилось. Он вел переписку почти со всеми рабочими вождами в различных странах, которые в важных случаях обращались по возможности к нему лично за советом; он все больше и больше становился советником, к которому постоянно обращались и который всегда был готов прийти на помощь борющемуся пролетариату. Но вместе с тем Маркс мог теперь вновь обратиться к своим научным занятиям, область которых тем временем сильно расширилась. У этого человека, который при исследовании всякого предмета изучал его историческое происхождение и его предпосылки, каждый отдельный вопрос порождал, разумеется, целый ряд новых вопросов. Он изучал первобытную историю, агрономию, русские и американские земельные отношения, геологию и т. д., главным образом для того, чтобы в 3-м томе «Капитала» разработать отдел о земельной ренте с такой полнотой, о какой до него и не помышляли. В добавление ко всем германским и романским языкам, на которых Маркс свободно читал, он изучил еще древне-славянский, русский и сербский. Но все возраставшее нездоровье, к сожалению, помешало ему использовать собранный таким образом материал. 2 декабря 1881 г. умерла его жена, 9 января 1883 г. — его старшая дочь, а 14 марта того же года он тихо скончался в своем кресле.

Большинство появившихся в печати биографий Маркса кишат ошибками. Достоверна только биография, помещенная в «Volkskalender» Бракке за 1878 г., вышедшем в Брауншвейге (написана Энгельсом).

Ниже прилагается по возможности полный перечень появившихся в печати произведений Маркса:

«Rheinische Zeitung», Кельн, 1842 г.: статьи о заседаниях рейнского провинциального ландтага, о положении крестьян-виноградарей на Мозеле, о хищении леса; передовые статьи с октября по декабрь 1842 г. — «Deutsch-Französische Jahrbücher», изд. А. Руге и К. Марксом, Париж, 1844 г.: «Введение к критике гегелевской философии права»; «К еврейскому вопросу». — К. Маркс и Ф. Энгельс. «Святое семейство. Против Бруно Бауэра и К^о». Франкфурт-на-М., 1845. — Мелкие статьи (анонимные) в парижском «Vorwärts», 1844. — Различные статьи, без подписи и с подписью, в газете «Deutsche Brüsseler Zeitung», Брюссель, 1846—1847. — «Misère de la Philosophie, réponse à la philosophie de la misère de M. Proudhon». Bruxelles et Paris, 1847. Немецкое изд.: Штуттгарт, 2-е изд., 1892. Испанское изд.: Мадрид, 1892. — «Discours sur le libre échange», Bruxelles, 1848. Англ. изд.: Бостон, 1889. Немецкое: в немецком

издании «Нищеты философии». — Совместно с Ф. Энгельсом: «Манифест коммунистической партии», Лондон, 1848. Последнее немецкое изд.: Лондон, 1890; переведен почти на все европейские языки. — Статьи в «Neue Rheinische Zeitung», передовые и т. д., Кельн, 1848—1849. Из них много раз перепечатывалось отдельно: «Наемный труд и капитал», последнее издание: Берлин, 1892; переведено на языки русский, польский, итальянский, французский. — Два политических процесса, Кельн, 1849 (две защитительных речи Маркса). — «Neue Rheinische Zeitung's Revue», Гамбург, 1850, 6 выпусков. Там статьи Маркса: «От 1848 до 1849 г.». В сотрудничестве с Энгельсом: рецензии и месячные обзоры. — «18 Брюмера Луи Бонапарта». Нью-Йорк, 1852. 3-е изд.: Гамбург, 1889. Вышло также по-французски. — «Разоблачения о Кельнском процессе коммунистов». Базель, 1852 (издание конфисковано); Бостон, 1853. Последнее издание: Цюрих, 1885. — Статьи в «New-York Tribune», 1853—1860. В том числе несколько статей о Пальмерстоне вышли в дополненном виде в Лондоне в 1856 г. отдельными памфлетами. — «Free Press», Шеффилд, июнь 1856 г. и Лондон, до апреля 1857 г.: «Revelations of the Diplomatic History of the 18. Century» (о непрерывной корыстной зависимости английских вигских министров от России). — «Das Volk», Лондон, 1859: статьи по дипломатической истории Итальянской войны 1859 г. — «К критике политической экономии», I выпуск, Берлин, 1859. Польский перевод: 1890 г. — «Господин Фогт». Лондон, 1860. — «Учредительный манифест Международного товарищества рабочих». Лондон, 1864; далее, все публикации Генерального совета, включая и «Гражданскую войну во Франции», Лондон, 1871 (последнее немецкое издание: Берлин, 1892; были также французские, итальянские и испанские издания). — «Капитал». Критика политической экономии. I том, Гамбург, 1867; последнее, 4-е издание: 1892 г. Вышел на русском, французском, английском, польском и датском языках. — То же, II том, Гамбург, 1885, второе издание печатается. Вышел и на русском языке. Третий том выйдет в свет в 1893 г.

Напечатано в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften». Jena, 1892, B. 4.

Подпись: Фридрих Энгельс.

ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОМУ И КО ВТОРОМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЯМ КНИГИ «ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В АНГЛИИ».

Настоящая книга, вновь предлагаемая вниманию немецкой публики, появилась впервые в печати летом 1845 г. Как в положительных, так и в отрицательных своих чертах она носит на себе явные следы молодости автора. Мне было тогда 24 года. Теперь я втрое старше, но, перечитывая вновь эту работу юности, я нахожу, что мне нечего ее стыдиться. Поэтому я и не думаю в какой бы то ни было мере стирать с нее эту печать юношеского возраста. Я предлагаю ее читателю в прежнем виде. Я постарался только отчетливее формулировать некоторые не совсем ясные места и кое-где прибавил краткие примечания, помеченные настоящим (1892) годом.

Что касается судьбы этой книги, то упомяну только то, что в 1885 г. она была издана в Нью-Йорке в английском переводе (г-жи Флоренс Келли-Вишневецкой) и что перевод этот был переиздан в 1892 г. в Лондоне у Swan Sonnenschein & Co. Предисловие к американскому изданию легло в основу предисловия к английскому изданию, а это последнее — в основу настоящего предисловия к немецкому изданию. Современная крупная промышленность в такой огромной степени уравнивает экономические отношения во всех странах, вступивших на этот путь развития, что едва ли мне надо говорить немецкому читателю что-либо иное, чем читателю американскому или английскому¹.

Описанное в этой книге положение вещей, — по крайней мере,

¹ Вместо первых двух абзацев в английском тексте напечатано: «Настоящая книга, английский перевод которой выходит теперь новым изданием, впервые появилась в печати в Германии в 1845 г. Автор был тогда молод, ему было всего двадцать четыре года, и его работа носит на себе следы этого юного возраста как в положительных, так и в отрицательных чертах; впрочем, автору нечего стыдиться ни тех, ни других. Работа эта была переведена на английский язык в 1885 г. одной американкой, г-жей Ф. Келли-Вишневецкой, и опубликована в следующем году в Нью-Йорке. Так как американское издание почти совершенно разошлось и так как оно никогда не имело широкого распространения по

поскольку оно касается Англии, — в значительной своей части принадлежит уже прошлому. Один из законов современной политической экономии, хотя в общепринятых учебниках об этом и не говорится, состоит в том, что чем больше развито капиталистическое производство, тем менее может оно прибегать к той практике мелкого надувательства и обмана, которая характеризует низшие ступени его развития. Мелкие плутни польского еврея, представителя европейской торговли на самой низкой ступени ее развития, те самые уловки, которые на родине оказывают этому еврею прекрасные услуги и применяются там всеми, совершенно изменяют ему, как только он вступает на почву Гамбурга или Берлина. Совершенно так же — по крайней мере еще совсем недавно¹ — какой-нибудь комиссионер, еврей или христианин, попавши из Берлина или Гамбурга на манчестерскую биржу, сейчас же убеждался, что для того, чтобы дешево купить пряжу или ткань, ему надо прежде всего отложить в сторону свои, хотя уже не такие грубые, но все-таки очень жалкие мошеннические проделки, которые у него на родине считались верхом коммерческой ловкости. Правда, с развитием крупной промышленности многое изменилось и в Германии, а после промышленного поражения [seit dem industriellen Jena] в Филадельфии потеряло всякий кредит даже то добропорядочное старо-немецкое правило, что людям может быть только приятно, если им сначала посылают хорошие образцы, а потом дурной товар²! И действительно, все эти хитрости и уловки уже не окупаются на крупном рынке, где время — деньги и где известный уровень коммерческой честности развивается не из какого-либо этического фанатизма, а просто для того, чтобы не терять понапрасну время и труд. И точно так же происходило дело в Англии в отношениях фабриканта к своим рабочим.

Оживление промышленности после кризиса 1847 г. было началом новой промышленной эпохи. Отмена хлебных законов и неразрывно связанные с этим дальнейшие финансовые реформы дали английской промышленности и торговле нужный им простор. Вслед за этим

эту сторону Атлантического океана, то настоящее английское издание выпущено с полного согласия всех заинтересованных сторон.

«Для американского издания автором было написано по-английски новое предисловие, а также приложение. Предисловие имело мало отношения к самой книге, в нем говорилось лишь о современном движении американского рабочего класса, и поэтому оно здесь опущено; что же касается приложения (первоначального предисловия), то оно широко использовано в настоящих вступительных замечаниях». *Ред.*

¹ Этих вводных слов в английском тексте нет. *Ред.*

² Последней фразы в английском тексте нет. *Ред.*

были открыты золотые россыпи в Калифорнии и Австралии. На колониальных рынках все больше и больше росла способность поглощать изделия английской промышленности. Ланкаширский механический ткацкий станок сразу обрек на гибель миллионы индийских ткачей. Китай становится все более и более доступным для торговли. Но быстрее всех развивалась Америка, развивалась с быстротой, неслыханной даже для этой страны гигантского прогресса; а Америка, не забудем этого, была тогда только колониальным рынком, и притом крупнейшим из всех, т. е. страной, которая вывозила сырье и ввозила продукты промышленности, в данном случае английской¹.

Вдобавок ко всему этому новые средства сообщения, появившиеся к концу прошлого периода, — железные дороги и океанские пароходы, — получили теперь применение в интернациональном масштабе и тем самым создали на деле то, что до сих пор существовало лишь в зародыше, — *мировой рынок*. Этот мировой рынок тогда еще состоял из некоторого числа стран, которые были главным образом или исключительно земледельческими и группировались вокруг одного крупного промышленного центра — Англии. Англия потребляла большую часть излишков их сырья и снабжала их взамен почти всеми необходимыми им продуктами промышленности. Что же удивительного, если промышленный прогресс Англии был колоссальным, неслыханным, если он был так велик, что уровень 1844 г. кажется нам теперь сравнительно ничтожным, чуть не первобытным?

Но по мере того, как происходил этот прогресс, крупная промышленность приобретала внешний лоск моральности. В конкуренции фабрикантов между собою мелкое обворовывание рабочих оказывалось уже невыгодным. Размах дел перерос уже эти жалкие средства добывания денег; у фабриканта-миллионера были дела поважнее, чем терять свое время на такие уловки. Этим могли еще заниматься разве только совсем мелкие люди, которые нуждались в деньгах и должны были подбирать каждый грош, чтобы не погибнуть в борьбе с конкурентами². — Таким образом исчезла из фабричных

¹ В английском тексте последняя фраза изложена так: «А главное — Соединенные Штаты, бывшие тогда в торговом отношении просто колониальным рынком, хотя и крупнейшим из всех, переживали экономический подъем, поразительный даже для этой страны гигантского прогресса». *Ред.*

² В английском тексте: «... были дела поважнее, чем терять свое время на такие пустяки, к которым прибегали в своей конкурентной борьбе только более мелкие промышленники, готовые подобрать грош, где только возможно». *Ред.*

округов так называемая trucksystem, в парламенте прошел билль о десятичасовом рабочем дне и целый ряд более мелких реформ, которые все были в прямом противоречии с духом свободной торговли и безудержной конкуренции, но зато создавали еще большее преимущество магнатам капитала в их конкуренции с капиталистами, находящимися в менее благоприятных условиях.

Далее. Чем крупнее промышленное предприятие, чем больше в нем занято рабочих, тем больше бывало убытков и коммерческих затруднений при всяком конфликте с рабочими. Вот почему с течением времени среди фабрикантов, и как раз среди наиболее крупных, повеяло новым духом. Они научились избегать ненужных препирательств, научились считаться с существованием и силой тред-юнионов и в конце концов открыли даже, что стачки, — если только проводить их во-время, — прекрасное средство для осуществления их собственных целей. Получилось так, что самые крупные фабриканты, задававшие раньше тон в борьбе с рабочим классом, теперь стали первые твердить о мире и гармонии. И на это у них были весьма веские основания.

Все эти уступки справедливости и человеколюбию были на самом деле лишь средством к тому, чтобы ускорить концентрацию капитала в руках немногих и раздавить мелких конкурентов, которые не могли жить без таких дополнительных доходов. Для этих немногих мелкие вымогательства прежних лет не только потеряли всякое значение, но стали даже помехой для предприятия, поставленного на широкую ногу. Таким образом, поскольку речь идет о главных отраслях промышленности, — о менее важных отраслях этого сказать нельзя, — достаточно было одного уже развития капиталистического производства, чтобы устранить все те мелкие придирки, которые в прежние годы ухудшали долю рабочего. И таким образом все более и более выступал на первый план тот великий основной факт, что причину бедственного положения рабочего класса следует искать не в этих мелких недостатках, а в самой капиталистической системе. Рабочий продает капиталисту свою рабочую силу за известную почасовую плату. После нескольких часов работы он воспроизводит стоимость этой платы. Но, согласно своему договору с капиталистом, он должен продолжать свой тяжелый труд еще целый ряд часов, чтобы целиком заполнить рабочий день. Стоимость, которую он создает в эти лишние часы прибавочного труда, составляет ту прибавочную стоимость, на которую капиталист не тратит ни гроша, но которая все же идет в его карман. Такова основа той системы, которая все более и более раскалывает цивилизованный

мир на две части: с одной стороны, горстка Ротшильдов и Вандербильтов, собственников всех средств производства и потребления, а с другой — огромное множество наемных рабочих, вся собственность которых заключается в их рабочей силе. А что причина этого явления коренится не в том или другом частном недостатке, а единственно в самой системе, — этот факт теперь ярко освещен развитием капитализма в Англии.

Далее. Все время повторяющиеся эпидемии холеры, тифа, оспы и пр. надоумили английского буржуа, что он должен безотлагательно приступить к оздоровлению своих городов, если не хочет вместе с семьей пасть жертвой этих эпидемий. Вот почему самые вопиющие недостатки, описанные в этой книге, в настоящее время или устранены или же хоть не так бросаются в глаза. Введена или улучшена канализация; даже в наихудших «трущобах»¹ проложены широкие улицы; исчезла «Малая Ирландия», теперь очередь за «Seven Dials». Но какое это имеет значение? Ведь целые районы, которые в 1844 г. я мог еще изображать в почти идиллических тонах, теперь, с ростом городов, пришли в состояние такого же упадка, запустения, нищеты. Правда, свиней и помойных ям теперь уже не терпят. Буржуазия достигла новых успехов в искусстве скрывать нищету рабочего класса. Но что в отношении рабочих жилищ никакого существенного прогресса не произошло, вполне доказывает отчет королевской комиссии «on the Housing of the Poor» [«о жилищных условиях бедных»] за 1885 г. И то же самое — во всех остальных отношениях. Полицейские приказы сыплются, как из рога изобилия, но они могут только отгородить нищету рабочих, устранить же ее не могут.

Но если Англия выросла теперь из этого описанного мною юношеского возраста капиталистической эксплуатации, то другие страны только что достигли его. Франция, Германия и прежде всего Америка — вот те грозные соперницы, которые, как я это предвидел в 1844 г., все более и более нарушают промышленную монополию Англии. Их промышленность молода сравнительно с английской, но она растет с гораздо большей быстротой и достигла в настоящее время² почти той же ступени развития, на какой английская промышленность стояла в 1844 г. По отношению к Америке сравнение особенно разительно. Конечно, внешние условия жизни американского рабочего класса весьма отличны от условий английских рабо-

¹ В английском тексте добавлено: «которые мне приходилось описывать». *Ред.*

² В английском тексте: «и в настоящее время — любопытная вещь — достигла» и т. д. *Ред.*

чих, но и тут и там действуют одни и те же экономические законы, так что результаты, хотя и не вполне тождественные, должны все же быть одного и того же порядка. Вот почему мы находим в Америке ту же борьбу за более короткий, установленный законом рабочий день, в особенности для женщин и детей на фабриках; находим в полном расцете trucksystem и систему коттеджей в сельских местностях как средства господства «боссов», капиталистов и их управляющих, над рабочими. Когда я в 1886 г. читал в американских газетах сообщения о крупных стачках среди пенсильванских рудокопов в Коннельсвилльском округе, мне казалось, что я читаю свое собственное описание стачки углекопов в Северной Англии в 1844 г. То же самое надувательство рабочих при помощи фальшивых мер и весов; та же trucksystem, та же попытка сломить сопротивление рудокопов при помощи последнего сокрушительного средства капиталистств — выселения рабочих из их жилищ, принадлежащих кмпани.

Ни в настоящем издании, ни в английских я не пытался ¹ приспособить книгу к современному положению вещей, т. е. перечислить в отдельности все изменения, происшедшие с 1844 г. Не делал я этого по двум причинам. Во-первых, для этого пришлось бы удвоить объем книги. А во-вторых, первый том «Капитала» Маркса ² дает подробное описание положения рабочего класса в Англии около 1865 г., т. е. в то время, когда промышленное процветание Англии достигло своего апогея. Так что мне пришлось бы повторить сказанное Марксом ³.

Вряд ли необходимо отмечать, что общая теоретическая точка зрения настоящей книги в философском, политическом и экономическом отношении отнюдь не вполне совпадает с теперешней моей точкой зрения. В 1844 г. еще не существовало современного интернационального социализма, который с тех пор, благодаря прежде всего и почти исключительно работам Маркса, развился в науку. Моя книга представляет собою только одну из фаз его зародышевого развития. И подобно тому, как человеческий зародыш на самых ранних ступенях своего развития воспроизводит еще жаберные дуги наших предков — рыб, так и в этой книге повсюду можно найти следы происхождения современного социализма от одного из его

¹ В английском тексте: «Я не пытался в этом переводе» и т. д. *Ред.*

² В английском тексте: «первый том «Капитала» Карла Маркса, имеющийся в английском переводе». *Ред.*

³ В английском тексте: «мне пришлось бы вступить в область, уже исчерпанную знаменитым произведением Маркса». *Ред.*

предков — немецкой классической¹ философии. Так, например, в книге (особенно в конце) делается сильное ударение на том, что коммунизм не есть только партийная доктрина рабочего класса, но теория, конечная цель которой — освобождение всего общества, включая и капиталистов, от тесных рамок современных отношений. В абстрактном смысле это утверждение верно, но на практике оно большей частью бесполезно, и даже хуже того. Пока имущие классы не только сами не испытывают никакой потребности в освобождении, но даже противятся всеми силами самоосвобождению рабочего класса, до тех пор социальную революцию должен будет готовить и проводить один рабочий класс. Французские буржуа 1789 г. также объявили освобождение буржуазии освобождением всего человечества; но дворянство и духовенство не пожелали с этим согласиться, и это утверждение, — хотя оно, поскольку имелся в виду феодализм, было неоспоримой абстрактной исторической истиной, — тотчас выродилось в чисто сентиментальную фразу и совершенно испарилось в огне революционной борьбы. И сейчас есть не мало людей, которые со своей высшей, беспристрастной точки зрения проповедуют рабочим социализм, стоящий выше всех классовых противоположностей² и классовой борьбы. Но это или новички, которым нужно еще многому поучиться, или же это злейшие враги рабочего класса, волки в овечьей шкуре.

Цикл больших промышленных кризисов исчисляется в моей книге пятью годами. Такой вывод о продолжительности цикла вытекал из хода событий от 1825 до 1842 г. Но история промышленности от 1842 до 1868 г. показала, что в действительности этот период надо считать десятилетним, что промежуточные кризисы были вторичного характера и стали с 1842 г. все более и более исчезать. С 1868 г. положение вещей опять изменилось, но об этом ниже.

Мне и в голову не приходило вычеркивать из текста частые предсказания, в особенности предсказание близости социальной революции в Англии, внушенное мне тогда моею юношеской горячностью. Я вовсе не намерен изображать свою работу и самого себя в лучшем свете, чем это тогда было³. Удивительно не то, что многие из этих предсказаний не оправдались, а то, что очень многие из них сбылись и что критическое положение английской промышленности в результате европейской и в особенности амери-

¹ Слово «классической» в английском тексте опущено. *Ред.*

² В английском тексте: «стоящий выше их классовых интересов». *Ред.*

³ Этой фразы в английском тексте нет. *Ред.*

канской конкуренции, предсказанное мною тогда, — правда, для слишком близкого будущего, — с тех пор действительно наступило. В этом пункте я обязан привести книгу в соответствие с современным положением вещей. С этой целью я воспроизвожу здесь одну мою статью, напечатанную по-английски в лондонской «Commonweal» от 1 марта 1885 г. и в переводе на немецкий язык в журнале «Neu-Zeit» за июнь того же года (вып. 6) ¹.

«Сорок лет тому назад Англия стояла перед кризисом, который по всей видимости мог быть разрешен только силой. Гигантское и быстрое развитие промышленности далеко опередило расширение внешних рынков и рост спроса. Каждые десять лет ход производства насильственно прерывался общим торговым кризисом, за которым после долгого периода хронического застоя следовал короткий период процветания, всякий раз кончавшийся лихорадочным перепроизводством и, наконец, новым крахом. Класс капиталистов громко требовал свободной торговли хлебом и грозил добиться этого, отправляя голодных жителей городов обратно в те сельские районы, откуда они пришли, отправляя их, как выразился Джон Брайт, «не как нищих, выпрашивающих хлеб, а как армию, занимающую вражескую область». Рабочие массы городов требовали для себя участия в политической власти, Народной хартии; их поддерживало большинство мелкой буржуазии, и единственное разногласие между теми и другой состояло лишь в том, как проводить хартию: путем применения физической или моральной силы. Между тем наступили торговый кризис 1847 г. и голод в Ирландии, а вместе с тем и перспектива революции.

«Французская революция 1848 г. спасла английскую буржуазию. Социалистические лозунги победоносных французских рабочих напугали английскую мелкую буржуазию и внесли дезорганизацию в движение английских рабочих, протекавшее в более узких рамках, но имевшее непосредственно более практический характер. Как раз в тот момент, когда чартизм должен был развернуться во всю свою силу, в нем уже произошел внутренний надлом, еще раньше, чем наступил его внешний крах 10 апреля 1848 г. Политическая ² деятельность рабочего класса была отодвинута на задний план. Класс капиталистов одержал победу по всей линии.

¹ В английском тексте: «... одну мою статью, напечатанную в лондонской «Commonweal» от 1 марта 1885 г. под названием «Англия в 1845 и в 1885 гг.» Эта статья дает в то же время краткий очерк истории английского рабочего класса за эти сорок лет. Вот она». *Ред.*

² Слово «политическая» в английском тексте опущено. *Ред.*

«Парламентская реформа 1831 г. была победой всего класса капиталистов над землевладельческой аристократией. Отмена хлебных пошлин была победой *промышленных* капиталистов не только над крупным землевладением, но и над теми группами капиталистов, интересы которых были более или менее тождественны или тесно связаны с интересами землевладения, вроде банкиров, биржевиков, рантье и т. д. Свобода торговли означала преобразование всей внутренней и внешней финансовой и торговой политики Англии в соответствии с интересами промышленных капиталистов, класса, говорившего теперь от имени нации. И этот класс серьезно принялся за дело. Всякое препятствие промышленному производству беспощадно устранялось. В таможенном тарифе и во всей налоговой системе был произведен полный переворот. Все было подчинено одной единственной цели, но цели, в высшей степени важной для промышленных капиталистов: удешевлению всякого сырья и в особенности всех средств существования рабочего класса, снижению издержек на сырье¹ и удержанию на низком уровне, — если еще не *снижению* — заработной платы. Англия должна была стать «мастерской мира»; все другие страны должны были стать для Англии тем, чем уже была Ирландия, — рынками сбыта для ее промышленных изделий, источниками сырья и съестных припасов. Англия — великий промышленный центр земледельческого мира, то промышленное солнце, вокруг которого вращается все большее число спутников², производящих зерно и хлопок. Какая величественная перспектива!

«Промышленные капиталисты приступили к осуществлению этой великой своей цели с тем крепким здравым смыслом и с тем презрением к традиционным принципам, которыми они всегда отличались от своих более зараженных филистерством³ континентальных конкурентов. Чартизм умирал. Вновь начавшийся расцвет промышленности, естественный и чуть ли не сам собою разумеющийся⁴ после того, как крах 1847 г. был вполне изжит, приписывался исключительно влиянию свободы торговли. Вследствие этих двух причин английский рабочий класс стал в политическом отношении придатком «великой либеральной партии», — партии, которою ру-

¹ В немецком тексте вместо «снижению издержек на сырье» — «производству сырья». *Ред.*

² В английском тексте вместо «спутников» — «Ирландий». *Ред.*

³ В английском тексте вместо «более зараженных филистерством» — «более узкоблтых». *Ред.*

⁴ В английском тексте нет слов «и чуть ли не сам собою разумеющийся». *Ред.*

ководили фабриканты. Это раз достигнутое выгодное положение надо было увековечить. Страстная оппозиция чартистов не против свободы торговли как таковой, а против превращения свободы торговли в единственный жизненный вопрос нации, показала фабрикантам и с каждым днем показывает им все более, что без помощи рабочего класса буржуазии никогда не удастся добиться полного социального и политического господства над нацией. Так постепенно изменялись взаимные отношения обоих классов. Фабричные законы, бывшие прежде жупелом для всех фабрикантов, теперь не только исполнялись ими добровольно, но даже были более или менее распространены на все отрасли промышленности. Тред-юнионы, недавно еще третируемые как исчадие ада, теперь стали пользоваться вниманием и покровительством фабрикантов как вполне правомерные учреждения и как полезное средство для распространения среди рабочих здоровых экономических учений. Даже стачки, которые до 1848 г. преследовались, были теперь признаны подчас весьма полезными, в особенности, когда господа фабриканты в нужный момент сами их вызывали. Из законов, которые лишали рабочего равенства в правах с его работодателем, по крайней мере самые возмутительные были упразднены, а некогда столь страшная «Народная хартия» стала в основном политической программой тех же фабрикантов, которые до самого последнего времени выступали ее противниками. *Отмена имущественного ценза и тайное голосование* были проведены законодательным путем. Парламентские реформы 1867 и 1884 гг. сильно приближаются уже к *всеобщему избирательному праву*, по крайней мере в том виде, в каком оно существует теперь в Германии; новый проект закона об избирательных округах, обсуждаемый теперь в парламенте, создает *равные избирательные округа*, не более неравные, — по крайней мере в общем, — чем во Франции или Германии. Уже намечаются, как несомненные достижения в ближайшем будущем, *вознаграждение депутатам* и сокращение срока мандатов, хотя еще не намечаются *ежегодно переизбираемые парламенты*; и при всем том находятся люди, которые говорят, что чартизм умер.

«У революции 1848 г., как и у многих ее предшественниц, была странная судьба¹. Те самые люди, которые ее подавили, были, как говаривал Маркс, ее душеприказчиками. Луи-Наполеон был вынужден создать единую и независимую Италию, Бисмарк был вынужден совершить своего рода переворот в Германии и вернуть Венгрии

¹ В английском тексте: «были странные спутники и преемники». *Ред.*

известную независимость¹, а английским фабрикантам ничего лучшего не оставалось, как узаконить Народную хартию.

«Последствия этого господства промышленных капиталистов были для Англии сначала поразительны. Промышленность вновь ожила и стала развиваться с быстротой, неслыханной даже для этой колыбели современной индустрии. Все прежние поразительные успехи, достигнутые с помощью пара и машин, совершенно стусевались перед мощным подъемом производства за двадцать лет, от 1850 до 1870 г., перед огромными цифрами вывоза и ввоза, перед богатством, накопившимся в руках капиталистов, и перед человеческой рабочей силой, сконцентрированной в гигантских городах. Этот подъем, правда, прерывался, как и раньше, кризисами, повторявшимися каждые десять лет; кризис был в 1857 г., а также в 1866 г.; но эти рецидивы рассматривались теперь как естественные неизбежные явления, которым приходится подвергаться, но которые в конце концов сами всегда возвращаются в прежнюю колею.

«Каково же было положение рабочего класса в этот период? Порой наступало улучшение, даже для широких масс. Но это улучшение всегда сводилось на-нет притоком огромного числа рабочих из резерва безработных, непрерывным вытеснением рабочих новыми машинами, приливом сельских рабочих, которые также все более и более вытеснялись теперь машинами.

«Длительное улучшение мы находим в положении только двух «привилегированных» слоев рабочего класса. К первому принадлежат фабричные рабочие. Законодательное установление сравнительно рациональных границ их рабочего дня восстановило до известной степени их физическое здоровье и дало им некоторое моральное преимущество, еще усиленное их концентрацией в одном месте. Их положение несомненно лучше, чем до 1848 г. Это лучше всего доказывается тем, что из десяти их стачек девять бывают спровоцированы самими фабрикантами в их собственных интересах, как единственное средство ограничить производство. Вы никогда не уговорите фабрикантов согласиться на сокращение рабочего времени, хотя бы их товары и вовсе не находили сбыта; но заставьте рабочих объявить стачку, — и капиталисты все до одного закроют свои фабрики.

«Второй слой составляют крупные тред-юнионы. Это — организации таких отраслей промышленности, в которых применяется

¹ В английском тексте: «Бисмарк был вынужден революционизировать Германию и восстановить независимость Венгрии». *Ред.*

исключительно или по крайней мере главным образом труд *взрослых мужчин*. Ни конкуренция женского и детского труда, ни конкуренция машин не могли до сих пор сломить их организованную силу. Машиностроительные рабочие, плотники и столяры, строительные рабочие объединены в организации, из которых каждая в отдельности настолько сильна, что может, как это делают, например, строительные рабочие, с успехом противостоять введению машин. Несомненно, их положение с 1848 г. значительно улучшилось; наилучшим доказательством этого служит то, что в течение более 15 лет не только хозяева были чрезвычайно довольны ими, но и они — хозяевами. Они составляют аристократию в рабочем классе; им удалось добиться сравнительно обеспеченного положения, и это положение они рассматривают как окончательно завоеванное. Это примерные рабочие господ Леоне Леви и Гиффена (а также distinguished Луйо Brentano)¹, и они — в самом деле очень милые, покладистые люди для всякого неглупого капиталиста в отдельности и для класса капиталистов в целом.

«Но что касается широких масс рабочих, то уровень их нищеты и необеспеченности существования в настоящее время так же низок, как был всегда, если только не ниже. Ист-Энд Лондона представляет собой все более расширяющуюся трясиину безысходной нищеты и отчаяния, голода в период безработицы, физического и морального упадка при наличии работы. За исключением только привилегированного меньшинства рабочих, то же самое происходит и во всех других крупных городах; не лучше обстоит дело в более мелких городах и в сельских округах. Закон, ограничивающий стоимость рабочей силы ценой необходимых для нее средств существования, и другой закон, понижающий, как правило, ее среднюю стоимость до минимума этих средств существования, — оба эти закона действуют с непреодолимой силой машины-автомата, которая давит рабочих между своими колесами.

«Таково, стало быть, было положение, созданное установившейся с 1847 г. политикой свободы торговли и двадцатилетним господством промышленных капиталистов. Но затем наступил поворот. За кризисом 1866 г. последовало около 1873 г. слабое и кратковременное оживление, но оно продолжалось недолго. У нас не было, правда, полного кризиса тогда, когда он должен был произойти, в 1877 или 1876 г., но начиная с 1876 г. все главные отрасли промышленности не выходят из состояния хронического застоя. Нет

¹ В английском тексте слова, поставленные в скобки, отсутствуют. *Ред.*
18 М. и Э., т. XVI, ч. II.

ни полного краха, ни долгожданного периода промышленного расцвета, на который мы могли рассчитывать как до этого краха, так и после него. Мертвящий застой, хроническое переполнение всех рынков во всех отраслях, — таково состояние, в котором мы живем почти уже десять лет. Чем же это вызвано?

«Теория свободы торговли основывалась лишь на одном предположении — на том, что Англия должна стать единственным крупным промышленным центром земледельческого мира. На самом деле это предположение оказалось совершенно несостоятельным. Условия существования современной промышленности, паровая сила и машина, могут быть созданы везде, где есть топливо, в особенности уголь, а уголь есть не только в Англии, но и в других странах: во Франции, Бельгии, Германии, Америке, даже в России. И жители этих стран не видели никакого интереса в том, чтобы превратиться в голодных ирландских арендаторов только ради вящей славы и обогащения английских капиталистов. Они завели собственные фабрики и стали производить не только для себя, но и для остального мира; и в результате промышленная монополия, которою Англия пользовалась почти целое столетие, теперь безвозвратно подорвана.

«Но промышленная монополия Англии есть краеугольный камень существующего в Англии общественного строя. Даже во время господства этой монополии рынки не поспевали за растущей производительностью английской промышленности; результатом были кризисы через каждые десять лет. А теперь новые рынки с каждым днем становятся все большей редкостью, так что даже неграм в Конго навязывают цивилизацию в виде ситцев из Манчестера, глиняной посуды из Стаффордшира и металлических изделий из Бирмингама. Что же будет тогда, когда континентальные и в особенности американские товары хлынут во все возрастающем количестве, когда львиная доля в снабжении всего мира, все еще принадлежащая английским фабрикам, станет год от году уменьшаться? Пусть даст на это ответ свобода торговли, это универсальное средство!

«Не я первый на это указываю. Уже в 1883 г. на съезде Британской ассоциации в Саутпорте председатель ее экономической секции г. Инглис Палгрейв заявил, что «для Англии дни больших прибылей уже прошли и дальнейшее развитие различных крупных отраслей промышленности приостановилось. *Можно почти утверждать, что Англия переходит в стадию застоя*»¹.

¹ Подчеркнуто только в английском тексте. *Ред.*

«Но чем же все это кончится? Капиталистическое производство *не может* стоять на месте: оно должно расти и развиваться или же должно умереть. Уже теперь одно лишь ограничение львиной доли Англии в снабжении товарами мирового рынка означает застой, нищету, избыток капитала — с одной стороны, избыток незанятых рабочих рук — с другой. Что же будет тогда, когда ежегодного прироста производства совсем не будет?

«Вот где уязвимая ахиллесова пята капиталистического производства. Постоянное расширение составляет необходимое условие его существования, а это постоянное расширение становится теперь невозможным. Капиталистическое производство упирается в тупик. С каждым годом перед Англией все более настойчиво встает вопрос: кто должен погибнуть — нация или капиталистическое производство; кто из них обречен?

«А рабочий класс? Если даже во время невиданного подъема торговли и промышленности с 1848 до 1868 г. ему приходилось жить в такой нищете, если даже тогда для громадного большинства рабочих в лучшем случае наступило лишь кратковременное улучшение их положения, и только незначительное привилегированное «охраняемое» меньшинство достигало длительного улучшения, то что же будет тогда, когда этот блестящий период решительно придет к концу, когда нынешнее угнетенное состояние не только усилится, но, усилившись, станет хроническим, нормальным состоянием английской промышленности?

«Истина такова: пока сохранялась промышленная монополия Англии, английский рабочий класс в известной мере принимал участие в выгодах этой монополии. Выгоды эти распределялись среди рабочих весьма неравномерно: наибольшую часть забирало привилегированное меньшинство, но и широким массам временами кое-что перепало. Вот почему, с тех пор как вымер оуэнизм, в Англии больше не было социализма. С крахом промышленной монополии Англии английский рабочий класс потеряет свое привилегированное положение. Наступит день, когда он весь, — не исключая привилегированного и руководящего меньшинства, — окажется на таком же уровне, на каком находятся рабочие других стран. И вот почему социализм снова появится в Англии».

Так я писал в 1885 г. В предисловии к английскому изданию, написанном 11 января 1892 г., я продолжал ¹:

«К этой характеристике положения вещей, как я его представлял

¹ Этот абзац вставлен в немецком тексте. *Ред.*

себе в 1885 г., мне остается прибавить немного. Нечего и говорить, что в настоящее время действительно «социализм снова появился в Англии», и появился в массовом виде: социализм всех оттенков, социализм сознательный и бессознательный, социализм в прозе и в стихах, социализм рабочего класса и среднего класса. В самом деле, ведь это пугало, этот ужасный социализм не только стал вполне respectable, но он стал надевать фрак и небрежно разваливается на диванах в салонах. Это лишний раз показывает неисправимое непостоянство страшного деспота хорошего общества, буржуазного общественного мнения, и лишний раз оправдывает то презрение, с которым мы, социалисты прошлого поколения, всегда к нему относились. Но, впрочем, у нас нет оснований быть недовольными этим новым симптомом.

«Гораздо важнее этой минутной моды буржуазных кругов щеголять разбавленным водою социализмом и даже важнее тех успехов, которых социализм достиг в Англии, представляется мне пробуждение лондонского Ист-Энда. Эта юдоль безмерной нищеты перестала быть той стоячей лужей, какою она была еще лет шесть тому назад. Ист-Энд стряхнул с себя апатию отчаяния; он возродился к новой жизни и стал родиной «нового юнионизма», т. е. организации широких масс «необученных» рабочих. Хотя эта организация в некоторых отношениях и облеклась в форму старых союзов «обученных» рабочих, но по своему характеру она все же существенно отличается от них. Старые союзы сохраняют традиции той эпохи, когда они возникли; они рассматривают систему наемного труда как вечный, раз навсегда данный факт, который они могут в лучшем случае лишь немного смягчить в интересах своих членов. Другое дело — новые союзы: они были основаны в такую эпоху, когда вера в вечность системы наемного труда уже потерпела жестокое крушение. Их основатели и руководители были сознательными социалистами или же социалистами по чувству; устремившиеся к ним массы, которые составляют их силу, были грубы, забиты, и аристократия рабочего класса смотрела на них сверху вниз. Они имеют одно неизмеримое преимущество: их психика является еще *девственной почвой*¹, совершенно свободной от унаследованных «почтенных» буржуазных предрассудков, которые сбивают с толку головы лучше поставленных «старых юнионистов». И теперь мы видим, как эти новые союзы становятся во главе всего рабочего движения и мало-по-малу берут на буксир богатые и гордые «старые» тред-юнионы.

¹ Подчеркнуто только в английском тексте. *Ред.*

«Деятели лондонского Ист-Энда допустили, несомненно, ряд колоссальных промахов; но то же самое бывало и с их предшественниками, то же самое бывает в настоящее время и с социалистами-доктринерами, задирающими перед ними нос. Великий класс, как и великая нация, ни на чем не учится так быстро, как на последствиях своих собственных ошибок. И, несмотря на всевозможные ошибки в прошлом, настоящем и будущем, пробуждение лондонского Ист-Энда остается одним из величайших и плодотворнейших событий конца нашего века [fin de siècle], и я рад и горд тем, что дожил до этого»¹.

С тех пор, как я это писал, прошло полгода, и английское рабочее движение снова сделало большой шаг вперед. Парламентские выборы, закончившиеся несколько дней тому назад, ясно показали обеим официальным партиям, и консерваторам и либералам, что им придется теперь считаться с третьей партией, партией рабочей. Эта рабочая партия только лишь возникает: отдельным ее элементам приходится еще страшивать с себя всевозможные унаследованные предрассудки, — буржуазные, старо-юнионистские и даже доктринерски-социалистические, — чтобы иметь, наконец, возможность сойтись на общей для них всех почве. И тем не менее объединяющий их инстинкт уже теперь так силен, что он привел к еще неслыханным в Англии результатам выборов. В Лондоне выставляют свои кандидатуры двое рабочих, к тому же открыто заявляющих о том, что они социалисты; либералы не осмеливаются выставить против них своего кандидата, и эти два социалиста проходят громадным и неожиданным большинством. В Миддлсборо рабочий кандидат выступает против либерала и консерватора и одерживает верх над обоими; наоборот, те новые рабочие кандидаты, которые заключили союз с либералами, все, кроме одного, безнадежно проваливаются. Из прежних так называемых рабочих представителей, т. е. людей, которым прощают их принадлежность к рабочему классу, потому что они сами готовы утопить это свое свойство в океане своего либерализма, из этих людей Генри Бродгерст, самый выдающийся представитель старого юнионизма, с треском провалился на выборах, потому что объявил себя противником восьмичасового рабочего дня. В двух избирательных округах Глазго, в одном избирательном округе Сальфорда и в некоторых других выступили независимые кандидаты рабочих против кандидатов обеих старых партий; они, правда, потерпели поражение, но и либеральные кандидаты тоже. Одним

¹ Здесь заканчивается английский текст, помеченный 11 января 1892 г. *Ред.*

словом, в целом ряде избирательных округов больших городов и промышленных центров рабочие решительно отказались от всякой связи с обеими старыми партиями и этим добились таких прямых или косвенных успехов, каких раньше никогда не достигали. И радость по этому поводу среди рабочих неопишима. Они впервые увидели и почувствовали, чего они могут добиться, если используют свое избирательное право в интересах своего класса. Вера в «великую либеральную партию», — вера, которая господствовала среди английских рабочих в течение почти сорока лет, разбита. На убедительных примерах они увидели, что они, рабочие, составляют в Англии решающую силу, стоит им только захотеть и знать, чего хотеть; и выборы 1892 г. были началом этого знания и этого хотения. Все остальное будет сделано рабочим движением континента; немцы и французы, имеющие уже такое богатое представительство в парламентах и муниципальных советах, будут своими дальнейшими успехами поддерживать в англичанах дух соревнования. И когда в недалеком уже будущем обнаружится, что новый парламент ни о чем не может столкнуться с г. Гладстоном, а г. Гладстон — с этим парламентом, тогда английская рабочая партия будет уже достаточно организована, чтобы раз навсегда положить конец этой игре двух старых партий, сменяющих друг друга у кормила власти и тем самым увековечивающих господство буржуазии.

Лондон, 21 июля 1892 г.

Напечатано в виде предисловия к английскому (1892 г.) и ко второму немецкому (1892 г.) изданиям книги «Положение рабочего класса в Англии».

Подпись: Ф. Энгельс.

10

tylko stan ruchu robotniczego, lecz również stopień rozwoju wielkiego przemysłu w każdym kraju.

Tak więc nowe wydanie polskie oznacza sta- nowczy postęp polskiego przemysłu. A że ten postęp w ciągu dziesięciu lat od ukazania się ostatniego wydania miał miejsce w rzeczywistości, o tem wątpić nie można. Królestwo Polskie, Kongresówka, stała się wielkim okręgiem prze- myślowym państwa rosyjskiego.

Gdy wielki przemysł rosyjski rozszany jest sporadycznie — częsté nad zachód fiński, częsté w guberniach środkowych (Moskwa i Wladimir), to znów nad Czarnem i Azowskiem morzem, — polski przemysł skupił się na stosunkowo małej przestrzeni i korzysta zarówno z wygód, jak i niedogodności takiego zastródkowania. Wy- gody uznali konkurujący fabrykauci rosyjscy, ządając przeciwko Polsce ceł ochronnych, bez względu na swe gorące chęci przyrobiecia Pola- ków na Rossyan. Niedogodności — dla polskich fabrykantów i rosyjskiego rządu — ujawniają się w szybkim rozroście idej socyalistycznych wśród polskich robotników i w coraz większym popycie na Manifest.

Lecz szybki rozwój polskiego przemysłu, prze- rastającego o głowę przemysł rosyjski, jest swoja droga nowym dowodem niespożytej siły żywotnej polskiego ludu i nową gwarancją przyszłego odrodzenia narodowego. Odrodzenie zaś niez- odrodzonej siłnej Polski jest sprawa, która nie tylko Polaków, lecz wszystkich nas obchodzi. Szerze- współdziałanie międzynarodowe ludów europej- skich jest możliwem tylko wtedy, gdy każdy

Przedmowa do 2go wydania polskiego

— 318 —

EN fakt, że nowe wydanie „Manifestu Komunistycznego” stało się potrze- bnym, pobudza do różnych uwag. Najpierw godnym jest zaznaczenia, że Manifest w ostatnich czasach stał się do pewnego stopnia prohibicem rozwoju wiel- kiego przemysłu na ładzie europejskim. W miarę, jak w pewnym kraju wzrasta wielki przemysł, wprost robotników tego kraju wzmagają się pra- gnięcie wyjaśnienia swego stanowiska, jako klasy robotniczej w obec klas posiadających, rozszerza się wśród nich ruch socyalistyczny, i rośnie popyt na Manifest. W ten sposób ilością egzem- plarzy Manifestu, w języku krajowym rozszerzo- nych, można z dostateczną ścisłością miarzyć nie

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ПОЛЬСКОМУ ИЗДАНИЮ «КОММУНИСТИЧЕСКОГО МАНИФЕСТА».

То обстоятельство, что явилась необходимость в новом польском ¹ издании «Коммунистического манифеста», позволяет сделать отсюда целый ряд выводов.

Прежде всего следует отметить, что Манифест в последнее время стал до известной степени показателем развития крупной промышленности на европейском материке. По мере того как в данной стране развивается крупная промышленность, среди рабочих этой страны усиливается стремление уяснить себе свое положение, как рабочего класса, по отношению к имущим классам, ширится среди них социалистическое движение и растет спрос на Манифест. Таким образом, по количеству экземпляров Манифеста, распространенных на языке данной страны, можно с достаточной точностью определить не только состояние рабочего движения, но и степень развития крупной промышленности в этой стране.

Так и новое польское издание Манифеста свидетельствует о решительном успехе польской промышленности. А что такой успех действительно произошел за десять лет со времени выхода первого издания, не подлежит никакому сомнению. Царство Польское, конгрессовая Польша, стало крупной промышленной областью Российской империи.

В то время как русская крупная промышленность разбросана спорадически, — одна часть у Финского залива, другая в центре (Москва, Владимир), третья на побережьях Черного и Азовского морей и т. д., — польская промышленность сосредоточена на относительно малом пространстве и пользуется как выгодами, так и неудобствами такой концентрации. Выгоды эти признали конкурирующие русские фабриканты, которые потребовали охранительных пошлин против Польши, несмотря на свое горячее желание обрушить всех поляков. Неудобства же — как для польских фабрикантов, так и для русского правительства — сказываются в быстром распространении социалистических идей среди польских рабочих и в возрастающем спросе на Манифест.

¹ В польском тексте слово «польском» выпущено. *Ред.*

Но это быстрое развитие польской промышленности, уже переросшей русскую, является, в свою очередь, новым доказательством неиссякаемой жизненной силы польского народа и новой гарантией будущего национального возрождения ¹. А возрождение независимой, мощной Польши, это — дело, касающееся не только поляков, но и всех нас. Искреннее международное сотрудничество европейских народов будет возможно только тогда, когда каждый из этих народов будет у себя дома полным хозяином. Революция 1848 г., в которой под знаменем пролетариата бойцам пролетариата пришлось только таскать из огня каштаны для буржуазии, эта революция вместе с тем руками своих душеприказчиков — Луи Бонапарта и Бисмарка — осуществила независимость Италии, Венгрии, Германии; но Польшу, которая с 1791 г. сделала для европейской ² революции больше, чем все эти три народа, вместе взятые, предоставили себе самой, когда она в 1863 г. изнемогала под тяжестью русских, в десять раз превосходивших ее по силе ³. Шляхта не сумела ни отстоять, ни снова завоевать независимость Польши; для буржуазии эта независимость в настоящее время по меньшей мере безразлична, хотя для гармонического сотрудничества европейских наций она является необходимостью ⁴; таким образом, независимость может быть завоевана только молодым польским пролетариатом. Зато в его руках она вполне обеспечена. Ибо рабочим всей остальной Европы независимость Польши так же необходима, как и самим польским рабочим.

Лондон, 10 февраля 1892 г.

Перевод с рукописи Энгельса, на немецком языке, хранящейся в архиве ИМЭЛ.

Напечатано на польском языке в польском издании «Manifest komunistyczny», London, 1892.

Подпись: Фр. Энгельс.

¹ В рукописи Энгельса далее следует незаконченная и зачеркнутая фраза: «Революция 1848 г., которая была призвана, с одной стороны, установить в Центральной Европе господство буржуазии, а с другой — доставить жившим там национальностям, частью раздробленным, частью находившимся под иноземным игом, национальную независимость, без которой невозможно интернациональное...» *Ред.*

² В польском тексте слово «европейской» опущено. *Ред.*

³ В рукописи Энгельса далее вычеркнута следующая фраза: «Польская буржуазия должна развиваться под русской властью, и, если верны мои сведения, она умеет даже установить вполне близкие отношения с нею». *Ред.*

⁴ Слова «хотя для гармонического сотрудничества европейских наций она является необходимостью» в польском тексте выпущены. *Ред.*

К 21-й ГОДОВЩИНЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ.

Лондон, 17 марта 1892 г.

Гражданки и граждане!

Сегодня исполнился двадцать один год с того дня, как парижский народ поднял красное знамя, сразу бросив вызов как французскому трехцветному знамени, развевавшемуся в Версале ¹, так и немецкому трехцветному знамени, развевавшемуся на фортах, занятых пруссаками.

Красное знамя — это был парижский пролетариат ², поднявшийся на такую высоту, на которой стирается грань между победителями и побежденными.

Историческое величие придад Коммуне ее в высшей степени интернациональный характер, тот отважный вызов, который она бросила всякому чувству буржуазного шовинизма. Пролетариат всех стран здесь не ошибся ³. Пусть буржуа празднуют свое 14 июля или 22 сентября. Праздником пролетариата везде и всюду будет 18 марта.

Вот почему подлая буржуазия ⁴ осыпает подлой клеветой могилу Коммуны. Вот почему одно лишь Международное товарищество рабочих осмеливалось отождествлять себя с первого до последнего дня с парижскими инсургентами, а затем — с побежденными пролетариями. Поистине, когда пала Коммуна, не мог продолжать свое существование и Интернационал. При криках «долгой коммунарской» он был разгромлен по всей Европе.

И вот сегодня исполнился двадцать один год с тех пор, как были вновь отбиты пушки на высотах Монмартра. Дети, родившиеся в 1871 г., достигли ныне совершеннолетия, и благодаря глупости правящих классов они — *солдаты*, они обучаются умению владеть оружием, искусству организовываться и защищаться с винтовкой в руках. Коммуна, которую считали убитой, Интернационал, который

¹ В рукописи Энгельса: «развевавшемуся у версальских буржуа». *Ред.*

² В рукописи зачеркнуто: «представитель международного пролетариата». *Ред.*

³ В рукописи Энгельса: «Пролетариат всех стран хорошо это понял». *Ред.*

⁴ В рукописи: «подлая международная буржуазия». *Ред.*

считали навсегда уничтоженным, — они среди нас, живые и в двадцать раз более сильные, чем в 1871 г. Место сотен заняли тысячи, вместо тысяч на наш призыв теперь откликаются миллионы. Союз всемирного пролетариата, который первый Интернационал мог лишь предвидеть и готовить, сегодня — уже действительность. И — что еще важнее — сыновья прусских солдат, которые в 1871 г. занимали форты вокруг Парижа Коммуны, в настоящее время рука об руку с сынами парижских коммунаров миллионами сражаются в передовых рядах за полное и окончательное освобождение рабочего класса.

Да здравствует Коммуна!

Да здравствует международная социальная революция!

*Напечатана на французском языке
в газете «Le Socialiste», № 79, от
26 марта 1892 г.*

Подпись: Фридр. Энгельс.

*Рукопись Энгельса хранится в архиве
ИМЭЛ.*

**ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ
КНИГИ МАРКСА «НИЦЕТА ФИЛОСОФИИ».**

По поводу второго издания я должен лишь сказать, что ошибочно указанное во французском тексте имя Гопкинса заменено правильным именем: Годскин, и там же исправлен год издания книги Вильяма Томпсона (1824 г.). Теперь, надеюсь, библиографическая совесть господина профессора Антона Менгера будет успокоена.

Лондон, 29 марта 1892 г.

*Напечатано во 2-м немецком издании книги
Маркса «Ницета философии» (1892 г.).*

Подпись: Фридрих Энгельс.

ВВЕДЕНИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ БРОШЮРЫ «РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА ОТ УТОПИИ К НАУКЕ».

Предлагаемая брошюра была сначала частью более обширного целого. Около 1875 г. д-р Е. Дюринг, *приват-доцент* Берлинского университета, внезапно и довольно крикливо заявил, что он уверовал в социализм, и преподнес немецкой публике не только подробную социалистическую теорию, но и подробно разработанный практический план преобразования общества. Само собою разумеется, он изо всех сил обрушился на своих предшественников; больше всего досталось Марксу, на которого он изливал свой гнев полной чашей.

Это случилось как раз в то время, когда только что произошло слияние двух частей социалистической партии в Германии, — эйвенхцев и лассальянцев, — и партия таким образом не только чрезвычайно усилилась, но также — что еще важнее — получила возможность все свои силы двинуть против общего врага. Социалистическая партия в Германии быстро становилась силой. Но для того, чтобы сделать ее силой, прежде всего необходимо было не подвергать опасности вновь завоеванное единство. Между тем д-р Дюринг открыто начал создавать вокруг себя секту, ядро будущей самостоятельной партии. Поэтому волей-неволей мы были вынуждены поднять брошенную нам перчатку и вступить в бой.

Это, однако, было делом хотя и не слишком трудным, но явно канительным. Хорошо известно, что нам, немцам, свойственна страшно тяжеловесная «*Gründlichkeit*» [*основательность*], — радикальная глубина или глубокая радикальность, называйте как хотите. Когда кто-нибудь из нас приступает к изложению того, что, по его мнению, является новой теорией, он считает необходимым прежде всего разработать это в виде всеобъемлющей системы. Он должен доказать, что принципы логики и основные законы мироздания искони существовали только для того, чтобы в конце концов привести именно к этой новой и все завершающей теории. И в этом отношении д-р Дюринг был вполне на высоте своей национальности. Ни много, ни мало, как полная «Система философии» — рациональной, моральной, естественно-научной и исторической; полная «Си-

стема политической экономии и социализма» и, наконец, «Критическая история политической экономии», — три толстых тома в восьмую долю листа, тяжелых как по весу, так и по содержанию, три армейских корпуса доказательств, мобилизованных против предшествующих философов и против экономистов вообще и Маркса в частности, — поистине попытка совершить полнейший «переворот в науке»; вот с чем пришлось мне иметь дело. Я был принужден трактовать всевозможные, самые разнообразные предметы: от концепций времени и пространства до биметаллизма; от вечности материи и движения до изменчивой природы моральных идей; от дарвиновского естественного отбора до воспитания молодежи в будущем обществе. Во всяком случае, всеобъемлющий диапазон моего противника давал мне случай в полемике с ним изложить взгляды Маркса и мои на все эти разнообразные предметы, и притом в гораздо более связанном виде, чем это приходилось делать когда-либо прежде. Это как раз и было главной причиной того, что я взялся за такую при иных условиях неблагодарную задачу.

Ответ мой сперва появился в виде ряда статей в лейпцигском «Vorwärts», центральном органе социалистической партии, а затем в виде книги «Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом», второе издание которой вышло в Цюрихе в 1886 г.

По просьбе моего друга Поля Лафарга, — ныне депутата от Лилля во французской палате, — из трех глав этой книги я составил брошюру, которую он перевел и издал в 1880 г. под названием «Социализм утопический и социализм научный». Этот французский текст лег в основу польского и испанского изданий. В 1883 г. наши немецкие друзья издали брошюру на том языке, на котором она первоначально была написана. Затем с этого немецкого текста были сделаны переводы итальянский, русский, датский, голландский и румынский. Таким образом, включая и настоящее английское издание, брошюра эта распространена на десяти языках. Полагаю, что ни одно социалистическое произведение, не исключая даже нашего «Коммунистического манифеста», впервые изданного в 1848 г., и «Капитала» Маркса, не было столько раз переведено. В Германии брошюра выдержала четыре издания, общим тиражом около 20 000 экземпляров.

Употребляемые в дальнейшем экономические термины, поскольку они новы, совпадают с терминологией английского издания «Капитала» Маркса. Под «товарным производством» мы понимаем ту степень экономического развития, при которой предметы производятся не только для удовлетворения потребностей производителей,

но и с целью обмена, т. е. производятся *в качестве товаров*, а не потребительных стоимостей. Эта ступень существует с тех пор, как началось производство для обмена, и вплоть до нашего времени; вершины своего развития она достигает лишь при капиталистическом производстве, т. е. в тех условиях, когда капиталист, собственник средств производства, нанимает за деньги рабочих, — людей, лишенных каких бы то ни было средств производства, кроме своей собственной рабочей силы, — и кладет себе в карман излишек продажной цены продуктов над его издержками. Историю промышленного производства, начиная со средних веков, мы делим на три периода: 1) господство ремесла, эпоха мелких мастеров-ремесленников с их многочисленными подмастерьями и учениками, когда каждый работник производит предмет целиком; 2) мануфактура, при которой более крупное число рабочих, собранных в одном обширном заведении, производит весь предмет в порядке разделения труда, т. е. каждый рабочий прodelывает какую-нибудь одну частичную операцию, так что продукт готов лишь после того, как он последовательно прошел через руки их всех; 3) современная промышленность, при которой продукт производится машинами, приводимыми в движение какой-либо силой, а роль рабочего ограничивается наблюдением за действиями механического фактора и их регулированием.

Я прекрасно знаю, что содержание этой брошюры встретит возражения значительной части британской читающей публики. Но если бы мы, жители континента, хоть сколько-нибудь считались с предрассудками британской «респектабельности», т. е. британского филистерства, то дело обстояло бы еще хуже, чем сейчас. Предлагаемая брошюра написана в защиту того, что мы называем «историческим материализмом», а слово материализм для слуха подавляющего большинства британских читателей звучит резким диссонансом. «Агностицизм» — еще куда ни шло, но материализм — совершенно недопустимая вещь.

И все же первоначальной родиной всего современного материализма, начиная с XVII столетия, является именно Англия.

«Материализм — родной сын Великобритании. Уже ее схоластик Дунс Скот спрашивал себя: не может ли материя мыслить?

«Чтобы совершить это чудо, он взывал к всемогуществу божию, т. е. заставил само богословие проповедывать материализм. К тому же он был номиналистом. Номинализм является у английских материалистов главным элементом, да и вообще он представляет собою первое выражение материализма.

«Действительный родоначальник английского материализма —

Бэкон. Естествознание для него представляло истинную науку, а опытная физика — самую важную отрасль естествознания. На Анаксагора с его гомойомериями и на Демокрита с его атомами он часто ссылается как на авторитеты. Согласно его учению чувства не обманчивы и служат источником всякого знания. Всякая наука есть опытная наука и заключается в том, чтобы применять рациональные методы к чувственно данному. Индукция, анализ, сравнение, наблюдение, опыт являются главными условиями рационального метода. Среди прирожденных материи свойств первое и важнейшее, это — движение, не только в смысле механического и математического движения, но еще больше как стремление, как жизненный дух, напряжение, — словом, употребляя выражение Якова Беме, *qual* [мўка] материи. Первоначальные формы последней — это живые, прирожденные ей, вызывающие своеобразные индивидуальные различия силы бытия¹.

«У Бэкона, своего первого творца, материализм содержит в себе, еще в наивной форме, зародыши всестороннего развития. Материя, окруженная поэтически-чувственным ореолом, приветливо улыбается человеку. Само же учение, изложенное в форме афоризмов, еще кишит, напротив, богословскими непоследовательностями.

«В своем дальнейшем развитии материализм становится односторонним. Гоббс является систематиком бэконовского материализма. Чувственность теряет свой аромат и превращается в абстрактную чувственность геометра. Физическое движение приносится в жертву механическому или математическому, геометрия объявляется главной наукой. Материализм становится враждебным человеку. Чтобы преодолеть враждебный человеку бесплотный дух в его собственной сфере, материализму приходится самому умертвить свою плоть и стать аскетом. Он выступает как рассудочное существо, но зато он с беспощадной последовательностью развивает все выводы рассудка.

«Если наши чувства являются источником всех наших знаний, — рассуждает Гоббс, исходя от Бэкона, — то созерцание,

¹ Последняя фраза в английском тексте выпущена. Вместо нее Энгельс дает там следующее разъяснение, которого нет в немецком тексте: «*Qual*» — это философская игра словами. *Qual* буквально означает мучение, боль, которая толкает на какое-нибудь действие. В то же самое время мистик Беме вносит в это немецкое слово и нечто от латинского слова *qualitas* (качество); его «*qual*» это — в противоположность боли, причиняемой извне, — активное начало, возникающее из самопроизвольного развития вещи, отношения или личности, ему подверженной, и в свою очередь способствующее этому развитию». *Ред.*

мысль, представления и пр. — все это не что иное, как призраки телесного мира, освобожденного в большей или меньшей степени от своей чувственной формы. Наука может только подобрать названия для этих призраков. Одно и то же название может быть придано нескольким призракам. Возможно даже существование названий самих названий. Но было бы противоречием с одной стороны относить происхождение всех идей к чувственному миру, а с другой — утверждать, что слово означает больше, чем простое слово, что кроме отражающихся в нашем представлении единичных существ возможны еще какие-то всеобщие существа. Бесплотная субстанция — это, наоборот, такое же противоречие, как бестелесное тело. Тело, бытие, субстанция — все это одна и та же реальная идея. *Нельзя отделить мышление от материи, которая мыслит*¹. Материя является субъектом всех изменений. Слово «бесконечный» бессмысленно, если оно не означает способности нашего духа без конца производить сложение. Так как только материя доступна восприятию, познаваема, то ничего не известно о существовании бога. Только мое собственное существование достоверно. Всякая человеческая страсть есть механическое движение, которое имеет начало и конец. Объекты стремлений — то, что мы называем благом. Человек подчиняется тем же законам, что и природа. Власть и свобода тождественны.

«Гоббс привел в систему учение Бэкона, но не обосновал точнее его основного принципа — происхождения внятий и идей из чувственного мира. Локк дал такое обоснование в своем труде «Опыт о происхождении человеческого рассудка».

«Подобно тому, как Гоббс уничтожил теистические предрассудки бэконовского материализма, так Коллинс, Додуэлл, Коуард, Гартли, Пристли и т. д. разбили богословские загородки локковского сенсуализма. Теизм — не более, чем удобный и легкий способ отделаться от религии, — по крайней мере для материалиста» *.

Так писал Карл Маркс о британском происхождении современного материализма. И если в настоящее время англичане не чувствуют себя особенно польщенными этим признанием заслуг их предков, то об этом можно только пожалеть. И все же не подлежит сомнению, что Бэкон, Гоббс и Локк были отцами блестящей школы тех французских материалистов, которые, несмотря на все победы, одержанные германцами и англичанами на суше и на море над фран-

¹ Подчеркнуто Энгельсом в английском тексте. *Ред.*

* См. Маркс и Энгельс. «Святое семейство». Франкфурт на-Майне, 1845 г., стр. 201—204. [Сочинения, т. III, стр. 157—158].

цузами, делают XVIII век преимущественно французским веком; и это — задолго до той венчающей конец этого века французской революции, результаты которой мы — как в Англии, так и в Германии — все еще стремимся акклиматизировать у себя.

Нет никакой возможности это отрицать. Когда образованный иностранец переезжал около середины XIX столетия на жительство в Англию, то более всего его поражали, — иначе он и не мог воспринять это, — религиозное ханжество и тупость английского «респектабельного» среднего класса. Мы были тогда все материалистами или, по меньшей мере, очень радикальными вольнодумцами, и для нас был непонятен тот факт, что почти все образованные люди в Англии верили во всевозможные невероятные чудеса и что даже геологи, как Бекленд и Мانتелл, извращали данные своей науки, дабы они не слишком резко расходились с мифами моисеевой легенды о сотворении мира. Нам казалось непостижимым, что для того, чтобы найти людей, осмеливающихся в религиозных вопросах опираться на собственный разум, надо было идти к необразованной массе, к «неумытой толпе», как тогда выражались, — к рабочим, особенно к социалистам, последователям Роберта Оуэна.

Но с того времени Англия «цивилизировалась». Выставка 1851 г. прозвучала похоронным звоном для английской островной замкнутости. Англия постепенно интернационализировалась в пище и питье, в обычаях, в представлениях, она достигла в этом таких успехов, что мне все больше хочется выразить пожелание, чтобы некоторые английские обычаи нашли себе на континенте такое же всеобщее применение, какое нашли в Англии некоторые обычаи континента. Несомненно одно: распространение прованского масла (до 1851 г. известного только аристократии) сопровождалось роковым распространением континентального скептицизма в религиозных вопросах; дошло до того, что агностицизм, хотя он еще и не считается столь благородным, как английская государственная церковь, стоит все же в отношении респектабельности почти на одной ступени с сектой баптистов и во всяком случае рангом выше «Армии спасения». И я не могу освободиться от мысли, что для многих, кто всем сердцем тужит по поводу этого прогресса неверия и проклинает его, будет утешительно узнать, что эти новоиспеченные идеи — не чужеземного происхождения, не носят на себе марки *Made in Germany*, изготовлено в Германии, как множество других предметов повседневного обихода; что они, напротив, старо-английского происхождения и что их британские родоначальники двести лет тому назад заходили гораздо дальше, чем их нынешние потомки.

Действительно, что такое агностицизм, как не «стыдливый»¹ материализм? Взгляд агностика на природу насквозь материалистичен. Весь мир природы управляется законами и абсолютно исключает всякое воздействие извне. Но, — благоразумно добавляет агностик, — мы не в состоянии доказать существование или несуществование какого-либо высшего существа вне известного нам мира. Эта оговорка имела ценность в те времена, когда Лаплас на вопрос Наполеона, почему в «*Mécanique Céleste*» [«Небесной механике»] этого великого астронома ни разу не упомянуто имя творца мира, дал гордый ответ: «*Je n'avais pas besoin de cette hypothèse* [У меня не было надобности в этой гипотезе]». В настоящее же время наше представление о вселенной в ее развитии совершенно не оставляет места ни для творца, ни для вседержителя. Признание какого-то высшего существа, выделенного из всего существующего мира, само по себе есть противоречие и, как мне кажется, незаслуженное оскорбление чувств религиозных людей.

Наш агностик соглашается также, что все наше знание покоится на данных, получаемых нами через посредство наших чувств. Но, добавляет он, откуда мы знаем, что наши чувства дают нам верные изображения воспринимаемых через их посредство вещей? И далее он сообщает нам, что, когда он говорит о вещах или об их свойствах, то он в действительности имеет в виду не самые эти вещи и их свойства, о которых он ничего достоверного знать не может, а лишь те впечатления, которые они произвели на его чувства. Слов нет, это такая точка зрения, которую трудно, повидимому, опровергнуть одной только аргументацией. Но прежде чем люди стали аргументировать, они действовали. «В начале было дело». И человеческая деятельность разрешила это затруднение задолго до того, как человеческое мудрствование выдумало его. *The proof of the pudding is in the eating* [Доказательство для пуддинга, или испытание, проверка пуддинга состоит в том, что его съедают].

В тот момент, когда, сообразно воспринимаемым нами свойствам какой-либо вещи, мы употребляем ее для себя, — в этот самый момент мы подвергаем безошибочному испытанию истинность или ложность наших чувственных восприятий. Если эти восприятия были ложны, то и наше суждение о возможности использовать данную вещь по необходимости будет ложно, и всякая попытка такого использования неизбежно приведет к неудаче. Но если мы достигнем нашей

¹ В английском тексте добавлено: «употребляя выразительный ланкаширский термин»... *Ред.*

цели, если мы найдем, что вещь соответствует нашему представлению о ней, что она дает тот результат, какого мы ожидали от ее употребления, тогда мы имеем положительное доказательство, что *в этих границах*¹ наши восприятия о вещи и ее свойствах совпадают с существующей вне нас действительностью. Если же, наоборот, мы находим, что сделали ошибку, тогда мы большею частью в скором времени умеем найти причину ошибки; мы находим, что восприятие, лежащее в основе нашего опыта, либо само было неполно и поверхностно, либо было связано с результатами других восприятий таким образом, который не оправдывается положением дела; это мы называем дефективным умозаключением². До тех же пор, пока мы как следует развиваем наши чувства и пользуемся ими, пока мы держим свою деятельность в границах, поставленных правильно полученными и использованными восприятиями, — до тех пор мы всегда будем находить, что успех наших действий дает доказательство соответствия [Uebereinstimmung] наших восприятий с предметной [gegenständlich] природой воспринимаемых вещей. Нет ни одного случая, насколько нам известно до сих пор, когда бы мы были вынуждены заключить, что наши научно-проверенные чувственные восприятия производят в нашем мозгу такие представления о внешнем мире, которые по своей природе отклоняются от действительности, или что между внешним миром и нашими чувственными восприятиями его существует прирожденная несогласованность.

Но тут появляется неокантианский агностик и говорит: да, возможно, что мы в состоянии правильно воспринять свойства вещи, но самой вещи мы никаким, ни чувственным, ни мыслительным процессом постичь не можем. Эта «вещь в себе» находится по ту сторону нашего познания. На это уже Гегель очень давно дал ответ: если вы знаете все свойства вещи, то вы знаете и самую вещь; тогда остается только голый факт, что названная вещь существует вне нас, и как только ваши чувства удостоверили и этот факт, вы постигли эту вещь всю без остатка, — постигли знаменитую кантовскую непознаваемую «вещь в себе». В настоящее время мы можем к этому только прибавить, что в эпоху Канта наше познание материальных вещей было еще настолько отрывочным, что за каждой из них можно было еще допускать существование особой таинственной «вещи в себе». Но с того времени эти непостижимые вещи одна за другой, вследствие

¹ Подчеркнуто Энгельсом в английском тексте. *Ред.*

² Слова «это мы называем дефективным умозаключением» в немецком тексте опущены. *Ред.*

гигантского прогресса науки, уже достигнуты, проанализированы и даже более того — *воспроизведены*. А что мы сами можем *сделать*, то уж мы, конечно, не можем назвать непознаваемым. Для химии первой половины XIX столетия органические вещества были такими таинственными вещами. Теперь нам удастся составлять их одно за другим из их химических элементов и без помощи органических процессов. Новейшая химия утверждает: коль скоро химический состав какого-либо тела известен, оно может быть составлено из своих элементов. Нам еще, правда, очень далеко до точного знания состава высших органических веществ, так называемых белковых тел; однако нет никакого основания сомневаться, что мы, пусть хотя бы спустя столетия, достигнем этого знания и будем с его помощью добывать искусственный белок. Если мы этого достигнем, то вместе с тем мы воспроизведем органическую жизнь, ибо жизнь от самых низших до самых высших ее форм есть не что иное, как нормальная форма существования белковых тел. Но наш агностик, сделав свои формальные оговорки, говорит и действует совсем как закоренелый материалист, каковым он в сущности и является. Он, может быть, скажет: насколько *нам* известно, материю и движение, или, как теперь говорят, энергию, нельзя ни создать, ни уничтожить, но у нас нет никакого доказательства того, что и то и другое не было в какой-то неведомый нам момент сотворено. Но как только вы попытаетесь в каком-нибудь данном случае использовать это признание против него, — он моментально заставит вас замолчать. Если он *in abstracto* [отвлеченно] допускает возможность спиритуализма, то *in concreto* [в конкретном случае] он об этой возможности и знать не желает. Он вам скажет: поскольку мы знаем и можем знать, не существует никакого творца или вседержителя вселенной; поскольку это от нас зависит, материю и энергию также нельзя ни создать, ни уничтожить; для нас мышление — только форма энергии, функция мозга; все, что мы знаем, сводится к тому, что материальный мир управляется неизменными законами и т. д. и т. п. Таким образом, поскольку он человек *науки*, поскольку он что-либо *знает*, постольку он материалист; но вне своей науки, в тех областях, которые ему чужды, он переводит свое незнание на греческий язык, называя его агностицизмом.

Во всяком случае несомненно одно: даже если бы я был агностиком, я не мог бы изложенный в этой книжке взгляд на историю назвать «историческим агностицизмом». Религиозные люди высмеяли бы меня, а агностики с негодованием спросили бы: неужели я хочу издеваться над ними? И я надеюсь, что и британская «респектабель-

ность», которая по-немецки называется филистерством¹, не будет чересчур возмущена, если я применю на английском, как и на многих других языках, выражение «исторический материализм», обозначая этим термином тот взгляд на ход всемирной истории, который находит конечную причину и решающую движущую силу всех важных исторических событий в экономическом развитии общества, в изменениях способа производства и обмена, в вытекающем отсюда распадении общества на различные классы и в борьбе этих классов между собою.

Может быть, ко мне отнесутся еще более снисходительно, если я докажу, что исторический материализм может оказаться полезным даже для респектабельности британского филистера². Я указал на тот факт, что лет сорок или пятьдесят назад каждого образованного иностранца, поселявшегося в Англии, неприятно поражало то, что ему должно было казаться религиозным ханжеством или помешательством английского «респектабельного» среднего класса. Я сейчас покажу, что респектабельный английский средний класс того времени был совсем не так глуп, как это казалось интеллигентному иностранцу. Религиозные стремления этого класса имеют свое объяснение.

Когда Европа вышла из средневековья, городская буржуазия, находившаяся в процессе подъема, была в ней революционным элементом. Признанное положение, которое она завоевала себе внутри средневекового феодального строя, стало уже слишком тесным для ее стремления к расширению. Свободное развитие буржуазии стало уже несовместимо с феодальным строем, феодальная система должна была пасть.

Но великим интернациональным центром феодальной системы была римско-католическая церковь. Несмотря на все внутренние войны, она объединяла всю феодальную Западную Европу в одно огромное политическое целое, которое находилось в противоречии одинаково как с греко-православным, так и с магометанским миром. Она окружила феодальный строй священным ореолом божественной благодати. Свою собственную иерархию она установила по феодальному образцу, и в конце концов она была самым крупным феодальным владельцем, потому что ей принадлежало не менее третьей части всего католического землевладения. Прежде чем вступить в борьбу

¹ Слова «которая по-немецки называется филистерством» в английском тексте отсутствуют. *Ред.*

² В английском тексте: «для британской респектабельности». *Ред.*

со светским феодализмом в каждой стране в отдельности, необходимо было разрушить эту его центральную, священную организацию.

Однако вместе с расцветом буржуазии шаг за шагом шел вслед гигантский рост науки. Возобновился интерес к астрономии, механике, физике, анатомии, физиологии. Буржуазии для развития ее промышленности нужна была наука, которая исследовала бы свойства физических тел и формы проявления сил природы. До того же времени наука была смиренной служанкой церкви, и ей не было позволено выходить за пределы, установленные верой: короче — она была чем угодно, только не наукой. Теперь наука восстала против церкви; буржуазия нуждалась в науке и приняла участие в этом восстании.

Я коснулся, таким образом, двух пунктов, в которых растущая буржуазия должна была притти в столкновение с существующей церковью. Но этого будет достаточно, чтобы доказать, во-первых, что в борьбе против претензий католической церкви наибольшее участие принимал именно этот класс — буржуазия; во-вторых, что всякая борьба против феодализма должна была тогда принимать религиозное обличие, направляться в первую очередь против церкви. Но если боевой клич исходил от университетов и деловых людей городов, то он неизбежно находил сильный отклик в массах сельского населения, у крестьян, которые повсюду вели ожесточенную борьбу со своими духовными и светскими феодалами-помещиками. и притом борьбу за самое существование.

Великая борьба европейской буржуазии против феодализма дошла до высшего напряжения в трех крупных решительных битвах.

Первой было то, что мы называем реформацией в Германии. Призыв Лютера к бунту против церкви вызвал два политических восстания: сначала — низшего дворянства под предводительством Франца фон-Зикингена в 1523 г., а затем — Великую крестьянскую войну 1525 г. Оба они были подавлены главным образом вследствие нерешительности наиболее заинтересованной партии, городской буржуазии, — нерешительности, на причинах которой мы здесь не можем останавливаться. С этого момента борьба выродилась в грязную борьбу между отдельными князьями и центральной имперской властью и имела своим последствием то, что Германия на 200 лет была вычеркнута из списка политически активных наций Европы. Лютеранская реформация установила в ней, во всяком случае, новую религию, — именно такую, какая как раз нужна была абсолютной монархии. Не успели крестьяне на северо-востоке Германии принять лютеранство, как они были из свободных людей низведены до состояния крепостных.

Но там, где Лютера постигла неудача, победил Кальвин. Его догма отвечала требованиям самой смелой части тогдашней буржуазии. Его учение о предопределении было религиозным выражением того факта, что в мире торговли и конкуренции удача или банкротство зависят не от деятельности или искусства отдельных лиц, а от обстоятельств, от них не зависящих. «Определяет не воля или действия какого-либо отдельного человека, а милосердие» могущественных, но неведомых экономических сил. И это было особенно верно в эпоху экономического переворота, когда все старые торговые пути и торговые центры вытеснялись новыми, когда были открыты Америка и Индия, когда даже издревле почитаемый экономический символ веры — ценность золота и серебра — пошатнулся и потерпел крушение. Притом церковный строй Кальвина был насквозь демократичным и республиканским; а где уже и царство божие республиканизировано, могли ли там эемные царства оставаться верноподанными королей, епископов и феодалов-помещиков? Если лютеранство в Германии было удобным орудием в руках германских мелких князей, то кальвинизм создал республику в Голландии и сильные республиканские партии в Англии и особенно в Шотландии.

В кальвинизме нашло себе готовую боевую теорию второе крупное восстание буржуазии. Это восстание произошло в Англии. Городская буржуазия дала ему первый толчок, а среднее крестьянство сельских округов, йоменри (yeomanry), привело его к победе. Оригинальное явление: во всех трех великих буржуазных революциях боевой армией являются крестьяне; и именно крестьяне оказываются тем классом, который после завоевания победы неизбежно разоряется вследствие экономических последствий этой победы. Сто лет спустя после Кромвеля английское йоменри почти совершенно исчезло. А между тем исключительно благодаря вмешательству этого йоменри и плебейского элемента городов борьба была доведена до последнего решительного конца, и Карл I угодил на эшафот. Для того, чтобы буржуазия могла заполучить хотя бы только те плоды победы, которые тогда были уже вполне зрелы для сбора, необходимо было довести революцию значительно дальше такой цели; совершенно то же самое было в 1793 г. во Франции, в 1848 г. в Германии. Повидимому, таков на самом деле один из законов развития буржуазного общества.

За этим избытком революционной деятельности последовала неизбежная реакция, которая в свою очередь тоже зашла дальше своей цели. После ряда колебаний установился, наконец, новый центр тяжести, который и послужил исходным пунктом для дальнейшего

развития. Замечательный период английской истории, который филистеры окрестили «великим бунтом», и следующие за ним битвы завершаются сравнительно незначительным событием 1689 г., которое либеральные историки называют «славной революцией».

Новый исходный пункт был компромиссом между поднимающейся буржуазией и бывшими феодальными землевладельцами. Последние, считавшиеся тогда, как и теперь, аристократией, уже давно были на пути к тому, чтобы стать тем, чем Луи-Филипп во Франции стал лишь спустя долгое время: первыми буржуа нации. К счастью для Англии, старые феодальные бароны перебили друг друга в войнах Алой и Белой роз. Их наследники, большей частью также отпрыски этих старых фамилий, вели, однако, свой род от столь отдаленных боковых линий, что они составили совершенно новую корпорацию. Их навыки и стремления были гораздо более буржуазными, чем феодальными. Они прекрасно знали цену деньгам и немедленно принялись вздувать земельную ренту, прогнав с земли сотни мелких арендаторов и заменив их овцами. Генрих VIII массами создавал новых лендлордов из буржуазии, раздавая и продавая за бесценок церковные имения; к тому же результату приводили беспрерывно продолжавшиеся до конца XVII столетия конфискации крупных имений, которые затем раздавались высочкам или полувисочкам. Поэтому английская «аристократия» со времени Генриха VIII не только не противодействовала развитию промышленности, но, наоборот, старалась извлекать из нее пользу. И точно так же всегда находилась такая часть крупных землевладельцев, которая из экономических или политических побуждений соглашалась на сотрудничество с вождями финансовой и промышленной буржуазии. Таким образом легко мог осуществиться компромисс 1689 г. Политические «победные трофеи» — должности, синекуры, высокие оклады — доставались на долю знатных родов земельного дворянства с условием: в достаточной мере соблюдать экономические интересы финансовой, промышленной и торговой буржуазии. Эти экономические интересы уже тогда были достаточно сильны; в конечном счете они определяли собою общую национальную политику. Конечно, существовали разногласия по тому или другому вопросу, но аристократическая олигархия слишком хорошо понимала, что ее собственное экономическое благополучие неразрывной цепью связано с процветанием промышленной и торговой буржуазии.

С этого времени буржуазия стала скромной, но признанной частью господствующих классов Англии. Вместе с ними она была заинтересована в подавлении огромных трудящихся масс народа,

Купец или фабрикант по отношению к своим прикаэчикам, своим рабочим, своей челяди сам занимал положение кормильца-хозяина или, как еще недавно выражались в Англии, «естественного начальника». Ему нужно было выжимать из них возможно большее количество труда возможно лучшего качества; с этой целью он должен был воспитывать их в надлежащей покорности. Он сам был религиозен; его религия доставила ему знамя, под которым он победил короля и лордов. Скоро он открыл в этой религии также средство для того, чтобы обрабатывать своих естественных подданных и делать их послушными приказам хозяев, которых поставил над ними неисповедимый промысел божий. Короче говоря, английский буржуа с этого времени стал соучастником в подавлении «низших сословий», — огромной производящей народной массы, — и одним из применявшихся при этом средств было влияние религии.

Но сюда присоединилось еще другое обстоятельство, усилившее религиозные наклонности буржуазии: расцвет материализма в Англии. Это новое безбожное учение не только приводило в ужас благочестивого буржуа, — оно в довершение всего объявило себя философией, которая как раз подходит для ученых и образованных людей, в противовес религии, которая достаточно хороша для необразованной огромной народной массы, включая сюда и буржуазию. Вместе с Гоббсом оно выступило на защиту королевского всемогущества и призывало абсолютную монархию к укрощению этого *puer robustus sed malitiosus* [здоровенного, но озорного малого], т. е. народа. Также и у последователей Гоббса — Болингброка, Шефтсбери и пр. — новая, деистическая форма материализма оставалась аристократическим учением для избранных, и поэтому материализм был ненавистен буржуазии не только за его религиозную ересь, но и за его антибуржуазное политическое направление. Вот почему, в противоположность материализму и деизму аристократии, именно протестантские секты, которые доставляли и знамя и бойцов для борьбы против Стюартов, выдвинули также главные боевые силы прогрессивной буржуазии и еще сейчас составляют основной хребет «великой либеральной партии».

Тем временем материализм перекочевал из Англии во Францию, где он застал вторую материалистическую философскую школу, вышедшую из картезианской философии, с которой он и слился. И во Франции он вначале оставался исключительно аристократическим учением. Но его революционный характер вскоре выступил наружу. Французские материалисты не ограничились своей критикой только областью религии: они критиковали каждую научную

традицию, каждое политическое учреждение своего времени. Чтобы доказать всеобщую приложимость своей теории, они избрали кратчайший путь: они смело приложили ее ко всем объектам знания в том гигантском труде, от которого они получили свое имя, в «Энциклопедии». Таким-то образом, в той или иной форме, — как открытый материализм или как девиз, — материализм стал мировоззрением всей образованной молодежи во Франции. И влияние его было так велико, что во время Великой революции это учение, рожденное на свет английскими роялистами, доставило французским республиканцам и террористам теоретическое знамя и дало текст для «декларации прав человека».

Великая французская революция была третьим восстанием буржуазии, но первым, которое совершенно сбросило с себя религиозные одежды и в котором борьба происходила открыто по линии политики. Она была также первым восстанием, в котором борьба была доведена до конца, до полного уничтожения одной из борющихся сторон, именно аристократии, и до полной победы другой, именно буржуазии. В Англии преемственная связь между дореволюционными и пореволюционными учреждениями и компромисс между крупными землевладельцами и капиталистами нашли свое выражение в преемственности судебных прецедентов, равно как в почтительном сохранении феодальных правовых форм. Во Франции, напротив, революция окончательно порвала с традициями прошлого, уничтожила последние следы феодализма и в «Гражданском кодексе» мастерски приспособила к новейшим капиталистическим отношениям старое римское право, — это почти совершенное выражение юридических отношений, вытекающих из той ступени экономического развития, которую Маркс называет «товарным производством»; приспособила до такой степени мастерски, что этот революционный французский кодекс законов еще и сейчас во всех других странах, — не исключая и Англии, — служит образцом при реформах права собственности. При этом, однако, не следует забывать одного: английское право продолжает выражать экономические отношения капиталистического общества на варварски-феодальном наречии, которое столько же соответствует выражаемому им предмету, сколько английская орфография английскому произношению: *vous écrivez Londres et vous prononcez Constantinople* [вы пишете Лондон, а читаете Константинополь], — сказал один француз. Но зато это же самое английское право является единственным, которое в течение веков сохранило и пересадило в Америку и в колонии лучшую часть той личной свободы, местного самоуправления и обеспеченности от всякого посто-

ронного вмешательства, кроме судебного, — словом, тех древнегерманских свобод, которые на континенте под властью абсолютных монархий совершенно исчезли и до сих пор нигде еще вновь не завоеваны в полном объеме.

Вернемся, однако, к нашему британскому буржуа. Французская революция дала ему великолепную возможность разрушить с помощью континентальных монархий французскую морскую торговлю, захватить французские колонии и уничтожить последние притязания французов на морское соперничество. Таково было одно из оснований, толкнувших его на борьбу с нею. Вторым было то, что методы этой революции пришлось ему уж очень не по вкусу, — не только ее «проклятый» террор, но даже самая ее попытка довести до крайних пределов господство буржуазии. Да и что бы делал на свете британский буржуа без своей аристократии, которая и манерам его обучала (манерам, достойным учителя), и моды для него изобретала, и доставляла ему офицеров для армии, этой охранительницы порядка внутри страны, и для флота, завоевывающего новые колониальные владения и новые рынки. Впрочем, среди буржуазии было все же прогрессивное меньшинство, — люди, интересы которых не особенно выигрывали от компромисса. Это меньшинство, состоящее главным образом из менее зажиточной буржуазии, относилось с симпатией к революции, но в парламенте оно было бессильно.

Таким образом, чем больше символом веры французской революции становился материализм, тем крепче богобоязненный английский буржуа держался своей религии. Разве эпоха террора в Париже не показала, что получается, когда у народа отнимают религию? Чем больше материализм распространялся из Франции на соседние страны и получал подкрепление от родственных теоретических течений, особенно от германской философии; чем больше материализм и вообще свободомыслие действительно становились на континенте необходимым признаком образованного человека, — тем упорнее держалась английская буржуазия за свои разнообразные религиозные верования. Как бы сильно они ни отличались друг от друга, но решительно все они были религиозными христианскими верованиями.

В то время как во Франции революция обеспечила политическое торжество буржуазии, в Англии Уатт, Аркрайт, Картрайт и другие дали первый толчок к промышленной революции, которая совершенно переместила центр тяжести экономических сил. Богатство буржуазии теперь стало расти бесконечно быстрее, чем богатство земельной аристократии. Внутри самой буржуазии финансовая

аристократия, банкиры и т. п. все более стали отступать на задний план в сравнении с фабрикантами. Компромисс 1689 г. даже после изменений, постепенно произведенных в пользу буржуазии, уже более не соответствовал соотношению сил участников этого соглашения. Характер участников также изменился: буржуазия 1830 г. очень сильно отличалась от буржуазии предыдущего столетия. Оставшаяся еще в руках аристократии политическая власть, которую она использовала против притязаний новой промышленной буржуазии, стала несовместимой с новыми экономическими интересами. Приходилось возобновить борьбу против аристократии; борьба могла кончиться только победой новой экономической силы. Под влиянием французской революции 1830 г. впервые была проведена, несмотря на все сопротивление, парламентская реформа. Это создало для буржуазии признанное могущественное положение в парламенте. Затем пришла отмена хлебных законов, которая раз навсегда установила перевес буржуазии, особенно ее наиболее деятельной части, фабрикантов, над земельной аристократией. Это была величайшая победа буржуазии, но в то же время и последняя, которую она одержала исключительно в своих собственных интересах. Все ее позднейшие триумфы ей приходилось делить с новой социальной силой, вначале действовавшей в союзе с нею, но затем выступившей в роли ее соперницы.

Промышленная революция создала класс крупных капиталистов-фабрикантов, но вместе с тем также гораздо более многочисленный класс фабричных рабочих. Этот класс непрерывно увеличивался численно, по мере того как промышленная революция захватывала одну отрасль производства за другой. Вместе с его численностью росла также и его сила. Эта сила обнаружила себя уже в 1824 г., когда она принудила парламент, несмотря на его упорное сопротивление, отменить законы против свободы коалиций. Во время агитации за парламентскую реформу рабочие составляли радикальное крыло партии реформ. Когда актом 1832 г. они были лишены права голоса, они изложили свои требования в Народной хартии (People's charter) и, в противоположность сильной буржуазной Лиге против хлебных законов, сорганизовались в независимую партию чартистов. Это была *первая рабочая партия* ¹ нашего времени.

Затем в феврале и марте 1848 г. вспыхнули континентальные революции, в которых рабочие сыграли такую важную роль и где они, по крайней мере в Париже, выступили с требованиями, реши-

¹ Подчеркнуто Энгельсом только в немецком тексте. *Ред.*

тельно недопустимыми с точки зрения капиталистического общества. А за этим последовала всеобщая реакция. Сначала поражение чартистов 10 апреля 1848 г., потом подавление Парижского восстания рабочих в июне того же года, далее неудачи 1849 г. в Италии, Венгрии, Южной Германии и, наконец, победа Луи Бонапарта над Парижем 2 декабря 1851 г. Таким образом удалось хоть на некоторое время отогнать пугало рабочих требований, но чего это стоило! Если британский буржуа еще раньше был убежден в необходимости держать простой народ в религиозной узде, то насколько же сильнее должен был он чувствовать эту необходимость после всего пережитого! И, не обращая ни малейшего внимания на насмешки своих континентальных собратьев, он продолжал тратить из года в год тысячи и десятки тысяч для пропаганды евангелия низшим сословиям. Не довольствуясь собственным религиозным аппаратом, он обратился к брату Джонатану, величайшему тогда организатору религиозных спекуляций, и импортировал из Америки ревайвализм [«религиозное возрождение»] Муди, Сэнки и т. п.; наконец, он согласился даже на то, чтобы получать опасную помощь «Армии спасения», которая возрождает приемы пропаганды древнего христианства, обращается к бедным, как к избранникам божьим, борется с капитализмом на свой религиозный лад и таким образом развивает некоторые стороны древне-христианской классовой борьбы, которые в один прекрасный день могут стать весьма роковыми для богатых людей, теряющих теперь на это дело наличные денюжки.

Повидимому, можно принять за закон исторического развития, что ни в одной европейской стране буржуазии не удастся — по крайней мере на продолжительное время — завладеть политической властью таким же исключительным образом, как владела ею феодальная аристократия в течение средних веков. Даже во Франции, где феодализм был вырван с корнем, буржуазия в целом только на короткие сроки вполне завладевала правительственной властью. При Луи-Филиппе, с 1830 по 1848 г., господствовала только незначительная часть буржуазии; гораздо большая часть была вследствие высокого ценза лишена избирательных прав. Во время Второй республики, 1848—1851 гг., господствовала буржуазия в целом, но всего только три года; ее неспособность проложила дорогу Второй империи. Только теперь, при Третьей республике, буржуазия, как целое, двадцать лет продержалась у кормила правления, но уже сейчас она обнаруживает отрадные признаки упадка. Продолжительное господство буржуазии было до сих пор возможно только в таких странах, как Америка, где феодализма не было и где общество с самого

начала создавалось на буржуазном фундаменте. И даже во Франции и Америке уже громко стучатся в двери наследники буржуазии — рабочие.

В Англии буржуазия никогда не обладала нераздельной властью. Даже ее победа в 1832 г. оставила аристократии почти исключительное обладание всеми высокими правительственными должностями. Покорность, с которой богатая буржуазия мирилась с этим, оставалась мне непонятной до тех пор, пока в один прекрасный день крупный либеральный фабрикант, В. А. Форстер, не произнес речи, обращенной к бредфордской молодежи, умоляя ее, ради собственного блага, изучать все-таки французский язык. При этом он рассказывал, каким глупцом он показался сам себе, когда, сделавшись министром, сразу попал в общество, где французский язык был по меньшей мере так же необходим, как английский. И действительно, тогдашние английские буржуа были в среднем совершенно необразованными выскочками, которые волей-неволей должны были предоставить аристократии все те высшие правительственные посты, где требовались иные качества, чем островная ограниченность и островное чванство, одобренные деловой изворотливостью *. Еще и теперь бесконечные газетные споры на тему о «middle classe education» [буржуазном воспитании] обнаруживают, что английская буржуазия все еще считает себя неподготовленной для лучшего воспитания, а ищет для себя чего-нибудь поскромнее. Поэтому вполне естественно,

* Да и в деловых отношениях национально-шовинистическое чванство — очень плохой советник. До самого последнего времени обыкновенный английский фабрикант считал унижительным для англичанина говорить на другом языке, кроме своего собственного, и до некоторой степени гордился тем, что «бедняги»-иностранцы селятся в Англии и избавляют его от труда сбывать свои продукты за границей. Он совершенно не замечал того, что эти иностранцы, большую часть немцы, благодаря этому захватили в свои руки значительную часть английской внешней торговли — ввоз не менее, чем вывоз — и что непосредственная внешняя торговля англичан постепенно стала ограничиваться колониями, Китаем, Соединенными Штатами и Южной Америкой. Еще менее замечал он, что эти немцы торговали с другими немцами за границей, и все они с течением времени образовали целую сеть торговых колоний по всему свету. Когда же сорок лет тому назад Германия начала серьезно производить на вывоз, эти торговые колонии сослужили ей прекрасную службу для превращения ее в столь короткий срок из страны, вывозящей хлеб, в перворазрядную промышленную страну. Тогда, наконец, лет десять тому назад, английского фабриканта охватило беспокойство, и он запросил своих послов и консулов, как это случилось, что его покупатели разбегаются. Единоголосный ответ был таков: 1) вы не изучаете языка вашего покупателя, а требуете, чтобы он говорил на вашем языке, и 2) вы даже не стараетесь удовлетворить потребности, привычки и вкусы вашего покупателя, а требуете, чтобы он принял ваши, английские.

что и после отмены хлебных законов те люди, которые сумели добиться победы, эти Кобдены, Брайты, Форстеры и пр., были отстранены от всякого участия в правительстве страны, и только через двадцать лет новый акт о реформах открыл им, наконец, двери министерства. Даже до сих пор английская буржуазия так глубоко проникнута сознанием своего более низкого общественного положения, что она на свои собственные и на народные деньги содержит парадную касту бездельников, которая должна во всех торжественных случаях достойно представлять нацию, и буржуазия считает для себя высшей честью, когда какой-нибудь буржуа признается достойным присоединения к этой замкнутой корпорации, сфабрикованной в конце концов самой же буржуазией.

Таким образом, промышленная и торговая буржуазия не успела еще окончательно устранить земельную аристократию от политической власти, как выступил на арену истории новый конкурент, рабочий класс. Реакция, наступившая после чартистского движения и континентальных революций, и присоединившийся сюда небывалый расцвет английской промышленности с 1848 по 1866 г. (этот расцвет обыкновенно объясняют одной только свободой торговли, но он гораздо больше обязан своим возникновением колоссальному развитию железных дорог, океанских пароходов и вообще средств сообщения) снова привели рабочих к зависимости от либеральной партии, в которой они, как и до чартистского движения, еще составляли радикальное крыло. Постепенно, однако, притязания со стороны рабочих на избирательные права стали непреодолимыми. Пока виги, руководившие либералами, все еще трусили, Дизраэли показал свое превосходство; он использовал благоприятный для ториев момент, ввел в городских избирательных округах закон об избирательном праве для каждого, кто жил в отдельном доме, и с этим связал изменение избирательных округов. Вслед за этим вскоре последовало установление тайного голосования (*the ballot*); далее, в 1884 г. избирательное право домохозяев было распространено на все округа, в том числе и в графствах, и произведено было новое распределение избирательных округов, которое до некоторой степени все-таки уравнивало их между собой. Благодаря всему этому влияние рабочего класса на выборах настолько возросло, что сейчас рабочие составляют большинство избирателей в 150—200 избирательных округах. Но нет лучшей школы преклонения перед традицией, чем парламентская система. Если буржуазия с благоговением и почтительным страхом взирала на группу, которую лорд Джон Маннерс в шутку называл «нашим старым дворянством», то

рабочая масса с уважением и почтением смотрела тогда на так называемый в то время «лучший класс», на буржуазию. И действительно, пятнадцать лет назад британский рабочий был образцовым рабочим, и его почтительнейшее отношение к положению его нанимателя, его самоограничение и смирение в тех случаях, когда он требовал прав для себя, лили целительный бальзам на раны, которые наносили нашим германским катедер-социалистам неисправимо-коммунистические и революционные стремления их соотечественников — германских рабочих.

Однако английские буржуа были хорошими дельцами и были дальновиднее германских профессоров. Только под давлением обстоятельств они делили свою власть с рабочими. Во время чартистского движения они познали, на что способен народ, этот *puer robustus sed malitiosus* [здоровенный, но озорной малый]. С того времени буржуазии волей-неволей пришлось принять значительную часть требований Народной хартии, и они стали законом страны. Больше чем когда-либо важно было теперь держать народ в узде моральными средствами. Первым же и важнейшим средством, которым воздействуют на массы, оставалась все та же религия. Отсюда — поповское засилье в школьных управлениях, отсюда — возрастающее самообложение буржуазии для всевозможных способов благочестивой демагогии, начиная от обрядности и кончая «Армией спасения».

И теперь наступило торжество британского респектабельного филистерства ¹ над свободомыслием и религиозным индифферентизмом континентального буржуа. Французские и германские рабочие стали бунтовщиками. Они повально были заражены социализмом, и при этом, по весьма понятным соображениям, вовсе не так уж были озабочены соблюдением законности при выборе средств для завоевания власти. Этот *puer robustus* [здоровенный малый] действительно становился там с каждым днем все более *malitiosus* [озорным]. Что же оставалось делать французскому и германскому буржуа в виде крайнего средства, как не отбросить втихомолку свое свободомыслие, наподобие дерзкого мальчишки, который, чувствуя, что его все более и более одолевает морская болезнь, бросает зажженную сигару, которою он щеголял на борту корабля. Один за другим богохульники стали принимать внешне благочестивый облик, с почтением говорить о церкви, ее учении, обрядах и стали их соблюдать сами, поскольку нельзя было их обойти. Французские буржуа отказались от мяса по пятницам, а германские буржуа до

¹ В английском тексте: «британской респектабельности». *Ред.*

одурения сидели на своих церковных местах, слушая бесконечные протестантские проповеди. Со своим материализмом буржуа попали в беду. «Религия должна быть сохранена для народа» — таково последнее и единственное средство спасения общества от полной гибели. К несчастью для самих себя, они открыли это только тогда, когда они сделали, со своей стороны, все возможное, чтобы навсегда разрушить религию. И тогда наступил момент, когда британский буржуа в свою очередь мог над ними посмеяться и крикнуть им: глупцы, это я мог бы сказать вам еще двести лет назад!

Однако же я опасаясь, что ни религиозное тупоумие британского буржуа, ни наступившее *post festum* [задним числом] обращение континентального буржуа не смогут вогнать в берега поднимающийся все выше пролетарский поток. Традиция — это великий тормоз, это сила инерции в истории. Но она только пассивна и потому должна пасть. Религия тоже долго не может служить оплотом для капиталистического общества. Если наши юридические, философские и религиозные представления являются более близкими или более отдаленными ответвлениями господствующих в данном обществе экономических отношений, то эти представления не могут удержаться продолжительное время после того, как экономические отношения в корне изменились. Либо мы должны поверить в сверхъестественное откровение, либо согласиться, что никакие религиозные проповеди не в состоянии поддержать гибнущее общество.

И действительно, в Англии рабочие также пришли снова в движение. Несомненно, они скованы различными традициями. Прежде всего — буржуазными традициями: так, например, очень распространенным предрассудком, будто возможны только две партии, консервативная и либеральная, и будто рабочий класс должен добиваться своего освобождения при помощи могущественной либеральной партии. Затем — рабочими традициями, унаследованными со времени первых неуверенных попыток самостоятельных выступлений рабочего класса: такой традицией во многих старых тред-юнионах является исключение всех тех рабочих, которые не прошли регулярного ученичества; это означает только то, что каждый такой профессиональный союз готовит себе собственных штрейкбрехеров. Но, несмотря на все это, английский рабочий класс движется вперед, как вынужден был с прискорбием сообщить об этом своим катедер-социалистическим собратьям сам господин профессор Брентано. Рабочий класс движется — как всё в Англии — медленным, размеренным шагом, то колеблясь, то делая ощупью довольно бесплодные попытки. Он движется местами с чрезмерным недоверием

к слову социализм, впитывая постепенно в себя его *сущность*. Он движется, и движение захватывает один слой рабочих за другим. В настоящее время он пробудил от мертвого сна необученных рабочих лондонского Ист-Энда, и мы видели, какой великолепный толчок дали, со своей стороны, рабочему классу эти новые силы. И если ход этого движения не соответствует нетерпеливым ожиданиям тех или иных критиков, то пусть и те и иные не забывают, что именно рабочий класс сохраняет в себе лучшие стороны английского национального характера и что в Англии каждый шаг вперед, если уж он завоеван, никогда после не пропадет. Если сыновья старых чартистов по изложенным выше причинам были не совсем таковы, как можно было бы ожидать, то, по всей видимости, внуки будут достойны своих дедов.

Однако победа европейского рабочего класса зависит не от одной только Англии. Она может быть обеспечена только взаимодействием по крайней мере Англии, Франции и Германии. В обоих последних странах рабочее движение значительно опередило английское. В Германии можно даже уже измерить расстояние до момента его торжества. Успехи, достигнутые там рабочим движением за последние двадцать пять лет, не имеют себе равных. Оно идет вперед со все возрастающей быстротой. Если немецкая буржуазия обнаружила свое жалкое убожество и отсутствие политических способностей, дисциплины, твердости, энергии, то немецкий рабочий класс показал, что всеми этими качествами он обладает в более чем достаточной мере. Примерно четыреста лет назад Германия была исходным пунктом первого крупного восстания европейской буржуазии; если судить по теперешнему положению вещей, разве не возможно, что Германия станет также ареной первой великой победы европейского пролетариата?

20 апреля 1892 г.

Напечатана на английском языке в качестве введения к английскому изданию брошюры «Развитие социализма» и т. д. Под названием «Об историческом материализме» была напечатана на немецком языке в «Die Neue Zeit», Jg. XI., 1892, Bd. I., N. 1 и 2.

Подпись: Фридрих Энгельс.

АВСТРИЙСКОМУ ПАРТИЙНОМУ СЪЕЗДУ В ВЕНЕ 1892 г.

Лондон, 31 мая 1892 г.

Уважаемые товарищи!

Благодарю вас за ваше любезное¹ приглашение на дважды за-
прещенный партийный съезд, который теперь, надеюсь, состоится.
У меня нет возможности в качестве гостя присутствовать на ваших
заседаниях, но я с радостью пользуюсь случаем передать собра-
вшимся австрийским товарищам мой привет и выражение моего жи-
вейшего участия. Мы, пользующиеся здесь такой свободой движения,
какой не встретишь нигде на континенте, мы можем, конечно,
по достоинству оценить то обстоятельство, что австрийские рабо-
чие, несмотря на многочисленные препоны, суживающие сферу их
движения, завоевали себе то славное положение, которое они те-
перь занимают. И я могу вас заверить в том, что и здесь, на родине
крупной промышленности, дело рабочих движется вперед; да и везде,
куда бы мы ни обратили взор, самое замечательное и самое радостное
явление наших дней состоит в неудержимом поступательном дви-
жении рабочих.

Ваш старый друг

Фридрих Энгельс.

*Напечатано в газете «Arbeiter-Zei-
tung», Wien, 10 июня 1892 г., № 24.*

*Рукопись Энгельса хранится в архиве
ИМЭЛ.*

¹ В рукописи: «любезное и почетное». *Ред.*

КАРЛ ШОРЛЕММЕР.

Не только люди науки всех стран, но и германская социал-демократия со скорбью склоняется над могилой, засыпанной сегодня на южном городском кладбище в Манчестере. Великий химик, в ней покоящийся, был коммунистом еще до того, как в Германии выступил Лассаль; нисколько не скрывая своих убеждений, он был до самой смерти активным членом социалистической партии Германии и регулярно платил членские взносы.

Карл Шорлеммер родился 30 сентября 1834 г. в Дармштадте, учился в гимназии в своем родном городе и затем изучал химию в Гиссене и Гейдельберге. По окончании курса он переехал в 1858 г. в Англию, где открывалась тогда возможность карьеры для талантливых химиков школы Либиха. В то время как большинство его сверстников-коллег устремилось в область промышленности, он остался верен науке; сначала он был ассистентом у частного химика Ангуса Смита, затем у Роско, который незадолго до этого был назначен профессором химии во вновь основанном Оуэновском колледже. В 1861 г. Шорлеммер, бывший до тех пор частным ассистентом Роско, получил штатное место лаборанта-ассистента Оуэновского колледжа.

К шестидесятым годам относятся его открытия в химии, составившие эпоху в этой науке. Органическая химия дошла, наконец, до такой степени развития, что из груды разрозненных, более или менее несовершенных данных о составе органических тел она могла превратиться в действительную науку. Шорлеммер избрал объектом исследования простейшие из этих тел, в уверенности, что именно здесь надо положить основу новой науке: это — тела, которые первоначально состоят только из углерода и водорода; но при замене части их водорода другими, простыми или сложными, веществами они превращаются в разнообразнейшие другие тела с самыми различными свойствами; это были парафины, из которых более известные содержатся в нефти и из которых получают алкоголи, жирные кислоты, эфиры и т. д. Тем, что мы знаем ныне об этих парафинах, мы обязаны главным образом Шорлеммеру. Он исследовал известные вещества, принадлежащие к группе парафинов, отделил одни от

других и многие из них впервые добыл в чистом виде; другие вещества, которые теоретически должны были существовать, но в действительности не были еще известны, были им открыты и тоже добыты. Таким образом, он стал одним из основателей современной научной органической химии.

Наряду с этими своими специальными работами он много занимался еще и так называемой теоретической химией, т. е. основными законами своей науки, и той связью, которая существует между ней и смежными науками, т. е. физикой и физиологией. И в этой области он проявил особенную одаренность. Он был, пожалуй, единственным выдающимся естествоиспытателем своего времени, который не пренебрегал изучением всеми тогда презираемого Гегеля, а напротив, высоко ценил его. И вполне справедливо. Кто желает чего-либо достичь в области теоретического, общего естествознания, тот должен рассматривать явления природы не как неизменные величины, как их рассматривает большинство исследователей, а как величины изменчивые, текущие. А этому еще и поныне легче всего научиться у Гегеля.

Когда в начале шестидесятых годов я познакомился с Шорлеммером, — Маркс и я очень быстро сошлись с ним близко, — он часто приходил ко мне с синяками и рубцами на лице. С парафинами шутки были плохи; эти тела, большей частью еще неизвестные, каждую минуту взрывались у него в руках, и таким образом он получил не мало почетных ран. Только своим очкам был он обязан тем, что не лишился при этом зрения.

Тогда он был уже вполне коммунистом, которому оставалось только воспринять от нас экономическое обоснование давно усвоенных им убеждений. Затем, ознакомившись через нас с успехами рабочего движения в различных странах, он постоянно следил за ним с большим интересом, в особенности за движением в Германии, с тех пор как оно перешагнуло первую ступень чистого лассальянства. Когда же я в конце 1870 г. переехал в Лондон, наша оживленная переписка вращалась главным образом вокруг естествознания и партийных вопросов.

До этого времени, несмотря на свою уже общепризнанную мировую известность, Шорлеммер оставался в Манчестере человеком с очень скромным положением. Но затем дело пошло иначе. В 1871 г. была выдвинута его кандидатура в члены Royal Society [Королевского общества], английской академии наук; и он, — что бывает не часто, — был избран без промедления; в 1874 г. Оуэнсовский колледж учредил, наконец, — специально для него, — новую кафедру органической химии, а вслед за тем Глазговский университет избрал

его почетным доктором. Но внешние почести абсолютно ни в чем его не изменяли. Это был скромнейший в мире человек именно потому, что его скромность основывалась на правильном понимании своей собственной ценности. И именно по этой причине он принимал такие признания как нечто само собой разумеющееся и поэтому — равнодушно.

Свои каникулы он регулярно проводил в Лондоне, у Маркса и у меня, за исключением того времени, которое он проводил в Германии. Еще четыре года тому назад он сопровождал меня при «экскурсии» в Америку. Но уже тогда его здоровье пошатнулось; в 1890 г. мы могли еще поехать в Норвегию и к Нордкапу, но в 1891 г., в самом начале предпринятого нами совместно путешествия, его здоровье надломилось, и с того времени он уже больше не приезжал в Лондон. С февраля этого года он почти вовсе не мог выходить из дому, а с мая был прикован к постели; скончался он 27 июня от опухоли в легком.

Этому человеку науки также пришлось испытать на самом себе действие закона о социалистах. Шесть или семь лет тому назад он поехал из Швейцарии в Дармштадт. В это время попал где-то в руки полиции ящик «Sozialdemokrat»'а цюрихского происхождения. Кто же иной мог провезти эту контрабанду, кроме профессора-социал-демократа? Ведь по полицейским понятиям химик — это, во всяком случае, научно-выдрессированный контрабандист. Словом, был произведен обыск у его матери, у его брата; но профессор оказался в Гехсте. Немедленно дали телеграмму; произвели обыск и там, но при этом наткнулись на нечто совершенно неожиданное, а именно на английский паспорт. Дело в том, что Шорлеммер после издания в Германии закона против социалистов принял английское подданство. Перед этим английским паспортом полиция спасовала: дипломатические осложнения с Англией были все-таки нежелательны. И финалом этого дела был большой скандал в Дармштадте, где при ближайших выборах мы приобрели по меньшей мере 500 голосов.

От имени Правления партии я возложил на могилу верного друга и партийного товарища венок с красными лентами и с надписью: «From the Executive of the Social-Democratic Party of Germany» [«От Правления Германской социал-демократической партии»].

Лондон, 1 июля 1892 г.

*Напечатана в приложении к газете
«Vorwärts», № 153 от 3 июля 1892 г.*

Подпись: Фридрих Энгельс.

ЗАМЕТКИ.

1. О ТЕОРИЯХ АНГЛИЙСКИХ «ГОСУДАРСТВЕННЫХ» ПАРТИЙ.

Такое политическое развитие, как в Англии, — постепенное, мирное, — приводит своими вечными компромиссами к положению, полному противоречий; в известных пределах это положение, в силу своих значительных преимуществ, практически терпимо, но его логические несуразности доставляют мыслящему разуму истинное мучение. Отсюда для всех «государственных» партий необходимость теоретического прикрытия, даже оправдания, а это, конечно, возможно только путем софизмов, извращений, просто-напросто пустых уверток. Таким образом в области политики плодят литературу, которая повторяет все жалкое лицемерие и лживость богословской апологетики и пересаживает богословские интеллектуальные пороки также и на светскую почву. Таким образом консерваторы сами удобряют, засевают и возделывают почву специфически либерального лицемерия. Тогда в сознании рядового человека появляется для богословской апологетики и такой аргумент, какого не бывает при иных условиях: что за важность, что факты, сообщаемые в евангелии, и догматы, проповедуемые в новом завете, прямо противоречат друг другу? Значит ли это, что они не истинны? В английской конституции еще больше противоречий, она сплошь противоречит сама себе, а ведь она все же существует, стало быть истинна!

2. О ПРИЧИНАХ ОТСУТСТВИЯ КРИЗИСОВ С 1868 Г.

Отсутствие кризисов с 1868 г. обусловлено также и расширением мирового рынка, которое распределяет излишки английского (и европейского) капитала в виде вложений в транспорт и т. д. — *по всему миру* и между множеством *различных отраслей* капиталовложения. Поэтому теперь стал невозможен кризис в результате

чрезмерной спекуляции в железнодорожном, банковском деле и т. п., или в специально американских вложениях, или в *индийской* торговле, но зато вполне возможны мелкие кризисы, вроде аргентинского, продолжающегося уже три года. Однако все это доказывает, что готовится *гигантский кризис*.

Перевод с рукописи Энгельса, на немецком языке, датированной 12 сентября 1892 г., хранящейся в архиве ИМЭЛ.

ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА В АМЕРИКЕ.

Античный мир жил под властью рока, heimgangene, неотвратимой, таинственной судьбы. Так называли греки и римляне непостижимую всемогущую силу, которая сводила на-нет волю и стремление человека, которая приводила всякое действие к совершенно иным результатам, чем те, которых он ожидал, ту непреодолимую силу, которую впоследствии называли провидением, предопределением и т. д. Эта таинственная сила постепенно приняла более постижимую форму, и этим мы обязаны господству буржуазии и капитала, первому классовому господству, которое стремилось уяснить себе причины и условия своего собственного бытия и тем самым открыло дверь к познанию неотвратимости и своей собственной гибели в будущем. Рок, провидение, как мы теперь внаем, это хозяйственные условия производства и обмена, объединяемые в наше время понятием *мировой рынок*. Значение выборов президента в Америке в том и состоит, что они для мирового рынка являются событием первостепенной важности.

Четыре года тому назад, в Бостоне на английском языке, а в Штуттгарте — на немецком *, была напечатана моя статья о протекционизме и свободе торговли. Я указывал там, что промышленная монополия Англии несовместима с экономическим развитием прочих цивилизованных стран; что введенный в Америке после гражданской войны покровительственный тариф свидетельствует о стремлении американцев стряхнуть иго этой монополии; что благодаря огромным природным богатствам, а также умственной и нравственной одаренности американской расы эта цель теперь уже достигнута, и в Америке не меньше, чем в Германии, покровительственный тариф стал оковами для промышленности. Затем я говорил: если Америка введет свободу торговли, то через десять лет она побьет Англию на мировом рынке.

Так вот, выборы президента от 8 ноября 1892 г. открыли путь к свободе торговли. Покровительственный тариф Мак-Кинлея

* «Neue Zeit», 1888, Juli: «Schutzzoll und Freihandel» von Fr. Engels.

превратился в невыносимые оковы; безрассудное взвинчивание цен на всякое импортное сырье и продовольствие, взвинчивание, отразившееся и на ценах многих внутренних товаров, закрывало для американской промышленности большую часть мирового рынка, между тем как внутренний рынок уже страдал избытком продуктов американской промышленности. И в самом деле, покровительственный тариф служил последние годы лишь тому, что разорял мелких промышленников под давлением промышленников крупных, объединившихся в картели и тресты, и предоставлял этим последним, т. е. организованной монополии, распоряжаться рынком и тем самым — эксплуатировать массу потребителей. Этот перманентный внутренний промышленный кризис, порожденный покровительственным тарифом, Америка может преодолеть, лишь открыв себе двери на мировой рынок, а для этого она должна избавиться от покровительственного тарифа, по крайней мере в его нынешней безрассудной форме. Что она решила это сделать, показывает тот полный поворот в общественном мнении, который обнаружился на выборах. Как только Америка утвердится на мировом рынке, она, — *как* и Англия и *при посредстве* Англии, — неудержимо двинется дальше по пути свободной торговли.

И тогда мы будем свидетелями еще небывалой промышленной борьбы. На всех рынках английские товары, в особенности текстильные и металлические, будут вынуждены вступить в борьбу с американскими и в конце концов потерпят поражение. Уже сейчас американские хлопчатобумажные и льняные ткани выводят из строя английские ткани. Хотите знать, каким чудом рабочие ланкаширских хлопчатобумажных фабрик за какой-нибудь год из ожесточенных противников закона о 8-часовом рабочем дне превратились в рьяных его сторонников? Откройте «*Neue Zeit*», Н. 2, за октябрь с. г., стр. 56, и там вы увидите, как американские хлопчатобумажные и льняные ткани шаг за шагом вытесняют английские с их отечественного рынка, как английский импорт после 1881 г. уже ни разу не достигал уровня американского, а в 1891 г. составил всего лишь около одной трети последнего. Китай же наряду с Индией — самый главный рынок для сбыта этих тканей.

Это — лишнее доказательство того, как изменились к концу века все условия. Перенесите центр тяжести текстильной и металлургической промышленности из Англии в Америку, — и Англия либо превратится во вторую Голландию, в страну, где буржуазия живет остатками былого величия, а пролетариат хиреет; либо же она реорганизуется на социалистических началах. Первое немислимо,

этого не допустит английский пролетариат, он для этого слишком многочислен и слишком развит. Стало быть, остается лишь второй исход. *Падение покровительственного тарифа в Америке означает в конце концов победу социализма в Англии.*

А Германия? Будет ли Германия, занявшая еще в 1878 г. на мировом рынке определенное положение, которое она теперь, вследствие своей безумной протекционистской политики, шаг за шагом теряет, будет ли Германия упорствовать на том, чтобы путем обложения сырья и продовольствия попрежнему упрямо закрывать самой себе доступ на мировой рынок, да еще в условиях американской конкуренции, которая будет страшнее английской? Хватит ли у немецкой буржуазии ума и мужества, чтобы последовать примеру Америки, или же она будет все так же вяло выжидать, пока ставшая всемогущей американская промышленность не разобьет вдребезги протекционистский картель юнкера и крупного фабриканта? И поймут ли, наконец, правительство и буржуазия, как изумительно нелепо в данный момент отягощать экономические силы Германии новым непосильным военным бременем, отягощать как раз теперь, когда предстоит вступить в промышленное соревнование с самой юной и самой сильной в мире нацией, которая за несколько лет шутя выплатила свои колоссальные военные долги, нацией, правительство которой не знает, куда девать налоговые поступления?

Немецкой буржуазии, — быть может в последний раз, — представляется возможность совершить, наконец, великое дело. Сто шансов против одного, — она слишком ограничена и слишком труслива и использует эту возможность только для того, чтобы показать, что ее песенка окончательно спета.

*Напечатана в газете «Vorwärts»,
Berlin, № 296 от 16 ноября 1892 г.*

Подпись: Фридрих Энгельс.

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «BERLINER VOLKSTRIEBE».

[ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ О ЮРСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И О М. БАКУНИНЕ.]

Печатаемый в «Volkstribüne» ряд статей под названием «Юрская федерация и Михаил Бакунин» заставляет меня написать краткое возражение.

Хотя автор старается как будто трактовать свою тему деловито и беспристрастно, он излагает ее на самом деле так, как ее излагают сами господа анархисты и как им выгодно излагать ее. В его распоряжении — очень обширный бакунистский материал; публикации женеvских противников Бакунина он использует очень слабо, а публикации лондонского Генерального совета вовсе не использует.

Возьму только из *одной* статьи (X, от 12 ноября) наиболее бросающиеся в глаза неправильности.

Неверно, будто Генеральный совет созвал в 1871 г. «тайную» конференцию в Лондоне, о которой «не были извещены только швейцарские анархистские секции; последние, тем не менее, узнали об этом намерении» и т. д.

Конференция была в точно такой же мере открытой и в такой же мере тайной, как и всякое заседание любой социал-демократической партии; о ней не трубили в газетах, и на ее заседания не приглашали репортеров.

Юрские секции были в положении открытого восстания против Генерального совета и не имели с ним никаких официальных сношений. В Генеральном же совете, напротив, присутствовали два анархиста-бакуниста, члены бакунистского тайного общества, избранные по предложению «диктатора» Маркса: Робэн и Бастелика.

Как раз Робэн и осуществлял связь с юрцами; от их имени он уже в марте 1871 г. предложил созвать эту самую конференцию, от которой они потом отреклись, а также осведомил их о ее созыве. Все прочее — анархистская ложь.

Конференция, «которая должна была собраться у Маркса... состоялась на его квартире», — глупая ложь; она состоялась в Blue Posts, кафе вблизи Tottenham Court Road, в так называемом французском квартале.

Состав конференции указан тоже неправильно; пункт расхождения также состоит в абзаце не из устава, а из мотивировочного введения к уставу. Абзац этот, гласящий: «Экономическое освобождение рабочего класса — великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство», — этот абзац первый парижский (прудонистский) комитет искажил в своем французском переводе так: «... великая цель, перед которой должно отступить всякое политическое движение». В то время, когда при пересылке через Францию бонапартистской полицией были конфискованы документы Женевского конгресса, которые были получены в конце концов обратно только вследствие вмешательства <лорда Марбург...> английского министерства иностранных дел, в это время в Женеве, не долго думая, вновь отпечатали старый парижский перевод, и анархисты могли впоследствии на этом основании утверждать, будто так постановил Женевский конгресс. Этому шарлатанству, — конечно, к великой досаде анархистов, — был положен конец изданием подлинного английского, французского и немецкого текстов устава, изданием, которое было выпущено в свет в 1871 г. Генеральным советом по поручению того же Женевского конгресса. Предо мною лежит тот экземпляр устава, в который Маркс внес принятые Женевским конгрессом изменения; они ограничиваются только самими статьями устава, абсолютно не касаясь мотивировочного введения.

Неверно, далее, и то, что Лондонская конференция постановила поставить «анархистское движение Юры под команду Женевского комитета». Тут я несколько сомневаюсь даже в добросовестности автора. Либо он умеет читать, либо не умеет. Если он читать умеет, то в постановлении конференции он может прочесть только следующее: 1) что у Юрского комитета отнимается (присвоенное им) *название* Comité romand, и это название присваивается Женевскому комитету; 2) что юрцев призывают жить в ладу с женеvцами; 3) если же это невозможно, то им следует создать свою собственную федерацию под названием «Юрская федерация». Таким образом, конференция только то и сделала, что полностью представила как женеvцев, так и юрцев их собственной автономии.

Одним словом, автор, являясь или прикидываясь невинным младенцем, во всем верит на слово бедной анархистской овечке, которую оклеветали. О том, чего не сочли нужным рассказать эти господа, наш почтенный автор не знает ни слова, а следовательно ничего не знает и о том, что составляло закулисную сторону всего спора. За *открытым* «Альянсом социалистической демократии», основанным Бакуниным, скрывался тайный «Альянс», целью которого было

отдать в руки анархистов господство над всем Интернационалом. Этот тайный Альянс имел широкое распространение в Юре, в Италии и Испании. Генеральный совет получил доказательства этого прежде всего из Испании, а затем им был получен из Женевы устав и множество других документов этого невинного заговора против европейского рабочего движения. Это и были те документы, которые обсуждал Гаагский конгресс в 1872 г., когда он выбросил Бакунина и Гильбома из Интернационала. Обо всем этом, да и обо многом другом, можно для проверки всплывающей теперь снова анархистской фальсификации истории прочесть в сочинении, изданном по поручению Гаагского конгресса: «L'Alliance de la Démocratie Socialiste et l'Association Internationale des Travailleurs», Londres et Hambourg, 1873 [«Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих», Лондон и Гамбург, 1873 г.]; в немецком переводе Кокоского: «Ein Komplott gegen die Internationale». Braunschweig, Bracke, 1874 [«Заговор против Интернационала», Брауншвейг, Бракке, 1874 г.].

Лондон, 15 ноября 1892 г.

*Напечатана в газете «Berliner Volks-
tribüne», № 47, Beiblatt VI, от
19 ноября 1892 г.*

Подпись: Фридрих Энгельс.

*Рукопись Энгельса, на немецком
языке, хранится в архиве ИМЭЛ.*

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ СЛУЧАЙ ГРУППОВОГО БРАКА.

В последнее время у некоторых рационалистических этнографов вошло в моду отрицать существование группового брака; в связи с этим представляет интерес нижеследующий отчет, который я перевозю из «Русских Ведомостей» (Москва, 14 октября 1892 г. старого стиля). В нем не только вполне определенно устанавливается наличие группового брака, т. е. права взаимных половых сношений между рядом мужчин и рядом женщин, но и приводится такая его форма, которая тесно примыкает к браку-пуналуа у гавайцев, т. е. к наиболее развитой и классической фазе группового брака. В то время как типичная семья-иуналуа состоит из ряда братьев (единоутробных или более отдаленных по родству), которые находятся в брачном сожительстве с рядом единоутробных или более отдаленных по родству сестер, — в данном случае, на острове Сахалине, мы видим, что мужчина находится в брачном сожительстве со всеми женами своих братьев и со всеми сестрами своей жены, что означает, если рассматривать это явление с женской стороны, что его жена в праве вступать в половые сношения с братьями ее мужа и с мужьями ее сестер. Отличие от типичной формы брака-пуналуа состоит, следовательно, только в том, что братья мужа и мужья сестер — это не обязательно одни и те же лица.

Следует еще заметить, что и в этом случае подтверждается то, что я писал в «Происхождении семьи», 4-е изд., стр. 28—29¹, а именно, что групповой брак выглядит вовсе не так, как рисует его себе фантазия нашего филистера, привыкшая к домам терпимости; что лица, живущие в групповом браке, вовсе не ведут открыто той развратной жизни, которую он практикует втайне, а, напротив, что эта форма брака, судя, по крайней мере, по встречающимся еще теперь примерам, на практике отличается от неустойчивого парного брака или также от многоженства только тем, что ряд таких случаев половых сношений, которые при других условиях подвергаются строгому наказанию, здесь дозволены обычаем. То обстоятельство, что

¹ См. Сочинения, т. XVI, ч. 1. *Ред.*

фактическое использование этих прав постепенно вымирает, только доказывает, что в стадии вымирания находится сама эта форма брака, что подтверждается также и редкостью случаев ее существования.

Вообще же все это описание интересно еще тем, что оно лишний раз показывает, как сходны, даже тождественны в своих основных чертах общественные учреждения первобытных народов, находящиеся на почти одинаковой ступени развития. То, что рассказано об этих монголоидах с Сахалина, в большей своей части вполне применимо к дравидийским племенам Индии, к жителям тихоокеанских островов эпохи их открытия, к американским краснокожим. Отчет гласит ¹:

«В заседании антропологического отдела Общества любителей естествознания в Москве 10 октября (старого стиля; 22 октября нового стиля)... Н. А. Янчук доложил интересное сообщение г. Штернберга о сахалинских гиляках, племени, мало исследованном и находящемся на степени культуры дикарей. Гиляки не знают земледелия и гончарного искусства, снискивают пропитание главным образом охотой и рыбной ловлей, разогревают воду в деревянном корыте, опуская в него раскаленные камни и т. п. Особенно любопытны их семейно-родовые учреждения. Гиляк зовет отцом не только своего родного отца, но и всех братьев последнего, а жен этих братьев, как и сестер своей матери, зовет всех матерями, детей же всех перечисленных родственников — своими братьями и сестрами. Такая же терминология существует, как известно, и у ирокезов и других индейских племен Северной Америки, равно как и у некоторых племен в Индии, но у них она давно уже не соответствует действительности, тогда как у гиляков она служит для обозначения *до сих пор существующего порядка*. И теперь *каждый гиляк имеет супружеские права* (по крайней мере их осуществление не считается грехом) *на жен своих братьев и на сестер своей жены*. Эти остатки родового брака напоминают знаменитую семью-пуналуа, существовавшую еще в первой половине нашего столетия на Сандвичевых островах. Эта форма семейно-родственных отношений лежит в основании общественной организации гиляков, в основании их родового устройства.

«Род гиляка составляется из всех братьев его отца (всех степеней), из их отцов и матерей, из детей братьев гиляка и из собственных детей гиляка. Понятно, что таким образом составляющийся род может насчитывать в своей среде огромное количество членов. Жизнь рода протекает на следующих началах. Брак внутри рода безусловно

¹ Отчет воспроизведен по «Русским Ведомостям». *Ред.*

воспрещен. Жена умершего гиляка переходит по решению рода одному из братьев (любой степени) покойного. Род содержит всех неспособных к труду своих членов. «У нас нет нищих, — говорил референту один гиляк, — если кто беден, того кормит халь» (род). Члены рода связаны общими жертвоприношениями и празднествами, общим кладбищем и пр.

«Халь гарантирует жизнь и безопасность каждого из своих членов от покушения на него лиц другого халья. Средством служит родовая мечь. Под влиянием русских действие этого института за последнее время значительно ослабилось. Из действия родовой мести совершенно исключаются женщины. Род в некоторых случаях, впрочем весьма редких, усыновляет лиц чужого рода. По общему правилу, имущество не должно выходить из рода умершего. У гиляков в этом отношении действует буквально известное правило XII таблиц: «Si suos heredes non habet, gentiles familiam habento» — если не имеет своих наследников, должны наследовать сородичи. Ни одно чрезвычайное событие в жизни гиляка не обходится без участия рода. Старший в роде сравнительно еще недавно, одно-два поколения тому назад, был общественным главой, старостой рода. Но в настоящее время роль старейших в роде сводится почти только к руководительству религиозными обрядами. Роды бывают часто рассеяны в очень отдаленных друг от друга пунктах, но, разделившись, сородичи продолжают помнить друг друга, ездят друг к другу в гости, оказывают друг другу помощь и покровительство и пр. Впрочем, без особенной нужды гиляк не покинет своих сородичей, гробниц своего рода. Родовой быт налагает резкий отпечаток на весь духовный склад гиляка, на его характер, нравы и учреждения. Привычка все обсуждать сообща, необходимость постоянно вступаться в интересы своих сородичей, круговая порука в делах мести, необходимость и обыкновение жить в больших юртах вместе с десятками себе подобных, так сказать, постоянно на народе, выработали в гиляке чрезвычайно общительный, разговорчивый характер. Гиляк чрезвычайно гостеприимен, он любит принимать гостей, любит и сам к ним ездить. Благородный обычай гостеприимства особенно резко проявляет себя в дни невзгоды. В черный год, когда у гиляка нехватает пищи ни для себя, ни для собак, он не протягивает руки за благодеянием: он уверенно отправляется в гости и кормится там иногда довольно долгое время.

«Среди сахалинских гиляков почти совсем не встречается преступлений корыстного характера. Свои драгоценности гиляк хранит в амбаре, который никогда не запирается. Гиляк настолько

чувствителен к позору, что, уличенный в совершении чего-либо постыдного, он уходит в тайгу и налагает на себя руки (вешается). Убийства у гиляков довольно редки и совершаются чаще всего в раздражении; во всяком случае, они никогда не имеют корыстной цели. В своих гражданских отношениях гиляк проявляет правдивость, верность слову и добросовестность.

«Несмотря на долгое подчинение окитаившимся манчжурам, несмотря на губительное влияние проходимческого населения Амурского края, гиляки в нравственном отношении сохранили много добродетелей, свойственных первобытному времени. Но участь их строя жизни решена бесповоротно. Еще одно-два поколения, и гиляки материка совершенно обрусееют, и вместе с выгодами культуры они усвоят и все ее пороки. Сахалинские гиляки, как более или менее удаленные от центров русской оседлости, имеют шансы сохраниться в чистоте немного долее. Но и на них русское население уже начинает оказывать свое влияние. Со всех селений ездят за покупками и ходят на заработки в Николаевск, а всякий гиляк, возвращающийся с заработков в родное селение, приносит с собой такую же атмосферу, какую в русские деревни приносит рабочий из города. Кроме того, заработки в городах с их переменным счастьем все больше и больше уничтожают то первобытное равенство, которое составляет преобладающую черту несложной экономической жизни таких народов, как гиляки.

«В статье г. Штернберга собраны также данные о религиозных воззрениях гиляков, об их обрядах, юридических обычаях и пр. Статья будет напечатана в *Этнографическом Обозрении*».

Напечатана в «*Die Neue Zeit*»,

Тг. XI, 1892, Bd. I. Н. 12.

Подпись: Фр. Энгельс.

ПРАВЛЕНИЮ ВЕНГЕРСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

[Лондон, начало января 1893 г.]

Уважаемые товарищи!

Очень благодарен вам за ваше любезное приглашение на партийный съезд венгерской социал-демократии, на котором, к сожалению, у меня нет возможности присутствовать.

Посылая вам эти строки, я не могу не выразить своего глубокого сожаления по поводу распри, вспыхнувшей в ваших рядах. Я далек от того, чтобы вмешиваться в дела, решать которые я не только не призван, но и не могу из-за недостаточного знакомства с ними. Я могу только высказать пожелание, чтобы на партийном съезде удалось сгладить разногласия и (сохранить для венгерской партии такого способного сотрудника, каким несомненно является т. П. Энгельман) устранить опасность раскола.

Желаю наилучшего успеха партийному съезду.

Ваш Ф. Э.

*Перевод с рукописи Энгельса,
хранящейся в архиве ИМЭЛ.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИТАЛЬЯНСКОМУ ИЗДАНИЮ «КОММУНИСТИЧЕСКОГО МАНИФЕСТА».

ИТАЛЬЯНСКОМУ ЧИТАТЕЛЮ.

Опубликование *«Манифеста коммунистической партии»* почти в точности совпало с днем 18 марта 1848 г., с революциями в Милане и в Берлине, которые были вооруженными восстаниями двух наций, находящихся в центре: одна — европейского континента, другая — Средиземья; двух наций, которые до того времени были ослаблены раздробленностью и внутренними раздорами и потому подпали под чужеземное господство. Если Италия была подчинена австрийскому императору, то Германия находилась под не менее ощутительным, хотя и косвенным игом царя всея России. Последствия событий 18 марта 1848 г. освободили Италию и Германию от этого позора; если за время с 1848 по 1871 г. эти две великие нации были восстановлены и до известной степени предоставлены самим себе, то это произошло, как говорил Карл Маркс, потому, что те самые люди, которые подавили революцию 1848 г., были вопреки своей воле ее душеприказчиками¹.

Повсюду эта революция была делом рабочего класса; именно он строил баррикады и жертвовал своей жизнью. Но одни только парижские рабочие, свергая правительство, имели совершенно определенное намерение свергнуть и буржуазный строй. Все же, хотя они уже вполне сознавали антагонизм, который существует между рабочим классом и буржуазией, ни экономическое развитие страны, ни умственный уровень массы французских рабочих не достигли еще той ступени, на которой было бы возможно социальное переустройство. Поэтому плоды революции достались в конечном счете классу капиталистов. В других же странах — в Италии, Германии, Австрии — рабочие с самого начала только то и делали, что помогали буржуазии притти к власти. Но ни в какой стране гос-

¹ В рукописи далее зачеркнуто: «Могу ли я надеяться, что напечатание итальянского перевода того же Манифеста будет таким же хорошим предназначением для рабочих Италии? Революция 1848 г., по крайней мере в Париже, была произведена пролетариями, которые знали...». *Ред.*

подство буржуазии невозможно без национальной независимости. Революция 1848 г. должна была поэтому привести к единству и независимости те нации, которые до того времени этим не обладали: Италию, Германию, Венгрию. Очередь теперь за Польшей.

Таким образом, если революция 1848 г. и не была социалистической, то она очистила путь, подготовила почву для этой последней. Буржуазный строй, вызвавший подъем крупной промышленности во всех странах, вместе с тем повсюду создал за последние сорок пять лет многочисленный, сплоченный и сильный пролетариат; он породил, таким образом, употребляя выражение Манифеста, своих собственных могильщиков. Без восстановления независимости и единства каждой европейской нации в отдельности невозможно ни международное объединение пролетариата, ни спокойное и сознательное сотрудничество этих наций для достижения общих целей. Попробуйте представить себе какое-либо общее международное действие итальянских, венгерских, немецких, польских, русских рабочих при политических условиях, господствовавших до 1848 г.!

Таким образом, битвы 1848 г. были не напрасны. Не напрасно прошли и сорок пять лет, отделяющие нас от этого революционного периода. Плоды его начинают созревать, и я хотел бы только, чтобы выход в свет этого итальянского перевода явился добрым предвестником победы итальянского пролетариата, точно так же, как выход в свет подлинника явился предвестником международной революции.

Манифест воздает полную справедливость той революционной роли, которую сыграл капитализм в прошлом. Первой капиталистической нацией была Италия. Закат феодального средневековья, заря современной капиталистической эры отмечены одной колоссальной фигурой. Это — итальянец, Данте, последний поэт средневековья и в то же время первый поэт нового времени. Теперь, как и в 1300 г., наступает новая историческая эра. Даст ли нам Италия нового Данте, который запечатлеет час рождения этой новой, пролетарской эры?

Лондон, 1 февраля 1893 г.

*Напечатано в итальянском издании
«Il Manifesto del partito comunista»,*

Milano, 1893.

Рукопись Энгельса, на французском языке, хранится в архиве

ИМЭЛ.

ОБ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПАНАМЕ.

I.

«Италия, Италия, о что там за каналии!» — поется в одной немецкой студенческой песенке про итальянских клопов и блох. Но наряду с шестиногими канальями существуют там и двуногие, и *la bella Italia* всячески старается доказать, что она в этом отношении не уступает ни *la belle France*, стране панамы, ни целомудренной Германии, стране богобоязненности, благочестия и гвельфского фонда.

В Италии бумажные деньги фабрикуются шестью банками, двумя тосканскими, одним неаполитанским, одним сицилийским и двумя римскими: *Banca Romana* и *Banca Nazionale*. Кредитные билеты этих шести привилегированных банков обращаются как полноценное платежное средство на основании закона, срок которого истек несколько лет назад, но который затем из года в год возобновлялся вплоть до 31 декабря 1892 г., а под конец был продлен на три месяца — до 31 марта 1893 г.

Еще при министерстве Криспи, в 1889 г., ввиду необходимости возобновления этой банковской привилегии и вследствие распространившихся тревожных слухов, был отдан приказ о ревизии деятельности этих банков. Ревизия *Banca Nazionale* была произведена сенатором Консильо, *Banca Romana* — сенатором Альвизи, честным человеком, к которому в качестве эксперта был прикомандирован дельный чиновник министерства финансов Биаджини. О том, что обнаружил Консильо, ничего до сих пор не известно; отчет же Альвизи вместе со всеми оправдательными документами стал известен после смерти Альвизи в одной копии, которую имеют обыкновение называть неправомочной; отсюда-то и возникло итальянское «панамино», маленькая панاما, как выражаются итальянцы.

Министерство Криспи молчаливо положило в то время отчет Альвизи под сукно. Альвизи несколько раз заговаривал об этом деле в сенате, грозил скандалом, но всякий раз мирился с тем, что ему закрывали рот. Он молчал и тогда, когда министр Мичели, отдавший приказ о ревизии, сделал в парламентской ко-

миссии, в связи с очередным продлением на год закона о банках, сильно прикрашенный доклад о Banca Romana, настойчиво попросив при этом своего друга Альвизи не компрометировать своими разоблачениями его, министра, а также кредит страны. Вскоре Криспи пал, его сменил Рудини; затем пал Рудини, образовалось министерство Джиолитти, правящее и теперь. Определенный закон о банках, который должен был реорганизовать банки и продлить на шесть лет их привилегии, все еще висел в воздухе. Никто не шел на эту опасную приманку. Как тлеющая лучинка в детской игре («жив курилка!»), переходил этот закон из рук в руки, пока, наконец, 21 декабря последняя искорка не была безжалостно затоптана самым неправомочным образом.

• Еще 6 декабря 1892 г., по предложению Джиолитти, был внесен законопроект о продлении банковской привилегии на *шесть лет*. Но ввиду неправомочным образом распространявшихся упорных слухов о грубых правонарушениях в управлениях банками, Джиолитти уже 21 декабря потребовал отсрочки всего только на 3 месяца—до 31 марта. Во время прений выступил депутат Колаянни и ко всеобщему изумлению зачитал отдельные места из общего отчета Альвизи о Banca Romana и из специального отчета Биаджини о результатах обследования книг и кассовой наличности. Хорошие же тут обнаружили дела! Незаконный излишек выпуска кредитных билетов на сумму в 9 миллионов франков; весьма приятное для директора банка и для кассира, но воспрещенное уставом смешение банковской кассы с золотым запасом; портфель, битком набитый бронзовыми векселями, на выкуп которых нельзя было рассчитывать; ссуды на 73 миллиона, выданные из банковского фонда 179 привилегированным лицам, причем $33\frac{1}{2}$ миллиона были выданы всего лишь 19 лицам; среди должников банка фигурировали директор банка Танлонго, задолжавший свыше миллиона, и председатель наблюдательного совета князь Джулио Торлониа, задолжавший 4 миллиона, и т. д. и т. д. Впрочем, Колаянни никаких имен не называл, но дал понять, что ему известно больше, чем было им сказано, и потребовал назначения парламентской комиссии для обследования банков.

Затем другой депутат, Гавоцци, прочел из отчета Альвизи еще одно место, согласно которому Banca Romana давал крупные ссуды адвокатам, журналистам и политическим деятелям, и эти специальные клиенты получили денег на сумму до 12 миллионов, которые яе значились в опубликованных балансах.

Тут вскочил с места бывший министр Мичели, отдавший при Криспи приказ о ревизии. Вскочили один за другим Джиолитти,

Криспи, Рудини, три замешанных в этом деле премьера, и заявили, что все эти разоблачения — сплошная выдумка.

И с какою силою нравственного негодования они выступали! Более благородным гневом не мог бы воспылать даже немецкий коммивояжер, уличенный в том, что товар, заказанный ему по хорошим образцам, был им доставлен — самого скверного качества.

В тот же день в парламентской кассе депутаты обменяли кредитные билеты Ванса Ромапа на сумму свыше 50 000 фр., а акции банка (номинальной стоимостью в 1 000 фр.) упали на 100 фр. Но после героических речей министров уже к вечеру биржевые дельцы снова воспрянули духом. Полагали, что скандал замят и дело кончено.

II.

А между тем каждое слово, сказанное Колаянни, было правдой, и сообщил он едва ли третью часть того, что содержалось в ревизионном отчете. Директор банка Танлонго, главный кассир Лаццарони и председатель наблюдательного совета Торлониа совсем по-домашнему понадавали друг другу ссуд на сумму до девяти миллионов. «По-домашнему», — *patriarcalmente*, — по словам Танлонго, поставлено было все управление банком; настолько по-домашнему, что из фондов, предназначенных для кредитования торговли и промышленности, давались ссуды под плохие, практически безнадежные ипотeki или же вовсе не деловым людям, аферистам, под постоянно отсрочиваемые векселя, а то и прямо по открытым текущим счетам. Насколько по-домашнему, что мало-по-малу почти все журналисты и не менее *ста пятидесяти членов теперешней палаты депутатов*, люди по большей части заведомо неплатежеспособные или даже живущие одними долгами, стали фигурировать в качестве должников в книгах банка. Список этих клиентов тоже был приложен к отчету Альвизи; в этом списке наряду с одним только правым депутатом Арбибом фигурируют левые почти всех оттенков с суммами в 500 — 600 тысяч франков на душу. Есть среди них и одно лицо с именем, высокопочтимым во всем мире ¹; а также *два теперешних министра* — Гримальди и Мартини; Гримальди состоит даже одним из юрисконсультов банка с годовым окладом в 25 000 фр. Достаточно уже и всего этого, но это было в 1889 г., это было еще только начало, это было даже не панамино, а всего лишь панаминетто, совсем, совсем крошечная панама.

¹ Менотти Гарибальди (см. письмо Энгельса — Либкнехту от 29 января 1893 г.). *Ред.*

Молва об этих и разных других делишках, а также, разумеется, и преувеличенные слухи стали один за другим постепенно распространяться среди публики после того, как речью Колаянни было положено начало. Публика начала изымать свои вклады из Banca Romana (в несколько дней было изъято свыше 9 миллионов из общей суммы вкладов в 14 миллионов) и проникаться недоверием к кредитным билетам банка. Правительство почувствовало, что тут настало время действовать. Вопрос о банках и бумажных деньгах, который столько лет передавался одним министерством другому, теперь надо было урегулировать в спешном порядке. В первых числах января начались переговоры о слиянии обоих римских и обоих тосканских банков в одно крупное кредитное учреждение, а одновременно министерство отрядило новую инспекцию для ревизии банков. Banca Nazionale, который должен был составить ядро нового учреждения, отказался, конечно, без околичностей взять на себя все грехи Banca Romana; он чинил препятствия и усиленно торговался. Все это стало известно; недоверие публики возросло до паники. Город Рим изъясил из Banca Romana свои вложения на сумму свыше миллиона, сберегательная касса также забрала свой вклад в 500 000 фр. с лишним. Акции Banca Romana, упавшие после речи Колаянни до 670 фр., 15 января котировались уже только по 504 фр. при номинальной стоимости в 1 000 фр. На севере страны уже начали отказываться от приема кредитных билетов этого банка.

Но вот в публику проникли слухи о еще более поразительных результатах новой ревизии Banca Romana. Правда, князь Джулио Торлония выплатил свой долг: 13 января он внес 4 миллиона, 14-го еще 600 000 фр., а 15-го остальные 2 миллиона. Правда, директор Танлонго и кассир Лаццарони в покрытие своих долгов приписали к счету банка все свое большое состояние. Правда, «одно очень высокопоставленное лицо» — «Corriere di Napoli» сделала прозрачный намек на короля — заплатило банковский долг министра Гримальди и членов его семьи. Правда, конституционно-радикальный депутат Фортис сделал заявление, что ему кредит был открыт как юрисконсульту банка. Но что все это значило перед известием о том, что, по заключению новой ревизии, Banca Romana, имевший право выпустить кредитных билетов на 70 миллионов, *пустил их в обращение на 133 миллиона*; что для сокрытия этого обстоятельства в книгах банка фигурировали фиктивные кредиторы на общую сумму в 49 миллионов и что директор Танлонго получил 25 миллионов по простой квитанции, датированной лишь 3 января 1893 г. («Secolo» от 21 — 22 января). Поговаривали также, что золотой запас оказался, правда,

в порядке, но только потому, что барон Микеле Лаццарони, племянник главного кассира, занял на несколько дней специально для этой цели некоторое количество миллионов наличными у своих деловых друзей в Швейцарии, дав им слово вернуть эти деньги *in natura* тотчас же по окончании ревизии; впрочем, сделать это будет трудно, потому что правительство тем временем наложило арест на все фонды Ванса Романа. Тут уж разоблачения посыпались со всех концов, имена 150 депутатов с большей или меньшей степенью точности и достоверности передавались из уст в уста, и уже никак нельзя было больше отрицать, что по крайней мере последним трем министрам все дело было хорошо известно, что они регулярно и щедро передавали деньги банка в распоряжение своих приверженцев для проведения избирательных кампаний, что они часто обсуждали эти растраты в совете министров и, вполне отдавая себе отчет в ответственности, падающей на них за эти растраты, сознательно их утаивали, а стало быть поощряли их продолжение.

Каким тусклым показался после этого отчет Биаджини, опубликованный, наконец, в «*Corriere di Napoli*» 19 — 20 января! Панамино было налицо.

III.

Кризис стал уже неизбежен. Из лиц, которые мошенничали вместе с банком и растранижирили и промотали его фонды (конечно, путем честных займов), — из этих лиц одни располагали государственной властью, а другие не располагали. Вполне понятно, что как только им всем был приставлен нож к горлу, первые принесли в жертву вторых. Один из соучастников принял возвышенное решение стать палачом другого. Совсем как во Франции. Там тоже Рувье, Флоке, Фрейсине и компания принесли в жертву тех самых Лессепа и Фонтана, которым они и их пособники так часто «приставляли нож к горлу», по выражению Шарля Лессепа, чтобы выколотить из панамы средства на политические цели. Совершенно так же Джиолиитти и Гримальди принесли в жертву своего закадычного друга Танлонго, у которого прежде они и их предшественники вымогали банковские деньги для своих избирательных кампаний и для своей прессы, до тех пор, пока не остался только один выход — крах. А когда долги Гримальди были уплачены известным нам таинственным способом, он-то и стал громче всех требовать ареста Танлонго.

Но Танлонго — прожженный старый итальянец, прошедший огонь, воду и медные трубы, а вовсе не безусый новичок в мошен-

нических делах, как Шарль Лессепс и прочие марионетки, которым приходилось проделывать панаму для Рейнака и К°. Танлонго — человек набожный, он ежедневно в 4 часа утра ходил в церковь, где обделывал делишки с лицами и посредниками, которых ему не хотелось видеть у себя в банке (о, не срами меня, прелестное дитя!). Танлонго был в отличных отношениях с Ватиканом, и вот Ватикану, недосыгаемому для итальянской полиции, он сдал, говорят, на хранение шкатулку с теми документами, которые давали ему гарантию против его могущественных друзей и покровителей, с теми документами, которые он не хотел чересчур поспешно доверять юстиции. Ибо в Италии при панамине, как и во Франции при панаме, юстицию сильно подозревают в том, что домашние обыски иногда производятся ею не для того, чтобы определенные документы были извлечены на свет божий, а для того, чтобы они окончательно исчезли. И Танлонго счел, что кое-какие документы, которые должны послужить ему защитой и выяснить истинное положение дел, будут в должной сохранности не в руках итальянского судебного следователя, а только в Ватикане.

И вот, едва лишь министерство довело до конца сделку с Banca Nazionale, который согласился принять на себя весь актив и пассив Banca Romana, уплатив акционерам за каждую акцию в 1 000 фр. по 450 фр.; как только министерство успокоилось, полагая, что после этого имена политических деятелей, задолжавших банку, уже обеспечены от огласки, — доброму Танлонго пришлось тотчас убедиться, что единственной наградой за буржуазную политику является неблагодарность. С вечера 16 января у его дома была поставлена стража; 19-го он, а также главный кассир Лаццарони были арестованы.

Это не было для него неожиданностью. Еще раньше он сказал одному редактору «Parlamento»: «Они могут засадить меня, но пусть они имеют в виду, что это плохой ход... Если на меня захотят возложить ответственность за вину других, меня вынудят устроить скандал... Меня хотят разорить? Я оглашу тогда имена людей, которые *вымогали у меня миллион за миллионом*. Как часто я заявлял, что не могу их дать, но ответ был всегда один: они необходимы (оссогопо). И у меня есть доказательства... Так бывало всегда; чем больше услуг я им оказывал, тем больше они плевали мне в лицо; но *если я теперь паду, то я буду в хорошей компании*».

И когда этот большой старик, которого сперва держали под арестом в его дворце, 25-го был перевезен в тюрьму Regina Coeli [царица небесная], он сказал сопровождавшему его чиновнику:

«Иду, но оставляю за собой право сделать разоблачения», а своей семье сказал: «Им хотелось бы, чтобы я умер в тюрьме, но у меня еще достаточно сил, чтобы отомстить за себя».

Непохоже, чтобы этот человек стал на колени в открытом судебном заседании, подобно директорам парижской панамы, которые, вместо того, чтобы имевшимися в их распоряжении вдесятеро более вескими фактами раздавить своих обвинителей, молили своим молчанием о снисходительном приговоре. Несмотря на подагру, он, по описанию газет, большой, крепкий человек, «настоящий семидесятилетний кирасир»; все его прошлое является гарантией того, что он понимает, что должен искать спасения только в жесточайшей борьбе и в упорнейшем сопротивлении; так что в одно прекрасное утро знаменитая *cassetta d'oro* [золотая шкатулка] перекочует, вероятно, из Ватикана в зал судебных заседаний, и ее содержимое будет выложено на стол. В добрый час!

Между тем в тот же день, 25 января, вновь открылась парламентская сессия, и скандал разразился и там. Джиолитти может крикнуть своим 150 депутатам лишь то самое, что Рувье крикнул своим 104: если бы мы не брали этих денег, вы бы здесь не заседали! И это действительно так. Ничего другого не могут сказать также Криспи и Рудини. Но этим дело не исчерпывается. Неизбежны дальнейшие разоблачения — как на суде, так и в палате. Панамино, как и панاما, находится еще только в начале своего развития.

Какова же мораль всей этой истории? — И панاما, и панамино, и гвельфовский фонд доказывают, что вся современная буржуазная политика, — и прелестная склока буржуазных партий между собою, и их совместное сопротивление натиску рабочего класса, — не может проводиться без колоссального количества денег; эти огромные деньги расходуются на нужды, о которых нельзя говорить публично; и правительства из-за скупости господ буржуа все больше оказываются вынужденными для этих невыразимых целей добывать средства невыразимыми путями. «Мы берем деньги там, где мы их находим», — сказал Бисмарк, человек сведущий в этом деле. А «где мы их находим», это мы только что видели.

*Напечатана в «Vorwärts», №№ 27,
28, 29 от 1, 2, 3 февраля 1893 г.,
без подписи¹.*

¹ Об авторстве см. письмо Энгельса — Либкнехту от 29 января 1893 г. *Ред.*

Фридрих Энгельс
МОЖЕТ ЛИ ЕВРОПА РАЗОРУЖИТЬСЯ?

*Напечатана в газете «Vorwärts»,
№№ 51—56, 58, 59, с 1 по 10 марта
1893 г. Вышла также отдельным
оттиском.*

Подпись: Фридрих Энгельс.

МОЖЕТ ЛИ ЕВРОПА РАЗОРУЖИТЬСЯ?

ПРЕДИСЛОВИЕ ¹.

Перепечатаваемые здесь статьи были опубликованы в берлинском «Vorwärts» в марте 1893 г., когда в рейхстаге обсуждался проект военного закона.

Я исхожу в них из следующей предпосылки, которая все более завоевывает всеобщее признание: система постоянных армий во всей Европе доведена до такой крайней степени, что либо она бременем военных расходов экономически разорит народы, либо же она выродится во всеобщую истребительную войну, если только постоянные армии не будут своевременно преобразованы в милицию на основе всеобщего вооружения народа.

Я пытаюсь доказать, что такое преобразование возможно уже сейчас, даже при нынешних правительствах и при нынешней политической обстановке. Исходя, таким образом, из этой обстановки, я предлагаю тут лишь такие мероприятия, которые каждое нынешнее правительство может принять без ущерба для обороноспособности своей страны. Я пытаюсь лишь установить, что с чисто военной точки зрения нет абсолютно никаких препятствий для постепенной отмены постоянных армий и что если, тем не менее, эти армии сохраняются, то это делается не из военных, а из политических соображений, — словом, что назначение армий — защита не столько от внешнего врага, сколько от внутреннего.

Зато постепенное понижение срока службы путем международного соглашения, составляющее основной пункт моих рассуждений, я считаю вообще самым простым и самым коротким путем для всеобщего перехода от постоянных армий к организованному в виде милиции вооружению народа. Формы такого соглашения будут, разумеется, видоизменяться в зависимости как от характера заключающих соглашение правительств, так и от данной политической обстановки. А обстоятельства теперь как нельзя более благоприятны; так что, если уже сейчас можно взять

¹ Предисловие написано для издания этих статей отдельным оттиском. *Ред.*

за исходный пункт *самое большее* двухгодичный срок службы, то через несколько лет можно будет, вероятно, наметить уже значительно более короткий срок.

Выдвигая в качестве существенного условия перехода к новой системе обучение всех юношей гимнастике и военному делу, я подчеркиваю, что предлагаемую здесь милиционную систему отнюдь не следует смешивать с какой бы то ни было из форм милиции, существующих ныне, например со швейцарской.

Лондон, 28 марта 1893 г.

Ф. Энгельс.

I.

Вот уж двадцать пять лет, как вся Европа вооружается в неслыханных до сих пор размерах. Каждая великая держава стремится перещеголять другую военной мощью и боевой готовностью. Германия, Франция, Россия выбиваются из сил, чтобы превзойти друг друга. Как раз в настоящий момент германское правительство требует от народа снова такого чрезвычайного напряжения сил, которое привело в ужас даже нынешний кроткий рейхстаг. Не безрассудно ли тут говорить о разоружении?

Однако во всех странах те классы населения, из которых почти целиком комплектуется основная масса солдат и которые платят основную массу налогов, призывают к разоружению. И напряжение повсюду достигло такой степени, что силы — здесь рекруты, там деньги, в третьем месте и то и другое — начинают изменять. Неужели же нет из этого тупика никакого другого выхода, кроме опустошительной войны, какой еще не видывал мир?

Я утверждаю: разоружение, а тем самым гарантия мира, возможно; оно даже сравнительно легко осуществимо, и Германия в большей степени, чем какое-либо другое цивилизованное государство, способна и призвана его осуществить.

После войны 1870 — 1871 гг. было окончательно доказано превосходство системы всеобщей воинской повинности с запасом и с ополчением — даже в ее тогдашней уродливой прусской форме — над системой рекрутского набора с правом заместительства. Все континентальные страны, с большими или меньшими изменениями, приняли первую систему. Само по себе это не составляло бы большой беды. Армия, главный резерв которой составляют женатые мужчины среднего возраста, по природе менее агрессивна, чем была армия Луи-Наполеона, составленная из рекрутов с большой примесью заместителей — наемных солдат-профессионалов. Но к этому

прибавилась аннексия Эльзас-Лотарингии, и Франкфуртский мир стал для Франции всего лишь перемирием, как был Тильзитский мир для Пруссии. И вот между Францией и Германией началось то лихорадочное соперничество в вооружениях, в которое постепенно были втянуты также Россия, Австрия, Италия.

Началось с того, что стали удлинять срок службы в ополчении. Во Франции территориальная армия получила резерв из людей старших возрастов; в Германии было восстановлено ополчение второго разряда и даже всеобщее ополчение [Landsturm]. И так продолжалось шаг за шагом, до тех пор, пока не достигли установленного самой природой предельного возраста и даже вышли за этот предел.

Затем был усилен рекрутский набор, и в соответствии с этим были созданы новые кадры для обучения новобранцев; но и здесь почти или полностью достигли предела, а во Франции его даже преступили. За последние годы во французскую армию в довольно значительном количестве призывалась уже такая молодежь, которая еще не в состоянии или же вообще неспособна нести тяготы военной службы. Английские офицеры, судьи в этом деле беспристрастные, присутствовавшие на больших маневрах в Шампани в 1891 г. и вполне признававшие, подчас даже с восхищением, высокие качества нынешней французской армии, единогласно отмечают, что во время походов и учебных боев несоразмерно большое число молодых солдат выбыло из строя. А в Германии мы, правда, еще не полностью исчерпали запас годных к военной службе людей, но как раз с этой целью ведь и внесен новый военный законопроект. Словом, и в этом отношении мы подошли уже к самому пределу возможного.

Но как раз современная, *революционная* сторона прусской военной системы заключается в требовании, чтобы каждый способный носить оружие мужчина на всем протяжении его боеспособного возраста служил делу национальной обороны. И единственная революционная черта, которую можно отметить во всем развитии военного дела с 1870 г., состоит именно в том, что требование это, прежде выполнявшееся лишь в воображении шовинистов, правительства были вынуждены — зачастую против воли — все больше и больше проводить на деле. Ни длительность срока воинской повинности, ни призыв всех годных к военной службе молодых людей теперь уж не может встретить сопротивления, особенно в Германии, а тем более со стороны социал-демократической партии, которая, наоборот, одна лишь способна в Германии полностью претворить в жизнь и это требование.

•

Остается, стало быть, только один пункт, на который можно опереться в целях разоружения: продолжительность срока действительной военной службы. Вот действительно архимедова точка опоры: *международное установление* великими державами континента *максимального срока действительной военной службы* для всех родов оружия, пусть сначала хотя бы в два года, но с оговоркой, что этот срок будет вскоре сокращен еще больше, как только убедятся в возможности этого, и с *милиционной системой* в качестве *конечной цели*. И я утверждаю, что именно Германия больше всех призвана внести такое предложение и что от того, что она его внесет, она получит наибольшую выгоду, если даже оно и не будет принято.

II.

Международное установление максимального срока действительной военной службы коснулось бы армий всех держав в равной степени. Общеизвестно, что для армий, людской состав которых еще не нюхал пороху, продолжительность действительной военной службы — в известных пределах — является в первое время кампании лучшим мерилем их боеспособности во всех положениях, в особенности при стратегическом или тактическом наступлении. В 1870 г. наши воины достаточно познакомились с *furia francese* [французской яростью] штыковой атаки императорской пехоты, имевшей за собою долгий срок службы, и с силой кавалерийских атак под Вертом и Седаном; однако под Шпихерном, в самом начале войны, они доказали, что даже с меньшими силами они могли выбить ту же пехоту из прочной позиции. Стало быть, следует в общем признать: в известных пределах, меняющихся в зависимости от национальных особенностей, продолжительность срока действительной военной службы определяет степень общей боеспособности еще не испытанных в бою войск и особенно степень их способности к наступлению.

Если удастся установить в международном масштабе максимальный срок этой военной службы, то соотношение боеспособности различных армий останется приблизительно таким же, как и сейчас. То, что потеряет в своей непосредственной пригодности к бою одна из них, потеряют и другие. Как сейчас невозможно, чтобы одно государство застало врасплох другое, так же невозможно это будет и тогда. Разница в сроке действительной военной службы, например во Франции и в Германии, была до сих пор так незначительна, что почти не играла никакой роли; и при сокращенном сроке службы, точно так же, как и теперь, все будет зависеть от того, как будет ис-

пользован в каждой из этих двух армий срок службы, установленный соглашением. Вообще же относительная сила обеих армий будет вполне соответствовать соотношению численности населения обеих стран; и когда всеобщая воинская повинность будет, наконец, действительно проведена в жизнь, в странах приблизительно одинакового уровня экономического развития (которым обусловлен процент непригодных к военной службе) численность населения всегда будет мерилom мощности армии. Тут уж не будет места таким фокусам, какие Пруссия проделывала в 1813 г.; эти сливки уже сняты.

Но очень многое зависит от того, как используется установленный срок службы. И почти во всех армиях найдутся люди, которым есть что рассказать по этому поводу, если бы им... позволили; ибо вечный недостаток в деньгах повсюду вынуждал обучать часть новобранцев лишь «кое-как», в каких-нибудь несколько месяцев. Тут уж приходится ограничиваться самым существенным, отбрасывать в сторону целую кучу традиционного вздора, и тогда люди к своему собственному изумлению убеждаются, как мало нужно времени, чтобы из физически прилично развитого молодого человека сделать солдата. Бебель рассказал в рейхстаге о том, как поражены этим офицеры, обучающие немецкий запас пополнения [Ersatzreserve]. В австрийской армии многие офицеры прямо утверждают, что ополчение, имеющее почти такой же срок службы, как немецкий запас пополнения, превосходит по своим качествам линейные войска. В этом нет ничего удивительного. В ополчении нехватает как раз того времени, которое в линейных войсках тратится попусту на традиционные и потому священные глупости, и именно поэтому там его и не тратят.

Немецкий пехотный строевой устав 1888 г. ограничивает тактические формирования для боя лишь самым необходимым. Ничего нового в нем нет. Сохранять боеспособность при всех нарушениях нормального строя австрийцы умели уже с 1859 г.; составление батальонных колонн путем простого слияния четырех ротных колонн гессенцы ввели почти в то же время и вынуждены были после 1866 г. отказаться от этого разумного формирования по требованию Пруссии. Впрочем, новый устав устраняет огромную кучу допотопных церемоний, совершенно бесполезных, хотя и освященных обычаем; и у меня-то уж меньше всего поводов придирааться к этому. После войны 1870 г. я как-то позволил себе роскошь набросать схему сомкнутого строя и движений роты и батальона, приспособленных к современному ведению войны, и

был не мало удивлен, обнаружив, что этот кусочек «государства будущего» чуть ли не полностью осуществлен в соответствующих разделах нового устава.

Но одно дело устав, а другое дело его выполнение. Казарменная муштра, процветающая в Пруссии во все мирные периоды, ведет к тому, что вся устраненная предписанием растрата времени вводится снова через заднюю дверь парадов. Вдруг оказывается, что парадная муштровка совершенно необходима как противовес беспорядочности рассынного строя, как единственное средство для создания подлинной дисциплины и т. д. и т. д. Это значит, другими словами, что порядок и дисциплина могут быть установлены лишь тем, что людей заставляют заниматься совершенно ненужными вещами. Одна лишь отмена «шагистики» освободила бы не мало недель для разумных упражнений, не говоря уже о том, что тогда иностранным офицерам, наблюдая немецкие смотры, не приходилось бы удерживаться от смеха.

Таким же устарелым учреждением является караульная служба, которая тоже по традиционному представлению способствует умственному развитию людей, а особенно их способности самостоятельно мыслить, обучая их — если только они уже раньше этого не умели — искусству в течение целых двух часов стоять на часах, решительно ни о чем не думая. При нынешнем общепринятом обычае обучать сторожевой службе на полевых занятиях потеряло всякий смысл стояние на карауле в городе, где имеются ведь все виды охранной полиции. Отмените это, и вы выиграете для военного обучения по крайней мере 20% срока военной службы и обеспечите безопасность штатского населения на улицах городов.

Затем, повсюду есть множество солдат, которые под всяческими предложениями несут службу в минимальных размерах: это ротные ремесленники, офицерские денщики и т. д. Здесь тоже можно многое изменить.

Да, но как же быть с конницей? Ведь ей-то нужен более продолжительный срок службы? — Это в самом деле желательно, когда имеешь дело с новобранцами, не умеющими ни ездить верхом, ни ходить за лошадьми. Однако и в этом отношении можно многое сделать. Если бы конские рационы отмеривались не так скупно — ведь перед маневрами лошадей приходится откармливать, чтобы они дошли до нормы! — и если бы при каждом эскадроне имелось некоторое количество сверхкомплектных лошадей, чтобы люди могли почаще и подольше упражняться в седле, — словом, если бы наконец серьезно взялись возместить сокращение срока службы более

интенсивными занятиями тем, что важно, и устранением всего излишнего, — то очень скоро обнаружили бы, что и при таких условиях дело пойдет на лад. А что касается ремонтной езды, на которую теперь так часто ссылаются и безусловную необходимость которой я охотно признаю, то и тут найдутся свои пути и средства. И к тому же ничто не мешает, пока это считают необходимым, сохранить и распространить в кавалерии систему трех- или четырехгодичной службы для вольноопределяющихся, а также сверхсрочно-служащих, с соответствующими компенсациями для запаса и ополчения, без чего это неосуществимо.

Если прислушаться к военным авторитетам, дело обстоит, конечно, иначе. По их мнению, все это абсолютно невозможно; по их мнению, нельзя ни к чему притронуться, не развалив всего в целом. Однако вот уж пятьдесят лет я наблюдаю, как военные установления, провозглашаемые сегодня неприкосновенными и священными, завтра одно за другим беспощадно выбрасываются в мусорный ящик, и притом теми же самыми авторитетами; далее, я так часто видел, как то, что в одной армии превозносилось до небес, в другой втаптывалось в грязь; я так часто наблюдал, как самые испытанные и выше всего ценимые обычаи и порядки оказывались пред лицом врага просто нелепостью; наконец, мне так часто приходилось убеждаться, что в каждой армии существует своя особая условная традиция, предназначенная для нижних чинов, для простолюдина и для публики, культивируемая высшим начальством, но вызывающая лишь улыбку у самостоятельно мыслящих офицеров и разлетающаяся в прах при первом же походе, — словом, в этом отношении у меня такой богатый исторический опыт, что я советовал бы каждому относиться с особенным недоверием именно к *«мнению военного специалиста»*.

III.

Какой странный контраст: наши высшие военные круги как раз в своей специальности большей частью страшно консервативны, а между тем едва ли найдется сейчас другая столь же революционная область, как военное дело. Шести- или семифунтовая гладкоствольная гаубица, которой я в свое время орудовал на Купферграбене, и нынешние нарезные орудия, заряжающиеся с казенной части; тогдашнее крупнокалиберное гладкоствольное ружье и нынешнее пятимиллиметровое магазинное ружье отделены друг от друга как будто столетиями; и это далеко еще не предел, ежедневно техника беспощадно выбрасывает вон то, что было только что введено в употребление. Она устраняет теперь даже романтический

пороховой дым и тем самым придает сражению совершенно иной характер и иное течение, которые абсолютно невозможно заранее рассчитать. И с подобными не поддающимися учету величинами нам придется все более и более считаться в условиях этого непрерывного революционирования технической основы военного дела.

Еще сорок лет тому назад круг действия огня пехоты не превышал 300 шагов; на этом расстоянии отдельный человек мог бы без всякой опасности выдержать залп целого батальона, хотя бы все стрелки действительно целились в него. Огонь полевой артиллерии практически был недействительным уже на расстоянии 1 500—1 800 шагов. Во время франко-германской войны действительная дальнобойность ружья составляла 600 — 1 000 шагов, максимальная дальнобойность орудия — 3 000 — 4 000 шагов. А новые, пока еще не испытанные в деле мелкокалиберные ружья по своей дальнобойности приближаются к орудиям, пробивная сила их зарядов возросла в четыре-шесть раз; один взвод, вооруженный магазинными ружьями, по силе огня равен прежней роте; артиллерия, правда, не может похвалиться таким же увеличением дальнобойности, но зато ее снаряды начинены теперь совершенно новыми взрывчатыми веществами неслыханной силы; правда, пока нельзя еще сказать наверное, кто от них пострадает больше — стреляющий или обстреливаемый.

И вот при таком непрестанном, все ускоряющемся перевороте, происходящем во всем военном деле, выступают перед нами военные авторитеты, которые еще пять лет тому назад забивали своим войскам голову всяческими условными церемониями, всякими выкрутасами по всем правилам давно уже исчезнувшей с поля брани линейной тактики старого Фрица, и свято чтили устав, который учил, что можно потерпеть поражение только потому, что люди выстроились направо и не было места перестроиться налево! Выступают авторитеты, которые до сих пор еще не осмеливаются посягнуть на блестящие пуговицы и металлические обшивки солдатского обмундирования, эти магниты, притягивающие к себе дула пятимиллиметровок; авторитеты, которые посылают в бой уланы с широкими красными нашивками на груди и кирасиров, хоть — наконец-то! — и без кирас, но в белых мундирах; авторитеты, которые едва-едва решились на то, чтобы принести в жертву на алтарь отечества эполеты, хоть и страшно безвкусные, но так свято чтимые, вместо тех, кто их носит.

Мне представляется, что ни для немецкого народа, ни для самой немецкой армии совсем не выгодно сохранение в ней господства

этих консервативных предрассудков, вокруг которых бушуют волны технической революции. Нам нужны более свежие, более смелые головы, и вряд ли я ошибаюсь в том, что их достаточно среди наших способнейших офицеров, достаточно таких людей, которые стремятся к освобождению от рутины и муштры, вновь расцветших пышным цветом за двадцать лет мирного существования. Но пока еще эти люди наберутся смелости и найдут повод проявить свои убеждения, мы, посторонние люди, должны вмешаться в дело и постараться доказать, что и мы кое-чему научились на военной службе.

Выше я пытался показать, что двухгодичный срок службы уже сейчас можно провести для всех родов оружия, если обучать людей лишь тому, что им может пригодиться на войне, и избавить их от потери времени на всякий традиционный хлам. Но я сразу же оговорился, что на двух годах не следует успокаиваться. Нет, речь идет о том, чтобы предложение о двухгодичном сроке службы в международном масштабе явилось только первым шагом на пути к дальнейшему постепенному сокращению срока службы — скажем, сперва до 18 месяцев (два лета и одна зима), затем до одного года, а затем... Тут начинается государство будущего, начинается подлинная миллионная система, и об этом мы уж поговорим тогда, когда дело будет действительно начато.

А в том-то и вся суть, чтобы его начать. Если взглянуть, наконец, прямо в глаза той правде, что сокращение срока службы совершенно необходимо для экономического существования всех стран и для сохранения европейского мира, то ближайшим выводом будет то положение, что *центр тяжести военного обучения должен быть перенесен на воспитание молодежи.*

Когда после десятилетнего изгнания я снова вернулся на Рейн, я был приятно поражен, увидев повсюду во дворах деревенских школ параллельные брусья и турники. Это было превосходно, но дальше этого, к сожалению, дело не пошло. По добром прусскому обычаю гимнастические приборы согласно инструкции были завезены, но с их использованием дело никак не клеилось. Об их использовании говорилось в другой бумаге или же, скорее всего, нигде не говорилось. Неужели же мы требуем слишком многого, когда предлагаем, чтобы к этому отнеслись, наконец, серьезно? Не лучше ли преподавать вольную гимнастику и упражнения с приборами учащимся всех классов, пока их члены еще не утратили своей эластичности и гибкости, чем биться, как делают теперь, над двадцатилетними парнями, тщетно пытаясь — в поте их лица и своего собственного — вернуть их костям, мускулам и связкам, огрубевшим

от работы, прежнюю подвижность и гибкость? Любой врач скажет вам, что разделение труда калечит всякого подверженного его действию человека, развивая целый ряд одних мускулов за счет других, и что в каждой отдельной отрасли труда это проявляется различно, так что каждая работа калечит по-своему. Разве же не безумие — сначала позволить калечить людей, а потом на военной службе задним числом стараться их сделать снова прямыми и подвижными? Разве требуется особая, недостижимая для официального кругозора степень пронизательности, чтобы понять, что солдаты будут втрое лучше, если против этого калечения будут своевременно приняты меры в низшей и средней школе?

Но это только начало. Мальчики легко могут усвоить в школе правила военного построения и движения сомкнутым строем. Школьник от природы держится и ходит прямо, в особенности если он занимается гимнастикой; а как стоят в строю наши новобранцы и как трудно обучить их прямо держаться и прямо ходить, это всякий из нас наблюдал, отбывая военную службу. Передвигаться взводом и ротой можно обучить в каждой школе, и притом с легкостью, о которой в армии не имеют представления. Что для новобранца является ненавистной, зачастую непреодолимой трудностью, то для школьника — игра и развлечение. Порядок и равнение во фронтовом марше и при поворотах, — то, чего так трудно добиться от взрослых новобранцев, — школьники усвоят играючи, если только эти упражнения будут с ними проводить систематически. Если добрую часть лета затрачивать на марши и полевые занятия, то это принесет пользу как физическому и духовному развитию школьников, так и финансам военного ведомства, которое сэкономит таким образом много месяцев военной службы. Что такие военные прогулки можно отлично использовать для того, чтобы научить школьников разрешать задачи полевой службы, и что эти прогулки в высшей степени поднимают умственный уровень школьников и дают им возможность в сравнительно короткий срок усвоить специальное военное образование, — это практически доказал в своей цюрихской школе мой старый друг Бейст, сам бывший когда-то прусским офицером. При современной сложности военного дела нечего и думать о переходе к милиционной системе без военной подготовки молодежи, и как раз в этой области успешные попытки Бейста имеют огромное значение.

А теперь я позволю себе затронуть специфически прусскую струну. Для прусского государства животрепещущим является вопрос о том, куда девать отбывшего службу унтер-офицера. До сих пор его использовали в качестве жандарма, пограничника, швей-

цара, письмоводителя, гражданского чиновника всевозможных видов; в системе прусской бюрократии нет такой дыры, пусть даже самой жалкой, куда бы не совали унтер-офицеров, имеющих право на гражданское обеспечение. Так вот, вы выбивались из сил, чтобы как-нибудь пристроить своих унтер-офицеров; вы всячески старались рассовать их по местам, для которых они не годятся, дать им работу, в которой они ничего не смыслят; не пора ли, наконец, занять их таким делом, в котором они кое-что понимают и могут кой-чего достигнуть? Пусть они станут школьными учителями, но пусть обучают не чтению, письму и счету, а гимнастике и строю, — это будет полезно и для них и для школьников. И лишь только унтер-офицер из застенка казармы и из-под ведения военного суда будет выведен на свет школьного двора и общегражданского уголовного кодекса, — тогда, бьюсь об заклад, наша бунтующая школьная молодежь научит злейшего мучителя солдат, как следует себя вести.

IV.

Ниже мы еще вернемся к вопросу о том, можно ли рассчитывать на принятие предложения о всеобщем, равномерном и постепенном сокращении срока военной службы путем международного соглашения. Пока же будем исходить из предположения, что оно принято. Будет ли оно в таком случае проводиться в жизнь или останется на бумаге, будет ли оно честно выполняться всеми сторонами?

В общем и целом несомненно будет. Во-первых, сколько-нибудь стоящее труда нарушение соглашения никак нельзя будет скрыть. А во-вторых, население каждой страны уже само будет следить за его выполнением. Никто не останется добровольно в казарме, если его станут там задерживать дольше узаконенного срока.

Что касается отдельных стран, то Австрия и Италия, а также государства второго и третьего ранга, в которых введена всеобщая воинская повинность, будут приветствовать такое соглашение как акт освобождения и охотно будут выполнять его с буквальной точностью. О России мы поговорим в следующей главе. Но как обстоит дело с Францией? А ведь Франция в этом отношении безусловно решающая страна.

Уж если Франция подпишет соглашение и ратифицирует его, то нет сомнения, что в общем и целом она должна будет его соблюдать. Но допустим, что стремление к реваншу, существующее в имущих классах и в еще несоциалистической части рабочего класса, возьмет на время верх и сможет привести к прямым или основанным на

казуистике нарушениям условий соглашения. Такого рода нарушения во всяком случае не могут быть существенными, иначе в Париже предпочли бы отказаться от соглашения. Германия же находится в таком счастливом положении, что может на такие мелкие нарушения великодушно смотреть сквозь пальцы. Несмотря на все очень серьезные усилия Франции добиться того, чтобы было невозможно повторение поражений 1870 г., Германия все еще имеет перед ней гораздо больше преимуществ, чем это кажется на первый взгляд. Я имею в виду, во-первых, увеличивающийся из года в год перевес населения Германии, составляющий уже сейчас свыше 12 миллионов. Во-вторых, то обстоятельство, что в Пруссии нынешняя военная система существует уже больше семидесяти лет, что население сжилося с нею, что она была проверена во всех деталях на целом ряде мобилизаций, что все возникающие при этом трудности и способы их преодоления были испытаны на практике и хорошо известны, — преимущества, которыми пользуются и все остальные германские армии. Во Франции же только предстоит еще испробовать первую всеобщую мобилизацию, и притом при организации, гораздо более запутанной для этой цели. А в-третьих, во Франции такое недемократическое установление, как одногодичная служба вольноопределяющихся, натолкнулось на непреодолимые препятствия; солдаты с трехлетним сроком службы попросту выжили из армии привилегированных одногодичников. Это показывает, насколько в Германии ниже, чем во Франции, уровень общественно-политического сознания и допускаемых им политических установлений. Но то, что с политической точки зрения является недостатком, в военном отношении оказывается в данном случае преимуществом. Совершенно бесспорно, что по отношению к численности населения ни одна страна не пропускает через свои средние и высшие школы такого количества молодых людей, как именно Германия, и как ни недемократичен, как ни негоден политически институт вольноопределяющихся с одногодичным сроком службы, но он дает в руки военному командованию превосходное средство подготовить для офицерской службы большое количество этих молодых людей, уже имеющих достаточную общую подготовку. Впервые это стало ясно после кампании 1866 г., а с тех пор, в особенности же с 1871 г., именно этой стороне военной мощи Германии уделялось особое, чуть ли не чрезвычайное внимание. И хотя за последнее время очень многие из немецких офицеров запаса приложили все усилия к тому, чтобы сделать свое звание смешным, все же несомненно, что в большинстве случаев немецкий офицер в военном отношении превосходит своего французского

коллегу; и, что самое главное, процент запасных и ополченцев, вполне подготовленных для офицерской службы, в Германии гораздо выше, чем в какой-нибудь другой стране.

Это характерное обилие офицеров позволит Германии в момент мобилизации выставить несравненно большее количество новых формирований, подготовленных в мирное время, чем сможет это сделать всякая другая страна. Согласно утверждению Рихтера («Freisinnige Zeitung» от 26 ноября 1892 г.), которое, насколько мне известно, не опровергалось ни в рейхстаге, ни в военной комиссии, каждый полк германской пехоты сможет в случае войны сформировать один готовый к походу полк запаса, два батальона ополчения и два дополнительных батальона. Таким образом, каждые три батальона дают десять батальонов, — другими словами, те 519 батальонов, из которых состоят 173 полка мирного времени, превращаются во время войны в 1 730 батальонов, не считая еще егерей и стрелков. И все это в такой короткий срок, какой совершенно недостижим ни для какой другой страны.

Во Франции количество офицеров запаса, как подтвердил мне один из них, гораздо меньше; однако их должно хватить для заполнения кадров новых частей, формирование которых предусматривается в военное время согласно официальным заявлениям. Тот же человек признал, что половина этих офицеров мало чего стоит. Да к тому же эти вновь формируемые части даже отдаленно не соответствуют тому, чем, как указано выше, располагает Германия. И тем самым уже полностью будут исчерпаны все офицеры, которых может выставить Франция, между тем как в Германии их все еще останется излишек.

До сих пор во всех войнах через несколько месяцев военных действий начинался ощущаться недостаток в офицерах. Во всех других странах то же будет и теперь. Одна лишь Германия обладает неиссякаемым запасом офицеров. Так разве нельзя посмотреть сквозь пальцы на то, что французы будут иногда удлинять прохождение службы на две-три недели сверх установленного соглашением срока?

V.

Обратимся теперь к России. И тут надо сказать прямо, что довольно безразлично не только то, будет ли Россия соблюдать соглашение о постепенном равномерном сокращении срока службы, но даже и то, заключит ли она вообще это соглашение. С точки зрения интересующего нас вопроса мы можем почти вовсе не принимать во внимание Россию, и вот по каким причинам.

Российская империя насчитывает, правда, свыше ста миллионов населения, т. е. в два с лишним раза больше Германии, однако по своей военной наступательной силе она не выдерживает и отдаленного сравнения с последней. Пятьдесят миллионов населения Германии сосредоточены на пространстве в 540 000 кв. км., а те 90 или самое большее 100 миллионов населения России, которые могут нас интересовать в военном отношении, рассеяны — по скромному подсчету — на пространстве в $3\frac{1}{2}$ миллиона кв. км.; это преимущество немцев, вытекающее из гораздо большей густоты населения, значительно усиливается еще несравненно лучшей их железнодорожной сетью. Несмотря на это, все же факт, что сто миллионов могут в конце концов выставить больше солдат, чем пятьдесят миллионов. При существующих условиях придется затратить очень много времени для их доставки на фронт; но в конце концов ведь они все же будут доставлены. Как же быть тогда?

Армия состоит не только из солдат, но и из офицеров. А по этой части в России дело дрянь. Офицерство в России может вербоваться только из среды дворян и городской буржуазии; но дворянство сравнительно очень малочисленно, а городов немного; из десяти жителей самое большее один живет в городе, да и из городов этих только очень немногие заслуживают названия города; число средних школ и учащихся в них чрезвычайно незначительно; где же набрать нужных для всей этой армии офицеров?

Что хорошо для одного, не годится для другого. Система всеобщей воинской повинности предполагает известный уровень экономического и умственного развития; там, где его нет, эта система приносит больше вреда, чем пользы. И именно так обстоит дело в России.

Во-первых, для того, чтобы из среднего русского новобранца сделать обученного солдата, требуется вообще сравнительно много времени. Русский солдат несомненно очень храбр. Пока исход боя тактически решался наступлением сплоченных масс пехоты, русский солдат был в своей стихии. Весь его жизненный опыт приучил его крепко держаться своих товарищей. В деревне — еще полукommунистическая община, в городе — кооперированный труд в артели¹, повсюду — круговая порука¹, т. е. взаимная ответственность товарищей друг за друга; словом, весь общественный уклад наглядно показывает, с одной стороны, что в сплоченности все спасенье, а с другой стороны, что обособленный, предоставленный своей собственной энергии ин-

¹ Слова «артель» и «круговая порука» написаны Энгельсом по-русски. *Ред.*

дивид обречен на полную беспомощность. Эта черта характера сохраняется у русского и на войне; сплошную массу русских батальонов почти невозможно рассыпать; чем больше опасность, тем плотнее смыкаются люди. Но этот инстинкт сплоченности, который в эпоху наполеоновских походов был еще неопенимым достоинством и перевешивал многие иные, менее ценные черты русского солдата, — этот инстинкт стал теперь прямой опасностью. Сплоченные человеческие массы исчезли теперь с поля битвы; теперь все дело в сохранении связи между рассыпанными группами стрелков, причем отряды из самых различных воинских частей перемешиваются между собой, и командование часто и быстро переходит к офицерам, совершенно не знакомым большинству нижних чинов; теперь каждый солдат должен уметь самостоятельно сделать то, что требуется в данный момент, не теряя, однако, связи с целым. Это такая связь, которой нельзя создать при помощи примитивного стадного инстинкта русского человека, эта связь возможна лишь при известном умственном развитии каждого человека в отдельности; а предпосылки для этого мы встречаем только на более высокой культурной ступени, на ступени того «индивидуалистического» развития, которое существует у капиталистических наций Запада. Мелкокалиберное магазинное ружье, заряжающееся с казенной части, и почти бездымный порох превратили свойство, составлявшее до сих пор величайшую силу русской армии, в одну из ее величайших слабостей. Значит, при нынешних условиях для превращения русского новобранца в боеспособного солдата потребуется еще больше времени, чем прежде; с солдатами же Запада он все равно не сможет сравниться.

А во-вторых: откуда же взять офицеров для организации всей этой массы людей в новые формирования военного времени? Если даже Франции трудно обеспечить себя достаточным количеством офицеров, как же тут справиться России? России, где образованная часть населения, из которой только и можно получить дельных офицеров, составляет такой несоразмерно низкий процент и где вдобавок даже для вполне обученных солдат требуется больший процент офицеров, чем в любой другой армии?

Наконец, в-третьих: при той всеобщей системе мошенничества и воровства, которая, как известно, распространена среди русского чиновничества, а зачастую и среди офицеров, как пройдет в России мобилизация? Во всех войнах, которые до сих пор вела Россия, сразу же выяснялось, что даже часть армии мирного времени и часть ее снаряжения существовали только на бумаге. Что же получится, когда придется призвать под ружье отпущенных в запас, а также

ополчение¹, когда надо будет обеспечить их обмундированием, вооружением, боевыми припасами? Если при мобилизации не все идет гладко, не все оказывается в нужный момент на нужном месте, то наступает полная неразбериха. Но может ли дело идти гладко, когда все проходит через руки ворующих и подкупных русских чиновников?² Мобилизация в России, — это будет зрелище для богов.

В итоге: исходя даже из чисто военных соображений, мы можем разрешить русским набирать столько солдат и держать их на действительной службе столько времени, сколько царю заблагорассудится. Едва ли сможет он набрать сколько-нибудь большое количество войск сверх тех, которые уже находятся под ружьем, и едва ли сможет он сделать это во-время. Эксперимент со всеобщей воинской повинностью может дорого обойтись России.

И, кроме того, когда дело дойдет до войны, русская армия на протяжении всей границы от Ковно до Каменца будет на своей собственной территории находиться во враждебном лагере, среди поляков и евреев, потому что царское правительство превратило и евреев в своих смертельных врагов. Стоит России проиграть два-три сражения, — и театр военных действий передвинется с Вислы на Двину и на Днепр; в тылу германской армии, под ее защитой, сформируется войско ее польских союзников; и Пруссия будет наказана по заслугам, если ей ради собственной безопасности придется восстановить сильную Польшу.

Рассматривая до сих пор только чисто военную сторону дела, мы убедились, что в интересующем нас вопросе на Россию можно не обращать внимания. Но это станет еще яснее, когда мы бросим взгляд на общеэкономическое и в частности на финансовое положение России.

VI.

Внутреннее положение России в настоящий момент — почти отчаянное. Освобождение крестьян в 1861 г. и связанное с ним — отчасти как причина, а отчасти как следствие — развитие крупной капиталистической промышленности ввергли эту самую неподвижную из всех стран, этот *европейский Китай*, в экономическую и социальную революцию, которая теперь неудержимо идет своим путем; и этот путь пока — главным образом путь разрушения.

Дворянство получило при освобождении крестьян возмещение

¹ В тексте: «die Opoltschenie (Landwehr)». *Ред.*

² Слово «чиновников» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

в форме государственных долговых обязательств, которые оно в кратчайший срок промотало. После этого новые железные дороги открыли ему рынок для сбыта леса со своих угодий; дворяне занялись рубкой и продажей леса и, пока хватало вырученных средств, снова зажили на славу. При создавшихся новых условиях, при вольнонаемном труде, хозяйство в помещичьих имениях большей частью велось попрежнему очень плохо; не удивительно, что русское помещичье дворянство в долгу, как в шелку, если не разорено совсем, и что доходность его имений скорее падает, чем возрастает.

Крестьянин получил меньше земли и в большинстве случаев худшего качества, чем занимал прежде; право пользования общинным выгоном и лесом было у него отнято, что лишило его базы для разведения скота; налоги были значительно повышены, и крестьянин теперь должен был везде уплачивать их деньгами; кроме того, он должен был делать взносы — тоже деньгами — в уплату процентов и погашения авансированной государством выкупной ¹ суммы; словом, к крайнему ухудшению общего экономического положения крестьянина присоединился еще внезапный вынужденный переход от натурального хозяйства к денежному, сам по себе достаточный для того, чтобы разорить крестьянство целой страны. В результате пышно расцвела эксплуатация крестьянина сельскими капиталистами, местными богатеями и шинкарями, мироедами и кулаками ². И словно всего этого было мало, появилась еще новая крупная промышленность, разорившая натуральное крестьянское хозяйство до гла. Своей конкуренцией она не только подорвала кустарное производство крестьянина для собственных потребностей, но и отняла у него рынок для сбыта кустарных изделий, предназначенных для продажи; в лучшем случае она ставила кустаря в зависимость от капиталиста-«подрядчика» или, что еще хуже, от его посредника. Русский крестьянин, с его первобытной обработкой земли и его древней коммунистической общиной, вдруг столкнулся с самой развитой формой современной крупной промышленности, которой приходилось силой создавать себе внутренний рынок; при таком положении он был обречен на неизбежную гибель. Но ведь в России крестьянин — это почти девять десятых всего населения, и разорение крестьянина равносильно — по крайней мере временно — разорению России *.

¹ Слово «выкуп» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

² Слова «мироеды» и «кулаки» написаны Энгельсом по-русски. *Ред.*

* Обо всем этом я уже писал год тому назад в «*Neue Zeit*», 1891/92 г., Н. 19, в статье «Социализм в Германии». [См. в настоящем томе, стр. 252—254. *Ред.*]

Продолжаясь лет двадцать, этот процесс общественного переустройства привел еще и к другим результатам. Беспощадная вырубка лесов уничтожила хранилища почвенной влаги; дождевая и снеговая вода, не успевая всосаться в землю, быстро стекала через ручьи и потоки, вызывая сильные наводнения, летом же реки мелели, и земля пересыхала. Во многих из самых плодородных районов России уровень почвенной влаги упал, говорят, на целый метр, так что корни колосьев уже не достигают ее и сохнут. Таким образом, не только люди были разорены, но и земля была истощена во многих районах по крайней мере на целое поколение.

Голод 1891 г. обострил этот процесс разорения, бывший прежде хроническим, и тем самым вскрыл его перед всем миром. И с 1891 г. Россия поэтому так и не может избавиться от голода. Этот черный год в значительной мере погубил последнее и самое важное средство производства крестьян — их скот — и довел их задолженность до такой высоты, что это должно окончательно сломить их сопротивление.

В таком положении всякая страна разве только с отчаяния могла бы затеять войну. Но даже и для этого нехватает средств. В России дворянство живет долгами, теперь начал жить долгами и крестьянин, и прежде всего — долгами живет само государство. Сколько денег задолжало российское государство за границей, знают все: свыше четырех миллиардов марок. Какова его задолженность внутри страны, никто не знает; во-первых, потому, что неизвестна ни сумма выпущенных займов, ни сумма находящихся в обращении бумажных денег; и во-вторых, потому, что стоимость этих бумажных денег меняется каждый день. Но одно несомненно: кредит России за границей исчерпан. Четыре миллиарда марок русских государственных облигаций насытили через край западно-европейский денежный рынок. Англия уже давно, а Германия недавно избавилась от большей части своих «русских» бумаг. Голландия и Франция, скупившие их, тоже засорили себе желудок, как это обнаружилось при последнем русском займе в Париже; из 500 миллионов франков удалось разместить только 300, а 200 миллионов русский министр финансов должен был взять обратно у слишком ретиво подписавшихся банкиров. Тем самым доказано, что на ближайшее время новый русский заем не имеет никаких шансов на успех даже во Франции.

Таково положение этой страны, которая будто бы грозит нам непосредственной военной опасностью, но которая на самом деле не в состоянии затеять войну даже с отчаяния, если только мы сами не будем так глупы, чтобы бросать ей в пасть нужные для этого деньги.

Трудно понять невежество французского правительства и гос-

подствующего над ним *буржуазного* общественного мнения Франции. Не Франция нуждается в России, — наоборот, скорее Россия нуждается во Франции. Без Франции царь во всей своей политике оказался бы в Европе изолированным; будучи бессилён, он должен был бы мириться со всем, что бы ни происходило на Западе и на Балканах. Будь Франция немного умнее, она могла бы выколотить из России все, что ей угодно. Но вместо этого официальная Франция ползает на брюхе перед царем.

Экспорту русской пшеницы уже нанесен сокрушительный удар дешевизной цен американских конкурентов. Главной статьёй вывоза остается, стало быть, только рожь, а она идет почти исключительно в Германию. *Как только Германия начнет есть белый хлеб вместо черного, нынешняя официальная царско-крупнобуржуазная Россия тотчас же обанкротится.*

VII.

Мы уделили достаточно внимания нашим соседям, нашим миролюбивым врагам. Но как обстоит дело у нас самих?

Тут мы должны прямо сказать, что постепенное сокращение срока военной службы может быть полезно для армии только в том случае, если будет раз навсегда положен конец зверскому обращению с солдатом, развернувшемуся в последние годы и вошедшему в обычай в армии в гораздо большей степени, чем это хотят признать.

Это зверское обращение с солдатом — неизменный спутник казарменного режима и парадной муштровки; то и другое всегда широко развертывается в прусской армии, когда она становится на некоторый период армией мирного времени, а от пруссаков это переходит затем и к саксонцам, баварцам и т. д. Это — наследие доброго «старо-прусского» времени, когда солдат был либо завербованным бродягой, либо сыном крепостного и поэтому должен был безропотно сносить от своих офицеров-юнкеров всякое насилие и оскорбление. И именно опустившееся, обнищавшее и паразитическое дворянство, которого не мало к востоку от Эльбы, и сейчас еще является поставщиком злейших мучителей солдат, и в этом отношении с ним могут сравниться только спесивые буржуазные сынки, которые любят корчить из себя юнкеров.

Надругательство над солдатом никогда не выводилось в прусской армии. Но прежде оно бывало реже и носило более умеренный, местами юмористический характер. Но с тех пор, как, с одной стороны, стало необходимо все в большей мере обучать солдата, между тем как, с другой стороны, и не подумали отбросить весь ненужный

хлам отживших и потерявших всякий смысл тактических упражнений, — с тех пор унтер-офицер стал потихоньку приобретать все более и более широкое право на применение любого метода обучения, который он сочтет подходящим; а с другой стороны, предъявляя ему требование в короткий срок основательно вдолбить своей команде всякую всячину, его косвенно принуждали применять насильственные меры воздействия. А так как к тому же право солдат на подачу жалоб есть чистейшее глумленье, то нисколько не удивительно, что излюбленный старо-прусский метод вновь расцвел пышным цветом повсюду, где солдаты покорно мирились с этим. Ибо я уверен, что в западных полках или в полках со значительной примесью горожан над солдатом издеваются гораздо меньше, чем в полках, состоящих преимущественно из остальбских крестьян.

Против этого в прежнее время было — по крайней мере фактически — одно противоядие. При употреблении гладкоствольного ружья, заряжаемого с дула, было очень легко во время маневров впустить камешек через дуло па холостой патрон, и нередко случилось, что ненавидимые начальники оказывались на маневрах убитыми по недосмотру. Бывали иной раз и промахи; я знал одного юношу из Кельна, который в 1849 г. погиб таким образом от пули, предназначенной для его начальника. Теперь же, при мелкокалиберной винтовке, заряжающейся с казенной части, этого уже не проделаешь так легко и незаметно; зато статистика самоубийств в армии довольно точно отмечает уровень зверского обращения с солдатами. Но когда наступит «серьезный момент» и в ход будут пущены боевые патроны, тогда встанет вопрос, не найдутся ли вновь сторонники старой практики, что, как говорят, кое-где случалось во время последних войн; ведь это весьма способствовало бы победе.

Английские офицеры в своих отчетах единодушно восхваляют исключительно хорошие отношения между начальниками и солдатами во французской армии в 1891 г., на маневрах в Шампани. В этой армии совершенно невозможны явления, подобные тем, которые у нас так часто проникают из казарм на страницы печати. Еще до Великой революции попытка ввести во французских войсках прусские палочные удары потерпела полную неудачу. В самые скверные времена алжирских походов и Второй империи ни один начальник не позволил бы себе по отношению к французскому солдату и десятой доли того, что на глазах у всех проделывали с немецким солдатом. А теперь, когда введена всеобщая воинская повинность, хотел бы я посмотреть на того французского унтера, который посмел бы приказать солдатам давать друг другу пощечины или

плевать друг другу в лицо. Какое же презрение должны испытывать французские солдаты к своим будущим противникам, когда они слышат и читают обо всем, что те позволяют с собою делать, не моргнув глазом. А о том, чтобы в каждой французской казарме об этом читали и слышали, уж есть кому позаботиться.

Во французской армии господствуют такой же дух и такое же отношение между офицером, унтер-офицером и солдатом, какие господствовали в прусской армии в 1813 — 1815 гг. и дважды привели наших солдат в Париж. Мы же, напротив, все больше приближаемся к уровню 1806 г., когда солдат почти не считался даже человеком, когда его избивали и тиранили и когда между ним и офицером лежала непроходимая пропасть, что и привело прусскую армию в Иену и во французский плен.

Как много болтают о решающем значении во время войны моральных факторов! А чем же иным занимаются в мирное время, как не тем, что их почти систематически уничтожают?

VIII.

До сих пор мы исходили из предпосылки, что предложение о постепенном равномерном сокращении срока военной службы, с переходом в конце концов к милиционной системе, принято всеми. Но ведь вопрос в том, будет ли оно принято.

Предположим, что Германия обратилась с этим предложением прежде всего к Австрии, Италии и Франции. Австрия охотно примет максимальный срок службы в два года, а в своей собственной практике, вероятно, даже снизит его еще более. В австрийской армии по видимому гораздо откровеннее, чем в немецкой, говорят о благоприятных результатах краткосрочной службы в некоторых воинских частях. Многие австрийские офицеры прямо утверждают, что ополчение, проходящее службу всего в два-три месяца, по своим военным качествам выше, чем линейные войска; они во всяком случае правы в том отношении, что батальон ополчения, как говорят, можно привести в боевую готовность в 24 часа, между тем как батальону линейных войск требуется для этого несколько дней. Да это и понятно: в линейных войсках боятся и прикоснуться к исконно-австрийской напыщенной рутине, а в ополчении, где все порядки создаются заново, имели мужество этой рутине не вводить. Так или иначе, в Австрии и народ и правительство изнывают под тяжестью военного бремени, а облегчить его, как показывает им их собственный опыт, они могут скорее всего путем сокращения срока военной службы.

Италия тоже обеими руками ухватится за это предложение. Она истощена под бременем своего военного бюджета, истощена в такой степени, что ей необходимо найти какой-то выход, и как можно скорее. Сокращение максимального срока службы и эдесь является наиболее коротким и простым путем. Мы можем, стало быть, сказать, что тройственный союз либо распадется, либо должен будет прибегнуть к мероприятию, которое в большей или меньшей степени сведется к нашему предложению.

Но если Германия, опираясь на согласие Австрии и Италии, обратится с этим предложением к французскому правительству, то последнее окажется в большом затруднении. Приняв его, оно несколько не ухудшит свое военное положение сравнительно с другими странами. Наоборот, оно получит возможность относительно улучшить это положение. То обстоятельство, что всеобщая воинская повинность была введена во Франции лишь 20 лет назад, во многих отношениях является недостатком для Франции. Но в этом недостатке есть то преимущество, что все — еще ново, что лишь недавно уничтожены порядки времен царя Гороха [*der alte Zopf von Anno Tobak*], что можно легко вводить дальнейшие улучшения, не натываясь на упрямое сопротивление укоренившихся предрассудков. Все армии необыкновенно способны учиться после *больших поражений*. Поэтому во Франции было бы легче, чем где бы то ни было, наилучшим образом использовать установленный соглашением срок службы; а так как и школа находится там в таком же состоянии революционного преобразования, как армия, то там можно будет гораздо быстрее и легче, чем где-либо, наладить и дело общей физической и специальной военной подготовки молодежи. Но это означало бы усиление военной силы Франции по отношению к Германии. Тем не менее, возможно и даже вполне вероятно, что шовинистическое течение, — а французский шовинизм совершенно так же глуп, как и немецкий, — окажется достаточно сильным, чтобы свергнуть всякое правительство, которое примет подобное предложение, в особенности исходящее от Германии. Итак, предположим, что Франция его отклонит. Что же будет тогда?

Тогда Германия приобретет громадный козырь уже одним тем, что она выступила с этим предложением. Мы не должны забывать, что двадцать семь лет хозяйничанья Бисмарка навлекли на Германию — и не без основания — ненависть всего мира. Аннексия датчан северного Шлезвига, несоблюдение и под конец мошенническое сокрытие касающейся их статьи Пражского мирного договора, аннексия Эльзас-Лотарингии, мелочные преследования прусских

поляков — все это не имеет решительно ничего общего с осуществлением «национального единства». Бисмарк сумел создать Германии репутацию страны, жаждущей территориальных захватов; немецкий буржуазный шовинист, который вышвырнул вон австрийских немцев, но все-таки продолжает мечтать о братском объединении всей Германии «от Этча до Мемеля» и в то же время охотно присоединил бы к Германской империи Голландию, Фландрию, Швейцарию и якобы «немецкие» прибалтийские губернии России, — этот немецкий шовинист добросовестно помогал Бисмарку, и с таким блестящим успехом, что теперь уже никто в Европе не доверяет «прямодушным немцам». Куда бы вы ни явились, везде вы встретите симпатии к Франции и недоверие к Германии, которую считают причиной нынешней военной опасности. Всему этому был бы положен конец, если бы Германия решилась выдвинуть наше предложение. Она бы выступила поборницей мира, и притом так, что это не вызвало бы никаких сомнений. Она показала бы, что готова быть первой в деле разоружения, как это по всей справедливости и полагается сделать стране, которая подала сигнал к вооружению. Недоверие должно было бы обратиться в доверие, антипатия — в симпатию. Реальностью стала бы не только ходячая фраза, что тройственный союз — это союз мира, но стал бы реальностью и сам тройственный союз, который теперь — одна лишь видимость. Все общественное мнение Европы и Америки встало бы на сторону Германии. И это было бы моральной победой, которая с избытком перевесила бы и все военно-технические недостатки нашего проекта, которые, быть может, кто-нибудь сумеет отыскать.

Напротив, Франция, отклонив этот проект разоружения, попала бы в такое же невыгодное положение, в каком сейчас находится Германия. — Теперь мы все видим, сказал бы европейский филистер, — а он является крупнейшей великой державой, — теперь мы все видим, кто хочет мира, а кто — войны. И если бы после этого во Франции пришло к власти действительно воинственно настроенное правительство, оно столкнулось бы с такой ситуацией, в которой — при наличии некоторой рассудительности — война была бы абсолютно невозможной. Как бы Франция ни изворачивалась, она оставалась бы в глазах всей Европы той стороной, которая вызвала войну, принудила к войне. Тем самым она настроила бы против себя не только малые государства, не только Англию, но она не могла бы быть уверена даже в помощи России, в той традиционной помощи России, которая состоит в том, что она сначала втягивает своих союзников в войну, а потом бросает их на произвол судьбы.

Не забудем, что *исход ближайшей войны решит Англия*. Тройственный союз, вступивший в войну с Россией и Францией, равно как и Франция, отделенная от России вражеской территорией, смогут получить необходимое для них большое количество привозного хлеба только морским путем. А на море Англия господствует безусловно. Если Англия предоставит свой флот в распоряжение одной из воюющих сторон, то другая будет просто взята измором, так как будет отрезан подвоз хлеба; это будет парижская голодовка в колоссально увеличенном масштабе, и голодающая сторона должна будет капитулировать, это несомненно, как дважды два четыре.

Пойдем дальше; сейчас в Англии возобладало либеральное течение, а английские либералы решительно симпатизируют Франции. К тому же старик Гладстон — личный друг России. Если разразится европейская война, Англия будет как можно дольше сохранять нейтралитет; но даже ее «благожелательный» нейтралитет может при вышеупомянутых обстоятельствах оказать решающую помощь одной из воюющих сторон. Если Германия предложит на обсуждение наш проект и он будет отклонен Францией, то Германия не только парализует все враждебные ей английские настроения и обеспечит себе благожелательный нейтралитет Англии, но вдобавок отнимет у английского правительства почти всякую возможность примкнуть во время войны к противникам Германии.

Итак, мы пришли к заключению.

Либо Франция примет предложение. Тогда опасность войны, вызываемая постоянным ростом вооружений, будет фактически устранена, народы обретут покой, а на долю Германии выпадет слава инициатора мира.

Либо же Франция его не примет. Тогда она настолько ухудшит свое собственное положение в Европе и настолько улучшит положение Германии, что Германии уже нечего будет бояться войны, и она без всякого риска сможет вместе со своими союзниками, которые лишь тогда по-настоящему станут ее союзниками, самостоятельно приступить к постепенному сокращению срока военной службы и к подготовке перехода к милиционной системе.

Хватит ли мужества, чтобы сделать спасительный шаг? Или же будут дожидаться до тех пор, пока Франция, выяснив положение России, сама сделает первый шаг и заберет всю славу себе?

ГЕРМАНСКИМ РАБОЧИМ К 1 МАЯ 1893 г.

О чем более интересном могу я сегодня рассказать германским рабочим, как не о предстоящем здесь, в Англии, праздновании 1 мая, которое как раз в этом году будет иметь особенное значение? Если Германия теперь уже не та «благонравная детская», о которой говорил Генрих Гейне, то современная Англия тоже уже не та образцовая страна мягкотелых немецких катедер-социалистов, не та страна, где добрые тред-юнионы и эволюция в рамках законности отнимают всякую почву у социалистических бредней. Все это теперь раз навсегда миновало. Потребовалось много времени, прежде чем рабочий класс Англии после своей славной борьбы, закончившейся поражением во времена чартизма, снова пришел в движение. Но теперь он несомненно пришел в движение. Еще недавно все здешние социалистические организации не подымались выше уровня простых сект, рядом с которыми старые тред-юнионы действительно могли казаться внушительной силой. Отсюда уверения немецких университетских паинок, что английские рабочие хотят не упразднить систему наемного труда, а лишь «облагородить» ее. А как обстоит дело теперь? В рабочих массах все более и более пробуждается сознание, что их спасение заключается не столько в том, чтобы в борьбе с отдельными предпринимателями завоевывать себе более высокую заработную плату и более короткий рабочий день, а прежде всего в том, чтобы организованный в самостоятельную партию рабочий класс завоевал себе политические права, завоевал парламент. Впервые это обнаружилось при общих выборах 1892 г. Рабочие, борясь против *обеих* старых партий, провели трех своих кандидатов, а кроме того в двадцати с лишним избирательных округах крепко дали этим партиям почувствовать свою еще непочатую силу. Это необычайно подняло у рабочих сознание собственного достоинства.

В Англии даже при нынешнем ограниченном избирательном праве рабочие имеют абсолютное большинство по меньшей мере в 150 избирательных округах; если же пройдет внесенный правительством проект избирательной реформы, за ними будет большинство в 200 округах. А кроме того, в большинстве избирательных округов

рабочие голоса уже теперь являются решающими. Совершенно ясно, что означает при таких условиях пробуждение в рабочих классового сознания. Рабочим достаточно пожелать, — и Англией нельзя будет управлять против их воли. Это пробуждение проявляется также и в подготовке к майскому празднику нынешнего года. Первый раз совещания проходят гладко, без ссор и мелкого завистничества, с единодушным энтузиазмом. И — что еще важнее — руководство принадлежит социалистам, и в первый раз этот праздник будет носить бесспорно социал-демократический характер.

13 марта 1893 г.

Напечатана в немецкой первомайской газете «Май-Feier», 1893 г.

Подпись: Фридрих Энгельс.

АВСТРИЙСКИМ РАБОЧИМ К 1 МАЯ 1893 г.

Меня попросили написать несколько слов австрийским товарищам для их майской газеты. Что я могу вам сказать? Как нужно праздновать 1 мая, вы знаете лучше меня. Вы доказали это с самого начала. С 1890 г. австрийские рабочие из года в год показывали своим братьям во всех других странах, что значит настоящий первомайский праздник в пролетарском духе. Нигде не могли сравниться с вами или хотя бы только повторить ваш пример.

Действительно, в Австрии первомайский праздник имеет гораздо большее значение, чем где бы то ни было. В Германии можно было в 1890 г. указать на только что произведенные выборы в рейхстаг, явившиеся таким грандиозным смотром боевых сил немецкого рабочего класса, что перед этим бледнело всякое майское празднество. Во Франции на 1 мая 1892 г. пришлось коммунальные выборы, производившиеся на основе всеобщего избирательного права и тоже доставившие рабочим огромные победы; в день 1 мая там надо было работать на дело пролетариата, а не праздновать. Но у вас в Австрии рабочие еще не имеют права голоса, а как обстоит у вас дело со свободой печати и с правом союзов и собраний, это разъясняет, в ответ на запрос в рейхсрате, господин министерский советник [ministerialrat] барон фон-Чапка. И поэтому австрийские рабочие правы и еще раз правы, когда они во что бы то ни стало требуют строгого проведения майского праздника. Для рабочих других стран этот праздник есть по преимуществу интернациональное дело; поэтому может случиться, что по особым местным причинам он должен будет отступить на второй план. Для австрийцев он является не только интернациональным, но также, а может быть и преимущественно, внутренним делом; поэтому у них он непременно и всегда стоит на первом плане.

Пусть же и в этом году он пройдет так же блестяще, как проходил до сих пор.

Напечатана в австрийской первомайской газете 1893 г. См. «Victor Adler's Aufsätze, Reden und Briefe», H. I., Wien, 1922.

QUAND MÊME.

[ФРАНЦУЗСКИМ РАБОЧИМ К 1 МАЯ 1895 Г.]

Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что в этом году 1 мая не сыграет в жизни международного пролетариата такой преобладающей роли, как в три предыдущих года.

Из больших европейских стран в одной только Австрии хотят, повидимому, попрежнему выдвинуть первомайскую демонстрацию на первый план. У австрийских рабочих действительно нет другого средства борьбы.

В других же странах, — во Франции наверное, в Германии весьма вероятно, в Англии возможно, — значение 1 мая побледнеет в этом году перед общими выборами, на которых пролетариат должен будет завоевать новые позиции и без всякого сомнения завоюет их¹.

Если, таким образом, первомайский праздник в связи с приближением выборов немного проиграет, это не должно нас беспокоить. Это вовсе не будет означать, что мы стали слабее. Наоборот.

Демонстрации — превосходная вещь, но лишь тогда, когда нам больше нечего делать.

Пусть же буржуазия не торжествует раньше времени.

Мы еще встретимся с нею у избирательных урн, а затем — в Бурбонском дворце!

Лондон, 14 апреля.

Напечатана в газете «Le Socialiste»,

№ 134 от 23 апреля 1893 г.

Подпись: Фридрих Энгельс.

Рукопись Энгельса хранится

в архиве ИМЭЛ.

¹ В рукописи далее зачеркнуто: «В Бельгии, прямо накануне 1 мая, капиталистическое правительство и близорукая буржуазия играют с огнем: они, кажется, стремятся спровоцировать пожар, который воспламенит всю Европу». *Ред.*

Do redakcijata na Сборникъ
"Социалъ-Демократъ"

132 Regent's Park Road N.W.

London 9. Juni 1893

Meine lieben Parteigenossen

Ich danke Ihnen herzlich für die
Zuwendung von N. 2 Ihres Социалъ-Демократъ,
und ich bemühe mich Ihnen durch die oben
beschrift. dieses Heften klar zu machen dass ich
wenigstens anfangs Ihre Sprache zu verstehen.
Die Ansprüche der Internationalität wachsen
mit jedem Jahr. Aber 1848 konnte man glaubens
genug denken zu haben, wenn man die
Hauptsprachen von West- und Ost-Europa
einigermassen verstand, aber nun ist es dahin
gekommen dass ich auf meine alten Tage
so gar noch rumänisch und bulgarisch lernen
muss wenn ich dem Vorwärts der Sozialismus
nach Osten und Südosten folgen will. Aber
wir von Westen freuen uns dieser neuen südöstlichen

**В РЕДАКЦИЮ БОЛГАРСКОГО СБОРНИКА «СОЦИАЛЬ-
ДЕМОКРАТЪ»¹.**

Лондон, 9 июня 1893 г.

Дорогие товарищи!

От всего сердца благодарю вас за присылку № 2 вашего «Социаль-Демократа»; надписью над этими строками я хочу показать вам, что я начинаю, по крайней мере, понимать ваш язык. Требования, предъявляемые интернационализмом, растут с каждым годом. До 1848 г. можно было удовлетворяться тем, что в известной мере знаешь главные языки Западной и Центральной Европы, теперь же дело дошло до того, что мне на старости лет приходится еще изучать даже румынский и болгарский языки, чтобы следить за продвижением социализма на восток и юго-восток. Но, тем не менее, мы на Западе от души радуемся этим нашим юго-восточным форпостам на границе Азии, которые несут к берегам Черного и Эгейского морей поднятое Марксом знамя современного пролетариата — о, если бы Маркс сам дожил до этого! — и которые на приманки и угрозы русского царизма отвечают тем, что царским прокламациям противопоставляют социалистические труды передовых борцов русского пролетариата. Я очень рад был видеть перевод работ Плеханова на болгарский язык.

Да живѣе интернационалния социализмъ²!

Ваш Ф. Энгельс.

*Напечатана на болгарском языке
в сборнике «Социаль-Демократъ». № 3
за 1893 г.*

*Рукопись Энгельса, на немецком
языке, хранится в архиве ИМЭЛ.*

¹ В рукописи Энгельса эти слова написаны по-болгарски: «До редакцията на сборникъ «Социаль-Демократъ». Ред.

² Написано Энгельсом по-болгарски. Ред.

РЕЧЬ НА ЦЮРИХСКОМ КОНГРЕССЕ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Граждане и гражданки! Разрешите мне перевести сказанное мною на мой родной немецкий язык ¹. Неожиданный блестящий прием, который вы мне оказали и которым я был глубоко тронут, я отношу не к себе лично, а принимаю его лишь как сотрудник великого человека, изображение которого висит вон там ². Прошло ровно 50 лет с тех пор, как Маркс и я вступили в движение, опубликовав первые социалистические статьи в «Deutsch-Französische Jahrbücher». С того времени социализм из маленьких сект вырос в могучую партию, приводящую в трепет весь официальный мир. Маркс умер, но будь он теперь еще жив, не было бы ни одного человека в Европе и Америке, который мог бы с такой же законной гордостью оглянуться на дело своей жизни. Есть еще одна памятная дата. В 1873 г. состоялся последний конгресс Интернационала. На нем произошли два события. Во-первых, полное отмежевание от анархистов. Было ли это постановление излишне или нет? Парижский, Брюссельский, настоящий конгрессы оказались вынуждены сделать то же самое. Во-вторых, прекращение деятельности Интернационала в старой форме. Это было время, когда ярость реакции, упивавшейся кровью славной Коммуны, достигла крайнего предела. Дальнейшее существование старого Интернационала привело бы только к жертвам, совершенно несообразным с успехами; Интернационал перенес свое местопребывание в Америку, т. е. сошел со сцены. Пролетариату в каждой отдельной стране было предоставлено организовать себя в самостоятельной форме. Это выполнено, и вот теперь Интернационал гораздо сильнее, чем прежде. В таком направлении мы должны на общей основе продолжать нашу работу. Чтобы не выродиться в секту, мы должны допускать дискуссии, но общий исходный принцип должен оставаться неизменным. Свободное объединение, добровольная связь, поддерживаемая конгрессами, — этого достаточно, чтобы обеспечить нам победу, которой уже не вырвет из наших рук никакая

¹ Энгельс произнес свою речь сначала на английском и французском языках. *Ред.*

² Маркса. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС
1893 г.

сила в мире. — Особенно радует меня то обстоятельство, что здесь так много представителей англичан, ведь англичане были нашими учителями в деле организации рабочих; но как многому ни научились мы у них, они ведь тоже увидели здесь кое-что новое, чему и они могли бы еще поучиться. — Проезжая через Германию, я слышал некоторое сожаление о том, что пал закон против социалистов. Борьба с полицией была, мол, гораздо интересней. С такими борцами не справится никакая полиция, никакое правительство в мире.

По поручению бюро объявляю конгресс закрытым. Да здравствует международный пролетариат!

Напечатана в «Protokoll des Internationalen Sozialistischen Arbeiterkongresses in der Tonhalle Zürich».
Zürich, 1894.

РЕЧЬ НА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ СОБРАНИИ В ВЕНЕ 14 СЕНТЯБРЯ 1893 Г.

Дорогие товарищи!

Я не могу покинуть этот зал, не выразив своей глубокой сердечной благодарности за незаслуженный прием, которого я удостоился сегодня вечером. Могу лишь сказать: к сожалению, славу моего покойного друга Маркса суждено пожинать мне. В таком смысле я принимаю ваши овации. Если мне удалось что-нибудь сделать для движения за 50 лет, в течение которых я принимал в нем участие, то за это я не требую никакой награды. Моя лучшая награда — это вы сами (одобрение). Моя награда — весь мир! У нас есть товарищи в тюрьмах Сибири, на золотых приисках Калифорнии, везде, вплоть до Австралии. Нет такой страны, нет такого крупного государства, где бы социал-демократия не была силой, с которой все должны считаться. Все, что делается во всем мире, делается с оглядкой на нас. Мы — великая держава, внушающая страх, держава, от которой зависит больше, чем от других великих держав. Вот в чем моя гордость! Мы жили не напрасно и можем с гордостью и с удовлетворением оглянуться назад на свои труды. Теперь вы боретесь за всеобщее избирательное право; оно является одним из самых важных орудий в руках пролетариата. Всеобщее избирательное право — единственное средство для того, чтобы подсчитать мощь и силы партии. Этому нас учит история Германии за последние двадцать лет. В Германии хотели силой подавить движение, и всякий раз социал-демократия отвечала совершенно неожиданным для буржуазии образом. Каждые новые выборы, это постоянное, неудержимое возрастание социал-демократических голосов, внушают страх буржуазии, внушают страх Каприви, внушают страх империи (бурное одобрение). Предыдущий оратор заметил, что за границей обычно недооценивают социал-демократическое движение. Но такое движение не могут недооценивать и за границей. Дорогие товарищи, я ходил по улицам Вены, смотрел на чудесные здания, которые буржуазия была так любезна построить для пролетариата будущего (бурный смех), и просил также показать мне великолепное здание

Ратуши, которым вы так достойно завладели. С того дня, как вы им завладели, уже никому не приходит в голову недооценивать вас (оживленное одобрение). Этот день создал эпоху. Я был тогда в Лондоне и видел ужас корреспондентов английских газет, когда они сообщали, что 9 июля пролетариат овладел Веной, овладел лучше, чем когда-либо ею овладевали. (Бурные, долго несмолкающие одобрения и аплодисменты. Крики «Ура Энгельсу!», возобновляющиеся снова и снова.)

Напечатана в газете «Neue Freie Presse», Wien, № 10440 от 15 сентября 1893 г., а также в «Victor Adler's Aufsätze, Reden und Briefe», H. I.

РЕЧЬ НА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ СОБРАНИИ В БЕРЛИНЕ 22 СЕНТЯБРЯ 1893 Г.

Товарищи! Благодарю вас от души за блестящий и незаслуженный прием, который вы мне оказали. Я могу лишь повторить здесь то, что уже сказал в Цюрихе и Вене. Этот прием я рассматриваю как прием, оказанный не мне лично, а мне как сотруднику и соратнику великого Карла Маркса, и в таком смысле я принимаю это с благодарностью. Вы знаете, я не трибун и не парламентский деятель, моя работа относится к другой области, я работаю большей частью в кабинете, работаю пером. Все же я хочу сказать вам несколько слов. Прошел ровно 51 год с тех пор, как я последний раз видел Берлин. С того времени Берлин стал неузнаваем. Тогда это была маленькая так называемая «резиденция», насчитывавшая едва 350 000 жителей и жившая за счет двора, аристократии, гарнизона и чиновничьего мира. Теперь это большой столичный город с населением почти в два миллиона человек, живущий своей промышленностью; пусть сегодня двор, аристократия, гарнизон и чиновники переедут в другое место, — Берлин все-таки останется Берлином. И промышленное развитие Берлина принесло с собой еще одну перемену. В те времена в Берлине еще не было ни одного социал-демократа; не знали даже, что такое социал-демократия; теперь же, несколько месяцев тому назад, был устроен смотр силам берлинской социал-демократии, и она выступила почти со 160 000 голосов, а Берлин имеет пять социал-демократических депутатов из шести представителей в целом. В этом отношении Берлин идет впереди всех европейских столиц, он опередил даже Париж. И не только Берлин, но и вся остальная Германия проделала ту же промышленную революцию. Я не был в Германии 16 лет. Как вам известно, — ведь вы испытали это на собственной шкуре, — с 1878 г. здесь царил закон против социалистов, от которого теперь вы счастливо избавились. Пока действовал этот закон, я избегал ездить в Германию; я хотел избавить власти от хлопот, связанных с моей высылкой, которая ведь не заставила бы себя ждать (смех, возглас: «Наверное!»). И вот теперь, во время моей

поездки, я мог убедиться, как грандиозен переворот, наступивший в экономических условиях Германии. Одно поколение тому назад Германия была сельскохозяйственной страной с двумя третями сельского населения; теперь это промышленная страна первого ранга, и вдоль всего Рейна, от голландской до швейцарской границы, я не нашел ни одного местечка, откуда не были бы видны дымящиеся фабричные трубы. На первый взгляд это касается как будто одних только капиталистов. Но капиталисты, поднимая промышленность, создают тем самым не только прибавочную стоимость, они создают и пролетариев, они разрушают мелкобуржуазные и мелкокрестьянские промежуточные слои, они обостряют классовую противоположность между буржуазией и пролетариатом до крайности, а кто создает пролетариев, тот создает и социал-демократов! При каждом новом выборе в рейхстаг буржуазия поражается неудержимому росту социал-демократических голосов, она задает вопрос: откуда это? Будь у нее чуть побольше ума, она должна была бы понять, что это — дело ее собственных рук! И вот мы видим, что немецкая социал-демократия — самая единая, самая сплоченная, самая сильная во всем мире, что она идет от победы к победе благодаря спокойствию, дисциплине и бодрому юмору, с какими она ведет свою борьбу. Товарищи, я убежден, что вы и впредь будете выполнять свой долг. Я кончаю возгласом: *да здравствует международная социал-демократия!*

*Напечатана в газете «Vorwärts»,
№ 226 от 26 сентября 1893 г.,
1 Beilage.*

МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ СТУДЕНТОВ-СОЦИАЛИСТОВ.

Лондон, 19 декабря 1893 г.

Дорогие граждане!

Благодарю вас за ваше любезное приглашение на конгресс студентов-социалистов и бесконечно сожалею о том, что не могу им воспользоваться, так как занят важными и неотложными работами. Мне остается поэтому лишь пожелать вашему конгрессу всяческого успеха, какого он заслуживает. Пусть ваши усилия способствуют развитию среди студентов сознания, что именно из их рядов должен выйти тот пролетариат умственного труда, который призван наряду и вместе со своими братьями, работниками физического труда, сыграть значительную роль в надвигающейся революции.

Буржуазные революции прошлого требовали от университетов только адвокатов, как лучший первичный материал, из которого выходили их политические деятели; для освобождения рабочего класса нужны кроме того доктора, инженеры, химики, агрономы и другие специалисты, потому что дело идет о том, чтобы взять в руки управление не только политической машиной, но и всем общественным производством, и тут вместо звонких фраз понадобятся солидные знания.

Братский привет.

Ф. Энгельс.

*Напечатано в журнале «L'Éclair
Socialiste», № 8 от 25 марта —
10 апреля 1894 г.*

*Рукопись Энгельса хранится
в архиве ИМЭЛ.*

О СОДЕРЖАНИИ ТРЕТЬЕГО ТОМА «КАПИТАЛА».

Третий том «*Капитала*» Маркса, — «Процесс капиталистического производства, взятый в целом», — как уже указано в «Vorwärts», выйдет из печати осенью этого года. Как известно, первый том занимается «Процессом производства капитала», а второй исследует «Процесс обращения капитала». Третий том будет иметь дело с «Процессом капиталистического производства, взятым в целом». Таким образом, отдельные процессы производства и обращения будут здесь рассматриваться уже не каждый сам по себе, а в их связи, как предпосылки и только как звенья единого общего процесса движения капитала. Каждый из первых двух томов, рассматривая только *одну* из двух главных сторон этого процесса, по содержанию нуждался поэтому в дополнении, а по форме был односторонен и абстрактен. Это выразилось в частности в том, что в них обоих прибавочную стоимость можно было исследовать лишь в той мере и лишь до тех пор, пока она оставалась в руках ее первого присвоителя, промышленного капиталиста; только в общем можно было указать, что этот первый присвоитель вовсе не является обязательно или хотя бы только как правило ее окончательным собственником. Но наиболее очевидно, и, так сказать, на поверхности общества, общее движение капитала проявляется именно в распределении прибавочной стоимости между различными заинтересованными здесь сторонами, между торговцами, финансистами, земельными собственниками и т. д. Распределение прибавочной стоимости после того, как она прошла процессы, показанные в первых двух томах, образует, таким образом, красную нить, проходящую через весь третий том. Законы этого распределения рассматриваются каждый в отдельности: отношение нормы прибавочной стоимости к норме прибыли; установление единой средней нормы прибыли; тенденция этой средней нормы прибыли ко все большему понижению в ходе экономического развития; выделение торговой прибыли; вмешательство ссудного капитала и распадение прибыли на процент и предпринимательский доход; кредитная система, строящаяся на основе ссудного капитала, с главными ее носителями, банками, и с расцветом

ее мошенничества [und seiner Schwindelblüthe] на бирже; возникновение добавочной прибыли и превращение этой добавочной прибыли в известных случаях в земельную ренту; земельная собственность, приносящая эту ренту; как результат — общее распределение стоимости вновь созданных продуктов между тремя видами доходов: заработной платой, прибылью (включая процент) и земельной рентой; наконец, получатели этих трех видов доходов: рабочие, капиталисты, землевладельцы, — классы современного общества. К сожалению, этот последний раздел — классы — не был Марксом разработан.

Этого краткого обзора содержания вполне, однако, достаточно, чтобы показать, что все те относящиеся к делу вопросы, которые по необходимости приходилось оставлять открытыми в обоих первых томах работы, находят здесь исчерпывающий ответ.

*Напечатана в «Die Neue Zeit»,
Jg. XII, Bd. I. 1893. Н. 16.*

Подпись: — ф э.

БУДУЩАЯ ИТАЛЬЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ¹

(ПИСЬМО ТУРАТИ.)

Лондон, 26 января 1894 г.

В Италии положение, на мой взгляд, таково.

Буржуазия, придя к власти в период борьбы за национальную независимость и позднее, не могла и не хотела довести свою победу до конца. Она не разрушила остатков феодализма и не реорганизовала национального производства на современный буржуазный лад. Неспособная предоставить стране относительные и временные выгоды капиталистического порядка, она взвалила на нее всю тяжесть, все трудности последнего. Не довольствуясь этим, она запуталась в самых грязных финансовых аферах, потеряв навсегда последние остатки уважения и доверия.

Рабочий народ — крестьяне, ремесленники, земледельческие и промышленные рабочие — зажат в тиски, с одной стороны, вековым гнетом, унаследованным не только от феодальных времен, но и от античной древности (обработка земли исполу, *латифундии* на юге, где скот вытесняет человека), с другой же стороны — самой хищнической фискальной системой, какую когда-либо изобретал буржуазный порядок. Тут можно сказать вместе с Марксом: «Мы, как и другие страны западно-европейского континента, страдаем не только от развития капиталистического производства, но и от недостатка его развития. Наряду с бедствиями современной эпохи нас гнетет целый ряд унаследованных бедствий, возникающих оттого, что продолжают существовать *отжившие* способы производства и соответствующие им устарелые общественные и политические отношения. Мы страдаем не только от живых, но и от мертвых. *Мертвый хватает живого*».

Такое положение ведет к кризису. Повсюду массы производителей приходят в возбуждение; они восстают то здесь, то там. Куда приведет нас этот кризис?

Очевидно, что социалистическая партия слишком молода и

¹ Заглавие дано редакцией журнала «Critica Sociale». *Ред.*

в силу экономических условий слишком слаба, чтобы надеяться на немедленную победу социализма. В стране гораздо больше сельского населения, чем городского; в городах слабо развита крупная промышленность, а вследствие этого мало *настоящего* пролетариата; большая часть его состоит из ремесленников, мелких лавочников и деклассированных элементов, из массы, находящейся между мелкой буржуазией и пролетариатом. Это — средневековая мелкая буржуазия, разоряющаяся и разлагающаяся, это — будущие пролетарии, но еще не пролетарии в данный момент; однако этот класс, находящийся на краю экономического разорения, доведенный до отчаяния, в Италии один только и может доставить как массу бойцов, так и вождей революционного движения, поддерживаемого крестьянами, которые в силу территориальной распыленности и неграмотности совершенно лишены действительной инициативы, но которые будут все же сильными и необходимыми союзниками.

В том случае, если успех будет достигнут более или менее мирным путем, произойдет простая смена министерства, и к власти придут «присоединившиеся» республиканцы, Кавалотти и компания; в случае же революции возникнет буржуазная республика.

Как же при таких обстоятельствах должна будет действовать социалистическая партия?

Тактикой, которая приносила социалистам наибольшие успехи, начиная с 1848 г., была тактика *Коммунистического манифеста*: «На различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, социалисты всегда являются представителями интересов движения в целом...; они борются за достижение ближайших целей и интересов рабочего класса, но в современном движении они в то же время представляют будущность этого движения». Они поэтому на всех этапах развития принимают активное участие в борьбе этих двух классов, никогда не теряя из виду, что эти этапы являются лишь ступенями, ведущими к главной великой цели: к завоеванию пролетариатом политической власти как средства для преобразования общества. Их место — в рядах тех, кто борется за все непосредственные достижения в интересах рабочего класса; но все эти достижения, политические или экономические, они принимают только как уплату *по счету*. Потому они рассматривают всякое прогрессивное или революционное движение как шаг в направлении их собственного пути; их специальная задача состоит в том, чтобы увлекать вперед другие революционные партии и, в случае победы какой-нибудь из них, защищать интересы пролетариата. Эта тактика, никогда не теряющая из виду великой конечной

цели, предохраняет социалистов от разочарований, которым неизбежно поддаются другие, менее дальновидные партии, будь то республиканцы или сентиментальные социалисты, которые принимают за конечную цель движения то, что является простым этапом.

Применим все это к Италии.

Победа разлагающейся мелкой буржуазии и крестьян приведет, таким образом, к министерству «присоединившихся» республиканцев. Это даст нам всеобщее избирательное право и гораздо более значительную свободу движения (свободу печати, коалиций, союзов, освобождение от *ammonizione* и т. п.), т. е. новое оружие, которым не следует пренебрегать.

Или же эта победа даст буржуазную республику с теми же самыми людьми, а также с кем-нибудь из мадзинистов. Это еще более расширило бы поле нашего действия и свободу нашего движения, по крайней мере на некоторое время. Буржуазная республика, говорил Маркс, есть единственная политическая форма, в которой борьба между пролетариатом и буржуазией находит свое разрешение. Не будем уж говорить о том воздействии, какое это оказало бы на Европу.

Итак, победа нарастающего революционного движения может только усилить нас и создать для нас более благоприятную *обстановку*. Мы совершили бы, стало быть, величайшую ошибку, если бы стали воздерживаться, если бы в нашем отношении к более или менее «родственным» партиям ограничивались только *отрицательной* критикой. Может наступить момент, когда мы должны будем сотрудничать с ними положительным образом. Что же будет тогда?

Очевидно, совсем не наше дело прямо готовить движение, не являющееся движением того класса, который мы представляем. Если радикалы и республиканцы считают, что настал момент выходить на улицу, пусть они и дают простор своему порыву; тогда мы увидим, насколько это серьезно. Что же касается нас, то мы слишком часто бывали обмануты громкими обещаниями этих господ, чтобы снова попасться в ловушку. Ни их заговоры, ни их прокламации не должны нас обманывать. Если мы обязаны поддерживать всякое *действительно* народное движение, то мы обязаны также не приносить понапрасну в жертву ядро нашей пролетарской партии, только что успевшее образоваться, и не допускать, чтобы пролетариат истреблялся в бесплодных местных мятежах.

Если же, наоборот, движение является действительно национальным, то наши люди будут на месте еще раньше, чем успеют

бросить им специальный лозунг, и в таком движении мы примем участие без лишних слов... Но тогда должно быть понятно само собою, и мы должны об этом громко заявить, что мы принимаем участие *как независимая партия*, временно находящаяся в союзе с радикалами или республиканцами, но совершенно отличная от них; что насчет результата борьбы в случае победы мы не питаем никаких иллюзий; что этот результат вовсе не может нас удовлетворить, а будет для нас только одним из достигнутых этапов, только новой оперативной базой для дальнейших завоеваний; что в самый день победы пути наши разойдутся; что с этого дня мы составим по отношению к новому правительству *новую оппозицию*, но оппозицию не реакционную, а прогрессивную, оппозицию крайней левой, оппозицию, которая будет толкать к новым завоеваниям, выходящим за пределы уже завоеванного.

После общей победы нам, может быть, предложат кое-какие посты в новом правительстве, но всегда в *меньшинстве*. В этом состоит *наибольшая опасность*. После февраля 1848 г. французские социал-демократы (из «Réforme», Ледрю-Роллен, Луи Блан, Флокон и т. д.) совершили ошибку, приняв подобные посты. Являясь меньшинством в правительстве Французской республики («National», Марра, Бастид, Мари), они добровольно разделили ответственность за все подлости и предательство по отношению к рабочему классу, совершенные большинством, состоявшим из чистых республиканцев, и в то же время их присутствие в правительстве совершенно парализовало революционную активность рабочего класса, на роль представителей которого они претендовали.

Все сказанное является только моим личным мнением, которое вам хотелось узнать и которое я здесь вполне отчетливо высказал. Что касается рекомендуемой мною общей тактики, то ее правильность я испытал в течение многих лет; она ни разу меня не подводила. Но что касается ее применения к настоящим условиям в Италии, то тут дело другое, этот вопрос надо решать на месте, и решать его должны те, кто находится в центре событий.

Перевод с рукописи Энгельса, на французском языке, хранящейся в архиве ИМЭЛ.

Напечатана на итальянском языке в журнале «Critica Sociale», Milano,

1 февраля 1894 г., № 3.

Подпись: Фридрих Энгельс.

Internationales
aus dem
Volksstaat (1871-75).

Von
Friedrich Engels.

Preis 30 Pfg.

Berlin 1894.

Verlag der Expedition des „Vorwärts“ Berliner Volksblatt.
(Theodor Glöck.)

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ «INTERNATIONALES AUS DEM VOLKSSTAAT (1871—1875)»

[СТАТЬИ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТЕМЫ ИЗ ГАЗЕТЫ «VOLKSSTAAT (1871—1875)»]

Помимо того, что все предлагаемые статьи были написаны для «Volksstaat», их объединяет еще и то, что все они трактуют внегерманские, международные вопросы.

Первая статья, «*Еще раз г. Фогт*», представляет собою эпилог той полемики по поводу итальянской войны, которая происходила в 1859—1860 гг. между этим мнимым естествоиспытателем и республиканцем, но настоящим вульгарно-либеральным бонапартистом и фабрикантом книг, с одной стороны, и Марксом — с другой. В этой статье упомянутый г. Фогт окончательно заклеен, как наемный бонапартистский агент, в подтверждение чего Маркс в своем памфлете «Г-н Фогт», в 1860 г., мог представить, разумеется, только косвенные доказательства.

Вторая статья, «*Бакунисты за работой*», описывающая деятельность анархистов во время июльского восстания 1873 г. в Испании, появилась уже ранее в виде особой брошюры. Хотя анархизм, эта карикатура на рабочее движение, давно уже миновал кульминационный пункт своего развития, но все же правительства Европы и Америки слишком заинтересованы в дальнейшем его существовании и тратят для его поддержки чересчур много денег, чтобы мы могли не обращать на подвиги анархистов никакого внимания. Поэтому мы снова перепечатаваем здесь эту статью.

«*Польская прокламация*» касается той стороны отношений Германии к Восточной Европе, которую теперь слишком часто упускают из виду, но которую нельзя пренебрегать тому, кто хочет составить себе правильное представление об этих отношениях.

Критика *программы бланкистских эмигрантов* 1874 г. приобрела снова особый интерес именно теперь, когда наряду с представителями других социалистических групп получили доступ во французскую палату депутатов и несколько бланкистов, во главе с нашим другом Вайяном. Со времени своего возвращения во Францию в 1880 г. бланкисты один раз оказали решающее влияние на ход

событий, а именно в 1887 г., в день последних президентских выборов после отставки Греви. Большинство Национального собрания было на стороне Жюля Ферри, самого подлого из подлых палачей Коммуны и одного из самых законченных представителей той оппортунистической буржуазии, которая хочет управлять Францией только для того, чтобы высасывать соки из нее и ее колоний. В Париже тогда подготавливалось восстание, которым по соглашению с радикальными депутатами должен был руководить парижский муниципальный совет; но военная организация находилась в руках бланкистов, из которых вербовался офицерский корпус; их военный вождь, генерал коммуны Эд [Eudes], принял командование и расположил в одном кафе, около здания городской Ратуши, свой генеральный штаб. Пред лицом угрожавшего восстания оппортунисты уступили и избрали президентом Карно. — Затем недавно, когда в Париже были в гостях моряки русского флота, еженедельный орган бланкистов «Le Parti Socialiste» отличился своим смелым поведением, дав отпор всяким шовинистическим предрассудкам. Такой образ действий дает нам гарантию, что бланкистская группа палаты, под руководством Вайяна, приложит все усилия к тому, чтобы обеспечить совместные действия *всех* представленных в палате социалистических групп, и к объединению последних в одну сильную социалистическую фракцию.

Читатель заметит, что во всех этих статьях, и особенно в этой последней, я везде называю себя не социал-демократом, а коммунистом. Это объясняется тем, что в те времена в различных странах социал-демократами называли себя такие люди, которые вовсе не писали на своем знамени лозунга о переходе всех средств производства в руки общества. Во Франции под социал-демократом разумели демократа-республиканца с более или менее прочными, но всегда неопределенными симпатиями к рабочему классу, т. е. людей вроде Ледрю-Роллена 1848 г. и вроде прудонистски настроенных «радикальных социалистов» 1874 г. В Германии социал-демократами называли себя лассальянцы; хотя шедшие за ними массы все более и более проникались сознанием необходимости обобществления средств производства, но все же единственным официально признанным пунктом их программы оставались специфически лассалевские производительные товарищества с государственной помощью. Для Маркса и для меня было поэтому чистейшей невозможностью употреблять для обозначения специально нашей точки зрения выражение, столь растяжимое. В настоящее время дело обстоит иначе, и это слово может, пожалуй, сойти, хотя оно и остается

неподходящим для такой партии, экономическая программа которой является не просто социалистической вообще, а прямо коммунистической, — для партии, политическая конечная цель которой есть преодоление всего государства, а следовательно также и демократии. Названия *действительных* политических партий, однако, никогда вполне им не соответствуют, партия развивается, название остается.

Последнюю статью, «*Социальные отношения в России*», тоже появившуюся в 1875 г. в виде отдельной брошюры, теперь нельзя было переиздавать без более или менее обстоятельного послесловия. Вопрос о будущем русской крестьянской общины больше чем когда бы то ни было занимает всех русских, задумывающихся над экономическим развитием своей страны. Цитируемое мною письмо Маркса подвергалось среди русских социалистов самым равнообразным толкованиям. Еще недавно я получил от многих русских, живущих как в России, так и за границей, просьбу высказать мои взгляды по этому вопросу. Долгое время я сопротивлялся, слишком хорошо сознавая, как недостаточно мое знакомство с особенностями экономического положения России; как мог бы я в одно и то же время готовить к печати третий том «Капитала» и изучать поистине колоссальную литературу, в которой старая Россия, по выражению Маркса, составляет перед смертью опись своему имуществу? Но меня настойчиво просят переиздать «Социальные отношения в России», и это обстоятельство заставляет меня попытаться в дополнение к этой старой статье сделать некоторые выводы, вытекающие из историко-сравнительного исследования нынешнего экономического положения России. Если эти выводы и не обещают безусловно русской общине великое будущее, то они, с другой стороны, послужат, может быть, обоснованием того взгляда, что приближающееся крушение капиталистического общества на Западе даст и России возможность значительно сократить свое прохождение через стадию капитализма, которое становится теперь неизбежным.

Лондон, 3 января 1894 г.

*Напечатано в сборнике «Internationales
aus dem Volksstaat (1871—1875)»,
Berlin, 1894.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ К СТАТЬЕ «СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ»¹.

Прежде всего я должен сделать ту поправку, что г. П. Ткачев, выражаясь точно, был не бакунистом, т. е. анархистом, а выдавал себя за «бланкиста». Ошибка эта была естественна, так как упомянутый г. Ткачев, следуя тогдашнему обычаю русских эмигрантов, объявлял себя перед Западной Европой солидарным со всей русской эмиграцией и в брошюре своей действительно защищал также и Бакунина с компанией от моих нападков, защищал так, как будто эти нападки были направлены против него лично.

Те взгляды на русскую коммунистическую крестьянскую общину, которые он отстаивал в полемике со мною, были по существу взглядами Герцена. Этот последний, панславистский беллетрист, которого раздули в революционера, узнал из «*Studien über Russland*» [«Этюды о России»] Гакстгаузена, что крепостные крестьяне его имений не знают частной собственности на землю и время от времени производят между собою передел пахотной земли и лугов. Как беллетристу, ему не к чему было изучать то, что вскоре стало известно всем и каждому, а именно, что общинная собственность на землю в первобытную эпоху господствовала у германцев, кельтов, индусов, — словом у всех индогерманских народов; что в Индии эта форма владения существует еще и поныне; что в Ирландии и Шотландии она насильственно уничтожена только недавно; что в Германии она, как вымирающая форма владения, встречается местами даже теперь; что на деле она представляет собою явление, общее всем народам на известной ступени развития. Но как панславист, Герцен, который социалистом был самое большее на словах, воспользовался этим как новым предлогом для того, чтобы в еще более ярком свете выставить перед гнилым Западом свою «святую» Русь и ее миссию — омолодить и возродить, в случае надобности даже силою оружия, этот прогнивший, отживший свой век Запад. То, чего не могут осуществить, несмотря на все свои усилия, одряхлевшие французы и англичане, русские имеют в готовом виде у себя дома.

¹ См. Сочинения, т. XV, стр. 251. *Ред.*

«Сохранить общину и дать свободу лицу, распространить сельское и волостное самоуправление по городам и всему государству, сохраняя народное единство, — вот в чем состоит вопрос о будущем России, т. е. вопрос той же социальной антиномии, которой решение занимает и волнует умы Запада» (Герцен. Письма к Линтону ¹).

Таким образом, в России, пожалуй, еще существует политический вопрос; но «социальный вопрос» для России уже разрешен.

Так же просто, как и Герцен, смотрел на дело его последователь Ткачев. Хотя в 1875 г. он уж не мог больше утверждать, будто «социальный вопрос» в России уже разрешен, однако он говорил, что русские крестьяне, как прирожденные коммунисты, стоят бесконечно ближе к социализму и, сверх того, им живется несравненно лучше, нежели бедным, забытым богом, западно-европейским пролетариям. Если французские республиканцы, в силу их столетней революционной деятельности, считали свой народ избранным народом в политическом отношении, то кое-кто из тогдашних русских социалистов провозглашал Россию избранным народом в социальном отношении; не западно-европейский пролетариат принесет своей борьбой возрождение старому экономическому миру, нет, это возрождение придет к нему из недр русского крестьянства. Против этого ребяческого взгляда и была направлена моя критика.

Но русская община привлекла внимание и заслужила себе признание и таких людей, которые стоят несравненно выше Герценов и Ткачевых. В их числе был и Николай Чернышевский, этот великий мыслитель, которому Россия бесконечно обязана столь многим и чье медленное убийство долголетней ссылкой среди сибирских якутов навеки останется позорным пятном на памяти Александра II «Освободителя».

Вследствие интеллектуального барьера, отделявшего Россию от Западной Европы, Чернышевский никогда не знал произведений Маркса, а когда появился «Капитал», он давно уже находился в Средне-Вилуйске, среди якутов. Все его умственное развитие должно было протекать в тех условиях, которые были созданы этим интеллектуальным барьером. То, чего не пропускала в Россию цензура, почти или даже совсем не существовало для русских. Поэтому, если в отдельных случаях мы и находим у него слабые места, ограниченность кругозора, то приходится только удивляться, что подобных случаев не было гораздо больше.

Чернышевский тоже видит в русской крестьянской общине

¹ Цитата воспроизведена по русскому тексту. См. Сочинения А. И. Герцена. СПб. 1905 г., т. V, стр. 320. *Ред.*

средство для перехода от современной общественной формы к новой ступени развития, которая стоит, с одной стороны, выше, чем русская община, а с другой — выше, чем западно-европейский капиталистический строй с его классовыми противоположностями. И в том, что Россия обладает таким средством, в то время как Запад его не имеет, в этом Чернышевский видит преимущество России.

«Введение лучшего порядка дел чрезвычайно затрудняется в Западной Европе безграничным расширением прав отдельной личности... не легко отказываться хотя бы даже от незначительной части того, чем привык уже пользоваться, а на Западе отдельная личность привыкла уже к безграничности частных прав. Пользе и необходимости взаимных уступок может научить только горький опыт и продолжительное размышление. На Западе лучший порядок экономических отношений соединен с жертвованиями, и потому его учреждение очень затруднено. Он противен привычкам английского и французского поселенца». Но «то, что представляется утопией в одной стране, существует в другой как факт... те привычки, проведение которых в народную жизнь кажется делом неизмеримой трудности англичанину и французю, существуют у русского как факт его народной жизни... Порядок дел, к которому столь трудным и долгим путем стремится теперь Запад, еще существует у нас в могущественном народном обычае нашего сельского быта... Мы видим, какие печальные последствия породила на Западе утрата общинной поземельной собственности и как тяжело возратить западным народам свою утрату. Пример Запада не должен быть потерян для нас». (Чернышевский, Сочинения, женевское издание, т. V, стр. 16—19; цитировано у Плеханова, «Наши разногласия», Женева, 1885 г.)¹.

А об уральских казаках, у которых еще господствовала общественная обработка земли с последующим разделом продукта между отдельными семьями, он говорит:

«Если уральцы доживут в нынешнем своем устройстве до того времени, когда введены будут в хлебопашество машины, то уральцы будут тогда очень рады, что сохранилось устройство, допускающее употребление таких машин, требующих хозяйства в огромных размерах, на сотнях десятин» (ibidem, стр. 135).

Не следует только при этом забывать, что уральцы со своей общественной обработкой земли, предохраняемую от гибели из военных соображений (ведь и у нас существует казарменный коммунизм), стоят в России совершенно обособленно, примерно так же, как у нас *Gehöferschaften* на Мозеле, с их периодическими переделами. И если нынешние порядки сохранятся у них до момента введения машин, то от этого получают выгоду не сами уральцы, а русский военный фиск, слугами которого они являются.

Во всяком случае, факт таков: в то время как в Западной Европе капиталистический строй распадается и неустрашимые

¹ См. Плеханов, указанное издание, стр. 16—17. И здесь и ниже воспроизведен русский текст Чернышевского. *Ред.*

противоречия его собственного развития грозят ему гибелью, в это самое время в России около половины всей обрабатываемой земли находится еще, как общественная собственность, в руках крестьянских общин. Если на Западе разрешение противоречий посредством реорганизации общества предполагает, как необходимое условие, переход всех средств производства, следовательно и земли, в собственность всего общества, то в каком же отношении к этой общественной собственности, которую на Западе только предстоит создать, находится общественная собственность, уже существующая или, вернее, еще существующая в России? Не может ли она послужить исходным пунктом национального движения, которое, перескочив через весь капиталистический период, сразу преобразует русский крестьянский коммунизм в современную социалистическую общественную собственность на все средства производства, обогатив общину всеми техническими достижениями капиталистической эры? Или, как формулировал мысль Чернышевского Маркс в одном письме, цитируемом ниже: «Должна ли Россия, как того хотят либералы, начать с разрушения сельской общины, чтобы перейти затем к капиталистическому строю, или же, наоборот, она может, не испытав мук этого строя, усвоить все его плоды, развивая далее свои собственные исторические данные?»

Уже самая постановка вопроса показывает, где нужно искать его разрешения. Русская община просуществовала сотни лет, и внутри нее ни разу не возникало стремления выработать из самой себя высшую форму общественной собственности, точно так же, как ничего подобного не происходило ни в германской марке, ни в кельтском клане, ни в индийских и иных общинах с первобытно-коммунистическими порядками. Все они с течением времени, под влиянием окружавшего их или же возникавшего в их собственной среде и постепенно захватывавшего их товарного производства и обмена между отдельными семьями и отдельными лицами, — все они все более и более утрачивали свой коммунистический характер и превращались в общины независимых друг от друга земельных собственников. Поэтому, если можно вообще поднимать вопрос о том, не предстоит ли русской общине иная и лучшая судьба, то причина этого коренится не в ней самой, а единственно в том обстоятельстве, что в одной из европейских стран она сохранила некоторую жизненную силу до такого времени, когда в Западной Европе не только товарное производство вообще, но даже капиталистическое производство, его высшая и последняя форма, пришло в такое противоречие с созданными им самим производительными силами, когда оно

оказывается неспособным управлять долее этими силами и гибнет от этих внутренних противоречий и соответствующих им классовых конфликтов. Уже из этого вытекает, что инициатива подобного преобразования русской общины может исходить не от нее самой, а исключительно от промышленного пролетариата Запада. Победа западно-европейского пролетариата над буржуазией и связанная с этим замена капиталистического производства производством, которым управляет общество, — вот необходимое предварительное условие для подъема русской общины на такую же ступень развития.

В самом деле: нигде и никогда аграрный коммунизм, сохранившийся от родового строя, не порождал из самого себя ничего иного, кроме собственного разложения. Сама русская крестьянская община уже в 1861 г. представляла собою сравнительно ослабленную форму этого коммунизма; совместная обработка земли, существующая еще в отдельных местностях Индии и в южно-славянской задруге¹, вероятно родоначальнице русской общины, должна была уступить место ведению хозяйства отдельными семьями; общинная собственность проявлялась еще только в переделах земли, производившихся в различных местностях через различные промежутки времени. Стоит этим переделам прекратиться самим по себе или стоит их отменить особым постановлением, — и перед нами деревня парцеллярных крестьян.

Но один тот факт, что капиталистическое производство, существующее в то же время в Западной Европе, бок о бок с русской крестьянской общиной, приближается к моменту своей гибели и что в нем самом уже имеется зародыш новой формы производства, при которой средства производства в качестве общественной собственности будут применяться в плановом порядке, — один этот факт не может вдохнуть в русскую общину силу развить из самой себя эту новую общественную форму. Каким образом может община овладеть гигантскими производительными силами капиталистического общества как общественной собственностью и как общественным орудием, прежде чем само капиталистическое общество успело совершить эту революцию? Каким образом может русская община показать миру, как вести крупную промышленность в интересах общества, когда она разучилась уже обрабатывать в интересах общества свои собственные земли?

Правда, в России есть не мало людей, которые хорошо знают западное капиталистическое общество со всеми его непримиримыми

¹ Слово «задруга» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

противоположностями и конфликтами и ясно представляют себе, где выход из этого кажущегося тупика. Но, во-первых, те несколько тысяч людей, которые это понимают, живут не в общине, а те добрых пятьдесят миллионов людей, которые в Великороссии живут еще в условиях общинной собственности на землю, не имеют обо всем этом ни малейшего понятия. Им по меньшей мере так же чужды и непонятны взгляды этих нескольких тысяч людей, как были чужды и непонятны английским пролетариям 1800—1840 гг. те планы, которые придумывал для их спасения Роберт Оуэн. И среди рабочих, которые работали на фабрике Оуэна в Кью-Ланарке, большинство состояло из людей, тоже выросших при порядках и обычаях распадающегося коммунистического родового строя, в кельтско-шотландском клане; однако Оуэн не говорил ни слова о том, что эти люди понимали его планы лучше. А во-вторых, исторически невозможно, чтобы общество, стоящее на более низкой ступени экономического развития, разрешило задачи и конфликты, которые возникли и могли возникнуть лишь в обществе, стоящем на гораздо более высокой ступени развития. Все формы родовой общины, возникающие до появления товарного производства и частного обмена, имеют с будущим социалистическим обществом только то общее, что известные вещи, именно средства производства, находятся в общей собственности и в общем пользовании известных групп. Однако одно это общее свойство не дает нижней общественной форме способности породить из себя самой будущее социалистическое общество, этот последний продукт капиталистического общества, порождаемый им самим. Каждая данная экономическая формация должна разрешить свои собственные, из нее самой возникающие задачи; браться за разрешение задач, стоящих перед другой, совершенно чуждой формацией, было бы полнейшей бессмыслицей. И к русской общине это относится не в меньшей мере, чем к южно-славянской задруге, к индийскому родовому строю или ко всякой иной общественной форме периода дикого состояния или варварства, характеризующейся общественным владением средствами производства.

Но зато не только возможно, но и несомненно, что, после победы пролетариата и перехода средств производства в общественное владение у западно-европейских народов, те страны, которые только что вступили на путь капиталистического производства и сохранили еще родовые порядки или остатки таковых, используют эти остатки общественного владения и соответствующие им народные обычаи как могучее средство для того, чтобы значительно сократить процесс своего развития к социалистическому обществу и

избежать большей части тех страданий и той борьбы, через которые приходится прокладывать дорогу нам в Западной Европе. Но неизбежным условием для этого являются пример и активная поддержка Запада, пока еще капиталистического. Только тогда, когда капиталистическое хозяйство будет преодолено на своей родине и в странах, где оно достигло расцвета, только тогда, когда отсталые страны увидят на этом примере, «как это делается», как заставить производительные силы современной промышленности, превращенные в общественную собственность, служить всему обществу в целом, — только тогда смогут эти отсталые страны взять курс на такой сокращенный путь развития. Но зато успех им тогда обеспечен. И это относится не только к России, но и ко всем странам, находящимся на докапиталистической ступени развития. В России, однако, это будет сравнительно наиболее легко, потому что здесь часть туземного населения уже усвоила себе интеллектуальные результаты капиталистического развития, и благодаря этому в революционное время здесь возможно будет совершить общественное переустройство почти одновременно с Западом.

Это было уже высказано Марксом и мною 21 января 1882 г. в предисловии к русскому изданию «Коммунистического манифеста» в переводе Плеханова. Мы писали там:

«Но рядом с быстро развивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующейся буржуазной поземельной собственностью мы находим в России большую половину земли в общинном владении крестьян. Спрашивается теперь: может ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного коллективного владения землею — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму землевладения? Или, напротив, она должна пройти сначала тот же процесс разложения, который определил собою историческое развитие Запада? Единственный возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом рабочей революции на Западе, так что обе они пополнят друг друга, то современное русское землевладение может явиться исходным пунктом коммунистического развития»¹.

Не следует, однако, забывать, что упомянутое здесь сильное разложение русской общинной собственности сделало с тех пор значительный шаг вперед. Поражения во время Крымской войны ясно показали необходимость для России быстрого промышлен-

¹ См. Сочинения, т. XV, стр. 601. *Ред.*

ного развития. Прежде всего нужны были железные дороги, а их сооружение неосуществимо в большом масштабе без отечественной крупной промышленности. Предварительным условием для возникновения последней явилось так называемое освобождение крестьян; вместе с ним наступила для России капиталистическая эра, но тем самым и эра быстрого разрушения общинной собственности на землю. Обременение крестьян выкупными платежами и повышенными налогами и в то же время уменьшение и ухудшение данной им в надел земли, — это был верный путь к тому, чтобы отдать крестьян в руки ростовщиков, большей частью разбогатевших членов крестьянской общины. Железные дороги открыли для многих прежде отдаленных местностей путь к рынкам для сбыта производимого ими хлеба; но зато по тем же дорогам стали привозить в эти местности дешевые изделия крупной промышленности, вытесняя ими кустарный промысел крестьян, которые до сих пор изготовляли подобные изделия частью для собственного потребления, а частью для продажи. Исконные хозяйственные отношения пришли в расстройство, началась разруха, которою повсюду сопровождается переход от натурального хозяйства к денежному, среди членов общины стали возникать крупные имущественные различия, — бедняки попадали в кабалу к богатым. Одним словом, русская община подверглась тому же процессу, который незадолго до Солона, в связи с проникновением денежного хозяйства в Афины, привел к разложению афинского родового строя *. Солон мог, правда, посредством революционного вторжения в тогда еще довольно юное право частной собственности освободить закабаленных должников, попросту аннулировав их долги. Но возвратить к жизни древне-афинский родовой строй он не мог, и точно так же нет такой силы в мире, которая была бы в состоянии восстановить русскую общину, как только процесс ее разложения достиг определенного уровня. К тому же русское правительство запретило устраивать переделы земли между членами общины чаще, чем раз в 12 лет, с той целью, чтобы крестьянин все больше и больше отвыкал от переделов и начинал смотреть на себя как на частного собственника своего надела.

Маркс высказался в этом духе еще в 1877 г. в одном из своих писем в Россию. Некий г. Жуковский, тот самый, который ныне в качестве кассира Государственного банка скрепляет своей подписью русские кредитные билеты, напечатал нечто о Марксе в

* См. Энгельс. «Происхождение семьи и т. д.», 5-е изд., Stuttgart, 1892, S. 109—113. [См. Сочинения, т. XVI, ч. 1.]

«Вестнике Европы»¹; другой писатель выступил с возражением ему в «Отечественных Записках»¹. В качестве поправки к этой последней статье Маркс написал редактору «Отечественных Записок» письмо, которое долгое время циркулировало в России в рукописных копиях с французского оригинала, а затем было опубликовано в русском переводе в «Вестнике Народной Воли»¹, в 1886 г., в Женеве, а позднее и в самой России. Письмо это, как и все, что выходило из-под пера Маркса, обратило на себя большое внимание в русских кругах и подверглось разнообразным толкованиям; поэтому я приведу здесь в существенных чертах его содержание².

Прежде всего Маркс отвергает навязанный ему «Отечественными Записками» взгляд, будто он, так же, как и русские либералы, считает для России самым неотложным делом — уничтожить крестьянскую земельную общину и броситься в водоворот капитализма. Его краткое замечание о Герцене в добавлении к первому изданию «Капитала» ровно ничего не доказывает. Это замечание гласит: «Если на европейском континенте влияние капиталистического производства, которое подрывает род людской..., будет развиваться, как это было до сих пор, рука об руку с конкуренцией в отношении величины национальных армий, государственных долгов, налогов, элегантных приемов военных действий и т. д., — то пожалуй, в конце концов станет действительно неизбежным омоложение Европы при помощи кнута и обязательного вливания калмыцкой крови, о чем столь серьезно пророчествует полуроссиянин, но зато полный москвит Герцен (заметьте, между прочим, что этот беллетрист сделал свои открытия относительно «русского» коммунизма не в России, а в сочинении прусского регирунгсрата Гакстгаузена)» («Капитал», т. I, первое немецкое издание, стр. 763). — Затем Маркс продолжает: это место «ни в коем случае не может дать ключа к моим воззрениям на усилия (далее в подлиннике следует цитата на русском языке) «русских людей найти для своего отечества путь развития, отличный от того, каким шла и идет Западная Европа» и т. д. В послесловии ко второму немецкому изданию «Капитала» я говорю о «великом русском ученом и критике» (Чернышевском) с высоким уважением, какого он заслуживает. Этот ученый в замечательных статьях исследовал вопрос, должна ли Россия, как того требуют либеральные экономисты, начать с разрушения сельской общины, чтобы перейти к капиталистическому строю,

¹ Написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

² См. Сочинения, т. XV, стр. 375—378. *Ред.*

или же, наоборот, она может, не испытав мук этого строя, усвоить все его плоды, развивая свои собственные исторические данные. Он высказывается в смысле этого последнего решения.

«Впрочем, так как я не люблю оставлять «место для догадок», я выскажусь без обиняков. Чтобы иметь возможность со знанием дела судить об экономическом развитии России, я изучил русский язык и затем в течение долгих лет изучал официальные и иные издания, имеющие отношение к этому предмету. Я пришел к такому выводу. *Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-нибудь народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя.*

Далее Маркс разъясняет еще некоторые ошибки, в которые впал его критик; единственное место, относящееся к интересующему нас вопросу, гласит:

«Какое же применение к России мог извлечь мой критик из этого исторического очерка (о первоначальном накоплении капитала)? Только такое: если Россия стремится стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы, — а за последние годы она не мало потрудилась в этом направлении, — то она не достигнет этого, не превратив предварительно значительной части своих крестьян в пролетариев; а после этого, уже очутившись в лоне капиталистического хозяйства, она будет подвержена его неумолимым законам, как и прочие нечестивые народы. Вот и все».

Так писал Маркс в 1877 г. Тогда в России было два правительства: правительство царя и правительство тайного исполнительного комитета¹ заговорщиков-террористов. Власть этого второго, подпольного правительства возрастала с каждым днем. Падение царизма казалось близким; революция в России должна была лишить всю европейскую реакцию сильнейшей ее опоры, ее великой резервной армии, и тем самым дать новый могучий толчок также и политическому движению Запада, создав для него вдобавок несравненно более благоприятные условия борьбы. Неудивительно, что Маркс в своем письме советует русским не особенно торопиться броситься в водоворот капитализма.

Революции в России не произошло. Царизм восторжествовал над терроризмом, который в данный момент даже толкнул в объятия царизма все имущие классы, «любящие порядок». И в течение 17 лет, которые протекли с той поры, как было написано письмо Маркса,

¹ Слова «исполнительный комитет» написаны Энгельсом по-русски. *Ред.*

и капитализм и разложение крестьянской общины достигли в России громадных успехов. Как же обстоит дело теперь, в 1894 г.?

Так как после поражений Крымской войны и самоубийства императора Николая I старый царский деспотизм продолжал существовать в неизменном виде, — оставался только один путь: как можно более быстрый переход к капиталистической промышленности. Армия погибала вследствие гигантских пространств империи при продолжительных переходах к театру военных действий; необходимо было уничтожить эту отдаленность посредством сети стратегических железных дорог. Но постройка железных дорог означает создание капиталистической промышленности и революционизирование примитивного земледелия. С одной стороны, в непосредственное соприкосновение с мировым рынком вступят земледельческие продукты даже самых отдаленных частей страны; с другой стороны, невозможно построить и эксплуатировать широкую сеть железных дорог, не имея отечественной промышленности, поставляющей рельсы, локомотивы, вагоны и т. д. Но нельзя ввести *одну* отрасль крупной промышленности, не вводя вместе с нею целую систему; текстильная промышленность сравнительно современного типа, уже раньше пустившая корни в Московской и Владимирской губерниях, а также в Прибалтийском крае, получила толчок к новому подъему. За постройкой железных дорог и фабрик шло расширение уже существующих банков и основание новых; освобождение крестьян от крепостной зависимости порождало свободу передвижения, причем следовало ожидать, что вслед за тем само собою произойдет освобождение значительной части этих крестьян и от владения землей. Таким образом, в короткое время в России были заложены все основы капиталистического способа производства. Но вместе с тем был занесен топор и над корнями русской крестьянской общины.

Сетовать на это теперь — бесполезно. Если бы царский деспотизм после Крымской войны был заменен прямым парламентским господством дворянства и бюрократии, процесс этот был бы, может быть, несколько замедлен; если бы у власти стала растущая буржуазия, то процесс этот наверняка ускорился бы еще более. При сложившихся условиях иного выбора не было. В то время как во Франции существовала Вторая империя, в то время как в Англии пышно расцвела капиталистическая промышленность, нельзя же было в самом деле требовать от России, чтобы она на основе крестьянской общины принялась производить сверху эксперименты по части государственного социализма. Должно было что-то произойти. И произошло то, что было возможно при таких условиях; как везде

и всегда в странах товарного производства, люди действовали по большей части лишь полусознательно или же совершенно механически, не зная, что они делают.

Между тем наступил новый период, начало которому положила Германия, период революций сверху, а вместе с тем период быстрого роста социализма во всех европейских странах. В общем движении приняла участие и Россия. Как и следовало ожидать, движение это приняло здесь форму решительного штурма с целью свержения царского деспотизма, с целью завоевания свободы умственного и политического развития нации. Вера в чудодейственную силу крестьянской общины, из недр которой может и должно притти социальное возрождение, вера, от которой не был совсем свободен, как мы видели, и Чернышевский, эта вера сделала свое дело, подняв воодушевление и энергию героических русских передовых борцов. Этих людей, которых было каких-нибудь несколько сот человек, но которые своей самоотверженностью и отвагой довели царский абсолютизм до того, что ему приходилось уже подумывать о возможности капитуляции и о ее условиях, — таких людей мы не потянем в суд за то, что они считали свой русский народ избранным народом социальной революции. Но это вовсе не обязывает нас разделять их иллюзии. Время избранных народов миновало безвозвратно.

А пока кипела эта борьба, капитализм в России бойко шел вперед и все больше и больше достигал той цели, которой не удалось достичь террористам: принудить царизм к капитуляции.

Царизму нужны были деньги. Нужны были не только для придворной роскоши, для бюрократии и прежде всего — для армии и внешней политики, основанной на подкупах, но были особенно нужны для его жалкого финансового хозяйства и соответствующей ему нелепой железнодорожной политики. За границей больше не желали и не могли покрывать все дефициты царской казны; приходилось искать помощи внутри страны. Часть железнодорожных акций пришлось пристроить в собственной стране; также и часть займов. Первой победой русской буржуазии были железнодорожные концессии, по которым акционерам доставались все будущие прибыли, на государство же возлагались все будущие убытки. Затем последовали субсидии и премии за учреждение промышленных предприятий, а также покровительственные пошлины в интересах отечественной промышленности, пошлины, из-за которых ввоз многих предметов стал в конце концов совершенно невозможным. Русское государство, при его безграничной задолженности и при его почти совершенно подорванном кредите за границей, вынуждено было в прямых

интересах фиска заботиться об искусственном насаждении отечественной промышленности. Оно постоянно нуждается в золоте для уплаты процентов по государственным долгам за границей. Но в России нет золота, — там обращаются только бумажные деньги. Некоторое количество золота поступает от таможенных пошлин, которые взимаются только в золоте, что, между прочим, повышает эти пошлины процентов на 50. Но наибольшее количество золота должно поступить от превышения вывоза русского сырья над ввозом изделий иностранной промышленности; векселя, выдаваемые иностранными покупателями на сумму этого избытка, русское правительство скудает внутри России на бумажные деньги и получает по ним золото. Поэтому, если правительство не желает для уплаты процентов по заграничным долгам прибегать к новым иностранным займам, ему надо позаботиться о том, чтобы русская промышленность быстро окрепла настолько, чтобы удовлетворять весь внутренний спрос. Отсюда — требование, чтобы Россия стала независимой от заграницы, самодовлеющей промышленной страной; отсюда — судорожные усилия правительства в несколько лет довести капиталистическое развитие России до высшей точки. Ибо если этого не произойдет, то не останется ничего другого, как только тронуть накопленный в Государственном банке и казначействе металлический военный фонд или же решиться на государственное банкротство. И в том и в другом случае это был бы конец русской иностранной политики.

Ясно одно: при таких обстоятельствах молодая русская буржуазия держит государство в своих руках. Во всех важных экономических вопросах оно вынуждено подчиняться ее желаниям. Если она еще мирится с деспотическим самодержавием царя и его чиновников, то только потому, что это самодержавие, помимо того, что оно смягчается подкупностью бюрократии, предоставляет ей больше гарантий, чем изменения, хотя бы и в буржуазно-либеральном духе, последствия которых при нынешнем положении дел внутри России никто не может предугадать. Так и идет все более и более ускоряющимся темпом превращение России в капиталистически-индустриальную страну, пролетаризация значительной части крестьян и разложение старой коммунистической общины.

Уцелела ли ныне эта община в такой мере, чтобы в нужный момент, как Маркс и я еще надеялись в 1882 г., она смогла, при сочетании с переворотом в Западной Европе, стать исходным пунктом коммунистического развития, — судить об этом я не берусь. Но одно не подлежит сомнению: для того, чтобы от этой общины хоть

что-нибудь уцелело, необходимо прежде всего низвержение царского деспотизма, необходима революция в России. Русская революция не только уничтожит разобщенность деревень, в которых живет главная масса нации, крестьяне, и которые составляют их «мир»¹, их вселенную, не только выведет крестьян на широкую арену, где они познают внешний мир, а вместе с тем себя самих, поймут собственное свое положение и средства избавления от теперешней нужды, — русская революция даст также новый толчок рабочему движению Запада, создаст для него лучшие условия борьбы и тем ускорит победу современного промышленного пролетариата, победу, без которой нынешняя Россия ни через общину, ни через капитализм не может достичь социалистического переустройства общества.

Напечатано в сборнике «Internationales aus dem Volksstaat (1871—1875)».
Berlin, 1894.

¹ Слово «мир» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

**НАЦИОНАЛЬНОМУ СОВЕТУ ФРАНЦУЗСКОЙ РАБОЧЕЙ
ПАРТИИ К 23-Й ГОДОВЩИНЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ.**

Лондон, 18 марта 1894 г.

Пью вместе с вами за скорейшее наступление международного 18 марта, которое принесет с собою торжество пролетариата, уничтожит классовые антагонизмы и войны между народами и осуществит мир и счастье в цивилизованных странах.

Напечатано в газете «Le Socialiste»

Paris, № 183, 25 марта 1894 г.

Подпись: Энгельс.

АВСТРИЙСКОМУ ПАРТИЙНОМУ СЪЕЗДУ 1894 Г.

Лондон, 22 марта 1894 г.

Приношу свою сердечную благодарность за любезно посланный мне пригласительный билет, которым я, к сожалению, не могу лично воспользоваться. Шлю собравшимся делегатам партии самые искренние и самые горячие пожелания успешного хода работ.

В этом году партийному съезду предстоит выполнить особенно важные задачи. В Австрии дело идет о том, чтобы завоевать всеобщее избирательное право, то оружие, которое в руках классово-сознательных рабочих бьет дальше и попадает вернее, чем усовершенствованная винтовка в руках вымуштрованных солдат. Господствующие классы — как феодальное дворянство, так и буржуазия — всеми силами противятся тому, чтобы предоставить рабочим это оружие. Борьба будет длительной и ожесточенной. Но если рабочие проявят политическую проницательность, терпение и выдержку, единодушие и дисциплину, те качества, которым они уже обязаны столькими блестящими успехами, то в конце концов победа будет за ними. **За** них действует историческая необходимость, как экономическая, так и политическая. **И** хотя всеобщее и равное избирательное право нельзя завоевать с одного маху, мы можем все же уже сейчас провозгласить «ура!» будущим представителям пролетариата в австрийском рейхсрате.

*Напечатано в «Verhandlungen des 4.
österreichischen sozialdemokratischen
Parteitages», Wien, 1894.*

Подпись: Ф. Энгельс.

ИСПАНСКИМ РАБОЧИМ К 1 МАЯ 1894 Г.¹

Пролетарская революция, повидимому, опрокидывает все, даже хронологию. Так, по крайней мере в Испании, 1 мая наступает после 2 мая, что бы ни говорил календарь. Когда-то испанские рабочие праздновали 2 мая, а теперь они празднуют 1-е число того же месяца.

От 2 мая к 1 мая мы ушли далеко вперед. В самом деле, что происходило 2 мая 1808 г.? С одной стороны — иностранное вторжение, с другой — народ Мадрида. (За иностранной армией — Наполеон, мнимый представитель буржуазной революции, в действительности же деспот внутри своей страны, завоеватель по отношению к соседним народам. За народом Мадрида — царство слабоумных Бурбонов, феодальное дворянство, духовенство. Страшная путаница: испанский народ...) Все это, казалось бы, очень просто. Однакоже, положение было чрезвычайно сложным. Чтобы бороться против иностранного вторжения и против тирании Наполеона, испанский народ, стремясь вернуть себе независимость, должен был в то же время бороться против французской революции. И тот же самый испанский народ был вынужден восстановить деспотизм идиота-фанатика Фердинанда VII, которого поддерживали дворянство и духовенство.

То же самое было в Италии и в Германии, даже и во Франции; обе эти страны могли избавиться от кулака Наполеона только предав себя монархической, феодальной и клерикальной реакции.

Вот каким образом войны между народами усложняют и запутывают положения, с виду самые простые и самые ясные.

Но от 2 мая к 1 мая — огромный прогресс. 1 мая означает два резко разграниченных и противоположных друг другу лагеря: с одной стороны — международный пролетариат, идущий к победе под красным знаменем всеобщего освобождения, с другой стороны — имущие и реакционные классы всех стран, объединившиеся для защиты своих эксплуататорских привилегий. Борьба начата, красное знамя развернуто, победа верная, вперед!

Перевод с рукописи Энгельса, на французском языке, хранящейся в архиве ИМЭЛ.

¹ Послано Энгельсом на адрес Пабло Иглесиас. Ред.

ВЕНГЕРСКОМУ ПАРТИЙНОМУ СЪЕЗДУ 1894 Г. В БУДАПЕШТЕ.

Лондон, 15 мая 1894 г.

Уважаемые товарищи!

Ваше любезное приглашение на партийный съезд я получил 8-го с. м. К сожалению, недомогание помешало мне тотчас на него ответить, и поэтому только сегодня я могу задним числом высказать вам свою благодарность и пожелать наилучшего успеха в вашей работе.

Я тоже с величайшим интересом следил за развитием Венгрии в последнее время¹. В Венгрии, как и повсюду, капитал все более и более овладевает всем национальным производством. Он не только создает новую промышленность, он подчиняет себе и сельское хозяйство, революционизирует его стародавние методы, уничтожает независимого крестьянина, раскалывает сельское население на небольшую кучку крупных землевладельцев и капиталистических арендаторов с одной стороны, и массу неимущих сельских пролетариев — с другой. Каких успехов достигла уже эта капиталистическая революция в Венгрии, мы видели недавно в Годмезевашаргее. Через эту капиталистическую революцию мы так или иначе уже должны пройти. Она несет с собою невыразимые страдания для широких масс народа, но только она и создает те условия, при которых становится возможен новый общественный строй, а также и тех мужчин и женщин, которые будут обладать силой и волей для осуществления этого нового, лучшего общественного строя:

С искренним приветом

Ф. Энгельс.

Перевод с рукописи, хранящейся в архиве ИМЭЛ. Напечатано на немецком языке в газете «Arbeiterpresse», Budapest, № 20 от 18 мая 1894 г., и на венгерском языке в газете «Népszava», № 20 от 18 мая 1894 г.

¹ В рукописи далее зачеркнуто: «Оно свидетельствует о непреодолимой силе, с какой капитал повсюду овладевает национальным производством, и не только в области промышленности, но и в области сельского хозяйства, а последнее в Восточной Европе является несравненно более важной областью».

**Фридрих Энгельс.
В ИСТОРИИ РАННЕГО
ХРИСТИАНСТВА.**

*Напечатана в журнале «Die Neue
Zeit», Jg. XIII, 1894, Bd. I., H. I u. 2.*

Подпись: Фридрих Энгельс.

К ИСТОРИИ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА.

I.

В истории раннего христианства есть любопытные точки соприкосновения с современным рабочим движением. Как и последнее христианство при своем зарождении было движением угнетенных: оно выступало сначала как религия рабов и вольноотпущенных, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов. Как христианство, так и рабочий социализм проповедают грядущее избавление от рабства и нищеты; христианство ищет этого избавления в потусторонней жизни, после смерти, на небе, социализм же — в этом мире, в переустройстве общества. И христианство и рабочий социализм становятся жертвами жестоких преследований, последователи их подвергаются гонениям, к ним применяют исключительные законы: к одним — как к врагам рода человеческого, к другим — как к врагам государства, религии, семьи, общественного порядка. И вопреки всем преследованиям, а часто даже при их помощи, и христианство и социализм победоносно, неудержимо прокладывают себе путь вперед. Через триста лет после своего возникновения христианство становится признанной государственной религией всемирной Римской империи, а социализм за каких-нибудь 60 лет завоевывает себе положение, которое дает ему абсолютную гарантию победы.

Следовательно, если г. профессор Антон Менгер в своей книге «*Recht auf den vollen Arbeitsertrag*» [«Право на полный продукт труда»] выражает удивление, почему при колоссальной централизации землевладения во времена римских императоров и при безграничных страданиях тогдашнего рабочего класса, состоявшего почти исключительно из рабов, «вслед за падением Западно-римской империи не наступил социализм», то он не замечает как раз того, что этот «социализм», поскольку он был тогда возможен, действительно существовал и даже достиг господства в лице христианства. Но только это христианство, — в силу исторических условий это и не могло быть иначе, — хотело осуществить социальное переустройство не в этом мире, а в мире потустороннем, на небе, в вечной жизни после смерти, в «тысячелетнем царстве», которое должно наступить в недалеком будущем.

Параллель между обоими этими историческими явлениями напрашивается уже в средние века при первых восстаниях угнетенных крестьян и в особенности городских плебеев. Эти восстания, как и все массовые движения средних веков, выступали всегда в религиозном облачении, являясь как бы восстановлением раннего христианства, его спасением от наступившего вырождения*; но всякий раз за религиозной экзальтацией скрывались очень осязательные мирские интересы. Ярче всего это обнаружилось в организации богемских таборитов под руководством достославной памяти Яна Жижки; но черта эта проходит через все средневековье, постепенно исчезая после крестьянской войны в Германии, чтобы вновь пробудиться у рабочих-коммунистов после 1830 г. Как французские революционные коммунисты, так в особенности и Вейтлинг с его последователями ссылаются на раннее христианство еще задолго до того, как Эрнест Ренан сказал: «Если вы хотите получить представление о первых христианских общинах, присмотритесь к какой-нибудь местной секции Международного товарищества рабочих».

Этот французский беллетрист, изготовивший церковно-исторический роман «*Origines du Christianisme*» [«Происхождение христианства»] на основе беспримерной даже в современной журналистике

* Своеобразную противоположность этому представляют религиозные восстания магометанского мира, особенно в Африке. Ислам — это религия, приспособленная для жителей Востока, особенно для арабов, т. е., с одной стороны, для горожан, занимающихся торговлей и промыслами, а с другой — для кочевников-бедуинов. Но в этом лежит зародыш периодически повторяющихся столкновений. Горожане богатеют, предаются роскоши, проявляют небрежность в соблюдении «законов». Бедуины же бедны, а вследствие бедности держатся строгих нравов и смотрят на эти богатства и на эти наслаждения с завистью и с вожделением. Тогда они объединяются под предводительством какого-нибудь пророка, махди, чтобы наказать изменников, восстановить почтение к обрядам и к истинной вере и в качестве возмездия присвоить себе богатства отступников. Лет через сто они, естественно, оказываются точно в таком же положении, в каком были те отступники; необходимо новое очищение веры, подымается новый махди, игра начинается сначала. Так шло дело со времен завоевательных походов африканских Альморавидов и Альмогадов в Испанию до последнего махди из Хартума, который с таким успехом сопротивлялся англичанам. Так же или почти так же обстояло дело с восстаниями в Персии и в других магометанских странах. При религиозном облачении все это — движения, вытекающие из экономических причин; но, даже одержав победу, они оставляют неприкосновенными прежние экономические условия. Таким образом, все остается по-старому, и столкновения становятся периодическими. Напротив, в народных восстаниях христианского Запада религиозное облачение служит лишь знаменем и замаскировывает нападение на устаревший экономический строй; последний в конце концов рушится, его сменяет новый, мир идет вперед.

вульгаризации немецкой критики Библии, сам не знал, сколько правды заключалось в вышеупомянутых его словах. Хотел бы я видеть старого члена Интернационала, у которого при чтении, например, так называемого второго послания Павла к коринфянам не открылись бы старые раны по крайней мере в одном отношении. Во всем послании, начиная с 8-й главы, звучит вечный и — ах! — так хорошо знакомый жалобный мотив: *les cotisations ne rentrent pas* — взносы не поступают! Как много самых ревностных пропагандистов 60-х годов многозначительно пожало бы руку автору этого послания, кто бы он ни был, приговаривая: «Так это и с тобою бывало!» Мы также можем кое-что рассказать на эту тему — наше товарищество тоже кишело коринфянами; эти непоступающие взносы, которые порхали перед нашими танталовыми взорами, никак не даваясь нам в руки, — ведь это как раз и были знаменитые «миллионы Интернационала»!

Одним из лучших наших источников о первых христианах является Лукиан из Самосаты, этот Вольтер классической древности, который относился ко всем видам религиозных суеверий одинаково скептически и у которого поэтому не было ни языческо-религиозных, ни политических оснований смотреть на христиан иначе, чем на всякую другую религиозную общину. Напротив, за их суеверия он высмеивает их всех, — поклонников Юпитера не меньше, чем поклонников Христа; с его плоско-рационалистической точки зрения и то и другое суеверие одинаково нелепо. Этот во всяком случае беспристрастный свидетель рассказывает, между прочим, историю жизни одного авантюриста, некоего Перегринна, называвшего себя Протеем, родом из Пария на Геллеспонте. Этот Перегрин в молодости начал свою карьеру в Армении с прелюбодеяния, был пойман на месте преступления и по обычаю страны должен был подвергнуться линчеванию. Счастливо спасшись бегством, он задушил в Парии своего отца и принужден был скрыться. «И тут случилось, — цитирую по переводу Шотта, — что он познал чудесное учение христиан, встречаясь в Палестине с их священнослужителями и книжниками. И в скором времени он достиг таких успехов, что его учителя оказались младенцами по сравнению с ним. Он стал и пророком, и главой общины, и руководителем молитвенных собраний, — словом, был всем, чем угодно; он толковал их писания и сам сочинял их в большом количестве, так что в нем в конце концов стали видеть высшее существо, прибегали к его помощи как законодателя и провозгласили его своим покровителем (епископом)... По этой причине (т. е. как христианин) Протей был однажды схвачен властями и посажен в тюрьму... В то время, как он был в оковах, христиане, которым его заключение представлялось великим

несчастием, пустили в ход все для его освобождения. Но это не удалось, и тогда они стали с необыкновенной заботливостью всячески за ним ухаживать. Как только, бывало, забрезжит свет, старушки, вдовы и сироты уже стояли у ворот его тюрьмы; более влиятельные христиане, подкупив тюремную стражу, проводили у него даже целые ночи; они приносили туда свою еду, читали у него свои священные книги, — словом, возлюбленный Перегрин (тогда его еще так называли) был для них по меньшей мере новым Сократом. Даже из некоторых малоазиатских городов приходили к нему посланцы от христианских общин, чтобы протянуть ему руку помощи, утешить его и замолвить за него словечко на суде. Прямо невероятно, как быстро эти люди везде оказываются тут как тут, лишь только дело коснется их общины; они не жалеют тогда ни трудов, ни издержек. Таким образом, и Перегрин получал тогда деньги со всех сторон, так что тюремное заключение стало для него хорошим источником больших доходов. Бедняги уверили себя в том, что их души и тела бессмертны и что они будут жить вечно; поэтому они относятся к смерти с презрением, а многие из них добровольно ей отдаются. К тому же их главный законодатель внушил им мысль, что все они будут братьями, как только перейдут в его веру, т. е. отрекутся от греческих богов и, поклоняясь этому распятому софисту, станут жить по его предписаниям. Поэтому они презирают все внешние блага без различия и владеют ими сообща — учение, которое они приняли на веру, без проверки и без доказательств. Так вот, когда к ним приходит ловкий мошенник, умеющий хитро пользоваться обстоятельствами, он вскоре может стать богатым человеком, посмеиваясь в бороду над этими простофилями. Впрочем, Перегрин был вновь отпущен на свободу тогдашним правителем Сирии». — После описания некоторых дальнейших его приключений далее говорится: «И вот наш муж вторично двинулся (из Пария) в скитания по стране, причем вместо всяких денег на путевые расходы он довольствовался радушием христиан, которые везде служили ему защитой и во всем его ублажали. Некоторое время кормился он таким образом. Но когда он нарушил законы христиан, — вероятно, заметили, что он ел что-то у них запрещенное, — они отлучили его от своей общины».

Как много воспоминаний юности встает предо мною при чтении этого отрывка из Лукиана! Вот прежде всего «пророк Альбрехт», который примерно с 1840 г. несколько лет в буквальном смысле слова грабил вейтлинговские коммунистические общины Швейцарии; большой, крепкий мужчина с длинной бородой, который пешком исходил всю Швейцарию в поисках слушателей для своего таинственного но-

вого евангелия спасения мира, но, впрочем, был повидимому довольно безобидным путаником; он вскоре умер. Вот его менее безобидный последователь, «доктор» Георг Кульман из Голштинии, который воспользовался тем временем, когда Вейтлинг сидел в тюрьме, чтобы обратить в *свое* евангелие общины французской Швейцарии, и делал это некоторое время с таким успехом, что переманил даже самого, пожалуй, способного, хотя и самого непутевого из них — Августа Беккера. Этот Кульман читал им лекции, изданные в 1845 г. в Женеве под названием: «Die Neue Welt oder das Reich des Geistes auf Erden. Verkündigung» [«Новый мир или царствие духа на земле. Благовестование»]. И в предисловии, составленном его последователем (вероятно, Августом Беккером), говорится:

«Не было человека, который выразил бы все наши страдания, все наши томления и надежды,— словом, все, что волнует нашу эпоху в ее сокровеннейшей глубине... Этот человек, которого ждет наша эпоха, появился. Это — доктор Георг Кульман из Голштинии. Он выступил с учением о новом мире или о царствии духа в действительности».

Незачем добавлять, что это учение о новом мире — не что иное, как самый обыкновенный чувствительный вздор, облеченный à la [в духе] Ламеннэ в полубиблейские выражения и преподнесенный с высокомерием пророка. Это не помешало добрым вейтлингианцам носить на руках этого мошенника точно так же, как азиатские христиане носили Перегринна. Они, эти крайние последователи сверхдемократизма и уравнительности, питавшие неискоренимую подозрительность ко всякому школьному учителю, журналисту, вообще не-ремесленнику, как к «ученым», желающим их эксплуатировать, они позволяли мелодраматическому кривляке Кульману внушать им, что в «новом мире» самый мудрый, т. е. Кульман, будет регулировать распределение благ, а поэтому уже теперь, в старом мире, ученики должны доставлять этому мудрейшему все блага полными пригоршнями, сами же должны довольствоваться крохами. И Перегрин-Кульман жил на славу и в полное свое удовольствие за счет общины... пока все шло гладко. Правда, так продолжалось не слишком долго; растущий ропот сомневающихся и неверующих, угроза преследований со стороны правительства кантона Ваадта положили конец «царствию духа» в Лозанне, и Кульман исчез.

Всякому, кто знал по опыту начальный период европейского рабочего движения, вспомнятся десятки подобных примеров. В настоящее время такие крайности, по крайней мере в крупных центрах, стали невозможны, но в отдаленных местностях, где движение

завоевывает новую почву, такой Перегрин в миниатюре может еще рассчитывать на временный, ограниченный успех. В рабочую партию во всех странах проникали такие элементы, которым нечего было ожидать от официального мира или которые уже сыграли в нем свою роль, — противники оспопрививания, поборники воздержания, вегетарианцы, антививисекционисты, гомеопаты, проповедники свободных общин, общины которых расклеились, составители новых теорий о происхождении мира, бесплодные или неудачливые изобретатели, жертвы действительных или мнимых несправедливостей, получившие от бюрократов прозвище «сутяжников», честные глупцы и бесчестные обманщики; такие же люди приходили к первым христианам. Все те элементы, которые высвободил, т. е. выбросил за борт, процесс разложения старого мира, один за другим попадали в сферу притяжения христианства, как единственной силы, которая противостояла этому процессу разложения — ибо сама она была его собственным необходимым продуктом — и которая поэтому сохранялась и росла, тогда как другие элементы были только мотыльками-однодневками. Не было такой фантастической мечты, глупости или прожектерства, которые не проникали бы в молодые христианские общины, не находили бы, по крайней мере в некоторых местах и на некоторое время, внимательных ушей и верующих душ. Как наши первые коммунистические рабочие общины, так и первые христиане отличались беспримерным легковерием по отношению ко всему, что соответствовало их взглядам, так что у нас нет даже уверенности в том, не затесался ли в наш Новый завет тот или иной отрывок из «большого количества писаний», составленных для христиан Перегрином.

II.

Немецкая критика Библии — единственная до сих пор научная основа наших познаний в области истории раннего христианства — имела два направления.

Одно направление — *тюбингенская школа*, к которой в более широком смысле можно причислить и Д. Ф. Штрауса. В критическом исследовании она идет настолько далеко, насколько это возможно для *теологической* школы. Она признает, что все четыре евангелия являются не рассказами очевидцев, а позднейшими переработками утерянных писаний и что из посланий, приписываемых апостолу Павлу, подлинными являются не больше четырех и т. д. Она вычеркивает из исторического повествования все чудеса и все противоречия как недопустимые; но из остального она пытается «спасти все, что можно еще спасти», и в этом очень ясно проявляется ее характер как

школы теологов. Этим она дала возможность Ренану, опирающемуся большей частью на эту школу, применяя тот же метод, «спасти» еще гораздо больше и попытаться навязать нам в качестве исторически достоверного материала, кроме большого количества по меньшей мере сомнительных рассказов из Нового завета, еще и множество других легенд о мучениках. Но уж, конечно, все то, что тюрингенская школа отвергает в Новом завете как неисторическое или подложное, можно считать для науки окончательно устранимым.

Другое направление представлено только одним человеком — *Бруно Бауэром*. Его громадная заслуга состоит не только в беспощадной критике евангелий и посланий апостолов, но еще и в том, что он первый серьезно занялся исследованием не только иудейских и греко-александрийских, но также и чисто греческих и греко-римских элементов, которые и проложили для христианства путь к превращению его в мировую религию. Легенда о христианстве, которое сразу и в готовом виде возникло из иудейства и которое из Палестины победило мир своей установленной в главных чертах догматикой и этикой, — эта легенда со времени Бруно Бауэра стала невозможной; она может еще прозябать только на теологических факультетах и среди людей, которые хотят «сохранить религию для народа», хотя бы даже в ущерб науке. Огромное влияние александрийской филоновской школы и греко-римской вульгарной философии — платоновской и в особенности стоической — на христианство, которое при Константине стало государственной религией, далеко еще не установлено во всех частностях, но наличие этого влияния доказано, и это — заслуга преимущественно Бруно Бауэра; он в основном доказал, что христианство не было ввезено извне, из Иудеи, и навязано греко-римскому миру, но что оно — по крайней мере в форме мировой религии — является характернейшим продуктом этого мира. Конечно, Бауэр, как и все, кто борется с закоренелыми предрассудками, хватил в этом деле через край. Чтобы установить на основании также и литературных документов влияние Филона и особенно Сенеки на возникающее христианство, а новозаветных писателей представить настоящими плагиаторами упомянутых философов, Бауэру пришлось отнести возникновение новой религии на полсотни лет вперед, отбросить противоположные сообщения римских историков и вообще позволять себе большие вольности в изложении истории. По его мнению, христианство как таковое возникает только при Флавиях, а новозаветная литература — только при Адриане Антонине и Марке Аврелии. Вследствие этого у Бауэра исчезает и всякая историческая почва для новозаветных сказаний о Иисусе и его учениках; эти сказания превращаются в легенды,

в которых внутренние фазы развития и духовная борьба внутри первых общин переносятся на более или менее вымышленные личности. По Бауэру, местом зарождения новой религии являются не Галилея и Иерусалим, а Александрия и Рим.

Итак, если тюрбингенская школа в нетронutom ею остатке новозаветной истории и литературы дала нам крайний максимум того, что наука в настоящее время может согласиться признать еще спорным, то Бруно Бауэр дает нам максимум того, что она может оспаривать. Между этими границами лежит действительная истина. Можно ли ее установить при нынешних данных, весьма сомнительно. Новые находки в Риме, на Востоке и прежде всего в Египте дадут здесь гораздо больше, чем какая угодно критика.

Но в Новом завете есть одна единственная книга, время написания которой можно установить с точностью до нескольких месяцев: она была, вероятно, написана между июнем 67 г. и январем или апрелем 68 г.; эта книга, таким образом, относится к самым ранним временам христианства и отражает представления тогдашних христиан с самой живой правдивостью и соответствующим идиоматическим языком; поэтому она, по моему мнению, гораздо важнее для установления подлинного существа раннего христианства, чем все остальные книги Нового завета, современный текст которых написан гораздо позднее. Эта книга — так называемое «Откровение Иоанна»; и так как эта книга, казалось самая темная во всей Библии, стала теперь, благодаря немецкой критике, самой понятной и самой ясной, то я хочу рассказать о ней моим читателям.

Стоит только бегло просмотреть эту книгу, чтобы убедиться, как был экзальтирован не только ее составитель, но и та «окружающая среда», в которой он действовал. Наше «Откровение» — явление не единственное в своем роде и в свою эпоху. Начиная со 164 г. до нашего летосчисления, когда была написана первая дошедшая до нас книга, так называемая книга Даниила, и чуть не до 250 г. нашего летосчисления, приблизительной даты «Сармен» Коммодиана, Ренан насчитывает не менее 15 дошедших до нас классических «апокалипсисов», не считая позднейших подражаний (я ссылаюсь на Ренана потому, что книга его наиболее известна и вне круга специалистов, а также легче всего доступна). Это было время, когда даже в Риме и Греции, а еще гораздо более в Малой Азии, Сирии и Египте абсолютно некритическое смешение грубейших суеверий различных народов принималось без всяких оценок и дополнялось благочестивым обманом и прямым шарлатанством; время, когда виднейшую роль играли чудеса, экстазы, видения, привидения, гадание о

будущем, изготовление золота, каббала и прочая мистическая чепуха. Такова была атмосфера, в которой возникло раннее христианство, возникло к тому же среди людей такого класса, который больше всякого другого был восприимчив к этим фантазиям о сверхъестественных вещах. Недаром же в Египте христианские гностики во втором столетии христианского летосчисления, как доказывают, между прочим, и лейденские папирусы, усердно занимались алхимией и вводили в свои учения алхимические представления. А халдейские и иудейские «математики», которые, по Тациту, дважды — при Клавдии, а затем при Вителлии — изгонялись из Рима за колдовство, занимались только такого рода геометрией, которая, как мы увидим, составляет основу «Откровения Иоанна».

К этому надо добавить еще следующее. Все апокалипсисы считают себя в праве обманывать своих читателей. Они не только, как правило, написаны совсем другими людьми, жившими большей частью гораздо позднее их мнимых составителей, как, например, книга Даниила, книга Еноха, апокалипсисы Ездры, Баруха, Иуды и др., Сивиллины книги, но они вдобавок пророчествуют по существу лишь о таких событиях, которые давно уже произошли и прекрасно известны действительному составителю. Так, составитель книги Даниила в 164 г., незадолго до смерти Антиоха Епифана, вкладывает в уста Даниила, якобы живущего в эпоху Навуходоносора, предсказание о возвышении и гибели персидской и македонской и о начале римской мировой империи, чтобы этим доказательством своей пророческой силы сделать читателя восприимчивым к заключительному пророчеству о том, что народ Израиля преодолет все страдания и в конце концов победит. Итак, если бы «Откровение Иоанна» действительно было сочинением названного в нем автора, то оно являлось бы единственным исключением из всей апокалипсической литературы.

Иоанн, выдающий себя за составителя, был во всяком случае весьма уважаемым лицом у малоазиатских христиан. Об этом свидетельствует тон посланий к 7 общинам. Возможно, стало быть, что это — апостол Иоанн, историческое существование которого, правда, не вполне достоверно, но все же очень вероятно. И если бы автором был действительно этот апостол, то это лишь подкрепило бы нашу точку зрения. Это было бы наилучшим подтверждением того, что христианство этой книги — действительно подлинное раннее христианство. Но надо попутно отметить, что «Откровение», очевидно, принадлежит не тому же автору, что Евангелие или три послания, которые тоже приписываются Иоанну.

«Откровение» состоит из ряда видений. В первом видении

появляется Христос, одетый первосвященником; он проходит между семью светильниками, представляющими 7 азиатских общин, и диктует «Иоанну» послания к семи «ангелам» этих общин. Уже в самом начале здесь резко проявляется различие между *этим* христианством и мировой религией времен Константина, формулированной Никейским собором. Святая троица не только неизвестна, она здесь невозможна. Вместо позднейшего *одного* святого духа мы имеем здесь «*семь* духов божьих», сконструированных раввинами на основании Исайи, гл. XI, ст. 2. Христос — сын божий, первый и последний, альфа и омега, но отнюдь не сам бог или равный богу; напротив, он — «начало творения божьего», стало быть, существующая от века, но подчиненная эманация бога, как и упомянутые семь духов. В гл. XV, ст. 3, мученики поют на небе «песнь Моисея, раба божия, и песнь агнца» для прославления бога. Таким образом, здесь Христос выступает не только как подчиненный богу, но даже как поставленный в известном отношении на одну ступень с Моисеем. Христос распят в Иерусалиме (XI, 8), но воскрес (I, 5, 18); он — «агнец», принесенный в жертву за грехи мира, и его кровью искуплены перед богом верующие всех племен и языков. Здесь мы находим то основное представление, благодаря которому раннее христианство могло развиваться в мировую религию. В то время всем религиям семитов и европейцев был присущ один общий взгляд, согласно которому богов, оскорбленных поступками людей, можно умилостивить жертвой; первое революционное (заимствованное у филоновской школы) основоположение христианства состояло в том, что для всех верующих одной великой добровольной жертвой посредника искуплены раз навсегда грехи всех времен и всех людей. Вследствие этого отпадала необходимость всяких дальнейших жертв, а вместе с тем отпало и основание для множества религиозных обрядов; но освобождение от обрядностей, которые затрудняли или делали невозможными сношения с иноверцами, было первым условием мировой религии. И все же обычай жертвоприношения так глубоко вкоренился в народные нравы, что католицизм, воспринявший так много языческого, счел нужным приспособиться к этому обычаю введением хотя бы символического возношения даров. — Наоборот, догмата о первородном грехе в разбираемой нами книге нет и в помине.

Но самое замечательное в этих посланиях, как и во всей книге, то, что автору никогда и нигде не приходит в голову называть себя или своих единоверцев иначе, как... *иудеями*. Сектантам в Смирне и Филадельфии, против которых он ратует, он бросает такой укор: «Они говорят, что они иудеи, но они вовсе не иудеи, они — синагога

сатаны»; о пергамских сектантах сказано, что они придерживаются учения Валаама, который учил Валака вводить в соблазн *детей Израиля*, чтобы они ели животных, приносимых в жертву идолам, и творили блуд. Итак, мы имеем здесь дело не с сознательными христианами, а с людьми, выдающими себя за иудеев; конечно, их иудейство является новой ступенью развития более раннего иудейства, но именно поэтому оно — единственно истинное. Поэтому при явлении святых перед престолом господним идут сначала 144 000 иудеев, по 12 000 от каждого колена, и только потом бесчисленная масса язычников, обращенных в это обновленное иудейство. Вот как мало сознавал еще наш автор в 69 г. христианского летосчисления, что он являлся представителем совершенно новой фазы религиозного развития, которой предстояло стать одним из самых революционных элементов в истории человеческого духа.

Итак, мы видим, что христианство того времени, еще не осознавшее само себя, было, как небо от земли, далеко от позднейшей закреплённой в догматах мировой религии Никейского собора; там оно совсем неузнаваемо. Здесь же в нем нет ни догматики, ни этики позднейшего христианства; зато здесь есть сознание того, что борьба идет со всем миром и что эта борьба увенчается победой; есть радость борьбы и уверенность в победе, совершенно утраченные современными христианами и существующие в наше время лишь на другом полюсе общества — у социалистов.

В самом деле, борьба с всесильным вначале миром и вместе с тем борьба новаторов между собою — одинаково присущи как ранним христианам, так и социалистам. Оба великих движения созданы не вождями и пророками (хотя пророков у обоих достаточно много), оба они — массовые движения. А массовые движения на первых порах по необходимости сумбурны; сумбурны в силу того, что всякое мышление масс вначале противоречиво, неясно, бессвязно; сумбурны они, однако, и в силу той роли, какую на первых порах еще играют в них пророки. Эта сумбурность выражается в образовании многочисленных сект, борющихся друг с другом по меньшей мере с такой же ожесточенностью, как и с общим внешним врагом. Так было в период раннего христианства, так было и на первых порах социалистического движения, как ни печалило это тех благомыслящих обывателей, которые проповедывали единство там, где никакого единства не могло быть.

Разве Интернационал объединялся единой догмой? Напротив. Там были коммунисты французской традиции эпохи до 1848 г., да и те тоже различных оттенков; коммунисты вейтлинговой школы, а

также и другие — из возрожденного Союза коммунистов; прудонисты, преобладавшие во Франции и Бельгии; бланкисты; германская рабочая партия; наконец, анархисты-бакунисты, на известный момент взявшие верх в Испании и Италии, — и это были только главные группы. Со времени основания Интернационала понадобилась целая четверть столетия для того, чтобы везде и окончательно произошло отделение от анархистов и могло установиться единство хотя бы по самым общим экономическим вопросам. И это при наших средствах сообщения, при железных дорогах, телеграфе, гигантских промышленных городах, при нашей прессе, при организованных народных собраниях.

Первые христиане были также расколоты на бесчисленные секты, что как раз и служило средством вызывать споры и таким образом в конце концов достигать единства. Уже в этом нашем несомненно самом древнем христианском документе мы находим этот раскол, и наш автор ополчается против него с такой же непримиримой жесточенностью, как и против всего погрязшего в грехах внешнего мира. Тут прежде всего николаиты в Эфесе и Пергаме; далее, в Смирне и Филадельфии, — те, которые говорят, что они иудеи, а представляют собою синагогу сатаны; в Пергаме — приверженцы учения лжепророка, именуемого Валаамом; в Эфесе — те, которые говорят, что они апостолы, но на самом деле — не апостолы; наконец, в Тиатире — приверженцы лжепророчицы, именуемой Иезавелью. Подробнее об этих сектах мы ничего не знаем, только о последователях Валаама и Иезавели говорится, что они ели животных, приносимых в жертву идолам, и творили блуд. Все эти пять сект пыгались изобразить как христиан-последователей Павла, а все эти послания — как послания против Павла, лжеапостола, мнимого Валаама и «Николая». Соответствующие очень мало убедительные аргументы собраны у Ренана, «Saint Paul», Paris, 1869 [«Св. Павел», Париж, 1869 г.], стр. 303—305, 367—370. Все они сводятся к попытке объяснить эти послания, исходя из Деяний апостолов и из так называемых посланий Павла, т. е. сочинений, которые, по крайней мере в их теперешнем виде, написаны по меньшей мере на 60 лет позднее «Откровения», так что имеющиеся в них соответствующие фактические данные не только крайне сомнительны, но и совершенно противоречат друг другу. Но решающим является то соображение, что нашему автору не могло притти в голову называть одну и ту же секту пятью различными именами, притом двумя — для одного Эфеса (лжеапостолы и николаиты), для Пергама — тоже двумя (валаамиты и николаиты), и притом каждый раз вполне отчетливо как две различные секты.

Нельзя, впрочем, отрицать вероятность того, что в состав этих сект входили и такие люди, которых теперь называли бы последователями Павла.

В обоих случаях, где автор входит в подробности, его обвинение сводится к тому, что едят животных, приносимых в жертву идолам, и творят блуд, — два пункта, относительно которых иудеи — как древние, так и христианские — вели вечный спор с перешедшими в иудейство язычниками. Мясо языческих жертв не только подавалось на трапезах, где отказываться от угощения было непристойно, могло даже стать опасным, но продавалось также на общественных рынках, где не всегда можно было разобрать, кошерное оно или нет. Под блудом те же иудеи понимали не только внебрачные половые сношения, но и запрещенный иудейским законом брак между лицами, состоящими в известной степени родства, а также брак между иудеями и язычниками; такой именно смысл обыкновенно приписывают этому слову в гл. XV, ст. 20 и 29 Деяний апостолов. Но у нашего Иоанна есть свой взгляд и на те половые сношения, которые разрешены правоверным иудеям. В гл. XIV, ст. 4, он говорит о 144 000 иудеев на небесах: «Это те, которые не осквернили себя с женщинами, ибо они девственники». И в самом деле, на небесах нашего Иоанна нет ни одной женщины. Он принадлежит, стало быть, к тому течению, часто встречающемуся и в других писаниях раннего христианства, которое считало половые сношения вообще греховными. И если мы примем еще во внимание, что Рим он называет великой блудницей, с которой творили блуд цари земли, пьянея от вина ее блуда, и что купцы римские богатеют от ее великого распутства, то мы никак не сможем брать в посланиях вышеуказанное слово в том узком смысле, который теологи-апологеты хотели бы ему придать, чтобы таким способом выпискать подтверждение для других мест из Нового завета. Напротив, эти места посланий ясно указывают на явление, общее всем эпохам глубоких потрясений, а именно, что наряду со всеми другими преградами расшатываются и традиционные узы половых связей. Впервые века христианства наряду с аскетизмом, умерщвляющим плоть, довольно часто выступает также тенденция распространить христианскую свободу и на более или менее неограниченную свободу сношений между мужчиной и женщиной. Так же обстояло дело и в современном социалистическом движении. Какой невероятный ужас вызвала в 30-х годах в тогдашней Германии, этой «благонравной детской», сен-симонистская «*rehabilitation de la chair*» [«реабилитация плоти»], которая в немецком переводе превратилась в «восстановление прав плоти»! Но больше всего пришли в ужас те господствовавшие тогда благородные сословия (классов у нас тогда еще не было), которые не могли жить ни

в Берлине, ни в своих имениях, не восстанавливая постоянно прав своей плоти! Что, если бы эти добрые люди знали еще и Фурье, который предусматривал для плоти и не такие вольности! По мере того, как был преодолен утопизм, эти сумасбродства уступили место более рациональным и в действительности гораздо более радикальным понятиям; и с тех пор как Германия из «благонравной детской» Гейне развилась в центр социалистического движения, — над лицемерным негодованием благонравного высшего света стали только посмеиваться.

Таково все содержание догматов посланий. Что касается всего прочего, то они побуждают товарищей к ревностной пропаганде, к смелому и гордому исповеданию своей веры пред лицом противника, к неустанной борьбе с внутренними и внешними врагами, — и, поскольку речь идет об этом, они с таким же успехом могли бы быть написаны каким-нибудь пророчески настроенным энтузиастом из Интернационала.

III.

Послания являются только вступлением к подлинной теме обращения нашего Иоанна к семи малоазиатским общинам, а через них и к остальному реформированному иудейству 69 г., из которого позднее развилось христианство. И здесь-то мы вступаем в святую святых раннего христианства.

Из каких людей вербовались первые христиане? Преимущественно из «страждущих и обремененных», принадлежавших к низшим слоям народа, как и подобает революционному течению. А из кого состояли эти последние? В городах — из опустившихся свободных, людей из всяческих слоев народа, подобных *mean whites* [белым из низов] южных рабовладельческих штатов, или европейским бродягам, или авантюристам колониальных и китайских портов, затем из вольноотпущенников и главным образом из рабов; в латифундиях Италии, Сицилии, Африки — из рабов; в сельских округах провинций — из мелких крестьян, все более и более попадавших в долговую кабалу. Никакого общего пути к освобождению всех этих элементов абсолютно не было. Для них всех утраченный ими рай лежал позади; для пришедших в упадок свободных это был прежний «полис», одновременно и город и государство, в котором их предки были некогда свободными гражданами; для военнопленных рабов — свободная жизнь до порабощения и пленения; для мелких крестьян — уничтоженный родовой строй и общность владения землей. Все это смел с лица земли нивелирующий железный кулак римского завоевателя. Самыми крупными общественными группами, которых достигла античность, были племя и союз родственных племен; у варваров они были организованы

по родовым связям, а у греков и италиков, созидавших города, — в городах [polis], охватывавших одно или несколько родственных племен. Филипп и Александр придали эллинскому полуострову политическое единство, но этим еще не была создана греческая нация. Нации стали возможны только в результате падения римского мирового господства. Это господство раз навсегда положило конец мелким союзам; военная сила, римское судопроизводство, римский податный аппарат совершенно разложили традиционную внутреннюю организацию. К потере независимости и собственной организации прибавился грубый грабеж со стороны военных и гражданских властей, которые сперва отнимали у покоренных их сокровища, а затем отдавали их им же взаймы за ростовщические проценты, чтобы дать им возможность выплачивать новые поборы. Налоговое бремя и вызванная им нужда в деньгах в районах чистого или преобладающего натурального хозяйства все глубже ввергали крестьян в кабальную зависимость от ростовщиков, порождали крупные имущественные различия, обогащали богатых, доводили до полной нищеты бедных. А всякое сопротивление отдельных мелких племен или городов гигантской римской мировой державе было безнадежно. Где же был выход, где было спасение для поработанных, угнетенных и обнищавших — выход, общий для всех этих различных групп людей с чуждыми или даже противоположными друг другу интересами? И все же найти такой выход было необходимо, чтобы одно великое революционное движение охватило их всех.

Такой выход нашелся. Но не в этом мире. При тогдашнем положении вещей выход мог быть лишь в области религии. И тогда открылся иной мир. Дальнейшее существование души после смерти тела постепенно вошло везде в римском мире в общепринятый символ веры. Точно так же все более и более общепризнанным становилось то, что умершие души ждет некая награда или кара за их поступки на земле. Впрочем, насчет награды дело было не совсем надежно; древние были слишком стихийно материалистичны, чтобы не ценить земную жизнь бесконечно выше царства теней; у греков загробная жизнь считалась скорее несчастьем. Но вот явилось христианство, отнеслось по-серьезному к наградам и карам в потустороннем мире, создало небо и ад, и был найден выход, который вел страждущих и обремененных из нашей земной юдоли прямо в вечный рай. И в самом деле, только надеждой на награду в том мире возможно было поднять отречение от мира и аскетизм стойко-филоновского учения до степени этического принципа новой мировой религии, способной увлечь угнетенные народные массы.

Но этот небесный рай вовсе не открывается для верующих прямо со смертью. Мы увидим, что царство божие, столица которого — Но-

вый Иерусалим, завоевывается и раскрывается только после ожесточенной борьбы с силами ада. Однако в представлении первых христиан эта борьба была не за горами. Наш Иоанн в самом начале характеризует свою книгу как откровение того, «чему надлежит быть *скоро*»; вслед за этим, в стихе 3-м, он возвещает: «Блажен, кто читает слова пророчества и внемлет им, ибо *время близко*»; Христос велит написать общине в Филадельфии: «Смотри, се грядущи *скоро*». А в последней главе ангел говорит, что он указал Иоанну то, «что должно *скоро* произойти», и повелевает ему: «Не запечатывай слов пророчества книги сей, ибо время *близко*», и Христос сам говорит дважды (ст. 12 и ст. 20): «Грядущи *скоро*». Дальше мы увидим, как скоро ожидалось это пришествие.

Апокалипсические видения, которые затем раскрывает перед нами автор, сплошь и большей частью буквально заимствованы из более ранних образцов. Заимствованы частью из классических пророков Ветхого завета, особенно из Иезекииля, частью — из позднейших иудейских апокалипсисов, составленных по образцу книги Даниила, в особенности из книги Еноха, тогда уже написанной, по крайней мере частично. Критика детальнейшим образом установила, откуда заимствовал наш Иоанн каждую картину, каждое грозное предзнаменование, каждое бедствие, ниспосланное неверующему человечеству, — словом, весь материал своей книги; так что Иоанн не только обнаруживает чрезвычайную бездарность, но и явно показывает, что он даже в воображении не переживал своих мнимых экстазов и видений так, как он их описывает.

Последовательность этих видений вкратце такова. Сначала Иоанн видит бога, сидящего на своем престоле, держа в руке книгу, запечатанную 7 печатями, а перед ним — закланного, но ожившего агнца (Христа), который признается достойным снять печати. При их снятии происходят всяческие грозные чудесные знамения. При снятии пятой печати Иоанн видит под алтарем бога души христианских мучеников, убиенных за слово божие, и они возглашали громко: «Доколе, владыка, не судишь и не отмстишь за кровь нашу живущим на земле?» После этого им дают белые одежды и уговаривают их подождать еще немного, так как нужно, чтобы было убито еще больше мучеников. — Итак, здесь еще нет ни слова о «религии любви», не говорится: «Любите врагов своих, благословляйте ненавидящих вас» и т. д.; здесь проповедуется неприкрытая месть, здоровая, честная месть гонителям христиан. И так это во всей книге. Чем ближе подходит кризис, чем чаще сыплются с неба бедствия и наказания, тем с большей радостью сообщает наш Иоанн, что огромная масса людей все еще не хочет покаяться в своих грехах, что вновь должны еще свистеть над ними бичи

божии, что Христос должен пасти этих людей железным жезлом и топтать в точиле лютого гнева господя вседержителя, но что безбожники все же будут упорствовать в сердцах своих. Это — естественное, свободное от всякого ханжества ощущение того, что идет бой и что *à la guerre comme à la guerre* [на войне, как на войне]. — При снятии седьмой печати появляются 7 ангелов с трубами; каждый раз, как один из них вострубит, появляются новые страшные знамения. После седьмого трубного гласа выходят на сцену новые 7 ангелов с 7 чашами гнева господня, которые изливаются на землю; опять новые бедствия и кары, по существу большей частью утомительное повторение уже много раз сказанного. Потом появляется женщина-Вавилон, великая блудница, сидящая на водах в алой одежде, пьяная от крови святых и мучеников иисусовых; это — великий город о семи холмах, господствующий над всеми царями земли. Она сидит на звере с 7 головами и 10 рогами. 7 голов представляют 7 холмов, а также и 7 «царей». Из этих царей пятеро пали, один существует, а седьмой еще придет, а после него еще придет один из первых пяти, смертельно раненый, но исцеленный. Последний будет царствовать на земле 42 месяца, или $3\frac{1}{2}$ года (половину годовой недели из 7 лет), будет насмерть преследовать верующих, и воцарится безбожие. Но затем последует великий решительный бой; святые и мученики будут отомщены разрушением великой блудницы-Вавилона и всех ее приверженцев, т. е. огромной массы людей; дьявол будет низвергнут в бездну и заключен там на тысячу лет, в течение которых восцарствует Христос вместе с воскресшими из мертвых мучениками. Но по истечении тысячи лет дьявол опять освободится, и будет новое великое сражение духов, в котором он будет окончательно побежден. Тогда произойдет второе воскресение мертвых, когда и остальные мертвые проснутся и предстанут перед судилищем бога (заметьте — бога, а не Христа!), и верующие вступят в новое небо, на новую землю и в Новый Иерусалим для жизни вечной.

Все это построено исключительно из иудейско-дохристианского материала, а потому дает почти только чисто иудейские представления. С тех пор как для народа Израиля наступили в этом мире тяжелые времена, — начиная с дани ассирийцам и вавилонянам, разрушения обоих царств, Израиля и Иудеи, и вплоть до селевкидского порабощения, следовательно от Исаии до Даниила, — всякий раз во время бедствия предсказывается появление спасителя. Уже у Даниила, гл. XII, ст. 1—3, мы находим предсказание о сошествии Михаила, ангела-хранителя иудеев, который спасет их от великого бедствия; из мертвых многие воскреснут, произойдет своего рода

страшный суд, и учителя, наставлявшие народ на правый путь, будут вечно сиять, как звезды. Христианский характер носит только подчеркивание скорого наступления царства Христа и славы воскресших верующих, главным образом мучеников.

Объяснением этого предсказания, поскольку оно относится к событиям того времени, мы обязаны немецкой критике, особенно Эвальду, Люкке и Фердинанду Бенари. При помощи Ренана это объяснение стало доступно также и небогословским кругам. Что великая блудница-Вавилон обозначает Рим, — город на 7 холмах, — это мы уже видели. О звере, на котором она сидит, в гл. XVII, ст. 9—11, сказано следующее: «7 голов (зверя) суть 7 гор, на которых сидит женщина, и 7 царей; из них 5 пали, один существует, а другой еще не пришел, и когда он придет, ему быть не долго. И зверь, который был и которого нет, есть восьмой, и он из числа 7 и пойдет на погибель».

Здесь зверь означает римское мировое владычество, представляемое последовательно 7 императорами, из которых один был смертельно ранен и больше не царствует, но исцелен и возвратится, чтобы в качестве восьмого осуществить царство святотатства и богоотступничества. Ему будет дано «вести войну со святыми и преодолеть их, и поклонятся зверю все живущие на земле, имена которых не написаны в книге жизни у агнца; всем, великим и малым, богатым и бедным, свободным и рабам, положено будет носить начертание зверя на правой руке или на челе, и никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме тех, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. Здесь заключается мудрость. Кто имеет ум, сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его 666» (гл. XIII, ст. 7—18).

Мы лишь констатируем, что здесь, таким образом, упоминается бойкот как одно из средств, применявшихся против христиан со стороны римской мировой державы (стало быть, ясно, что это — изобретение дьявола), и переходим к вопросу, кто же этот римский император, который уже раз господствовал, был смертельно ранен и исчез, но вернется как восьмой по порядку и будет играть роль антихриста.

Считая Августа первым по порядку, вторым мы будем иметь Тиберия, третьим — Калигулу, четвертым — Клавдия, пятым — Нерона, шестым — Гальбу. «Пять пали, один существует». То-есть Нерон уже пал, а Гальба существует. Гальба правил с 9 июня 68 г. до 15 января 69 г. Но вслед за его восшествием на трон возмутились рейнские легионы под начальством Вителлия, между тем как в других провинциях военные бунты готовились другими полководцами. В самом Риме возмутились преторианцы, убили Гальбу и провозгласили императором Отона.

Из этого можно заключить, что наше «Откровение» было написано при Гальбе — вероятно, в конце его правления или же, самое позднее, во время трехмесячного (до 15 апреля 69 г.) правления Отона, «седьмого». Но кто же восьмой, который был и которого нет? Это нам выяснит число 666.

У семитов — халдеев и иудеев — было тогда в ходу магическое искусство, которое основывалось на двойственном значении букв. Приблизительно за 300 лет до нашего летосчисления еврейские буквы употреблялись также в качестве чисел: $a = 1$; $b = 2$; $g = 3$; $d = 4$ и т. д. Каббалистические предсказатели подсчитывали сумму цифровых значений букв какого-либо имени и по этой сумме пытались пророчествовать; например, составляя слова или словосочетания с тем же цифровым значением, делали для носителя этого имени выводы относительно его будущего. На том же языке чисел выражались также тайные слова и т. п. Это искусство называли греческим словом *gematria*, геометрия; халдеи, которые усердно этим занимались и были прозваны Тацитом *mathematici*, при Клавдии, а затем снова при Вителлине были изгнаны из Рима, вероятно за «грубое бесчинство».

Число 666 также возникло посредством такой же математики. За ним скрывается имя одного из первых пяти римских императоров. Но Ириней в конце второго столетия знал кроме числа 666 еще вариант — 616, появившийся в то время, когда, во всяком случае, многим была еще известна загадка этого числа. Если искомое решение подойдет одинаково к обоим этим числам, то оно тем самым будет проверено.

Это решение дано Фердинандом Бенари в Берлине. Имя это — Нерон. Число основано на נרון קסר (*Neron Kesar*), т. е. на подтверждаемом талмудом и пальмирскими надписями еврейском начертании греческих слов *Nerôn Kaisar*, «император Нерон», — слов, которые были выбиты в виде надписи на нероновских монетах в восточной половине империи. Именно: н (нун) = 50; р (реш) = 200; в (вов) вместо «о» = 6; н (нун) = 50; к (коф) = 100; с (самех) = 60; и р (реш) = 200; в итоге = 666. Если же мы примем за основу латинское начертание *Nero Caesar*, то выпадает второе нун = 50, и мы получаем $666 - 50 = 616$, т. е. вариант Иринея.

Действительно, при Гальбе всю Римскую империю охватила внешнезападная смута. Сам Гальба шел на Рим во главе испанских и галльских легионов, чтобы свергнуть Нерона; последний бежал и приказал одному вольноотпущеннику убить себя. Но против Гальбы были в заговоре не только преторианцы в Риме, но и правители провинций; везде появлялись новые претенденты на трон, готовившиеся итти со

своими легионами на столицу. Империя, казалось, была отдана во власть внутренней войны, приближалось, казалось, ее падение. Ко всему этому как раз на Востоке распространился слух, что Нерон не умер, а только ранен, бежал к парфянам и вернется с войсками из-за Евфрата, чтобы начать новое, еще более кровавое и страшное правление. Ахайя и Азия были особенно напуганы этими известиями. И как раз около того времени, когда было повидимому написано «Откровение», появился лже-Нерон, который с довольно многочисленными приверженцами обосновался поблизости Патмоса и Малой Азии, на острове Китносе в Эгейском море (на нынешней Термии), пока — еще при Отоне — он не был убит. Что же удивительного, что среди христиан, на которых Нерон направил первое серьезное гонение, распространился взгляд, что он вернется снова как антихрист и что его возвращение и неизбежно связанная с этим решительная попытка кровавого истребления новой секты является предзнаменованием и прологом к новому пришествию Христа, к великой победоносной битве с силами ада, к «скорому» достижению тысячелетнего царства, уверенность в пришествии которого позволяла мученикам радостно идти на смерть?

Христианская и находящаяся под влиянием христианства литература первых двух столетий дает достаточно указаний на то, что тайна числа 666 была тогда известна многим. Ириней, правда, этой тайны уже не знал, но он, как и другие люди конца третьего столетия, знал, что под апокалипсическим зверем подразумевается возвращающийся на престол Нерон. Затем теряется и этот след, и произведение наше подвергается фантастическим толкованиям правоверных прорицателей будущего; в детстве я тоже знал еще стариков, ожидавших вслед за старым Иоанном-Альбрехтом Бенгелем гибели мира и страшного суда в 1836 г. Это пророчество сбылось, и как раз год в год. Но только страшный суд разразился не над грешным миром, а над самими благочестивыми толкователями «Откровения». Ибо в 1836 г. Ф. Бенари дал ключ к числу 666 и тем положил страшный конец всяким пророческим вычислениям, всей этой новой gematriah.

Относительно царства небесного, предстоящего верующим, наш Иоанн может дать лишь самое внешнее описание. Новый Иерусалим довольно велик, по крайней мере по понятиям того времени; он занимает квадрат, каждая сторона которого равна 12 тысячам стадий = 2 227 км., стало быть, его площадь равна почти 5 миллионам кв. км., больше половины Соединенных Штатов Америки; построен он из чистого золота и драгоценных камней. Там живет бог среди верных

ему, он светит им вместо солнца, и там нет ни смерти, ни скорби, ни страданий; поток животворной воды протекает через город, и на берегах его растут деревья жизни с плодами 12 сортов, каждый месяц вновь созревающими; листья же «служат здоровьем народов». По мнению Ренана, это — вид лечебного чая (см. «L'Antechrist», p. 542). Святые живут там вечно.

Таково было христианство, насколько оно нам известно, в Малой Азии, его главной резиденции около 68 г. Никакого следа святой троицы — наоборот, старый единый и неделимый Иегова позднего иудейства, развившийся из иудейского национального божества во всеединого владыку неба и земли, который господствует над всеми народами, сулит милость обращенным и безжалостно сокрушает непокорных, верный античному правилу: *pacere subjectis ac debellare superbos* [щадить покорных и вести войну с надменными]. Поэтому на страшном суде восседает сам этот бог, а не Христос, как изображают позднейшие евангелия и послания. Согласно персидскому учению об эманации, усвоенному поздним иудейством, Христос-агнец изначально происходит от бога, от него же происходят — но стоят по рангу ниже — и «7 духов божиих», обязанных своим существованием ложному истолкованию одного из поэтических образов Исаяи (гл. XI, ст. 2). Все они — не бог, не равны богу, а подчинены ему. Агнец сам приносит себя в искупительную жертву за грехи мира и за это получает на небе значительное повышение; ибо эта его добровольная смерть в качестве жертвы засчитывается ему во всей книге как исключительный подвиг, а не как нечто, необходимо вытекающее из глубины его внутреннего существа. Само собою разумеется, что имеется налицо и весь небесный придворный штат: старейшины, херувимы, ангелы и святые. Чтобы стать религией, монотеизм испокон века должен был делать уступки политеизму, начиная уже с Зендавесты. У иудеев уклонение к языческим чувственным богам продолжается хронически, а после изгнания небесный придворный штат, по персидскому образцу, еще более приспособляет религию к народной фантазии. И даже христианство, уже заменившее вечно равного себе неподвижного иудейского бога внутренне дифференцированным, таинственным триединым божеством, могло вытеснить у народных масс культ старых богов только посредством культа святых; так, по словам Фальмерайера, культ Юпитера исчез на Пелопоннесе, в Майне, в Аркадии лишь около IX столетия («Geschichte der Halbinsel Morea» [«История полуострова Мореи»], В. I, p. 227). Лишь современная буржуазная эпоха с ее протестантизмом снова устраняет святых и принимает, наконец, дифференцированный монотеизм всерьез.

Столь же мало известно нашему писанию учение о первородном грехе и об очищении верой. Вера этих воинствующих первых общин совсем не похожа на веру позднейшей торжествующей церкви. Наряду с искупительной жертвой агнца ее важнейшим содержанием являются близкое второе пришествие Христа и грядущее скоро тысячелетнее царство, и вера эта испытывается только в деятельной пропаганде, в неустанной борьбе с внешними и внутренними врагами, в горделивом признании своей революционной точки зрения пред лицом языческих судей, в готовности принять мученическую смерть ради грядущей победы.

Мы видели, что наш автор совсем еще не знает, что он — нечто иное, чем иудей. В связи с этим во всей книге нет нигде ни слова о крещении, да и многое другое убеждает нас в том, что крещение является институтом второго периода христианства. 144 тысячи верующих иудеев подверглись «наложению печатей», а не крещению. О святых на небе и верующих на земле говорится, что они смыли с себя грехи и свои белые одежды омыли кровью агнца и сделали их светлыми; о святой купели нет и речи. Оба пророка, предшествующие появлению антихриста (гл. XI), тоже никого не подвергают крещению, и, согласно гл. XIX, ст. 10, знамение Иисуса — не крещение, а дух пророчества. Во всех этих случаях было бы естественно упомянуть о крещении, если бы оно тогда уже применялось; поэтому мы можем почти с абсолютной достоверностью заключить, что наш автор не знал крещения, что оно появилось лишь тогда, когда христиане окончательно отделились от иудеев.

Столь же мало знает автор о втором, более позднем таинстве — причащении. Если в лютеранском тексте Христос обещает каждому твердому в вере тиатирцу притти к нему и совершить с ним тайную вечерю, то это лишь вводит в заблуждение. В греческом тексте стоит *deirpêô* — я отужинаю (с ним), и английская Библия совершенно верно передает это словами: «I shall *sup* with him». О тайной вечере даже как о простой поминальной трапезе здесь абсолютно нет и речи.

В том, что наша книга с ее столь своеобразно установленной датой — 68 или 69 г. — является самой старой из всей христианской литературы, не может быть сомнения. Нет ни одной другой, которая была бы написана таким варварским языком, кишачим гебраизмами, невозможными конструкциями и грамматическими ошибками. Так, в гл. I, ст. 4, сказано дословно следующее: «Благодать вам и мир от сущий и от был и от грядущий». Что евангелия и «Деяния апостолов» — поздние обработки теперь утерянных писаний, слабое историческое ядро которых в настоящее время уже стало неузнаваемым под

легендарным покровом; что даже два так называемых «подлинных» (по Бруно Бауэру) послания апостолов являются или более поздними писаниями, или в лучшем случае измененными посредством вставок и добавлений обработками старых произведений неизвестных авторов, — это в настоящее время могут еще отрицать только профессиональные теологи или другие заинтересованные историки. Тем важнее то обстоятельство, что здесь мы имеем книгу, время написания которой установлено с точностью до нескольких месяцев, — книгу, показывающую нам христианство в его самой неразвитой форме, в такой форме, в которой оно имеет такое же отношение к государственной религии IV столетия, с ее разработанной догматикой и мифологией, какое неустойчивая еще мифология германцев времен Тацита имеет к учению о богах Эдды, образовавшемуся под влиянием христианских и античных элементов. Конечно, зародыш мировой религии здесь есть, но этот зародыш еще в одинаковой степени заключает в себе все те тысячи возможностей развития, какие потом осуществились в бесчисленных позднейших сектах. И этот древнейший памятник из эпохи становления христианства для нас особенно важен именно потому, что он дает нам в чистой форме то, что иудейство — под сильным александрийским влиянием — внесло в христианство. Все позднейшее является западной, греко-римской примесью. Только при посредстве монотеистической иудейской религии просвещенный монотеизм позднейшей греческой вульгарной философии мог принять ту религиозную форму, в которой он только и мог увлечь массы. Но как только это посредничество совершилось, он мог стать мировой религией лишь в греко-римском мире, развивая далее выработанный этим миром круг идей и сливаясь с ним.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ИТАЛИИ.

[ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ СИЦИЛИЙСКОГО ЖУРНАЛА «RISCOSSA»].

Привет и многая лета органу рабочих Сицилии, только что вернувшемуся к жизни! ¹

Природа создала из Сицилии земной рай. Этого было достаточно, чтобы человеческое общество, разделенное на противоположные классы, превратило ее в ад.

Греко-римский древний мир наделил Сицилию рабством для эксплуатации крупных (земельных) поместий и рудников.

Средние века заменили рабство крепостничеством и феодальными порядками.

Современная (капиталистическая) эпоха, претендующая на то, что она разбила эти оковы, на самом деле только изменила их форму. Она не только сохранила в сущности рабство, но и добавила к нему новую форму эксплуатации, самую жестокую, самую безжалостную из всех, — эксплуатацию капиталистическую.

Древне-греческие поэты ² Сицилии, Феокрит и Мосх, воспевали идиллическую жизнь пастухов-рабов, своих современников. Это были несомненно лишь красивые ³ поэтические грезы. Но найдется ли сейчас поэт, достаточно смелый, чтоб воспеть идиллическую жизнь «свободных» (крестьян) работников современной Сицилии? Разве крестьяне ⁴ не были бы счастливы, если бы могли обрабатывать свои фермы хотя бы на тяжких условиях римского полоничества? Вот к чему привел капиталистический строй: свободные люди вздыхают по прежней неволе.

Но пусть они не теряют бодрости. Для угнетенных классов всех стран занимается заря нового, лучшего общества (без эксплуатации

¹ В итальянском тексте первая фраза гласит: «Привет и многая лета вашему журналу, органу рабочих Сицилии, привет вашей партии, которая реорганизуется!» *Ред.*

² В итальянском тексте: «античные поэты». *Ред.*

³ В итальянском тексте слово «красивые» выпущено. *Ред.*

⁴ В итальянском тексте: «крестьяне этого острова». *Ред.*

человека человеком). И повсюду угнетенные смыкают свои ряды, повсюду они действуют заодно, вопреки границам, вопреки различию языков. Формируется армия всемирного пролетариата, и наступающий новый век приведет ее к победе.

26 сентября 1894 г.

*Перевод с рукописи Энгельса, на французском языке, хранящейся в архиве
ИМЭЛ.*

*Напечатана на итальянском языке в журнале «Riscossa», Palermo, 30 июня 1895 г., под заглавием:
«Последнее слово Италии».*

Подпись: Ф. Энгельс.

СОЦИАЛИЗМ МЕЖДУНАРОДНЫЙ И СОЦИАЛИЗМ ИТАЛЬЯНСКИЙ.

[ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «СВЕТСА СОЦАЛЕ»]

В тот момент, когда молодая итальянская социалистическая партия подвергается ударам жесточайшей правительственной реакции, наш долг, долг заальпийских социалистов, попытаться оказать ей помощь. Мы ничего не можем поделать против роспуска секций в обществ. Но, может быть, не совсем бесполезным будет наше свидетельство пред лицом гнусной и бесстыдной клеветы официозной и продажной печати.

Эта печать бросает итальянским социалистам упрек в том, что они нарочно притворялись, будто ведут марксистскую пропаганду в подражание немецким социалистам¹, чтобы скрыть под этой лживой маской совсем другую политику, политику, провозглашающую классовую борьбу (которая привела бы нас к средневековью) и стремящуюся к созданию политической партии, цель которой — завоевать государственную власть; между тем социалистические партии других стран, и в особенности немцы, не занимаются политикой, вовсе не нападают на существующую форму правления, словом — являются всего лишь безобидными добрыми малыми, над которыми можно поиздеваться.

Если здесь над кем-нибудь издеваются, то над итальянской публикой. Ей не смели бы преподносить подобные глупости, если бы не считали, что она решительно ничего не знает о том, что происходит за границей. Если итальянские социалисты провозглашают классовую борьбу как факт, господствующий в том обществе, в котором мы живем, если они образуют политическую партию, стремящуюся завоевать политическую власть и руководить национальными делами, то они ведут марксистскую пропаганду в самом точном смысле слова; они строго придерживаются линии, указанной в «Манифесте коммунистической партии», опубликованном Марксом и мною в 1848 г.; они действуют точно так же, как действуют социалистические

¹ Слова «в подражание немецким социалистам» в итальянском тексте выпущены. *Ред.*

партии Франции, Бельгии, Швейцарии, Испании и прежде всего — Германии. Среди этих партий нет ни одной, которая не стремилась бы к завоеванию политической власти, как стремятся к этому и другие партии, консервативные, либеральные, республиканские и прочие.

Что же касается классовой борьбы, то она приводит нас не только к средневековью, но и к внутренним столкновениям античных республик — Афин, Спарты, Рима. Все эти столкновения были классовой борьбой. Всякое общество состоит из различных классов с враждебными друг другу интересами ¹. Со времени распада первобытных общин борьба различных классов, из которых состоят все общества, всегда являлась великой движущей силой исторического прогресса. Эта борьба исчезнет лишь с исчезновением самих классов, т. е. после победы социализма. А до тех пор противоположные классы² будут попрежнему бороться между собою, что бы ни говорила официальная итальянская печать.

К тому же Италия проходит³ через то самое испытание, через которое социалистическая⁴ Германия прошла за двенадцать лет исключительных законов. Немцы победили Бисмарка; итальянцы справятся с Криспи ⁵.

Лондон, 27 октября 1894 г.

Перевод с рукописи Энгельса, на французском языке, хранящейся в архиве ИМЭЛ.

Напечатана на итальянском языке в журнале «Critica Sociale», № 21, 1 ноября 1894 г.

Подпись: Фридрих Энгельс.

¹ Эта фраза в итальянском тексте выпущена. *Ред.*

² В итальянском тексте добавлено: «— пролетариат, буржуазия, земледельческая внадь —». *Ред.*

³ В итальянском тексте добавлено: «в настоящий момент». *Ред.*

⁴ В итальянском тексте слово «социалистическая» выпущено. *Ред.*

⁵ В итальянском тексте: «Германия победила Бисмарка; социалистическая Италия справится с Криспи». *Ред.*

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «VORWÄRTS».

[К ПРЕНИЯМ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ.]

По сообщениям партийной печати, товарищ Фольмар, выступив 25 октября на Франкфуртском партийном съезде в прениях по аграрному вопросу, сослался на резолюции съезда французских социалистов в Нанте, «*встретившие прямое одобрение Фридриха Энгельса*». Согласно «Vorwärts» от 10 ноября, эти слова уже распространяются и враждебной нам печатью.

Я вынужден поэтому заявить, что это — *ошибка* и что Фольмар, по видимому, имеет относительно меня совершенно неверные сведения.

Насколько мне помнится, я посылал во Францию в связи с нантской программой только два сообщения.

Первое, сделанное *до* съезда, в ответ на запрос одного французского товарища, сводилось к следующему. Развитие капитализма бесповоротно уничтожает мелкое крестьянское землевладение. Наша партия отдает себе в этом вполне ясный отчет, но у нее нет решительно никаких оснований собственным вмешательством еще более ускорять этот процесс. Поэтому против правильно намеченных мер, имеющих целью сделать для мелких крестьян их неизбежную гибель менее болезненной, принципиально ничего возразить нельзя; но если идут дальше, если желают навеки сохранить мелкого крестьянина, то тут уж, по-моему, стремятся к экономически невозможному, жертвуют принципом, впадают в реакционность.

Во втором заявлении, *после* съезда, я ограничился предположением, что в кругу социалистов наши французские друзья останутся одинокими в своей попытке увековечить не только мелкого крестьянина-собственника, но и мелкого арендатора, эксплуатирующего чужой труд. Итак, поскольку я вообще высказывался по этому вопросу, я утверждал как раз обратное тому, что сообщали Фольмару.

Но раз меня уж впутали в это дело, я едва ли из него выпутаюсь, не высказав с большей определенностью свои взгляды. Поэтому я предполагаю дать в «Neue Zeit» небольшую статью с изложением и обоснованием моей точки зрения.

Лондон, 12 ноября 1894 г.

Напечатано в «Vorwärts», № 268

от 16 ноября 1894 г.

Подпись: Ф. Энгельс.

О IV ТОМЕ «КАПИТАЛА» МАРКСА.

В сообщении на эту тему, опубликованном «Vorwärts», сказано, что от издания IV тома, который должен содержать историю теории, следует отказаться, так как, «за исключением нескольких замечаний, не найдено никаких предварительных работ для заключительного тома его произведения». — Мы полагаем, что «Vorwärts» здесь каким-то образом впал в заблуждение. По крайней мере Фр. Энгельс в предисловии ко II тому «Капитала» дает нам несколько более обнадеживающие сведения. По этим сведениям, имеется относящаяся к 1861—1863 гг. рукопись: «К критике политической экономии», составляющая 1473 страницы в четвертую долю листа; на стр. 220—972 имеется отдел: «Теории прибавочной стоимости», о котором Энгельс говорит: «Этот отдел содержит *подробную критическую историю* центрального пункта политической экономии, теории прибавочной стоимости... Я оставляю за собой *опубликование* критической части этой рукописи *в виде IV книги «Капитала»*, причем из нее будут устранены многочисленные места, исчерпанные уже в книге II и III»¹.

Напечатана в «Die Neue Zeit», Jg. XIII,
1894, В. I., Н. 9, без подписи².

¹ См. Сочинения, т. XVIII, стр. 2. *Ред.*

² См. письмо Энгельса — Каутскому от 24 ноября 1894 г.: «Не можешь ли ты при случае напечатать прилагаемую заметку, с тем, чтобы не было заметно, что она исходит от меня. Я не могу дать это сообщение в «Vorwärts», там Либкнехт снова подлил бы соусу, а пропустить это так я тоже не могу». *Ред.*

Фридрих Энгельс
**КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС
ВО ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ**

*Напечатана в журнале «Die Neue
Zeits», Jg. XIII, 1894, В. I., Н. 10:*

Подпись: Фридрих Энгельс.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС ВО ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ.

Буржуазные и реакционные партии крайне удивляются тому, что в настоящее время внезапно у социалистов встал повсюду на очередь крестьянский вопрос. Им следовало бы собственно удивляться тому, что это не произошло уже давно. От Ирландии до Сицилии, от Андалузии до России и Болгарии крестьянин является весьма существенным фактором населения, производства и политической силы. Исключения составляют только две области Западной Европы. В Великобритании в собственном смысле этого термина крупное землевладение и крупное земледелие совершенно вытеснили живущего своим хозяйством крестьянина; в остальбской Пруссии происходит в течение уже нескольких столетий тот же самый процесс, и здесь также крестьянин все более и более «устраняется» или, по крайней мере, отодвигается на задний план в экономическом и политическом отношении.

В качестве фактора политической силы крестьянин до сих пор проявляет себя в большинстве случаев только своей апатией, которая коренится в изолированности деревенской жизни. Эта апатия широкой массы населения есть сильнейшая опора не только парламентской коррупции [подкупности] в Париже и в Риме, но также и русского деспотизма. Но эта апатия отнюдь не непреодолима. С тех пор как возникло рабочее движение, западно-европейским буржуа, особенно в тех местах, где преобладает крестьянская парцелльная собственность, не очень-то трудно было возбуждать в крестьянах подозрение и ненависть к социалистическим рабочим, разрисовывая этих последних перед крестьянской фантазией как *partageux*, как сторонников «дележки», как ленивых, жадных горожан, спекулирующих на крестьянской собственности. Неясные социалистические порывы февральской революции 1848 г. были быстро сметены реакционным голосованием французских крестьян; крестьянин, хотевший, чтобы его оставили в покое, извлек тут из кладезя своих воспоминаний легенду о крестьянском императоре Наполеоне и создал Вторую империю. Все мы знаем, чего стоил французскому народу один этот подвиг крестьянства; от последствий этого подвига страдает французский народ и по сию пору.

Но с тех пор многое переменялось. Развитие капиталистической формы производства перерезало жизненный нерв у мелкого производства в сельском хозяйстве; это мелкое производство гибнет и приходит в упадок неудержимо. В конкурентной борьбе Северная и Южная Америка и Индия засыпали европейский рынок дешевым хлебом, до того дешевым, что с ним не мог конкурировать ни один туземный [европейский] производитель. На крупного землевладельца и на мелкого крестьянина, на обоих одинаково надвигается гибель. А так как они оба землевладельцы и деревенские жители, то крупный землевладелец объявляет себя передовым борцом за интересы мелкого крестьянина, и мелкий крестьянин — в общем и целом — признает его борцом за свои интересы.

А между тем выросла на Западе могучая социалистическая рабочая партия. Смутные предчувствия и стремления эпохи февральской революции проявились, стали шире, глубже, превратились в удовлетворяющую всем требованиям науки программу с определенными осязательными требованиями; постоянно растущее число социалистических депутатов отстаивает эти требования в германском, французском, бельгийском парламенте. Завоевание политической власти социалистической партией придвинулось уже довольно близко. Но, чтобы завоевать политическую власть, эта партия должна сначала из города пойти в деревню, должна сделаться силой в деревне. Социалистическая партия, которая отличается от других партий ясным пониманием связи экономических причин с политическими последствиями, которая благодаря этому и открыла уже давно волчий облик под овечьей шкурой крупного помещика, навязывающегося в друзья крестьянину, — может ли эта партия спокойно оставлять обреченного на гибель крестьянина в руках его лжезащитников, оставлять до тех пор, пока крестьянин не будет превращен из пассивного в активного противника промышленных рабочих? И вот — мы в центре крестьянского вопроса.

I.

Сельское население, к которому мы можем обратиться, состоит из весьма различных составных частей, которые в свою очередь различаются еще по отдельным местностям.

На западе Германии, как и во Франции и в Бельгии, господствует мелкое производство parcelльных крестьян, которые в большинстве случаев являются собственниками, в меньшинстве случаев — арендаторами своих кусочков земли.

На Северо-западе — в Нижней Саксонии и Шлезвиг-Гольштейнии —

преобладают крупные и средние крестьяне, которые не могут обходиться без батраков, батрачек и даже поденщиков. То же самое — в некоторой части Баварии.

В остальбесской Пруссии и в Мекленбурге мы имеем область крупного землевладения и крупного производства с дворовой челядью, батраками [Instleuten] и поденщиками; а кое-где, в сравнительно небольшом и постоянно убывающем числе, находим мелких и средних крестьян.

В Средней Германии мы встречаем смесь всех этих форм производства и землевладения в различных пропорциях, смотря по той или другой местности, причем ни одна из этих форм не получает преобладания на сколько-нибудь крупной площади.

Кроме того, есть местности различных размеров, в которых собственная или арендованная пашня недостаточна для пропитания семьи и служит лишь базисом для какого-нибудь кустарного промысла, обеспечивая этому промыслу низкие, неслыханно низкие без этого условия, размеры заработной платы; и эти низкие размеры платы доставляют прочный сбыт продуктам при какой бы то ни было чужестранной конкуренции.

Какие же из этих подразделений сельского населения могут быть привлечены к социал-демократической партии? Мы исследуем этот вопрос, само собой разумеется, лишь в общих чертах; мы подвергнем рассмотрению только резко выраженные формы; недостаток места не позволяет нам остановиться на промежуточных ступенях и на случаях смешанного состава сельского населения.

Начнем с мелкого крестьянина. Из всех крестьян этот разряд — самый важный, и не только для Западной Европы вообще. Нет, и по отношению ко всему вопросу центр тяжести лежит именно в этом разряде крестьян. Раз мы выяснили себе наше отношение к мелкому крестьянину, мы имеем уже все опорные пункты для определения нашего отношения к остальным составным частям сельского населения.

Под мелким крестьянином мы понимаем здесь собственника или арендатора — в особенности собственника — кусочка земли, не больше того, что он может, по общему правилу, обработать при помощи своей собственной семьи, и не меньше того, что прокармливает его семью. Таким образом, этот мелкий крестьянин, как и мелкий ремесленник, есть рабочий, отличающийся от современного пролетария тем, что он еще владеет своими средствами труда; это, следовательно, остаток такого способа производства, который принадлежит уже прошлому. От своего предка, крепостного, зависимого или —

в случаях редкого исключения — свободного, но обязанного оброком и барщиной крестьянина, он отличается в тройном отношении. Во-первых, тем, что Французская революция освободила его от феодальных поборов и повинностей, которыми он обязан был помещику, и в большинстве случаев, по крайней мере на левом берегу Рейна, обеспечила ему его крестьянский участок как его свободную собственность. Во-вторых, тем, что он лишился защиты самоуправляющейся общины, членом которой он был, а вместе с тем лишился и своей доли в праве пользования угодьями, раньше принадлежавшими общине. Общинная земля мошеннически была у него отнята частью бывшим его феодальным господином, частью либеральным, основанным на римском праве бюрократическим законодательством, и у современного мелкого крестьянина этим отнята была возможность содержать свой рабочий скот без покупки кормов. А в отношении хозяйственном потеря права на общинную землю с избытком перевешивает отмену феодальных поборов; число крестьян, не имеющих возможности содержать рабочий скот, возрастает непрерывно. В-третьих, теперешний крестьянин отличается тем, что он потерял половину своей прежней производительной работы. Прежде он со своей семьей сам производил из добытого им же сырья большую часть тех продуктов промышленности, в которых он нуждался; остальные его нужды удовлетворяли деревенские соседи, занимавшиеся ремеслом наряду с земледелием и получавшие плату большей частью в виде даваемых им в обмен продуктов или оказываемых им взаимных услуг. Семья, а еще в больших размерах деревня, довлекла сама себе, производила почти все, что ей было нужно. Это было почти полное натуральное хозяйство, в деньгах почти что совсем и не нуждались. Капиталистическое производство положило этому конец посредством денежного хозяйства и крупной промышленности. А если общинная земля была первым основным условием существования крестьянина, то промышленный подсобный промысел был вторым таким условием. И вот крестьянин падает все глубже и глубже. Налоги, неурожай, разделы между наследниками, судебные процессы гонят одного крестьянина за другим к ростовщику, задолженность распространяется все шире и становится для каждого в отдельности все тяжелее, — одним словом, наш мелкий крестьянин, как и всякий пережиток отжившего способа производства, неудержимо идет к гибели. Он — будущий пролетарий.

В качестве такового он должен был бы быть восприимчивым к социалистической пропаганде. Но этому иногда еще препятствует вошедшее у него в плоть и кровь чувство собственности. Чем тяжелее становится для него борьба за его клочок земли, подвергающийся

стольким опасностям, тем с более упорным отчаянием цепляется он за него, тем более склонен он видеть в социал-демократе, говорящем ему о передаче земельной собственности в руки всего общества, столь же опасного врага, как в ростовщике и адвокате. Какими средствами должна социал-демократия бороться с этим предрассудком? Что может она предложить гибнущему мелкому крестьянину, не изменяя самой себе?

Мы имеем тут практическую точку опоры в аграрной программе французских социалистов марксистского направления, и эта программа заслуживает тем большего внимания, что она исходит из классической страны мелкого крестьянского хозяйства.

На Марсельском конгрессе 1892 г. была принята первая аграрная программа партии. Она требует для безземельных сельскохозяйственных *рабочих* (т. е. батраков и дворовой челяди): минимума заработной платы, установленного профессиональными союзами и общинными советами; сельских промысловых судов, состоящих наполовину из рабочих; запрещения продажи общинной земли и сдачи государственных земель в аренду общинам, которые должны сдавать всю эту землю — и свою собственную и арендованную — ассоциациям безземельных семей сельскохозяйственных рабочих для совместной обработки, с запрещением употреблять наемных рабочих и под контролем общины; пенсий для стариков и инвалидов, которые покрывались бы особым налогом на крупное землевладение.

Для *мелких крестьян*, к которым здесь относят еще и арендаторов, программа требует: приобретения общинами сельскохозяйственных машин для сдачи их по себестоимости в наем крестьянам; учреждения крестьянских товариществ для покупки удобрений, дренажных труб, семян и т. п. и для продажи продуктов; уничтожения налога, взимаемого при переходе из одних рук в другие земельных участков, стоимость которых не превышает 5 000 фр.; псреднических судов по ирландскому образцу для снижения чрезмерных арендных цен и для возмещения уходящим арендаторам и издольщикам [*métayers*] за произведенное их трудом повышение стоимости участка земли; отмены 2102-й статьи *Code civil* [Свода гражданских законов], дающей землевладельцу право накладывать запрещение на урожай, и лишения кредиторов права брать под заклад хлеб на корню; запрещения брать в заклад земледельческие орудия, урожай, семена, удобрение, рабочий скот, — одним словом все то, что необходимо крестьянину для ведения его хозяйства; ревизии давно устаревшего общего земельного кадастра, а пока — местной ревизии в каждой общине; наконец, бесплатного сельскохозяйственного

среднего образования и учреждения сельскохозяйственных опытных станций.

Мы видим, что требования программы в интересах крестьян — требований в пользу рабочих мы здесь пока касаться не будем — идут не очень далеко. Часть их в других странах уже осуществлена. Посреднические суды для арендаторов определенно строятся по ирландскому образцу. Крестьянские товарищества уже существуют в прирейнских областях. Ревизия кадастра составляет во всей Западной Европе постоянное благое пожелание всех либералов и даже бюрократов. Остальные пункты программы также могут быть осуществлены без особого ущерба для существующего капиталистического порядка. Это мы говорим только для характеристики программы, отнюдь не в упрек ей, — наоборот.

При помощи этой программы партия добилась у крестьян самых различных областей Франции таких успехов, что — по пословице: аппетит приходит вместе с едой — нашим французским товарищам захотелось еще больше приспособить ее ко вкусу крестьян. При этом чувствовали, конечно, что путь этот опасен. Можно ли помочь крестьянину, — не как будущему пролетарию, а как нынешнему крестьянину-собственнику, — не нарушая основных принципов общей социалистической программы? Чтобы предотвратить это возражение, новым практическим предложениям была предпослана теоретическая мотивировка, пытавшаяся доказать, что в принципы социализма входит охрана мелкой крестьянской собственности от гибели при капиталистическом способе производства, хотя самим авторам было совершенно ясно, что гибель эта неизбежна. Эту-то мотивировку, равно как и самые требования, принятые в сентябре нынешнего года на Нантском конгрессе, мы рассмотрим теперь поближе.

Мотивировка начинается так:

«принимая во внимание, что по точному смыслу общей программы партии производители могут быть свободны лишь постольку, поскольку они обладают средствами производства;

«принимая во внимание, что в области промышленности эти средства производства действительно капиталистически централизованы уже до такой степени, что могут быть возвращены производителям только в коллективной или общественной форме, но что этого — по крайней мере в современной Франции — совсем нет в области сельского хозяйства, где средство производства, а именно земля, в очень многих местах является еще индивидуальной собственностью в руках отдельных производителей;

«принимая во внимание, что это состояние, характеризующееся

парцелльной собственностью, неминуемо обречено, правда, на гибель, но тем не менее социализм не должен эту гибель ускорять, так как его задача состоит ведь не в том, чтобы отделять собственность от труда, а, наоборот, в том, чтобы соединить в одних и тех же руках оба эти фактора всякого производства, разделение которых ведет к рабству и нищете пролетаризированных работников;

«принимая во внимание, что если, с одной стороны, долг социализма состоит в том, чтобы снова ввести обрабатывающих землю пролетариев во владение — в коллективной или общественной форме — крупными имениями после экспроприации их нынешних праздных собственников, то, с другой стороны, не менее настоящий долг социализма состоит в том, чтобы поддержать мелкие земельные владения живущих своим трудом крестьян против казны, ростовщика и против посягательств со стороны новоиспеченных крупных помещиков;

«принимая во внимание, что целесообразно также распространить эту защиту и на тех производителей, которые под именем арендаторов или издольщиков обрабатывают чужую землю и которые, даже когда они эксплуатируют наемных рабочих, в некоторой мере вынуждены к этому эксплуатацией, тяготеющей над ними самими, —

«рабочая партия, которая, в противоположность анархистам, при преобразовании общественного порядка рассчитывает не на рост и распространение нищеты, но ждет освобождения труда и всего общества только от организации и от совместных усилий работников как города, так и деревни, от того, что они возьмут в свои руки управление и законодательство, — эта рабочая партия приняла следующую аграрную программу, чтобы посредством нее объединить все элементы сельского производства и все роды деятельности, которые на различных юридических основаниях извлекают пользу из национальной почвы, для совместной борьбы против общего врага: землевладельческого феодализма».

Рассмотрим же поближе эти пункты.

Прежде всего, то положение французской программы, что предпосылкой для свободы производителей является владение средствами производства, нужно тут же дополнить тем, что владение средствами производства возможно только в двух формах — либо в форме индивидуального владения, которая в виде явления, общего для всех производителей, не существовала никогда и нигде и которая с каждым днем все более исключается промышленным прогрессом, либо же в форме коллективного владения, т. е. в форме, материальные и интеллектуальные предпосылки которой созданы уже самим развитием

капиталистического общества; и что, стало быть, необходимо всеми средствами, какие имеются в распоряжении пролетариата, бороться за переход средств производства в *коллективное* владение.

Коллективное владение средствами производства выдвигается здесь, таким образом, как единственная главная цель, которой надо добиваться. И не только в области промышленности, где почва уже подготовлена, но и повсюду, а значит и в земледелии. Индивидуальное владение, согласно программе, никогда и нигде не существовало в виде явления, общего для всех производителей; именно поэтому, а также потому, что промышленный прогресс и без того ведет к гибели индивидуального владения, социализм заинтересован вовсе не в его поддержке, а в его устранении, так как там, где и поскольку оно существует, становится невозможным коллективное владение. Уж если сослаться на программу, то надо сослаться на всю программу в целом, а она существенно изменяет цитированное нантское положение, ибо только она обставляет выраженную в нем общеисторическую истину такими условиями, при которых эта истина только и может теперь сохранять свою силу для Западной Европы и Северной Америки.

Принадлежность средств производства отдельным производителям не дает уже им в наше время настоящей свободы. Ремесло в городах уже разорено, а в таких крупных городах, как Лондон, даже совершенно исчезло, заменено крупной промышленностью, потогонной системой и жалкими шарлатанами, которые живут банкротствами. Малый крестьянин, живущий своим трудом, и не обеспечен во владении своим клочком земли, и не свободен. Как сам он, так и его дом, его двор, его поле принадлежат ростовщику; его существование более ненадежно, чем существование пролетария, который, по крайней мере хоть изредка, имеет спокойные деньки, чего никогда не бывает с измученным рабом задолженности. Вычеркните 2102-ю статью Свода гражданских законов, обеспечьте крестьянину по закону неотчуждаемый инвентарь земледельческих орудий, скота и т. п., — и вы все-таки не избавите его от безвыходного положения, когда он должен «добровольно» продавать свой скот, продаваться сам, и телом и душой, ростовщику, чтобы получить минутную отсрочку. Ваша попытка защитить собственность мелкого крестьянина защищает не его свободу, а лишь особую форму его рабства; она затягивает такое состояние, в котором он не может ни жить, ни умереть; ссылка на первый абзац вашей программы поэтому здесь вовсе неуместна.

В мотивировке говорится, что в современной Франции средство

производства, а именно земля, в очень многих местах является еще индивидуальной собственностью в руках отдельных производителей; задача же социализма состоит, мол, не в том, чтобы отделять собственность от труда, а, наоборот, в том, чтобы соединить в одних и тех же руках оба эти фактора всякого производства. Как уже отмечено, это последнее в такой общей форме никоим образом не является задачей социализма; его задача состоит только в передаче средств производства производителям в *коллективное владение*. Как только мы упустим это из виду, вышеупомянутое положение тотчас же приведет нас к той ошибочной мысли, будто социализм призван превратить современную мнимую собственность мелкого крестьянина на его поле в действительную, т. е. мелкого арендатора сделать собственником, а обремененного долгами собственника освободить от долгов. Социализм, разумеется, заинтересован в том, чтобы эта ложная видимость крестьянской собственности исчезла, но не таким способом.

Во всяком случае, теперь уж все подготовлено к тому, чтобы в мотивировочной части программы можно было прямо заявить, что долг социализма, и даже его настоятельный долг — «поддерживать мелкие земельные владения живущих своим трудом крестьян против казны, ростовщика и против посягательств со стороны новоиспеченных крупных помещиков». Тем самым мотивировка считает настоящим долгом социализма совершить нечто такое, что в предыдущем параграфе она признала невозможным. Она поручает ему «поддерживать» парцелльную собственность крестьян, хотя сама же утверждает, что эта собственность «неминуемо обречена на гибель». Казна, ростовщик, вновь возникшие крупные помещики, — что же это такое, как не простые орудия, посредством которых капиталистическое производство осуществляет эту неизбежную гибель? Какими средствами должен был бы «социализм» защитить крестьянина от этой троицы, мы увидим ниже.

Но требуется защитить собственность не только мелкого крестьянина. «Целесообразно также распространить эту защиту и на тех производителей, которые, под именем арендаторов или издольщиков (*métayers*), обрабатывают чужую землю и которые, даже когда они эксплуатируют наемных рабочих, до некоторой степени вынуждены к этому эксплуатацией, тяготеющей над ними самими». Здесь уж мы переходим на совсем шаткую почву. Социализм специально направлен против эксплуатации наемного труда. А здесь объявляется настоящим долгом социализма защищать французских арендаторов, «*эксплуатирующих* наемных рабочих» — так и сказано! И это

потому, что эти арендаторы до некоторой степени вынуждены к этому «эксплоатацией, тяготеющей над ними самими»!

Как легко и приятно катиться вниз, раз уж попал на наклонную плоскость! А что, если крупный и средний немецкий крестьянин придет к французским социалистам и попросит их похлопотать у Правления германской партии о том, чтобы Германская социал-демократическая партия дала ему защиту в деле эксплуатации его батраков и батрачек, ссылаясь при этом на «тяготеющую над ним самим эксплуатацию» со стороны ростовщика, сборщика податей, спекулянта хлебом и торговца скотом, — что они ответят ему? И кто поручится, что и наши крупные аграрии не пошлют к ним графа Каница (он ведь тоже внес аналогичное предложение об огосударствлении хлебного ввоза), чтобы тоже испросить защиты социалистов в деле эксплуатации сельских рабочих, ссылаясь на «тяготеющую над ними самими эксплуатацию» биржи, ростовщика, спекулянта хлебом?

Надо, впрочем, сказать, что у наших французских друзей вовсе нет такого злого умысла, как это может показаться. В вышеупомянутом абзаце имеется в виду лишь один совершенно исключительный случай, а именно следующий: на севере Франции, как и в наших сахарно-свекловичных районах, крестьянам сдается земля с обязательством разводить свекловицу на крайне тяжелых условиях: они должны продавать свекловицу на определенный завод и по цене, назначенной этим заводом, должны покупать определенные семена, вкладывать определенное количество строго установленного удобрения, и вдобавок ко всему их еще бессовестно надувают при приемке свеклы. Все это хорошо известно и нам в Германии. Но если французские социалисты хотели взять под свою защиту этот разряд крестьян, то нужно было это сказать прямо и определенно. В настоящем же виде, в такой безгранично общей формулировке, рассматриваемый абзац является прямым нарушением не только французской программы, но и основного принципа социализма вообще, и пусть его авторы пеняют на себя, если эта небрежная редакция будет с самых различных сторон использована в нежелательном для них смысле.

Такому же лжетолкованию могут подвергнуться и заключительные слова мотивировки, по которым перед социалистической рабочей партией стоит задача «объединить все элементы сельского производства и все роды деятельности, которые на различных юридических основаниях извлекают пользу из национальной почвы, для совместной борьбы против общего врага: земледельческого феодализма». Я решительно отрицаю, что перед социалистической рабочей партией

какой бы то ни было страны стоит задача принимать в свою среду, кроме сельских пролетариев и мелких крестьян, еще и среднее и крупное крестьянство или даже арендаторов крупных имений, капиталистических скотоводов и других капиталистических эксплуататоров национальной почвы. Пусть феодальное землевладение является для них всех общим врагом. Мы можем в некоторых вопросах идти с ними вместе, можем некоторое время бороться рука об руку с ними за какие-нибудь определенные цели. Но в нашу партию мы можем принимать отдельных лиц из любого общественного класса и ни в коем случае не можем принимать связанные общими интересами группы капиталистов, средней буржуазии или среднего крестьянства. Здесь тоже нет столь злого умысла, как кажется; обо всем этом авторы, очевидно, просто не подумали; но, к сожалению, страсть к обобщениям их подвела, и пусть они не удивляются, если их ловят на слове.

После мотивировки следуют новые добавления к программе. Они отличаются такой же небрежностью редакции, как и мотивировка.

Параграф, по которому общины должны приобретать сельскохозяйственные машины и по себестоимости сдавать их в наем крестьянам, изменяется в том смысле, что, во-первых, общины получают для этой цели субсидию от государства, а во-вторых, они должны бесплатно предоставлять машины в распоряжение мелких крестьян. Эта дальнейшая уступка отнюдь не принесет большой пользы мелким крестьянам, поля которых и самый способ ведения хозяйства позволяют применять машины лишь в незначительной мере.

Далее: «Замена всех существующих косвенных и прямых налогов единым прогрессивным налогом на все доходы свыше 3 000 фр.». — Подобное требование уже много лет встречается почти в каждой социал-демократической программе. Но то, что его выставляют специально в интересах мелких крестьян, является новостью и только доказывает, как плохо понято его настоящее значение. Возьмем, например, Англию. Там государственный бюджет составляет 90 миллионов фунтов стерлингов. В том числе от 13½ до 14 миллионов дает подоходный налог, из остальных же 76 миллионов небольшая часть поступает от обложения предприятий (почта, телеграф, штемпельный сбор), но преобладающая масса поступает от налогов на предметы массового потребления, от урезывания на каждом шагу маленькими долями — незаметными, но дающими в сумме многие миллионы — доходов всех граждан, преимущественно же бедняков. И в современном обществе вряд ли есть возможность иным способом покрывать государственные расходы. Предположим, что все эти 90 миллионов взимаются в Англии

*

посредством прямого прогрессивного налога на доходы в 120 ф. ст. (3 000 фр.) и выше. Среднее годовое накопление, ежегодное увеличение всего национального богатства, составляло, по Гиффену, в 1865 — 1875 гг. 240 миллионов фунтов стерлингов. Допустим, что теперь оно равняется 300 миллионам в год; налоговое бремя в 90 миллионов поглотило бы в таком случае почти треть всего накопления. Иначе говоря, ни одно правительство, кроме социалистического, не может предпринять ничего подобного; когда же у кормила правления встанут социалисты, им придется провести такие мероприятия, при которых эта налоговая реформа сыграет лишь роль временной, совершенно незначительной частичной уплаты, а перед мелкими крестьянами откроются совсем иные перспективы.

Авторы программы и сами, видимо, догадываются, что крестьянам пришлось бы долго дожидаться этой налоговой реформы, и поэтому «пока» (*en attendant*) предлагают им: «Уничтожение земельного налога для всех живущих своим трудом крестьян и уменьшение этого налога для всех заложённых земель». — Вторая половина этого требования может относиться только к *более крупным* крестьянским участкам, которые не могут быть обработаны силами одной семьи; таким образом, оно опять-таки выгодно тем крестьянам, которые «эксплуатируют наемных рабочих».

Далее: «Свобода охоты и рыбной ловли без всяких ограничений, кроме одного лишь условия — бережного отношения к дичи, рыбе и к посевам». Это звучит очень популярно, но вторая часть фразы уничтожает первую. Много ли зайцев, куропаток, щук и карпов приходится уже теперь во всей деревне на каждую крестьянскую семью? Настолько ли много, чтобы каждому крестьянину можно было предоставить больше *одного* дня охоты и рыбной ловли в год?

«Понижение узаконенного и обычного процента» — стало быть, новые законы против ростовщичества, новая попытка провести то полицейское мероприятие, которое в течение двух тысяч лет всегда и повсюду терпело крушение. Если мелкий крестьянин попадает в такое положение, когда услуга ростовщика становится для него меньшим злом, то ростовщик всегда найдет средство высосать из него кровь, не попадая под действие закона против ростовщичества. Это мероприятие могло бы в лучшем случае создать успокоение у мелкого крестьянина, пользы же оно ему не принесет; наоборот, оно затруднит ему кредит как раз тогда, когда он будет в нем особенно нуждаться.

«Бесплатная врачебная помощь и доставка лекарств по себестоимости» — это во всяком случае не специально крестьянское требо-

вание; германская программа идет дальше и требует также и бесплатных лекарств.

«Вознаграждение семейств призванных запасных солдат на время их службы» уже существует в Германии и Австрии, хотя и в крайне неудовлетворительной форме, и тоже отнюдь не является специально крестьянским требованием.

«Понижение тарифа для перевозок удобрений, сельскохозяйственных машин и продуктов» в основном уже проведено в Германии, но только главным образом в интересах... крупных землевладельцев.

«Немедленные подготовительные работы для составления плана общественных работ по улучшению почвы и подъему сельскохозяйственного производства» — все это не выходит из области туманных слов и прекрасных обещаний и тоже прежде всего — в интересах крупного землевладения.

Словом, после всей широковещательной теоретической мотивировки практические предложения новой аграрной программы, оказывается, несколько не объясняют нам, каким же образом французской рабочей партии удастся поддержать парцелльную собственность мелких крестьян, которая, по ее собственному выражению, неминуемо обречена на гибель.

II.

В одном отношении наши французские товарищи безусловно правы: *против воли* мелкого крестьянина никакой прочный политический переворот во Франции невозможен. Только мне кажется, что в своей попытке подойти к крестьянину они ввязались за дело неправильно.

Повидимому, они исходят из стремления привлечь мелкого крестьянина на свою сторону немедленно, по возможности даже на ближайших общих выборах. Этого они могут надеяться достичь только посредством очень рискованных широких обещаний, для обоснования которых они вынуждены пустить в ход еще гораздо более рискованные теоретические соображения. Если же присмотреться ближе, то обнаруживается, что эти широкие обещания противоречат сами себе (обещание поддержать такое состояние, которое тут же объявляется неминуемо обреченным на гибель) и что отдельные мероприятия либо совершенно не могут иметь практического действия (законы о ростовщичестве), либо являются общими требованиями рабочих, либо идут на пользу также и крупному землевладению, либо же, наконец, вовсе не имеют для мелкого крестьянина серьезного значения; так что чисто практическая часть программы сама поправляет ошибочное

вступление и сводит страшные на вид громкие слова мотивировки к весьма невинным на деле мероприятиям.

Скажем прямо: при тех предрассудках, которые вытекают из всего экономического положения крестьянина, из его воспитания, его изолированного образа жизни и которые поддерживаются буржуазной прессой и крупными землевладельцами, мы можем немедленно привлечь на свою сторону массу мелких крестьян только в том случае, если будем давать им такие обещания, которые мы заведомо сдержать не можем. Именно: мы должны им обещать не только защищать их собственность при всяких обстоятельствах, против всех надвигающихся на них экономических сил, но и освободить их от того гнета, который лежит на них уже теперь: арендатора превратить в свободного собственника, а собственника, задавленного ипотекой, освободить от его долгов. Если бы мы и могли сделать это, то мы опять оказались бы при таком положении, из которого нынешние порядки неизбежно разовьются снова. Мы не освободили бы крестьянина, а только на короткое время отсрочили бы его гибель.

Но вовсе не в наших интересах привлекать крестьянина на свою сторону уже сегодня-завтра, с тем, чтобы он послезавтра опять отошел от нас, когда мы не сможем выполнить свои обещания. Крестьянин, требующий от нас увековечения его парцелльной собственности, не нужен нам в качестве члена партии, точно так же, как и мелкий ремесленный мастер, желающий увековечить свое положение как мастера. Таким людям место у антисемитов. Пусть пойдут к ним, пусть с них берут обещание спасти их мелкое хозяйство; когда они там узнают, каково значение этих дутых фраз, какие мелодии исходят от антисемитских скрипок, тогда они все больше и больше начнут понимать, что мы, обещающие меньше и ищущие спасения совсем в другом направлении, что мы все-таки более надежные люди. Если бы у французов происходила такая шумная антисемитская демагогия, как у нас, они вряд ли сделали бы нантскую ошибку.

Каково же наше отношение к мелкому крестьянству? И как должны мы с ним поступить в тот день, когда нам достанется государственная власть?

Во-первых, безусловно правильно следующее положение французской программы: мы предвидим неминуемую гибель мелкого крестьянина, но ни в коем случае не призваны ускорять ее своим вмешательством.

А во-вторых, точно так же очевидно, что, когда мы овладеем государственной властью, мы не будем думать о том, чтобы насильственно

экспроприровать мелких крестьян (все равно, с вознаграждением или без него), как это мы вынуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам будет состоять прежде всего в том, чтобы их частное производство и частное владение перевести в товарищеское, но не насильственным путем, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели. И тогда у нас, конечно, будет достаточно средств, чтобы показать мелкому крестьянину те выгоды, которые ему должны бы быть ясны уже и теперь.

Уже почти 20 лет назад датские социалисты, в стране которых имеется собственно один только город, Копенгаген, так что помимо этого города им приходится вести пропаганду почти исключительно среди крестьян, выдвинули подобные же планы. Крестьяне той или иной деревни или прихода, — в Дании есть много отдельных больших дворов, — должны соединить свои земли в одно крупное имение, обрабатывать его за общий счет и делить выручку пропорционально вкладам земель, деньгами и труду. В Дании мелкое землевладение играет лишь второстепенную роль. Но если мы применим эту идею к области парцелльного хозяйства, то мы найдем, что при соединении парцелл и при ведении крупного производства на всей соединенной площади часть занятых раньше рабочих сил окажется излишней; в этом сбережении труда и состоит одно из главных преимуществ крупного хозяйства. Найти занятие для этих рабочих сил можно двумя способами: либо предоставить в распоряжение крестьянского товарищества еще другие участки земли из соседних крупных имений, либо же дать им средства и возможность подсобной промышленной работы, хотя бы и преимущественно для собственного потребления. В обоих случаях их экономическое положение улучшится, и это обеспечит в то же время общественному руководству всего коллектива необходимое влияние, чтобы постепенно перевести крестьянское товарищество в высшую форму и сравнять права и обязанности как товарищества в целом, так и его отдельных членов с правами и обязанностями остальных частей всего коллектива. Как в каждом отдельном случае осуществить это в частностях, будет уже зависеть от обстоятельств данного случая и от тех обстоятельств, при которых мы захватим политическую власть. Возможно, что мы, таким образом, окажемся в состоянии предложить товариществам еще большие преимущества: принятие на себя национальным банком всей суммы их ипотечного долга с сильным понижением процента; пособия из общественных средств для устройства крупного производства (пособия не обязательно или преимущественно деньгами, но и

необходимыми продуктами: машинами, искусственным удобрением и т. п.) и разные другие выгоды.

При всех этих условиях главное дело состоит в том, чтобы ясно показать крестьянину, что мы можем спасти, сохранить его усадьбу и земельное владение, только превратив их в товарищеское владение и товарищеское производство. Именно единоличное хозяйство, обусловленное единоличным владением, и ведет крестьян к гибели. Если они будут настаивать на своем единоличном хозяйстве, то неминуемо будут лишены и земли и двора, крупное капиталистическое хозяйство вытеснит их устаревший способ производства. Так стоит вопрос; и вот приходим мы и предоставляем крестьянам возможность самим ввести крупное хозяйство, не на средства капиталистов, а на свои собственные общие средства. Разве нельзя ясно показать крестьянам, что это — в их собственных интересах, что в этом — их единственный путь к спасению?

Мы никогда не можем обещать парцелльным крестьянам сохранение единоличной собственности и единоличного хозяйства против всеисилия капиталистического производства. Мы можем только обещать им, что против их воли мы не вторгнемся насильственно в их отношения собственности. Мы можем, далее, стоять за то, чтобы борьба капиталистов и крупных землевладельцев против мелких крестьян велась уже теперь возможно менее несправедливыми средствами и чтобы прямому грабежу и надувательству, какие случаются чересчур часто, по возможности были поставлены препятствия. Это будет удаваться лишь в виде исключения. При развитом капиталистическом способе производства ни один человек не разберет, где кончается честная нажива и где начинается мошенничество. Но стоит ли политическая власть на стороне обманщика или обманутого, в этом всегда будет большая разница. Мы же стоим решительно на стороне мелкого крестьянина; мы предпримем все сколько-нибудь возможное для того, чтобы сделать его участь более сносной, чтобы облегчить ему переход к товариществу, если он на это решается, и даже дать ему отсрочку, чтобы подумать на своей парцелле, если он не может еще принять этого решения. Мы сделаем это не только потому, что считаем возможным переход живущего своим трудом мелкого крестьянина на нашу сторону, но также и в прямом интересе партии. Чем больше число крестьян, которых мы избавим от действительного перехода в пролетариев, которых мы сможем привлечь на свою сторону еще как крестьян, тем скорее и легче совершится общественный переворот. Нам не к чему ждать этого переворота до тех пор, пока капиталистическое производство везде разовьется до

крайних своих последствий, пока последний мелкий ремесленник и последний мелкий крестьянин падут жертвой крупного капиталистического производства. Материальные жертвы, которые для этого придется принести из общественных средств в интересах крестьян, с точки зрения капиталистической экономики могут казаться просто выброшенными деньгами, но на деле это будет превосходное употребление капитала, потому что в издержках всей общественной реорганизации в целом эти жертвы сэкономят, может быть, в десять раз большие суммы. В этом смысле мы можем, следовательно, быть очень либеральными по отношению к крестьянам. Здесь не место входить в подробности, вносить определенные предложения в этом направлении; здесь может идти речь только о самых общих, основных чертах.

Итак, не только партии, но и самим мелким крестьянам мы не могли бы оказать худшей услуги, как именно такими обещаниями, которые давали бы им хоть малейший повод подумать, что мы имеем в виду продолжительное сохранение parcelльной собственности. Это означало бы прямо закрывать крестьянам путь к освобождению и принижать партию до уровня пошлого антисемитизма. Напротив. Долг нашей партии — всегда и везде разъяснять крестьянам абсолютную безнадежность их положения, пока царит капитализм, абсолютную невозможность сохранить за ними их parcelльную собственность как таковую, абсолютную уверенность, что капиталистическое крупное производство так же раздавит их бессильное устарелое мелкое производство, как железнодорожный поезд — ручную тачку. Если мы будем делать так, мы будем действовать соответственно неизбежному экономическому развитию, а оно уже прочистит крестьянам мозги для понимания наших слов.

Впрочем, я не могу оставить этот вопрос, не высказав убеждения, что и авторы нантской программы по существу придерживаются тех же взглядов, что и я. Они слишком проникательны, чтобы не понимать, что и разделенная теперь на мелкие parcelлы земля должна перейти в коллективное владение. Они сами признают, что parcelльная собственность осуждена на исчезновение. Составленный Лафаргом доклад Национального совета на Нантском конгрессе тоже полностью подтверждает этот взгляд. По-немецки он опубликован в берлинском «Sozialdemokrat» от 18 октября этого года. Уже самая противоречивость выражений нантской программы обнаруживает, что ее авторы говорят на деле не то, что хотят сказать. Если их не поймут и их заявлениями станут злоупотреблять, — как это в действительности уже и случилось, — то это, конечно, их собственная вина. Во всяком случае, они должны поподробнее разъяснить

свою программу, а следующему французскому съезду придется основательно ее пересмотреть.

Перейдем теперь к более крупным крестьянам. Здесь мы видим, — главным образом вследствие дележей наследства, но также и вследствие задолженности и принудительной продажи земли, — целый ряд переходных ступеней от парцелльного до крупного крестьянина, сохранившего весь свой старый участок и даже увеличившего его. В тех местах, где средний крестьянин живет среди парцелльных крестьян, он по своим интересам и взглядам не отличается от них сколько-нибудь существенно; ведь его собственный опыт должен ему показывать, как много таких крестьян, как он, уже перешло в разряд мелких. Но там, где преобладают средние и крупные крестьяне и где ведение хозяйства требует, вообще говоря, помощи батраков и батрачек, там дело обстоит совершенно иначе. Рабочая партия прежде всего должна, конечно, выступать за наемных рабочих, т. е. за батраков, батрачек и поденщиков; уже по одному этому она не может давать крестьянам никаких обещаний, включающих в себя дальнейшее существование наемного рабства рабочих. Но пока будут существовать крупные и средние крестьяне как таковые, они без наемных рабочих обходиться не смогут. И если с нашей стороны было бы просто нелепо подавать парцелльным крестьянам надежду на продолжение их существования как парцелльных крестьян, то обещать это крупным и средним крестьянам граничило бы уже с прямой изменой.

Здесь опять-таки есть сходство с городскими ремесленниками. Хотя они подверглись разорению еще больше, чем крестьяне, все же среди них еще найдутся такие, у которых наряду с учениками работают и подмастерья или у которых ученики делают работу подмастерьев. Те из этих мастеров-ремесленников, которые хотят оставаться таковыми навсегда, пусть идут к антисемитам, пока не убедятся, что им не помогут и там. Остальные же, которые видят неизбежную гибель их способа производства, пусть идут к нам, но пусть будут также готовы разделить в будущем судьбу, предстоящую всем другим рабочим. То же и с крупными и средними крестьянами. Их батраки, батрачки и поденщики интересуют нас, разумеется, гораздо больше, чем они. Если эти крестьяне хотят, чтобы им гарантировали дальнейшее существование их хозяйства, то этого мы никак не можем им предложить. Их место тогда среди антисемитов, членов крестьянского союза и тому подобных партий, которые находят особенное удовольствие в том, чтобы обещать все и не выполнять ничего. Мы твердо знаем ту экономическую истину, что и крупный и средний крестьянин тоже должен неминуемо погибнуть от конкуренции капиталисти-

ческого хозяйства и дешевого заокеанского производства зерна, о чем свидетельствуют все возрастающая задолженность и повсеместно наблюдаемый упадок и этих крестьян. Против этого упадка мы ничего поделать не можем, разве только порекомендовать и здесь соединение хозяйств в товарищеские предприятия, в которых можно было бы все больше и больше устранять эксплуатацию наемного труда и которые можно было бы постепенно превратить в отрасли великого общенационального производственного товарищества, отрасли с равными правами и равными обязанностями. Если эти крестьяне поймут неизбежность гибели их нынешнего способа производства, если они сделают отсюда необходимые выводы, то они придут к нам, и наш долг будет по мере сил облегчить и им переход к новому способу производства. В противном случае мы должны будем предоставить их собственной судьбе и обратиться к их наемным рабочим, у которых мы уж найдем сочувствие. От насильственной экспроприации мы, вероятно, и тут откажемся, но сможем, впрочем, рассчитывать на то, что экономическое развитие научит уму-разуму и эти крепкие головы.

Совсем просто обстоит дело только с крупным землевладением. Здесь перед нами совершенно неприкрытое капиталистическое предприятие, а раз так, у нас уже не может быть никаких сомнений. Здесь перед нами масса сельского пролетариата, и задача наша ясна. Как только наша партия овладеет государственной властью, ей надо будет просто экспроприировать крупных землевладельцев, точно так же, как промышленных фабрикантов. Произойдет ли эта экспроприация с выкупом или без него, будет зависеть большей частью не от нас, а от тех обстоятельств, при которых мы овладеем властью, а также в особенности и от поведения самих господ крупных землевладельцев. Мы вовсе не считаем, что выкуп недопустим ни при каких обстоятельствах; Маркс высказывал мне (и как часто!) свое мнение, что для нас было бы всего дешевле, если бы мы могли откупиться от всей этой банды. Однако здесь мы не будем этого касаться. Возвращенные, таким образом, обществу крупные имения мы будем передавать, под контролем общества, в пользование организующимся в товарищества сельским рабочим, которые обрабатывают их уже и в настоящее время. На каких условиях мы будем их передавать, об этом теперь ничего определенного сказать еще нельзя. Во всяком случае, превращение капиталистического хозяйства в общественное здесь уже вполне подготовлено и может быть произведено сразу, совершенно так же, как, например, на заводе г. Круппа или г. фон-Штумма. И пример этих земледельческих товариществ убедит в преимуществах товарищеского крупного хозяйства и последних еще сопротивляющихся

парцелльных крестьян, а также, вероятно, и некоторых крупных крестьян.

Здесь, стало быть, мы можем развернуть перед сельскими пролетариями такую же блестящую перспективу, какая раскрывается перед промышленным рабочим. И поэтому привлечение на нашу сторону сельских рабочих остальбской Пруссии для нас только вопрос времени — и даже очень короткого. А когда остальбские сельские рабочие будут с нами, тотчас же и по всей Германии повеет другим ветром. Фактически полукрепостное состояние остальбских сельских рабочих есть главная основа господства прусских юнкеров, а вместе с тем и специфического прусского господства в Германии. Именно остальбские юнкера, — все более и более впадающие в задолженность, беднеющие, паразитически живущие на государственный и чужой счет и именно поэтому тем сильнее цепляющиеся за свое господство, — создали и поддерживают специфически прусский характер бюрократии и офицерского состава армии; их высокомерие, ограниченность и ваносчивость сделали Германскую империю прусской нации, — при всей очевидности того, что в данный момент она неизбежна, как единственно возможная сейчас форма национального единства, — такую ненавистную у себя на родине, а за границей, несмотря на ее блестящие победы, внушающе так мало уважения. Власть этих юнкеров основана на том, что в сплошной области семи старо-прусских провинций, т. е. почти в целой трети всей империи, они имеют в своем распоряжении земельную собственность, которой здесь сопутствует общественная и политическая власть, и не только земельную собственность, но через посредство свеклосахарных и винокуренных заводов также и самые важные отрасли промышленности этой области. Ни крупные землевладельцы, ни крупные промышленники остальной Германии не находятся в таком благоприятном положении; ни те, ни другие не имеют в своем распоряжении целого сплошного королевства. Они рассеяны на обширном пространстве и конкурируют как между собою, так и с остальными окружающими их общественными элементами в борьбе за экономическое и политическое преобладание. Но это положение прусских юнкеров, дающее им власть, все более и более теряет свою экономическую основу. Задолженность и обеднение, несмотря на всю государственную поддержку (а со времени Фридриха II последняя входит в каждый нормальный юнкерский бюджет), и здесь распространяются неудержимо; только освященные законодательством и обычаем фактически полукрепостные порядки и вследствие этого возможность безграничной эксплуатации сельских рабочих позволяют утопающему юнкерству все еще держаться на

поверхности. Бросьте семена социал-демократии в среду этих рабочих, воодушевите их и сплотите их на борьбу за свои права, — и господству юнкеров придет конец. Великая реакционная сила, являющаяся для Германии таким же варварским завоевательным элементом, каким русский царизм является для всей Европы, съжится, как проколотый пузырь. «Отборные полки» прусской армии станут социал-демократическими, и тогда произойдет такой сдвиг в соотношении сил, который таит в себе полный переворот. Но именно поэтому привлечение на нашу сторону остальбских сельских пролетариев гораздо важнее, чем привлечение западно-германских мелких крестьян или даже южно-германских средних крестьян. Здесь, в остальбской Пруссии, находится поле решающей для нас битвы, и поэтому правительство и юнкерство примут все меры, чтобы преградить нам сюда доступ. И если, как нам грозят, будут снова пущены в ход насильственные меры против распространения нашей партии, то это будет сделано прежде всего для того, чтобы оградить остальбский сельский пролетариат от нашей пропаганды. Нам это все равно. Мы его все-таки завоюем.

Фридрих Энгельс
ВВЕДЕНИЕ К БРОШОРЕ МАРКСА
«КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВО ФРАНЦИИ
С 1848 ПО 1850 г.»

Перевод с рукописи Энгельса, хранящейся в архиве ИМЭЛ.

*Напечатано в журнале «Die Neue Zeit»,
Jg. XIII, 1895, В. II., Н. 27, 28.*

Подпись: Ф. Энгельс.

ВВЕДЕНИЕ К БРОШЮРЕ К. МАРКСА «КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВО ФРАНЦИИ с 1848 по 1850 г.».

Переиздаваемая здесь работа была первой попыткой Маркса объяснить определенную полосу истории на основе его материалистического понимания, исходя из данного экономического положения. В «Коммунистическом манифесте» эта теория была применена в общих чертах ко всей новой истории; в статьях в «Neue Rheinische Zeitung» Маркс и я постоянно пользовались ею для объяснения текущих политических событий. Здесь же дело шло о том, чтобы в продолжавшемся несколько лет историческом процессе, который был критическим и вместе с тем типичным для всей Европы, вскрыть внутреннюю причинную связь, стало быть, согласно пониманию автора, свести политические события к действию причин, в конечном счете экономических.

При суждении о событиях и рядах событий текущей истории никогда не удастся дойти до *конечных* экономических причин. Даже в настоящее время, когда соответствующие специальные органы печати дают такую массу материала, нет возможности даже в Англии следить за ходом развития промышленности и торговли на мировом рынке и за изменениями, происходящими в методах производства, следить за ними изо дня в день таким образом, чтобы можно было для любого момента вывести общий итог из этих многосложных и постоянно изменяющихся факторов, из которых к тому же важнейшие большей частью действуют скрыто в течение долгого времени, прежде чем внезапно с силою прорваться наружу. Ясной картины экономической истории данного периода никогда нельзя получить одновременно с самими событиями, ее можно получить лишь задним числом, после того как собран и проверен материал. Необходимым вспомогательным средством является тут статистика, а она всегда запаздывает. Поэтому при рассмотрении текущих событий слишком часто приходится этот фактор, имеющий решающее значение, рассматривать как постоянный, принимать экономическое положение, сложившееся к началу рассматриваемого периода, за данное и неизменное

для всего периода или же принимать в расчет лишь такие изменения этого положения, которые сами вытекают из имеющихся налицо очевидных событий, а поэтому также вполне очевидны. Поэтому материалистическому методу слишком часто приходится здесь ограничиваться тем, чтобы сводить политические конфликты к борьбе интересов наличных общественных классов и классовых прослоек, созданных экономическим развитием, а также показывать, что отдельные политические партии представляют собою более или менее адекватное политическое выражение этих самых классов и классовых прослоек.

Само собою разумеется, что такое неизбежное игнорирование совершающихся в то же время изменений экономического положения, этой подлинной основы всех исследуемых процессов, должно быть источником ошибок. Но все условия обобщающего изложения текущей истории неизбежно заключают в себе источники ошибок; это, однако, никого не заставляет отказаться писать историю текущих событий.

Когда Маркс принялся за эту работу, упомянутый источник ошибок был еще в большей мере неизбежен. Во время революции 1848—1849 гг. следить за совершавшимися в то же время экономическими изменениями или даже сохранять их в поле своего зрения было просто невозможно. Так же невозможно было это и в первые месяцы изгнания в Лондоне, осенью и зимой 1849—1850 гг. Но это и было как раз то время, когда Маркс начал свою работу. И, несмотря на эти неблагоприятные обстоятельства, благодаря своему знанию во всех подробностях как экономического положения Франции накануне февральской революции, так и политической истории этой страны после февральской революции, Маркс смог дать такое изложение событий, которое вскрывает их внутреннюю связь с до сих пор непревзойденным совершенством; и изложение это блестяще выдержало двукратное испытание, произведенное впоследствии самим Марксом.

Первое испытание было произведено в связи с тем, что с весны 1850 г. Маркс снова нашел досуг для занятий экономическими вопросами и прежде всего принялся за экономическую историю последних десяти лет. В результате из самих фактов ему стало вполне ясно то, что до сих пор он выводил наполовину априорно из страдавшего пробелами материала: именно, что мировой торговый кризис 1847 г. собственно и породил февральскую и мартовскую революции и что промышленное процветание, мало-по-малу вновь наступившее с середины 1848 г. и достигшее полного расцвета в 1849 и 1850 гг., было движущей силой вновь окрепнувшей европейской реакции. Это имело

решающее значение. Если в трех первых статьях (появившихся в январском, февральском и мартовском номерах «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue», Гамбург, 1850 г.) проглядывает еще ожидание скорого нового подъема революционной энергии, то исторический обзор, написанный Марксом и мною для последнего двойного номера, вышедшего осенью 1850 г. (май—октябрь), раз навсегда порывает с этими иллюзиями: «Новая революция возможна только в результате нового кризиса. Однако ее наступление так же неизбежно, как и наступление последнего». Но это и было единственным существенным изменением, которое нам пришлось внести. В толковании событий, данном в прежних статьях, в причинных связях, там установленных, изменять было решительно нечего, что доказывает данное в том же обзоре продолжение повествования с 10 марта до осени 1850 г. Это продолжение я включил поэтому, как четвертую статью, в нынешнее издание.

Второе испытание было еще суровее. Тотчас после государственного переворота, произведенного Луи Бонапартом 2 декабря 1851 г., Маркс заново разработал историю Франции от февраля 1848 г. и вплоть до этого события, положившего на время конец революционному периоду («18 Брюмера Луи Бонапарта», третье издание, Гамбург, Мейснер, 1885 г.). В этой брошюре вновь излагается, хотя и более кратко, период, рассмотренный в переиздаваемой нами работе. Сравните это второе изложение, написанное в свете совершившегося через год с лишним решающего события, с первым изложением, и вы убедитесь, что автору пришлось изменить лишь очень небольшое.

Совсем особое значение придает нашей брошюре еще то обстоятельство, что в ней впервые дана формула, в которой рабочие партии всех стран мира единогласно выражают свое требование экономического преобразования: присвоение средств производства обществом. Во второй главе, по поводу «права на труд», называемого там «первой неуклюжей формулой, в которой выражаются революционные требования пролетариата», говорится: «Но право на труд означает власть над капиталом, а власть над капиталом означает *присвоение средств производства*, их подчинение ассоциированному рабочему классу, следовательно упразднение наемного труда, а также капитала и их взаимоотношения». Таким образом, здесь впервые формулировано положение, благодаря которому современный рабочий социализм резко отличается как от всех разновидностей феодального, буржуазного, мелкобуржуазного и т. д. социализма, так и от туманной общности имуществ, выдвигавшейся утопическим и ранним рабочим

*

коммунизмом. Если впоследствии Маркс распространил эту формулу и на присвоение средств обмена, то такое расширение формулы представляло собой, как это, впрочем, само собою вытекало из «Коммунистического манифеста», лишь вывод из основного положения. Недавно некоторые мудрецы в Англии добавили еще к этому, что обществу должны быть переданы также и «средства распределения». Едва ли эти господа сумели бы сказать, что такое эти экономические средства распределения, отличные от средств производства и средств обмена; уж не имеют ли они в виду *политические* средства распределения: налоги, призрение бедных, в том числе саксенвальдские и другие дотации? Но ведь эти средства распределения уже и теперь являются общественным достоянием, принадлежат государству или общине, а во-вторых, их-то мы как раз и хотим упразднить.

* * *

Когда вспыхнула февральская революция, все мы в своих представлениях об условиях и ходе революционных движений находились под влиянием прежнего исторического опыта, главным образом опыта Франции. Ведь именно она играла главную роль во всей европейской истории с 1789 г., именно ею был и теперь вновь подан сигнал ко всеобщему перевороту. Поэтому было вполне естественно и неизбежно, что наши представления о характере и ходе провозглашенной в феврале 1848 г. в Париже «социальной» революции, революции пролетариата, были ярко окрашены воспоминаниями о образах 1789—1830 гг. А когда парижское восстание нашло отклик в победоносных восстаниях Вены, Милана, Берлина; когда вся Европа вплоть до русской границы была вовлечена в движение; когда затем в июне в Париже произошла первая великая битва за господство между пролетариатом и буржуазией; когда даже победа буржуазного класса настолько потрясла буржуазию всех стран, что она снова бросилась в объятия только что свергнутой монархическо-феодальной реакции,— тут уж при тогдашних обстоятельствах мы тем более не могли сомневаться в том, что наступил великий решительный бой, что он должен быть доведен до конца в течение одного длительного и исполненного превратностей революционного периода, что завершиться, однако, он может лишь окончательной победой пролетариата.

После поражений 1849 г. мы вовсе не разделяли иллюзий вульгарной демократии, группировавшейся *in partibus* [на чужбине] вокруг будущих временных правительств. Она рассчитывала на скорую и окончательную победу «народа» над «тиранами», мы же — на

продолжительную борьбу после устранения «тиранов» между таившимися в этом самом «народе» противоположными элементами. Вульгарная демократия со дня на день ждала нового взрыва; мы заявили уже осенью 1850 г., что по крайней мере *первый* этап революционного периода закончен и что до наступления нового мирового экономического кризиса ничего ожидать нельзя. Поэтому мы и были подвергнуты отлучению как изменники революции теми самыми людьми, которые впоследствии почти все без исключения заключили мир с Бисмарком, поскольку Бисмарк их этого удаивал.

Однако история показала, что неправы были и мы, что взгляд, которого мы тогда придерживались, был иллюзией. История пошла еще дальше: она не только рассеяла наше тогдашнее заблуждение, но совершенно изменила и те условия, при которых приходится бороться пролетариату. Способ борьбы, применявшийся в 1848 г., теперь во всех отношениях устарел, и этот пункт заслуживает в данном случае более подробного рассмотрения.

Все прежние революции сводились к вытеснению господства одного определенного класса господством другого; но все господствовавшие до сих пор классы являлись лишь ничтожным меньшинством по сравнению с подчиненной народной массой. Таким образом, одно господствующее меньшинство свергалось, другое меньшинство овладевало вместо него кормилом государственной власти и преобразовывало государственные порядки сообразно своим интересам. Всякий раз это бывала та группа меньшинства, которая на данном уровне экономического развития была способна и призвана господствовать, и именно поэтому — и только поэтому — при перевороте подчиненное большинство либо принимало участие в пользу этой группы, либо же спокойно примирялось с переворотом. Но если отрешиться от конкретного содержания каждого отдельного случая, общая форма всех этих революций заключалась в том, что это были революции меньшинства. Если большинство и принимало в них участие, оно действовало, — сознательно или бессознательно, — лишь на пользу меньшинства; но именно это, — или даже просто пассивное поведение большинства, не оказывавшего сопротивления, — создавало видимость, будто это меньшинство является представителем всего народа.

После первого большого успеха победоносное меньшинство обыкновенно раскалывалось; одна часть его удовлетворялась достигнутым, другая желала идти дальше, ставила новые требования, соответствовавшие, по крайней мере отчасти, подлинным или мнимым интересам широкой народной массы. В отдельных случаях эти более

радикальные требования действительно осуществлялись, но часто лишь на одно мгновение; затем более умеренная партия снова одерживала верх, и то, что бывало к концу достигнуто, снова — целиком или отчасти — сводилось на-нет; тогда побежденные начинали кричать об измене или объясняли поражение случайностью. В действительности же дело большей частью обстояло так: то, что было приобретено при первой победе, становилось прочным лишь благодаря второй победе более радикальной партии; как только это бывало достигнуто, а вместе с тем выполнялось то, что было в данный момент необходимо, — радикалы и их успехи снова сходили со сцены.

Во всех революциях новейшего времени, начиная с великой английской революции XVII века, обнаруживались эти черты, казавшиеся неотделимыми от всякой революционной борьбы. Казалось, что они свойственны и борьбе пролетариата за свое освобождение, тем более, что как раз в 1848 г. можно было по пальцам перечесть людей, которые хоть сколько-нибудь понимали бы, в каком направлении следует искать это освобождение. Даже в Париже самим пролетарским массам было и после победы совсем неясно, каким путем им следует идти. И все же движение было налицо — инстинктивное, стихийное, непреодолимое. Разве это не было именно такое положение, при котором революция должна была увенчаться успехом, революция, руководимая хотя и меньшинством, но на этот раз не в интересах меньшинства, а в самых доподлинных интересах большинства? Если во все сколько-нибудь продолжительные революционные периоды широкие народные массы так легко давали себя увлечь пустыми мистификациями забегавших вперед меньшинств, то могли ли они быть менее восприимчивыми к идеям, бывшим прямым отражением их экономического положения, к идеям, представлявшим собою не что иное, как ясное, разумное выражение их потребностей, еще не понятых, но уже смутно ощущаемых ими самими? Правда, это революционное настроение масс почти всегда и большей частью очень скоро сменялось утомлением или даже поворотом в противоположную сторону, как только рассеивались иллюзии и наступало разочарование. Но здесь дело шло не о мистификациях, а об осуществлении самых доподлинных интересов огромного большинства; эти интересы, правда, тогда еще отнюдь не были ясны этому огромному большинству, но скоро должны были в ходе своего практического осуществления, вследствие убедительной очевидности, стать достаточно ясными. А к тому же, как доказано в третьей статье Маркса, к весне 1850 г. развитие буржуазной республики, возникшей из «социальной» революции 1848 г., привело к тому, что действительное господство

было сосредоточено в руках крупной буржуазии, настроенной вдобавок монархически, а все другие общественные классы, крестьяне и мелкие буржуа, напротив, сгруппировались вокруг пролетариата, так что при общей победе и после нее решающим фактором должны были оказаться не они, а умудренный опытом пролетариат. Неужели при этих условиях нельзя было вполне рассчитывать на то, что революция меньшинства превратится в революцию большинства?

История показала, что и мы и все, мыслившие подобно нам, были неправы. Она ясно показала, что состояние экономического развития европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства; она доказала это экономической революцией, которая с 1848 г. охватила весь континент и собственно впервые фактически укоренила крупную промышленность во Франции, Австрии, Венгрии, в Польше, недавно и в России, а из Германии сделала прямотаки первоклассную промышленную страну, — и все это на капиталистической основе, которая, стало быть, в 1848 г. обладала еще большой способностью к расширению. Но именно эта промышленная революция и внесла повсюду ясность в классовые отношения; она устранила множество промежуточных форм, перешедших из мануфактурного периода, а в Восточной Европе породила даже из цехового ремесла подлинную буржуазию и подлинный крупнопромышленный пролетариат, выдвинув их на авансцену общественного развития. А вследствие этого борьба этих двух великих классов, происходившая в 1848 г. кроме Англии только в Париже и разве еще в некоторых крупных промышленных центрах, теперь распространилась по всей Европе и достигла такой интенсивности, какая в 1848 г. была еще немыслимой. Тогда — множество смутных сектантских евангелий с их всеисцеляющими средствами; теперь — *одна* общепризнанная, до прозрачности ясная теория Маркса, отчетливо формулирующая конечные цели борьбы; тогда — разделенные и разобщенные местными и национальными особенностями массы, связанные лишь чувством общих страданий, неразвитые, беспомощно переходившие от воодушевления к отчаянию; теперь — *единая* великая интернациональная армия социалистов, неудержимо шествующая вперед, с каждым днем усиливающаяся в численности, организованности, дисциплинированности, сознательности и уверенности в победе. Если даже и эта могучая армия пролетариата все еще не достигла цели, если она, отнюдь не добившись *одним* решительным ударом победы, вынуждена медленно пробиваться вперед, завоеывая в суровой, упорной борьбе одну позицию за другой, то это

окончательно доказывает, насколько было невозможно в 1848 г. достичь социального преобразования просто посредством внезапного нападения.

Распавшаяся на две династически-монархические части буржуазия, которая, однако, прежде всего требовала спокойствия и безопасности для своих денежных дел; против нее — хотя и побежденный, но все еще грозный пролетариат, вокруг которого все более и более группировались мелкие буржуа и крестьяне; постоянная угроза насильственного взрыва, который ко всему тому не подавал никаких надежд на окончательное разрешение вопроса, — таково было положение, как бы созданное для государственного переворота третьего псевдо-демократического претендента, Луи Бонапарта. 2 декабря 1851 г. он с помощью армии положил конец напряженному состоянию и обеспечил Европе внутреннее спокойствие, с тем, чтобы осчастливить ее зато новой эрой войн. Период революций снизу был на время закончен; последовал период революций сверху.

Возврат к империи в 1851 г. дал новое доказательство незрелости пролетарских стремлений того времени. Но сама же империя принуждена была создавать те условия, при которых они должны были достигнуть зрелости. Внутреннее спокойствие обеспечило широкий размах нового подъема промышленности; необходимость дать работу армии и отвлечь революционные стремления вопросами внешней политики породила войны, посредством которых Бонапарт, под предлогом защиты «принципа национальности», старался всякими уловками добиться аннексий для Франции. Его подражатель Бисмарк усвоил ту же политику для Пруссии; в 1866 г. он произвел свой государственный переворот, свою революцию сверху по отношению к Германскому союзу и к Австрии, а также по отношению к прусской палате, вступившей в конфликт с правительством. Но Европа была слишком мала для двух Бонапартов, и вот ирония истории пожелала, чтобы Бисмарк сверг Бонапарта и чтобы Вильгельм, король Пруссии, восстановил не только малогерманскую империю, но и французскую республику. Общим же результатом было то, что самостоятельность и внутреннее единство великих европейских наций, за исключением одной только Польши, стали действительностью. Стали, правда, в сравнительно скромных границах, но все же в границах, достаточно широких для того, чтобы процесс развития рабочего класса не тормозился более национальными осложнениями. Могильщики революции 1848 г. стали ее душеприказчиками. А рядом с ними уже грозно поднимался наследник 1848 г., пролетариат, в лице *Интернационала*.

После войны 1870—1871 гг. Бонапарт исчезает со сцены, и мис-

сия Бисмарка выполнена, так что он снова может превратиться в заурядного юнкера. Но завершением этого периода является Парижская коммуна. Вероломная попытка Тьера украсть у парижской Национальной гвардии ее орудия вызвала победоносное восстание. Снова обнаружилось, что в Париже уже невозможна никакая другая революция, кроме пролетарской. После победы господство досталось бесспорно, само собою, рабочему классу. И снова обнаружилось, как невозможно было даже и тогда, через двадцать лет после периода, рассмотренного в данной брошюре, это господство рабочего класса. С одной стороны, Франция бросила Париж на произвол судьбы, равнодушно наблюдая, как он истекал кровью под пулями Мак-Магона; с другой стороны, Коммуна истощалась в бесплодном споре двух партий, на которые она раскололась: бланкистов (большинство) и прудонистов (меньшинство), из которых ни те ни другие не знали, что делать. Легкая победа 1871 г. оказалась столь же бесплодной, как и внезапное нападение в 1848 г.

Вместе с Парижской коммуной надеялись окончательно похоронить борющийся пролетариат. Но как раз наоборот, с Коммуны и с франко-прусской войны начинается его наиболее мощный подъем. Включение всего населения, способного носить оружие, в армии, насчитывавшие уже миллионы солдат, введение огнестрельного оружия, артиллерийских снарядов и взрывчатых веществ еще неслыханной силы, — все это создало полный переворот во всем военном деле, переворот, который, с одной стороны, круто положил конец бонапартистскому периоду войн и обеспечил мирное промышленное развитие, сделав невозможной никакую другую войну, кроме неслыханной по своей жестокости мировой войны, исход которой совершенно не поддается учету. С другой стороны, этот переворот, вызвавший военные расходы, возрастающие в геометрической прогрессии, заставил поднять налоги до невероятной высоты и бросил тем самым неимущие классы населения в объятия социализма. Аннексия Эльзас-Лотарингии, ближайшая причина бешеной гонки военных вооружений, могла разжечь шовинизм французской и немецкой буржуазии друг против друга; но для рабочих обеих стран она стала лишь новым связующим звеном. И день годовщины Парижской коммуны стал первым общим праздничным днем для всего пролетариата.

Война 1870—1871 гг. и поражение Коммуны временно, как предсказывал Маркс, перенесли центр тяжести европейского рабочего движения из Франции в Германию. Во Франции, разумеется, понадобились годы, чтобы оправиться от кровопускания, устроенного в мае 1871 г. Наоборот, в Германии, где все быстрее развивалась

промышленность, поставленная вдобавок благословенными французскими миллиардами в прямо-таки тепличные условия, — в Германии тем быстрее и вернее выростала социал-демократия. В результате того уменья, с которым немецкие рабочие использовали введенное в 1866 г. всеобщее избирательное право, изумительный рост партии ясно виден всему миру из бесспорных цифр: в 1871 г.—102 000, в 1874 г.—352 000, в 1877 г.—493 000 социал-демократических голосов. Вскоре последовало признание этих успехов свыше в виде закона против социалистов; партия была временно разбита, число голосов упало в 1881 г. до 312 000. Но с этим партия быстро справилась, и вот, под гнетом исключительного закона, без прессы, без легальной организации, без права союзов и собраний, тут только и начался быстрый рост: в 1884 г. — 550 000, в 1887 г. — 763 000, в 1890 г. — 1 427 000 голосов. Тогда ослабла рука государства. Закон против социалистов исчез, число социалистических голосов увеличилось до 1 787 000, что составило более четверти всех поданных голосов. Правительство и господствующие классы исчерпали все свои средства — бесполезно, бесцельно, безрезультатно. Властям, от ночного сторожа до рейхсканцлера, пришлось получить — и притом от презренных рабочих! — осязательные доказательства своего бессилия, и доказательства эти насчитывались миллионами. Государство зашло в тупик, рабочие же только начинали свой путь.

Но наряду с этой первой услугой, которую немецкие рабочие оказали делу рабочего класса одним своим существованием в качестве самой сильной, самой дисциплинированной и наиболее быстро растущей социалистической партии, они оказали еще и вторую крупную услугу. Они дали своим товарищам во всех странах новое оружие, — одно из самых острых, — показав им, как нужно пользоваться всеобщим избирательным правом.

Всеобщее избирательное право давно уже существовало во Франции, но оно приобрело там дурную репутацию вследствие того, что им злоупотребляло бонапартистское правительство. После Коммуны не существовало рабочей партии, которая могла бы его использовать. В Испании оно тоже было введено со времен республики, но в Испании воздержание от участия в выборах было издавна общим правилом всех серьезных оппозиционных партий. И швейцарские опыты со всеобщим избирательным правом меньше всего могли ободрить рабочую партию. Революционные рабочие романских стран привыкли считать избирательное право ловушкой, орудием правительственного обмана. В Германии дело обстояло иначе. Уже «Коммунистический манифест» провозгласил завоевание всеобщего избира-

тельного права, завоевание демократии, одною из первых и важнейших задач борющегося пролетариата, и Лассаль снова выдвинул это требование. Когда Бисмарк оказался вынужденным ввести это всеобщее избирательное право как единственное средство заинтересовать в своих планах народные массы, наши рабочие сразу отнеслись к делу серьезно и послали Августа Бебеля в первый учредительный рейхстаг. И с тех пор они так пользовались избирательным правом, что это принесло огромную пользу им самим и стало образцом для рабочих всех стран. Избирательное право они, говоря словами французской марксистской программы, *ont transformé de moyen de duperie qu'il a été jusqu'ici en instrument d'émancipation*, превратили из средства обмана, каким оно было до сих пор, в орудие освобождения. И если бы даже всеобщее избирательное право не давало никакой другой выгоды, кроме той, что оно позволяло нам через каждые три года производить подсчет наших сил; что благодаря регулярно отмечаемому неожиданно быстрому росту числа голосов оно одинаково усиливало как уверенность рабочих в победе, так и страх врагов, став таким образом наилучшим нашим средством пропаганды; что оно давало нам точные сведения о наших собственных силах и о силах всех вражеских партий и тем самым давало ни с чем не сравнимый масштаб для расчета наших действий, предохраняя нас как от несвоевременной робости, так и от несвоевременной дерзости, — если бы избирательное право давало только эту единственную выгоду, то и этого было бы уже более чем достаточно. Но оно дало гораздо больше. В избирательной агитации оно дало нам несравненное средство войти в соприкосновение с народными массами там, где они еще далеки от нас, принудить все партии к защите перед всем народом своих взглядов и действий от нашей критики; и кроме того, в рейхстаге оно открыло нашим представителям трибуну, с которой они могли гораздо более авторитетно и более свободно, чем в печати и на собраниях, обращаться как к своим противникам в парламенте, так и к массам за его стенами. Что толку было для правительства и буржуазии в их законе против социалистов, если избирательная агитация и социалистические речи в рейхстаге беспрестанно пробивали в нем бреши?

Но вместе с этим успешным использованием всеобщего избирательного права вступил в действие совершенно новый способ борьбы пролетариата, быстро получивший дальнейшее развитие. Оказалось, что в государственных учреждениях, в которых буржуазия организует свое господство, есть вообще много такого, чем может воспользоваться рабочий класс для борьбы против этих самых учреждений.

Стали принимать участие в выборах в ландтаги отдельных государств, в муниципальные советы, в промысловые суды, стали оспаривать у буржуазии каждое место, при замещении которого голосует достаточное количество пролетариата. И вышло так, что буржуазия и правительство стали бояться легальной деятельности рабочей партии гораздо больше, чем нелегальной, успехов на выборах гораздо больше, чем успехов восстания.

Ибо и здесь условия борьбы существенно изменились. Восстание старого типа, уличная борьба с баррикадами, до 1848 г. игравшая повсюду решающую роль, в значительной степени устарело.

Не будем создавать себе на этот счет иллюзий: действительная победа восстания над войсками в уличной борьбе, такая победа, какая бывает в битве между двумя армиями, составляет величайшую редкость. Но инсургенты и рассчитывали на такую победу весьма редко. Для них все дело было только в том, чтобы поколебать дух войск моральным воздействием, которое в борьбе между армиями двух воюющих стран не играет никакой роли или во всяком случае играет гораздо меньшую роль. Если это удается, войска отказываются стрелять или же начальники теряют голову, и восстание побеждает. Если же это не удается, то на стороне войск, даже при меньшей их численности, сказываются преимущества лучшего вооружения и обучения, единого руководства, планомерного применения боевых сил и дисциплины. Наибольшее, чего может достичь восстание в тактике своих действий, это — правильное сооружение и защита какой-нибудь отдельной баррикады. Взаимная поддержка, размещение и применение резервов, — словом согласование и соподчинение действий отдельных отрядов, необходимые даже для защиты какого-нибудь одного городского района, не говоря уже о защите целого большого города, достижимы лишь в очень слабой степени, а большей частью и вовсе недостижимы; сосредоточение боевых сил в одном решающем пункте отпадает здесь само собою. Поэтому преобладающей формой борьбы является пассивная защита; наступление кое-где иногда производится, но лишь в виде исключения, для случайных вылазок и фланговых атак; как правило же, наступление ограничивается лишь занятием позиций, оставленных отступающими войсками. К тому же войска располагают артиллерией и хорошо снаряженными и обученными инженерными частями, а у инсургентов эти средства борьбы почти всегда совершенно отсутствуют. Неудивительно поэтому, что даже те баррикадные бои, в которых был проявлен величайший героизм, — в Париже в июне 1848 г., в Вене в октябре 1848 г., в Дрездене в мае 1849 г., — оканчивались

поражением восстания, как только вожди наступающих войск, отбросив всякие политические соображения, начинали действовать исходя из чисто военной точки зрения и могли положиться на своих солдат.

Многочисленные успехи инсургентов до 1848 г. объясняются очень разнообразными причинами. В Париже в июле 1830 г. и в феврале 1848 г., а также в большинстве испанских уличных боев между инсургентами и войсками стояла Национальная гвардия, которая либо прямо переходила на сторону восставших, либо же своим равнодушным и нерешительным поведением вызывала колебания также в войсках и вдобавок доставляла восставшим оружие. Там, где эта Национальная гвардия с самого начала выступала против восстания, как в Париже в июне 1848 г., восстание терпело поражение. В Берлине в 1848 г. народ победил отчасти потому, что ночью и утром 19 марта к нему присоединилось много свежих боевых сил, отчасти вследствие истощения и плохого снабжения войск, отчасти, наконец, оттого, что было парализовано командование. А во всех случаях восставшие одерживали верх потому, что войска отказывались стрелять, что у начальников пропадала решительность или же у них были связаны руки.

Итак, даже в классическую эпоху уличных боев баррикада действовала более морально, чем материально. Она была средством подорвать стойкость войск. Если ей удавалось продержаться до тех пор, пока эта цель бывала достигнута, — победа была одержана; не удавалось, — борьба кончалась поражением. [Вот тот главный пункт, который следует иметь в виду также при исследовании шансов возможных в будущем уличных боев.]¹

Уже в 1849 г. шансы эти были довольно плохи. Буржуазия повсюду перешла на сторону правительств; представители «просвещения и собственности» приветствовали и угощали войска, выступавшие против восстаний. Баррикада утратила свое обаяние; солдат видел за нею уже не «народ», а мятежников, бунтовщиков, грабителей, сторонников дележа, отбросы общества; офицер с течением времени освоился с тактикой уличной борьбы, он уже не шел напрямик и без прикрытия на импровизированный бруствер, а обходил его через сады, дворы и дома. И это при некоторой ловкости удавалось теперь в девяти случаях из десяти.

Но с тех пор произошло много еще и других изменений, и все в пользу войск. Если сильно выросли большие города, то еще больше

¹ Последняя фраза, как и ряд мест в дальнейшем тексте, при печатании рукописи была выброшена по настоянию правления германской социал-демократии (см. предисловие к настоящему тому). Все эти выброшенные места здесь вставлены и заключены в жирные квадратные скобки. *Ред.*

возросла численность армий. Население Парижа и Берлина увеличилось с 1848 г. все же не в четыре раза, а гарнизоны их увеличились более чем вчетверо.

Благодаря железным дорогам численность этих гарнизонов в 24 часа может быть увеличена более чем вдвое, а в 48 часов доведена до размеров огромных армий. Эта чрезвычайно усилившаяся армия несравненно лучше вооружена. В 1848 г. — гладкоствольное ударное ружье, заряжаемое с дула; теперь — мелкокалиберное магазинное ружье, заряжаемое с казенной части, ружье, которое стреляет в четыре раза дальше, в десять раз метче и в десять раз быстрее, чем старое. Прежде — артиллерия с относительно слабо действующими ядрами и картечью; теперь — разрывные гранаты, из которых достаточно одной, чтобы разрушить наилучшую баррикаду. Прежде — кирка сапера для проламывания брандмауеров, теперь — динамитный патрон.

Наоборот, на стороне инсургентов все условия ухудшились. Восстание, которому сочувствовали бы все слои народа, вряд ли повторится; в классовой борьбе средние слои никогда, конечно, не сплотятся все без исключения вокруг пролетариата так, чтобы окружающая буржуазию реакционная партия почти растаяла. «Народ» таким образом всегда окажется разделенным, а следовательно не будет того могучего рычага, который оказался столь действительным в 1848 г. Если на стороне восставших окажется больше лиц, прошедших военную службу, то зато вооружить их будет тем труднее. Охотничьи и любительские ружья из оружейных магазинов, даже в том случае, если их по распоряжению полиции не приведут заранее в негодность, вынув ту или иную часть замка, далеко не могут даже при бое на близком расстоянии сравниться с солдатской винтовкой. До 1848 г. можно было самому изготовить из пороха и свинца необходимый заряд, теперь же для каждого ружья требуются особые патроны, похожие друг на друга лишь в том отношении, что все они представляют собою сложный продукт крупной промышленности и, следовательно, не могут быть немедленно изготовлены, так что большая часть ружей остается бесполезной, если нет подходящих специально к ним зарядов. Наконец, длинные, прямые, широкие улицы во вновь выстроенных после 1848 г. кварталах больших городов как бы нарочно приспособлены для действия новых орудий и винтовок. Сумасшедшим был бы тот революционер, который избрал бы ¹ для баррикадной борьбы новые рабочие кварталы в северной и восточной частях Берлина.

¹ В гранках введения рукой Энгельса вставлено: сам (который сам избрал бы). *Ред.*

[Значит ли это, что в будущем уличная борьба не будет уже играть никакой роли? Нисколько. Это значит только, что условия с 1848 г. стали гораздо менее благоприятными для гражданских борцов, гораздо более благоприятными для войск. Будущая уличная борьба может, таким образом, привести к победе лишь в том случае, если это невыгодное соотношение будет уравновешено другими моментами. Поэтому уличная борьба будет происходить реже в начале большой революции, чем в дальнейшем ее ходе, и ее надо будет предпринимать с более значительными силами. А силы эти, так же, как и в течение всей Великой французской революции, как и 4 сентября и 31 октября в Париже, предпочтут, конечно, открытое наступление пассивной баррикадной тактике.]

Понятно ли теперь читателю, почему господствующие власти хотят заманить нас непременно туда, где стреляет ружье и рубит сабля? Почему нас теперь упрекают в трусости за то, что мы не желаем прямо выходить на улицу, где мы наперед уверены в поражении? Почему нас так настойчиво упрасивают согласиться, наконец, сыграть роль пушечного мяса?

Эти господа совершенно напрасно расточают свои просьбы и свои вызовы. Мы не настолько глупы. С таким же успехом они могли бы потребовать в ближайшую войну от своего врага, чтобы он выстроил свои войска в линию, как во времена старого Фрица, или в колонны из целых дивизий, как в дни Ваграма и Ватерлоо, и притом с кремневыми ружьями в руках. Если изменились условия для войны между народами, то не меньше изменились они и для классовой борьбы. Прошло время внезапных нападений, революций, совершаемых немногочисленным сознательным меньшинством, стоящим во главе бессознательных масс. Там, где дело идет о полном преобразовании общественного строя, массы сами должны принимать в этом участие, сами должны понимать, за что идет борьба, за что они проливают кровь и жертвуют жизнью¹. Этому научила нас история последних пятидесяти лет. Но для того, чтобы массы поняли, что нужно делать, необходима длительная, настойчивая работа, и именно эту работу мы и ведем теперь, ведем с таким успехом, который приводит в отчаяние наших противников.

В романских странах тоже начинают все больше понимать, что старую тактику необходимо подвергнуть пересмотру. Повсюду

¹ В рукописи: «für was sie mit Leib und Leben eintreten». В печатном тексте: «für was sie eintreten sollen», т. е. «за что они должны выступать». *Ред.*

немецкий пример использования избирательного права, завоевания всех доступных нам позиций, находит себе подражание [повсюду неподготовленные вспышки отошли на задний план (кроме разве тех случаев, когда их открыто вызвали бы правительства)]. Во Франции, где в течение более ста лет почва как-никак распаханна рядом революций, где нет ни одной партии, которая не отдала бы свою дань заговорам, восстаниям и всяческим другим революционными действиям; во Франции, где вследствие этого правительство никоим образом не может полагаться на армию и где вообще обстоятельства гораздо более благоприятны для мятежных вспышек, чем в Германии, — даже во Франции социалисты все более и более приходят к убеждению, что для них прочная победа возможна лишь в том случае, если они предварительно привлекут на свою сторону широкую массу народа, т. е. в данном случае крестьян. Последовательная пропагандистская работа и парламентская деятельность признаны и там ближайшей задачей партии. Успехи не заставили себя ждать. Завоеван не только целый ряд муниципалитетов; в палате заседают 50 социалистов, и они уже свергли три министерства и одного президента республики. В Бельгии рабочие в прошлом году завоевали избирательное право и одержали победу в четверти избирательных округов. В Швейцарии, в Италии, в Дании, даже в Болгарии и Румынии социалисты имеют своих представителей в парламентах. В Австрии все партии пришли к единодушному выводу, что невозможно более преграждать нам доступ в рейхсрат. Мы наверно туда проникнем, вопрос лишь в том — через какую дверь. И даже в России, когда там соберется знаменитый Земский собор¹, — это национальное собрание, созыву которого так тщетно противится молодой Николай, — мы можем с уверенностью рассчитывать, что будем и там иметь своих представителей.

Само собою разумеется, что этим самым наши заграничные товарищи ни в коем случае² не отказываются от своего права на революцию. Ведь право на революцию является единственным *действительно историческим правом*, — единственным, на котором основаны все без исключения современные государства, в том числе и Мекленбург, где дворянская революция закончилась в 1755 г. «договором о наследовании», этим действующим еще и сейчас достославным узаконением

¹ Слова «Земский собор» написаны Энгельсом по-русски. *Ред.*

² В рукописи Энгельса: «damit keineswegs»; в печатном тексте эти два слова заменены одним: «nicht». *Ред.*

феодализма. Право на революцию настолько прочно вошло в общее сознание, что даже генерал фон-Богуславский только из этого народного права и выводит право на государственный переворот для своего императора.

Но что бы ни происходило в других странах, германская социал-демократия занимает особое положение, а стало быть, по крайней мере в ближайшее время, она имеет и особую задачу. Два миллиона избирателей, которых она посылает к урнам, а также стоящие за ними молодежь и женщины, не имеющие права голоса, составляют наиболее многочисленную, самую компактную массу, решающий «ударный отряд» интернациональной пролетарской армии. Эта масса составляет уже сейчас более четверти всех поданных голосов, а она все время растет, как доказывают дополнительные выборы в рейхстаг, в ландтаги отдельных государств, в муниципалитеты и в промышленные суды.

Ее рост происходит так же самопроизвольно, так же непрерывно, так же неудержимо и вместе с тем так же спокойно, как какой-нибудь процесс природы. Все попытки правительства помешать этому оказались безуспешны ¹. Способствовать, не покладая рук, этому росту, пока он не перерастет через голову господствующей правительственной системы, [не уничтожать этот крепнущий с каждым днем ударный отряд в передовых схватках, а сохранять его в неприкосновенности до решающего дня] — вот наша главная задача. И только одно средство могло бы временно задержать и даже отбросить на некоторое время назад постоянный рост социалистических боевых сил в Германии: крупное столкновение с войсками, кровопускание, подобное произведенному в 1871 г. в Париже. Со временем мы преодолели бы и это. Нельзя стереть с лица земли партию, насчитывающую миллионы, для этого нехватит всех магазинных ружей Европы и Америки. Но это задержало бы нормальный ход развития, [мы остались бы, может быть, в критический момент без ударного отряда,] решающая битва была бы отсрочена, отдалена и стоила бы более тяжелых жертв.

Ирония всемирной истории ставит все вверх ногами. Мы, «революционеры», «разрушители», мы гораздо больше преуспеваем с

¹ В гранках введения собственной рукой Энгельса вставлены следующие слова: «Мы можем уже теперь рассчитывать на $2\frac{1}{4}$ миллиона избирателей. Если так будет продолжаться, мы завоеваем к концу этого столетия большинство среди средних прослоек общества, мелкой буржуазии и мелкого крестьянства, и вырастем в стране в решающую силу, перед которой волей-неволей должны будут склониться все другие силы». *Ред.*

помощью легальных средств, чем с помощью нелегальных или с помощью переворота. Партии, называющие себя партиями порядка, погибают от созданного ими же самими легального положения. В отчаянии они восклицают вместе с Одилоном Барро: *la légalité nous tue*, законность для нас — смерть, между тем как мы при этой законности приобретаем крепкие мускулы и румяные щеки и цветом, как вечная жизнь. А так как мы не столь безумны, чтобы в угоду этим партиям дать себя заманить в уличную борьбу, то им в конце концов останется лишь одно: самим нарушить эту роковую законность.

Покамест они составляют новые законы против переворота. Опять-таки все поставлено вверх ногами. Разве сегодняшние фанатические враги переворота (*Umstürzes*) не были вчера сами разрушителями (*Umstürzer*)? Разве *мы* вызвали гражданскую войну 1866 г.? Разве *мы* прогнали короля ганноверского, курфюрста гессенского, герцога нассауского из их родовых, законных, наследственных земель и аннексировали эти земли? И эти лица, произведшие переворот в Германском союзе, низвергшие три трона божьею милостью, жалуются на переворот! *Quis tulerit Gracchos de seditione querentes?* [Кто позволит Гракхам жаловаться на мятеж?] Кто может позволить поклонникам Бисмарка бранить переворот?

Но пусть они проводят свои законопроекты против переворота, пусть делают их еще свирепее, пусть превращают весь уголовный кодекс в каучук, — они достигнут лишь того, что представят новое доказательство своего бессилия. Для того, чтобы ущемить социал-демократию всерьез, им придется еще прибегнуть к совершенно другим мерам. Против социал-демократического переворота, которому в настоящий момент идет на пользу соблюдение законов, они могут пустить в ход лишь переворот со стороны партий порядка, переворот, который не может произойти без нарушения законов. Г-н Реслер, прусский бюрократ, и г. фон-Богуславский, прусский генерал, показали им единственный способ, который можно было бы, пожалуй, пустить в ход против рабочих, не дающих себя вовлечь в уличную борьбу. Нарушение конституции, диктатура, возвращение к абсолютизму, *regis voluntas suprema lex!* [воля короля — высший закон!] Смелей же, господа, тут нечего болтать, тут надо действовать!

Но не забывайте, что Германская империя, как и все мелкие государства и как все современные государства вообще, — *продукт договора*; во-первых, договора между государями и, во-вторых, до-

говора между государями и народом. Если одна сторона нарушает договор, то уничтожается договор в целом, и другая сторона также освобождается от обязательств. [Это великолепно продемонстрировал нам Бисмарк в 1866 г. Если вы, стало быть, нарушите имперскую конституцию, то социал-демократия тоже будет свободна от своих обязательств и сможет поступить с вами как ей будет угодно. Но что именно она тогда сделает, — эту тайну она вряд ли поведаёт вам теперь.]

Почти ровно 1 600 лет тому назад в Римской империи также действовала опасная партия переворота. Она подрывала религию и все основы государства, она прямо-таки отрицала, что воля императора — высший закон, она не признавала отечества, была интернациональной; она распространилась по всем провинциям империи, от Галлии до Азии, и проникла за ее пределы. Долгое время вела она подпольную, тайную работу; но уже довольно давно она чувствовала себя достаточно сильной, чтобы выступить открыто. Эта партия переворота, известная под именем христиан, имела много сторонников и в войсках; целые легионы были христианскими. Когда их посылали присутствовать на торжествах языческой господствующей церкви для оказания там воинских почестей, солдаты, принадлежавшие к партии переворота, имели дерзость прикреплять в виде протеста к своим шлемам особые значки, кресты. Даже обычные казарменные пытки, которым их за это подвергали начальники, оставались безрезультатными. Император Диоклетиан не мог более спокойно смотреть, как подрывались в его войсках порядок, послушание и дисциплина. Он принял энергичные меры, пока время еще не ушло. Он издал закон против социалистов, — то бишь против христиан. Собрания сторонников переворота были воспрещены, места их собраний были закрыты или даже разгромлены, христианские значки — кресты и т. п. — были запрещены, как в Саксонии запрещены красные носовые платки. Христиан лишили права занимать государственные должности, они не могли быть даже ефрейторами. Так как в то время еще не было судей, как следует выдрессированных по части «лицеприятия», судей, наличие которых предполагает внесенный г. фон-Келлером законопроект против переворота, то христианам было просто-напросто запрещено искать защиты в суде. Но и этот исключительный закон остался безрезультатным. Христиане в насмешку срывали текст закона со стен и даже, говорят, подожгли в Никомедии дворец, в котором находился в это время император. Тогда он отомстил массовым гонением на христиан в 303 г. нашего летосчисления. Это было последнее из гонений этого рода. И оно

оказалось настолько действительным, что через 17 лет подавляющее большинство армии состояло из христиан, а следующий самодержец всей Римской империи, Константин, прозванный попами великим, провозгласил христианство государственной религией.

Лондон, 6 марта 1895 г.

*Напечатано в качестве введения
к работе К. Маркса «Die Klassen-
kämpfe in Frankreich 1848 bis 1850».*

Berlin 1895.

Перевод с рукописи Энгельса.

**ДОПОЛНЕНИЕ
К ТРЕТЬЕМУ ТОМУ «КАПИТАЛА»**

«Дополнение к третьему тому «Капитала» — одна из последних работ Энгельса. Она осталась незаконченной.

Статья «Закон стоимости и норма прибыли» была напечатана в «*Neue Zeit*», Jahrgang 1895/96, I Band.

Набросок статьи «Биржа» впервые опубликован в русском переводе в «*Большевике*» № 23—24 за 1932 г.

С тех пор как третий том «Капитала» передан на открытое обсуждение, он уже многократно подвергался самым разнообразным толкованиям. Иного нельзя было и ожидать. При его издании я прежде всего стремился воспроизвести возможно более близкий к подлиннику текст, передать вновь открытые результаты исследований Маркса по возможности его же собственными словами, ограничить мое личное вмешательство лишь абсолютно необходимым, причем и в этом случае не оставлять у читателя ни малейшего сомнения в том, кто с ним говорит. Такое отношение осуждалось. Считалось, что я должен был находившийся в моем распоряжении материал превратить в систематически построенную книгу, *en faire un livre*, как выражаются французы, другими словами: подлинность текста принести в жертву удобству читателя. Однако я не так понимал свою задачу. На такую переработку я не имел ни малейшего права: человек, подобный Марксу, имеет полное право быть выслушанным самолично и передать потомству свои научные исследования в подлинном собственном изложении. Далее, у меня не было ни малейшего желания по своему усмотрению накладывать руку на наследие столь выдающегося человека; это казалось бы мне вероломством. И, в-третьих, это было бы совершенно бесполезно. Вообще бесцельно тратить энергию на людей, которые не могут или не желают читать, на тех, которые уже в отношении первого тома потратили больше усилий на его неправильное толкование, чем это было необходимо для того, чтобы его правильно понять. Для заинтересованных же в правильном понимании самым важным был именно подлинник; для них моя переработка в лучшем случае имела бы ценность комментария и к тому же комментария к чему-то неизданному и недоступному. При первом же споре, однако, пришлось бы цитировать подлинный текст, а при втором и третьем издание его *in extenso* (в полном объеме) стало бы неизбежным.

Такого рода споры вполне естественны в отношении сочинения, дающего столько нового и притом лишь в форме бегло набросанной и отчасти не лишенной пробелов первой обработки. Именно здесь мое вмешательство может быть действительно полезным — для устранения трудностей в понимании, для того, чтобы выдвинуть

на первый план наиболее важные точки зрения, значение которых в тексте недостаточно выпукло выступает вперед, или сделать некоторые важнейшие дополнения к писанному в 1865 г. тексту для приведения его в соответствие с положением вещей в 1895 г. И действительно, уже в настоящее время имеются два таких пункта, краткое выяснение которых мне представляется необходимым.

ЗАКОН СТОИМОСТИ И НОРМА ПРИБЫЛИ.

Следовало ожидать, что разрешение кажущегося противоречия между этими обоими факторами и после опубликования марксова текста приведет к спорам, как и до этого. Кое-кто ожидал настоящего чуда и, конечно, считает себя разочарованным, увидев вместо предполагаемого фокус-покуса простое, рациональное и прозаически трезвое разрешение противоречия (*Vermittlung des Gegensatzes*). Конечно, более всех злорадно разочарован уже известный нам знаменитый Лориа. Этот нашел, наконец, архимедову точку опоры, благодаря которой даже пигмей его калибра может поднять на воздух и взорвать прочно сооруженное, гигантское, созданное Марксом здание. Как, — восклицает он с негодованием, — вот это и есть решение? Да это чистейшая мистификация! Экономисты, раз они говорят о стоимости, то о такой, которая фактически устанавливается в обмене. «А заниматься стоимостью, по которой товары не только не продаются, *но и не могут продаваться (ne possono vendersi mai)*, этого не делал еще, да и никогда не сделает, ни один экономист, сохранивший хотя бы тень рассудка... Когда Маркс утверждает, что стоимость, по которой товары *никогда* не продаются, определяется пропорционально содержащемуся в них труду, разве не повторяет он только в обратной форме положение правоверных экономистов, что стоимость, по которой товары продаются, не находится в пропорции к затраченному на них труду?.. Ничуть не помогает и утверждение Маркса, что, несмотря на отклонение отдельных цен от отдельных стоимостей, сумма цен всех товаров всегда совпадает с их совокупной стоимостью или с количеством труда, содержащегося в совокупной массе товаров. А так как стоимость есть не что иное, как отношение, в котором один товар обменивается на другой, то уже само понятие совокупной стоимости есть абсурд, бессмыслица... *contradictio in adjecto*». В самом начале своего сочинения Маркс, дескать, заявляет, что обмен может приравнивать два товара только потому, что они содержат равные коли-

чества однородного элемента, а именно равное количество труда. Теперь же он торжественно отрекается от самого себя, утверждая, что товары обмениваются пропорционально не содержащимся в них количествам труда, а по совершенно иной пропорциональности. «Видано ли было когда-либо более полное приведение к абсурду, большее теоретическое банкротство? Совершалось ли когда-либо научное самоубийство с большей помпой и торжественностью?» («Nuova Antologia», 1 февраля 1895 г., стр. 478 и 479).

Как видите, наш Лориа вне себя от радости. Разве он не был прав, третируя Маркса, как такого же, как и он сам, заурядного шарлатана? Не угодно ли полюбоваться — Маркс издевается над своей публикой совершенно так же, как Лориа; он пробавляется мистификациями точь-в-точь, как ничтожнейший итальянский профессор политической экономии. Но в то время как шарлатан может позволить себе это, так как он владеет своим ремеслом, неуклюжий северянин Маркс на каждом шагу попадает впросак, говорит бессмыслицы, абсурд, так что, в конце концов, ему остается только торжественно покончить с собою.

Не будем пока касаться утверждения, что товары никогда не продавались по их стоимости, определяемой трудом, и что они никогда не могут продаваться в соответствии с ней. Здесь же остановимся только на уверении господина Лориа, что «стоимость есть не что иное, как отношение, в котором один товар обменивается на другой, и что поэтому уже самое понятие совокупной стоимости товаров есть абсурд, бессмыслица и т. д.». Следовательно, отношение, в котором два товара обмениваются, — их стоимость, — является чистой случайностью, прилетевшей к товарам извне и могущей иметь сегодня одну величину, а завтра другую. Обменивается ли центнер пшеницы на один грамм или на один килограмм золота, ни в малейшей степени не зависит от условий, присущих этой пшенице или этому золоту, а от совершенно чуждых им обоим обстоятельств. Иначе эти условия должны были бы иметь значение и в обмене, господствовать над ним в общем и целом и иметь самостоятельное существование независимо от обмена, так что можно было бы говорить и о совокупной стоимости товаров. Но знаменитый Лориа утверждает, что это бессмыслица. В каком бы отношении ни обменивались два товара, это и есть их стоимость — вот и все. Следовательно, стоимость идентична с ценой, и каждый товар имеет столько стоимостей, сколько он может иметь цен. Цена же определяется спросом и предложением, а кто еще продолжает задавать вопросы, ожидая ответа, — тот дурак.

Но тут имеется маленькая загвоздка. При нормальном состоянии спрос и предложение взаимно покрываются. Разделим все наличные товары мира на две половины — группу спроса и равную ей по величине группу предложения. Допустим далее, что цена каждой группы = 1 000 млрд. марок, франков, фунтов стерлингов или еще чего-либо. Это даст в сумме цену или стоимость в 2 000 млрд. Бессмыслица, абсурд! — восклицает г. Лориа. Обе группы вместе могут представлять цену в 2 000 млрд., но со стоимостью дело обстоит иначе. Если мы говорим: цена, то $1\ 000 + 1\ 000 = 2\ 000$; но если мы говорим: стоимость, то $1\ 000 + 1\ 000 = 0$. Так обстоит дело, по крайней мере, в данном случае, где речь идет об общей сумме товаров. Ибо здесь товар каждого из двух стоит 1 000 млрд., потому что каждый из них хочет и может дать эту сумму за товар другого. Если же мы сосредоточим общую сумму товаров обоих в руках третьего лица, то первый не будет иметь ничего, второй тоже, а третий и подавно ничего: в результате ни у кого не будет ничего. И мы снова восхищены превосходством нашего южного Калиостро, так обработавшего понятие стоимости, что от него не осталось ни малейшего следа. Вот достойное завершение вульгарной экономии¹.

В «Archiv für soziale Gesetzgebung» Брауна (год VII, выпуск 4)

¹ Этот же «своей славой известный» господин (говоря словами Гейне) несколько позже был вынужден ответить на мое предисловие к третьему тому, а именно после того, как оно появилось на итальянском языке в первом номере «Rassegna» за 1895 г. Ответ напечатан в «Riforma Sociale» от 25 февраля 1895 г. Осыпав меня сначала неизбежными у него и именно потому вдвойне противными похвалами, он заявляет, что и не думал присваивать себе заслуг Маркса в области материалистического объяснения истории. Он признал их еще в 1885 г. — как-то мимоходом в журнальной статейке. Но зато тем упорнее он умалчивает об этом там, где об этом нужно говорить, а именно в своей книге на эту тему, где Маркс упоминается лишь на стр. 129, да и то по вопросу о мелком землевладении во Франции. А теперь он отважно заявляет, что Маркс вовсе не является творцом этой теории; если она не была намечена в общих чертах еще Аристотелем, то несомненно, что Гаррингтон прокламировал ее уже в 1656 г., и она была вновь развита затем целой плеядой историков, политиков, юристов и экономистов задолго до Маркса. И чего только нельзя вычитать из французского издания сочинения Лориа! Короче — совершеннейший плагиатор. После того как я отнял у него дальнейшую возможность хвастаться при помощи позаимствований из Маркса, он смело заявляет, что и Маркс точно так же украшался чужими перьями, как и он. Из моих других возражений Лориа отвечает лишь на сказанное по поводу его мнения, что Маркс никогда и не думал писать второй, а тем более третий том «Капитала». «И теперь Энгельс отвечает мне, с триумфом указывая на второй и третий томы... Восхитительно! А я так рад этим томам, которым я обязан такую массу умственного

Вернер Зомбарт дает в общем отличное изложение основных положений системы Маркса. Это первый случай, когда немецкому университетскому профессору удается прочесть в сочинениях Маркса в общем и целом то, что Маркс действительно сказал, когда этот профессор заявляет, что критика системы Маркса может заключаться не в опровержении, — «этим пусть займутся политические карьеристы», — а лишь в дальнейшем ее развитии. Конечно, и Зомбарт занимается нашей темой. Он исследует вопрос, какое значение имеет стоимость в системе Маркса, и приходит к следующим выводам: стоимость не выявляется в обмене капиталистически произведенных товаров; она не живет в сознании агентов капиталистического производства; стоимость — не эмпирический, а мысленный, логический факт; понятие стоимости в ее материальной определенности есть у Маркса не что иное, как экономическое выражение того факта, что общественная производительная сила труда является основой хозяйственного бытия; в капиталистическом строе хозяйства закон стоимости господствует над хозяйственными явлениями. в последнем счете и для этого хозяйственного строя в самом общем виде означает следующее: стоимость товаров представляет специфически-историческую форму, в которой осуществляется опреде-

наслаждения, что никогда еще мне не была так приятна победа, как приятно это поражение, если это действительно можно считать поражением. Но поражение ли это в самом деле? Действительно ли верно, что Маркс написал с целью опубликования эту массу не связанных между собою замечаний, которые Энгельс собрал с таким благоговением? Можно ли действительно допустить, что Маркс... предполагал этими печатными страницами завершить свое сочинение и свою систему? Вероятно ли, что Маркс опубликовал бы эту главу о средней норме прибыли, где много лет тому назад обещанное решение сводится к безотрадной мистификации, к вульгарнейшей игре словами? По меньшей мере позволительно усомниться в этом... Это доказывает, что Маркс после издания своей блестящей (*splendido*) книги не имел в виду дать ее продолжения или же хотел предоставить завершение этого колоссального труда своим идейным наследникам, не неся за это личной ответственности».

Вот что написано на стр. 267. Самый презрительный отзыв Гейне о его немецкой филистерской публике заключается в словах: под конец автор так привыкает к своей публике, как будто имеет дело с разумным существом. За кого же должен считать свою публику знаменитый Лориа?

В заключение — новая порция похвал сыплется на мою несчастную голову. При этом наш Сганарель уподобляется Валааму, который пришел проклинать, но уста которого против воли расточают «слова благословения и любви». Как известно, Валаам отличался тем, что ездил на осле, который был умнее своего седока. На этот раз, очевидно, Валаам оставил своего осла дома.

ляющее действие производительной силы труда, в последнем счете господствующей над всеми экономическими явлениями. Так говорит Зомбарт; нельзя сказать, что такое понимание значения закона стоимости для капиталистической формы производства было бы неверно. Но в то же время эта формулировка представляется мне слишком общей, она нуждается в сужении и уточнении; эта формулировка, по моему мнению, ни в какой мере не исчерпывает всего значения закона стоимости на тех ступенях экономического развития общества, которые подчинены господству этого закона.

В брауновском «Sozialpolitisches Zentralblatt» от 25 февраля 1895 г., № 22, напечатана также превосходная статья Конрада Шмидта о третьем томе «Капитала». В особенности следует указать на приведенное там доказательство того, как выведением средней нормы прибыли из прибавочной стоимости Маркс впервые дает ответ на вопрос, который до сих пор еще ни разу не был даже поставлен экономистами: как определяется высота этой средней нормы прибыли и почему она достигает 10 или 15%, а не 50 или 100%? С тех пор как мы знаем, что присвоенная прежде всего промышленными капиталистами прибавочная стоимость является единственным и исключительным источником, из которого получается прибыль и земельная рента, этот вопрос решается сам собою. Эта часть статьи Шмидта как бы специально написана для экономистов à la Лориа, если только не напрасно усилие открыть глаза тем, кто не хочет видеть.

Но и у Шмидта имеются формальные сомнения по поводу закона стоимости. Он называет его научной *гипотезой*, построенной для объяснения фактического процесса обмена, гипотезой, которая оправдала себя как необходимый теоретический исходный пункт, бросающий свет даже на, повидимому, совершенно противоречащие ей явления конкурентных цен; без закона стоимости и по его мнению становится совершенно немыслимым какое бы то ни было теоретическое познание экономического механизма капиталистической действительности. А в одном частном письме, которое он разрешил мне цитировать, Шмидт прямо объявляет закон стоимости в пределах капиталистической формы производства фикцией, хотя и теоретически необходимой. Но это понимание, по моему мнению, совершенно не верно. Закон стоимости и для капиталистического производства имеет гораздо большее и более определенное значение, чем значение простой гипотезы, не говоря уже о фикции, хотя бы и необходимой.

Как Зомбарт, так и Шмидт, — знаменитого Лориа я упоминаю

при этом лишь мимоходом, в качестве забавного экземпляра вульгарной экономии, — не обращают должного внимания на то, что здесь дело идет не только о чисто логическом процессе, но и об историческом процессе и его отражении в сознании, логическом исследовании его внутренних связей.

Решающее место по этому поводу имеется у Маркса в т. III, 1, стр. 154¹: «Вся трудность происходит оттого, что товары обмениваются не просто как *товары*, но и как *продукты* капиталов, которые претендуют на пропорциональное их величине или — при равенстве их — на равное участие в совокупной массе прибавочной стоимости». Для иллюстрации этого различия предполагается сначала, что рабочие владеют средствами производства, работают в среднем одинаковое время и с одинаковой интенсивностью и непосредственно обменивают свои продукты между собой. При таких условиях двое рабочих присоединяли бы своим однодневным трудом к своему продукту одинаковое количество новой стоимости, но продукт каждого из них имел бы различную стоимость в зависимости от количества труда, уже ранее воплощенного в средствах производства. Эта последняя часть стоимости представляла бы постоянный капитал капиталистического хозяйства; часть вновь присоединенной стоимости, потраченная на средства существования рабочих, соответствовала бы переменному капиталу, а остающаяся сверх того часть новой стоимости представляла бы прибавочную стоимость, которая в данном случае принадлежала бы рабочим. Следовательно, оба рабочих, за вычетом возмещения лишь авансированной или «постоянной» части стоимости, получили бы равные по величине стоимости. Однако отношение части, представляющей прибавочную стоимость, к стоимости средств производства, — что соответствовало бы капиталистической норме прибыли, — было бы у них различно. Но так как каждый из них при обмене получил возмещение стоимости его средств производства, то это было бы совершенно безразличным обстоятельством. «Обмен товаров по их стоимостям или приблизительно по их стоимостям требует поэтому *гораздо более низкой ступени*, чем обмен по ценам производства, для чего необходима определенная высота капиталистического развития... Таким образом, независимо от подчинения цен и их движения закону стоимости, является вполне правильным рассматривать стоимости товаров не только *теоретически*, но и *исторически*, как *prius* цен производства. Это относится к таким укладам, *когда работнику при-*

¹ Русское издание 1932 г., стр. 127.

надлежат средства производства, а таково как в древние, так и в новейшие времена положение крестьянина, работающего лишь личным трудом и владеющего землей, и ремесленника. Это согласуется и с тем высказанным нами ранее взглядом, что превращение продуктов в товары возникает благодаря обмену между различными общинами, а не между членами одной и той же общины. Это относится как к этому первобытному состоянию, так и к позднейшим укладам, основанным на рабстве и крепостничестве, а также к цеховой организации ремесла и другим периодам, когда средства производства, затраченные в каждой отрасли производства, лишь с трудом могут быть перенесены из одной сферы в другую, и потому разные сферы производства относятся друг к другу до известной степени так же, как чужеземные страны или коммунистические общины» (Маркс, т. III, 1, стр. 156 ¹).

Если бы Марксу удалось еще раз переработать третий том, то он, несомненно, развил бы это место значительно подробнее. В своем же теперешнем виде оно дает лишь набросок того, что следовало бы сказать по данному вопросу. Остановимся на нем поэтому несколько подробнее.

Все мы знаем, что на первых ступенях общественной жизни продукты потребляются самими производителями и что эти производители организованы в первобытные, более или менее коммунистические общины; что обмен избытков этих продуктов с посторонними, приводящий к превращению продуктов в товары, относится к позднему времени, первоначально имеет место лишь между отдельными разноплеменными общинами и только позднее приобретает значение и внутри общин, существенно содействуя их разложению на большие или меньшие семейные группы. Но и после этого разложения обменивающиеся главы семейств остаются трудящимися крестьянами, производящими все необходимое для удовлетворения почти всех своих потребностей в собственном хозяйстве при помощи своей семьи, и лишь незначительную часть необходимых предметов они выменивают на стороне на избыток продукта своего труда. Семья занимается не только земледелием и скотоводством, но перерабатывает также их продукты в готовые предметы потребления, местами даже мелет еще муку на ручной мельнице, печет хлеб, прядет, красит, тклет лен и шерсть, дубит кожи, сооружает и чинит деревянные здания, изготавливает инструменты и орудия труда, нередко выполняет столярные и кузнечные работы, так

¹ Русское издание, стр. 128, 129.

что такая семья или семейная группа своим трудом удовлетворяет свои основные потребности.

То немногое, что подобной семье приходится получать в обмен или покупать у других, даже вплоть до начала XIX века в Германии, состояло преимущественно из предметов ремесленного производства, т. е. из таких вещей, способ изготовления которых был хорошо известен крестьянину, но которых он не производил сам или из-за трудности получения сырья, или же ввиду значительной дешевизны и лучшего качества покупных предметов. Следовательно, средневековому крестьянину было довольно точно известно количество рабочего времени, необходимого на изготовление предметов, получаемых им в обмен. Сельский кузнец и каретник работали на его глазах, так же как и портной или сапожник, которые еще в дни моей юности ходили у наших рейнских крестьян из избы в избы и шили из самодельных тканей и кож одежду и обувь. Как крестьянин, так и те, у которых он покупал, были сами работниками: обмениваемые предметы были продуктами их личного труда. Что затрачивали они при изготовлении этих предметов? Труд—и только труд: на возмещение орудий труда, на производство сырья, на его обработку они затрачивали только свою собственную рабочую силу; могли ли они поэтому обменивать эти свои продукты на продукты других трудящихся производителей иначе, чем пропорционально затраченному труду? При таких условиях рабочее время, затраченное на эти продукты, было не только единственным подходящим мериллом для количественного определения подлежащих обмену величин, но при таких условиях всякое другое мерило было совершенно немыслимо. Можно ли предположить, что крестьяне и ремесленники были так глупы, чтобы обменивать продукт десятичасового труда одного на продукт часового труда другого? Для всего периода крестьянского натурального хозяйства возможен был только такой обмен, при котором обмениваемые количества товаров имеют тенденцию все в большей мере соразмеряться с количествами воплощенного в них труда. С момента появления в этом хозяйственном строе денег тенденция к соответствию с законом стоимости (*nota bene* — в формулировке Маркса!) становится, с одной стороны, еще отчетливее, но с другой — она уже начинает нарушаться благодаря ростовщическому капиталу и фискальной эксплуатации, и те периоды, в течение которых в среднем цены почти приближаются к стоимости, становятся уже более продолжительными.

То же самое относится к обмену продуктов крестьян на продукты городских ремесленников. Вначале обмен совершается не-

посредственно, без участия купца, в базарные дни в городах, где крестьянин продает свои продукты и совершает покупки. И здесь точно так же крестьянину известны условия труда ремесленника, а последний знает условия крестьянского труда. Он сам еще до известной степени крестьянин, он имеет не только огород и сад, но очень часто клочок земли, одну-две коровы, свиней, домашних птиц и т. д. Таким образом, в средневековые люди были в состоянии довольно точно подсчитать друг другу издержки производства в отношении сырья, вспомогательных материалов, рабочего времени — по крайней мере поскольку дело касалось предметов повседневного обихода.

Но как же при этом обмене по количеству затраченного труда определялось это количество, хотя бы косвенно и относительно, для продуктов, требующих затраты труда в течение продолжительного времени, с нерегулярными перерывами и неопределенным размером продукции, например для хлеба и скота, и при этом у людей, не умеющих считать? Очевидно, лишь путем трудного процесса приближения к цели в потемках, ощупью, окольными путями, причем, как и всегда, лишь горький опыт научал людей. Необходимость для каждого в общем и целом выручить свои издержки содействовала в каждом отдельном случае нахождению правильного пути, ограниченное же число родов предметов, поступавших в обмен, наряду с постоянством способов их производства, нередко остававшихся неизменными в течение многих столетий, облегчали эту задачу. Доказательством того, что для приблизительно точного установления относительной величины стоимости этих продуктов вовсе не требовалось уж очень много времени, служит уже один тот факт, что такой товар, как скот, для которого, ввиду продолжительности периода производства отдельной его штуки, это определение кажется наиболее затруднительным, был первым широко общепризнанным денежным товаром. Для того чтобы это осуществилось, необходимо было, чтобы стоимость скота, его меновое отношение к целому ряду других товаров, достигла фиксации, сравнительно выходящей за обычные рамки и беспрекословно признаваемой на территории многочисленных племен. И люди того времени, как скотоводы, так и те, кто у них покупал, наверное были достаточно умны для того, чтобы при обмене не отдавать без эквивалента затраченного ими рабочего времени. Наоборот, чем ближе к первобытному состоянию товарного производства находится тот или другой народ, — например, русские и жители Востока, — тем больше времени и до сих пор тратят они на то, чтобы путем долгого, упорного торга выколотить полное

возмещение рабочего времени, затраченного на производство продукта.

Исходя из того, что стоимость определяется рабочим временем, все товарное производство, — а вместе с тем и многообразные отношения, в которых проявляются различные стороны закона стоимости, — развивается так, как это изложено в первом отделе первого тома; стало быть, в особенности, условия, при которых единственным создателем стоимости является труд. Притом это — такие условия, которые прокладывают себе путь, не проникая в сознание участников, и которые лишь путем трудных теоретических исследований могут быть абстрагированы от повседневной практики, которые, стало быть, действуют подобно законам природы и которые, как доказал Маркс, с необходимостью вытекают из природы товарного производства. Важнейшим и решающим шагом вперед был переход к металлическим деньгам, но в результате этого перехода и определение стоимости рабочим временем уже перестало видимым образом выступать на поверхности товарного обмена. С точки зрения практики решающим мериллом стоимости стали деньги, и это тем более, чем разнообразнее становились товары, служащие предметами торговли, чем более они притекали из отдаленных стран и, следовательно, чем меньше можно было учесть необходимое для изготовления этих товаров рабочее время. К тому же и сами деньги притекали из чужих краев; но даже и в том случае, когда благородные металлы добывались в данной стране, крестьяне и ремесленники, с одной стороны, не были в состоянии даже приблизительно определить затраченный на их добывание труд, а с другой стороны, у них самих под влиянием привычки считать на деньги было довольно затемнено представление о свойстве стоимости; в народном сознании деньги начали служить представителем абсолютной стоимости.

Словом, закон стоимости Маркса имеет силу повсюду, — поскольку вообще имеют силу экономические законы, — для всего периода простого товарного производства, следовательно до того времени, когда последнее претерпевает видоизменение благодаря возникновению капиталистической формы производства. До этого момента цены тяготеют к определенным по закону Маркса стоимостям и колеблются около них так, что чем полнее развивается простое товарное производство, тем более средние цены за продолжительные периоды, не прерываемые внешними насильственными нарушениями, совпадают со стоимостями с точностью до величины, которой можно пренебречь. Стало быть, закон стоимости Маркса имеет экономически всеобщую силу для периода, который длится

с начала обмена, превратившего продукты в товары, и вплоть до XV столетия нашего летосчисления. Начало же обмена товаров относится ко времени, предшествующему какой бы то ни было писанной истории, которое уходит в глубь веков в Египте по меньшей мере за три, а может быть и за пять тысяч лет, в Вавилонии же за четырех-шесть тысяч лет до нашего летосчисления. Таким образом, закон стоимости господствовал в течение периода в пять-семь тысяч лет. И вот после этого полюбуйтесь глубокомыслием г. Лориа, называющего стоимость, имевшую непосредственное и всеобщее значение в течение всего этого времени, стоимостью, по которой товары никогда не продавались и не могут продаваться и исследованием которой никогда не будет заниматься ни один экономист, имеющий хотя бы каплю здравого рассудка.

До сих пор мы не говорили о купце. Мы могли оставлять без внимания его вмешательство до того момента, когда мы переходим к превращению простого товарного производства в капиталистическое товарное производство. Купец был революционирующим элементом этого общества, где все прежде было неподвижно, неподвижно, так сказать, по наследству; где крестьянин не только свой надел, но и свое положение свободного собственника, свободного или зависимого чиншевика или крепостного, а городской ремесленник свое ремесло и цеховые привилегии получали наследственно и почти неотчуждаемо; кроме того, каждый из них получал по наследству свою клиентуру, свой рынок сбыта, так же как и выработанную с детства профессиональную ловкость. И вот в этот мир вступил купец, который и должен был положить начало перевороту этого мира. Но он не действовал в качестве сознательного революционера, а, наоборот, как плоть от плоти, кость от кости этого мира. Купец средневековья отнюдь не был индивидуалистом, он был по существу своему общинником, как и все его современники. В деревне господствовала выросшая на почве первобытного коммунизма община-марка. Каждый крестьянин имел первоначально надел одинаковой величины с равной долей в участках различного качества и соответствующее одинаковое участие в правах в общине-марке. С тех пор как община-марка стала замкнутой и был прекращен отвод новых наделов, наступило дробление благодаря наследованию и т. д. наделов и соответствующее раздробление общинных прав, но единицей общинного землевладения попрежнему оставался полный надел, так что были половины, четверти и восьмушки надела с половинной, четвертой или восьмой долей участия в общей марке. По образцу общины-марки создавались все позднейшие промышлен-

ные организации и прежде всего городские цехи, внутреннее устройство которых было не чем иным, как приложением организационных принципов общины-марки, — но уже к ремесленным привилегиям, а не к определенной территории. Центральным пунктом всей организации было равное участие каждого ее члена в пользовании всеми обеспеченными за цехом привилегиями и доходами, как это красноречиво выражено в привилегии на «кормление от пряжи», данной жителям Эльберфельда и Бармена в 1527 г. (Thun, «Industrie am Niederrhein» [Тун, «Нижнерейнская промышленность»], II, 164 и сл.). То же относится к горной промышленности, где также каждый пай горного участка давал одинаковое участие и так же, как надел общинника, был делим вместе с связанными с ним правами и обязанностями. И то же самое в не меньшей мере относится к купеческим товариществам (Genossenschaft), вызвавшим к жизни заморскую торговлю. Венецианцы и генуэзцы в гаванях Александрии или Константинополя, — каждая «нация» в своем собственном гостином дворе (Fondaco), состоящем из жилого помещения, ресторана, склада, выставочного помещения и магазина с центральным бюро, — составляли полные торговые общины, они были ограждены от конкурентов и покупателей, они продавали по установленным взаимным соглашениям ценам, их товары были определенного качества, гарантированного общественным контролем, а часто и наложением особых клейм, они совместно определяли цены, которые приходилось платить туземцам за их товары, и т. д. Точно так же вели свое дело ганзейцы на «Немецком мосту» (Tydske Bruggen) в норвежском Бергене и так же их голландские и английские конкуренты. Горе тому, кто продаст дешевле или купит дороже условленных цен! Бойкот, которому он подвергался, означал при тогдашних условиях неизбежное разорение, не говоря уже о прямых штрафах, налагаемых товариществом на виновника. Но, кроме того, основывались более тесные товарищества с определенными целями, вроде генуэзского общества Маона, владевшего в течение многих лет квасцовыми залежами Фокеи в Малой Азии и на острове Хиосе в XIV и XV столетиях, далее — большого Равенсбергского торгового общества, которое с конца XIV столетия вело торговые дела с Италией и Испанией и основывало там свои отделения, а также немецкого общества аугсбургских купцов Фуггер, Вельзер, Фелин, Гехштеттер и т. д., нюрнбергских — Гиршфогель и других, которое с капиталом в 66 000 дукатов и тремя кораблями принимало участие в португальской экспедиции 1505—1506 гг. в Индию, получив при этом 150, а по другим источникам — 175% чистой прибыли (Heyd, «Levantehandel» [Гейд,

«Левантийская торговля»], II, 524), и целого ряда других обществ-«монополий», приводивших Лютера в такую ярость.

Здесь мы впервые наталкиваемся на прибыль и норму прибыли. При этом стремление купцов сознательно и преднамеренно направлено на то, чтобы сделать эту норму прибыли равной для всех участников. У венецианцев на востоке, у ганзейцев на севере каждый платил одинаковые со своими соседями цены за приобретаемые товары, они стоили ему одинаковых транспортных издержек, он получал за них одинаковые с другими цены и закупал обратный груз по тем же ценам, как и другие купцы его «нации». Таким образом, норма прибыли была одинакова для всех. Распределение прибыли в крупных торговых товариществах пропорционально вложенной доле капитала было столь же само собой разумеющимся, как и участие в правах марки пропорционально дающим эти права долям надела или как участие в прибыли горнозаводских предприятий пропорционально числу паев (кукс). Таким образом, равная норма прибыли, которая в своем полном развитии есть один из конечных результатов капиталистического производства, оказывается здесь в своей простейшей форме одним из исходных пунктов исторического развития капитализма и даже прямым наследием общины-марки, которая, в свою очередь, есть прямое продолжение первобытного коммунизма.

Эта первоначальная норма прибыли по необходимости была очень высока. Торговое дело было очень рискованным не только вследствие сильно распространенного морского разбоя, но и потому, что конкурирующие нации нередко позволяли себе при первом удобном случае всякого рода насилия; наконец, самый сбыт и условия этого сбыта основывались на данных чужеземными князьями привилегиях, которые довольно часто нарушались или совершенно отменялись. Прибыль, следовательно, должна была включать высокую страховую премию. Кроме того, оборот совершался медленно, выполнение сделок затягивалось, а в периоды расцвета, которые, впрочем, редко бывали продолжительны, торговые дела представляли собой монопольную торговлю с монопольной прибылью. Что средняя норма прибыли была очень высока, об этом свидетельствуют также и обычные тогда очень высокие нормы процента, которые всегда должны быть в общем ниже обычного уровня торговой прибыли.

Но эта высокая и равная для всех участников норма прибыли, получаемая благодаря совместной деятельности товариществ, имела силу лишь в пределах данных товариществ, т. е., в данном

случае, у отдельных «наций». Венецианцы, генуэзцы, ганзейцы, голландцы, — каждая нация для себя и, вероятно, вначале также для каждого отдельного рынка сбыта, — имели особые нормы прибыли. Выравнивание этих различных норм прибыли отдельных товариществ осуществлялось обратным путем — при помощи конкуренции. Прежде всего уравнивались нормы прибыли на различных рынках одной и той же нации. Если Александрия давала большую прибыль на венецианские товары, чем Кипр, Константинополь или Трапезунд, то венецианцы направляли большее количество капиталов в Александрию, изъям часть их из обращения на других рынках. Далее должно было последовать постепенное уравнивание норм прибыли между отдельными нациями, вывозящими на одни и те же рынки одинаковые или сходные товары, причем очень часто некоторые из этих наций разорялись и исчезали со сцены. Процесс этот, однако, постоянно прерывался политическими событиями; так, например, вся торговля с Востоком погибла вследствие монгольских и турецких нашествий, а грандиозные географическо-торговые открытия с 1492 г. лишь ускорили и затем довершили эту гибель.

Последовавшее затем внезапное расширение области сбыта и обусловленный этим переворот в путях сообщения не принесли на первых порах существенных изменений в способе ведения торговли. Торговля с Индией и Америкой также велась сперва преимущественно товариществами. Но теперь уже за этими товариществами стояли крупные нации. Место торговавших с Востоком каталонцев заступила в американской торговле вся крупная объединенная Испания, а наряду с ней две такие большие страны, как Англия и Франция; даже самые маленькие страны — Голландия и Португалия были все же, во всяком случае, не меньше и не слабее Венеции — самой большой и сильной торговой нации предшествовавшего периода. Это давало разъезжавшему купцу (merchant adventurer) XVI и XVII столетий опору, которая все более и более делала излишним товарищество, защищающее своих членов также и помощью оружия, а связанные с его существованием расходы становились излишним бременем. Далее, теперь богатства накапливались в руках отдельных лиц значительно быстрее, так что в скором времени единичные купцы могли вкладывать в одно предприятие столько же средств, сколько раньше вкладывало целое общество. Торговые общества, где они еще продолжали существовать, превращались по большей части в вооруженные корпорации, которые под защитой и протекторатом своих государств завоевывали и монопольно эксплуатировали целые вновь открытые страны.

Но чем в большем числе основывались преимущественно государством колонии в новых областях, тем более торговые товарищества отступали на задний план перед торговлей единичного купца, и вместе с тем уравнение нормы прибыли становилось все более и более исключительно делом конкуренции.

До сих пор мы познакомились лишь с нормой прибыли торгового капитала. Ибо до сих пор существовали лишь торговый и ростовщический капиталы, а промышленному капиталу только предстояло еще развиться. Производство еще было преимущественно в руках работников, которые владели своими собственными средствами производства и труд которых, следовательно, не приносил прибавочной стоимости никакому капиталу. Если они и были вынуждены отдавать безвозмездно часть своего продукта третьему лицу, то лишь в виде дани феодальному владыке. Поэтому торговый капитал, по крайней мере вначале, мог получать свою прибыль лишь с иностранных покупателей продуктов внутреннего производства или с местных покупателей иностранных продуктов. Только в конце этого периода, — для Италии, следовательно, с упадком левантийской торговли, — иностранная конкуренция и затруднения в сбыте могли вынуждать ремесленного производителя экспортных товаров уступать купцу-экспортеру товары ниже их стоимости. Таким образом, мы обнаруживаем здесь такое явление, что во внутреннем розничном обороте отдельных производителей между собой товары в среднем продаются по своим стоимостям, а в международной торговле, по указанным основаниям, общим правилом является продажа не по стоимостям. Полная противоположность по отношению к современному положению, когда цены производства имеют силу в международной и оптовой торговле, между тем как в мелочной городской торговле ценообразование регулируется совершенно другими нормами прибыли, так что теперь, например, говядина испытывает более значительную надбавку в цене по дороге от лондонского оптового торговца к лондонским потребителям, чем на пути от оптового торговца в Чикаго к лондонскому оптовому торговцу, включая сюда и расходы по перевозке.

Орудием этого постепенного переворота в ценообразовании был промышленный капитал. Начало этому было положено уже в средние века в трех областях: судоходстве, горных промыслах и текстильной промышленности. Судоходство в тех размерах, в которых оно велось итальянскими и ганзейскими приморскими республиками, невозможно было без матросов, т. е. наемных рабочих (наемные отношения последних могли маскироваться артельными

формами с участием в прибылях), а галеры того времени немислимы без гребцов — наемных рабочих или рабов. Предприятия по добычи руды, которые первоначально велись объединенными в артели работниками, почти везде превратились в акционерные общества для ведения дела при помощи наемных рабочих. В текстильной же промышленности купец начал ставить мелких ткачей-мастеров в положение своих непосредственных служащих, раздавая им пряжу и заставляя их за его счет перерабатывать ее в ткань за определенную плату, — короче говоря, превращаясь из простого купца в так называемого *раздатчика*.

Здесь мы имеем перед собой первые зачатки образования капиталистической прибавочной стоимости. Горнозаводские промыслы, ввиду их замкнутого монополюльно-корпоративного характера, мы можем оставить в стороне. Что же касается судоходства, то, очевидно, здесь прибыль должна была, во всяком случае, равняться обычной прибыли данной страны со специальной надбавкой на страхование, снашивание судов и т. д. Но как же обстояло дело с раздатчиками в текстильной промышленности, которые впервые создали на рынке непосредственную конкуренцию между товарами капиталистического производства и товарами ремесленного производства?

Норма прибыли торгового капитала была уже заранее дана. Она уже была также, по крайней мере в каждой данной местности, сведена к своей средней норме. Что же могло побудить купца взять на себя дополнительно дело раздатчика? Лишь одно: перспектива большей прибыли при равной с другими продажной цене. И именно это он имел в виду. Заставив мелких мастеров работать на себя, он ломал традиционные границы производства, при котором производитель продавал свой готовый продукт и ничего другого. Торговец-капиталист покупал рабочую силу, которая покамест еще владела своими орудиями производства, но уже больше не имела сырья. Обеспечивая, таким образом, ткачу постоянный заработок, он мог вместе с тем так понижать его заработную плату, что часть затраченного им рабочего времени оставалась неоплаченной. Таким образом, раздатчик присваивал прибавочную стоимость сверх получаемой им до сих пор торговой прибыли. Правда, он должен был для этого применять добавочный капитал, чтобы закупать пряжу и т. д. и оставлять ее в руках ткача до окончательной выделки продукта, между тем как прежде он выплачивал полную цену продукта только в момент покупки его. Но, во-первых, в большинстве случаев он и раньше уже делал дополнительные затраты капитала на ссуды ткачам, которые, как правило, подчинялись новым условиям про-

изводства лишь вынужденные к тому долговым рабством. И, вторых, даже независимо от этого расчет представляется в следующем виде.

Допустим, что наш купец вел свое экспортное дело с капиталом в 30 000 дукатов, цехинов, фунтов стерлингов или чего-нибудь другого. Положим, что 10 000 из них затрачено на покупку товаров внутреннего производства, в то время как 20 000 используются им на заморских рынках сбыта. Пусть капитал оборачивается раз в два года, годовой оборот равен 15 000. Но допустим, что наш купец хочет заняться ткачеством за свой счет, сделаться раздатчиком. Какой капитал должен он для этого дополнительно затратить? Положим, что время производства куска ткани, которой он торгует, равняется в среднем двум месяцам (хотя это время наверное слишком продолжительное). Допустим далее, что он за все должен платить наличными деньгами. В таком случае он должен будет дополнительно затратить такой капитал, чтобы его хватило для снабжения ткачей пряжей на два месяца. Так как его годовой оборот — 15 000, то в два месяца он закупает тканей на 2 500. Допустим, что 2 000 из них представляют стоимость пряжи, а 500 — заработную плату ткачей; тогда нашему купцу потребуется дополнительный капитал в 2 000. Допустим, что прибавочная стоимость, которую он присваивает себе от ткача, благодаря новому способу достигает лишь 5% стоимости ткани, что составляет безусловно весьма скромную норму прибавочной стоимости в 25%

$$(2\ 000c + 500v + 125m; m' = \frac{125}{500} = 25\%; p = \frac{125}{2\ 500} = 5\%).$$

При таких условиях наш купец, при годовом обороте 15 000, получит 750 добавочной прибыли, а в $2\frac{2}{3}$ года вернет себе, следовательно, весь затраченный дополнительный капитал.

Но чтобы ускорить свой сбыт и вместе с тем свой оборот и благодаря этому получить ту же прибыль с прежнего капитала в более короткий период времени, — стало быть, чтобы получить в течение того же времени большую прибыль, — он подарит небольшую часть своей прибавочной стоимости покупателю, будет продавать дешевле своих конкурентов. Последние также превратятся постепенно в раздатчиков, и тогда добавочная прибыль сведется для них всех к обычной прибыли или даже к меньшей, причем она будет получаться на повысившийся у них всех капитал. Равенство нормы прибыли снова восстановлено, хотя возможно, что уже на другом уровне, благодаря тому, что часть произведенной внутри страны прибавочной стоимости уступается иностранным покупателям.

Следующий шаг по пути подчинения промышленности капиталу заключается во введении мануфактуры. Эта форма промышленности также давала мануфактуристу, который в XVII и XVIII столетиях, — в Германии же до 1850 г., а местами и до сих пор, — в большинстве случаев был и экспортером своих товаров, возможность производить дешевле его старомодных конкурентов-ремесленников. Повторяется тот же процесс: присваиваемая капиталистом мануфактуры прибавочная стоимость позволяет ему или экспортеру, с которым он ее делит, продавать дешевле своих конкурентов, пока новая форма производства не станет всеобщей и снова произойдет выравнивание прибылей. Уже заранее данная норма торговой прибыли, если даже она уравнена в местном масштабе, остается прокрустовым ложем, на котором без всякого милосердия отсекается излишняя промышленная прибавочная стоимость.

Если мануфактура бурно развилась благодаря удешевлению продуктов, то в еще большей степени этому удешевлению обязана своим ростом крупная промышленность, которая путем непрерывного революционизирования методов производства все более и более понижает издержки производства товаров и беспощадно стирает с лица земли все прежние способы производства. Именно она таким путем окончательно завоевывает капиталу внутренний рынок, кладет конец мелкому производству и натуральному хозяйству самодовлеющей крестьянской семьи, устраняет прямой обмен между мелкими производителями и ставит всю нацию на службу капиталу. Она также выравнивает нормы прибыли различных отраслей торговли и промышленности в одну общую норму прибыли и обеспечивает, наконец, промышленности подобающую ей господствующую роль при этом выравнивании, устраняя большую часть препятствий, до тех пор стоявших на пути перенесения капитала из одной отрасли в другую. Вместе с этим для совокупного процесса обмена происходит в общем превращение стоимостей в цены производства. Это превращение происходит, следовательно, в силу объективных законов, помимо сознания или намерения участников. То обстоятельство, что конкуренция низводит до общего уровня прибыль, в случаях превышения общей нормы, и таким путем снова отнимает у пионеров промышленности присваивавшуюся ими прибавочную стоимость, превышающую средний уровень, не представляет собою никаких теоретических трудностей. На практике же тем более, так как отрасли с избыточной прибавочной стоимостью, т. е. с высоким переменным и низким постоянным капиталом или с низким строением капитала, по самой природе своей позже всего

и наименее полно подчиняются капиталистическому производству; это прежде всего земледелие. Что же касается, наоборот, повышения цен производства выше стоимости товаров, которое необходимо, чтобы поднять до уровня средней нормы прибыли недостаточную прибавочную стоимость, заключенную в продуктах отраслей с высоким строением капитала, то теоретически это выглядит весьма трудным, на практике же, как мы уже видели, совершается всего легче и быстрее. Ибо товары этого рода, когда они начинают производиться капиталистически и поступают в капиталистическую торговлю, вступают в конкуренцию с товарами того же рода, произведенными докапиталистическими способами, т. е. стоящими дороже. Следовательно, капиталистический производитель даже при отказе от части прибавочной стоимости все же может выручать обычную для его местности прибыль, которая первоначально не имела прямого отношения к прибавочной стоимости, так как она возникала из торгового капитала задолго до того, как вообще возникло капиталистическое производство и стала, следовательно, возможна промышленная норма прибыли.

II.

БИРЖА ¹.

1) Из третьего тома, пятого раздела, в особенности из главы [27] ² вытекает, какое положение биржа занимает в капиталистическом производстве. Однако с 1865 г., когда книга была написана, наступило изменение, которое придает бирже значительно возросшую и все растущую роль и которое в своем дальнейшем развитии имеет тенденцию концентрировать в руках биржевиков (*Börsianer*) все производство как промышленное, так и земледельческое и все обращение — как средства связи, так и функцию обмена; таким образом, биржа становится самой выдающейся представительницей капиталистического производства.

2) В 1865 г. биржа была еще *второстепенным* элементом в капиталистической системе. Основную массу биржевых ценностей представляли государственные бумаги, но и их количество было относительно невелико. Наряду с этим акционерные банки, которые на континенте и в Америке господствовали, в Англии еще только готовились к поглощению аристократических частных банков. Железнодорожные акции были также еще относительно слабы по сравнению с настоящим временем. Непосредственно же производителей предприятий в акционерной форме было лишь немного, — «глаз министра» был тогда еще неизжитым суеверием, — так же как и банков, в особенности в *более бедных* странах, как Германия, Австрия, Америка и т. д.

Следовательно, тогда еще биржа была местом, где капиталисты отнимали друг у друга накопленные ими капиталы и которое непосредственно касалось рабочих лишь как новое доказательство всеобщего деморализующего влияния капиталистического хозяйства и как подтверждение кальвинистского тезиса, что уже на этом

¹ Рукопись озаглавлена Энгельсом следующим образом: «Биржа, дополнительные замечания к третьему тому «Капитала». *Ред.*

² Энгельс в рукописи оставил свободное место, чтобы проставить порядковый номер главы. Речь идет, очевидно, о главе 27-й — «Роль кредита в капиталистическом производстве». *Ред.*

свете благодать божья — иными словами, случай — распределяет благословение и проклятье, богатство, т. е. наслаждение и власть, и бедность, т. е. лишения и рабство.

3) Теперь иначе. Со времени 1866 г. накопление происходило со все возрастающей быстротой и притом таким образом, что ни в одной капиталистической стране, и всего менее в Англии, производство не поспевало за накоплением, и накопление отдельного капиталиста не могло найти полного применения в расширении его собственного предприятия; в английской хлопчатобумажной промышленности [это имело место] уже в 1845 г., [далее] железнодорожные аферы. Но вместе с этим накоплением возрастала и масса рантье, людей, которым надоело вечное напряжение, связанное с ведением дел, и которые хотели лишь развлекаться или иметь лишь необременительные занятия в качестве директоров и членов наблюдательных советов компаний. И, в-третьих, для облегчения приложения массы пришедшего, таким образом, в подвижное состояние денежного капитала ныне повсюду, где этого еще не было, созданы были новые законодательные формы для обществ с ограниченной ответственностью и были более или менее снижены обязательства акционеров, до тех пор отвечавших в неограниченном размере (акционерные общества в Германии в 1890 г. — 40% подписки).

4) В связи с этим постепенно [идет] превращение промышленности в акционерные предприятия. Одна отрасль за другой попадает под действие судьбы. Сначала железодельательная промышленность, где в настоящее время необходимы гигантские сооружения (еще раньше рудники, если они еще не имели формы паевых предприятий). Затем химическая промышленность, точно так же машиностроительные заводы. На континенте также текстильная промышленность, а в Англии еще лишь в отдельных местностях — Ланкашир (прядельная фабрика в Ольдхэм, ткацкая фабрика в Бэрнлэй и т. д. Объединение швейных предприятий. Но это лишь предварительная ступень, которая во время ближайшего кризиса распадается и снова попадает в руки [отдельных] хозяев), пивоварни (несколько лет тому назад американские пивоварни были отданы в руки английского капитала, далее Guinness Bess, Allsopp ¹). Затем тресты, создающие гигантские предприятия под общим управлением (как United Alkali ²). Обыкновенная единоличная фирма все более и более ста-

¹ Названия двух крупных английских пивоваренных фирм. *Ред.*

² Английский химический трест. *Ред.*

новится только предварительной ступенью, которая подготавливает предприятие к тому моменту, когда оно достаточно велико, чтобы быть «учрежденным».

То же самое относительно торговли. Leaf, Parsons, Morleys и т. д., г-н Диллон¹ — все учреждены. Точно так же теперь и различные магазины и притом не только под внешностью кооперации à la «Stores»².

То же самое относительно банков и других кредитных учреждений также и в Англии. Масса новых — все в форме акционерных обществ с ограниченной ответственностью. Даже старые банки, как ...³ и т. д., преобразуются с 7 частными в общество с ограниченной ответственностью.

5) В области земледелия то же самое. Неимоверно расширившиеся банки, особенно в Германии (под всевозможными бюрократическими именами) — все более и более носители ипотек; вместе с их акциями действительная верховная собственность над землевладением передается бирже, и это в еще большей степени, когда имения попадают в руки кредиторов. Здесь сельскохозяйственная революция, связанная с вовлечением в обработку степей, действует насильственным образом; если так будет продолжаться, то можно предвидеть время, когда земля попадет в руки биржи также в Англии и во Франции.

6) Приложение капитала за границей — все в акциях. Говоря только об Англии: американские дороги, северные и южные (справиться по биржевому бюллетеню, Гольдбергер и т. д.).

7) Затем колонизация. Последняя — ныне простое отделение биржи, в интересах которой европейские державы несколько лет тому назад поделили Африку, французы завоевали Тунис и Тонкин.

Африка прямо сдана в аренду компаниям (Нигер, Южная Африка, Германская Юго-Западная и Восточная Африка). Машоналэнд и Наталь взяты во владение для биржи Родсом.

¹ Названия фирм. *Ред.*

² То-есть по образцу универмагов. *Ред.*

³ Слово неразборчиво. Выглядит, как «Glogens et Co», очевидно название банка. *Ред.*

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

А.

- Август, Октавиан* (63 до хр. э.—14)— первый римский император—426.
- Адлер* (Adler), *Виктор* (1852—1918)—46.
- Адриан, Антонин* (76—138)—римский император (117—138)—415.
- Александр Македонский* (Великий) (356—323 до хр. э.)— царь македонский (336—323), основатель мировой греко-македонской империи—423.
- Александр I* (1777—1825)—русский император (1801—1825)—17, 19, 21, 23, 24.
- Александр II* (1818—1881)—русский император (1855—1881)—29, 31, 38, 389.
- Александр III* (1845—1894)—русский император (1881—1894)—145.
- Альбрехт* (Albrecht) («пророк») (1788—1844)— один из последователей Вейтлинга; написал ряд брошюр, в том числе: «Восстановление сионской державы», «Видение на алтаре свободы» и др.—412.
- Альвизи* (Alvisi)— итальянский сенатор—328, 329, 330.
- Анаксагор* (ок. 500—ок. 428 до хр. э.)— греческий философ—289.
- Антиох, Епифан*— сирийский царь (175—164 до хр. э.)—417.
- Арбиб* (Arbib), *Эдоардо* (1840—1906)— итальянский буржуазный публицист и политический деятель, член парламента с 1879 по 1895 г., с 1904 г. сенатор—330.
- Ариосто* (Ariosto), *Лодовико* (1474—1533)— итальянский поэт эпохи Возрождения—226.
- Аркрайт* (Arkwright), *Ричард* (1732—1792)— парикмахер; изобретатель ватерной прядильной машины (1771), хотя его авторство оспаривалось; впоследствии фабрикант—301.
- Ауэр* (Auer), *Игнац* (1846—1907)— немецкий социал-демократ, по профессии шорник; с 1870 г. эйзенаховец, в

1874—1877 гг. и после 1890 г. секретарь правления партии, начиная с 70-х годов неоднократно был членом рейхстага, один из лидеров реформизма—64, 81.

Б.

- Бакунин, Михаил Александрович* (1814—1876)—48, 51, 81, 259, 318, 319, 320, 388.
- Бар* (Bahr), *Герман* (род. в 1863 г.)— австрийский публицист и драматург—72, 73, 75.
- Барро* (Barrot), *Одилон* (1791—1873)— французский государственный деятель, руководитель «династической оппозиции» при Луи-Филиппе и премьер первого министерства при Наполеоне III—484.
- Бастелика* (Bastelica), *Андре* (1846—1880), рабочий-печатник, один из деятелей I Интернационала во Франции, был связан с бакунистским «Альянсом»; во время Коммуны директор управления по взаимную городских пошлин; эмигрировал в Лондон; был кооптирован в Генеральный совет; участник Лондонской конференции; был исключен из Интернационала—318.
- Бастид* (Bastide), *Жюль* (1800—1879)— французский политик и публицист, в молодости карбонарий, участник революции 1830 г., один из редакторов «National» (см.); в 1848 г. министр иностранных дел—382.
- Бауэр* (Bauer), *Бруно* (1809—1882)— немецкий философ и публицист, один из вождей младогегельянцев, автор многочисленных публицистических и исторических работ, в особенности по истории раннего христианства—255, 256, 260, 415, 416, 431.
- Бахофен* (Bachofen), *Иоганн-Якоб* (1815—1887)— швейцарский юрист и этнолог, профессор римского права в Базеле, автор книги «Das Mutterrecht» («Материнское право», 1861), разби-

¹ Все указатели к настоящему тому подготовлены *Е. И. Бойко. Ред.*

- раемой Энгельсом в его работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства»—117—122, 124, 126.
- Бebel** (Bebel), *Август* (1840—1913)—64, 81, 170, 194, 224, 242, 341, 475.
- Бейст** (Beust), *Фридрих* (1817—1899)—бывший прусский офицер, мелкобуржуазный демократ, редактор «Neue Kölnische Zeitung» (1848), после революции эмигрант в Швейцарии, педагог; дальний родственник Энгельса—346.
- Беккер** (Becker), *Август* («Красный») (1814—1875)—сын священника, активный вейтлингианец в Швейцарии; сотрудничал в ряде газет, в 1848 г. издавал в Гиссене «Der jüngste Tag»; позднее эмигрант в Америке—413.
- Бекленд** (Buckland), *Вильям* (1784—1856)—английский геолог, автор работы «Замечания об органических остатках, сохранившихся в пещерах, трещинах и допотопных отложениях, а также о других геологических явлениях, свидетельствующих о фактах всемирного потопа» (1823)—291.
- Беме** (Böhme), *Яков* (1575—1624)—немецкий философ-мистик—289.
- Бенари** (Benary), *Фердинанд-Франц-Симон* (1805—1880)—филолог-ориенталист и богослов, профессор в Берлине, гегельянец—426, 427, 428.
- Бенгель** (Bengel), *Иоганн-Альбрехт* (1687—1752)—протестантский богослов, толкователь Библии—428.
- Бернадотт** (Bernadotte), *Жан-Батист-Жюль* (1763—1844)—маршал Наполеона I; в 1818 г. вступил на шведский престол под именем Карла XIV. См. о нем М. и Э., Соч., т. XI, ч. II (стр. 582—590)—19.
- Бернард** (Bernard), *сэр Джон* (1685—1764)—английский коммерсант и государственный деятель, член парламента в 1722—1761 гг.—229.
- Берне** (Börne), *Людвиг* (1786—1837)—немецкий публицист и критик, идеолог группы «Молодая Германия»—46.
- Бернштейн** (Bernstein), *Эдуард* (1850—1932)—47.
- Биаджини** (Biagini)—чиновник министерства финансов Италии—328, 329, 332.
- Бизли** (Beesly), *Эдуард-Спенсер* (1831—1915)—профессор древней истории Лондонского университета, позитивист, радикал, в 1864 г. председательствовал на учредительном собрании I Интернационала, оказывал ряд услуг Генеральному совету—153—156, 169, 192, 193, 196, 197, 203, 204, 209.
- Бисмарк** (Bismark), *Отто* (1815—1898)—31, 33, 37, 40, 41, 42, 43, 44, 70, 83, 84, 86, 95, 145, 243, 245, 248, 271, 272, 282, 334, 358, 359, 435, 469, 472, 473, 475, 484, 485.
- Блан** (Blanc), *Луи* (1811—1882)—французский мелкобуржуазный социалист, соглашатель, член Временного правительствa 1848 г.; позднее буржуазный радикал—242, 382.
- Бланки** (Blanqui), *Огюст* (1805—1881)—89.
- Блум** (Blum), *Роберт* (1807—1848)—саксонский демократ, в 1848 г. один из вождей левой Франкфуртского национального собрания; был делегирован в революционную Вену, где принимал участие в баррикадной борьбе; расстрелян по приговору военного суда—59.
- Богуславский** (Boguslawski), *Альберт фон* (1834—1905)—прусский генерал и военный писатель—483, 484.
- Боллингброк** (Bolingbroke), *Генри Сент-Джон*, граф (1678—1751)—английский философ и государственный деятель, консерватор, деист; главная работа — «Письма об изучении и пользе истории» (1738)—299.
- Бомарше** (Beaumarchais), *Пьер-Огюстен Карон* (1732—1799)—французский драматург и памфлетист—168.
- Боррош** (Borrosch), *Алоиз* (ум. 1869)—пражский книготорговец, член немецко-чешской фракции в австрийском Национальном собрании 1848 г.—53.
- Брайт** (Bright), *Джон* (1811—1889)—английский хлопчатобумажный фабрикант, либерал, лидер фритредеров; совместно с Р. Кобденом основал «Лигу борьбы против хлебных законов» (1839) и стал во главе движения против охранительных пошлин, за свободную торговлю; в 1868—1880 гг. занимал ряд министерских постов—109, 269, 305.
- Бракке** (Braske), *Вильгельм* (1842—1880)—немецкий социал-демократ, издатель и книготорговец в Брауншвейге, с 1865 г. член Всеобщего германского рабочего союза, позднее один из лидеров эйзенаховцев, в 1877—1879 гг. член рейхстага—81, 260, 320.
- Браун** (Braun), *Генрих* (1854—1927)—немецкий социал-демократ, журналист, один из основателей «Neue Zeit», в 1888—1903 гг. издавал «Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik»

- в 1892—1895 гг.— «Sozialpolitisches Zentralblatt» и в 1905—1907 гг.— «Die Neue Gesellschaft», в 1903—1907 гг. член рейхстага, реформист—493.
- Бремер* (Brämer)—75.
- Брентано* (Brentano), *Луио* (1844—1931)—немецкий буржуазный экономист, катедер-социалист—151—180, 185, 189, 213—222, 225, 226, 227, 228, 231, 235, 236, 237, 273, 307.
- Броджерст* (Broadhurst), *Генри* (1840—1911)—английский тред-юнионист, либеральный рабочий политик, в 1865 г. член Интернационала, с 1875 г. секретарь парламентского комитета тред-юнионов, член палаты общин, в 1886 г. участник министерства Гладстона—277.
- Буагильбер* (Boisguillebert), *Пьер* (1646—1714)—французский экономист, предшественник физиократов—253.
- Буланже* (Boulanger), *Жорж-Эрнест* (1837—1891)—французский генерал; участвовал в войнах Луи-Наполеона и в усмирении Парижской коммуны, в 1886—1887 гг. военный министр; в союзе с монархистами готовил государственный переворот во Франции («буланжизм»); из опасения преследований бежал из Франции, покончил самоубийством—35.
- Бурбоны* — королевская династия, правившая во Франции в 1589—1792 и 1814—1830 гг., в Испании в 1700—1931 гг., в Неаполе в 1735—1860 гг.—21, 24, 364, 404.
- Вэкон* (Vacon), *Френсис*, лорд Веруламский (1561—1626)—английский философ, материалист—289, 290.

В.

Вальтер и Аполант (Walther und Apollant)—издательство в Берлине—151, 236.

Вайян (Vaillant), *Эдуард* (1840—1915)—французский социалист, член Парижской коммуны, один из вождей бланкистов; в 1871—1880 гг. эмигрант в Лондоне; один из вождей Социалистической партии Франции; впоследствии неоднократно поддерживал жоржистов, во время империалистической войны — социал-патриот—91, 385, 386.

Вандербильт (Vanderbilt), *Корнелий* (1794—1877)—американский миллионер, железнодорожный предприниматель—266.

Вейтлинг (Weitling), *Вильгельм* (1808—1871)—52, 241, 410, 413.

Веллингтон (Wellington), *Артур-Уэлсли*, герцог (1769—1852)—английский полководец, победитель Наполеона I при Ватерлоо, в 1828—1830, 1832 и 1834 гг. премьер-министр, министр без портфеля в кабинете Пилля (1841—1846); консерватор—21.

Вельзер (Welsler), *Антон и Бартоломей*—аугсбургские купцы, основатели крупнейшей торговой и банкирской фирмы в XV—XVI вв.—502.

Вестминстерский герцог—см. *Гросвенор, Хью-Луиус*.

Вестфален, Женни—см. *Маркс, Женни*.

Вилле (Wille), *Бруно* (1860—1928)—немецкий писатель, один из вождей «молодых»; позднее отошел от партии, целиком отдавшись литературной и театральной деятельности—77.

Вильгельм I (1797—1888)—прусский король с 1861 г., германский император в 1871—1888 гг.—31, 43, 472.

Вильгельм II (род. в 1859 г.)—последний император Германской империи (с 15 июня 1888 г.), один из зачинщиков империалистической войны; после революции 1918 г. бежал в Голландию—43, 44.

Вильгельм IV (1765—1837)—английский король (1830—1837)—26.

Вителлий, Авл (15—69)—римский император в 69 г.—417, 426, 427.

Висшневецкая (Wischnewetzky), *Флоренс*, урожденная *Келли* (Kelly) (1859—1932)—американская социалистка, переводчица книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» на английский язык—262.

Вобан (Vauban), *Себастьян ле Претр, де* (1633—1707)—французский маршал, военный инженер, известен также своими экономическими трудами, предшественник физиократов—253.

Вольтер (Voltaire), *Франсуа-Мари* (1694—1778)—168, 411.

Г.

Гавоцци (Gavozzi)—329.

Гайндман (Hundman), *Генри-Мейерс* (1842—1921)—55, 56.

Гакстгаузен (Haxthausen), *Август*, барон (1792—1866)—прусский чиновник, автор исследований о земельных отношениях в России—388, 396.

Гальба, Сервий-Сульпиций—римский император (68—69)—426, 427.

Ганземан (Hanseman), *Давид-Людвиг-Юстус* (1790—1864)—рейнский капиталист, буржуазный либерал, в 1848 г. прусский министр финансов—255.

- Гаррингтон* (Harrington), *Джеме* (1611—1677) — английский политический писатель. В 1656 г. написал работу «Commonwealth of Oceana», где изображал идеальный политический строй — 493.
- Гартли* (Hartley), *Давид* (1704—1757) — английский психолог и философ — 290.
- Гегель* (Hegel), *Георг-Фридрих* (1770—1831) — 293, 311.
- Гейб* (Geib), *Август* (1842—1879) — немецкий социал-демократ, вначале лассальянец, затем эйзенаховец, с 1872 г. казначей партии, в 1874—1876 гг. член рейхстага; после введения закона против социалистов занял ликвидаторскую позицию — 81.
- Гейне* (Heine), *Генрих* (1797—1856) — 46, 361, 422, 493, 494.
- Генрих VIII* (1491—1547) — английский король (1509—1547) — 298.
- Герцен*, *Александр Иванович* (1812—1870) — 388, 389, 396.
- Гизо* (Guisot), *Франсуа-Пьер* (1787—1874) — французский буржуазный историк и государственный деятель, участник ряда министерств при Луи-Филиппе, в 1840—1847 гг. министр иностранных дел и фактический глава правительства, премьер в 1847—1848 гг. — 256.
- Гильюм* (Guillaume), *Джеме* (1844—1917) — швейцарский анархист, бакунист, организатор и руководитель Юрской федерации, во время мировой войны шовинист — 320.
- Гирс*, *Николай Карлович* (1820—1895) — русский дипломат, с 1882 г. министр иностранных дел — 7.
- Гиффен* (Giffen), *Роберт* (1837—1910) — английский буржуазный экономист и статистик — 273, 452.
- Гладстон* (Gladstone), *Вильям* (1809—1898) — английский государственный деятель, лидер либеральной партии, министр торговли (1843—1845), колоний (1845—1846), финансов (1852—1855 и 1859—1866), премьер-министр (1868—1874, 1880—1885, 1886 и 1892—1894) — 15, 35, 152—236, 237, 278, 360.
- Глюксбургский*, *Христиан* — см. *Христиан IX*.
- Гоббс* (Hobbes), *Томас* (1588—1679) — английский философ-материалист — 289, 290, 299.
- Годскин* (Hodgskin), *Томас* (1787—1869) — английский экономист школы Рикардо — 285.
- Гопкинс* (Hopkins), *Томас* — английский экономист, автор «On Rent of Land and its Influence on Subsistence and Population etc.» («Земельная рента и ее влияние на средства существования и население и т. д.») — 285.
- Горчаков*, *Александр Михайлович*, князь (1798—1883) — русский дипломат, секретарь русского посольства в Лондоне (1822—1827), посланник в Штутгарте (1841—1854), в Вене (1855—1856), министр иностранных дел (1856—1882) — 7, 30.
- Грацци*, *Тиберий* (163—133 до хр. э.) и *Кай* (153—121 до хр. э.) — народные трибуны древнего Рима, вожди движения за аграрную реформу — 484.
- Греви* (Grévy), *Жюль* (1807—1891) — французский буржуазный политик, умеренный республиканец, при Второй республике член Учредительного и Законодательного собраний, противник бонапартистского переворота; с 1879 по 1887 гг. президент Французской республики — 386.
- Гримальди* (Grimaldi), *Бернардино* (1841—1897) — профессор государственного права в Неаполитанском университете, с 1876 г. член итальянского парламента; в 1879, 1888 и 1890—1893 гг. министр финансов — 330, 331, 332.
- Гросвенор* (Grosvenor), *Хью-Луис* — маркиз, затем первый герцог Вестминстерский (1825—1899), в 1847—1869 гг. член парламента — 46.
- Густав III* (1746—1792) — шведский король (1771—1792) — 17.
- Гюlich* (Gülich), *Густав*, фон (1791—1847) — немецкий историк-экономист, автор работы «Geschichtliche Darstellung des Handels, der Gewerbe und des Ackerbaus der bedeutendsten Staaten unserer Zeit», Jena, 1830 («История торговли, промышленности и сельского хозяйства важнейших государств нашего времени») — 11.

Д.

Данте (Dante), *Алигьери* (1265—1321) — 327.

Дарвин (Darwin), *Чарльз* (1809—1882) — 126.

Демокрит (ок. 460—370 до хр. э.) — древне-греческий философ-материалист — 289.

Джиолитти (Giolitti), *Джиованни* (1842—1928) — вождь итальянских либералов, министр финансов (1889—1890), внутренних дел (1901—1903)

- и премьер-министр (1892—1893, 1903—1905, 1906—1909, 1911—1914 и 1920—1921) — 329, 330, 332, 334.
- Джонс* (Jones), *Ричард* (1790—1855) — английский экономист, преемник Мальтуса по кафедре политической экономии в университете Хейльбери — 223.
- Дибич-Забалканский, Иван Иванович* (1785—1831) — граф, русский фельд-маршал; главнокомандующий в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. — 25.
- Дизраэли* (Disraeli), *Бенжамин*, лорд *Биконсфильд*, граф (1804—1881) — английский государственный деятель, консерватор, министр финансов (1852, 1858—1859 и 1866—1868), премьер-министр (1868 и 1874—1880) — 305.
- Диоклетиан, Гай - Аврелий - Валерий* (245 — ок. 313) — римский император (284—305) — 485.
- Додуэлл* (Dodwell), *Генри* (ум. в 1784 г.), английский философ-деист, автор «Christianity not founded on Argument» (1742) — 290.
- Домела-Нивенгейс* (Domela Nieuwenhuis), *Фердинанд* (1846—1919) — основатель голландской социал-демократии, редактор газеты «Recht voor allen»; в 1887—1891 гг. член парламента, с 1889 г. стал выступать против парламентской деятельности, позднее перешел к анархизму — 144.
- Дрюмон* (Drumont), *Эдуард-Адольф* (1844—1917) — французский журналист, автор ряда антисемитских работ, основатель антисемитской газеты «La Libre Parole» (с 1892 г.) — 45.
- Дунс-Скот* (Duns Scotus), *Иоанн* (ок. 1265—1308) — французский монах, один из поздних представителей схоластической философии — 288.
- Дюринг* (Düring), *Евгений* (1833—1921) — немецкий философ и экономист, мелкобуржуазный социалист; в 1863—1877 гг. приват-доцент Берлинского университета; исключен из числа преподавателей за критику прусской университетской системы; претендовал на собственную универсальную «систему всех наук», которую Энгельс подверг сокрушительной критике в своей работе «Анти-Дюринг» — 75, 286, 287.
- Е.**
- Езра* (Езра) — иудейский книжник V в. до хр. э. — 417.
- Екатерина II* (1729—1796) — русская императрица (1762—1796); по происхождению — дочь ангальт-цербстского князя и первоначально носила имя Софии-Августы-Фредерики — 7, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 21, 31.
- Ж.**
- Жижка* (Žižka), *Ян* (ок. 1370—1424) — военный вождь таборитов, глава демократического течения чешской реформации — 410.
- Жиро-Телон* (Giraud-Teulon), *Алексис* (род. в 1839 г.) — профессор философии истории в Женевском университете, автор работы о происхождении семьи — 125, 127.
- Жуковский, Юлий Галактионович* (1822—1907) — русский буржуазный экономист, управляющий государственным банком и сенатор, один из первых русских буржуазных «критиков Маркса» («Вестник Европы», 1877, № 9 — «К. Маркс и его книга о капитале») — 395.
- З.**
- Замойский* (Zamoyski), *Андрей*, граф (1800—1874) — польский дипломат, представитель аристократической консервативной партии в Польше; в 1830 г. участвовал в действиях польской армии против русских и в организации польского правительства — 26.
- Засулич, Вера Ивановна* (1851—1919) — русская социал-демократка; в молодости участница народнического движения; в 1878 г. покусалась на жизнь петербургского градоначальника Трепова; в 1883 г. одна из основательниц группы «Освобождение труда»; после II съезда РСДРП примыкала к меньшевикам — 48.
- Зикинген* (Sickingen), *Франц*, фон (1481—1523) — немецкий рыцарь, примкнувший к реформации, предводитель восстания мелкого дворянства — 296.
- Зингер* (Singer), *Пауль* (1844—1911) — немецкий социал-демократ, выходец из буржуазии, член партии с 1878 г., с 1887 г. член правления партии, председатель ряда партийных съездов, с 1884 г. член рейхстага; позднее центрист — 47, 64.
- Зомбарт* (Sombart), *Вернер* (род. в 1863 г.) — немецкий буржуазный экономист — 494, 495.

И.

- Ибсен* (Ibsen), *Генрих* (1828—1906)—74.
Иglesias Поссе (Iglesias Posse), *Пабло* (1850—1925) — один из основателей испанской социал-демократии, по профессии печатник; деятель Мадридской федерации I Интернационала; боролся против бакунистов; первый социалистический депутат в испанском парламенте; позднее враг Великой пролетарской революции и один из правых лидеров послевоенного II Интернационала — 404.
Иосиф II (1741—1790) — австрийский император — 12, 14.
Иринеи (Irenaeus) (ок. 130 — ок. 206) — епископ лионский. автор «Трактата против ересей» и других произведений в защиту христианства — 427, 428.

К.

- Кабе* (Cabet), *Этьен* (1788—1856) — французский коммунист-утопист, автор «Путешествия в Икарию» (1840) — 52.
Кавалотти (Cavallotti), *Феличе* (1842—1898) — итальянский политический деятель, радикал-республиканец; лидер крайней левой в парламенте в 1873—1898 гг.; был известен также как поэт и драматург; убит на дуэли — 378.
Калигула, Кай (12—41) — римский император (37—41) — 426.
Калиостро (Cagliostro), *Александр* (Джузеппе Бальзамо) (1743—1795) — итальянский авантюрист, выдававший себя за алхимика и чародея — 493.
Кальвин (Calvin), *Жан* (1509—1564) — глава реформации в Швейцарии (Женева) — 297.
Кампгаузен (Camphausen), *Людольф*, фон (1803—1890) — рейнский капиталист, буржуазный либерал, в 1848 г. прусский министр-президент — 255.
Каниц (Kanitz), *Ганс-Вильгельм-Александр*, граф (1841—1913) — прусский консерватор, в 1889—1913 гг. член рейхстага; в 1894 г. внес предложение об искусственном установлении цен на зерно путем скупки всего ввозимого хлеба («предложение Каница») — 450.
Кант (Kant), *Иммануил* (1724—1804) — 293.
Карриви (Carrivi), *Георг-Лео*, граф (1831—1899) — прусский государственный деятель, участник франко-прусской войны 1870—1871 гг., с 1883 г. управлял адмиралтейством, в 1890—1894 гг. канцлер Германской империи — 95, 112, 248, 249, 370.
Карл I (1600—1649) — английский король; казнен во время английской буржуазной революции (30 января 1649 г.) — 297.
Карл X (1757—1836) — французский король (1824—1830) — 23.
Карл XII (1682—1718) — шведский король (1697—1718) — 9.
Карно (Carnot), *Сади* (1837—1894) — французский буржуазный государственный деятель, республиканец, в 1880—1881 гг. министр общественных работ, в 1885—1886 гг. министр финансов, после отставки Гриви (см.) — президент Французской республики (1887—1894); убит итальянским анархистом Казерио — 386.
Картрайт (Cartwright), *Эдмунд* (1743—1823) — знаменитый английский изобретатель во время промышленного переворота, изобрел механический ткацкий станок (1785) и шерсточесальную машину (1789) — 301.
Каутли — Ньюби (Cautley — Newby) — издательство в Лондоне — 193, 197, 229.
Каутский (Kautsky), *Карл* (род. в 1854 г.) — 13.
Келлер (Köller), *Эрнст-Маттис*, фон (1841—1928) — прусский консерватор, в 1887 г. полицей-президент во Франкфурте, в 1894—1895 гг. министр внутренних дел — 485.
Кеннан (Кенпан), *Джордж* (1845—1924) — американский путешественник и писатель; несколько раз путешествовал по окраинам России, автор разоблачений о царской ссылке «Siberia and the Exile System» («Сибирь и ссылка»), печатавшихся впервые в «Century Magazine» (1889—1890) — 35.
Клавдий, Тиберий-Нерон-Германикус (10 до н. э. — 54) — римский император (41—54) — 417, 426, 427.
Клемансо (Clemenceau), *Жорж* (1841—1929) — французский политический деятель, по образованию врач, с 1876 г. член парламента, редактор «Justice», с 1902 г. сенатор, лидер радикал-социалистов, в 1906 г. министр внутренних дел, в 1906—1909 и 1917—1920 гг. премьер-министр; вождь империалистической буржуазии; один из вдохновителей мировой войны 1914 г. — 249.
Кобден (Cobden), *Ричард* (1804—1865) — английский либерал, лидер фритредеров; вместе с Джоном Брайтом организовал «Лигу борьбы против хлеб-

- ных законов» (1839) и стал идеологом и агитатором движения за свободу торговли; с 1841 г. член парламента — 109, 305.
- Кокоский* (Kokosky) — 320.
- Колянни* (Colajanni), *Наполеоне* (1847—1921) — итальянский врач и публицист, профессор статистики в Неаполитанском университете, с 1890 г. член парламента — 329, 330, 331.
- Коллинс* (Collins), *Антоний* (1676—1729) — английский философ-деист — 290.
- Коммодиан* (Commodianus) (III в. хр. э.) — латинский поэт-христианин, автор «Carmen apologeticum adversus Judaeos et gentes» (прибл. 249 г.) — 416.
- Консильо* (Consiglio) — итальянский сенатор — 328.
- Констан* (Constans), *Жан-Антуан-Эрнест* (1833—1913) — французский юрист и государственный деятель; с 1867 г. профессор в Дуэ, затем в Дижоне и Тулузе, в 1880—1881 и 1889—1892 гг. министр внутренних дел, позднее посол в Константинополе — 248, 249.
- Константин Николаевич* (1827—1892) — великий князь, сын Николая I — 31.
- Константин Павлович* (1779—1831) — великий князь, сын императора Павла I, с 1816 г. главнокомандующий войсками в Польше; в 1830 г. во время польского восстания спасся бегством — 26.
- Константин I* (Великий), *Кай-Флавий-Валерий* (ок. 288—337) — римский император (306—337); ему приписывается издание в 313 г. так называемого Миланского эдикта о веротерпимости по отношению к христианам, в 325 г. собрал первый вселенский собор в Никее — 415, 418, 486.
- Ковард* (Coward), *Вильям* (1657—1725) — английский врач и философ, материалист — 290.
- Крез* — лидийский царь (560—546 до хр. э.), объединивший под своей властью большую часть Малой Азии; в фигуральном значении — богач, обладатель сокровищ — 43.
- Криспи* (Crispi), *Франческо* (1819—1901) — итальянский политический деятель, до начала 60-х годов республиканец, затем монархист и реакционер, в 1877—1878 гг. министр внутренних дел в кабинете Депретиса, в 1887—1891 гг. и 1893—1896 гг. премьер-министр — 328, 329, 330, 334, 435.
- Кромвель* (Cromwell), *Оливер* (1599—1658) — один из вождей английской буржуазной революции XVII в., лорд-протектор Англии (1653—1658) — 297.
- Крупп* (Krupp), *Фридрих-Альфред* (1854—1902) — немецкий капиталист, владелец пушечного завода в Эссене — 459.
- Кульман* (Kuhlmann), *Георг*, д-р (род. в 1812 г.) («пророк») — шарлатан, игравший роль в вейтлингианском движении после высылки Вейтлинга из Швейцарии, «истинный социалист»; в 1845 г. издал книгу «Новый мир или царство мира на земле»; как было впоследствии установлено, — провокатор — 413.
- Курье де Мерэ* (Courier de Mére), *Луи-Поль* (1773—1825) — французский памфлетист; враг духовенства и дворянства — 168.

Л.

- Лавеле* (Laveleye), *Эмиль-Луи-Виктор*, де (1822—1892) — бельгийский экономист, Фритредер, буржуазный «критик» социализма — 164, 213.
- Ламенне* (Lamennais), *Фелисите-Робер*, де (1782—1854) — один из крупнейших представителей христианского социализма во Франции, автор «Речей верующего» — 413.
- Лаплас* (Laplace), *Пьер-Симон* (1749—1827) — французский математик и астроном, автор научной теории происхождения солнечной системы — 292.
- Ласкер* (Lasker), *Эдуард* (1829—1884) — немецкий политический деятель, с 1865 г. член прусского ландтага, с 1867 г. член рейхстага, один из организаторов и вождей партии национал-либералов — 194, 224.
- Лассаль* (Lassalle), *Фердинанд* (1825—1864) — 46, 51, 61, 64, 81, 170, 242, 243, 310, 475.
- Латам* (Latham), *Роберт-Гордон* (1812—1888) — английский врач, лингвист и этнолог, профессор в Лондоне — 122.
- Лафарг* (Lafargue), *Поль* (1842—1911) — 144, 148, 287, 457, 477.
- Лазцарони* (Lazzaroni) — итальянский чиновник, кассир Римского банка — 330, 331, 333.
- Лазцарони*, *Микеле*, барон — племянник предыдущего — 332.
- Левбок* (Lubbock), *Джон* (1834—1913) — английский естествоиспытатель и историк культуры — 123, 124, 125.

- Леву* (Levy), *Леоне* (1821—1888) — английский экономист и статистик, профессор торгового права в King's College в Лондоне, сторонник свободной торговли; Энгельс имеет в виду его работу «Wages and earning of the working classes («Заработная плата и доход трудящихся классов») (1867, 2-е изд., 1885) — 273.
- Ледрю-Роллен* (Ledru-Rollin), *Александр-Огюст* (1807—1874) — французский мелкобуржуазный демократ, после Февральской революции 1848 г. член Временного правительства и министр внутренних дел, в Законодательном собрании лидер мелкобуржуазной «Горы», участник демонстрации 13 июня 1849 г., после подавления которой эмигрировал в Англию — 382, 386.
- Леопольд II* (1747—1792) — австрийский император (1790—1792) — 16.
- Лессепс* (Lesseps), *Фердинанд* (1805—1894) — виконт, французский дипломат; основатель акционерной компании для прорытия Панамского канала; в 1890 г. после краха предприятия был приговорен к 5-летнему тюремному заключению — 332.
- Лессепс, Шарль* (1849—1923) — сын предыдущего, замешанный в панамское дело и осужденный вместе с отцом — 332, 333.
- Либих* (Liebig), *Юстус, фон* (1803—1873) — немецкий химик — 310.
- Либкнехт* (Liebknecht), *Вильгельм* (1826—1900) — 64, 81, 107, 170, 242, 330.
- Ливен, Христофор Андреевич, граф* (1777—1838) — русский дипломат, посол в Берлине (1809—1812) и в Лондоне (1812—1834) — 7, 23, 24.
- Линтон* (Linton), *Вильям* (1812—1898) — участник чартистского движения, друг Мадзини, в основном им журнале «The English Republic» (с 1850 г.) печатал статьи Герцена и защищал его от нападок противников — 389.
- Локк* (Locke), *Джон* (1632—1704) — английский философ-сенсуалист — 290.
- Лориа* (Loria), *Ахилл* (род. в 1857 г.) — итальянский буржуазный экономист; до 1932 г. Л. был профессором в университетах Сиены, Падуи и Турина — 491—493, 501.
- Луи Блан* — см. *Блан, Луи*.
- Луи-Наполеон* — см. *Наполеон III*.
- Луи-Филипп* (Людовик-Филипп) (1773—1850) — король Франции в период между буржуазными революциями 1830 и 1848 гг. — 85, 86, 109, 298, 303.
- Лукиан Самосатский* (ок. 125—180) — греческий писатель эпохи Римской империи, по происхождению сириец, автор ряда произведений («Разговоры богов», «Разговоры мертвых», «Сон», «Апология», «Смерть Перегрина», «Лжепророк Александр» и др.), в которых высмеивал религиозные представления античного мира — 411, 412.
- Людовик XIV* (1638—1715) — король Франции (1643—1715) — 11, 253.
- Людовик XVI* (1754—1793) — король Франции с 1774 г.; казнен 21 января 1793 г. по постановлению Конвента — 89.
- Люке* (Lücke), *Фридрих* (1791—1855) — немецкий протестантский богослов, с 1827 г. профессор в Геттингене, автор «Комментария к писаниям евангелиста Иоанна» — 426.
- Лютер* (Luther), *Мартин* (1483—1546) — основатель протестантской церкви в Германии — 296, 297, 503.

М.

- Мадзини* (Mazzini), *Джузеппе* (1805—1872) — 31, 259.
- Мак-Кинлей* (Mac Kinley), *Уильям* (1843—1901) — американский политический деятель, принадлежал к республиканской партии, с 1877 г. член конгресса, сторонник покровительственной таможенной политики, в 1896 г. избран президентом Соединенных штатов; «Билль Мак-Кинлея» — закон о покровительственных пошлинах, вступивший в силу 6 октября 1890 г. — 315.
- Мак-Леннан* (Mac Lennan), *Джон-Фергуссон* (1827—1881) — шотландский юрист, автор исследований по истории брака и семьи — 117, 121, 122, 123, 124, 125, 127.
- Мак-Магон* (Mac Mahon), *Мари-Патри*, герцог *Маджента* (1808—1893) — французский маршал, участник Крымской и Итальянской (1859) войн; в 1870 г. сдался пруссакам со столысячной армией; вернувшись из плена, возглавлял версальские войска, раздавившие Парижскую коммуны; президент Третьей республики в 1873—1879 гг., пытавшийся организовать монархический переворот — 473.
- Маннерс* (Manners), *Джон*, лорд (1818—1906) — английский политический

- деятель, с 1841 г. член палаты общин, принадлежал к группе «Молодая Англия», консерватор — 305.
- Мантейфель* (Manteuffel), *Отто-Гедор* (1805—1882) — прусский государственный деятель, реакционер, в 1848 г. министр внутренних дел в кабинете Бранденбурга, в 1850—1858 гг. премьер-министр — 40.
- Мантелл* (Mantell), *Гедзон* (1790—1852) — английский геолог — 291.
- Марбург*, лорд — 319.
- Мари* (Marie de-Saint-Georges), *Александр* (1795—1870) — французский адвокат и буржуазный политический деятель, в 1848 г. во Временном правительстве министр общественных работ, спровоцировавший роспуском национальных мастерских июньское восстание, с июля по декабрь (1848) министр юстиции — 382.
- Мария-Терезия* (1717—1780) — австрийская императрица (1740—1780) — 14.
- Марк Аврелий* (121—180) — римский император (161—180); писатель и философ-стоик — 415.
- Маркс* (Marx), *Генрих* (1782—1838) — отец Карла Маркса — 255.
- Маркс, Женни* (урожденная фон Вестфален) (1814—1881) — жена Карла Маркса — 148, 215, 256.
- Маркс, Карл* (1818—1883) — 6, 26, 46, 48, 50, 51, 52, 53, 62, 70, 72, 75, 78, 80, 81, 83, 84, 91, 92, 97, 126, 127, 129, 130, 131, 133, 134, 148, 151—180, 185—187, 189—192, 195—236, 242, 253, 255—261, 267, 271, 285, 286, 287, 290, 300, 311, 312, 318, 319, 326, 367, 368, 370, 372, 375, 376, 377, 381, 385, 386, 387, 389, 391, 394, 395, 396, 397, 400, 434, 459, 465—468, 470, 471, 472, 489—500.
- Маркс, Элеонора* (1856—1898) — младшая дочь Карла Маркса, жена Эдуарда Эвелинга; принимала активное участие в английском и международном рабочем движении, автор ряда переводов социалистической литературы на английский язык — 55, 57, 148, 152, 165, 166, 213, 214, 215—218, 222, 226, 227, 230.
- Марра* (Marrast), *Арман* (1801—1852) — французский буржуазный публицист и политический деятель, в эпоху июльской монархии редактор оппозиционной газеты «National», в 1848 г. член Временного правительства — 242, 382.
- Мартини* (Martini), *Фердинандо* (1841—1928) — итальянский буржуазный писатель и государственный деятель, в 1892—1893 гг. министр просвещения, в 1915—1916 гг. министр колоний — 330.
- Мартиньетти* (Martignetti), *Паскаль* — переводчик на итальянский язык работ Энгельса: «Развитие социализма» (Беневенто, 1883) и «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Беневенто, 1885) — 99, 117.
- Мейснер* (Meissner) — издательство в Гамбурге — 467.
- Менгер* (Menger), *Антон* (1841—1906) — австрийский юрист, в 1871—1899 гг. профессор Венского университета; автор ряда работ по истории социалистических учений — 285, 409.
- Меринг* (Mehring), *Франц* (1846—1919) — 230.
- Меса-и-Леомпарт* (Messa-y-Leompart), *Хозе* (1840—1904) — испанский социалист, по профессии печатник; в 70-х годах примыкал к Альянсу, но был исключен за выступления в защиту политической борьбы, позднее один из организаторов Испанской рабочей партии (1879) и основатель центрального партийного органа «Socialista» (1886); М. — автор первой биографии Маркса на испанском языке и переводчик «Нищеты философии» и «Коммунистического манифеста» — 97.
- Меттерних* (Metternich), *Клеменс-Лотар-Венцель*, князь (1773—1859) — австрийский государственный деятель, крайний реакционер, в 1809—1848 гг. министр иностранных дел, в 1821—1848 гг. имперский канцлер, один из вождей европейской реакции в период до 1848 г. — 26.
- Мехмет Али* (1769—1849) — правитель Египта, поднявший восстание против турецкого султана — 25.
- Микель* (Miquel), *Иоганнес* (1828—1901) — прусский банкир, национал-либерал; в молодости одно время был членом Союза коммунистов; в 1867—1877 и 1887—1890 гг. член рейхстага, в 1890—1901 гг. прусский министр финансов — 109.
- Миклошич* (Miklošič), *Франц* (1813—1891) — австрийский славист, с 1850 г. профессор Венского университета по кафедре славянских языков и литератур, автор капитального труда «Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen» («Сравнительная грамматика славянских языков», 1852—1874) — 11.
- Мичели* (Miceli), *Луиджи* (1824—1906) — итальянский государственный

- ный деятель, участник революции 1848—1849 гг. и похода Гарибальди; с 1861 г. член парламента; министр земледелия в 1879 — 1881 и 1888 — 1891 гг., с 1898 г. сенатор — 328, 329.
- Мольер* (Molière), *Жан-Батист-Поклен* (1622 — 1673) — знаменитый французский драматург — 189, 198, 202, 203, 210, 232, 234.
- Мольтке* (Moltke), *Гельмут-Карл-Бернгард*, граф (1800 — 1891) — прусский фельдмаршал; в 1857 — 1888 гг. начальник генерального штаба — 25, 27, 37, 43.
- Мор* (More), *Томас* (1478 — 1535) — автор «Утопии» (1516), один из предшественников утопического социализма, лорд-канцлер Англии при Генрихе VIII — 13.
- Морган* (Morgan), *Льюис-Генри* (1818 — 1881) — американский ученый, этнограф и историк, в 1868—1869 гг. сенатор, автор работы «Ancient Society» («Древнее общество»), 1877 г., и др. Подробно о работах Моргана см. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (см. т. XVI, ч. I) — 117, 123 — 128.
- Мосх* (II в. до хр. э.) — греческий поэт из Сиракуз (Сицилия) — 432.
- Мууди* (Moody), *Дуайт* (1837 — 1899) — американский евангелист, организатор духовных общин (Религиозная община в Чикаго, 1863 г.); Союз молодых людей, 1865 г. и др.); вместе с Сэнки (см.) Мууди неоднократно приезжал в Англию для проповедей на религиозных собраниях — 303.
- Мунделла* (Mundella), *Антонио-Джозон* (1825 — 1897) — английский фабрикант, член палаты общин с 1868 г., либерал — 195.
- Мур* (Moore), *Самюэль* (1837—ок. 1912) — фабрикант в Манчестере, член I Интернационала; в 1889 г. выехал в качестве главного судьи на территорию «Niger Company» в Африку, переводчик «Капитала» и «Коммунистического манифеста» на английский язык, друг Маркса и Энгельса — 50.
- ного совета румынской социалистической партии в 80 гг., редактор ее теоретического органа «Revista Sociala», член парламента с 1887 г.; перевел на румынский язык «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса, в конце 90 гг. перешел к либералам — 117.
- Наполеон I* (1769 — 1821) — французский император (1804 — 1814) — 17 — 21, 24, 73, 88, 92, 248, 292, 404, 441.
- Наполеон III* (Луи-Бонапарт) (1808 — 1873) — французский император (1852 — 1870) — 28, 31, 32, 83, 85, 86, 258, 261, 271, 282, 303, 338, 441, 467, 472.
- Нерон*, *Клавдий* (37 — 68) — римский император (54 — 68) — 426—428.
- Нессельроде*, *Карл Васильевич*, граф (1780 — 1862) — русский дипломат, в 1816 — 1856 гг. министр иностранных дел; после подписания Парижского договора 1856 г. ушел в отставку — 6, 24.
- Нивенгейс* — см. *Домела-Нивенгейс*.
- Николай I* (1796 — 1855) — русский император (1825 — 1855) — 24, 27 — 29, 49, 251, 398.
- Николай II* (1868 — 1918) — последний русский император (1894 — 1917) — 248, 482.

О.

- Орлов*, *Алексей Федорович*, князь (1786 — 1861) — русский дипломат, заключивший Унклар-Искелесский договор с Турцией; в 1844—1856 гг. шеф жандармского корпуса и начальник III отделения; представитель России на Парижском конгрессе 1856 г. — 30.
- Отон* (Otho), *Марк-Сальвей* (32 — 69) — римский император в 69 г. — 426, 427, 428.
- Оуэн* (Owen), *Роберт* (1771 — 1858) — 99, 291, 310, 311, 393.

П.

- Павел I* (1754 — 1801) — русский император (1796 — 1801) — 17.
- Палгрейв* (Palgrave), сэр *Роберт-Гарри-Инглис* (1827 — 1919) — английский буржуазный экономист, в 1877 — 1883 гг. редактор журнала «Economist», автор «Словаря политической экономии» — 274.
- Пальмерстон* (Palmerston), виконт, *Генри-Джозон-Темпл* (1784 — 1865) — английский государственный деятель, виг, министр иностранных дел (1830 — 1841 и 1846 — 1851), внутренних дел (1852 — 1855) и премьер-министр

Н.

- Навуходоносор* (по клинописным текстам Набу-кudur-уссур) — халдейский царь в 605 — 562 гг. до хр. э. («Нововавилонское царство») — 417.
- Надежде* (Nadejde), *Иоанн* (род. в 1854 г.) — румынский филолог и публицист, профессор Ясского университета, социал-демократ, член генераль-

- (1855 — 1858 и 1859 — 1865) — 26, 28, 258, 261.
- Переэрин-Протей* — греческий циник, фигурирует в произведении Лукиана Самосатского (см.) — 411 — 414.
- Петр I* (Великий) (1672 — 1725) — русский император — 10 — 12.
- Петр III* (1728 — 1762) — русский император (1761 — 1762) — 14.
- Плеханов, Георгий Валентинович* (1856 — 1918) — 48, 145, 367, 390, 394.
- Поццо-ди-Борго* (Pozzo-di-Borgo), *Карл-Андрей* (1764 — 1842) — русский дипломат, по происхождению корсиканец, во время Великой буржуазной революции во Франции — жирондист; был объявлен Конвентом вне закона; ярый противник революционной Франции; с 1814 по 1834 г. русский посол в Париже и до 1839 г. в Лондоне — 6, 24.
- Пристли* (Priestly), *Джозеф* (1733 — 1804) — английский естествоиспытатель, материаллист — 290.
- Прудон* (Proudhon), *Пьер-Жозеф* (1809 — 1865) — 51, 91, 92, 256, 260.
- Пушкин, Александр Сергеевич* (1799 — 1837) — 20.
- Р.**
- Раве* (Ravé), *Анри* — переводчик «Происхождения семьи, частной собственности и государства» на французский язык — 118.
- Рейнак* (Reinach), *Жак*, барон (ум. в 1892 г.) — парижский банкир; вел финансовые операции Панамской компании и был связан с Рувье, Клемансо и др.; после разоблачения панамского дела отравился — 333.
- Ренан* (Renan), *Эрнест* (1823 — 1892) — французский писатель и историк, автор исследований по истории христианства — 410, 415, 416, 420, 426, 429.
- Реслер* (Rösler), фон — прусский чиновник — 484.
- Рикардо* (Ricardo), *Давид* (1772 — 1823) — 131, 133.
- Рихтер* (Richter), *Евгений* (1838 — 1906) — лидер германских прогрессистов, позднее свободомыслящих, член рейхстага с 1871 г., противник протекционистской политики Бисмарка и ярый враг социал-демократии — 349.
- Робен* (Robin), *Поль* (род. в 1837 г.) — французский эмигрант в Женеве, по профессии учитель; секретарь Женевской секции Альянса; в 1870 г. эмигрант в Лондоне; кооптирован в состав Генерального совета; участник Лондонской конференции Интернационала, поддерживал бакунистов — 318.
- Роджерс* (Rogers), *Джеймс-Эдвин-Горрод* (1823—1890) — английский историк и экономист, автор ряда работ по экономической истории — 181.
- Родс* (Rhodes), *Сесиль-Джон* (1853—1902) — один из виднейших представителей английской империалистической колониальной политики в Южной Африке. В 1889 г. Р. организует Британскую южно-африканскую компанию, а с 1890 г. становится премьером Капской колонии. Р. был фактическим организатором нападения на бурские республики в 1896 г. — 512.
- Рой* (Roy), *Генри* — 234.
- Роско* (Roscoe), сэр *Генри-Энфильд* (1833 — 1915) — английский химик, в 1857 — 1885 гг. профессор уэновского колледжа в Манчестере, в 1885 г. член парламента, либерал — 310.
- Ротшильды* (Rotschild) — банкирская фамилия — 46, 266.
- Рувье* (Rouvier), *Морис* (1842 — 1911) — французский буржуазный государственный деятель, республиканец, министр торговли (1881 — 1882 и 1884 — 1885), финансов (1889 — 1892 и 1902 — 1905) и премьер-министр (1887 и 1905 — 1906); Рувье получал деньги от Панамской компании и поддерживал сношения с бароном Рейнаком (см.) — 249, 332, 334.
- Руге* (Ruge), *Арнольд* (1802 — 1880) — немецкий радикальный публицист, левогельянец, издатель «Deutsche Jahrbücher» и «Deutsch-Französische Jahrbücher», с 1866 г. сторонник Бисмарка — 256, 260.
- Рудини* (Rudini), *Антонио-Старабба*, маркиз (1839 — 1908) — итальянский буржуазный государственный деятель; в 1891 — 1892 и 1896 — 1898 гг. премьер-министр — 329, 330, 334.
- С.**
- Сван-Зонненшейн* (Swan-Sonnenschein & Co) — издательство в Лондоне — 262.
- Сенека*, *Люций-Анней* (ок. 4 до хр. э. — 65) — римский философ-стоик, воспитатель императора Нерона; оказал влияние на развитие христианской идеологии — 415.
- Сен-Поль* (Saint-Paul), *Вильгельм* (ок. 1815 — 1852) — прусский офицер, затем чиновник министерства внутренних дел, специальный цензор «Рейнской Газеты» в период ее редактирования Марксом — 25.

- Сен-Симон* (Saint-Simon), *Анри-Клод де-Рурра* (1760 — 1825) — 79, 99.
- Сигида* — 35.
- Смит* (Smith), *Анус-Роберт* (1817 — 1884) — английский химик, инспектор фабрик щелочной промышленности в Англии, Шотландии и Ирландии, с 1842 г. жил в Манчестере — 310.
- Смит, Адам* (1723 — 1790) — 20, 202.
- Сократ* (469 — 399 до хр. э.) — древнегреческий философ-идеалист — 412.
- Солон* (ок. 638 — 558 до хр. э.) — афинский законодатель эпохи разложения родового строя в древней Греции — 395.
- София-Августа Анаальт-Цербстская* — см. *Екатерина II*.
- Стефан* (Stephan), *Генрих*, фон (1831 — 1897) — генерал-почтмейстер Германской империи — 69.
- Стюарт* (Steuart), *сэр Джеймс* (1712 — 1780) — английский экономист, меркантилист — 223.
- Сэнки* (Sankey), *Давид* (1840 — 1908) — «сподвижник» Дуайта Муди (см.), помогавший ему в составлении псалмов и др. — 303.

Т.

- Тайлор* (Tylor), *Эдуард-Бернет* (1832 — 1917) — английский этнолог и исследователь первобытной культуры, в 1895 — 1908 гг. профессор Оксфордского университета, автор ряда больших работ, в том числе: «Researches into the Early History of Mankind and the Development of Civilisation» («Исследования первобытной истории человечества и развития цивилизации», 1861) — 118.
- Талейран* (Talleyrand), *Шарль-Морис де-Перигор* (1754 — 1838) — французский государственный деятель и дипломат; выходец из старого дворянства; в 1788 г. — епископ Отенский; член Учредительного собрания (1789 — 1791); при директории министр иностранных дел (1797 — 1799); сохранил этот пост при Наполеоне до 1807 г.; содействовал реставрации Бурбонов; в 1815 г. занимал пост премьер-министра; позднее французский посол в Лондоне — 21.
- Тацит*, *Публий-Корнелий* (ок. 55 — ок. 120) — римский историк — 424, 417, 427, 431.
- Тейлор, Седлей* (Taylor, Sedley) — английский профессор, автор работ по вопросам политической экономии — 151, 152, 164 — 166, 172, 177, 179, 213 — 215, 218 — 222, 225 — 227, 230.

- Тейстлер* (Teistler) — 77.
- Тиберий* (42 до хр. э. — 37) — римский император (14 — 37) — 426.
- Тихомиров, Лев Александрович* (1852 — 1922) — один из видных деятелей партии «Народной воли», член ее Исполнительного комитета и редактор печатных органов; в 1882 г. эмигрировал за границу, где порвал со своим революционным прошлым и стал ренегатом; получил помилование царя, вернулся в Россию, стал редактором «Московских Ведомостей» — 7.
- Ткачев, Петр Никитич* (1844 — 1885) — русский мелкобуржуазный революционер, «якобинец», сотрудник журналов «Русское Слово» и «Дело», в 1868 — 1869 гг. участник студенческого движения, привлекался по нечаевскому делу, в 1873 г. бежал за границу, где примкнул к бланкистам; в 1875 — 1881 гг. издавал в Женеве журнал «Набат» — 388, 389.
- Томпсон* (Thompson), *Вильям* (1785 — 1833) — английский экономист, оуэнист, автор «Исследований о принципах распределения богатства, наиболее способствующих человеческому счастью» (1824) — 285.
- Танлонго* (Tanlongo) — итальянский чиновник, директор Римского банка — 329, 330, 331, 332, 333.
- Торлония* (Turlonia), *Джулио*, князь (род. в 1824 г.) — один из представителей крупной банкирской фамилии в Италии — 329, 330, 331.
- Турати* (Turati), *Филиппо* (1857 — 1932) — один из основателей (1892) и вождей итальянской социал-демократии, редактор журнала «Critica Sociale», оппортунист — 377.
- Тьер* (Thiers), *Луи-Адольф* (1797 — 1877) — представитель правого крыла французской буржуазии, при Луи-Филиппе участник ряда министерств и премьер-министр (1836 и 1840 гг.), глава версальского правительства 1871 г. и палач Коммуны, президент Третьей республики (1871 — 1873); автор ряда работ по истории Франции — 87, 89, 95, 248, 473.

У.

- Уатс* (Watts), *Джон* (1818 — 1887) — английский публицист и общественный деятель, оуэнист — 182.
- Уатт* (Watt), *Джеймс* (1736 — 1819) — изобретатель паровой машины в Англии во время промышленного переворота — 301.

- Уркхарт* (Urquhart), *Давид* (1805 — 1877) — английский дипломат и публицист, туркофил и руссофоб; в 30-х годах служил в константинопольском посольстве; в 1847 — 1852 гг. член парламента, противник политики Пальмерстона — 5, 6, 26.
- Уэджфильд* (Wakefield), *Эдуард-Гиббон* (1796 — 1862) — английский колониальный деятель и литератор, автор цитируемого в тексте произведения «England and America. A comparison of the social and political state of both nations» («Англия и Америка. Сравнение социального и политического состояния обеих наций»). Лондон, 1833 г.) — 194, 204, 211.
- Ф.**
- Фальмерайер* (Fallmerayer), *Филипп Якоб* (1790 — 1861) — путешественник по Востоку, в 1848 — 1849 гг. профессор в Мюнхене; уволен за участие во Франкфуртском парламенте; автор работы «История полуострова Морей» (1830 — 1836) и др. — 429.
- Феокрит* (III в. до хр. э.) — греческий поэт из Сиракуз (Сицилия); произведения Феокрита относятся приблизительно к 275 — 270 гг. до хр. э. — 432.
- Фердинанд VII* (1784 — 1833) — испанский король в 1808 г. и с 1814 по 1833 г. — 404.
- Ферри* (Ferru), *Жюль* (1832 — 1893) — французский буржуазный государственный деятель, умеренный республиканец, в 1880—1881 и 1883—1885 гг. премьер-министр, организатор военно-колониальных экспедиций для захвата Туниса, Мадагаскара и Тонкина — 386.
- Филипп II* (382 — 336 до хр. э.) — македонский царь с 359 г., отец Александра Македонского — 423.
- Филон* (ок. 20 до хр. э. — 50) — иудейско-эллинистический философ I в. н. э., родоначальник аллегорического толкования Библии, оказавший влияние на идеологию христианства — 415.
- Фишер Рихард* (1855—1926) — германский социал-демократ, наборщик, потом журналист; в 1876—1877 гг. редактор «Volkswille», в 1877—1878 гг. редактор «Berliner Freie Presse», в 1890—1893 гг. секретарь Социалистической партии Германии. Примыкал к центристам. Во время войны социал-шовинист — 94.
- Флави* — древнеитальянский род; из римских императоров к нему принадлежали Веспасиан, Тит и Домициан («династия Флавиев») — 415.
- Флоке* (Floquet), *Шарль-Тома* (1828 — 1896) — французский государственный деятель, буржуазный радикал, в 1888—1889 гг. премьер-министр; в 1889—1893 гг. председатель палаты депутатов; пользовался средствами Панамской компании и был разоблачен в 1893 г. — 332.
- Флокон* (Flocson), *Фердинанд* (1800 — 1866) — французский мелкобуржуазный радикал, в 1845 — 1848 гг. редактор левореспубликанской газеты «Réforme», член Временного правительства 1848 г.; после переворота Луи Бонапарта эмигрировал из Франции — 382.
- Фогт* (Vogt), *Карл* (1817 — 1895) — немецкий естествоиспытатель и публицист, член Франкфуртского национального собрания и имперского регентства, в эмиграции один из лидеров мелкобуржуазной демократии; с 1852 г. профессор в Женеве, платный агент бонапартизма; разоблачен в памфлете Марка «Господин Фогт», Лондон, 1860 — 258, 385.
- Фольмар* (Vollmar), *Георг-Генрих*, фон (1850 — 1922) — германский социал-демократ, бывший офицер, в 1879 — 1880 гг. редактор цюрихского «Sozialdemokrat», в 1881 — 1886 и в 1890 — 1918 гг. член рейхстага; с начала 90-х годов один из вождей оппортунизма — 436.
- Фонтана* (Fontana), *Джузеппе* (1840 — 1876) — мадзинист, зам. председателя Совета итальянского товарищества рабочих в Лондоне («Общество совместного прогресса»); член Генерального совета I Интернационала с 1864 г., вышел из состава совета в связи с делом Лефора (1865); бакунист; в 70-х годах был в Испании; один из организаторов рабочего движения в Португалии — 332.
- Форстер* (Forster), *Вильям* (1818 — 1886) — английский либерал, с 1861 г. член парламента, в 1865 — 1866 гг. товарищ министра колоний, в 1880 — 1882 гг. секретарь по делам Ирландии, противник гомруля — 304, 305.
- Фортис* (Fortis), *Александро* (1842 — 1909) — итальянский адвокат, в молодости гарибальдиец, с 1880 г. член палаты депутатов, в 1898 — 1899 гг. министр земледелия, торговли и промышленности, в 1905—1906 гг. министр-президент и министр внутренних дел — 331.

Фосуэтт (Fawcett), *Генри* (1833 — 1884) — английский либерал, профессор политической экономии, автор цитируемого в тексте произведения «The Economic Position of the British Labourer» («Экономическое положение британского рабочего», Лондон, 1865) — 189.

Франц фон-Зиккинген — см. *Зиккинген*.
Фрейсине (Freycinet), *Шарль-Луи де-Сольс* (1828 — 1923) — французский буржуазный государственный деятель, республиканец, был министром общественных работ (1877 — 1879), иностранных дел и премьером (1879 — 1880, 1882, 1886), военным министром (1888 — 1893), председателем совета министров (1890 — 1892); подал в отставку в связи с компрометировавшими его разоблачениями по панамскому делу; в 1915 — 1916 гг. входил в кабинет Бриана — 332.

Фридрих I («Великий») (1712 — 1786) — прусский король (1740 — 1786) — 12, 14, 344, 460, 481.

Фридрих III (1831 — 1888) — прусский король и германский император (1888) — 42.

Фридрих-Вильгельм II (1744 — 1797) — прусский король (1786 — 1797) — 16.

Фридрих-Вильгельм III (1770 — 1840) — прусский король (1797 — 1840) — 21.

Фридрих-Вильгельм IV (1795 — 1861) — прусский король (1840 — 1858) — 27.

Фриц («Старый Фриц») — см. *Фридрих II*.

Фуггеры (Fugger) — крупнейшая аугсбургская купеческая и банкирская фирма в XV — XVI вв. — 502.

Фурье (Fourier), *Шарль* (1772 — 1837) — 99, 127, 422.

Х.

Хантер (Hunter), *Генри-Джозуэен* — английский врач — 181.

Христиан IX (Гольштейн-Зондербург-Глюксбургский (1818 — 1906)) — кандидат на датский престол с 1852 г. и король Дании с 1863 г. — 27.

Ц.

Цезарь, Гай-Юлий (ок. 102 — 44 до н. э.) — римский полководец, диктатор Рима (48 — 44 гг.), автор «Записок о Галльской войне» — 124.

Ч.

Чапка (Сзарка), барон — 363.

Чернышевский, Николай Гаврилович (1828—1889) — 389, 390, 391, 396, 399.

Ш.

Шатобриан (Chateaubriand), *Франсуа-Рене* (1768 — 1848) — французский писатель-романтик, дипломат и политический деятель, поддерживал католическую и роялистскую реакции — 23.

Шефтсбери (Shaftesbury), *Антон-Элли* (1671 — 1713) — английский философ-деист — 299.

Шиптон (Shipton), *Джордж* — английский тред-юнионист, редактор газеты «Labour Standard», либеральный рабочий политик — 57.

Шмидт (Schmidt), *Конрад* (1863 — 1932) — немецкий социал-демократ, экономист, один из основателей ревизионистского органа «Sozialistische Monatshefte». Энгельс имеет в виду статью Ш. «Средняя норма прибыли на основе марксова закона стоимости» — 495.

Шорлеммер (Schorlemmer), *Карл* (1834 — 1892) — известный химик, друг Маркса и Энгельса, биографию см. в тексте — 310 — 312.

Шотт (Schott) — переводчик Лукиана Самосатского — 411.

Штернберг, Лев Яковлевич (1861 — 1927) — народоволец, этнограф; будучи сослан царским правительством на Сахалин, занялся изучением быта гиляков; после революции профессор в Ленинграде, член-корреспондент Академии наук — 322, 324.

Штраус (Strauss), *Давид-Фридрих* (1808—1874) — немецкий теолог и историк, гегельянец, автор книги «Жизнь Иисуса», в которой дана попытка исторической критики Евангелия — 414.

Штумм (Stumm), *Карл-Фердинанд*, барон (1836 — 1901) — немецкий капиталист, совладелец и управитель металлургических заводов в Нейкирхене, Диллингене и Бурбахе, в 1867—1881 и с 1889 г. член рейхстага, один из лидеров консерваторов — 459.

Э.

Эвальд (Ewald), *Георг-Генрих* (1803 — 1875) — немецкий ориенталист и теолог, исследователь библии; главная работа: «История израильского народа» — 426.

Эвелинг (Aveling), *Эдуард* (1851 — 1898) — английский социалист, по профессии врач, член Социал-демократической федерации и один из

основателей Социалистической лиги (1884); в 1893 — 1895 гг. член Независимой рабочей партии; был женат на дочери Маркса Элеоноре — 55, 58.

Эвелинг (Aveling), *Элеонора* — см. *Маркс, Элеонора*.

Эд (Eudes), *Эмиль* (1844 — 1888) — бланкист, член Парижской коммуны, до 4 апреля военный делегат Коммуны; после поражения эмигрировал за границу — 89, 386.

Энгельман (Engelmann), *Пауль* (1854 — 1917) — венгерский социал-демократ, позднее буржуазный журналист — 325.

Энгельс (Engels), *Фридрих* (1820—1895) — 50, 61, 64, 72, 76, 230, 232, 233, 256, 257, 258, 260, 371, 436, 438, 483, 510.

Эпикур (342 — 270 до хр. э.) — греческий философ-материалист — 255.

Эренфрейд (Ehrenfreund), *Исидор* — служащий Венского института банка и кредита — 45.

Эрнст (Ernst), *Пауль* (1866 — 1933) — немецкий публицист, впоследствии критик и драматург; в конце 80-х годов примкнул к социал-демократической партии и работал в редак-

циях социал-демократических газет; один из вождей полуанархистской оппозиции «молодых»; после войны примкнул к фашизму — 72, 75, 76, 77.

Эсхил (525 — 456 до хр. э.) — древнегреческий драматург — 119.

Ю.

Юнг (Young), *Артур* (1741 — 1820) — английский путешественник, автор ряда произведений, описывающих состояние сельского хозяйства в Англии, Ирландии, Испании, Франции и Италии — 181.

Юр (Ure), *Эндрью* (1778 — 1857) — английский химик и экономист — 223.

Я.

Янчук, Николай Андреевич (1859 — 1921) — русский этнограф, основатель и хранитель Московского этнографического музея; один из организаторов и долголетний председатель музыкально-этнографической комиссии Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии — 322.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

- Австралия*, открытие золота — 264.
Австрия — 453, 471, 472, 482, 510; сокращение срока военной службы — 347, 357, 358;
— и Пруссия — 15, 21, 31, 32, 348;
— и Россия — 12, 21, 33.
См. также *Международное рабочее движение*, *Социал-демократия*.
Австро-прусская война (1866 г.) — 32, 86, 348.
Агностицизм, как «стыдливый материализм» — 292; критика а. — 292 — 294; неокантианский а. — 293.
Аграрная программа французской социал-демократии (1892 — 1894 гг.) — 445 — 447; ее критика — 447 — 460; вопрос о налогах — 451 — 452; отношение партии к мелкому крестьянству, к сельскому пролетариату — 456, 458 — 459; отношение к среднему крестьянству — 458; к крупному землевладению — 459.
Адрианопольский мир (1829 г.) — 25.
Акционерные общества — 105, 115, 506, 510, 511.
Алой и Белой роз войны — 298.
Альмогады и Альморавиды — 410.
Альянс социалистической демократии — 319 — 320.
Америка — 266, 274, 297, 510; открытие золота в Калифорнии — 264; особенности капиталистического развития — 49, 264, 303; покровительственные тарифы — 315 — 316; А. и Англия — 14, 316, 317.
См. также *Соединенные Штаты*.
Английская конституция — 313.
Английский рабочий класс — см. *Международное рабочее движение*, *Пролетариат*, *Тред-юнионы*, *Чартизм*.
Английское право — 300.
Англия — 180 — 185, 187 — 189, 263 — 278, 291, 297, 313, 315, 398, 465, 504, 510, 512; промышленная революция — 301, 302; политическая литература — 313; отмена законов против коалиций (1824 г.) — 302; парламентские реформы: 1831 г. — 270, 302; 1867 г. — 271; 1884 г. — 271, 305; бюджет (1894) — 451 — 452; — и Америка — 14, 316, 317; — и Германия — 304; — и Россия в XVIII в. — 12, 16; в XIX в. — 5, 20, 24, 28, 33, 34, 354, 360.
См. также *Крымская война* — 14.
См. также *Революция буржуазная в Англии*.
Антисемитизм, *антисемиты* — 454, 457, 458; классовые корни и реакционная роль а. — 45 — 47.
Античный мир — 315, 377, 422, 432, 435.
См. также *Афины*, *Римская империя*.
Апокалипсис — 416, 417, 421, 424, 427, 428.
Апостольские послания — 415, 430 — 431.
Аристократия, землевладельческая в Англии — 298, 301, 302, 304, 305; в Германии — 145, 355.
Армения и Россия — 9, 33, 35.
Армия, в буржуазном государстве — 95, 337; вопрос о постепенном упразднении постоянных а. — 337; всеобщая воинская повинность и рекрутский набор — 338; милиционная система — 345, 346;
— австрийская — 341;
— германская, прусская — 244, 339, 340, 341, 344, 348, 349, 355 — 357, 461, 478;
— русская — 350 — 352, 399;
— французская — 339, 340, 348, 349, 351, 356, 357, 478.
«*Армия спасения*» — 303.
Аустерлиц, битва (1805 г.) — 19.
Афганистан — 34.
Афины — 435; разложение родового строя — 395.
Африка, религиозные восстания магометан — 410; колониальный раздел А — 512.

Б.

- Бавария* (XVIII в.) — 12.
Бакунисты, в I Интернационале — 67, 81, 318 — 320; в Испании и в Италии — 420.
Балканы — 35; военное значение для России в XVIII в. — 10.
Банат — 35.
Баррикады, баррикадные бои — 476 — 478, 481.
Бедуины — 410.
Белок, белковые тела — 294.
Белоруссия — 10 — 11, 16.
Бельгия — 274; и Франция (XVII в.) — 12.
 См. также *Международное рабочее движение*.
Берлинский договор (1878 г.) — 33.
Бессарабия и Россия (XIX в.) — 21, 35.
Библия, немецкая критика Б.: тюбингенская школа — 414 — 416; критика Б. Бауэром — 415, 416.
Биржа, возрастание роли в капиталистическом обществе — 510 — 512.
Бланкисты — 142, 385, 386, 420; в Парижской коммуне — 90 — 92.
Богатство, критика Эрфуртской программы по вопросу о б. — 105, 115.
Болгария — 32 — 33.
Бонапартизм — 31, 85, 86, 441, 467, 472.
Босфор — 10, 34, 38, 39.
Буржуазия, в борьбе с феодализмом — 295, 296, 298, 303, 337; политическая власть б. — 303 — 304, 377; и пролетариат — 30, 37, 45, 46, 85, 95, 96, 152, 265, 266, 269, 271, 308, 327, 373, 403, 404, 471, 472, 476; и развитие науки — 296;
 — австрийская — 403;
 — английская — 297 — 299, 301 — 305, 307;
 — бельгийская — 364;
 — германская — 245, 306, 307, 308, 317;
 — голландская — 316;
 — итальянская — 377;
 — русская — 30, 251, 399, 400;
 — французская — 22, 250, 268, 306 — 307.
Бухарестский мир (1812 г.) — 21.

В.

- Валахия* — см. *Дунайские княжества*.
Великороссия — 10, 16, 393.
Венгрия — 271, 282, 471; развитие капитализма в В. — 405; революция 1848 г. в В. и Россия — 27, 28.

- Венеция*, торговля — 502, 504.
Венский конгресс (1814 г.) — 21.
Веронский конгресс (1822 г.) — 23.
Вестфальский мир (1648 г.) — 11, 15.
«Весть в себе» — 293.
Виги, английские — 305.
Война, подготовка в. в Европе и России (90-ые гг.) — 37, 40, 247, 354, 338; роль Англии — 360; о возможности разоружения — 338; о сокращении сроков военной службы — 340 — 360; военная техника — 43, 343 — 345.
 См. еще *Социал-демократия, Эльзас-Лотарингия*, а также отдельные войны, например *Австро-прусская, Итальянская, Крымская* и др.
Восприятие — 292 — 293.
Восстание — 43 — 44, 476 — 478, 481, 482, 483.
Всеобщее избирательное право и рабочее движение — 370, 474, 475.

Г.

- Ганза*, торговые связи — 111.
Германия — 22, 40 — 43, 110, 266, 271, 274, 327, 328, 399, 404, 453, 460, 461, 472, 484, 485, 510, 511; положение Г. после Тридцатилетней войны — 11 — 12, 73; развитие капитализма в Г. — 372 — 373, 508; охранительные пошлины, промышленность (1890 г.) — 41, 315, 317; внутренняя политика (1891 г.) — 245; значение разоружения (1893 г.) — 358 — 359; остатки феодализма в Г. — 105, 116.
 — и Америка — 317;
 — и Англия — 304;
 — и Россия (с XVII в.) — 12, 15, 17 — 19, 32 — 33, 245, 246, 326, 354, 355;
 — и Франция (XVIII — XIX вв.) — 11 — 12, 15, 18, 32, 38, 40, 245, 248, 354;
 — и Швеция (1648 г.) — 11.
 См. также *Пруссия, Социал-демократия, Крестьянская война в Германии, Geföherschaften*, на Мозеле — 390.
Германская конституция — 107; соответствующие требования в Эрфуртской программе — 110 — 112.
Германцы древние, мифология — 431.
Гиляки, образ жизни — 322; семейно-родовые учреждения — 322 — 324.
Гимнастика, военная в школе — 345 — 346, 358.
Голландия — 70, 297, 316, 354, 359; торговля — 501, 503.
Города, при капитализме — 266.

Государство — 387, 484—485; о необходимости уничтожения буржуазной государственной машины — 92; обособление г. от общества — 93; как орудие классового господства — 94; идеалистическая концепция г. — 94.
См. также *Диктатура пролетариата*.
Готская программа — 81.
Греция, национальные восстания в Г. и Россия — 22 — 23.

Д.

Дания — 31, 70, 455.
Движение, в понимании английских материалистов XVII в. — 289.
Дворянство, австрийское — 403; германское — 355; испанское — 404; русское — 7, 352 — 354.
Диал — 299, 300.
Демократия — 387.
Деньги, переход к металлическим д. — 499—500.
Диктатура пролетариата — 94, 109, 110; необходимость уничтожить старую государственную машину — 92; д. п. — средство преобразования общества — 378, 434 — 435.
См. также *Парижская коммуна*.
Дунайские княжества и Россия — 19, 24, 26, 27, 32, 35.

Е.

Египет, в войне 1825 — 1827 гг. — 24; — и история христианства — 416 — 417.
Естествознание и Гегель — 311.

Ж.

Жертвоприношения — 418.
Жизнь (биологич.) — 294.

З.

Задруга, южно-славянская — 392, 393.
Закон против социалистов в Германии — 41, 44, 70, 77, 83, 99, 103, 145, 243, 244, 312, 369, 372, 435, 474.
Заработная плата — 132 — 134.
Земельная собственность, в Америке и России — 49.
Земский собор — 482.

И.

Иена, битва — 19, 357.
Израиль, древний — 425, 427.
Индия — 14, 34, 36, 297, 316, 442, 504.
Интернационал I — 258, 284, 368, 419, 472; программа I И. — 50 — 51; И. и франко-прусская война — 31—32, 83, 84; борьба внутри I И. — 318 —

319, 368; перенесение Генсовета в Нью-Йорк — 259, 368; историческая роль — 52, 98;
— Женевский конгресс (1866 г.) — 52, 319;
— Лондонская конференция (1871 г.) — 67, 318, 319;
— Гаагский конгресс (1872 г.) — 81, 144, 259, 320.

См. также *Бакунисты*.

Интернационал II — 138 — 143; Парижский конгресс (1889 г.) — 52, 368; Брюссельский (1891 г.) — 144, 368; Цюрихский (1893 г.) — 368 — 369.

Иоменри (yeomanry) — 297.

Ирландия — 388.

Прокезы, система родства и брак — 123.

Ислам — 410.

Испания — 22, 23, 385, 410; торговля — 502, 504; всеобщее избирательное право — 474.

История, материалистическое объяснение — 295, 465 — 466; значение открытия материнского рода для первобытной и. — 126.

Италия — 22, 23, 37, 271, 282, 326, 327, 377 — 382, 404, 432, 434 — 435, 502, 505; финансовые аферы (1893 г.) — 328—334; вопрос о сокращении срока военной службы — 347, 357 — 358; перспективы революции и тактика социал-демократии (1893 г.) — 378.

Итальянская война (1859 г.) — 31.

К.

Каббала — 417, 427.

Кавказ — завоевание русскими — 9, 126.

Казаки, уральские — 390.

Кальвинизм, 297.

Капитал, ростовщический — 498; торговый — 501, 505, 506, 507; промышленный — 505, 508, 509; процесс производства к. в «Капитале» Маркса — 375.

Капиталистическое производство, способ производства — 105, 106, 263, 265, 275, 432, 495; и крестьянское хозяйство — 436, 442, 444, 449, 456; противоречия капитализма — 136, 391.

Кельнский процесс коммунистов (1852 г.) — 50, 258.

Китай — 264, 316.

Клан, кельтско-шотландский — 393.

Классовая борьба, классы — 37, 268, 404, 432, 435, 469, 471, 481 — 482; движущая сила исторического прогресса — 435; уничтожение классов — 106 — 107, 402, 435.

Кодекс Наполеона — 300, 445, 448.
Коммунизм, коммунисты — 136, 241, 386, 410; утопический — 52, 241, 410, 412, 413; коммунисты и социал-демократы — 386.
Консерваторы, английские — 277.
Константинополь, как цель внешней политики России с XVIII в. — 9, 10, 17, 19, 22, 25, 27, 32, 33, 35 — 39, 251.
Континентальная система и Россия — 20.
Крепостное право, отмена в Пруссии — 252; в России — 30, 252, 352, 398.
Крестьянская война в Германии — (1525 г.) — 296.
Крестьянство, крестьянский вопрос — 105, 106, 401, 410, 423, 441 — 461; расслоение к. с развитием капитализма — 405, 436; к. в буржуазных революциях — 297; к. и крупная промышленность — 253, 353, 444; мелкое к. — 436, 443, 445, 453, 456; переход от мелкокрестьянских хозяйств к коллективным — 456; политика социал-демократии в отношении к. — см. *Аграрная программа*;
 — английское — 181, 441;
 — бельгийское — 442;
 — датское — 455;
 — немецкое — 296, 441 — 443, 460, 461;
 — норвежское — 74;
 — русское — 30, 49, 252 — 254, 353, 354, 389, 391, 400;
 — французское — 253, 441, 442, 453.
 См. также *Крепостное право, Община*.
Кризисы промышленные — 268, 274, 313 — 314; к. 1847 г. — 263, 269, 270; к. 1857 г. — 183, 272; к. 1866 г. — 272, 273.
Крымская война (1854 — 1856 гг.) — 27, 28, 29, 34, 394.
 См. также *Парижский мир*.

Л.

Лассаль, лассальянцы — 51, 81, 103, 242, 386; «железный закон заработной платы» — 170; «производственные товарищества» — 386; л. и эйзеннахцы — 242, 243, 286.
Лейпцигская битва (1813 г.) — 21.
Либералы, английские — 5, 270, 277 — 278, 305, 360; русские и вопрос о крестьянской общине — 396.
Лига против хлебных законов (Англия) — 302.
Литва — 10 — 11.
Люневильский мир (1801 г.) — 18.
Лютеранство — 296, 297, 430.

М.

Магометане, религиозные восстания — 410.
Малая Азия — 10, 416; раннее христианство — 417, 422, 429.
Малороссия — 10 — 11, 16.
Мануфактура — 508; и крестьянство — 253.
Материя и движение — 289, 290.
Материализм — 288, 290, 292; и Великая французская революция — 300 — 301; английский м. XVII в. — 288 — 289; деистическая форма м. в Англии — 299; французский м. XVIII в. — 290, 299, 300.
Материалистический метод — 73.
Материалистическое объяснение истории — см. *История*.
«Материнское право» — 122, 125, 126.
Международное рабочее движение — 79, 327, 368; начальный период — 412 — 414; и поражение революции 1848 г. — 50; и поражение Парижской коммуны — 473 — 474; и всеобщее избирательное право — 474; и крестьянство — 441; см. также *Крестьянский вопрос*;
 — в Австрии — 54, 59, 309, 326, 363, 364, 370, 371, 403;
 — в Англии — 46, 54 — 59, 276 — 278, 307 — 308, 361 — 362, 364; см. также *Чартизм, Тред-юнионы*;
 — в Бельгии — 138, 141 — 143, 364, 482;
 — в Богемии — 53;
 — в Болгарии — 367, 482;
 — в Венгрии — 405;
 — в Германии — 40, 59, 70, 241 — 250, 308, 326, 363, 364, 386;
 — в Дании — 142, 482;
 — в Испании — 97, 142, 320, 404;
 — в Италии — 142, 320, 326, 377 — 382, 434, 435, 482;
 — в России — 387, 397, 399;
 — в Румынии — 482;
 — во Франции — 84 — 85, 308, 363, 364, 386; см. также *Парижская коммуна*;
 — в Швейцарии — 138, 141, 482;
 — в Швеции — 142.
 См. также *Интернационал, Революция 1848 г.*
Международное товарищество рабочих — см. *Интернационал I*.
Мекленбург — 482.
Мелкая буржуазия — 73 — 75, 105, 106, 468 — 469, 471; итальянская — 377 — 381; норвежская — 74.
Мещанство, в Германии — 73 — 74;
 норвежское «мещанство» — 73 — 75.

Мировой рынок — 315; влияние развития транспорта — 264; и кризисы — 313.

Младогегельянцы — 255.

Молдавия и Валакия — см. *Дунайские княжества*.

Монотеизм — см. *Религия*.

Мышление — 290, 294, 419.

Н.

Наваринская битва (1827 г.) — 24.

Наполеоновские войны (1805 и 1812 — 1815 гг.) — 9, 19, 20.

Натуральное хозяйство — 497 — 498.

Нация — 327, 423.

Нигилизм в России — 30.

Никейский собор (325 г.) — 418, 419.

Номинализм как первое выражение материализма — 288.

Норвегия, конституция — 73; литература — 73 — 74; классы — 73 — 75;

— и Россия — 17, 19, 21.

О.

Обмен, в первобытном обществе — 497; между крестьянами и ремесленниками в средние века — 498 — 499; в Египте и Вавилонии — 501; торговли с Востоком и Америкой — 504.

Община первобытная — 435; родовая о. — 393.

Община крестьянская, в России — 30, 350, 388 — 392, 396, 398; разложение — 253, 392, 394, 395, 398, 400, 401, 444; вопрос о возможности непосредственного перехода в социалистическое общество — 49, 391, 394.

Общинное землевладение, свойственно всем народам на известной ступени развития — 388; у германцев, индусов, кельтов — 388, 391, 501 — 502; в России — 392 — 394; в Ирландии и Шотландии — 388.

«Откровение Иоанна» — 416, 417, 420, 421, 424, 427, 428.

П.

Панамское дело (1888 г.) — см. *Франция*.

Парижская коммуна — 84, 86 — 87, 95, 97, 283 — 284, 402, 473, 474, 483; деятельность П. к. — 88 — 90, 92, 93; П. к. как диктатура пролетариата — 89, 94, 473; историческое значение П. к. — 90.

Парижский мир (1856 г.) — 16, 29, 30, 33.

Партия, пролетарская, требования к членам пролетарской п. — 62; о составе пролетарской п. — 451; программа п. — 103; и крестьянство — 442, 454.

См. также *Аграрная программа, Диктатура пролетариата, Крестьянский вопрос, Социал-демократия, Эрфуртская программа*.

Переходный период — 136.

См. также *Диктатура пролетариата*.

Персия — 34; религиозные восстания — 410; П. и Россия — 12.

«Полис» античный — 422.

Политическая экономия — 263; взгляды классической п. э. — 130 — 133, 135.

Польша, XVIII в. — 10, 11, 16, 17; XIX в. — 20, 38, 282, 471, 472; разделение Польши (XVIII в.) — 16; восстание 1830 г. — 25 — 27; промышленность (1892 г.) — 281; П. и революция в Европе — 16;

— и Австрия (XVIII в.) — 16;

— и Пруссия (XVIII в.) — 14, 16;

— и Россия — 10, 12, 14, 16, 21, 281.

Португалия — 504.

Посибиллисты — 92, 138, 141 — 143.

Право, английское — 300; староримское — 300.

Право на труд — 467.

Пражский мир — 358.

Прибавочная стоимость — 133 — 135, 265, 506; распределение п. с. — 375 — 376, 494, 495, 496, 507.

Прибыль, средняя норма п. — 495, 496, 503 — 505, 508 — 509; роль торгового капитала в образовании нормы п. — 503 — 504.

Производство, три стадии промышленного п. — 288.

См. также *Капиталистическое производство, Товарное производство*.

Пролетариат — 39, 48, 52, 115, 135, 433; и буржуазия — см. *Буржуазия* и пролетариат; и национальная вражда — 53;

— австрийский — 147;

— американский — 48, 49, 266 — 267;

— английский — 59, 60, 181 — 185, 187, 188, 267, 270, 272, 273, 275, 276, 305, 307, 308, 317, 361 — 362;

— германский — 73 — 74, 249, 306, 308;

— голландский — 316;

— еврейский в Турции — 46;

— испанский — 404;

— итальянский — 378;

— польский — 281, 282;

Пролетариат русский — 49, 367;
— французский — 84, 85, 306.
См. также *Диктатура пролетариата*,
Международное рабочее движение,
Тред-юнионы, *Чартизм*.
Промышленность, крупная капитали-
стическая — 80, 152, 262, 264, 281,
448.
Профессиональные союзы — 151 — 152.
См. также *Тред-юнионы*.
Прудон, *прудонисты* — 91, 97, 259,
420; в I Интернационале — 90, 319;
в Парижской коммуне — 90 — 92.
Пруссия — 18, 110, 341;
— и Австрия (XVIII в.) — 15;
XIX в. — 21;
— и Англия (XVIII в.) — 12;
— и Польша (XVIII в.) — 14, 16;
— и Россия (XVIII в.) — 12, 14,
16, 31;
— и Франция (XVIII в.) — 12, 14;
XIX в. — 32.
Пушка — 343, 344.

Р.

Рабочая аристократия в Англии — 272,
273, 275.
Рабочая сила как товар — 130; ее стои-
мость — 134, 135.
Рабочее движение — см. *Международ-
ное рабочее движение*.
Рабочее законодательство — 151 — 152;
в Англии (40-х годов) — 183, 271.
Рабочий день, борьба за сокращение —
55 — 57, 267.
Рабочий класс — см. *Пролетариат*.
Разделение труда, влияние на рабо-
чего — 346.
Разоружение — см. *Война*.
Революция — 469, 470;
— буржуазная в Англии (XVII в.) —
297, 298, 300, 302, 470;
— буржуазная во Франции (1789 —
1794 гг.) — 17, 21, 109, 249, 268,
291, 297, 300, 301, 444, 481;
— и Польша — 16;
— и Россия — 16, 17;
— право на р. — 482 — 483.
См. также *Восстание*, *Парижская
коммуна*.
Революция 1848 г. — 36, 129, 242, 271,
302 — 303, 327, 468, 470, 476; роль
пролетариата — 326; в Вене — 26, 27;
в Венгрии и Россия — 27; в Гер-
мании — 26, 297, 477; во Франции —
50, 85, 257, 269, 441, 442, 466, 477.
Reglement Organique (1831 г.) — 26.
Религия — 299, 306, 307; монотеизм и
политеизм — 429, 431.

См. также *Кальвинизм*, *Христиан-
ство*.
Реформация в Германии — 296.
Рим, *Римская империя* — 409, 422, 423,
426, 427, 435; и христианство — 409,
415, 417, 485 — 486.
Род — 125 — 126; родовые учреждения
у гилляков — 322 — 324; у ирокезов —
322; р. месть — 323; разложение р.
строия в Афинах — 395.
Россия — 6, 7, 13, 30, 144, 359, 482; завое-
вательная политика с XVIII в. —
8 — 10, 21, 34, 35, 38; Р. и революция
1848 г. в Европе — 26 — 27; Р. как
оплот мировой реакции — 5, 35, 39,
48, 49, 246; финансы (90-е годы) —
250 — 251; развитие капитализма и
крупной промышленности — 36, 281,
352, 353, 395, 397 — 400, 471; неурожай
1891 г. — 250 — 251, 253, 254; Р. и
война в Европе — 37, 40, 352; вопрос
о сокращении срока военной службы
(1893 г.) — 349 — 350; перспективы ре-
волюции (1891 г.) — 145, 401; междуна-
родные отношения с XVIII столетия;
— и Австрия — 12, 21, 33;
— и Америка — 355;
— и Англия — 12, 16, 20, 24, 28, 33,
34, 354, 360;
— и Армения — 9, 33, 35;
— и Бессарабия — 21, 35;
— и Болгария — 32 — 33;
— и Германия — 12, 17 — 19, 32,
326, 354, 355;
— и Греция — 22 — 23;
— и Норвегия — 17, 19, 21;
— и Персия — 12;
— и Польша — 10, 12, 14, 16, 21, 26,
27;
— и Пруссия — 12, 14, 16, 21, 27;
— и Румыния — 32, 35;
— и Сербия — 32;
— и Турция — 9, 12, 15, 20, 21, 23,
24 — 27, 32, 33;
— и Финляндия — 17, 19, 21;
— и Франция — 12, 23 — 26, 31 —
35, 38, 39, 41, 83, 246, 250, 355;
— и Черногория — 32;
— и Швеция — 9, 12, 17, 21.
См. также *Крепостное право*, *Общи-
на*, *Русская дипломатия*.
Румыния и Россия — 32, 35.
Русская дипломатия — 6 — 9, 17 — 19,
21 — 23, 26 — 27, 30 — 31, 32, 34 — 36;
Русское «просвещение» XVIII в. — 13,
14, 15.
Русско-турецкие войны (1768 — 1774,
1787 — 1791, 1806 — 1812, 1828 —
1829 и 1877 — 1878 гг.) — 15, 19,
21, 25, 32.
Рынок — см. *Мировой рынок*.

С.

- Санкюлоты* — 249.
Сан-Стефанский договор (1878 г.) — 32.
Священный союз (1815 г.) — 21, 22, 25.
Седан, битва — 340.
Семиградье — 35.
Семилетняя война (1756 — 1763 гг.) — 14.
Семья, история — 117 — 128; патриархальная форма — 118; многоженство — 118; многомужество — 119; критика взглядов Бахофена — 119 — 120; критика взглядов Мак-Леннана — 121 — 123; экзогамные и эндогамные группы — 121 — 123, 125, 127; семья пуналуа — 321, 322; значение труда Л. Моргана — 117, 123 — 124, 126 — 128.
Сербия и Россия — 32.
Сивиллины книги — 417.
Сирия — 416.
Сицилия — 432.
Соединенные Штаты Северной Америки — 16; развитие земледелия — 48 — 49; эмиграция в С. Ш. и европейское рабочее движение — 48.
Социал-демократическая федерация (английская) — 56 — 59, 142.
Социал-демократия — 442, 471; и война — 241, 245, 248 — 250; отношение к России (XIX в.) — 5 — 6, 40, 248, 249;
 — австрийская — 137, 147, 309, 370, 371, 403;
 — бельгийская — 141, 142, 435, 482;
 — болгарская — 482;
 — венгерская — 80, 325, 405;
 — германская — 40, 42 — 44, 61, 64, 67, 69 — 71, 76, 77, 81, 243 — 244, 248, 372, 373, 435, 436, 474, 475, 483, 484; пресса — 61, 62, 68 — 70, 78;
 — датская — 455, 482;
 — испанская — 97, 435;
 — итальянская — 377 — 382, 482;
 — румынская — 482;
 — французская — 79, 382, 434, 435, 436, 482;
 — швейцарская — 435, 482.
См. также *Аграрная программа, Закон против социалистов, Лассаль, Партия, Эрфуртская программа. Социал-демократы* и коммунисты — 386.
Социализм, научный — 241 — 242, 267, 467; утопический — 51, 52, 393, 422; феодальный — 46.
См. также *Коммунизм.*
Союз коммунистов — 257, 420.
См. также *Кельнский процесс.*
Спарта — 435.
Специалисты, роль с. в пролетарской революции — 374.

- Способ производства* и общественные отношения — 377.
См. также *Капиталистическое производство.*
Средние века, средневековье — 327, 432, 435, 499; крестьянские восстания — 410.
Стоимость, и цена — 131, 492; с. и цена производства — 496, 505, 508, 509; ва-кон стоимости — 495, 498, 499, 500.

Т.

- Табориты* — 410.
Татары, крымские — 9.
Тешенский мир (1779 г.) — 15, 18, 19.
Тильзитский мир (1807 г.) — 19, 248, 339.
Товарное производство — 287, 288, 449, 501.
Торы, английские — 5, 305.
Тред-юнионы — 50, 51, 56 — 58, 138, 142, 144, 265, 272; «старые» и «новые» (1890 г.) — 55, 276, 277, 307.
Тресты — 105, 511.
Тридцатилетняя война (1618 — 1648 гг.) — 11, 73, 74.
Trucksystem — 265, 267.
Тунис — 511.
Туркестан, завоевание русскими — 34.
Туриция — 20; и Россия с XVIII в. — 9, 12, 15, 20, 21, 23 — 27, 32 — 33.

У.

- Украина* — см. *Малороссия.*
Ункиар-Искелесский договор (1833 г.) — 26.

Ф.

- Феодализм* — 268, 327, 432, 451; и буржуазия — 295, 296, 298, 303; остатки ф. в Германии — 105, 116, 245; остатки в Италии — 377.
Философия, античного мира — 415, 423, 431; новая — 288 — 290, 293 — 294, 299.
Финляндия — 19, 21.
Франко-прусская война (1870 — 1871 гг.) — 31, 83, 86, 87, 338, 348, 472, 473.
Франция — 249, 266, 271, 328, 339, 354, 398, 404, 453, 471, 472, 504; революция 1830 г. — 25; переворот Л. Бонапарта и Вторая империя — 85 — 86; см. также *Бонапартизм*; Панамское дело (1888 г.) — 332 — 334; вопрос о разоружении (1893 г.) — 347, 348, 357 — 360; всеобщее избирательное право — 474;

Франция и *Англия* — 14;
 — и *Бельгия* — 12;
 — и *Германия* — 11, 12, 15, 18, 32,
 38, 40, 245, 248, 354;
 — и *Пруссия* — 12, 14, 32;
 — и *Россия* — 12, 23 — 26, 31 — 35,
 38, 39, 41, 83, 246, 250, 355.
 См. также *Революция*, *Социал-демо-
 кратия*, *Международное рабочее дви-
 жение*, *Пролетариат*.

X.

Халдеи — 417, 427.
Химия — 294; органическая — 310.
Хлебные законы, отмена в *Англии* —
 263, 302.
Христианство, раннее — 409 — 431,
 485 — 486.

Ц.

Цена производства — 496, 505, 508, 509.
Церковь, отделение от государства — 112;
 римско-католическая — 295 — 296.
 См. также *Религия*.
Цехи — 505.

Ч.

Чартизм — 59, 269—272, 303, 305, 306,
 361; как первая рабочая партия —
 302.
Черногория и *Россия* — 32.
Черное море, военное значение для
России XVIII в. — 10.

Ш.

Швейцария — 359; и европейские го-
 сударства — 70; всеобщее избиратель-
 ное право в Ш. — 474; коммунистиче-
 ские общины 40-х годов — 412 —
 413.
Швеция и *Германия* — 11; и *Россия* —
 9, 12, 17, 21.
Школа — 112.
Шлезвиг-Гольштейн — 27, 31, 358.
Шляхта — 282.
Шовинизм — 358 — 359.
Шотландия — 297; крестьянство — 181;
 общинное землевладение — 388.
Шпихерн, битва — 340.

Э.

Эдда — 431.
Эйлау — 19.
Экзогамия — см. *Семья*.
Эльзас - Лотарингия, ее аннексия
 Германией — 32, 37, 41, 83, 245—247,
 339, 358, 473.
Эндогамия — см. *Семья*.
Эрфуртская программа (1891 г.), ее
 критика — 103 — 116; оппортунисти-
 ческое положение о вращении капи-
 талистического общества в социа-
 лизм — 108 — 109, 111; характе-
 ристика политических требований Э.
 программы — 107; крестьянство и
 мелкая буржуазия — 105, 106, 115;
 отсутствие требования уничтожения
 классов — 106 — 107; вопрос об объе-
 единении Германии — 109 — 110; эко-
 номические требования — 112.

СОДЕРЖАНИЕ.

Ф. Энгельс. Статьи и корреспонденции 1890—1895 гг.

	<i>Стр.</i>
Предисловие — В. Адоратский	VII—X
1890 г.	
Внешняя политика русского царизма	3—40
Что же дальше?	41—44
Об антисемитизме (из письма к Эренфрейнду)	45—47
Предисловие к 4-му немецкому изданию «Коммунистического Манифеста»	48—52
Чешским товарищам к 1 мая 1890 г. (воспоминание из времен 1848 г.)	53
4 мая в Лондоне	54—60
Ответ редакции газеты «Sächsische Arbeiter-Zeitung»	61—63
Черновик ответа редакции газеты «Sächsische Arbeiter-Zeitung» . .	64—67
Прощальное письмо читателям газеты «Sozialdemokrat»	68—71
Ответ г. Паулю Эрсту	72—77
В редакцию газеты «Berliner Volksblatt» (в ответ на поздравления к семидесятилетию со дня рождения)	78
Национальному совету Французской рабочей партии (в ответ на поздравления к семидесятилетию со дня рождения)	79
В редакцию газеты «Arbeiter-Wochen-Chronik», Будапешт (по случаю венгерского партийного съезда 1890 г.)	80
1891 г.	
Предисловие к «Критике Готской программы»	81—82
Введение к брошюре Маркса «Гражданская война во Франции»	83—94
К 20-й годовщине Парижской коммуны (письмо в редакцию газеты «Le Socialiste»)	95—96
Письмо к Хозе Меса по поводу испанского издания книги Маркса «Нищета философии»	97
Итальянским социал-демократам (в ответ на приглашение на международный рабочий митинг в Милане 12 апреля 1891 г.)	98
Предисловие к 4-му немецкому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке»	99
К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.	101—116
I. Мотивировочная часть в 10 абзацах	103
II. Политические требования	107
III. Экономические требования	112
Приложение I	115
К истории первобытной семьи (Бахофен, Мак-Леннан, Морган)	117—128
Введение к брошюре Маркса «Наемный труд и капитал»	129—136
Австрийскому партийному съезду в Вене 1891 г.	137
Международный рабочий конгресс 1891 г. (Брюссель)	138—143
О Брюссельском конгрессе и о положении в Европе (из письма к Лафаргу)	144—146

	<i>Стр.</i>
Редакции чешской газеты « <i>Volksfreund</i> » в Брюнне, к десятилетнему юбилею газеты	147
О покойной г-же Маркс (Письмо в редакцию газеты « <i>Daily Chronicle</i> »).	148
Брентано contra Маркс	149—237
История вопроса	151—185
Документы	186—237
I. Инкриминируемые цитаты	186
II. Брентано и Маркс	189
III. Седлей Тейлор и Элеонора Маркс	213
IV. Энгельс и Брентано	222
Социализм в Германии	239—254

1892 г.

Маркс, Генрих-Карл. Статья для « <i>Handwörterbuch der Staatswissenschaften</i> »	255—261
Предисловие к английскому и ко второму немецкому изданиям книги «Положение рабочего класса в Англии»	262—278
Предисловие ко второму польскому изданию «Коммунистического Манифеста»	281—282
К 21-й годовщине Парижской коммуны	283—284
Предисловие ко второму немецкому изданию книги Маркса «Нищета философии»	285
Введение к английскому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке»	286—308
Австрийскому партийному съезду в Вене 1892 г.	309
Карл Шорлеммер	310—312
Заметки	313—314
1. О теориях английских «государственных» партий	313
2. О причинах отсутствия кризисов с 1868 г.	—
Выборы президента в Америке	315—317
В редакцию газеты « <i>Berliner Volkstribune</i> » (по поводу статей о Юрской федерации и о М. Бакуanine)	318—320
Вновь открытый случай группового брака	321—324

1893 г.

Правлению венгерской социал-демократической партии	325
Предисловие к первому итальянскому изданию «Коммунистического Манифеста»	326—327
Об итальянской панаме	328—334
Может ли Европа разоружиться?	335—360
Германским рабочим к 1 мая 1893 г.	361—362
Австрийским рабочим к 1 мая 1893 г.	363
Quand même (французским рабочим к 1 мая 1893 г.)	364
В редакцию болгарского сборника «Социаль-Демократъ»	367
Речь на Цюрихском конгрессе II Интернационала	368—369
Речь на социал-демократическом собрании в Вене 14 сентября 1893 г.	370—371
Речь на социал-демократическом собрании в Берлине 22 сентября 1893 г.	372—373
Международному конгрессу студентов-социалистов	374

1894 г.

О содержании третьего тома «Капитала»	375—376
Будущая итальянская революция и социалистическая партия (письмо Турати).	377—382
Предисловие к сборнику « <i>Internationales aus dem Volksstaat (1871—1875)</i> » («Статьи на международные темы из газеты « <i>Volksstaat</i> » (1871—1875)»).	385—387

	<i>Стр.</i>
Послесловие к статье «Социальные отношения в России»	388—401
Национальному совету Французской рабочей партии к 23-й годовщине Парижской коммуны	402
Австрийскому партийному съезду 1894 г.	403
Испанским рабочим к 1 мая 1894 г.	404
Венгерскому партийному съезду в Будапеште 1894 г.	405
К истории раннего христианства	407—431
Последнее слово Италии (письмо в редакцию сицилийского журнала «Riscossa»)	432—433
Социализм международный и социализм итальянский (письмо в редак- цию журнала «Critica Sociale»)	434—435
Письмо в редакцию газеты «Vorwärts» (к прениям по аграрному во- просу)	436—437
О IV томе «Капитала» Маркса	438
Крестьянский вопрос во Франции и Германии	439—461

1895 г.

Введение к брошюре К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»	463—486
Дополнение к третьему тому «Капитала»	487—512
I. Закон стоимости и норма прибыли	491
II. Биржа	510

УКАЗАТЕЛИ.

Именной указатель	515—529
Предметный указатель	530—537

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

1. Первая страница черновика ответа Энгельса редакции газеты «Säch- sische Arbeiter-Zeitung», на немецком языке	65
2. Первая страница рукописи «Приложения I» к «Критике проекта социал-демократической программы 1891 г.», на немецком языке	113
3. Первая страница рукописи Энгельса «Международный рабочий конгресс 1891 г.», на французском языке	139
4. Первая и вторая страницы предисловия Энгельса ко 2-му польскому изданию «Коммунистического Манифеста», на польском языке	279
5. Первая страница рукописи Энгельса «В редакцию болгарского сбор- ника «Социаль-Демократъ»»	365
6. Ф. Энгельс (1893 г.) между	368—369
7. Первая страница рукописи Энгельса «Будущая итальянская рево- люция и социалистическая партия», на французском языке	379
8. Титульный лист сборника «Статьи на международные темы из газеты «Volksstaat» (1871—1875)»	383
9. Страница из рукописи Энгельса «Введение к брошюре К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг.»». На этой стра- нице — важнейшие места, выпущенные по настоянию германской социал-демократии при печатании рукописи	479

Техред *В. Чуфаринов.*

Корректор *В. Падосек.*

Книга сдана в набор 8 VII 1934 г.

Подписана к печати 22/XI 1933 г.

Партиздат № 517.

ГлавлитБ—31319.

Заказ № 87.

Формат бумаги $68 \times 100^{1/16}$. Печ. л. $34^{5/8}$ (86 400 тип. зн. в 1 бум. листе). Бум. листов $17^{5/16}$.

Тир. 36 000 экз. Бумага фабрики, им. Менжинского. Коленкор Щелковской фабрики.

Фабрика книги «Красный пролетарий» Партиздата ЦК ВКП(б). Москва, Краснопролетарская, 16.